

854

ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА
ЖИВОПИСЬ

ПАНТЕОНЪ

№ 12.

ДЕКАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПАТКЕ. ОД.

СОДЕРЖАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЙ КНИЖКИ:

I.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ. Повѣсть С. С.

II. Исторія и теорія иск-ва

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННОКОВЪ. *Фелисьенъ Давидъ.*

III. Смесь

1. Вечера въ Каютъ-компани. *В. Мельницкаго.*
2. Оба Оксана. Путешествіе Жака Араго (автора «Воспоминаній Слѣпаго.»)
Часть четвертая и послѣдняя.
3. Парижскія письма. *Апполинарія Бонавентуры.*

IV.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Уго Фосколо, его жизнь и сочиненія. **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Метеорологія въ 1854 году и ея будущее успѣхи. — Лунныя фотографіи. **ТЕАТРЫ И ИСКУССТВА:** Шиллеръ на французской сценѣ. **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Рѣшеніе вопроса объ участи сеира Джона Франклина. — Египецъ и Нубія (изъ записокъ французскаго путешественника, статья вторая и послѣдняя.)

V.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

1. БИБЛИОГРАФІЯ.

«Первая любовь». Повѣсть, соч. *А. К...ва.* — «Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С. Петербургскаго учебнаго округа съ 1829 по 1853 годъ, составленное по порученію попечителя С. П. Б. учебнаго округа, тайнаго совѣтника *М. Н. Мусина-Пушкина.* — «Путевыя записки русскаго художника. — *И. Захарова.* — «Любовь поэта» (,) Драматическая фантазія (,) въ трехъ актахъ (,) съ прологомъ. *А. Оводова.*

II. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Рождественскія елки. — Дѣтскія книги — Бенефисъ г. Самойлова. — Вторая часть «Житейской школы» г. Григорьева. — Испанскія танцовщица и танцоръ на нашей сценѣ. — Начало маскератовъ въ Большомъ театрѣ и Дворянскомъ собраніи. — Духовный концертъ въ пѣвческой придворной капеллѣ. — Концерты въ Пассажѣ. — Балы и маскарады нѣмецкаго клуба. — Бла-

городные концерты съ лотереей-аллегри.—Лотерея Общества Поощренія художниковъ.—Сестра милосердія въ Севастополѣ.—Новые виды Севастополя и Крымскіе виды.—Литографическій рисунокъ нашего народнаго гимна.—Англійское знамя въ Петербургѣ.—Новый выпускъ русскихъ классиковъ Смирдина.—Особенные труды нашихъ профессоровъ и академиковъ въ нынѣшнемъ году.—Дары Академіи отъ Императорской фамиліи.—Открытіе желѣзной руды въ Бѣлорусіи.—Усовершенствованіе русскихъ телѣгъ.—Новое развлеченіе, потишманія.—Пикники и ледяныя горы.—Диковинная дѣвушка, появившаяся въ Петербургѣ.—Прощальный обѣдъ адмирала П. И. Рикорда съ флотомъ.—Встрѣча Рикорда съ Нептуномъ.—Кунецъ Василій Рахмановъ.—Письмо къ нему адмирала.—Обозрѣніе хода модъ въ Петербургѣ въ 1854 году.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Москва въ день перваго сентября нынѣшняго года.—Совершенное прекращеніе холеры въ Москвѣ.—Празднество въ первой Московской гимназіи и краткая ея исторія.—Близкій юбилей московскаго Унивѣрситета.—Новое красивое зданіе въ Москвѣ.—Наши зимнія развлеченія.—Балы и маскарады нѣмецкаго клуба и купеческаго собранія.—Спектакли въ нѣмецкомъ клубѣ и нѣчто объ оригинальности московскихъ объявленій.—Зимній хрустальный дворецъ въ бывшемъ Корсаковомъ саду.—Театральныя новости.—Посѣщеніе Москвы г-жею Орловой и пріемъ ея московскою публикой.—Бенефисъ г-жи Львовой-Спнецкой.—Бенефисъ г. Садовскаго.—Г. Васильева.—Г. Соловьева.—Г. Живокинн.—Г-жи Санковской.—Бенефисъ г. Самарина.—Г-жа Берсенева въ роли Офелии.—Театральныя слухи.—Нѣчто о домашнихъ московскихъ театрахъ прежнихъ и настоящихъ.—Открытіе вновь Цирка.—Новости Кузнецкаго моста и Петровки.—Литературныя и художественныя новости.—Новый книжный магазинъ.—Новые матеріалы для древнѣйшей исторіи Славянъ.—Продолженіе изданія г. Мартынова.—Национальныя пѣсни различныхъ народовъ г. Берга.—Новые патріотическіе стихи г. Шевырева.—Духовныя пѣснопѣнія.—Изображеніе Бородинскаго сраженія и переправа чрезъ Березину.—Портретъ Щеголева.—Патріотическія стихотворенія въ лицахъ.—Новое лечебное заведеніе въ Москвѣ.—Машинное печеніе хлѣба по петербургскому образцу.—Большая панорама Каспара.

VI.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 12.

ЛЮБОВЬ, ДОЛГЪ И СОВѢСТЬ. Драма, въ трехъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ и эпилогомъ. Соч. **Я. И. Деметьева.**

ПРИЛОЖЕНІЯ: ОТСУТСТВУЮТЪ

1. Портретъ артиста **А. М. МАКСИМОВА** 1-го.
2. Портретъ **Г. ТАМБЕРЛИКА**, перваго тенора Итальянской Оперы.
3. Музыка: I. **МАЗУРКА** для пѣнія, соч. **В. М. КАЖИНСКАГО**.
II. **ПЕРЛЬ ИСПАНІИ.** Вальсъ, соч. **ВИКТОРА ЭЛЬБЕЛЯ.**

ОП

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ.

2913

ИЗДАВАЕМЫЙ

ФЕДОРЪ КОНИ

ТОМЪ XVIII.

❖ ДЕКАБРЬ. — КНИЖКА ДВѢНАДЦАТАЯ. ❖

1854.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

БИБЛИОТЕКА
А. В. ДУМАРСКАГО

ПАТЕНТЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 29-го Декабря 1854. года.

Ценсоръ Ю. Шидловскій.

ТИПОГРАФІЯ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

I.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Повѣсть С. С.

—

I.

Въ одной изъ нашихъ сѣверныхъ губерній находится небольшой уѣздный городокъ. Не знаю какъ теперь, а лѣтъ за двадцать до настоящаго времени, онъ не останавливалъ вниманія путешественника ровно ни чѣмъ, особенно зимою. Лѣтомъ другое дѣло. Лѣтомъ путешественникъ, при небольшомъ усилии воображенія, могъ найти его положеніе живописнымъ, потому что онъ раскинутъ на берегу озера. Отъ главной улицы къ озеру тянутся кривые переулки, съ маленькими одноэтажными домиками въ пять, три и даже иногда въ одно окно. Нѣкоторые изъ нихъ выкрашены сѣрою, желтою или розовою краскою, стоятъ прямо, и передъ ихъ окнами въ палисадникѣ красуются макъ, ноготки, настурціи, иванъ да марья, подъ защитою двухъ, трехъ, развѣсистыхъ липъ. Къ такому домику обыкновенно ведетъ крыльцо, выкрашенное желтою краскою, съ бѣлыми перилами. Оно не покривилось на бокъ, не вросло въ землю. Войдите въ комнаты: тамъ крашеные полы, покрытые клеенками, тамъ найдете вы залу въ два окна съ бѣлыми кисейными занавѣсами и четыремя рядами соломенныхъ стульевъ, смиренно прижавшихся къ стѣнкамъ, гостиную съ мебелью краснаго дерева, и не рѣдко въ вечерній часъ, проходитъ предъ

такимъ домикомъ, услышите вы звуки дребезжащаго фортепьяна или гитары. Эти красивые домики принадлежать людямъ зажиточнымъ, купцамъ, достаточнымъ мѣщанамъ, или переходятъ по наслѣдству въ поколѣнія какого нибудь чиновника. Они съ гордостью смотрятъ на своихъ собратовъ въ три, два и одно окно. Это не дома, аскорье избы или лачуги, неопредѣленнаго цвѣта. Иногда они до того вросли въ землю, что единственное окно приходится въ уровень съ немощеной улицей, покрытой лѣтомъ зеленою муравой. Передъ ними нѣтъ палисадниковъ. Кой-гдѣ лиловый колокольчикъ покачиваетъ красивою головкой, какъ будто заглядывая въ окно лачуги... Порою пестрая бабочка, пролетая мимо, присядетъ на него отдохнуть, и старушка съ головою повязанною темнымъ платкомъ, и съ чулкомъ въ рукѣ, сидящая у окна, подниметъ глаза отъ работы и полюбуется на бабочку и на колокольчикъ... Или мальчишка въ красной рубашонкѣ, сидящій на зеленомъ коврѣ подъ окошкомъ, протянетъ рученку, съ эгоистическимъ желаніемъ поймать крылатую гостью... Высокія, уродливыя кровли этихъ лачугъ поросли мохомъ. Иногда даже среди моха возвышается цѣлое деревцо; Богъ знаетъ, почему избравшее себя пріютомъ кровлю. Съ улицы на кровлю раскинулись тонкія, гибкія вѣтви березы, печально осѣняющей жилище, которое сторожить она съ незапамятныхъ временъ.

Въ этихъ лачугахъ есть что-то поэтическое. Онѣ напоминаютъ преданія нашей изустной литературы про Бабу-Ягу и про избушку на курьихъ ножкахъ, ту фантастическую литературу, съ которой познакомились мы съ вами въ дѣтствѣ, любезный читатель, въ тѣ золотые годы, когда, помните, бывало, няня зимнимъ вечеркомъ рассказывала вамъ мудренныя похождения небывалыхъ героевъ... На дворѣ бушевалъ вѣтеръ, хлопья снѣга стучали въ окна, а въ печкѣ трещалъ огонекъ, весело озаряя вашу комнатку, и вы съ любопытствомъ, сердечнымъ участіемъ и полнымъ вниманіемъ, забывъ обо всемъ на свѣтѣ, слушали сказаніе о томъ, какъ страдала въ высокомъ теремѣ Марія Царевна, хранимая злымъ чудовищемъ, или какъ странствовалъ по бѣлому свѣту Иванъ Царевичъ, претерпѣвая всякія невзгоды и отыскивая свою суженую...

Они не возвратятся больше, эти золотые годы, и вотъ вся тайна поэзіи, скрытая въ лачугахъ, напоминающихъ сказки!

И утромъ, и вечеромъ все тихо въ этихъ переулкахъ. Экипажъ здѣсь большая рѣдкость. За то здѣсь все напоминаетъ идил-

лю. Козы, гуси, куры и прочія домашнія животныя разгуливаютъ на свободѣ, въ мирѣ и дружелюбно. Только иногда буренушка, лежащая среди улицы, вдругъ встанетъ, вытянетъ шею и ни съ того ни съ сего, затянетъ однообразную, жалобную ноту, на которую черныи, мохнатый барбось, сидящій на заднихъ лапахъ у калитки, отвѣтитъ лаемъ негодованія...

На берегу озера, идиллія является въ полномъ блескѣ. Здѣсь кончается городъ и начинается предмѣстіе. Сначала тянутся огороды, пустыри и лужайки, пересѣкаемые оврагами. Потомъ пойдутъ избы или дачуги съ завалинками, передъ которыми играютъ и валяются въ песокъ ребятишки. На самомъ берегу озера живописно развѣшаны сѣти для просушиванія.

Старикъ съ бѣлою бородою до пояса, чинитъ ихъ, углубясь совершенно въ свою работу...

На горизонтѣ едва мелькаетъ челнокъ съ бѣлымъ парусомъ, на которомъ внукъ его отправился въ озеро за рыбой, а загорѣлая молодая женщина стоитъ на берегу, и осѣнивъ рукою глаза отъ послѣднихъ яркихъ лучей заходящаго солнца, нетерпѣливо смотритъ вдаль, поджидая Ваню ужинать...

Это предмѣстье называется Рыбацкой, потому что здѣсь живутъ только рыбаки. Въ праздникъ здѣсь очень весело. Горожанки въ розовыхъ платьяхъ съ фалбарами и разноцвѣтныхъ, легонькихъ платочкахъ на головѣ, приходятъ сюда полюбоваться на хороводы сельскихъ красавицъ и послушать ихъ пѣсень. На завалинкѣ какой нибудь парень брянчитъ на балалайкѣ. Горожанки чопорно прогуливаются, въ сопровожденіи городскихъ кавалеровъ, которые подчуютъ ихъ пряничными орѣшками и деденцами съ билетиками. Мальчишки играютъ въ бабки, и ихъ пронзительные возгласы и звонкій смѣхъ, сливаясь съ голосистымъ пѣніемъ, составляютъ такой концертъ, что дикія утки, пристившіяся въ высокому тростникъ, окаймляющему берега озера за Рыбацкую, въ испугъ поднимаются цѣлою стаей и летятъ отыскивать новое убѣжище...

Я описалъ вамъ мой городокъ только съ поэтической стороны. Справедливость требуетъ сказать, что въ немъ было три, четыре прямыя улицы, вымощенныя бутыжникомъ, изъ коихъ одна называлась Главною, потому что шла черезъ весь городъ на выѣздъ. Здѣсь не только уже прямыя, длинныя, иногда въ два этажа дома, но есть даже два или три каменные съ балконами. Здѣсь раздается стукъ дрожекъ, и даже коляска не рѣдкость. По сере-

ди улица пересѣкается площадью, на которой стоитъ церковь, и напротивъ нее присутственные мѣста. Подалѣе черезъ канаву переброшенъ мостъ, на которомъ бабы продають маковники, пряники и сайки.

Есть тутъ и лавки или ряды, гдѣ подлѣ сальныхъ свѣчъ и мыла продають ситцы и лнты.

Ремесла и искусства также процвѣтають въ моемъ городкѣ, только нѣтъ ни одной вывѣски, потому что это было бы совершенно бесполезнымъ нововведеніемъ. Всякій, кто живетъ въ городѣ, знаетъ что писарша Петрова шьетъ платья, Оглобиха дѣлаетъ чепцы и шляпки, а Ивановна мастерица готовить имянинные пироги и красное блан-манже, которое съ триумфомъ подается на званыхъ обѣдахъ, а потому въ случаѣ надобности, всѣхъ этихъ лицъ отыщутъ и безъ вывѣсокъ.

Общество въ городѣ дѣлится на нѣсколько круговъ и каждый изъ нихъ и зимой и лѣтомъ веселится точно также, какъ и въ губернскихъ городахъ и столицахъ, только съ тою разницею, что среди другой обстановки. Веселятся въ самомъ городѣ а еще больше у сосѣднихъ помѣщиковъ, которыхъ много въ томъ краю.

Бываютъ балы съ доморощеною музыкою, обѣды на славу, пикники, и много нарядовъ выписывается изъ Петербурга, а ужъ что касается до хорошенькихъ, то конечно, сравнительно съ народонаселеніемъ, ихъ гораздо больше въ моемъ городкѣ, нежели въ Петербургѣ.

Быль часъ седьмой вечера. Въ одномъ изъ домиковъ въ переулкѣ, въ комнатѣ, которую по ея убранству можно назвать гостиной, на столѣ передъ диваномъ горѣла, въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, свѣча, и свѣтъ ея падалъ прямо на лице старушки, которая сидя на диванѣ пересчитывала петли шерстянаго чулка.

Старушка была въ темномъ ситцевомъ платьѣ и бѣломъ кисейномъ чепцѣ. Подъ самое горло былъ застегнуть булавкой синій шерстяной платокъ. Лице старушки не выражало ничего особеннаго. Только что-то какъ будто похожее на грусть, на отпечатокъ скорби, давно сроднившейся съ сердцемъ и схороненной въ немъ, можно было разсмотрѣть изъ-подъ морщинъ, которыми старость какъ маской покрыла это лице. Передъ старушкой на столѣ лежала старая книга. Мебель въ комнатѣ была старинная: нѣсколько стульевъ, покрытыхъ кожею, лѣпились по стѣнкамъ. Въ простѣнкѣ между двумя окнами висѣло небольшое зеркало; передъ нимъ, на черномъ столикѣ стояла ваза съ тафтяны-

ми цвѣтами, давно уже утратившими первобытный образъ и цвѣтъ, но еще по привычкѣ, а можетъ и ради щегольства, прикрытыми стекляннымъ колпакомъ. На окнахъ стояли горшки съ жасминами, фукціями и розонами. Чистый, только что вымытый полъ былъ покрытъ отъ дверей до дверей бѣлымъ половикомъ. Одна дверь вела въ каморку, служившую спальней, другая въ сѣни, изъ которыхъ по узкой и крутой лѣстницѣ безъ перилъ былъ ходъ въ мезонинъ.

Изъ сѣней былъ прямо выходъ въ кухню, а оттуда во дворъ, на которомъ возвышался хлѣвушокъ для куръ, рядомъ съ хлѣвомъ для коровы. Низенькій заборъ отдѣлялъ дворъ отъ огорода, въ концѣ котораго стояла баня.

Весь этотъ домикъ со всеми хозяйственными угодами принадлежалъ старушкѣ, Ненилѣ Панкратьевнѣ Хвоцихѣ, вдовѣ губернскаго секретаря. Въ немъ протекли ея дѣтство и юность; онъ достался ей по наслѣдству отъ покойныхъ родителей; въ немъ жила она съ мужемъ, выростила сына, женила, похоронила невѣстку, и жила теперь съ единственною внучкою Наташей. Сынъ Анны Панкратьевны умеръ вскорѣ послѣ жены. Наташа осталась круглою сиротой, и старушка сосредоточила на ней всю способность и всю потребность привязанности, которою еще билось ея сердце, перенесшее много утратъ.

Наташѣ было семнадцать лѣтъ. Она могла служить типомъ провинціальной красоты. Небольшаго роста, полненькая, бѣленькая, съ блестящими черными глазами и вѣчно яркимъ румянцемъ на щекахъ, всегда веселая, распѣвающая какъ канарейка, она была, право, очень, очень не дурна.

Воспитаніе Наташи было доморощенное, но полезное въ ея состояніи. Она умѣла читать и писать не безъ грѣха пополамъ, солить огурцы, готовить въ прокъ грибы и бруснику, варить варенья, шить, штопать, вязать, и считалась лучшею вышивальщицею по всему городу М. и въ окрестностяхъ. Всѣ аристократки носили вышитые воротники и платки съ узорчатыми вензелями, ея рукодѣля. Всѣ эти таланты Наташа приобрѣла наглядно, самоучкой. Жизнь ея текла тихо и мирно одинъ день какъ другой. Лѣтомъ цѣлый день, а зимою все свѣтлое время проводила она за пальцами. По субботамъ хаживала съ бабушкой ко всенощной, а въ Воскресенье къ обѣднѣ, и вечеромъ въ гости. Малѣйшее происшествіе—новое платье, новая лента, были для Наташи событіемъ. Случалось иногда, что ей попадался въ руки какой нибудь

растрепанный экземпляръ журнала, совершившій путешествіе по цѣлому городу, и Наташа читала его съ удовольствіемъ. Но это случалось рѣдко. Книги водились только у тамошнихъ аристократовъ, и какъ нибудь нечаянно попадались Наташѣ чрезъ десятыя руки.

Чаще всего Наташа, въ зимніе вечера, читала бабушкѣ вслухъ духовныя книги.

Въ тотъ вечеръ, съ котораго начинается нашъ разсказъ, Наташа, сидя у стола противъ бабушки, и облокотясь на него обѣими руками, читала что-то съ особеннымъ увлеченіемъ. Въ комнатѣ господствовала совершенная тишина. Только старушка шепотомъ считала петли, взглядывая по временамъ на внучку, какъ бы дивясь вниманію, съ какимъ читала она книгу; да котъ Васька, комфортабельно приютившись на стулѣ, подлѣ нетопленной печки, мурлыкалъ свою монотонную пѣсенку, ярко сверкая изумрудными глазами...

Погода была ненастная. Вѣтеръ пронзительно завывалъ на перекресткахъ переулковъ; мелкій снѣгъ устилалъ ихъ свѣжимъ, пушистымъ ковромъ. Кой-гдѣ вдали скрипѣла телега и раздавался отдаленный лай...

Тишина, однообразіе, это отсутствіе жизни—наскучили наконецъ старушкѣ. Старость, отжившая свой вѣкъ, любить вокругъ себя движеніе, дѣятельность, всякое проявленіе жизненныхъ силъ, въ окружающихъ ее.

— Наташа, сказала она, а, Наташа?

— Что, бабушка?

— Взгляни ко на часы, не пора ли кофе варить?

— Бабушка, Константина Николаича нѣтъ дома, отвѣчала Наташа, не перемѣняя позы и не отводя глазъ отъ книги.

— Ну, что же? Можно ему оставить, а можетъ быть онъ и подойдетъ къ тому времени. Не лѣнись, встань-ко да выдай кофе.

— Ахъ, бабушка, вѣдь вамъ совсѣмъ не хочется кофе. Вамъ просто скучно, что я читаю и не разговариваю съ вами, отвѣчала Наташа съ добродушно-лукавою улыбкой.

— Вотъ, что выдумала! Скажи ты на милость, каждый день мы пьемъ кофе въ эту пору а сегодня мнѣ не хочется! Какъ тебѣ съ книгой-то разстаться! Хоть бы разсказала про что читаешь.

— Вамъ не понравится, бабушка.

— Отчего такъ! Видно вздоръ?

— Нѣтъ, Константинъ Николаичъ мнѣ даетъ хорошія книги.

Онъ самъ выбираетъ. Прошедшій разъ я хотѣла было взять сама съ полки, онъ поглядѣлъ и не далъ. Сказалъ, что это романъ Поль-де-Кока, и что мнѣ нейдетъ читать.

— Ну, а это-то что?

— Это, бабушка, Бахчисарайскій Фонтанъ, Пушкина. Вотъ видите: къ одному султану въ гаремъ попалась христіанка...

— Постой, матушка, я ничего не понимаю. Что за гаремъ такой?

— Это значить жены султана. Вѣдь султаны, бабушка, не нашего закона. У нихъ бываетъ не одна, а много женъ...

— Фу, противный народъ какой, прервала старушка, нехристь этакая! Охота тебѣ про этикіе соблазны читать, да хороше твоей и Константинъ Николаичъ что даетъ тебѣ такія книги. Ужо я его пожурю за это...

— Ахъ, бабушка, какъ вамъ не стыдно! Вотъ видите, вы какія: разскажи, разскажи, а потомъ и сердитесь. Я впередъ вамъ никогда не скажу, что читаю, если вы побраните Константина Николаича.

— Ну, добро, вѣдь все это сказки, я и говорить-то про такой вздоръ не хочу, отвѣчала старушка, струсивъ передъ внучкой. Поди-ко лучше кофей выдай.

Наташа встала. Въ эту минуту у калитки кто-то стукнулъ. Наташа бросилась къ окну.

У калитки стояла женская фигура, закутанная въ салопъ и въ капоръ, закрывавшемъ ей почти все лицо.

— Кто это, Наташа? Константинъ Николаичъ пришелъ? спросила старушка.

— Нѣтъ, бабушка, это кто-то въ гости. Никакъ Марья Никитишна.

— Господи, Боже мой! Что это въ такую мятелицу! Она ли полно.

— Она, бабушка, я знаю ее капоръ, что ей городничиха подарила.

Стукъ у калитки повторился.

— Поди же, вели Матренѣ отворить. Измерзла чай, сердечная, въ эту выюгу. Крайность, что-ль ее какая принесла. Да и кофей-то кстати вели сварить, прокричала бабушка вслѣдъ Наташѣ.

Старушка видимо обрадовалась. По крайней мѣрѣ было съ кѣмъ покалякать въ длинный, зимній вечеръ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ гостиную вошла женщина не вы-

сокаго роста, довольно полная. На ней было зеленое шерстяное платье съ мантилей и чепчикъ съ лиловыми лентами, принадлежавшими первоначально не ей, а кому нибудь изъ аристократокъ города М... Особенно обличалъ это покроей мантильи, обшитой бахромой. Такая роскошь была несвойственна кругу, къ которому принадлежала Марья Никитишна. Говоря «принадлежала», мы хотимъ сказать, къ тому кругу, къ которому подходила Марья Никитишна по образованію, по состоянію, по нравамъ и обычаямъ, потому что она имѣла свободный доступъ во всѣ дома какъ въ городѣ, такъ и у помѣщиковъ, и во всѣхъ завоевала себѣ право гражданства. Приемъ ей не вездѣ былъ одинаковый. Въ иныхъ домахъ ее принимали съ почетомъ и уваженіемъ, усаживали на первое мѣсто и подчивали кофеемъ, а Марья Никитишна барилаась, чванилась и съ гордостью, хотя и довольно тонко, вплетала въ разговоръ имена чиновныхъ особъ, съ которыми водила хлѣбъ-соль. Такой радушный приемъ встрѣчалъ Марью Никитишну, большею частью, въ кривыхъ переулкахъ, въ одно-этажныхъ домикахъ. Въ большихъ улицахъ, она входила въ переднюю уже съ оглядкою, и предварительно спрашивала у казачка или у заспаннаго лакея:

— А что есть гости? Если отвѣтъ былъ утвердительный, то Марья Никитишна отправлялась прямо или въ спальню, или въ дѣтскую, и сидѣла тамъ до тѣхъ поръ, пока случайно войдетъ хозяйка и пригласитъ ее въ гостиную. Если гостей было немного, Марья Никитишна садилась на стулъ или на кресло подлѣ дивана, но отнюдь не на диванъ, и порюю вмѣщивалась въ общую бесѣду. Если же гостей было много, или если пріѣзжала какая нибудь модная барыня, разодѣтая въ пухъ, какъ подобаетъ для утренняго визита, то Марья Никитишна смиренно садилась въ приличномъ отдаленіи къ окошечку, и уже не разговаривала а перебирала батистовый платочекъ, и не спускала глазъ съ барыни, чтобъ твердо запомнить всѣ подробности ея наряда и передать въ точности въ другомъ домѣ.

Марья Никитишна во всѣхъ этихъ домахъ была своимъ чело-вѣкомъ, и съ нею нисколько не церемонились. Во всякомъ случаѣ, были ли посторонніе, не были ли, ее оставляли обѣдать, даже не приглашая, потому что Марья Никитишна приходила съ утра, и всѣ барыни знали, что она пришла затѣмъ, чтобъ пообѣдать. Но какъ ни смиренна была роль Марьи Никитишны въ обществѣ, *tête à tête* съ хозяйкою дома она была преполезное существо, и всѣ

понимали это такъ хорошо, что нигдѣ не смѣли ее спровадить во-свояси сухимъ приѣмомъ если даже она являлась и не во-время. Марья Никитишна была ходячею полицейскою газетой. Она все знала: какой новый бурнусъ выписала себѣ предводительша дворянства, шьетъ ли она дочерямъ новыя платья къ балу по случаю именинъ мужа, и какія именно, съ какою отдѣлкой, изъ какой матеріи, какого фасона, и велико ли имѣніе у Петра Матвѣича, и собирается ли жениться Степанъ Андрѣевичъ, и испиваетъ ли Андрей Петровичъ въ тихомолку...

Кромѣ того, Марья Никитишна посѣщала холостыхъ помѣщиковъ, и гадая какой нибудь дѣвицѣ въ карты, намекала, что червонный король равнодушенъ къ ней, и затѣмъ слѣдовали примѣты червоннаго короля, какъ говорится не въ бровь, а прямо въ глазъ. А къ гаданью прислушивались даже и маменьки, не однѣ дочки. Результатомъ ихъ бывали длинныя конференціи на-единѣ по поводу червоннаго короля, и нерѣдко Марья Никитишна уходила изъ дому съ новымъ платьемъ или новою шляпкой. На другой день Марья Никитишна отправлялась къ червонному королю, и здѣсь опять происходило гаданье.

— Ну-ка, Марья Никитишна, говорилъ помѣщикъ, развѣлся послѣ сытнаго обѣда на канапе, погадайте-ка въ карточки, только смотрите, чтобъ правда вышла.

— Да какъ ее угадать, правду-то, вѣдь я не записная гадальщица, отвѣчала Марья Никитишна, такъ себѣ, раскладывая карты, что выйдетъ. Вотъ шестерки значать дорога, бубновый тузъ письмо, червонная десятка марьяжъ...

— Ну, вотъ мнѣ такъ и гадайте, чтобъ вышелъ марьяжъ. Сбудется, десять банокъ варенья подарю да цѣлаго теленка...

Марья Никитишна церемонясь, какъ бы не хотя, принималась за карты, и тутъ выходило, что бубновая дама влюблена въ червоннаго короля. Затѣмъ она очень подробно описывала бубновую даму; потомъ шли разныя догадки, предположенія, и наконецъ Марья Никитишна подъ большимъ секретомъ сообщала помѣщику, что въ него безъ памяти влюблена такая-то, а что мать и отецъ только спать и видятъ какъ бы этакого зятя.

Помѣщикъ самодовольно улыбался, подходилъ къ зеркалу, охорашивался, и молча въ раздумьѣ выслушивалъ весь перечень достоинствъ бубновой дамы. Дѣло кончалось тѣмъ, что на первомъ вечерѣ, помѣщикъ съ подкупленнымъ самолюбіемъ начиналъ ухаживать за бубновою дамой и подкупалъ ее тщеславіемъ. Происхо-

дили иногда отъ этого свадьбы, при чемъ не была забыта, съ обѣихъ сторонъ и Марья Никитишна; а иногда и просто ничего не выходило.

Вы видите теперь, что Марья Никитишна была лицомъ если не почетнымъ, то по крайней мѣрѣ замѣчательнымъ въ городѣ М., и что весьма основательно пользовалась вездѣ свободнымъ доступомъ. Съ особеннымъ почетомъ принимали ее въ купеческихъ домахъ. Только молодежь, которая не собиралась еще жениться, позволяла себѣ иногда посмѣяться надъ Марьей Никитишной въ глаза. Но она глотала насмѣшки съ бархатной улыбкой, потому что у молодыхъ людей были маменьки или тетуски, дарившія ей старыя тряпки, и никогда не мстила, хотя лице ея въ такихъ случаяхъ выражало всегда расположеніе кошки, которая и рада бы цапнуть, да не смѣетъ. А если и позволяла иногда себѣ Марья Никитишна отмстить, то это дѣлалось всегда далекими, окольными путями, и никакъ не компрометировало ее.

Она вошла въ гостиную Ненилы Панкратьевны съ сіяющею физиономією, разрумяненной зимнимъ воздухомъ.

— Матушка, Марья Никитишна, заговорила хозяйка, встречая гостью на порогѣ, какъ это вы вздумали въ такую погоду? Что, чай очень холодно? Садитесь вотъ здѣсь, на диванчикъ къ печкѣ, Наташа сейчасъ кофей сварить.

— Холодно-то ничего, а то вѣтеръ такой пронзительный, ну, да я мимо шла отъ Селивановыхъ, обѣдала тамъ; думаю дай зайду.

— Благодарствуйте, матушка, что мимо насъ не проходите. Что новенькаго?

— Да какія новости. У казначейши дочь родилась, говорятъ, хотятъ Анну Петровну звать въ крестныя матери... думаютъ, что ризки богатая положить, да обожгутся...

— Да отчего жъ, Марья Никитишна? Вѣдь она вотъ часто и бѣднымъ людямъ помогаетъ, ужъ для этакого случая вѣрно не пожалѣетъ...

— Да, какъ бы не такъ! Помогаетъ она бѣднымъ людямъ затѣмъ, чтобъ о ней по городу трубили... а дома дочери-то въ крашеныхъ платьяхъ ходятъ. Да и что, велика ли помощь-то ея? Прошлаго года къ Святой только три десятка яицъ мнѣ прислала, да десять фунтовъ масла, да часть телятины..! Послала бы, говорить, и больше, Никитишна, да надо и другимъ помочь, не прогнѣвайся, есть люди и побѣднѣе тебя... Вотъ она какова ваша Анна Петровна-то!

— Да вѣдь она и въ правду, Марья Никитишна, не однимъ вамъ посылаетъ. Кажется у нее всѣ бѣдныя-то на перечесть, ни одного не забудеть...

— Такъ она и посылай имъ крохи-то, а я вѣдь еще не бѣдная, слава Богу, коллежская регистраторша... Да меня и получше ее люди-то не забываютъ... Вотъ хоть бы и Селиваниха. Посмотрите-ка, домъ-то отъ добра ломится, а придешь, всегда тебѣ почетъ. А ужъ пришлетъ-то къ празднику такъ не ей чета.

— А что, выздоровѣлъ самъ Селивановъ?

— Выздоровѣлъ, матушка, да сегодня онъ прислалъ за мною. Дѣльце есть... прибавила Марья Никитишна, почти шепотомъ и съ оглядкой.

— Какое же?

— Да и до васъ касается, признаюсь, ужъ я и не утерпѣла сегодня, хотѣла было до завтра отложить, потому что мятелица на дворѣ, добрый хозяинъ собаки не выгонитъ въ такую погоду, да силъ не хватило. Подумала, что все равно, не просплю ночь.

— Что жъ бы это такое было? Спросила Ненила Панкратьевна, сильно заинтересованная, и даже видимо обрадованная. Селивановъ былъ богатый купецъ. Какое же у него могло быть дѣло до нее, до бѣдной старухи, живущей смиренно въ своемъ уголкѣ? Когда богатый имѣетъ дѣло до бѣдняка, то какъ бы ничтожно оно не было, бѣднякъ всегда радъ такой чести, потому что рассчитываетъ на выгоды для себя.

Марья Никитишна, сознавая вполнѣ всю важность новости, которая шевелилась у нея на языкѣ, какъ грѣхъ на совѣсти, начала ее предисловіемъ:

— Да вотъ, Ненила Панкратьевна, дѣло такого рода, что когда скажу вамъ, такъ вы просто не будете знать какъ благодарить... Кладъ вамъ, матушка, просто кладъ Господь посылаетъ!

— Да чтоже такое, Марья Никитишна, не томи же, скажи съ разу.

— Вотъ, ваша Наташенька, хоть и бѣдная дѣвица, а предостойная: руководъница, нрава тихаго, къ старшимъ почтительна, да и собою красавица... Чтожъ вы думаете, добрые люди не видятъ этого... даромъ что вы ее дома держите въ заперти, какъ пташку въ клеткѣ, а нашелся челоуѣчекъ, которому она приглянулась...

Марья Никитишна остановилась, чтобъ насладиться дѣйствіемъ своего предисловія. Цѣль была достигнута. Ненила Панкратьевна

ни сводила съ нея глазъ и не смѣла дышать, чтобъ не проронить ни одного слова.

Когда старушка поняла, что дѣло идетъ о ея внучкѣ, всѣ черты ея лица какъ будто оживились. Что-то тревожное и вмѣстѣ радостное засвѣтилось въ ея впалыхъ глазахъ.

— Отгадайте-ка, кто бы это? спросила Марья Никитишна.

— Не знаю, матушка, ей-Богу не знаю, отвѣчала Ненила Панкратьевна въ раздумьѣ, покачивая головой. Да куда же моя Наташа и ходить, гдѣ бъ ее видѣть могли? кромѣ церкви да развѣ со мною иногда, въ воскресенье вечеркомъ куда нибудь... Ума не приложу!

— Ну, такъ я скажу вамъ: Селивановъ!

Это послѣднее слово Марья Никитишна произнесла торжественно, громкимъ голосомъ и точно съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣла сказать:

— Вотъ вамъ сто тысячъ серебромъ!

— Что вы, Марья Никитишна! почти вскрикнула старушка, можетъ ли это быть!

— Такъ-то можетъ, что вотъ видите, я къ вамъ свахой явилась,—самъ старикъ послалъ. Сходи, дескать, Никитишна, поговори, что моему Петру Наталья Ивановна крѣпко пригласилась... Она дѣвица хорошая, скромная, богобоязненная, къ рукодѣлю и хозяйству приучена, такую невѣстку я радъ въ домъ принять, а небогата—не бѣда. У меня добра и про сына и про жену его хватить.

— Господи, Боже мой! произнесла Ненила Панкратьевна въ умилени: за что ты взыскалъ насъ, грѣшныхъ. Вотъ горевала я, что Наташа останется безъ меня круглою сиротою, дѣвицей... Подлинно никогда не надо сокрушаться а положиться во всемъ на Божью волю, вотъ и послалъ жениха!

— Да какого жениха-то, Ненила Панкратьевна!

— Что ужъ и говорить, мать моя! Всему городу извѣстно, что Петръ Михѣичъ хорошій человекъ, не испиваетъ, смиренъ, трудолюбивъ... Кладъ, правду ты говоришь! Дай тебя поцѣловать, родная, за такую вѣсточку. Господь тебя принесъ.

— А богатство-то какое! Старикъ сказалъ сыну при мнѣ: Коли невѣста пойдетъ за тебя, я ей соболѣй салоупъ сдѣлаю, бархатомъ крытый, на зло Лапотниковой.. Вѣдь вы знаете, по прошлымъ годомъ онъ сваталъ Петра-то Михѣича за Лапотникову, а та не пошла, спѣсива больно... за офицеровъ мѣтить...

— Соболей салопп! воскликнула старушка.

— Да! бриллиантовъ, говоритъ, куплю!

— И бриллиантовъ, Марья Никитишна?

— Да, и бриллиантовъ. Старикъ свое слово держитъ, а особенно какъ Наташенька приласкается къ нему...

— У Наташи будутъ бриллианты! Думала ли я, гадала ли объ этакомъ счастьи! проговорила старушка. Позвать ее, что ли, Марья Никитишна? вѣдь она, сердечная, ничего и не чувствуетъ!

— Позовите, Ненила Панкратьевна.

— Только ужъ ты сама скажи ей, у меня отъ радости и словъ не хватить.

— И вамъ-то, Ненила Панкратьевна, на старости спокойствіе будетъ. Вѣрно вѣдь старикъ-то васъ къ себѣ въ домъ пригласить. Всею семьей будете жить.

Ненила Панкратьевна махнула рукой.

— Э, мать моя! нашла ты о чемъ говорить! Что мнѣ и надо-то? Теплый уголь, да чашка кофе... Ужъ я о себѣ-то давно и думать перестала. Вотъ она только, моя голубушка, сокрушала меня.. Наташа!

На этотъ зовъ явилась чрезъ минуту Наташа и вслѣдъ за нею Матрена съ чашками и кофейникомъ.

Марья Никитишна любила всякое дѣло дѣлать съ порядкомъ и съ подобающею торжественностью, а потому она дала Наташѣ время налить всѣ чашки, и когда выпила свою и поставила вверхъ донышкомъ на блюдечкѣ, наложивъ на опрокинутое дно кусочикъ сахарцу, повела рѣчь слѣдующимъ образомъ:

— Наталья Ивановна, вѣдь у меня къ вамъ дѣло есть. Меня послали за васъ жениха сватать.

Наташа вспыхнула; кофейникъ задрожалъ въ ея рукѣ; она опустила густыя рѣсницы, и вмѣсто отвѣта подала Марьѣ Никитишнѣ другую чашку кофе.

— Женихъ предостойный молодой человекъ, парочка вамъ, собою красавецъ, а ужъ богатъ—чуть ли не первый изъ купечества по всему городу.

Наташа молчала, не поднимая глазъ. Только сердце ея сильно билось и щеки разгорались все больше и больше.

— Вы его всякое Воскресенье у обѣдни видите. Противъ васъ стоитъ всегда.

— Селивановъ! почти съ испугомъ вскричала Наташа.

Чтобъ не обидѣть жениха, скажемъ, что Наташу испугала не его особа, но его значительность.

Ей не хотѣлось итти замужъ, и она съ разу поняла, что отъ Селиванова ей будетъ труднѣе отдѣлаться нежели отъ другаго жениха.

— Угадали! Ну, что скажете? каковъ женишокъ, а?

Наташа смутилась.

— Я право не знаю, Марья Никитишна, проговорила она едва внятно, я никогда еще не думала и не собиралась...

— Ну, конечно, дѣло извѣстно, дѣвичье, вы дѣвица скромная, не броситесь на шею всякому жениху; да Селивановъ-то, осмѣлюсь вамъ доложить, не подѣ стать другимъ: изъ ряду выходить. За этакого жениха всякая бы невѣста въ городѣ съ радостью пошла...

— А какъ же, Марья Никитишна, прошлый-то годъ Лапотникова отказала, вы сами рассказывали, помните? сказала Наташа съ лукавою улыбкой.

— То опять дѣло совсѣмъ другое...

— Что ты это, Наташа, смѣнила себя съ Лапотниковой, перебила Ненила Панкратьевна: та сама богата, а у насъ-то съ тобою кромѣ этой хаты что есть? Кладъ это тебѣ, просто Господь послалъ ..

Поблагодари-ка лучше Марью Никитишну.

Наташа встала и поцѣловала сваху.

— Ну, такъ, такъ-то, я пойду къ Селиванову и скажу, что невѣста согласна.

— Ай нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! закричала Наташа. Нѣтъ, Марья Никитишна, такъ скоро ни за что... дайте хоть день подумать.

— Да что тутъ думать-то, Наталья Ивановна! проговорила Марья Никитишна обиженнымъ тономъ, въ досадъ что Наташа не пришла въ восторгъ отъ ея сватовства. Чего думать-то, только время маячить... Вѣдь старикъ-то пожалуй, и обидѣться можетъ... Дѣло извѣстное, всякая на нашемъ мѣстѣ рада была бы такому жениху...

— Ну, какъ ему угодно. Коли обидится, пусть обижается, а я такъ вотъ сейчасъ слова не могу дать.

— Наташенька, голубушка, что ты это впрямь дурачишься, сказала бабушка. Вѣдь такіе женихи не каждый день бываютъ. Ты послушай только, что Марья Никитишна говоритъ, вѣдь тебѣ житье-то будетъ хорошее... Старикъ, ничего не видя, сулить

тебѣ и брилліанты подарить, и салопъ соболій сдѣлать... Вѣдь они богаты, а семейство-то какое прекрасное; обижена не будешь...

Наташа устремила на бабушку глубокой, пронизательный взглядъ. Она поняла, что отказъ съ ея стороны сильно огорчилъ бы старушку. При словахъ брилліанты, соболій салопъ, глазки Наташи сверкнули удовольствіемъ. Но эта искра была мгновенная. Она задумалась, печально склонивъ головку.

— Какъ хотите, бабушка, сказала она наконецъ, а я не могу вдругъ рѣшиться. Дайте подумать хоть день, прибавила она, умоляющимъ голосомъ.

Ненила Панкратьевна и Марья Никитишна переглянулись.

— Ну, нечего дѣлать, сказала Ненила Панкратьевна, пожалвъ плечами и взглянувъ на сваху почти со страхомъ, видите сами, Марья Никитишна, какая у меня внучка упряmica. Ужъ будьте милостивы, обождите денекъ, не хочу ее неволить, а то еще послѣ, пожалуй, на меня старуху пенять будетъ.

— Да-съ, нечего дѣлать, обожду, только напрасно, Наталья Ивановна ломаться изволите, проговорила сваха вставая и собираясь во-свояси, вѣдь Селивановъ не кто нибудь, ни шалыга какая, пожалуй, онъ-то ждать не станетъ.

— Такъ пусть и не ждетъ, проговорила Наташа вполголоса, какъ бы опасаясь, чтобъ эти слова не долетѣли до слуха бабушки.

Но Марья Никитишна не пропустила ихъ. Они запали ей на сердце кровавою обидой.

И въ самомъ дѣлѣ: она, лице почетное во всѣхъ переулкахъ, несмотря на снѣгъ и мятелицу пришла къ Наташѣ, къ дѣвчонкѣ, у которой не обсохло молоко на губахъ, съ такою важною, торжественною вѣстью, что, по ея мнѣнію, Наташа должна была бы упасть передъ ней на колѣна и благодарить со слезами за счастье всей жизни, а она еще смѣла ломаться!

За то же и досталось Наташѣ въ тихомолку. Когда Марья Никитишна, надѣвъ свой капоръ и закутавшись въ шубу по самый носъ, сошла съ крыльца въ сопровожденіи Матрены, свѣтившей ей фонаремъ, внимательность со стороны Ненилы Панкратьевны, незнавшей чѣмъ умилостивить разобиженную сваху, она, ради собственнаго удовольствія начала краснорѣчивый монологъ, продолжавшійся всю дорогу, до самаго дома, и даже до тѣхъ поръ, пока сонъ не одолевъ краснорѣчія Марьи Никитишны. Еслибъ Наташа могла слышать его, онъ не польстилъ бы ея самолюбію.

Но Наташа не слыхала бы его, еслибъ даже Марья Никитишна прочла его въ ея присутствіи. Она не пошла вмѣстѣ съ бабушкой провожать сваху, а осталась тамъ же, гдѣ сидѣла, у стола, облокотилась на него обѣими руками и закрывъ ими глаза, задумалась глубоко и горько...

— Что съ тобою, Наташенька? спросила Ненила Панкратьевна, тихо войдя въ комнату, проводя Марью Никитишну.

Наташа вздрогнула, отвела руки отъ лица и взглянула на бабушку глазами полными слезъ.

— Бабушка, сказала она тихо но твердо, съ выраженіемъ какой-то отчаянной, но вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣнной рѣшимости: я не пойду за Селиванова.

Старушка всплеснула руками и остановилась передъ Наташей въ совершенномъ изумленіи. Она не вѣрила своимъ ушамъ!

Не пойти ей, бѣдной дѣвушкѣ, сиротѣ, за богатаго купца, чловѣка молодаго, недурнаго собою, и который еще въ добавокъ не пьетъ и не курить, это ей казалось чѣмъ-то невозможнымъ, совершенно выходящимъ изъ того круга идей, среди которыхъ вращалась она съ дѣтства и съ которыми сроднилась до такой степени, что считала ихъ какъ-бы закономъ самой природы.

— Съ ума ты что-ли сошла, Наташа? проговорила она наконецъ. Не пойдешь за Селиванова!!!... Такъ за кого жѣ ты, Господи, выйдешь послѣ того?

— Бабушка, развѣ я такъ наскучила вамъ, что вы непременно хотите сбить меня съ рукъ? проговорила Наташа, и въ глазахъ ея отразился кроткій, грустный упрекъ любящаго сердца. Этотъ взглядъ тронулъ Ненилу Панкратьевну.

— Да хоть скажи ты мнѣ толкомъ, отчего тебѣ эта блажь пришла въ голову?

— Селивановъ не нравится мнѣ, отвѣчала Наташа.

Ненила Панкратьевна не смотря на досаду, размѣялась отъ чистаго сердца.

— Дурочка ты этакая! сказала она: да когда же посторонній мужчина ни съ того ни съ сего понравится порядочной дѣвушкѣ? Коли за тѣмъ только дѣло стало, такъ не горюй, пока не правится, а когда выйдешь за мужъ, увидишь, какъ будешь любить. Мужъ—ужь довольно того... слѣдуетъ любить... Вотъ и я за моего покойника, царство ему небесное, замужъ-то шла противъ воли... молода была, глупа, хотѣлось сперва дѣвичью волюшку отгулять—а покойникъ батюшка крутенецъ былъ. Какъ къ вѣнцу

одѣвали, я благимъ матомъ ревѣла, а ужъ какъ обвѣнчали, какъ сталъ онъ законнымъ мужемъ, всю дурь какъ рукою сняло. Прожили сорокъ пять лѣтъ въ любви и согласіи...

Старушка приостановилась и задумалась, вѣроятно объ этихъ, невозвратимыхъ сорока пяти годахъ!

Наташа молчала.

— И съ тобою также будетъ; пословица говоритъ, стерпится, слюбится. Да и отчего Селивановъ не нравится тебѣ? Собою молодецъ, кровь съ молокомъ, высокій, статный, поведенія безпримѣрнаго, а ужъ богатъ-то, Наташа, богатъ! Послѣ отца все ему достанется... весь городъ-то тебѣ завидовать будетъ!

— Богъ съ нимъ, бабушка съ его богатствомъ, отвѣчала Наташа вздохнувъ. Жила же я до сихъ поръ и безъ него, авось проживу какъ нибудъ...

— Да, а ты думаешь легко мнѣ смотрѣть, какъ ты съ утра до поздняго вечера гнешь спину надъ пальцами, да глаза-то портишь... А умру я, на кого тебя оставлю? Ты думаешь, не сокрушаешь ты меня? Да я только и молила Господа послать тебѣ какого ни на есть, хоть мало-мальски порядочнаго жениха... А тутъ ты отъ такого счастья отказываешься... Грѣшно тебѣ, Наташа!

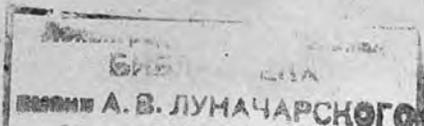
Наташа заплакала.

— Бабушка, голубушка, сказала она, я лучше буду работать и день и ночь, только не заставляйте меня выдти за Селиванова!

Ненила Панкратьевна въ раздумьи печально покачала головой. Она не могла понять, почему, по какой именно причинѣ не хотѣла Наташа идти замужъ. И не мудрено! Въ ея лѣта такихъ тайнъ не только не отгадываютъ, но даже и не догадываются объ ихъ существованіи.

Долго еще продолжались ея увѣщанія упрямой внучкѣ. Наконецъ часы пробили одиннадцать и напомнили, что утро вечера мудренѣе. Ненила Панкратьевна ушла въ свою каморку. Наташа подошла къ окну. Мятелица утихла. Полный мѣсяцъ всплылъ высоко на небѣ и облилъ своимъ блѣднымъ, поэтически мерцающимъ сіяніемъ пушистый, только что выпавшій снѣгъ... Все было тихо. Во всѣхъ домахъ были уже погашены огни. Наташа долго прислушивалась, какъ бабушка въ своей каморкѣ со стонами и воздыханіями, прерываемыми кашлемъ, молилась Богу вслухъ.

Наташа знала, что бабушка молится больше всего за нее, объ ея счастіи.

Старуха, стоявшая одною ногою въ гробу, не подозрѣвала, что это существо молодое, полное силъ и жизни, счастливо уже тѣмъ, что оно живетъ, что въ немъ бьется сердце, и что оно довольно этимъ счастиемъ и не требуетъ больше ничего отъ жизни!

Наконецъ и старушка перестала молиться, заснула, и только одинъ часовой маятникъ нарушалъ тишину.

Наташа не отходила отъ окна. Вдругъ въ концѣ переулка изъ за угла показалась знакомая ей высокая, мужская фигура... Наташа опрометью бросилась въ кухню, растолкала спавшую Матрону и послала отворить калитку. Потомъ прошла тихонько въ каморку къ бабушкѣ, раздѣлась и легла... но долго не могла заснуть. Она слышала какъ вошелъ жилецъ по лѣстницѣ вверху, какъ долго потомъ ходилъ онъ по комнатѣ... Только подъ утро заснула Наташа, и мы знаемъ навѣрное, что не Селивановъ и не соболѣй салоупъ пригрезились ей во снѣ.

II.

На другой день часовъ въ семь утра, въ гостиной Ненилы Панкратьевны сидѣли, за утреннимъ кофе, сама хозяйка, Наташа, жилецъ ихъ Константинъ Николаичъ, тотъ самый молодой человекъ, который давалъ Наташѣ книги и котораго поджидала она наканунѣ вечеромъ.

Старушка, противъ обыкновенія, была не въ духѣ и молчала. На лицѣ Наташи видны были слѣды безсонной ночи и грустныхъ думъ. Молодой человекъ былъ не только не разстроенъ и не печаленъ, но вглядѣвшись пристально въ выраженіе его лица, замѣтивъ живость его пріемовъ и блескъ его глазъ, вы догадались бы, что или грядущій день выходилъ для него изъ ряда обыкновенныхъ, скучныхъ, труженическихъ дней, и сумилъ ему что-то радостное, или вчерашній оставилъ ему одно изъ тѣхъ воспоминаній, которыя въ его лѣта составляютъ половину жизни и не забываются даже въ старости... На видъ Константину Николаичу было двадцать два, много двадцать три года. Онъ былъ не хорошъ собою, средняго роста, довольно плотный и сутуловатый. Но въ некрасивомъ его лицѣ было столько жизни, въ сврыхъ глазахъ столько огня и вмѣстѣ что-то такое откровенное, добродушное, располагающее въ его пользу съ перваго взгляда, что Константина Николаича было очень не трудно полюбить.

Безукоризненно хороши были у него только волосы. Бѣлукорые, мягкіе, вьющіеся отъ природы, они чудесно обрамляли

его высокій лобъ. Костюмъ молодого человѣка ясно доказывалъ, что у него не было въ привычкѣ губить по нѣскольку часовъ въ день предъ туалетомъ. На немъ было что-то среднее между утреннимъ сюртукомъ и пальто, сѣраго цвѣта, застегнутое небрежно только на тѣ пуговицы, которыя пощадило всеразрушающее время.

— О чемъ вы задумались, Наталья Ивановна? спросилъ молодой человѣкъ.

Наташа вздрогнула.

— Побраните-ка ее, Константинъ Николаичъ, отвѣчала за Наташу Ненила Панкратьевна: просто съ ума сошла моя внучка, да и меня сведеть, старуху.

— А, Наталья Ивановна, съ ума сводить не хорошо, скажаль шутливо Константинъ Николаичъ: что же вы такое сдѣлали, какое тяжкое преступленіе?

— Да вотъ, батюшка, сватается за нее женихъ изъ купечества, предостойный молодой человѣкъ, а ужъ богатъ-то какъ, кажется, чего бы лучше, такъ вотъ никакихъ резонновъ слушать не хочеть, не пойду да и только.

— Вотъ что! Наталья Ивановна, что съ вами сдѣлалось? вы всегда слушались бабушку, отчего же не выдти? Богатъ, хорошій человѣкъ—молодъ?

— Двадцать шестой годъ, отвѣчала Ненила Панкратьевна, да вѣдь собой-то молодецъ какой... а семейство-то какое доброе!

Наташа покраснѣла до того, что на глазахъ навернулись слезы. Константинъ Николаичъ взглянулъ на нее, хотѣлъ что-то сказать и замолчалъ. Ему стало жаль бѣдную дѣвушку.

— Что, какова-то сегодня погода будетъ, сказалъ онъ, взглянувъ въ окно. Неужели такая мятелица какъ вчера.

— А вамъ развѣ куда далеко надо? спросила Ненила Панкратьевна.

— Къ Берестовымъ, въ Красныя Горки; сегодня Андрей Ильичъ именинникъ.

— Ахъ, да, сегодня вѣдь Андрея Первозваннаго. То-то я чай пиръ горой будетъ, Вы на обѣдъ пойдете?

— Да, я хоть и не очень жалую эти безконечныя именинныя обѣды, да дѣлать нечего, звали.

Кофе отпили, и Ненила Панкратьевна со связкою ключей отправилась въ кухню.

— Что жъ вы это въ самомъ дѣлѣ, Наталья Ивановна не

хотите замужъ идти? спросилъ тихо Константинъ Николаичъ, устремивъ на Наташу взглядъ, въ которомъ выражалось и праздное любопытство, и что-то похожее на дружеское участіе.

— Да зачѣмъ же я непременно должна идти замужъ? отвѣчала Наташа. Не хочу, вотъ и все тутъ.

— Нѣтъ, не все тутъ, что нибудь есть другое. Когда же видано, чтобъ молодая дѣвушка отказывалась отъ богатаго, молодого, красиваго собою, и какъ говорятъ, достойнаго жениха, безъ какихъ нибудь особенныхъ, важныхъ причинъ? Воля ваша, а это не даромъ! Вы вѣрно кого нибудь любите? прибавилъ Константинъ Николаичъ понизивъ голосъ.

— Перестаньте, пожалуйста хоть вы, довольно того, что бабушка мутитъ, отвѣчала Наташа покраснѣвъ.

— Если любите... сказалъ Константинъ Николаевичъ, задумчиво играя чайною ложечкой.

— Что жъ тогда? спросила съ живостью Наташа.

— Тогда не выходите.

— Не выходить? повторила Наташа, и лице ея мгновенно просіяло. Эти слова изъ устъ Константина Николаича подѣйствовали на ея большое сердце какъ благотворное лекарство.

Она не разсуждала почему, зачѣмъ были они сказаны. Она поняла только, что онъ, Константинъ Николаичъ, совѣтовалъ ей не выходить за другаго.

— А если, спросила она робко, меня не любятъ?

— Тогда... я право не знаю что дѣлать. Такъ я отгадалъ?

— Можетъ быть.

— Въ такомъ случаѣ вы прекрасно дѣлаете, что не хотите продать себя богатому жениху, сказалъ Константинъ Николаичъ вставая.

До сихъ поръ ему никогда не случалось подумать серьезно о Наташѣ. Онъ видѣлъ въ ней хорошенькую, добрую, трудолюбивую дѣвушку, но безъ воспитанія, и слѣдовательно съ ограниченными понятіями. Теперь онъ увидѣлъ, что въ ней были сердце и сила характера. Наташа вдругъ приобрѣла его уваженіе.

— Что, вы прочли Пушкина? спросилъ онъ.

— Прочла!

— Хотите что нибудь другое?

— Да, дайте мнѣ вотъ эту толстую тетрадь въ переплетъ, въ которой вы сами читаете.

— А, нѣтъ, ту не дамъ.

— Что жъ, вѣрно завѣтная?

— Завѣтная. Это мой дневникъ, онъ пишется собственно для одного меня.

— Вотъ мило! Писать для того, чтобъ никто не читалъ.

— Что жъ дѣлать! У меня нѣтъ друга, которому я могъ бы иногда повѣрить то, что думаю, что чувствую, высказать то, что не лежитъ на сердцѣ а просится на свободу...

— Значить, тамъ есть тайны.

— И много, отвѣчалъ Константинъ Николаичъ съ улыбкой. А если хотите читать, я дамъ вамъ что нибудь гораздо занимательнѣе и полезнѣе моего дневника, напр: Путешествіе вокругъ свѣта Дюмонъ-Дюрвиля.

— Мегі, дайте, отвѣчала Наташа въ раздумьѣ.

Дневникъ Константина Николаича сильно возбудилъ любопытство Наташи, и она рѣшилась добыть его и прочесть, хотя бы это было также трудно и неисполнимо какъ достать живой воды и мертвой. Но если женщина захочетъ чего нибудь, особенно если въ дѣло вмѣшается любопытство, то она очень, очень рѣдко не достигнетъ цѣли.

Константинъ Николаичъ пошелъ на верхъ въ свою каморку. Наташа, по обыкновенію съѣла за пальцы. Но ея пальчики, всегда проворные и ловкіе, на этотъ разъ вытаскивали иголку какъ-то медленно, какъ будто нехотя. Часто иголка выпадала совсѣмъ изъ рукъ Наташи, и долго сидѣла она задумавшись надъ работой, и на ея сѣренькихъ глазкахъ навертывалась измѣнница слеза.

Ненила Понкратьевна съ чулкомъ въ рукѣ усѣлась на диванѣ. Она была сердита на Наташу и не говорила съ нею.

Медленно, однообразно тянулись часы. Наташа часто украдкой взглядывала на стрѣлку и прислушивалась къ шагамъ, раздававшимся надъ ея головою.

Наконецъ пробило два часа.

— Пора обѣдать. Наташа, сказала Ненила Понкратьевна; Матренѣ нѣкогда, блины печеть, накрой-ка на столъ.

Наташа принялась закрывать свои пальцы. Въ эту минуту къ самому ея окошу подѣхали пошевни, запряженные тройкою ямскихъ лошадей. Наташа вспыхнула, сердце ея сильно забилося. Черезъ нѣсколько минутъ Константинъ Николаичъ сошелъ съ лѣстницы. Наташа видѣла какъ онъ сѣлъ въ пошевни, закутанный въ шубу Ямщикъ взмахнулъ возжами, и лихая тройка быстро

скрылась за поворотомъ. Наташа вздохнула такъ тяжело, такъ глубоко, что еслибъ Константинъ Николаичъ могъ заглянуть въ эту минуту въ ея сердце, ему стало бы жаль ее. Въ этомъ вздохѣ выражалась ревность, чувство, которое въ женскомъ сердцѣ всегда гораздо сильнѣе самой сильной любви...

Обѣдъ тянулся для Наташи бесконечно. Наконецъ Матрена убрала со стола. Ненила Панкратьевна ушла въ свою каморку и прилегла отдохнуть. Наташа только этого и дождалась. Съ сильно боющимся сердцемъ, взобралась она на ципочкахъ по лѣстницѣ въ мезонинъ, и едва переводя дыханіе, остановилась на площадкѣ передъ дверью, ведущей въ комнату Константина Николаича...

Наташа сознавала, что дѣлаетъ дурно, что она не имѣетъ права проникать въ чужія тайны, но во-первыхъ она была женщина, во-вторыхъ, она любила...

— Что-жъ за бѣда, подумала она, вѣдь я никому не расскажу, что прочитаю...

И ободренная этою мыслию она сильно дернула за дверную ручку и вошла въ эту заповѣдную комнату съ неизъяснимымъ чувствомъ.

Были сумерки. Наташа вынула изъ кармана припасенную спичку, отыскала ощупью свѣчку въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, зажгла ее и бросилась къ столу, заваленному тетрадами, бумагами и книгами. Роковая тетрадь была тутъ. Константинъ Николаевичъ, человѣкъ, которому никогда не пришло бы въ голову воспользоваться чужою тайной, еслибъ даже она лежала открытая передъ нимъ, былъ вполне увѣренъ, что весь свѣтъ долженъ такъ думать, и совершенно не могъ постигнуть для чего изобрѣтены замки, ключи и прочія подобныя вещи.

Наташа съ блестящими глазами, раскрыла тетрадь и принялась читать съ такимъ увлеченіемъ, что казалось, вся ея будущность, всѣ чувства, всѣ мысли, всѣ способности души сосредоточились въ этой тетради.

Пока она читаетъ, бросимъ взглядъ на комнату Константина Николаича. Характеръ человѣка нигдѣ не отражается такъ живо, какъ среди окружающей его обстановки.

До сихъ поръ мы знаемъ только, что Константинъ Николаичъ жилъ въ бѣдномъ уѣздномъ городкѣ, нанималъ комнату въ мезонинѣ съ неприхотливымъ столомъ, и какъ водится, съ прислугою; былъ нехорошъ собою, не занимался своимъ туалетомъ, и

былъ молодъ, такъ молодъ, что велъ еще дневникъ и не запиралъ его хоть въ ящикъ стола. Теперь мы познакомимся съ нимъ покороче. Въ этой комнатѣ заключалась вся его жизнь, все, что онъ любилъ, все, что подарило ему прошедшее и къ чему стремился онъ въ будущемъ.

Въ простѣнкѣ между двухъ оконъ, на большомъ сосновомъ столѣ, когда-то выкрашенномъ красною краскою, господствовало самое явное и осязательное осуществленіе хаоса. Чего тутъ не было или лучше, что тутъ было! Бумаги, стклянки съ купоросомъ, скипидаромъ и разными химическими составами; старинныя монеты, минералы, чучелы птицъ, трофеи осеннихъ досуговъ; реторты, разные ученые снаряды, великолѣпныя изданія новѣйшихъ книгъ, по разнымъ отраслямъ наукъ, поглощавшіе половину доходовъ Константина Николаича, все это было перемѣшано, лежало какъ ни попало, и среди ихъ манишки, галстухи, гвозди, обрывки веревокъ, недокуренные сигары, и наконецъ посреди стола красовалось маленькое круглое зеркальце и подлѣ него гребенка и щетка. На окнахъ и стульяхъ было продолженіе того же хаоса. На покачнувшемся комодѣ алебастровые Бюффонъ и Кювье обрѣли спасеніе отъ столкновенія разнородныхъ стихій. Надъ комодомъ висѣлъ гравированный портретъ Каратыгина. Только одинъ уголокъ въ этой комнатѣ напоминалъ идею о порядкѣ. Въ немъ стояла этажерка, уставленная плотно съ верху до низу книгами въ переплетахъ. Тутъ были Пушкинъ, Державинъ и другіе отечественные поэты, Гете и Шиллеръ въ подлинникахъ, историческіе романы Загоскина, стихотворенія Пушкина и Баратынскаго, Басурманъ Лажечникова, и наконецъ разрозненные томы журнала, носящаго съ незапамятныхъ временъ названіе Библіотѣки — съ поясненіемъ для Чтенія. Кровати не было, ее замѣнялъ кожаный черный диванъ, протертый и порыжѣвшій отъ времени. Изъ описанія этой комнаты не слѣдуетъ заключать, чтобъ Константинъ Николаичъ былъ какой нибудь мудрецъ, ученый, увязшій въ безднѣ наукъ до того, что ему нѣкогда было подумать о самомъ себѣ и о томъ, что его окружало. Родись онъ въ средніе вѣка, изъ него, можетъ быть, вышелъ бы какой нибудь философъ, вѣрнѣе всего алхимикъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые забывали о свѣтѣ и жизни, отыскивая рѣшеніе тайнъ природы, и которые находили, что жизнь слишкомъ коротка для тѣхъ, кто пытается проникнуть въ этотъ заповѣдныи кругъ.

Константинъ Николаичъ былъ бѣденъ, застѣнчивъ чуждал-

ся общества, и въ самомъ дѣлѣ, былъ въ немъ не на своемъ мѣстѣ. Легкій очеркъ его минувшей жизни удовлетворительно пояснить почему изъ него вышелъ чужакъ, оригиналь, существо непростительное въ нашемъ вѣкѣ, гдѣ всякій старается походить по крайней мѣрѣ хоть на своего сосѣда, и часто готовъ отрѣчься отъ самого себя, лишь бы быть такъ какъ и люди.

Оригинальность прощается только великимъ талантамъ, людямъ гениальнымъ, а не бѣднымъ труженикамъ. Впрочемъ, въ Константинѣ Николаичѣ оригинальность была не заимствованная. Она была выводомъ всей его жизни, обстоятельствъ, имѣющихъ могущественное вліяніе на человека, и отпечаткомъ того круга, въ которомъ вращался онъ съ перваго дня рожденія.

Онъ родился въ глуши, въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Тобольской губерніи. Отецъ его, какой-то отставной чиновникъ, все свободное отъ занятій время посвящалъ Бахусу. Кромѣ Кости у него было много дѣтей. Мать Кости умерла, когда онъ начиналъ только лепетать. Отецъ женился на другой. Мачиха Кости не могла простить мужу ни бѣдности, ни его пагубной наклонности, ни своего многочисленного семейства. Но она боялась мужа, и все что кипѣло у ней на сердцѣ, вымѣщалось не на собственныхъ дѣтяхъ, а на беззащитномъ Костѣ.

Грустно было дѣтство бѣднаго мальчика. Онъ съ раннихъ лѣтъ испыталъ и несправедливость, и всевозможныя лишенія; терпѣлъ часто и холодъ, и голодъ. Онъ былъ счастливъ только тогда, когда могъ ускользнуть изъ дому. Часто зимой, въ трескучій морозъ, Костя, плохо одѣтый, проводилъ цѣлое утро на улицѣ, играя съ товарищами въ снѣжки, или катаясь на рѣчкѣ на конькахъ, единственно для того, чтобъ избѣжать побоевъ, которыми угрожало ему это утро, потому что отецъ съ вечера поссорился съ мачихою. Но увы! и это не спасало его. Лишь только появлялся Костя домой къ обѣду, его обыкновенно встрѣчалъ привѣтъ:

— Гдѣ ты слонялся, оболтусъ, тунеядецъ ты этакой! и затѣмъ слѣдовала расправа.

Такъ какъ добрые люди есть вездѣ, то чужіе ласкали Костю, отогрѣвали, когда онъ не смѣлъ явиться домой и кормили когда онъ былъ голоденъ.

Костя въ длинныя зимніе вечера выучился читать почти самоучкой. Это было для него источникомъ первыхъ наслажденій въ жизни. Какъ скоро Костя постигнулъ дѣтскимъ умомъ, что въ буквахъ таятся не одни слова, но цѣлыя исторіи, рассказы и описа-

нія, онъ началъ съ жадностью читать все, что только могъ достать. Книгъ въ домъ не водилось. Но Костя выпрашивалъ ихъ вездѣ, и ему давали охотно, потому что онъ былъ ласковый, тихій и благодарный мальчикъ.

Одинъ старичекъ, особенно любившій Костю, далъ ему какую-то Общую Исторію въ трехъ частяхъ. Лавочникъ снабдилъ его новѣйшимъ русскимъ пѣсенникомъ, и такимъ образомъ познакомилъ съ поэзіей. Какой-то чиновникъ, занимавшійся литературой, какъ онъ самъ говорилъ, потому что скупалъ у заѣзжихъ букинистовъ товаръ, залежавшійся на толкучемъ, подарилъ Костѣ какой-то романъ въ четырехъ частяхъ; чиновникъ разщедрился такъ оттого, что романъ негодился въ его сборную библиотеку: первая часть была потеряна, а изъ четвертой была утрачена по крайней мѣрѣ половина.

Какъ ни разнородно было это чтеніе, но оно принесло Костѣ ту пользу, что открыло передъ нимъ новый міръ, міръ мысли, воображенія и чувства.

Костя днемъ не смѣлъ читать, потому что однажды мачиха въ припадкѣ гнѣва выхватила у него изъ рукъ книгу и сожгла ее въ печкѣ, назвавъ его лѣнтяемъ, и послала на кухню чистить рѣпу къ обѣду. Это происшествіе научило его осторожности. Онъ пряталъ свои книги, какъ сокровища, и читалъ или по ночамъ при свѣтѣ ночника, или внѣ дома.

Безпрерывное страданіе, испытываемое въ дѣтствѣ, по большей части ожесточаетъ человѣка на всю жизнь. Но есть избранныя души, на которыя оно дѣйствуетъ благотѣльно. Такъ было и съ Костей. Безпрерывные побои, угнетеніе, одиночество, сознание сиротства, развили въ немъ чувствительность, размышленіе и глубокую благодарность ко всѣмъ, кто принималъ въ немъ хоть малѣйшее участіе. Но въ тоже время они вселили въ него застѣнчивость, ничѣмъ неизлечимую робость, доходившую почти до дикости.

Когда минуло Костѣ двѣнадцать лѣтъ, отецъ послалъ его въ губернской городъ въ гимназію. Съ этихъ поръ Костя началъ жить самостоятельно, одинъ на чужой сторонѣ, забытый и заброшенный родными. Совершенно отъ него зависѣло выйти негодяемъ или порядочнымъ человѣкомъ.

Костя, по своей робости, не скоро дружился съ товарищами. Въ праздники, когда вся шумная толпа расходилась или разъѣзжалась по домамъ, Костѣ становилось невыразимо грустно. Онъ

живѣ чувствовалъ свое сиротство, одиночество, а когда человѣку очень горько, очень грустно, онъ ищетъ или сильной привязанности, въ которую могъ бы перелить всю свою душу, или занятія, которое завладѣло бы всѣми его умственными способностями и заглушило бы скорбь, болѣзненно раздражающую сердце.

Онъ былъ всѣмъ чужой. За то онъ страстно полюбилъ свои книги, науки, и предался имъ всею душою. Особенно пристрастился онъ къ естественнымъ наукамъ, потому что только однѣ объятія не были закрыты для ребенка, объятія вѣчно доброй матери природы. Костя, по врожденному чувству понималъ все прекрасное, и находилъ наслажденіе въ томъ, чтобъ сродниться съ нимъ, такъ сказать, отождествиться душою. Въ свободное, вакаціонное время онъ проводилъ по цѣлымъ днямъ гдѣ нибудь въ лѣсу, лежа подъ деревомъ, съ книгою въ рукѣ, прислушиваясь къ разнообразнымъ отголоскамъ жизни, кипящей среди уединенія, любуясь и деревомъ, и травкой, и цвѣткомъ, и голубымъ, безоблачнымъ небомъ... И какъ пламенно, какъ горячо любилъ онъ всю эту роскошь созданія, какъ нѣжно сочувствовалъ онъ всему, что вмѣстѣ съ нимъ дышало, трепетало жизнію... И говоръ листьевъ, и жужжаніе насѣкомыхъ, и тихое колебаніе цвѣтка, и отдаленный, мелодическій ропотъ ручейка, пробирающагося по камешкамъ, все это было ему знакомое, родное, все это понималъ онъ и любилъ, потому что его сердце, оттолкнутое людьми и все таки кипящее жизнію и чувствомъ, сливалось и дѣлилось этимъ чувствомъ со всѣмъ окружающимъ его. Между тѣмъ годы шли. Ребенокъ превращался въ молодого человека.

Насталъ срокъ поступить въ Московскій Университетъ. Здѣсь Костя понялъ вполне свою бѣдность, свое ничтожество; онъ созналъ, что судьба обрекла его быть вѣчнымъ труженикомъ для куска насущнаго хлѣба. Но Костя изъ всѣхъ испытаній и уроковъ вышелъ побѣдителемъ. Они не только не ослабили его нравственныя силы, но напротивъ, подарили ему много убѣжденій, надежную точку опоры во всѣхъ сомнительныхъ вопросахъ жизни. Такъ онъ понялъ, что первое условіе человека, въ какихъ бы онъ ни былъ отношеніяхъ къ жизни, есть трудъ разумный, послѣдовательный и дѣятельный. Онъ понялъ, что прежде чѣмъ быть артистомъ, ремесленникомъ, графомъ или купцомъ, человѣкъ обязанъ быть человекомъ.

Костя понялъ также очень хорошо, что онъ никогда не можетъ имѣть правъ гражданства въ свѣтскомъ кругу, гдѣ блистали или

куда стремились его товарищи. Онъ былъ неловокъ, нехорошъ собою, робокъ, и въ добавокъ бѣденъ; не имѣлъ ни родства, ни связей. Но и это не возмутило его. Таварищи смѣялись иногда надъ его неловкостью, но онъ занимался науками, не пропуская никогда ни одной лекціи, приходя раньше всѣхъ и уходя послѣднимъ. Костя не защищался. Онъ только сознавалъ въ глубинѣ души, что онъ лучше многихъ изъ своихъ собратовъ, и это сознание развило въ немъ чувство собственного достоинства, то спасительное чувство, которое дѣлаетъ недоступнымъ душѣ всѣ мелочно-злѣбныя побужденія, которыя такъ сильно развиты въ людяхъ необразованныхъ, или непонимающихъ истиннаго образованія. Оно отдалило навсегда отъ Кости зависть, мстительность, и вдохновило его благородною энергіей, которая не требуетъ отъ жизни того, чего не дала судьба и примиряется со всякою участью не отъ недостатка силъ, не отъ избытка ихъ, не по слабости, а по великодушію.

Въ двадцать два, двадцать три года характеръ Кости образовался совершенно самостоятельно и неизмѣнно на всю жизнь.

Наконецъ онъ поступилъ на службу. Тутъ, на свободѣ отъ дѣла онъ предавался весь своимъ мечтаніямъ.

Когда Костя началъ читать поэтовъ, когда въ минуту уединенія и отдыха давалъ онъ волю воображенію, до тѣхъ поръ свободно парящему всюду, оно стало чаще и упорнѣе останавливаться на одной свѣтлой, отрадной мечтѣ, и рисовало Костѣ какой-то дивный призракъ. Эти мечты были несвязны, темны, какъ что-то отдаленное, но пламенны, роскошны и упоительны, какъ сама молодость. Воображеніе создавало Костѣ чудныя картины. Оно рисовало какія-то волшебныя палаты, можетъ быть, въ родѣ тѣхъ, гдѣ обитала нѣкогда Душенька Богдановича. Въ нихъ все было—блескъ, свѣтъ, гармонія и красота... Блестящая, изящная толпа наполняла этотъ волшебный чертогъ. Тутъ раздавались звуки упоительной музыки, благоухали невѣдомыя растенія. Но дивной мелодіей звучали для молодаго человѣка женскія рѣчи и шелестъ женскаго платья...

Красавицы, какъ картинная галерея женскихъ типовъ, какъ дивныя созданія великихъ художниковъ проходили предъ нимъ толпою и ласково смотрѣли на него очами то черными и жгучими какъ молнія, то голубыми и кроткими какъ небеса, которыми любовался онъ въ минуты грусти... Но Костя шелъ безстрастный

и гордый мимо этой дивной толпы. Онъ искалъ чего-то не земнаго. Онъ искалъ созданія, которое бы безъ словъ поняло его душу, полюбило ее, сроднилось бы съ нею... И вотъ онъ находилъ наконецъ свою богиню. Все, чѣмъ поэты плѣнили его воображеніе, всѣ типы, которые нравились ему, сливались въ этомъ созданіи. Тутъ была и Миньона, и Маргарита, и Офелія, и Ундина, и все это сосредоточивалось и сливалось въ одномъ созданіи юнаго воображенія. И эта женщина или эта Пери, это идеальное, эфирное существо смотрѣло на Костю съ любовью, и шептало ему чудныя рѣчи...

Мой бѣдный мечтатель ложился у ногъ милаго созданія и беззаветно отдавалъ ему всю душу, все сердце, все свое существованіе.

Не смѣйтесь надъ нимъ, мой читатель. Вспомните вашу первую юность. Можетъ быть, еще и не такіе сны грезились вамъ!

Но увы! на землѣ, вокругъ себя Костя не находилъ и твои ничего подобнаго. Напротивъ, чѣмъ старше становился онъ, тѣмъ отчетливѣе понималъ, что надъ нимъ болѣе чѣмъ надъ кѣмъ нибудь другимъ тяготѣетъ желѣзная проза жизни.

Наконецъ судьба поселила его въ маленькомъ городкѣ, въ мезонинѣ у Ненилы Панкратьевны.

Въ этой комнатѣ, которую описали мы, среди книгъ, ученыхъ занятій, среди своего хаоса наконецъ, Константинъ Николаевичъ былъ на своемъ мѣстѣ, въ своей сферѣ. Сюда же перенесъ онъ и свой чудный идеалъ неземной женщины, свою Гретхенъ, Офелію, Ундину. Но увы! ближайшее знакомство съ жизнью и людьми почти убѣдили его, что на землѣ нѣтъ осуществленія этого идеала, а если и найдется гдѣ нибудь, то вѣрно не для него, чудака, оригинала, неловкаго съ женщинами.

Константинъ Николаичъ нисколько не унылъ даже и отъ этого открытія. Онъ посмѣялся надъ своею мечтою, разувѣрился въ ней, но не изгналъ ее изъ своей памяти. Онъ любовался на нее въ своемъ прошедшемъ.

А между тѣмъ случай дѣлалъ свое. Мой герой влюбился... нѣтъ, это слово слишкомъ пошло: онъ полюбилъ всею душою, всѣми думами и помышленіями, всѣмъ существомъ своимъ простую смертную, молоденькую дѣвушку, почти ребенка...

III.

Наташа читала дневникъ Константина Николаевича съ лихорадочнымъ увлеченіемъ. Щеки ея разгорѣлись, глаза сверкали...

Еслибъ въ эту минуту самъ герой ея романа вошелъ въ комнату, Наташа не оторвалась бы отъ тетради не дочитавъ ея до конца. Въ ней заключался для молодой дѣвушки важный вопросъ: надѣяться или нѣтъ?

Наташа любила Константина Николаича со всѣмъ увлеченіемъ и преданностью юности, со всею мечтательностью уединенной жизни, чуждой всякихъ размеченій.

Сначала она много пропускала. Тутъ были философскія разсужденія, мысли, набросанныя живо и увлекательно, но не для нея. Наташа не понимала ихъ. Потомъ вдругъ на одной страницѣ мелькнуло какое-то завѣтное имя, отмѣченное буквою *Л* съ тремя звѣздочками. Наташа вздрогнула, наклонилась ближе къ тетради и еще разъ прочла всю страницу... потомъ быстро перевернула и пересмотрѣла нѣсколько листовъ: вездѣ, на каждой страницѣ было это имя... Наташа отбросила тетрадь, поблѣднѣла и долго сидѣла въ раздумьи поникнувъ головкой... Ее вывелъ изъ забытья голосъ Матрены, читавшей громко въ кухнѣ наставительную рѣчь котенку, опрокинувшему молочникъ. Наташа вспомнила, что драгоценное время идетъ даромъ; что бабушка можетъ проснуться и хватиться ее. Она тяжело вздохнула и снова принялась за тетрадь. Наташа читала теперь медленно, съ напряженнымъ вниманіемъ, вникая въ смыслъ cadaго слова, каждой мысли. Въ глазахъ у нея рябило, жилы въ вискахъ сильно бились. Каждая строчка впивалась въ ея сердце мучительною болью. Каждое слово отнимало у нея все, что до сихъ поръ было родостнаго, утѣшительнаго въ жизни, что поэтизировало эту труженическую, однообразную жизнь, надежду и спокойствіе, отраду, блаженство глубокаго чувства, хотя нераздѣленнаго, но за то и ничѣмъ невозмущаемаго. Ревность, какъ всѣмъ извѣстно, самая губительная изъ всѣхъ страстей. Но какъ всякое слишкомъ живое чувство, она дѣйствуетъ не одинаково на всѣ характеры. Натуры пламенные, нервныя она сожигаетъ мгновенно, убиваетъ въ нихъ все, чѣмъ онѣ жили. На характеры болѣе твердые, но глубоко чувствующіе, она дѣйствуетъ не такъ быстро, но едва ли не мучительнѣе. Она впивается въ сердце, срастается съ нимъ, и какъ червь точить его медленно, незамѣтно, но постоянно, до тѣхъ поръ, пока оно замретъ въ страданіи.

Наташа прочитала тетрадь до конца, закрыла и, положила на прежнее мѣсто, и тихо, осторожно вышла изъ комнаты и сошла по лѣстницѣ. Она была страшно блѣдна, всѣ черты ея ли-

ца, до сихъ поръ всегда веселаго и улыбающагося, измѣнились.

Она вдругъ какъ будто прожила нѣсколько лѣтъ. Но ни одной слезы не выронила Наташа.

Бабушка еще спала. Наташа зажгла свѣчку, и какъ всегда, сѣла въ гостиной подлѣ столика, съ шитьемъ въ рукахъ. Но при первой стежкѣ работа выпала изъ рукъ... Наташа безсознательно, безцѣльно устремила впередъ неподвижный взоръ, и просидѣла такъ долго, ни о чемъ не думая, ничего не сознавая, почти ничего не чувствуя. Казалось, въ эти минуты въ ней медленно умираю сердце...

А между тѣмъ въ это же утро Константинъ Николаичъ быстро мчался на тройкѣ къ Краснымъ Горкамъ. Погода была вѣтренная, обильный снѣгъ падалъ хлопьями. Но Константину Николаичу было не до погоды. Если былъ когда нибудь счастливый человѣкъ, вполне довольный и своимъ прошедшимъ и будущимъ, то это именно мой герой. Молодость, даже и самая горькая, и самая безотрадная, сама по себѣ уже есть счастье. Она живетъ грядущимъ и живостью опущеній.

Аккуратно два раза въ недѣлю Константинъ Николаичъ ѣздилъ по этой дорогѣ. Ему было знакомо каждое деревцо, каждый пригорокъ, каждый ухабъ. И всякій разъ когда подъѣзжалъ онъ къ селу, когда за крутымъ поворотомъ открывался видъ на два длинные ряда избъ съ рѣзными кровлями и расписными окнами, а вдали изъ-за мельницы мелькала свѣтло-зеленая кровля господскаго дома, у Константина Николаича сердце било тревогу... Это чувство пойметъ вполне только тотъ, кто или еще молодъ, или живо помнитъ свою молодость.

Андрей Ильичъ Берестовъ, самый богатый помѣщикъ во всемъ уѣздѣ, справлялъ всегда свои именины на славу. Имянинные обѣды его отличались такимъ изобиліемъ и великолѣпіемъ, что въ городѣ М. во всѣхъ переулкахъ толковали о нихъ по крайней мѣрѣ полгода еще спустя, а нѣкоторыя изъ закоренѣлыхъ кумушекъ-старожилокъ, рассказывая о какомъ нибудь замѣчательномъ происшествіи и желая съ точностью опредѣлить эпоху, выражались такъ:

— Это было въ тотъ годъ, когда у Андрея Ильича на именинахъ были страсбургскіе пироги, за которыми нарочно ѣздилъ Петрушка въ Петербургъ, или что нибудь подобное, въ этомъ же родѣ.

Охотниковъ до чужихъ обѣдовъ всегда и вездѣ много, а потому нѣтъ ничего мудренаго, что у Андрея Ильича, съ двѣнадцати часовъ утра домъ былъ полонъ гостей.

Константинъ Николаичъ вошелъ въ переднюю не безъ тайнаго трепета. Многолюдство было не по немъ; въ обществѣ онъ былъ еще болѣе неловокъ и застѣнчивъ; но дѣлать было нечего. Онъ добровольно готовъ былъ подвергнуться всѣмъ истязаніямъ. Оправившись передъ зеркаломъ и пригладивъ миниатюрной гребеночкой свои шелковистые, красивые волосы, отворилъ онъ дверь въ залъ. Здѣсь былъ говоръ, смѣхъ, шумъ, пестрота, такъ, что у Константина Николаича зарябило въ глазахъ. Но ему не въ первый разъ случалось испытывать это смущеніе, и онъ никогда не терялъ присутствія духа. До всѣхъ этихъ людей ему не было никакого дѣла. Онъ пріѣзжалъ не къ нимъ и не для нихъ. Слѣдовательно они могли смѣяться въ тихомолку сколько имъ было угодно надъ его неловкими поклонами, надъ его не безукоризненно моднымъ костюмомъ, и надъ всѣмъ, что отличаетъ человѣка непривыкшаго къ свѣту. Было только одно милое созданіе, которое привлекало его въ этой толпѣ, и которое его пламенный и навѣкишій глазъ, несмотря на застѣнчивость и смущеніе, отыскивалъ всегда съ перваго взгляда.

На этотъ разъ однакоже милаго созданья не было въ залъ. Константинъ Николаичъ подошелъ къ хозяину раскланялся, пожелалъ ему всѣхъ благъ, и храбро пустился дальше, въ гостиную. Здѣсь на диванѣ сидѣла во всемъ своемъ великолѣпнн тетушка Марья Ильинишна, особа въ высшей степени замѣчательная, и которую Константинъ Николаевичъ, Богъ знаетъ почему, какъ-то безотчетно боялся. Тетушка Марья Ильинишна пожилая дѣвица, сестра Берестова и полная хозяйка въ его домѣ, потому что онъ былъ вдовецъ, извѣстна было по всему городу М. своей недоступностью, важностью, чувствомъ собственного достоинства и образованностью. Последнее достоинство приписывали ей потому, что она говорила съ своими племянницами не иначе какъ по-французски, громко и бойко спорила съ молодыми и пожилыми людьми обо всемъ, начиная отъ политики и разныхъ современныхъ вопросовъ до самыхъ бездѣлицъ, и страстно любила умничать.

Впрочемъ тетушка была не глупа. Но какъ многія изъ женщинъ она смотрѣла на свои качества въ увеличительное стекло. Въ силу того, въ глубинѣ души она была убѣ-

ждена, что она очень умна, такъ умна, что только она-то одна и можетъ все понять, постигнуть и обо всемъ разсудить непогрѣшимо.

Пагубное ослѣпленіе, но что прикажете дѣлать! Рѣдко найдется женщина, которая смотрѣла бы на себя безпристрастно, прямыми глазами, потому что хотя женщины вообще созданія милыя, очаровательныя, нѣжныя, чувствительныя и въ тысячу разъ лучше мужчинъ, но безпристрастіе рѣшительно такая добродѣтель, которая изъ тысячи дается въ удѣлъ одной, да и то не слетаетъ на колыбель ея въ минуту рожденія, какъ даръ какойнибудь благодѣтельной феи, а приобретается въ продолженіе странствованія по жизненному пути, цѣною горькихъ уроковъ, и не рѣдко живо и глубоко прочувствованныхъ страданій, такихъ страданій, которыя отвлекаютъ взглядъ женщины отъ самой себя, и научаютъ наблюдательности.

Тетушка Марья Ильинишна была чрезвычайно вѣжлива со всѣми и любила щеголять этою утонченною вѣжливостью не только передъ барынями аристократками, но даже передъ низшими, передъ старушками въ темныхъ платьяхъ и бѣлыхъ, скромныхъ чепчикахъ, которыя переходятъ изъ дома въ домъ и терпятся иногда просто какъ развлеченіе отъ скуки, а иногда и потому, что приносятъ своего рода пользу, какъ на примѣръ, наша знакомка, Марья Никитишна.

Тетушка Марья Ильинишна говорила всегда, что это жалкія, закоренѣлыя провинціалки, не выдавшія порядочнаго общества, и что для нихъ-то въ особенности и слѣдуетъ подавать примѣры вѣжливости и bon ton'a.

Чтобъ довершить этотъ очеркъ, прибавимъ, что Марья Ильинишна была высокаго роста и соразмѣрно полна; ея осанка, походка и всѣ движенія отличались какою-то театральною, натянутой важностью. О своихъ трехъ племянницахъ, дочеряхъ Берестова она заботилась и пеклась изъ всѣхъ силъ, и часто со слезами умиленія говаривала своимъ добрымъ пріятельницамъ, что приняла въ отношеніи къ нимъ завѣтный долгъ, и что исполняетъ его съ истиннымъ самоотверженіемъ.

Впрочемъ Марья Ильинишна немножко преувеличивала этотъ долгъ. Малѣйшій криво приколотый бантикъ, развившійся локонь, немножко дѣтски рѣзвый смѣхъ, лишній кадрилъ или туръ вальса съ однимъ и тѣмъ же провинціальнымъ львомъ приводили ее въ отчаяніе.

Она говорила своимъ племянницамъ, что онѣ должны быть образцемъ совершенства, знанія приличій, ловкости, граціозности, образованности, изящныхъ манеръ, и Богъ знаетъ чего еще, потому что онѣ дочери Андрея Ильича Берестова, слѣдовательно существа совершенно отдѣльныя отъ всего остальнаго рода человѣческаго, которыя могутъ всѣмъ служить примѣромъ, но отнюдь не заимствовать отъ другихъ ничего. Вообще тетушка Марья Ильинишна, какъ и всѣ пожилыя вдовы, обладала зоркимъ взглядомъ Аргуса, и ни одинъ шагъ племянницъ не скрывался отъ ея глазъ. Двѣ старшія вполне вѣрили во всѣ достоинства тетушки, въ ея глубокой умъ, въ непогрѣшимую опытность, и повиновались ей всегда во всемъ съ апатическимъ хладнокровіемъ. Онѣ знали, что тетушка ихъ любитъ, что заботится о нихъ, что онѣ богаты, и что когда придетъ пора выдти замужъ, тетушка отыщетъ имъ жениха, приличнаго во всѣхъ отношеніяхъ. А больше чего же надо?

Но меньшая, Людмила, созданіе живое, огненное, мечтательное, не всегда бывала въ ладахъ съ тетушкой, и за то ей крѣпко доставалось отъ всѣхъ домашнихъ.

Когда Константинъ Николаичъ вошелъ въ гостиную, первый взглядъ его и поклонъ былъ Марьѣ Ильинишнѣ. Затѣмъ онъ быстро окинулъ взглядомъ всю комнату, и слегка покраснѣлъ. Въ амбразурѣ окна сидѣла группа дѣвицъ, и около нихъ въ разныхъ позахъ болѣе или менѣе граціозныхъ, рисовались молодые люди, или носящіе названіе таковыхъ, вообще кандидаты на званіе жениховъ; по крайней мѣрѣ въ провинціяхъ всегда предполагаютъ такіе замыслы въ кавалерахъ, предпочитающихъ общество дамъ мужской компаніи.

Людмила была тутъ же. Она очень привѣтливо и весело разговаривала съ какимъ-то усатымъ господиномъ среднихъ лѣтъ, бѣлокурымъ, плотнымъ, румянымъ, съ безмятежной фізіономіей, вполне выражающей, что этому человѣку не о чемъ и не для чего думать на бѣломъ свѣтѣ. Господинъ этотъ былъ въ золотыхъ очкахъ. Костюмъ его, хотя самый изящный и безукоризненный, но немножко широкій и мѣшковатый, и приемы его медленные, лѣнливые, обличали привычки человѣка давно наслаждающагося комфортомъ и нѣгою сельской жизни.

Людмилу съ перваго взгляда нельзя было назвать хорошенькой. Она была худа, блѣдна и смугла, и вообще не развилась еще вполне. Но всмотрѣвшись въ нее пристально, вы убѣдились

бы, что года через два или три она должна была превратиться въ красавицу. Всѣ черты ея лица были миниатюрны и правильны, но много теряли отъ худобы и желтоватой блѣдности, которая у женщинъ проходитъ съ годами. Только большіе черные глаза, осѣненные длинными, густыми рѣсницами, слегка загнутыми къ верху на оконечностяхъ, были обаятельно хороши. Въ ихъ глубокомъ взглядѣ было что-то мягкое, робкое, боязливое, невыразимо привлекательное. Обыкновенно когда Людмила молчала, ея фізіономія выражала что-то сосредоточенное, неподвижное, слишкомъ серьезное для ея лѣтъ. Но когда она говорила о чемънибудь занимательномъ, лице ея совершенно измѣнялось. Всѣ ощущенія отражались въ немъ живо и быстро. Щеки разгорались, глаза искрились, и въ эти минуты въ нее можно было влюбиться всѣмъ сердцемъ, какъ и сдѣлалъ Константинъ Николаичъ. Когда онъ вошелъ въ гостиную, Людмила не переставая разговаривать и смѣяться съ своимъ кавалеромъ, взглянула на Константина Николаича, потомъ на тетущку. Въ этомъ бѣгломъ взглядѣ заключалась цѣлая мысль. Но никто не догадался о ней. Константинъ Николаичъ подошелъ къ Людмилѣ, поклонился, поздравилъ съ именинникомъ и отошелъ къ другому окну. Здѣсь онъ смиренно пріютился на кончикѣ стула и занялся наблюденіями. Это была его обыкновенная роль въ обществѣ.

— Que signifie cette figure? спросила вполголоса одна молодая дѣвушка, съ насмѣшливою фізіономіей у старшей сестры Людмилы, сидѣвшей около дивана, подъ непосредственнымъ надзоромъ тетущки.

— Это чудакъ, оригиналь, какихъ мало.

— Я его никогда не видала.

— Не мудрено, потому что онъ нигдѣ не показывается.

— Но какъ же онъ попалъ къ вамъ?

— У насъ онъ очень часто бываетъ. Это поклонникъ Людмилы. Онъ учитъ ее русской словесности.

— Вотъ какъ! Такъ у Людмилы есть уже поклонники??

— Согласись, по крайней мѣрѣ, что этотъ вовсе неинтересенъ. Я ей не завидую.

— И я также, отвѣчала блондинка, и обѣ засмѣялись.

Константинъ Николаичъ нисколько не подозрѣвая, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него рѣчь шла о немъ, прислушивался къ разговору Людмилы съ толстымъ господиномъ въ очкахъ. Константинъ Николаичъ не любилъ этого господина. Онъ былъ

задушевный пріятель Берестова, часто бывалъ у него въ домѣ и позволялъ себѣ въ обращеніи съ Людмилой какой-то фамиліарно отеческій тонъ, какъ съ ребенкомъ.

Людмила была первая женщина, которую полюбилъ нашъ чудакъ. Она осуществляла для него идеаль, о которомъ мечталъ онъ, когда еще только что началъ мечтать. Она стояла такъ высоко въ его мнѣніи, что ему хотѣлось, чтобъ весь свѣтъ смотрѣлъ на нее его глазами. А толстый господинъ въ очкахъ и рыжихъ усахъ смотрѣлъ на нее, напротивъ, съ пьедестала собственнаго величія, о которомъ имѣлъ очень лестное для самого себя мнѣніе, потому что былъ счастливымъ владѣльцемъ двухъ тысячъ душъ, съѣздивъ за границу, самъ не зная зачѣмъ, потому что ѣздили его товарищи, и наконецъ поселился въ деревнѣ, гдѣ жилъ, какъ ему хотѣлось, т. е. ничего не дѣлая и ни о чемъ не думая.

Вотъ почему Константину Николаичу не нравилось вообще когда этотъ господинъ долго разговаривалъ съ Людмилой. А это случалось довольно часто...

Въ настоящую минуту разговоръ шелъ занимательный, потому что Людмила часто смѣялась, а помѣщикъ спорилъ и доказывалъ.

— Нѣтъ, какъ вамъ угодно, говорилъ онъ, но я не могу повѣрить, не могу убѣдить себя, чтобъ въ ваши лѣта вамъ не хотѣлось бы пожить въ Петербургѣ, въ большомъ свѣтѣ, пользоваться всѣми удовольствіями.

— Да я и не говорила этого, отвѣчала Людмила, вы не такъ поняли меня. Я, напротивъ, такъ еще мало видѣла и испытала, что мнѣ хотѣлось бы видѣть и испытать все, что вы такъ краснорѣчиво описываете... только я говорю, что удовольствія, балы, спектакли, этого мало для жизни... это не идеаль земнаго благополучія, какъ вы доказываете.

— Я давно знаю, что вы большая философка, это говорить и ваша тетушка; но докажите мнѣ въ чемъ жѣ для женщины можетъ заключаться счастье? Докажите, тогда я соглашусь съ вами.

Людмила взглянула на помѣщика, и его сіяющая, круглая фізіономія показалась ей такъ забавна, что она засмѣялась.

— Въ чемъ я не берусь доказывать, я такъ мало жила, что не могу судить о томъ чего не знаю. Но мнѣ кажется, что счастье не для всѣхъ одинаково. Все зависитъ отъ взгляда на жизнь,

отъ вкусовъ... Напримѣръ, вы въ восторгѣ отъ вашего новаго дома. Папа рассказывалъ, что онъ убранъ такъ, что хоть сейчасъ подь стеклянный колпакъ...

Помѣщикъ самодовольно улыбнулся.

— Я увѣрена, продолжала Людмила, что вы истратили на него бездну денегъ.

— Да, я ничего не пожалѣлъ, чтобъ окружить себя всеми удобствами, которыя необходимы, отвѣчалъ помѣщикъ съ несо-
всѣмъ искреннею скромностью.

— Вотъ видите, значить вы довольны вашимъ домомъ?

— Да.

— А попробуйте подарить его мнѣ, я не возьму.

— Почему?

— Да потому что въ немъ я умерла бы со скуки... Вы забыли самое главное—библіотеку. У васъ нѣтъ ни одной книги, ни одного инструмента.

Помѣщикъ закусилъ губы.

— Это потому, отвѣчалъ онъ, что у меня нѣтъ страсти къ чтенію, но за то у меня великолѣпная охота, у меня чудныя лошади.

— И выходить, продолжала Людмила, что все условно, зависить отъ вкуса. Наполните вотъ эту комнату шкапами съ хорошими книгами, поставьте рояль, и я съ восторгомъ промѣняю на нее весь вашъ домъ, всю вашу охоту, и даже вашу самую любимую лошадь.

Помѣщикъ какъ-то странно посмотрѣлъ на Людмилу. Онъ не зналъ смѣяться ему или сердиться.

— Бѣсенокъ, проговорилъ онъ мысленно, да еще какой дерзкій бѣсенокъ!

Но бѣсенокъ въ эту минуту былъ такъ очаровательно милъ, ея щеки горѣли такимъ яркимъ румянцемъ, глазки искрились такою коварной веселостью, что у помѣщика недостало силъ разсердиться.

— Я никогда не повѣрю, сказалъ онъ, чтобъ женщина не любила хорошо меблированныхъ комнатъ, нарядовъ, удовольствій.

— И прекрасно сдѣлаете, если не повѣрите, потому что никто васъ не увѣряетъ въ противномъ. Я говорю, что все это прекрасно, когда можно имѣть, но какъ аксесуары въ жизни.

— Неужели вы находите удовольствіе только въ книгахъ?

— Зачѣмъ же только? Я нахожу удовольствіе во многомъ, а книги для меня необходимость.

— Право, я сегодня поссорюсь съ вами. Вы хотите доказать мнѣ, что собираетесь сбѣлаться или синимъ чулкомъ, или чѣмъ нибудь въ такомъ же родѣ; женщина такое чудное, милое созданіе, что ужъ довольно того, что она женщина... ей не надо ни какой роли. Судьба дала ей самую лучшую.

— Я говорю то, что думаю и чувствую. Вольно же вамъ не вѣрять... Кажется съ вами я всегда искренна.

— А хотѣлось ли бы вамъ побывать за границей?

— О, да. Увидать новыя страны, новые обычаи, другихъ людей, другую природу — это наслажденіе!

— Право? воскликнулъ обрадованный помѣщикъ.

— Только, прибавила Людмила помолчавъ, я хотѣла бы путешествовать одна.

— Это зачѣмъ?

— Потому что тогда я исполняла бы всѣ фантазіи, которыя бы мнѣ приходили въ голову и безъ которыхъ путешествіе потеряло бы для меня всю прелесть.

— Удостоите открыть хоть одну изъ этихъ фантазій.

— Извольте, тутъ нѣтъ секрета, на примѣръ, я прошла бы всю Швейцарію пѣшкомъ...

— Наслажденіе! нечего сказать!

— О вкусахъ не спорять.

— Потомъ?

— Потомъ... вы думаете, что я ограничилась бы путешествіемъ по Европѣ? Нѣтъ, это все ужъ знакомо изъ рассказовъ, изъ описаній; я оставила бы Европу *pour la bonne houe*, я прежде всего поѣхала бы въ Америку. Я хотѣла бы осмотрѣть все, что отдаленно отъ насъ, что не похоже на европейское.

— Ужъ лучше прямо въ Австралію къ дикарямъ... народъ самый любопытный.

— Да, я часто сожалѣю зачѣмъ я не мужчина. Тогда я была бы морякомъ и совершила бы путешествіе вокругъ свѣта.

Въ эту минуту загремѣли стулья. Привѣтливый голосъ Марьи Ильинишны пригласилъ къ обѣду. Гостиная опустѣла. Людмила проходя мимо Константина Николаича, остановилась въ дверяхъ.

— Вы будете сегодня танцовать? сказала она.

— А вы непременно хотите чтобъ я танцовалъ?

— Хочу, отвѣчала Людмила покраснѣвъ.

— Тогда буду.

— Merci.

— За что же вы благодарите? Развѣ есть что нибудь на свѣтѣ чего бы я не сдѣлалъ, если вы хотите? отвѣчалъ въ полголоса Константинъ Николаичъ.

Людмила очень хорошо знала, что Константинъ Николаичъ готовъ былъ для нее на всѣ подвиги. Эта любовь льстила ея юному самолюбію. Какъ женщина, а вмѣстѣ съ тѣмъ почти какъ ребенокъ, она любила доказательства этой привязанности. Константинъ Николаичъ никогда не объяснялся ей въ своихъ чувствахъ, даже никогда почти не намѣкая о нихъ, успѣлъ ее убедить въ нихъ и избаловать.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила она насмѣшливо.

— Придумайте что нибудь такое, чтобы человекъ былъ въ состояніи исполнить, вы увидите сдѣлаю я или нѣтъ, отвѣчалъ Константинъ Николаичъ хладнокровно.

— Все?

— Все, что только человеку возможно.

Людмила была не кокетка, но ей было семнадцать лѣтъ, а главное—она сама любила.

Возможно ли въ такомъ случаѣ устоять противъ искушенія испытать до какой степени простирается привязанность любимаго человека?

— Я васъ поймала на словѣ, сказала она. За обѣдомъ я придумаю вамъ испытаніе. Смотрите, не откажитесь.

— Никогда, отвѣчалъ Константинъ Николаичъ съ такимъ убѣждающимъ взглядомъ, что Людмила съ восторгомъ подумала:

— Какъ онъ умѣетъ любить, и какое счастье быть такъ любимой!

Обѣдъ тянулся безконечно. Константинъ Николаичъ съ нетерпѣніемъ ждалъ конца. Онъ не внималъ шумному говору, толкамъ о новостяхъ, о службѣ, о сельскомъ хозяйствѣ, не слышалъ громкихъ возгласовъ помѣщиковъ, мелодическаго лепета барышень съ любезными кавалерами и плаксиво протяжныхъ голосовъ модныхъ барынь города М., толковавшихъ съ умиленіемъ о новыхъ шляпкахъ и новыхъ матеріяхъ. А жаль, онъ услышалъ бы много интереснаго.

Наконецъ подали шампанское, загремѣли тосты, говоръ, смѣхъ, споръ все слилось въ одинъ общій гулъ.

Когда встали изъ-за стола, Людмила вмѣсто того чтобъ идти

направо въ гостиную, куда отправилось все общество, пошла на лѣво. Черезъ минуту она и Константинъ Николаичъ стояли у окна въ небольшой комнатѣ, освѣщенной матовымъ мерцающимъ свѣтомъ лампы. Тутъ былъ столъ съ тетрадами и книгами, маленькій диванъ, нѣсколько стульевъ, а по стѣнамъ географическія карты. На одномъ изъ шкаповъ съ книгами стояли глобусы, на другомъ сѣрые отъ пыли бюсты почтенныхъ мужей древности. Занавѣсы у оконъ и мебель были ситцевые, полинялые и закопченные. Видно было, что на эту комнату не обращали вниманія: она была заброшена, забыта. Комната эта называлась классной, и въ нее рѣдко входилъ кто нибудь посторонній. Но и герой мой и героиня любили эту комнату. Въ другихъ имъ было какъ-то неловко вдвоемъ. Тамъ они были чужды другъ для друга, здѣсь они дышали привольно. Здѣсь познакомились они, когда Людмила было еще четырнадцать лѣтъ. Здѣсь Константинъ Николаичъ встрѣтилъ въ живой, бойкой дѣвочкѣ многія знакомыя ему черты своего мечтательнаго идеала, и обрадовавшись своей находкѣ, принялся съ жаромъ разработывать сокровище, ниспосланное ему судьбою. Онъ нашелъ сердце открытое для всѣхъ впечатлѣній, умъ здравый. Это завлекло его. Онъ научилъ этотъ умъ размышлять, сердце чувствовать.

Ученица съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе понимала чѣмъ обязана учителю, умѣла понять и оцѣнить его, несмотря на его неловкость, робость и застѣнчивость, рѣдко нравящаяся молодымъ дѣвушкамъ.

Повѣсть ихъ любви можно рассказать въ нѣсколькихъ словахъ: они начали съ самой скучной вещи въ мірѣ, съ грамматики Греча... Потомъ прошли поэтовъ, исторію литературы вообще, потомъ Константинъ Николаичъ, которому нехотѣлось разстаться съ ученицей, началъ преподавать ей ботанику; начальныя понятія объ астрономіи, физикѣ, химіи, и наконецъ они дошли до результата взаимной любви.

Константинъ Николаичъ любилъ глубоко, преданно и безкорыстно. Людмила живо, и какъ женщина, съ кокетствомъ. Онъ готовъ былъ все переносить, она всячески испытывать надъ нимъ силу своей власти, потому что это тѣшило ее, какъ ребенка.

— Васъ можно поздравить съ новою побѣдой? сказалъ Константинъ Николаичъ, когда они сошлись въ маленькой комнаткѣ.

— Съ какой?

— А Барсуковъ? Я слышалъ весь вашъ разговоръ съ нимъ. Ему очень хотѣлось добиться, что вамъ нравится.

— Это побѣда старая. Еслибъ вы знали какъ онъ несносенъ!

— Отчего? онъ богатъ, а это такое качество, которое скрадываетъ много недостатковъ.

— Что съ вами, Константинъ Николаичъ? спросила Людмила съ удивленіемъ. Съ какой стати, потому что онъ богатъ, я найду его любезнымъ, умнымъ или занимательнымъ? Еслибъ онъ былъ въ десять разъ богаче, онъ все таки останется для меня Барсуковымъ, т. е. самымъ скучнымъ, самымъ невыносимымъ человекомъ на свѣтѣ.

— Я согласенъ съ вами. Но не всѣ такъ думаютъ. Напримеръ, ваша тетушка, вашъ папа.

— Что же изъ этого?

Константинъ Николаичъ задумался и не слышалъ вопроса.

— Что жъ за бѣда, повторила Людмила, что Барсуковъ въ дружбѣ съ тетушкой и съ папа? Онъ старинный знакомый.

— У меня есть странное предчувствіе, я увѣренъ, что онъ предложитъ вамъ руку и сердце.

— Пусть предлагаетъ. Я выйду замужъ только за того, кого люблю, отвѣчала Людмила тихо, и отвернулась къ окну, чтобъ скрыть яркій румянецъ, выступившій на щекахъ.

— А вы любите? спросилъ Константинъ Николаичъ внѣ себя отъ восторга, тихо, неувѣреннымъ тономъ.

— Кого? Барсукова? отвѣчала Людмила съ лукавою улыбкой. Нѣтъ. А что жъ испытаніе? Вѣдь я придумала?

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, только вы не сдѣлаете.

— Что? говорите.

— Сдѣлаете?

— Все на свѣтѣ.

— Можетъ быть все, кромѣ этого.

— Развѣ такое ужасное испытаніе?

— Я бы на вашемъ мѣстѣ не сдѣлала ни за что въ мірѣ.

— Говорите скорѣе, вы меня пугаете.

Людмила взглянула въ окно. Вечеръ былъ темный. Поле разстилалось безпредѣльной снѣжною равниной. Направо во мракѣ едва рисовались темные очерки густаго лѣса. Обнаженные деревья стояли неподвижно, какъ гигантскія привидѣнія. Вѣтеръ свободно завывалъ въ полѣ и глухо шумѣлъ въ дали. Шелъ снѣгъ.

— Видите, сказала Людмила, какая темная, страшная ночь?

Константинъ Николаичъ улыбнулся.

— Да. Что жъ дальше?

— Въ лѣсу должно быть очень страшно?

— Вы вѣрно хотите послать меня на кладбище, чтобъ испытать мою храбрость, и велите принести вамъ черепъ, какъ доказательство, что я сдержалъ слово?

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ романическое испытаніе, на кладбищѣ я васъ не пошлю. Но я не вѣрю вообще ни въ какія жертвы. На словахъ все преувеличиваютъ, на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ не такъ. Вы сказали давеча, что готовы сдѣлать все, что я захочу, вотъ вамъ случай доказать, что это не пустая фраза. Я не пошлю васъ на кладбище, не предлагаю вамъ отличиться никакимъ особеннымъ подвигомъ. Я хочу самой простой вещи: подите теперь въ лѣсъ, обойдите его и вернитесь назадъ.

— Что жъ, это дѣло возможное. Я возьму ружье, фонарь, и если не утону въ снѣгу, часа черезъ два явлюсь обратно.

— Вы рѣшитесь? Вы пойдете въ лѣсъ въ эту темную ночь?

— Пойду, чтобъ доказать вамъ, что рыцари донъ-Кихоты, живущіе и на яву и во снѣ только одною завѣтною мечтою, не перевелись еще и въ наши времена, отвѣчалъ Константинъ Николаичъ съ грустною улыбкой. Онъ взглянулъ на Людмилу. Въ глазахъ его виднѣлось какое-то глубокое, серьезное чувство, которое странно противорѣчило его шутивому тону.

— Смотрите же, сказала Людмила съ дѣтскою радостью, въ самый лѣсъ, вотъ прямо, черезъ это поле. Я буду смотрѣть въ окно.

— Да ужъ я-то мое слово сдержу. Въ лѣсъ такъ въ лѣсъ. Только что-жъ изъ этого будетъ? прибавилъ Константинъ Николаичъ.

— Какъ, что будетъ? Вы докажете, что на ваши слова можно полагаться.

— Этого мало. Вы и теперь вѣрите мнѣ, я это знаю, и если придумали мнѣ испытаніе, то только такъ, для забавы... прихоть.

— Положимъ что такъ. Отъ васъ зависитъ исполнить ее или нѣтъ.

— Я исполню, потому что это ваша прихоть, но... ког-

да я возвращусь изъ моего путешествія по лѣсамъ... дайте слово, что вы будете откровенны со мной и скажите...

— Что?

— Кого вы любите!

— Хорошо, отвѣчала Людмила не совсѣмъ твердымъ голосомъ. Она ускользнула въ залу а оттуда въ гостиную.

Константинъ Николаевичъ вышелъ въ переднюю.

— Прохоръ, сказалъ онъ прикацику, покажи-ка мнѣ твое новое ружье, которымъ ты хвасталъ.

— Сейчасъ, батюшка, Константинъ Николаичъ, отвѣчалъ прикацикъ. Ружье-то славное. Не купите ли? Мнѣ его подарилъ управляющій Шестакова. Да на что мнѣ оно?

— Ну, покажи, покажи, мнѣ надо съѣздить домой, такъ кстати возьму его, завтра попробую.

Прикацикъ побѣжалъ и чрезъ нѣсколько минутъ вернулся съ ружьемъ.

Константинъ Николаичъ осмотрѣлъ его съ видомъ знатока.

— Да, порядочное, а дорого?

— Да что милость ваша будетъ. Мнѣ-то вѣдь дареное, ужъ не обидите.

— Хорошо, я возьму его, попробую.

— Вы домой ужъ изволите ѣхать?

— Я опять приѣду. Кстати дай-ко пороху зарядить. Можетъ быть я еще дорогой попробую по птицѣ.

Прикацикъ принесъ изъ барскаго кабинета пороховницу и дрови.

Константинъ Николаичъ зарядилъ ружье, положилъ пороховницу въ карманъ и надѣлъ шубу.

— Дай-ка еще фонарь, Прохоръ. Знаешь, маленькій, ключицынъ, На всякій случай. Прошедшій разъ, какъ я ѣхалъ отъ васъ, слетѣла гайка съ колеса, и ямщикъ въ потьмахъ цѣлый часъ возился въ снѣгу за нею.

Прикацикъ принесъ фонарь, и герой мой, запасшись спичкою, прехладнокровно пустился въ путь.

Сначала онъ шелъ благополучно; правда, что снѣгъ въ полѣ былъ очень глубокъ, и мой странствующій рыцарь на каждомъ шагу тонулъ въ немъ до колѣнъ. Но это нисколько не смущало его: Константинъ Николаичъ былъ не извѣженнаго воспитанія. Холодъ, сырость были ему ни почемъ. Отъ поля до лѣса было около полверсты. Послѣ полчасаго утомительнаго странствованія, Констан-

тинъ Николаичъ добрался до лѣсу. Лишь только онъ вступилъ въ него, снѣжная поляна показала ему просто бальною залюю. Здѣсь онъ долженъ былъ, утопая буквально въ сугробахъ снѣга, пробираться между деревьями. Сухія вѣтви хлестали ему въ лице. Къ довершенію несчастія, фонарь погасъ, и Константинъ Николаичъ шелъ на обумъ. Но къ чести моего героя, и къ утѣшенію всѣхъ женщинъ, невѣрующихъ въ такое прекрасное чувство, какъ примѣръ любовь, скажемъ, что Константину Николаичу ни разу не пришло въ голову побранить мысленно или словесно свою героиню за ея ребячески-романическія затѣи. Онъ даже не думалъ о непріятности, а можетъ быть и объ опасностяхъ своего странствованія. Всѣ его думы и мечты стремились въ эти минуты къ одной точкѣ. Онъ думалъ о томъ, что скажетъ ему Людмила когда онъ вернется.

Только въ двадцать три года, и такой чудакъ какъ Константинъ Николаичъ, можетъ быть способенъ къ такому самозабвенію.

Въ тридцать лѣтъ любить, можетъ быть, и также глубоко и также искренно, но уже не исполняютъ женскихъ фантазій не размышляя, а напротивъ, стараются вразумить, что отъ нихъ нѣтъ никакой пользы.

Константинъ Николаичъ около часа уже пробирался между деревьями. Онъ шелъ по опушкѣ лѣса не теряя изъ вида деревни, чтобъ не заблудиться. Взошедшій мѣсяцъ освѣщалъ ему путь. Герой мой порядочно утомился. Лѣсъ былъ не длиненъ съ этого края и примыкалъ къ большой дорогѣ. До цѣли было уже недалеко. Константинъ Николаичъ рассчитывалъ, что выйдетъ на большую дорогу, а оттуда повернетъ по тропинкѣ въ деревню, и придетъ домой уже не прежнимъ путемъ, а другимъ, не столь утомительнымъ. Вдругъ недалеко уже отъ большой дороги, между деревьями, что-то ярко сверкнуло. Константинъ Николаичъ остановился и началъ всматриваться. Въ темнотѣ двигались двѣ сверкающія точки.

— Волкъ, подумалъ мой герой, и хладнокровно прицѣлился изъ ружья.

Выстрѣлъ не удался. Отсырѣвшее ружье осѣклось.

Константину Николаичу стало какъ-то неловко. Онъ прибавилъ шагу. Волкъ не струсилъ, и какъ бы дразня его подвигался медленно, осторожно, украдкою съ другой стороны. Горько стало Константину Николаичу. Въ двадцать три года путешествовать вечеромъ по лѣсу, съ глазу на глазъ съ такимъ непріятнымъ

товарищемъ! Въ двадцать три года, когда еще такъ хочется жить. Константинъ Николаичъ опять насыпалъ на полку пороху. Ружье вторично осыклось.

Но между тѣмъ сверкающіе глаза подвигались все ближе и ближе.

Тогда мой герой со всѣмъ мужествомъ отчаянія взялъ ружье въ обѣ руки и рѣшился защищаться прикладомъ до послѣднихъ силъ. Только въ эту минуту мысль о Людмиль съ какимъ-то горькимъ чувствомъ мелькнула въ его головѣ и сердце... Только теперь, что-то похожее на упрекъ, вмѣстѣ съ тяжелымъ вздохомъ вырвалось изъ его груди.

Вдругъ вдали раздался протяжный напѣвъ пѣсни и скрипъ полозьевъ... Константинъ Николаичъ ожилъ. Онъ не пошелъ а побѣжалъ къ большой дорогѣ. Шуба мѣшала ему. Онъ сбросилъ шубу и перескакивая съ кочки на кочку, ныряя между сугробами, въ одномъ фракѣ выбѣжалъ на большую дорогу.

— Стой! воскликнулъ онъ громовымъ голосомъ.

Крестьянинъ, развалившійся въ саняхъ, которыя тащила шагкомъ усталая лошаденка, пересталъ пѣть и остановилъ лошадь

— Что те надо? спросилъ онъ хладнокровно.

— Пусти меня въ сани, да погоняй лошадку, здѣсь волки.

И Константинъ Николаичъ не дожидаясь отвѣта прыгнулъ въ сани и ударилъ лошадь возжами.

— Волки? повторилъ крестьянинъ, да много ль ты ихъ видѣлъ, баринъ?

— Покамѣстъ одного, а можетъ быть тутъ и не одинъ водится.

— Ну, такъ и есть! это видно тотъ самый, проклятый, и есть что намедни у Петрухи собаку разорвалъ. Вишь окаянные! Не боятся вѣдь, что жилие близко... какъ голодны такъ и рыщутъ... И то сказать правду: голодь не свой братъ.

Да тебѣ баринъ куда?

— Въ Красныя Горки.

— Ну, ладно. Я тутошній. Эвона и деревня.

Крестьянинъ своротилъ на тропинку къ селу, привѣтливо манившему огоньками.

— Да гдѣ жъ ты баринъ шубу-то оставилъ?

— Въ лѣсу.

— Хмъ! какъ же ты въ лѣсъ-то попалъ?

— Да ужъ и самъ не знаю какъ, отвѣчалъ Константинъ Ни-

колаичъ, успѣвшій успокоиться и развеселиться при видѣ ярко освѣщеннаго господскаго дома, который сіялъ ему издали.

— Всяко бываетъ, замѣтилъ крестьянинъ съ глубокомысленнымъ видомъ. Я чай иззябъ ты, сердечный? Безъ шубы-то жутко на морозѣ.

— Ничего, отогрѣюсь, погоняй только лошадь, на водку дамъ.

Крестьянинъ взмахнулъ кнутомъ, и черезъ нѣсколько минутъ сами остановились у одной избы.

— Что, тебя до дому довести, чтоль, али въ избу изволишь зайти отогрѣться?

— Да, я лучше зайду къ тебѣ, отвѣчалъ, Константинъ Николаичъ послѣ минутнаго раздумья. Онъ думалъ о томъ какъ бы достать шубу, брошенную въ лѣсу. Безъ нее ему казалось очень неловко явиться въ Красныя Горки.

Онъ вошелъ въ избу.

— Послушай, дядюшка, сказалъ онъ крестьянину, подойдя къ горѣвшей лучинѣ и вынимая кошелекъ, какъ тебя зовутъ?

— Трифономъ, батюшка, отвѣчалъ крестьянинъ съ низкимъ поклономъ.

— Ну, слушай, Трифонъ, вотъ тебѣ двугривенный на водку, а коли достанешь изъ лѣсу шубу, дамъ тебѣ три рубля серебромъ, вотъ эту бумажку.

Крестьянинъ почесалъ затылокъ.

— Почему же не достать, достанемъ, радъ служить твоей милости. А далече?

— Нѣтъ, у самой опушки. Тамъ и фонарь я бросилъ.

— Эй, Гришка! Полно спать, мошенникъ! закричалъ крестьянинъ, обращаясь къ печкѣ, на которой храпѣлъ рослый дѣтина. Вставай, вона, баринъ въ лѣсу волковъ испужался, шубу обронилъ, съѣзди за ней.

Гришка слѣзъ съ печки, поразмялся и понявъ въ чемъ дѣло, призадумался.

— Этъ-та въ лѣсъ топерича? проговорилъ онъ.

— Да, въ лѣсъ. Чего думать? Сходи, позови съ собой Ванюху, баринъ три цѣлковыхъ даетъ.

Гришка мгновенно встрепенулся, сбѣгалъ за Ванюхой, и оба вооружась дрекольями и запасшись фонаремъ отправились въ лѣсъ за шубой.

Черезъ добрый часъ Константинъ Николаичъ, обсушившійся

и отогрѣвшійся входилъ по лѣстницѣ въ домъ Берестова. Доморощенная музыка гремѣла *Augoa-valse*.

Читатель видитъ, что вся эта исторія:

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой!

Augoa-valse производилъ тогда фуроръ.

Людмила вальсировала съ высокимъ уланомъ, но ей было не до танцевъ.

Когда Константинъ Николаичъ ушелъ, она смотрѣла въ окно до тѣхъ поръ, пока онъ скрылся въ лѣсу. Она уже раскаявалась въ своей прихоти, и хотѣла было вернуть его, но какъ?

Послать за нимъ? Это могла провѣдать тетюшка, и тогда шутки были бы плохія. Идти самой? Закричать ему? Людмила въ порывѣ раскаянія хотѣла ужъ было рѣшиться и на это, но ее давно уже искали, и какъ только она вышла въ залу, чтобъ пробраться украдкой до подъѣзда, ее окружили. Уйти было нельзя. Людмила съ стѣсненнымъ сердцемъ прогуливалась по залѣ подъ ручку съ вереницей барышень и слушала любезности кавалеровъ, отвѣчая не въ попадь. Отсутствія Константина Николаевича никто не замѣтилъ, или не обратилъ на него вниманія. Начались танцы. Людмила едва могла владѣть собою. Всѣ ужасы, всѣ страшныя приключенія въ темную ночь въ лѣсу, о которыхъ читала она въ романахъ, представлялись попеременно ея воображенію.

Она поминутно смотрѣла на часы. Было около десяти часовъ, а Константинъ Николаичъ не являлся. Совѣсть не на шутку стала упрекать Людмилу. Въ эти минуты она поняла, что любить его болѣе нежели воображала. До сихъ поръ она была ребенкомъ, она видѣла въ чувствѣ Константина Николаича забаву, игрушку, и тѣшилась ею не размышляя. Теперь страданье превратило ее въ женщину. Она поняла всю глубину, всю преданность этой привязанности. Никто изъ всѣхъ этихъ любезныхъ, ловкихъ кавалеровъ, окружающихъ ее въ эту минуту, не рѣшился бы исполнить ея дѣтской фантазіи... Не одинъ бы не пошелъ по глубокому снѣгу въ лѣсъ темною ночью. Следовательно ни одинъ не былъ способенъ любить такъ какъ Константинъ Николаичъ. Сильная, искренняя и глубокая любовь такое прекрасное, могущественное чувство, въ ней виднѣтъ проблескъ такой свѣтлой, теплой души, что она невольно увлекаетъ сердце, способное къ сочувствію. А сердце Людмилы было впечатлительно... Еслибъ въ

эти минуты Константинъ Николайчъ явился вдругъ подлѣ нее, она высказала бы ему все, что у ней было на сердцѣ ..

Между тѣмъ раздались звуки *Allegro-valse*, мягкіе, граціозные, вѣющіе чѣмъ-то эфирнымъ, какою-то свѣжею, тихою радостью. Высокій кавалеристъ подошелъ къ Людмилѣ. Она положила руку на его плечо, и собравъ всѣ силы, чтобъ не заплакать отъ избытка раскаянія и отъ полноты чувства, которое вмѣстѣ съ этими дивными звуками вливалось ей въ сердцѣ, закружилась въ быстромъ вальсѣ...

При началѣ втораго тура Людмила чуть не вскрикнула отъ радости: у окна подлѣ двери въ гостиную стоялъ, прижавшись къ стѣнкѣ, Константинъ Николаичъ, и слѣдилъ за нею своимъ теплымъ, такъ живо говорящимъ сердцу взоромъ.

— Вы не озябли? съ вами ничего не случилось? спросила Людмила вполголоса подойдя къ нему. Ея глаза горѣли сердечною тревогой.

— Нѣтъ, ничего особеннаго, отвѣчалъ Константинъ Николаичъ, изъ скромности желавшій утаить эпизодъ съ волкомъ.

— Простите меня, я двадцать разъ сожалѣла объ этой глупой дѣтской прихоти. Васъ такъ долго не было... Я боялась не случилось ли съ вами чего... Вы сами виноваты... вы меня избаловали... Развѣ можно исполнять всѣ причуды, которыя придутъ мнѣ въ голову?

— По крайней мѣрѣ, вы теперь вѣрите мнѣ? Что жъ вы мнѣ скажете въ награду?

— Много, отвѣчала Людмила тихо.

— Когда же?

— Послѣ. Теперь могутъ услышать

Вечеръ приходилъ къ концу. Въ столовой накрывали ужинъ. Въ залѣ кипѣла мазурка, которую провинціальныя лбы танцуютъ съ особеннымъ восторгомъ. Звонъ шпоръ, топотъ, громкій говоръ и смѣхъ сливались съ музыкой. Для сердечныхъ объясненій и для душевныхъ разговоровъ нѣтъ удобнѣе времени какъ мазурка въ полномъ разгарѣ. Константинъ Николайчъ танцевалъ ее съ Людмилой.

— Что жъ вы мнѣ хотѣли сказать, спросилъ онъ въ минуту молчанія, наступившую за подробнымъ описаніемъ его странствованія по льсу.

Людмила вспыхнула.

— Сейчас скажу, отвѣчала она, будьте моимъ confident въ этой фигурѣ.

Когда дошла до нихъ очередь, Константинъ Николаичъ съ трепещущимъ сердцемъ сталъ за стуломъ Людмилы и нагнулся къ ней, чтобъ выслушать ея тайну.

— Я люблю васъ, прошептала Людмила чуть слышно.

Константинъ Николаичъ въ восторгѣ подвелъ Людмилѣ перваго кавалера, который подвернулся ему подъ руку.

Мазурка кончилась.

Послѣ ужина Константинъ Николаичъ и Людмила опять сошлись въ маленькой комнатѣ.

— Давеча въ мазуркѣ, сказалъ Константинъ Николаичъ, когда я былъ вашимъ confident, вы мнѣ сказали что-то, я не слышалъ или лучше не понималъ. Повторите еще разъ.

Голосъ Константина Николаича такъ дрожалъ, въ немъ слышалась такая робкая мольба, что-то такое страстное и вмѣстѣ нѣжное, что Людмила невольно взглянула ему прямо въ глаза, и встрѣтила взоръ полный чувства.

— Повторите, если вы хотите, чтобъ я былъ счастливѣйшимъ человѣкомъ въ этотъ вечеръ, сказалъ опять Константинъ Николаичъ почти шепотомъ. Я люблю васъ такъ давно, и такъ преданно, такъ искренно. Еслибъ вы знали съ какимъ наслажденіемъ, съ какою любовью старался я развивать вашъ умъ, ваше сердце, съ какой гордостью слѣдилъ за вашими успѣхами. Въ васъ перелилъ я всю мою душу, вы мое созданіе, и я имѣю полное право любить васъ всѣмъ сердцемъ, любить безгранично, преданно, безкорыстно, какъ никогда никто не будетъ любить васъ!

— Я это знаю, отвѣчала Людмила, я понимаю все, чѣмъ вы были для меня, и... и... люблю васъ!

Послѣднія слова едва можно было слышать. Людмила прильнула головкой къ плечу Константина Николаича... А онъ? Онъ забылъ весь міръ, все свое прошедшее и грядущее... Первый поцѣлуй любимой женщины сведеть съ ума и не въ двадцать три года. Людмила не отнимала головы отъ плеча Константина Николаича... Издали долетали до нихъ упоительные, быстрые звуки музыки...

Вдругъ раздался шелестъ шелковаго платья, и грозная, величественная фигура Марьи Ильинишны показалась въ дверяхъ.

Еслибъ вы знали, мой читатель, какъ невыразимо неприятенъ

слишкомъ быстрый переходъ отъ мгновеннаго очарованія къ сухой, тяжелой, грустной прозѣ жизни!

Въ послѣдствіи, съ годами мы привыкаемъ ко всѣмъ невзгодамъ.

Но горькое пробужденіе отъ перваго поэтическаго упоенія юности просто убійственно!

Людмила какъ бы дѣйствіемъ гальванизма отшатнулась отъ Константина Николаича. Оба были блѣдны какъ полотно. Марья Ильинишна успѣла замѣтить это движеніе. Но ни одинъ мускуль ея лица не пошевелился; Марья Ильинишна была тонкій политикъ.

— Поди въ залу, Людмила, сказала она племянницѣ, тамъ тебя ищутъ.

Людмила пошла въ залу за тетушкой. Константинъ Николаичъ, простоялъ еще нѣсколько минутъ на томъ же мѣстѣ, потомъ быстрыми шагами прошелъ всѣ комнаты до залы, взглянулъ еще разъ на Людмилу, которая уже танцевала, и уѣхалъ.

Черезъ два дня прогулка безъ шубы, тревога за Людмилу оказали надъ нимъ свое дѣйствіе.

Онъ лежалъ на диванѣ въ своей каморкѣ, въ жестокой горячкѣ. У изголовья сидѣла Наташа, блѣдная, унымая, и нетерпѣливо смотрѣла на часы и на лекарство, стоящее передъ ней на столѣ.

IV.

Прошло нѣсколько дней послѣ именинъ Берестова. Въ одно прекрасное утро знакомецъ нашъ Барсуковъ, въ атласномъ халатѣ и голубой ермолкѣ, шитой золотомъ, прохаживался по комнатамъ своего новопостроеннаго дома. Въ столовой, на кругломъ столѣ, посреди чайнаго прибора, возвышался серебряный самоваръ, и за нимъ предсѣдательствовала дама пожилыхъ лѣтъ, въ черномъ шелковомъ платьѣ. Изъ-подъ бѣлаго кисейнаго чепчика, на ея низкій лобъ спускались темныя бубли съ просѣдью. Ея сухое, желтоватое лице, не смотря на привѣтливую улыбку, которая никогда почти не сходила съ тонкихъ губъ, было одно изъ тѣхъ несчастныхъ лицъ, которыя съ перваго взгляда не только не располагаютъ въ свою пользу, но которыя, напротивъ, возбуждаютъ въ васъ какое-то странное чувство недовѣрчивости и осторожности. На этомъ лицѣ была написана крупными буквами хитрость. Особенно неприятно поражалъ острый взглядъ маленькихъ, черныхъ глазъ, смотрѣвшихъ всегда изъ подлобья. Эта дама была вдова, старшая

сестра Барсукова. Она жила въ домѣ брата съ тѣхъ поръ, какъ выдала замужъ въ Петербургъ послѣднюю дочь; Барсуковъ былъ лѣнивъ, безпеченъ. Сестрица изъ любви къ братцу, принялась помогать ему въ хозяйствѣ, и мало по малу прибрала все внутреннее и внѣшнее управленіе къ своимъ рукамъ. Братецъ былъ очень радъ. Онъ вполнѣ подчинился вліянію сестры, ничѣмъ не занимался, ни во что не вступался, ѣздилъ на охоту къ собѣднимъ помѣщикамъ, угощалъ ихъ обѣдами, хвасталъ предъ ними своимъ богатствомъ, и воспитывалъ лошадей.

— Прикажете, братецъ, еще чаю? спросила сестрица съ своей медовою улыбкой.

— Нѣтъ, благодарствуйте, отвѣчалъ Барсуковъ, продолжая прохаживаться по столовой.

Въ это утро на лицѣ его, противъ обыкновенія выразалось что-то похожее на мысль.

— Что вы это, братецъ, только одинъ стаканъ пили... Здоровы ли вы?

— Здоровъ.

— Что же вы это?

— Я думаю... отвѣчалъ Барсуковъ.

Сестрицу это очень заинтересовало. Она знала, что во-первыхъ братецъ ея никогда не думалъ, во-вторыхъ думать ему было не о чемъ, и онъ не долженъ былъ думать, потому что на это была она. Что жъ вдругъ теперь попало ему въ голову?

Это надо было разъяснить но осторожно, потому что братецъ, не смотря на всю свою безмятежность, иногда вдругъ ни съ того ни съ сего выходилъ изъ нормальнаго расположенія духа, и становился упрямъ такъ, что даже походилъ на человѣка съ характеромъ.

— Вы поѣдете сегодня куда нибудь? спросила она послѣ минутнаго молчанія.

— Да, поѣду, отвѣчалъ Барсуковъ, взглянувъ въ окно и потирая руки, съ радостною физиономіей человѣка, котораго ожидаетъ что-то пріятное.

— Попала въ жилу! подумала сестрица.

— Куда жъ вы хотите ѣхать? прибавила она въ слухъ.

— Къ Берестову.

Затѣмъ наступило продолжительное молчаніе. Сестрица побрякивала чайными ложечками, братецъ продолжалъ ходить.

Вдругъ онъ остановился и позвонилъ.

— Приготовь мнѣ одѣваться, сказалъ онъ вошедшему слугѣ, — фракъ, и вели заложить сани парою. Соврасова и Зяблицу.

Затѣмъ Барсуковъ закурилъ сигару и расположился на диванчикѣ подлѣ чайнаго стола.

— Сестрица, сказалъ онъ торжественнымъ тономъ. Я хочу съ вами поговорить.

— О чемъ?

— Вотъ видите, сестрица, вы знаете, что я васъ уважаю и всегда совѣтуюсь съ вами... Барсуковъ собрался было сказать цѣлую вступительную рѣчь, но подумалъ и махнулъ рукою.

— Однимъ словомъ, сестрица, заключилъ онъ, дѣло вотъ въ чемъ: я хочу жениться.

Маленькіе глазки сестрицы изъ подлѣбья сверкнули молніей. Окаменѣлая улыбка превратилась въ судорожную гримасу. Но все это было мгновенно. Этой затѣи, Анна Михайловна (такъ звали сестрицу) боялась больше всего на свѣтѣ, по своимъ, ей одной извѣстнымъ соображеніямъ и расчетамъ.

— Жениться, повторила она протяжно. Что это вамъ вздумалось?

— Да вѣдь надобно же когда нибудь жить такъ какъ люди, отвѣчалъ Барсуковъ. Что у меня? все есть. Домъ отдѣланъ отлично, денегъ куры не клюютъ; лошадей бездна, отъ экипажей сараи ломаются, можно бы, кажется, жить, такъ для чего все это? Самаго-то главнаго жены-то, молоденькой, хорошенькой, женочки-то и нѣтъ!

— Да что же вы до сихъ-то поръ думали, братецъ?

— Да такъ, въ голову не приходило. Да и не нравился никто особенно...

— На комъ же вы хотите жениться, братецъ?

— На Берестовой.

— На Марьѣ?

— Вотъ! Терпѣть не могу такихъ затянутыхъ куколъ! Что въ ней хорошаго? И ходить, и говорить, и смотреть все какъ будто на заказъ, по мѣркѣ.

— Такъ на Ольгѣ?

— Нѣтъ. И эта мнѣ не нравится.

— Неужели же на Людмилѣ? почти вскрикнула сестрица.

— А что? отвѣчалъ Барсуковъ съ лукавою улыбкой.

— Помилюйте, братецъ, вѣдь она еще почти ребенокъ! Парали она вамъ?

— Да чѣмъ же не пара? Правда, что молода немножко, да тѣмъ лучше. Мужъ всегда долженъ быть старше жены. Дѣвочку-то скорѣе возьмешь въ руки; я ее буду баловать, накуплю ей нарядовъ, устрою ей здѣсь библіотеку, выпишу рояль; свожу, пожалуйста, въ Петербургъ, она ничего не видала въ здѣшной глуши, да она меня, сестрица, просто обожать будетъ, души во мнѣ не будетъ слышать. Что жъ что я старше ее... да вѣдь я молодецъ молодецъ.

Барсуковъ бросилъ сигару и подошелъ къ зеркалу, напѣвая какой-то веселый мотивъ.

Сестрица молчала.

— Ну, что-съ? сказалъ наконецъ Барсуковъ остановясь противъ нее. Нравится ли вамъ моя будущая невѣста, а? Вѣдь вы не ожидали отъ меня такой прыти, признайтесь, не ожидали!

Анна Михайловна тяжело вздохнула.

— Жениться, братецъ, очень легко, особенно за васъ Берестовъ отдастъ любую изъ дочерей, радешенекъ будетъ... Да дай Богъ только счастья! И Анна Михайловна опять вздохнула.

— Да съ чего-жъ вы взяли, сестрица, что я непременно буду съ нею несчастливъ? сказалъ Барсуковъ съ досадой.

— Избави Богъ, братецъ! Я этого даже и не думала. Вы сейчасъ горячитесь... Я говорю только, что Людмила очень молода, пойметъ ли она обязанности жены? Вы же съ вашимъ мягкимъ характеромъ избалуєте хоть кого. Вотъ вы ужъ ничего не вида собираетесь и въ Петербургъ ее везти, и нарядовъ ей накупить... все это приучить ее къ разсвѣнію... Она только и будетъ думать что о нарядахъ, да объ удовольствіяхъ... Вы ей сперва внушите, что вы мужъ, т. е. глава въ домѣ, и что она должна уважать вашу волю, а потомъ ужъ, если она пойметъ это, тогда и балуйте. Все зависитъ отъ того, какъ вы ее сначала поведете... Дайте-ка волю молоденькой дѣвужкѣ на первой порѣ, такъ потомъ съ нею и не справитесь... мало ли мы видимъ примѣровъ...

— Что, съ женой-то не справится? воскликнулъ Барсуковъ разгорячившись. Эге, не на такого попали! У меня такъ, такъ такъ, а нѣтъ, такъ я вѣдь и по-своему поверну, по стрункѣ ходить будетъ...

— Вы ужъ говорили Берестову?

— Нѣтъ, я сегодня затѣмъ и вѣду.

— Братецъ, сказала Анна Михайловна, и физиономія ея при-

няла выраженіе обиженного достоинства: вы знаете, какъ я расположена къ вамъ, какъ родственно люблю васъ и желаю вамъ счастья... вы меня извините, но я скажу вамъ, что меня огорчаетъ тутъ одно обстоятельство...

— Какое?

— Ваша неоткровенность со мною. Ну, что бы вамъ было раньше сказать мнѣ, что вы намѣрены жениться. . Я бы тогда сблизилась съ Марьей Ильинишной, и какъ нибудь обиняками поразвѣдала бы у нее о характерѣ и наклонностяхъ Людмилы... Впрочемъ если вы еще не говорили ничего Берестову, то время не ушло... Право, братецъ, пообождите немножко... Воля ваша, а жениться такъ, не разузнавъ ничего предварительно про невесту, это рисковано.

— Ну вотъ! у васъ, у женщинъ все то не хорошо, во что вамъ не удалось вмѣшаться.. Во-первыхъ я еще вчера самъ не зналъ, что сегодня захочу жениться... во-вторыхъ, что тутъ разузнавать... Поручи-ка это вамъ, такъ и конца не дожидаться. Известно какъ женщины все дѣлаютъ: пойдутъ толки, да ахи, да охи, да такая выйдетъ каша, что въ тупикъ станешь... То ли дѣло мы: вздумалъ, сдѣлалъ—и кончено. И толковать много не о чемъ.

— Какъ вамъ угодно, братецъ, это ваше дѣло, если я вмѣшалась въ него, то единственно изъ участія въ вамъ. Давай Богъ успѣха и счастья.

— Благодарствуйте, сестрица, въ успѣхъ-то я увѣренъ, ну, а счастье зависитъ отъ того, какъ его искать будешь... Женись пожалуй, да оставь жену на ея волю, разумѣется, толку не будетъ, ну, а ужъ я съ моей жены глазъ не спущу. Все готовъ сдѣлать, чтобъ была довольна; ну, да ужъ и меня должна она за то уважать и слушаться.

Барсуковъ пошелъ одѣваться. Анна Михайловна посмотрѣла ему вслѣдъ съ какою-то ѣдкою усмѣшкой.

— Тебѣ только и взять жену въ руки, прошептала она, когда всякій можетъ повернуть тебя какъ флюгарку. Посмотримъ! И Анна Михайловна мысленно поподчивала своего брата не однимъ лестнымъ эпитетомъ, которые мы изъ уваженія къ нему повторять не станемъ.

Но съ этого утра Людмила приобрѣла себѣ въ Аннѣ Михайловнѣ непримиримаго врага. За что? За то, что братцу ея вздумалось жениться, да еще не спросясь ея совѣта.

Вотъ вамъ женская справедливость!..

Черезъ часъ пара стрыхъ стояла уже у подъезда Берестова.

Барсуковъ прошелъ прямо въ кабинетъ пріятеля. Совѣщаніе продолжалось не долго.

Берестовъ позвонилъ и послалъ вошедшаго казачка попросить Марью Ильинишну.

Когда она вошла, владѣтель Красныхъ Горокъ расхаживалъ по кабинету съ праздничною фізіономіей, потирая руки и размахивая хлыстомъ. Барсуковъ же сидѣлъ развалиясь на диванѣ, и съ торжествующимъ видомъ смотрѣлъ и на пріятеля, и на картины, висѣвшія на стѣнахъ, и на лягавую собаку, лежавшую въ углу, на все, даже на чернильницу съ бронзовой статуеткой Наполеона, стоящую на столѣ.

— Что вамъ братецъ, надо? спросила Марья Ильинишна, раскланявшись съ Барсуковымъ.

— Что надо? вскричалъ Берестовъ остановясь, поздравьте насъ Гей, шампанскаго! прибавилъ онъ пріотворя дверь въ сосѣднюю комнату. Гдѣ вы тамъ всѣ? Степанъ! Мишка! Эй, вы... кто тамъ! сейчасъ подать шампанскаго.

— Да что вы, братецъ, зачѣмъ шампанскаго?

— Пить за здоровье жениха и невѣсты! отвѣчалъ Берестовъ подойдя къ Барсукову и хлопнувъ его по плечу. Ха, ха, ха! Что вы, сестрица, такъ смотрите? Я вамъ говорю, вотъ женихъ. Что, молодець, удралъ штуку? Отгадайте-ка, на комъ онъ собирается жениться?

— Какъ же я могу знать, братецъ? Вы такъ странно объясняете это.

— Не такъ какъ вы небось, сестрица, вы бы соблюли всѣ десять тысячъ китайскихъ церемоній, ну, а я человекъ простой, что на умѣ, то и на языкѣ.

Ужъ такой церемонной барыни, дружище, какъ твоя будущая тетушка, днемъ съ огнемъ не найдешь... Съ утра какъ встала, такъ ужъ и накрахмалится на цѣлый день... Боже упаси, если что сблаеть не по мѣркѣ...

— Ахъ, братецъ, перестаньте, пожалуйста. Вы вѣдь страхъ какъ несносны. Скажите лучше толкомъ, за кого Петръ Михайловичъ сватается?

— Отгадайте сами.

— За Marie?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ за Ольгу?

— И то нѣтъ! За цыганенка-то моего, за Людмилу... А какъ бы вы думали. Вѣдь понравилась же!

Степанъ явился съ шампанскимъ и съ бокалами.

Марья Ильинишна поздравила жениха.

— Андрей Ильичъ, а что жъ невѣста-то? замѣтилъ Барсуковъ.

— Справедливо. Позвать ее сюда. Эй, Степанъ, позови поди Людмилу Андревну.

— Братецъ, позвольте, вступилась Марья Ильинишна, съ такимъ видомъ, который не позволялъ ни малѣйшаго противорѣчія: въ этомъ случаѣ я ни за что не отступлюсь отъ моихъ китайскихъ церемоній. Я вашимъ дочерямъ съ дѣтства ихъ замѣняла мать, и потому надѣюсь, имѣю право требовать, за мои попеченія и заботы о нихъ, чтобъ вы позволили мнѣ распорядиться какъ матери... Петръ Михайловичъ женихъ достойный во всѣхъ отношеніяхъ, и онъ дѣйствительно дѣлаетъ честь дѣвицѣ, на которую обратить вниманіе. Слѣдовательно это дѣло кончено. И вы и я мы очень рады его предложенію, и съ удовольствіемъ принимаемъ его какъ роднаго въ наше семейство. Между нами можно и безъ церемоній... Но Людмила молоденькая дѣвушка... ее надо приготовить, такъ не дѣлается: позвать, объявить и, кончено. Она можетъ сконфузиться, ужъ какъ хотите а я пойду предупредить ее.

Марья Ильинишна сердечно была рада, что Берестову вздумалось жениться именно на Людмилѣ. Но она имѣла причины думать, что племянница не очень будетъ рада этой чести, и зная уже по опыту ея характеръ, боялась съ ея стороны упрямства.

— Ну ужъ если никакъ нельзя обойтись безъ того, такъ пожалуйста, приготовьте ее, какъ вы говорите, отвѣчалъ Берестовъ.

— А что за приготовленіе, прибавилъ онъ обратясь къ будущему зятю, когда Марья Ильинишна вышла: просто женская замашка, поумничать захотѣлось. Вотъ теперь я знаю, начнетъ ей говорить такую длинную рѣчь, что и конца не дождешься. Эхъ, досадно! Все бы дѣло можно было двумя словами кончить. Смотри, братъ, когда женишься, не позволяй женѣ умничать. И Берестовъ захохоталъ.

Между тѣмъ, въ маленькой комнаткѣ, уже знакомой намъ, у стола сидѣла Людмила. Передъ нею лежала открытая книга, но она

не читала, а развѣянно смотрѣла на снѣговую поляну, разстилавшуюся подъ окномъ, и на обнаженные деревья, чернѣющіяся вдали. Ничего не можетъ быть грустнѣе какъ картина зимы въ деревьяхъ.

Людмила сидѣла печально, облокотясь головой на смуглую руку и мечтала о Константинѣ Николаичѣ. Бываютъ въ жизни такія минуты, когда всякое страданіе чувствуется живѣе, всякая боль мучительнѣе вливается въ сердце. Въ эти минуты кажется будто всѣ чувства какъ-то эластически расширяются, и всякое горькое или радостное ощущеніе не скользитъ по душѣ, а западаетъ въ нее, и можетъ быть, со временемъ принесетъ свой плодъ. Эти минуты вызываютъ воспоминанія, размышленія и часто въ такія мгновенія нисходитъ на человѣка какой-то особенный даръ прозрѣнія: многое является намъ въ настоящемъ свѣтѣ, многое тогда понятно уму и доступно сердцу.

Людмила находилась именно подъ вліяніемъ такихъ минутъ. Съ того несчастнаго вечера, когда Константинъ Николаичъ высказалъ ей свою любовь, онъ не являлся. Людмила не знала, что онъ боленъ. Она думала, что онъ просто не смѣетъ явиться, опасаясь тетушки. Марья Ильинишна ни однимъ словомъ не намѣкнула племянницѣ о томъ, что знаетъ ея тайну. Но она говорила съ нею мало и такъ холодно, такъ сухо, что бѣдняжка съ сердечнымъ трепетомъ ждала каждый день чѣмъ-то разразится эта скопляющаяся гроза. Между тѣмъ Людмила приготовилась встрѣтить бурю съ твердостью. Самое худшее могло быть то, что тетушка расскажетъ все отцу. Но Людмила рѣшилась сказать ему прямо, что любитъ Константина Николаича и что никогда не выйдетъ за другаго.

Отецъ разсердится, Константину Николаичу откажутъ отъ дома... но Людмила будетъ ждать хоть годъ, хоть два, хоть десять лѣтъ. Когда же нибудь отецъ тронется ихъ любовью, и тогда... Людмилѣ казалось, что все это очень легко исполнить. Въ классическихъ романахъ, которые ей случалось читать, постоянство всегда увѣнчивается успѣхомъ... Конечно, все это не легко перенести: ей придется много пострадать; но она такъ любила Константина Николаича, такъ хорошо понимала его и знала, что онъ стоитъ того, чтобы за него перенести года два, три тяжелыхъ испытаній.

И Людмила, смотря на снѣговую поляну, задумалась о минув-

шемъ своемъ дѣтствѣ и вспомнила какъ развилась ея любовь къ Константину Николаичу.

Быль вотъ точно такой же холодный зимній день. Точно такъ же однообразно уныло качались деревья, и свѣжій снѣгъ застилалъ, какъ саваномъ, кой гдѣ еще желтѣющую травку... Въ домѣ все было тихо, всѣ ходили на цыпочкахъ, говорили шепотомъ... Это былъ горькій день въ жизни Людмилы. Отецъ былъ угрюмъ и сердитъ. Матери Людмила не видала съ утра. Ее не пускали къ ней въ спальню, говорили, что она очень больна. Обѣдала она въ дѣтской только съ сестрами. Послѣ обѣда вдругъ прибѣжала дѣвушка въ слезахъ, поговорила что-то съ няней, и няня повела Людмилу и сестеръ въ спальню къ больной. Здѣсь вмѣстѣ съ послѣднимъ благословеніемъ и поцѣлуемъ матери, началась для Людмилы новая жизнь, жизнь сироты. Ей было тогда семь лѣтъ. Вскорѣ послѣ смерти матери переехала къ нимъ тетушка Марья Ильинишна. Въ домѣ пошли перемѣны. Старшихъ сестеръ отвезли въ Петербургъ, въ пансіонъ, къ Людмилѣ приставили гувернантку французенку.

Это былъ ея злобный геній. При воспоминаніи о ней грустная, горькая улыбка мелькнула по лицу Людмилы... Фигура французенки, какъ живая нарисовалась въ ея воображеніи. M-lle Lucie, была пожилая дѣва, не сохранившая отъ молодости ничего, кромѣ привычки заботиться о своемъ туалетѣ.

Она была очень маленькаго роста, худенькая, неумолимая, и съ шести часовъ утра до поздняго вечера, что называется *ligée a quatre épingles*. Извѣстно, что французенки, пріѣзжающія въ Россію *pour faire leur fortune*, страшно корыстолюбивы. M-lle Lucie очень любила деньги, за то кромѣ ихъ не любила уже ничего на свѣтѣ. Если въ ея груди билось сердце, то оно было живою окаменѣlostью. О воспитаніи она не имѣла ни малѣйшаго понятія. Она взялась за него съ юныхъ лѣтъ, какъ взялась бы за всякое другое ремесло, и видѣла въ немъ только средство наживать деньги. Странствуя по разнымъ домамъ, она составила себѣ нѣчто въ родѣ методы, съ которою усвоилась до того, что руководилась ею совершенно машинально. Главныя правила этой методы состояли въ томъ, чтобъ ея воспитанницы держались прямо какъ палочки, чтобъ онѣ не рѣзвились и не бѣгали кромѣ положеннаго часа въ день, послѣ обѣда, чтобъ онѣ учили, всѣ уроки наизусть, не измѣняя и не прибавляя ни одного слова, и чтобъ выучивались говорить по-французски скоро и бой-

ко. Это послѣднее условіе полагала она цѣлью всего воспитанія.

М-Не Lucie говорила всегда однимъ тономъ, никогда не повышая и не понижая голоса; никогда не бранила своихъ воспитанницъ, но за то, за всякую вину у нее было назначенное наказаніе, и избѣжать его не было никакой возможности.

Наставница и ученица не сошлись съ перваго раза.

Людмила была слишкомъ живаго характера. Принужденіе было для нея невыносимо. Кромѣ того она была упряма. Мать избаловала ее и пріучила повиноваться только изъ любви, изъ страха огорчить, а вовсе не изъ страха наказанія. Она была чрезвычайно впечатлительна, и изъ нее легко можно было все сдѣлать, но точно также было легко и ожесточить ее.

М-Не Lucie съ своей методой достигла послѣдняго результата. За малѣйшую вину она придумывала рѣзвой дѣвочкѣ такое наказаніе, которому ей по ея характеру труднѣе всего было подчиниться. Если Людмила не знала урока, она въ чудный лѣтній день запирала ее на два или на три часа, въ свою комнату съ книгою въ рукѣ. Людмила смотрѣла въ окно, и забывала объ урокѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ, можно ли было помнить о немъ?

Небо сіяло ослѣпительно, деревья, цвѣты, каждая травка, все шевелилось, качалось, благоухало. Птички чирикали въ кустахъ такъ привѣтливо, такъ весело, какъ будто бы выманивали ее въ садъ...

И пестрая бабочка, и пчела, которая жужжала пролетая мимо, все это было свободно, не заперто какъ она, въ душной комнатѣ, все летѣло куда кому хотѣлось, все пользовалось солнцемъ, воздухомъ, свѣтомъ, наслаждалось жизнью...

И Людмила смотря на всю эту роскошь природы, задумывалась не на шутку. Ей хотѣлось все понять, все постигнуть дѣтскимъ умомъ. Ей хотѣлось знать почему изъ одной и той же земли вышли на Божій свѣтъ и красивый цвѣтокъ, и развѣсистое дерево, и простая травка? Откуда взяли цвѣты свои дивныя краски, солнце свой блескъ и теплоту? Зачѣмъ роса каждое утро и каждый вечеръ кропитъ всѣ растенія? Зачѣмъ небо сіяетъ такъ ярко, и что тамъ далѣе за нимъ, за этой прозрачной, лазоревой пеленой? Много подобныхъ вопросовъ тѣснилось въ дѣтской головкѣ Людмилы и задумывался надъ ними этотъ кипучій, мечтательный умъ...

Но къ кому было ей обращаться за рѣшеніемъ всѣхъ загадокъ,

занимавшихъ ее? Къ *m-lle Lucie*? Но во-первыхъ она чувствовала къ своей гувернанткѣ безотчетный дѣтскій страхъ, не допускавшій откровенности, во-вторыхъ *m-lle Lucie* никогда не объясняла ей ничего.

И Людмила смотрѣла въ окно и думала... а между тѣмъ время летѣло, два часа наказанія проходили незамѣтно; дверь отворялась, и Людмила, встрѣтивъ острый, неподвижный взглядъ *m-lle Lucie*, только тутъ вспоминала, что ее заперли за тѣмъ, чтобъ она училась.

Сначала она боялась Француженки, но потомъ, когда привыкла къ наказаніямъ, стала бороться съ нею. Не рѣдко книга летала въ окно, и когда *m-lle Lucie* входила въ комнату, Людмила съ триумфомъ показывала ей на грамматику Шапсаля, или на басни Лопотона, лежавшія на травѣ подъ окномъ. Не проходило дня безъ жалобъ и безъ наказаній.

M-lle Lucie жаловалась Марьѣ Ильинишнѣ, Марья Ильинишна Берестову.

— А мнѣ-то что жъ съ нею дѣлать? отвѣчалъ чадолубивый родитель. Я вѣдь вамъ сказалъ разъ, что дѣлайте, съ нею, что хотите.. Васъ двое, а вы не умѣете унять ребенка. Ну, высѣките ее, не давайте обѣдать, вотъ и будетъ шелковая.

Людмилу и сѣкли, и морили голодомъ, но ни что не помогало. Лучшимъ наслажденіемъ для нея было доказать *m-lle* француженкѣ, что она не боится ни ее, ни наказаній...

M-lle Lucie убѣдила Марью Ильинишну, что Людмила неисправима, и придала ей эпитетъ *d'un petit monstre*...

Между тѣмъ Людмила росла. Съ каждымъ днемъ развивались въ ней понятія и чувство.

Никогда никто не ласкалъ ее. Марья Ильинишна обращалась съ ней всегда холодно и строго.

Отецъ звалъ ее цыганенкомъ, и если говорилъ съ нею, то за тѣмъ, чтобъ побранить ее за шалости.

Вскорѣ сестры Людмилы вышли изъ пансіона. *M-lle Lucie* поступила къ нимъ въ компаніонки. Людмилу почти забыли.

По утрамъ *m-lle Lucie* еще занималась съ нею два или три часа. Остальное время дня она бѣгала по саду, лазила по деревьямъ, или читала что нибудь лежа на травѣ, подлѣ своего вѣрнаго друга и единственнаго существа, которое симпатизировало ей—огромнаго, чернаго водолаза Трезора.

Праздный, любопытный умъ Людмилы требовалъ пищи.

Она страстно полюбила чтеніе. Все, что удавалось ей поймать, она читала съ жадностью, украдкой...

Всѣ классическіе и не классическіе романы нашей литературы прочла она раньше четырнадцати лѣтъ.

Ничего не можетъ быть гибельнѣе для юнаго ума, какъ чтеніе романовъ, поспѣшное, безъ выбора, безъ разсужденія. Оно экзальтируетъ воображеніе, научаетъ смотрѣть на людей и на жизнь съ ложной точки. Такъ случилось и съ Людмилой. Ея пробуждающее сердце просило сочувствія, ласки, которыхъ не встрѣчало. Не разсуждая о томъ, что она сама виновата во многомъ, она сознавала только, то страдаетъ, и обвиняла окружающихъ ее. Страданіе развило въ ней преждевременную мечтательность. Пылкое воображеніе, настроенное чтеніемъ, создавало свой собственный особенный міръ, населенный не людьми, а идеалами... Въ немъ она не страдала, въ немъ она была счастлива. Богъ знаетъ, куда бы устремился этотъ развивающійся умъ, этотъ избытокъ чувства, затаенный изъ дѣтскаго упрямства и изъ недѣтской гордости.

Но судьба послала Людмилѣ Константина Николаича.

Это случилось вотъ какъ. Въ одинъ прекрасный день, Наташа принесла Марьѣ Ильинишнѣ заказанную работу. Марья Ильинишна разговорилась съ нею о ея житьѣ-бытьѣ, о бабушкѣ, о разныхъ разностяхъ. Наташа, ободренная ея ласковымъ тономъ, рассказала, что у нихъ нанялъ мезонинъ жилецъ, пріѣзжій изъ Петербурга, молодой человекъ и такой бѣдный, что кромѣ книгъ у него ничего нѣтъ...

— Чѣмъ же онъ живетъ, милая? спросила Марья Ильинишна. На службу пріѣхалъ?

— Да-съ изъ Петербурга, отвѣчала Наташа: онъ говоритъ-съ что сталъ бы въ свободное время отъ службы уроки давать по домамъ, еслибъ знакомые были...

— Чему же онъ можетъ учить?

— Ужъ этого я не знаю-съ. Думаю, что всему, онъ кажется очень ученый... все читаетъ да пишетъ.

Марья Ильинишна вдругъ пришло въ голову, что ея племянница, которая отлично говорила по-французски, благодаря *м-ше Люсіе*, по ея же милости болѣе ни о чемъ не имѣла понятія.

Она переговорила съ Берестовымъ, и черезъ нѣсколько дней

Константинъ Николаевичъ явился въ Красныя Горки, въ качествѣ преподавателя всѣхъ наукъ.

Живость Людмилы, ея врожденный даръ быстро все понимать и усваивать, завлекли его...

Познакомясь съ нею покороче, онъ понялъ, что ея умъ, всегда предоставленный самому себѣ, привыкъ работать дѣятельно, но на бесплодной и опасной почвѣ мечтательности.

Онъ умѣлъ дать ему другое направленіе. Онъ умѣлъ сдѣлать свои уроки занимательными, пробудилъ въ Людмилѣ любознательность.

Всмотрѣвшись пристальнѣе въ ея жизнь, изучивъ ея характеръ, онъ понялъ, что она страдаетъ...

Тогда Константинъ Николаичъ со всею добротою теплаго, сочувствующаго сердца взялся примирить Людмилу съ жизнью, съ людьми и съ самою собою. Онъ незамѣтно научилъ ее размышлять и судить строго прежде всего всѣ движенія и побужденія собственнаго сердца...

Людмила была слишкомъ умна, чтобъ не понять, что счастье во многомъ зависитъ отъ насъ самихъ. Ребяческое упрямство исчезло понемногу. Осталась только твердость характера, основанная на убѣжденіяхъ, которыя внушилъ ей Константинъ Николаичъ.

М-ле Люси отошла, потому что ей больше нечего было дѣлать у Берестовыхъ. Всѣ три сестры говорили по-французски, какъ она сама. Характеръ Людмилы значительно перемѣнился. Она стала терпѣливѣе, уступчивѣе, даже ласковѣе со всѣми. Она не страдала больше, она поняла, что есть сердце любящее ее со всѣми ея недостатками, есть рука, ведущая ее съ терпѣніемъ и любовью.

И Людмила изъ благодарности привязалась къ Константину Николаичу всѣмъ сердцемъ.

Онъ ѣздилъ въ Красныя Горки два раза въ недѣлю, оставаясь съ утра и до вечера, и цѣлый день занимался только своей ученицей. Лѣтомъ лекціи преподавались въ саду, подъ открытымъ небомъ. Но онъ не ограничивался учебнымъ столикомъ и положеннымъ часомъ. По окончаніи классовъ они отправлялись вмѣстѣ искать растений, герборизировать... Не было предмета, который не привлекалъ бы вниманія Людмилы и котораго Константинъ Николаичъ не объяснялъ бы ей съ увлеченіемъ...

Всѣ ихъ разговоры были съ его стороны продолжительною, занимательною и разнообразною лекціею.

Иногда въ тихій, вечерній часъ они катались вдвоемъ по озеру на рыбацкѣй лодкѣ...

Иногда, стоя другъ подлѣ друга и вооружась телескопомъ, они любовались вмѣстѣ мириадами брилліантовыхъ звѣздъ, и когда говорить ужъ было не о чемъ, они молчали... но ихъ сердца бились вмѣстѣ и сливались въ одномъ чувствѣ.

Всѣ домашніе въ Красныхъ Горкахъ смотрѣли на Константина Николаича какъ на оригинала, на человѣка вполне увязшаго въ безднѣ наукъ, и шутя называли его за глаза обожателемъ Людмилы, увѣряя ее въ тоже время, что онъ смотритъ на нее какъ на открытую книгу...

Марья Ильинишна была спокойнѣе другихъ. Она думала, что Людмила отъ скуки кокетничаетъ съ Константиномъ Николаичемъ, и видѣла въ этомъ одну ребяческую глупость, никакъ недопуская мысли, чтобъ ея племянница, дочь Андрея Ильича Берестова, влюбилась серьезно въ неловкаго, застынчиваго, бѣднаго молодого человѣка, или нелюдима, какъ Марья Ильинишна называла его за глаза.

А между тѣмъ Людмила съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе выходила изъ ребячь. Константинъ Николаичъ, замѣчая эту метаморфозу, пересталъ обращаться съ нею какъ учитель, оставилъ педагогическій тонъ, и съ восторгомъ созналъ въ Людмилѣ, въ своемъ созданіи, ту чудную, неземную дѣву, тотъ идеаль совершенства, который мелькалъ ему когда-то въ поэтическихъ образахъ Офеліи, Миньоны и прочихъ вымыслахъ поэтовъ.

Послѣдствія извѣстны читателю; Марью Ильинишну онъ поразили до такой степени, что она даже не знала, что предпринять и молчала изъ политическихъ соображеній.

Во всякомъ случаѣ она положила отказать Константину Николаевичу отъ дома, подъ тѣмъ предлогомъ, что образованіе Людмилы кончено, и дала замѣтить племянницѣ, что сердита на нее.

Мы оставили Людмилу у окна въ маленькой комнатѣ, передъ открытою книгой...

Вдругъ дверь тихо пріотворилась и вошла Марья Ильинишна. Людмила вздрогнула. Во всей особѣ тетушки, въ выраженіи лица, во взглядѣ, въ осанкѣ, было что-то особенно торжественное, не предвѣщающее добра.

Марья Ильинишна молча подошла къ столу, торжественно усѣ-

лась въ кресло, расправивъ всѣ складочки шелковаго платья, и велѣла Людмилѣ подать себѣ скамеечку.

— Признаюсь, Людмила, сказала она, я никакъ не ожидала, чтобъ ты сдѣлала такую блестящую побѣду...

Людмила едва переводила духъ. Она не сомнѣвалась, что дѣло идетъ о Константинѣ Николаичѣ.

— За тебя сватается женихъ. Папа велѣлъ ужъ было позвать тебя въ кабинетъ, но я пришла предварительно поговорить съ тобою.

— Кто же, *ma tante*? спросила Людмила робко.

— Первый женихъ не только во всемъ уѣздѣ, но даже едва ли не по всей губерніи, Барсуковъ.

Людмила поблѣднѣла.

— Въ самомъ дѣлѣ, *ma tante*? спросила она послѣ минутнаго молчанія съ какой-то иронически грустною улыбкой.

— Я тебѣ говорю, что отецъ велѣлъ тебя позвать къ нему. Барсуковъ у него въ кабинетѣ. Мы ужъ пили шампанское за здоровье жениха и невесты.

— Не спросясь меня?

— Ты говоришь вздоръ, мой другъ. Тутъ тебя спрашивать нечего. Барсуковъ такой женихъ, что за него надо идти съ радостью, безъ разсужденій. Только круглая дуручка не пойметъ этого.

— Да вѣдь я, *ma tante*, и то не очень умна, по крайней мѣрѣ такъ говорятъ. Никто, значить, не удивится если я не пойду за него.

Если онъ такой рѣдкій женихъ, пусть за него выходитъ котораянибудь изъ сестеръ. Вѣдь ему я думаю все равно.

— Послушай, Людмила, ты сегодня просто *dans un accès de mauvaise humeur*. Поговоримъ серьезно. Барсуковъ сватается не за твоихъ сестеръ, а за тебя, за самую меньшую. Значить ему не все равно на комъ жениться. Чѣмъ ужъ ты его очаровала, не знаю, это твоя тайна. Но почему ты не хочешь идти за него, это я хочу знать.

— Помилуйте, *ma tante*, скажите мнѣ сперва за что же выдти за Барсукова? Онъ пусть, необразованъ, лошадинникъ, и старѣе меня вдвое...

— Это все одинъ пустой предлогъ. У Барсукова двѣ тысячи душъ, а ты хоть и говоришь, что тебя считаютъ глупенькой, но я знаю, что ты слишкомъ умна, чтобъ не расчитать всѣхъ вы-

годъ такого замужства. Тутъ что нибудь да не такъ. Ужь не мечтаешь ли ты о бракѣ по любви?

— А если бѣ и такъ, ma tante? Развѣ нельзя выдти замужъ полюбивъ сперва человѣка?

— Такъ и есть, я отгадала. Вотъ они плоды твоей страсти къ книгамъ, твоей, извини меня на этотъ разъ, глупой мечтательности. Тутъ много виноватъ Константинъ Николаичъ. Это онъ толковалъ тебѣ

Видишь, Людмила, выслушай меня хоть разъ въ жизни безъ предубѣжденія. Дѣло идетъ не обо мнѣ, а о тебѣ, слѣдовательно я тутъ лицо постороннее. Мнѣ все равно за кого ты выйдешь: за Барсукова, или за кого другаго. Но я приняла на себя обязанность замѣнить всѣмъ вамъ мать, и хотя ты своимъ характеромъ дѣлала мнѣ всегда гораздо больше хлопотъ и непріятностей, нежели твои сестры, я все-таки люблю тебя какъ племянницу мою, и сочла бы просто грѣхомъ не растолковать тебѣ въ такомъ важномъ случаѣ то, чего ты не понимаешь. До сихъ поръ ты еще не жила: ты только читала и мечтала. Жизнь нисколько не похожа на то, что описывается въ романахъ. Романы пишутся для того, чтобъ было иногда что почитать отъ скуки... Въ нихъ вѣчно говорится про любовь, это все вздоръ. Оглянись хорошенько вокругъ себя: ты дѣвушка принадлежащая къ хорошему кругу общества; къ намъ въ домъ ѣздятъ только порядочные люди; тебя вывозятъ только въ хорошіе дома, ну, гдѣ жъ, скажи мнѣ на милость, въ какомъ хорошемъ семействѣ видала ты эту дурацкую любовь, о которой читалась въ романахъ? Я не спорю, что дѣвушка можетъ нравиться, но мой другъ, свѣтомъ, людьми руководитъ благоразуміе, а не вздорныя какія нибудь идеи. Сколько мы видимъ хорошенькихъ, милыхъ, образованныхъ дѣвицъ, а не выходятъ замужъ потому, что онѣ безъ состоянія. Если бѣ была въ свѣтѣ любовь, о которой ты мечтаешь, то всѣ бы женились очертя голову, понравилась—и подь вѣнецъ. А выходитъ-то совсѣмъ не такъ. Нынче молодые люди очень благоразумны, и сколько есть примѣровъ, что молодой человѣкъ женится на какой нибудь вдовѣ вдвое его старше, потому только, что она богата.

Въ жизни допускается только расчетъ, но вовсе не фантазія.

Ну, положимъ даже, что можно влюбитья и выдти замужъ по любви, что же изъ этого выйдетъ? Если оба бѣдны, отъ нужды, отъ недостатковъ всякая любовь пройдетъ, что жъ тогда останет-

ся? Если жъ жена богата, а мужъ бѣденъ, то надо чтобъ по крайней мѣрѣ онъ выкупалъ бы это умомъ, ловкостью, любезностью, чтобъ женѣ не стыдно было показаться съ нимъ въ обществѣ. А гдѣ ты въ нашей глуши отыщешь такого жениха? Въдъ не можешь же ты выйти за какого нибудь Константина Николаича, который не умѣетъ ни порядочно поклониться, ни сказать двухъ словъ сряду... Въдъ за такого мужа надо краснѣть на каждомъ шагу...

Поняла ли ты меня?

Въдъ Барсуковыхъ не много. Упустишь этотъ случай, придется же выйти потомъ за какого нибудь жениха средней руки.

А въдъ отецъ твой романовъ не допуститъ!

— Баринъ приказали васъ просить къ нимъ—съ въ кабинетъ, сказалъ въ эту минуту казачокъ, войдя въ классную.

Людмила во все продолженіе тетушкиной рѣчи сидѣла въ глубокой задумчивости, облокотясь на столъ одною рукою и перелистывая лежавшую передъ нею книгу.

Рвзкій голосъ казачка какъ будто пробудилъ ее отъ глубокаго сна. Она встала машинально и провела рукою по лбу. Что-то безотрадно-горькое выразилось во всѣхъ чертахъ ея лица.

— Тетенька, проговорила она умоляющимъ голосомъ, скажите папенькѣ, что я больна, что у меня болитъ голова, я не могу идти, дайте хоть подумать.

— Это неправда, милая, ты здорова, а думать тебѣ не о чемъ. Родители, а если ихъ нѣтъ, то тѣ, кто замѣняетъ ихъ, заботятся о счастіи дѣтей, и лучше ихъ знаютъ, что имъ надо. Повѣрь моей опытности. Со временемъ меня же поблагодаришь.

И Марья Ильинишна встала и пошла въ кабинетъ Берестова. Людмила блѣдная, разстроенная но съ твердой, какъ ей казалось рѣшимостью, не выходитъ за Барсукова, послѣдовала за тетушкой.

V.

Прошло около мѣсяца послѣ этого дня.

Было ясное морозное зимнее утро. На улицѣ подъ ногами прохожихъ скрипѣлъ снѣгъ; мальчишки съ громкимъ смѣхомъ и криками, разбурьяненные холодомъ, играли въ снѣжки, боролись и барахтались въ снѣговомъ пуховикѣ; солнце свѣтило ярко, привѣтливо заглядывая во всѣ окна, разрисованныя фантастическими, тонкими, граціозными узорами. Это утро было такъ полно зим-

ней свѣжести и дѣятельности, такъ живительно дѣйствовало на нервный организмъ человѣка, дышало чѣмъ-то такимъ веселымъ, радостнымъ, призывающимъ къ жизни, что на душѣ поневолѣ становилось какъ-то легко, и грустная мысль летѣла прочь при видѣ всеобщаго довольства.

Только у насъ на сѣверѣ бываютъ такія зимнія утра. Онѣ вливаютъ новыя жизненныя силы во все живущее. Подъ ихъ благотвѣльнымъ влiяніемъ больной становится бодрѣе, ребенокъ рѣзвится съ большимъ наслажденіемъ, и старость съ улыбкою смотритъ на свѣжій снѣгъ и на яркое солнце.

Въ скромной каморкѣ Константина Николаича, въ печкѣ трещаль огонекъ. На замерзлыхъ стеклахъ оконъ сверкали брилiанты, переливаясь отъ дѣйствiя солнечныхъ лучей всевозможными цвѣтами. Въ комнатѣ все было прибрано, на своемъ мѣстѣ, и радовало взглядъ гармоніей порядка, какъ будто тутъ пролетѣла невидимо рука благотвѣльной феи или любящей женщины, что почти одно и тоже. Самъ Константинъ Николаичъ сидѣлъ въ широкомъ, мягкомъ креслѣ, которое Наташа оттягала отъ бабушки, и смотрѣлъ на огонекъ то ярко вспыхивающій, то пробирающійся по дровамъ причудливыми струйками. Молодой человѣкъ только что выздоравливалъ отъ жестокой горячки, которою поплатился за странствованіе по лѣсу.

Въ возвращеніи къ жизни есть какое-то неизъяснимо-отрадное чувство. Мы какъ будто начинаемъ жить снова. Всѣ ощущенія бытія какъ-то живѣе, какъ будто мы въ первый разъ испытываемъ ихъ. Они доступны сердцу, а на сердцѣ какъ-то легко и спокойно. И солнце свѣтитъ ярче, и теплота пріятнѣе; будущее рисуется въ свѣтлыхъ очеркахъ, а изъ прошедшаго воображеніе вызываетъ только милые, граціозные образы... Константинъ Николаичъ находился именно подъ влiяніемъ этихъ ощущеній.

Его спокойный, безмятежный взглядъ пробѣгалъ по его каморкѣ съ какимъ-то теплымъ чувствомъ. Вотъ его книги, его бумаги, до которыхъ онъ такъ долго не дотрогивался! Скоро онъ опять примется за нихъ. Какъ любилъ Константинъ Николаичъ свой уединенный уголокъ! Онъ любилъ его за то, что въ немъ сосредоточивалась вся его жизнь, жизнь ума и сердца. Надъ всѣмъ парилъ геній поэзіи первой молодости, тотъ блестящій геній съ лазурными очами и улыбкой на устахъ, который зовутъ любовью, тотъ дивный геній, который заглядываетъ въ сердце, вызываетъ его изъ груди на Божій свѣтъ и расточаетъ его сокровища на

все окружающее, на все, что живетъ, чему мы научаемся сочувствовать.

И Константинъ Николаичъ любясь своей комнатою и по-матривая на огонекъ замечтался глубоко...

Дрова догорѣли, только по угольямъ извивалось то ярко-красное, то голубоватое пламя, затѣи причудливыхъ саламандръ...

Но Константинъ Николаичъ, слѣдя глазами за его струйками, думалъ не о саламандрахъ а о Людмилѣ... Людмила была дивной феей, озарившей поэзіей всю его жизнь.

Правда, что этотъ граціозный образъ, вызывая изъ сердца его самыя отрадныя ощущенія, пробуждалъ въ немъ также тревожную думу: къ чему поведетъ эта любовь?

Прежде этотъ вопросъ не пришелъ бы ему въ голову. Онъ былъ еще такъ молодъ, что могъ вполне жить поэтическимъ настоящимъ, не задумываясь о положительной будущности. Но первая глава его романа кончилась не совсѣмъ удачно. Константинъ Николаевичъ не безъ сердечнаго содроганія за Людмилу, вспоминалъ тотъ моментъ, когда фигура Марьи Ильинишны, какъ театральное привидѣніе, явилось въ самомъ патетическомъ мѣстѣ его сердечной драмы. Это налагало на него обязанность подумать о будущемъ не за себя, но за Людмилу. И Константинъ Николаичъ думалъ долго и усердно, не находя исхода.

Вдругъ яркая мысль, какъ внезапное вдохновеніе освѣтила его... Онъ рѣшился разрубить Гордіевъ узелъ, то есть просто похвать къ Берестову и посвататься за его дочь.

Не выздоравливай Константинъ Николаичъ отъ болѣзни, не будь такого чуднаго, радостнаго утра, не находишь онъ наконецъ подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній вновь пробуждающагося бытія, онъ долго, долго можетъ быть не рѣшился бы на этотъ подвигъ. Мы уже сказали, что онъ любилъ безъ всякихъ думъ и безъ расчетовъ. Онъ любилъ потому, что былъ молодъ, потому что его сердце изливалось въ любви точно также, какъ изливается гармонія въ звукахъ, мечта поэта въ граціозныхъ формахъ, мысль художника въ изящныхъ образахъ.

Онъ понималъ очень хорошо, что онъ не женихъ дочери такого помѣщика, какъ Берестовъ. Онъ зналъ заранѣе, что ему откажутъ. Но этотъ поступокъ оправдывалъ нѣкоторымъ образомъ Людмилу. Къ тому же Константинъ Николаичъ твердо вѣрилъ въ женское сердце. Вѣдь жилъ же онъ три года любя и не говоря ни слова о своей любви. Съ увѣренностью, что онъ любимъ,

онъ прожить, пожалуй, хоть еще столько же и даже больше, смотря по обстоятельствамъ, не ѣздивъ въ домъ Берестова, не выдавъ даже Людмилы. Притомъ можно найти тысячи средствъ облегчить какъ нибудь это послѣднее испытаніе. Можно писать урядкою другъ къ другу, можно видѣться гдѣ нибудь случайно... А Людмила будетъ любить только его, и рано или поздно Берестовъ согласится.

Константинъ Николаичъ, обдумавъ свой планъ со всѣхъ сторонъ, рѣшился дѣйствовать. Но прежде ему хотѣлось узнать мнѣніе Людмилы. Безъ ея согласія онъ не хотѣлъ отважиться на этотъ рискованный шагъ. Ѣхать къ Берестовымъ было бесполезно. Онъ зналъ, что Марья Ильиншна откажетъ ему отъ дома, а съ Людмилой не удастся сказать двухъ словъ. Онъ рѣшился писать. Черезъ четверть часа письмо было готово и запечатано. Что въ немъ было высказано, мы не беремся повторять, да и нѣтъ надобности. Вѣроятно всѣмъ случалось читать подобныя письма на четырехъ страницахъ, тѣ письма, которыя пишутся въ первой молодости, когда кажется, что нѣтъ ни словъ, ни выраженій, которыя бы передали всю полноту чувства.

Женщины въ такихъ письмахъ всегда сохраняютъ первоначальный слогъ. У мужчинъ онъ измѣняется съ годами... Это происходитъ отъ того, что женщины въ любви всегда остаются дѣтми.

Написавъ письмо, Константинъ Николаичъ снова задумался. Ему представился вопросъ, котораго прежде онъ не предвидѣлъ.

— Съ кѣмъ послать письмо не компрометируя Людмилы?

Какъ ни думалъ онъ, но на этотъ вопросъ не находилъ отвѣта.

Вдругъ кто-то тихо постучалъ въ дверь.

— Можно войти? раздался за тѣмъ голосокъ Наташи.

Константинъ Николаичъ вздрогнулъ и слегка покраснѣлъ. Голосъ Наташи въ эту минуту рѣшилъ загадку, надъ которою онъ трудился безплодно.

Дѣло въ томъ, что въ продолженіе своей болѣзни молодой человекъ понялъ таки наконецъ то, что таилось такъ давно на сердцѣ бѣдной дѣвушки.

Въ минуты сознанія, когда онъ открывалъ глаза, они всегда встрѣчали заботливый, грустный взглядъ Наташи. Она не отходила отъ его постели во все время опасности, подавала лекарство, поправляла подушки, и когда онъ лежалъ въ забытіи, не разъ круп-

ныя слезы катились по ея блѣднымъ щекамъ, и она не сводила глазъ съ лица больного.

Когда опасность миновалась, Наташа стала рѣже появляться у его постели. Но однажды Константинъ Николаичъ лежалъ, закрывъ глаза въ легкой дремотѣ.

Наташа подошла къ нему, долго смотрѣла на него, потомъ тихонько стала на колѣна и осторожно, чуть слышно поцѣловала его руку.

Съ этихъ поръ Константинъ Николаичъ сталъ наблюдать за нею, и не безъ нѣкотораго чувства тщеславія убѣдился, что она любитъ его.

Въ тотъ день, когда онъ всталъ съ постели, Наташа была необыкновенно весела.

Знать что насъ любятъ, всегда лестно для самолюбія, хотя бы мы и не раздѣляли этой любви. И за этотъ еиміамъ собственному я, Константинъ Николаичъ чувствовалъ къ Наташѣ что-то въ родѣ братскаго расположенія. Ему даже было жаль бѣдной дѣвушки, и однако когда она постучалась въ дверь, и ея голосъ вывелъ его изъ тягостнаго раздумья, въ головѣ его тотчасъ мелькнула жестоко эгоистическая мысль.

Только одной Наташѣ довѣрилъ бы онъ письмо свое къ Людмилѣ. Наташа любитъ, следовательно можно положиться на ея женское самоотверженіе.

Эта-та мысль и заставила слегка покраснѣть Константина Николаича.

— Войдите, отвѣчалъ онъ, и Наташа какъ птичка выпущенная изъ кѣтки на свободу, весело впорхнула въ его комнату. Въ этой комнатѣ заключался для нея весь міръ.

— Какъ вамъ не стыдно, вскричала она увидѣвъ его за письменнымъ столомъ: кто вамъ позволилъ заниматься? Бросьте скорѣе все это, всѣ ваши гадкія книги и бумаги, и пойдемте объѣдать.

Столъ накрытъ, бабушка дожидается.

— Сейчасъ, погодите немножко. Сядьте, я хотѣлъ поговорить съ вами.

Наташа вспыхнула отъ удовольствія. О чемъ Константинъ Николаичъ могъ говорить съ нею? Неужели онъ замѣтилъ, онъ понялъ что она его любитъ? Неужели... И сердце Наташи забилося такъ сильно, какъ будто хотѣло выскочить изъ груди. Она взяла дрожащими руками стулъ и сѣла.

— Я хотѣлъ попросить у васъ совѣта, сказалъ Константинъ Николаичъ. Вы меня браните, что я за письменнымъ столомъ, а я писалъ письмо и очень нужное.

Константинъ Николаичъ замолчалъ. Наташа замѣтила, что онъ не знаетъ какъ высказать свою мысль.

— Ну, что жъ, сказала она, чтобъ помочь ему: въ чемъ же вамъ надобенъ мой совѣтъ? Къ кому письмо?

— Вотъ въ томъ-то и дѣло къ кому оно, отвѣчалъ Константинъ Николаичъ.

Выслушайте меня, прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія, собравшись съ духомъ. Вы знаете, что я совершенно одинокъ. У меня нѣтъ ни друга, ни пріятеля, къ которому я могъ бы обратиться, еслибъ мнѣ понадобилась его услуга или помощь. Во время моей болѣзни я убѣдился, что вы, по добротѣ вашего сердца, принимаете во мнѣ участіе. Такъ ли? Ошибся ли я?

— Нѣтъ, отвѣчала Наташа тихо, почти со слезами. Она поняла, что ошиблась на этотъ разъ. Ему нужна была только ея услуга, ея помощь.

— Благодарю васъ, сказалъ Константинъ Николаичъ, дружески пожавъ ей руку. Дайте же мнѣ слово, что вы исполните мою просьбу, какъ бы она не удивила васъ.

— Говорите, я сдѣлаю если могу.

— Видите въ чемъ дѣло: не знаю почему, но мнѣ говорить какое-то внутреннее чувство, что только вамъ, однѣмъ вамъ могу я довѣриться. Это дѣло касается не одного меня. Оно можетъ навлечь непріятности на одну особу, которую... ну, однимъ словомъ, еслибъ это письмо какънибудь повредило ей, я бы не простилъ себѣ этого никогда.

Наташа какъ-то горько улыбнулась.

— Письмо дойдетъ по адресу, отвѣчала она глухимъ голосомъ. Къ кому оно? прибавила она протянувъ къ нему руку.

Константинъ Николаичъ взглянулъ на Наташу. Сердце его сжалось, но онъ любилъ, онъ былъ въ эту минуту эгоистъ.

— Я сѣйчасъ напишу адресъ, сказалъ онъ, и взялся за перо.

Наташа наклонясь надъ столомъ, затаивъ дыханіе, блѣдная, трепещущая, слѣдила съ лихорадочнымъ волненіемъ за каждою буквой, и каждая буква вбивалась въ ея сердце, и жгла его медленнымъ огнемъ. Въ эти минуты она прожила больше нежели въ теченіе всей своей жизни.

Константинъ Николаичъ кончилъ и молча подалъ письмо На-

ташъ. У него не достало духу прибавить ни слова, онъ очень хорошо зналъ, что этотъ адресъ и безъ словъ выскажетъ Наташъ слишкомъ много.

Наташа взяла письмо и прочла: Людмилъ Андреевнъ Берестовой. Потомъ опустила его въ карманъ и задумалась.

Ей предстоялъ подвигъ вдвойнъ трудный. Берестовъ жилъ въ пяти верстахъ отъ города. Сходить туда тайкомъ отъ бабушки невозможно. Надо было придумать какой нибудь предлогъ.

— Вамъ скоро надо, чтобъ это письмо дошло? спросила она въ раздумьѣ.

— Ужъ если вы такъ добры, то чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, отвѣчалъ Константинъ Николаичъ.

— Видите, бабушка спроситъ меня куда я иду. Она не любить, чтобъ я ходила одна, но это ничего, я устрою такъ, что она отпуститъ. Только раньше завтрашняго дня нельзя.

— Я подожду. Благодарю васъ, сказалъ Константинъ Николаичъ съ чувствомъ, взглянувъ на Наташу.

Въ эту минуту онъ почти любилъ ее.

— А отвѣтъ надо?

— Отдайте письмо Людмилъ Андреевнъ, только такъ, чтобъ тутъ никого не было; отвѣтъ, я думаю, будетъ. Благодарю васъ еще разъ, прибавилъ Константинъ Николаичъ.... и простите меня.

Последнія слова онъ произнесъ такъ тихо, какъ будто они были сказаны про себя.

Но Наташа услышала ихъ. По звуку голоса, по выраженію лица Константина Николаича, она догадалась, что онъ понимаетъ вполне какъ тяжела для нея эта жертва.

— Пойдемте же обѣдать, сказала она вставая: бабушка, я думаю, уже сердится и сейчасъ пришлетъ Матрену за нами. После обѣда Наташа тотчасъ съѣла за пяльцы.

Никакой мудрецъ въ мірѣ не можетъ быть изобрѣтательнѣе любящей женщины. Наташа придумала цѣлый планъ, чтобъ доставить письмо.

Въ пяльцахъ былъ впяненъ воротничекъ, который она шила не на заказъ, а такъ, кто купить. Работы за нимъ было еще много, но Наташа рѣшилась во чтобы-то ни стало кончить его къ завтраму и сказать бабушкѣ, что Марья Ильинишна черезъ кого нибудь наказывала ей принести какую нибудь вышивку, если есть готовая. Этотъ планъ не такъ было легко исполнить, по-

тому что бабушка любила входить во все подробности. Наташа знала, что пойдут распросы, когда Марья Ильинишна наказывала это и съ кѣмъ, и какъ, но она приготовилась къ нимъ.

Чтобъ доставить письмо, она рѣшилась игать, мало этого, въ случаѣ крайности, она рѣшилась не послушаться бабушки, въ первый разъ въ жизни поступить явно противъ ея воли.

Все это мучило ее, наводило на нее какое-то тягостное чувство, но она дѣлала это для Константина Николаича. Въ этотъ разъ въ ея глазахъ цѣль вполне оправдывала средства.

Въ комнатѣ господствовала совершенная тишина. Только стукъ маятника да шелестъ нити въ пальцахъ нарушали ее. Старушка храпѣла въ своей каморкѣ. Наташа работала прилежно, но при свѣчкѣ тонкая работа по кисеѣ подвигалась медленно.

Наконецъ старушка встала и вышла изъ своей каморки.

— Что это ты Наташа, сказала она, не заказную работу вышиваешь при огнѣ. Полно глаза-то портить. Прибереги лучше для старости.

— Мнѣ хочется, бабушка, кончить къ завтраму этотъ воротничекъ.

— Зачѣмъ? Вѣдь онъ не заказанъ.

— Нѣтъ, да я забыла сказать вамъ, давеча поутру, когда я ходила на рынокъ за катушкой бумаги, мнѣ встрѣтилась ключница Берестовыхъ; Марья Ильинишна наказывала ей, чтобъ я принесла коли есть что готовое.

— Принесла! ей легко сказать это. Шутка это въ Красныя Горки пѣшкомъ идти. Пять верстъ...

— Завтра поваръ прѣдетъ на рынокъ за провизіей въ пошевняхъ, онъ отвезетъ меня. Вотъ зачѣмъ мнѣ хочется кончить къ завтраму.

— Ну, не крайность. Поваръ прѣдетъ и другой разъ, вѣдь она наказывала когда будетъ готовое, значить ей не къ снѣху. А ты глазъ у меня не порти, при огнѣ не шей. Слава Богу, еще не до послѣдняго куска хлѣба дожили.

— Бабушка, да ужъ тутъ немножко осталось кончить, не все ли равно, вѣдь заказную работу я шью при огнѣ.

— Вотъ то-то и есть. А все твое упрямство, кабы вышла за Селиванова, никакой бы ни заказной, ни своей не шила при огнѣ. И не болѣло бы у меня сердце на тебя глядя...

Старушка при этомъ удобномъ случаѣ начала длинный нравоучительный монологъ, къ которому Наташа такъ привыкла, что

знала его почти наизусть. Онъ повторялся каждый разъ, когда бабушка была недовольна ею. Въ этомъ монологе заключалась всегда похвальная рѣчь Селиванову. Наташа скрѣпивъ сердце оставила пальцы, и съѣла подлѣ стола съ вязаньемъ. Длинный, скучный вечеръ тянулся медленно.

Наконецъ пробило десять, часъ, въ который Ненила Панкратъевна всегда ложилась спать.

Наташа вмѣстѣ съ бабушкой пошла въ каморку, раздѣлась и легла. Но когда громкое храпѣніе увѣдомило ее, что старушка заснула, она тихонько встала, одѣлась на скорую руку, зажгла свѣчку и вышла въ другую комнату притворивъ двери.

Наташа рѣшилась проработать хоть всю ночь, чтобъ кончить къ утру воротничекъ. Она боялась только одного, чтобъ бабушка не проснулась... Но къ счастью ея старушка спала крѣпкимъ сномъ. Тихо, мѣрно стучалъ маятникъ. Изъ каморки раздавалось храпѣніе старушки. Вездѣ господствовала тишина, только изрѣдка скрипѣлъ снѣгъ подъ ногами запоздалаго прохожаго. Подъ вліаніемъ тишины, Наташа принялась за работу сначала неохотно, зѣвая. Чтобъ не поддаться наитію сна, она начала думать о Константинѣ Николаичѣ. Мало по малу этотъ интересный предметъ до того увлекъ ея вниманіе, что она совершенно перестала дремать. Головка ея работала дѣятельно, и чѣмъ быстрѣ смѣнялись въ ней мечты и думы, тѣмъ успѣшнѣе подвигалось вышиванье, тѣмъ проворнѣе пробѣгала нить по тонкой ткани...

Какъ бы сильно не любилъ мужчина, но мысль о любимой женщинѣ никогда не живетъ постоянно въ его головѣ... Она только мелькаетъ въ ней. Спросите же у женщинъ, которыя любятъ, какъ живутъ онѣ и чѣмъ живутъ въ тѣ длинные, безконечные часы, когда онѣ сидятъ онѣ наклонясь надъ канвой или надъ кусочкомъ кисеи, и когда послушная игла машинально повинуется рукъ, движимой привычкою? Всѣ ихъ мечты тогда сосредоточены на одномъ существѣ; женщины могутъ прожить такимъ образомъ не только нѣсколько часовъ, дней, но часто длинные, безцвѣтные годы!

Кажется, если думать часъ или два внимательно объ одномъ предметѣ, то можно обнять его со всѣхъ сторонъ, такъ что при новомъ воспоминаніи не найдешь ужъ ничего новаго...

Но у женщинъ это не такъ. Онѣ чѣмъ больше думаютъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ воображеніе, тѣмъ болѣе открываютъ совершенствъ и тѣмъ сильнѣе любятъ...

Милыя женщины! Зачѣмъ васъ никогда не могутъ любить такъ, какъ умѣете любить вы, со всей наивной поэзіей вѣчно юнаго сердца!

Наташа задумалась о Константинѣ Николаичѣ, сначала съ горькимъ, болѣзненнымъ чувствомъ. Она любила его давно, любила молча, боясь даже самой себя признаться въ этомъ чувствѣ. Но тѣмъ не менѣе она, невидимо для другихъ и для него, окружала его попеченіями, старалась сколько могла отвращать отъ него всѣ мелкія неудовольствія, непріятности и заботы, ничтожныя по-видимому, но которыя несносны въ домашней жизни, какъ комары въ жаркій день.

Сколько разъ, когда у Константина Николаевича не было денегъ, а слѣдовательно не было и свѣчи на длинный вечеръ, Наташа неотступными просьбами и угожденіями всякаго рода, убѣждала Матрену взять свѣчь въ долгъ у лавочника.

А сколько разъ, когда Матрена была не въ духѣ, Наташа собственными руками стирала, крахмалила, гладила и чинила его манишки! И много, много подобныхъ услугъ оказывала она ему каждый день, каждый часъ.

Конечно, онъ не могъ не только знать, но даже подозрѣвать этого. Онъ никогда не замѣчалъ ничего, что дѣлалось вокругъ него.

Но когда онъ былъ боленъ, Наташа ходила за нимъ такъ усердно, ея привязанность къ нему, даже противъ ея воли, такъ выказывалась въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ движеніи, что онъ не могъ ее не замѣтить. Онъ самъ, отдавая ей письмо, прошепталъ: простите!

И при этой мысли Наташа выронила иголку и горько заплакала...

Чувство ревности, желаніе отомстить, охватило ея сердце.

Но это чувство показалось ей такъ мучительно, такъ душило ее, что Наташа находилась подъ его вліяніемъ не болѣе минуты. Чтобъ освободиться отъ него, она начала мысленно оправдывать Константина Николаича.

Она попробовала судить его справедливо и безпристрастно.

Виновать ли онъ былъ, что любилъ другую? Людмила была образована, хороша собою, окружена роскошью, которая всегда возвышаетъ женщину если не въ сердце, то въ глазахъ того, кто ее любитъ. Она, Наташа, была бѣдная дѣвушка, безъ образованія. Правда, что ея сердце умѣло сильно и живо чувствовать, но кто же

могъ читать въ ея сердцѣ? Мало по малу Наташа успокоилась. Работа ея подвигалась къ концу. Для женщины есть какое-то неизъяснимое наслажденіе въ мысли, что она жертвуетъ чѣмъ нибудь для любимаго человѣка. Жертва Наташи была не легка, потому что она жертвовала чувствомъ. Но сознание, что она поступаетъ великодушно, безъ эгоизма, подѣйствовало благотворно на ея встревоженное сердце.

Она рѣшилась не думать ни о чемъ, кромѣ того, какъ бы безъ помѣхи выбраться завтра изъ дому...

Свѣтало. Свѣчка Наташи оплыла и каждую минуту угрожала погаснуть. Наташа торопилась, потому что еслибъ свѣчка догорѣла, другой негдѣ было взять, и воротничекъ остался бы не конченъ.

Съ истиннымъ наслажденіемъ сдѣлала она послѣднюю стежку, закрѣпила нитку, погасила свѣчку, и бросилась на постель не раздвываясь съ тревожною заботой, но за то и съ тихою отрадой въ сердцѣ.

Половина дѣла была уже сдѣлана.

Наташа спала только нѣсколько часовъ тѣмъ легкимъ, тревожнымъ сномъ, который похожъ на мгновенное забытье болѣзни.

И во снѣ ее мучила мысль, какъ бы не опоздать къ тому времени, когда поваръ пріѣзжалъ за провизіей.

Лишь только Ненила Панкратьевна охая и крестясь приподнялась съ постели, Наташа уже проснулась. Она проворно одѣлась и подошла къ окну. Было еще темно и нельзя было отгадать, что сулитъ наступающій день, хорошую погоду, или ненастье.

Черезъ четверть часа на столѣ стоялъ самоваръ и Ненила Панкратьевна послала Матрену за Константиномъ Николаичемъ.

Онъ также спалъ дурно эту ночь, и потому не замедлилъ явиться.

— Бабушка, сказала Наташа, когда старушка выпивъ чашку кофе, обнаружила расположеніе къ разговору, вступивъ въ бесѣду съ Константиномъ Николаичемъ по поводу кота Васьки, который неотступно требовалъ себѣ сливокъ. Бабушка, а вѣдь я кончила воротничекъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Да какъ же ты успѣла?

— Вчера вечеромъ. Я поѣду сегодня къ Берестовымъ.

— Еще это Богъ знаетъ, какая-то погода будетъ. Коли вѣтеръ да мятелица, такъ я тебя не пушу.

— Бабушка, да вѣдь Марья Ильинишна наказывала, чтобъ я привезла.

— Такъ что жъ за важность. Не крайность какая, можетъ и къ намъ прислать, коли впрямь понадобится.

— Можетъ быть она и еще что нибудь закажетъ, я хочу себѣ выработать на шерстяное платье.

— Ну, дѣлай какъ знаешь, коли ужъ ты такая упрямая. Вотъ, батюшка, прибавила Ненила Панкратьевна, обращаясь къ Константину Николаичу, вотъ нынче молодые-то люди какъ, не хотятъ насъ, стариковъ, слушаться, сами дескать умнѣе стали. Былъ у моей внучки женихъ, человекъ достойный, наряжалъ бы ее какъ куклу, такъ нѣтъ, не хочу, не пойду; а вотъ теперь, рада хоть по мятелицѣ пять верстъ за городъ ѣхать, чтобъ заработать на шерстяное платье. Охъ-хо-хо! Отвяжись ты, окаянный! Послѣднія слова относились къ невѣжливому коту, который выпивъ сливки снова принялся мяукать.

— Погода будетъ хорошая сегодня, отвѣчалъ Константинъ Николаичъ.

Наташа ушла въ комнату, и черезъ десять минутъ явилась въ другомъ платьѣ, въ шляпѣ и въ шубѣ.

— Да куда жъ ты такъ рано, матушка, снарядилась. Посмотри въ окно-то, еле разсвѣло.

— Поваръ рано прѣзжаетъ, бабушка, отвѣчала Наташа, я боюсь опоздать. Прощайте, бабушка.

И Наташа поспѣшила ускользнуть за дверь. Константинъ Николаичъ проводилъ ее благодарнымъ взглядомъ.

Поваръ точно былъ на рынкѣ. Онъ довезъ Наташу до Краенныхъ Горокъ.

Съ сильно бьющимся сердцемъ вошла она чрезъ черное крыльцо въ кухню а оттуда пробралась въ дѣвичью.

Тамъ кипѣла работа. Пять или шесть дворовыхъ дѣвушекъ усердно шили бѣлье.

— Доложите барышнямъ, что я принесла воротничекъ, сказала Наташа, подойдя къ столу. Не купятъ-ли?

— Какъ не купить! купятъ, теперь все покупаютъ, отвѣчала одна изъ дѣвушекъ.

Покажите.

— Нѣтъ, ужъ вы сперва сходите и скажите барышнямъ.

— Имъ нѣкогда, онъ одѣваются.

— Ну, такъ Марья Ильинишна.

— Ей и подавно не до того. Сегодня женихъ объѣдаетъ. Хлопочеть съ утра. Слышь точно колокольчикъ такъ и заливаешься во всѣхъ углахъ.

— Такъ у васъ невѣста? спросила Наташа.

— Невѣста, отвѣчали дѣвушки.

— Которая же барышня выходитъ замужъ? Старшая.

— Нѣтъ, Людмила Андревна.

— Людмила Андревна! почти вскрикнула Наташа.

Какъ ни любила она Константина Николаича, какъ ни была любовь ея способна къ безкорыстію и самоотверженію, но справедливість требуетъ сказать, что при столь внезапномъ извѣстіи сердце ея забилось радостью.

— За кого же она выходитъ?

— Да вотъ за этого толстаго, который у насъ сиднемъ сидитъ теперь, за Барсукова.

— Ахъ, пожалуйста, нельзя ли видѣть Людмилу Андревну!

— Да пожалуйста воротничекъ, я снесу, сказала одна изъ дѣвушекъ, вертявая, съ вздернутымъ носикомъ, затянутая въ корсетъ, при бѣломъ воротничкѣ и маншетахъ—типъ русской субретки.

— Нѣтъ, я хочу сама видѣть ее. Мнѣ хочется ее поздравить.

— Ну, такъ идите сами въ гостиную, намъ нѣкогда, отвѣчала субретка съ насмѣшливою улыбкой взглянувъ на простой нарядъ Наташи.

Этотъ взглядъ воодушевилъ Наташу. Не обращая вниманія на затаенный смѣхъ и шушуканье, она не отвѣчая ни слова сняла шубу и шляпу, поправила волосы и храбро отправилась изъ дѣвичьей прямо въ комнату Людмилы.

Въ эту минуту Людмила разряженная въ пухъ, какъ слѣдуетъ невѣстѣ, но съ грустнымъ личикомъ, только что вышла изъ своей комнаты; она шла въ гостиную, по приказанію Марви Ильинишны, дожидаться жениха. Съ тѣхъ поръ какъ она была объявлена невѣстой, церемонія ожиданія жениха въ гостиной повторялась каждый день и страшно надоела Людмилѣ. Барсуковъ каждый день привозилъ ей подарки. Тетушка и сестры ея восхищались или расхваливали, примѣряя.

Сначала Людмила смотрѣла на все это съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Она рѣшилась выйти за Барсукова отчасти изъ страха отцовскаго гнѣва, отчасти полуубѣжденная логическими выводами тетушки. Подумавъ серьезно о своемъ положеніи, вникнувъ въ характеръ и

идеи окружающихъ ея людей, Людмила поняла, что ея любовь къ Константину Николаичу должна для нея навсегда остаться мимо-летнымъ сномъ. Она поняла, что Андрей Пльичъ ни подь какимъ видомъ не позволилъ бы ей увлечься такою химерою какъ любовь, и выйти замужъ за бѣдняка.

Людмилѣ было жаль этого чуднаго сна, въ которомъ забылось ея сердце. Пробужденіе было горько. Но разъ выведенная изъ упоительнаго забытья сватовствомъ Барсукова и положительнымъ, пристальнымъ взглядомъ на жизнь, Людмила рѣшилась не покориться своей участи, но примириться съ нею, и въ замѣнъ поэзіи первой любви, извлечь изъ будущности столько счастья и наслажденій, сколько вправѣ она была ожидать отъ богатства, роскоши и этой свѣтской жизни, о которой она не имѣла и понятія, она, до сихъ поръ бѣдная мечтательница, жившая только чувствомъ и умомъ, но не размышленіемъ.

Людмила надѣялась, что эта жизнь увлечетъ ее, что она забудется въ ней. Ея любовь къ Константину Николаичу не была ни кокетствомъ, ни обманомъ чувствъ. Но въ семнадцать лѣтъ жизнь еще кажется такъ полна счастья въ грядущемъ, что надо много энергіи, чтобъ отважиться на борьбу безъ всякой надежды на успѣхъ. Изъ ста женщинъ девяносто девять поступили бы такъ какъ Людмила. Кто изъ насъ и въ лѣтахъ болѣе зрѣлыхъ, и съ болѣею опытностью а слѣдовательно и съ болѣею недовѣрчивостью къ будущему, не отказывался отъ поэтической мечты, когда сходилса лицомъ къ лицу съ грозною прозою жизни?

Людмила немного привыкла къ своему новому положенію и къ тѣмъ идеямъ, среди которыхъ вдругъ проснулась она, убаюканная какъ дитя, напѣвомъ любви.

Она сознала, что надобно ладить съ женихомъ и употребить съ пользою свое вліяніе надъ его сердцемъ. Вотъ почему мало по малу она стала веселѣе въ его присутствіи, принимала благосклонно его подарки и терпѣливо выслушивала его диссертациі о всѣхъ качествахъ и совершенствахъ его заводскихъ лошадей.

Но часто, часто въ длинную, бессонную ночь она платилась горькими слезами за утомительный день, и порою отчаяніе врываясь въ ея юное сердце, непривыкшее къ страданію, убивало въ немъ всѣ силы, всю рѣшимость; Людмила вставала блѣдная и разстроенная. Но необходимость брала свое. Она наряжалась и входила въ гостиную съ спокойнымъ лицомъ. Встрѣтась въ две-

ряхъ съ Наташей, Людмила вздрогнула. Она знала, что Константинъ Николаичъ живетъ у нихъ въ мезонинѣ.

— Здравствуйте, Людмила Андревна, сказала Наташа, вотъ я было пришла къ вамъ показать воротничекъ, который вышила, не купите ли, а можетъ онъ и кстати. Позвольте васъ поздравить.

— Воротничекъ? Покажите, пойдемте въ мою комнату, и Людмила проворно отворила дверь.

Наташа вошла за нею.

— Да это очень мило, сказала Людмила, рассматривая воротничекъ, я куплю его и даже попрошу васъ вышить еще. Скажите, продолжала она покраснѣвъ, у васъ живетъ Константинъ Николаичъ, мой учитель, отчего онъ такъ долго не былъ у насъ? Не знаете ли вы, здоровъ ли онъ?

— Онъ былъ болѣнъ, теперь поправился.

Наташа осторожно, поглядывая на дверь, вытащила изъ кармана письмо.

— Онъ просилъ меня передать вамъ это письмо. Онъ извиняется, что не могъ давать вамъ уроковъ это время.

Людмила покраснѣла до бѣлка глазъ, но схватила письмо съ проворствомъ кошечки.

Она отошла къ окну, распечатала его съ сердечнымъ трепетомъ и прочла въ нѣсколько минутъ, несмотря на то, что письмо было на четырехъ страницахъ. Во время чтенія не одинъ разъ крупная слеза наворачивалась и дрожала на ея длинныхъ рѣсницахъ.

— Благодарю васъ, сказала она Наташѣ, подойдя къ ней.

— Отвѣтъ будетъ?

— Да, скажите Константину Николаичу, что я не буду болѣе учиться, я невѣста. Зовите его къ намъ, или нѣтъ, постойте, я напишу нѣсколько строчекъ; сядьте пожалуйста. Людмила взяла перо и написала слѣдующее:

«Не обвиняйте меня, не судите слишкомъ строго, а пожалѣйте и простите. Я не виновата. Какъ ни люблю я васъ, меня никогда не отдали бы за васъ. Я много думала, много страдала. Тетушка знаетъ о моей любви къ вамъ. Она доказала мнѣ очень просто, но очень ясно, что мой отецъ никогда не допуститъ романовъ, какъ она выразилась; она права! За меня посватался Барсуковъ. Я долго не хотѣла идти за него, просила, убѣждала тетущку; отцу я не смѣла сказать ни слова. Наконецъ я поняла, что отказать невозможно, не подвергнувъ себя горькимъ и бесплоднымъ страданьямъ»

можетъ быть многихъ лѣтъ. Поймите же это, хотъ изъ любви ко мнѣ, и простите меня. Барсуковъ богатъ и считается первымъ женихомъ во всемъ нашемъ уездѣ, онъ старинный пріятель моего отца, а тетюшка только и видитъ на яву и во снѣ какъ бы сбить меня съ рукъ. Я не люблю моего жениха. Все, чего я могу надѣяться и о чемъ молю Бога, это то, чтобъ у меня достало терпѣнія и силъ ладить съ нимъ, чтобъ моя жизнь была покрайней мѣрѣ сносна. Счастія для меня нѣтъ уже. Вамъ, мой добрый и единственный другъ, лучше всѣхъ извѣстно мое сердце, мои наклонности, вы сами развили и образовали ихъ. Если я примирюсь съ жизнью, если я найду спокойствіе и отраду въ серьезныхъ занятіяхъ, то вамъ опять буду я обязана этимъ. Если жъ нѣтъ, то я буду искать если не счастья, то хотъ развлеченія, забвенія страданій въ той шумной блестящей и пустой жизни, которою живутъ такъ много женщинъ, и незамѣтно доживаютъ, до старости и до могилы.

«Я знаю, что я не создана для этой жизни. Говорятъ, что чувство мечта, что размышленіе, серьезныя занятія не для женщинъ. Свѣтъ своимъ приговоромъ, который признанъ справедливымъ единственно потому, что никто не хотѣлъ поразмыслить о немъ серьезно, и возстать противъ условныхъ понятій стародавнихъ привычекъ, свѣтъ, говорю я, не даетъ женщинамъ въ удѣлъ ничего кромѣ роскоши, пустоты и тщеславія, и на этихъ данныхъ основываетъ наше счастье.

«Оно ложно, но кто живетъ среди такихъ понятій, тому остается только покориться имъ.

«Моимъ лучшимъ воспоминаніемъ будутъ тѣ незабвенные дни, которые провела я вмѣстѣ съ вами, когда мы оба, счастливые настоящимъ, никогда не думали о грядущемъ.

«Тѣ чудные дни, когда вы такъ заботливо развивали мою душу и указали мнѣ значеніе и цѣль бытія.

«Простите, будьте счастливы, счастливые меня!.. Я хочу васъ видѣть, видѣть, можетъ быть, въ послѣдній разъ, я буду ждать васъ.

Людмила.»

Это-то письмо Наташа опустила въ карманъ съ какимъ-то страннымъ, радостнымъ и вмѣстѣ грустнымъ чувствомъ.

Почти въ ту же минуту отворилась дверь и вошла Марья Ильинишна.

Людмила показала ей воротничекъ, рассыпалась въ похвалахъ

вышиванья Наташи, сняла съ этажерки цѣлую книгу модныхъ журналовъ и начала вмѣстѣ съ Наташей выбирать рисунки. Марья Ильинишна вступилась въ дѣло.

Черезъ часъ Наташа съ множествомъ рисунковъ и заказовъ, полугрустная и полурадостная съѣла въ тѣ же самыя пошевни въ которыхъ прѣхала, и отправилась домой.

Константинъ Николаичъ въ ожиданіи ее стоялъ у окна въ своей каморкѣ. Увидѣвъ пошевни, онъ не сошелъ а сбѣжалъ съ лѣстницы, и встрѣтилъ Наташу на крыльцѣ.

— Ну, что, отдали? Былъ первый вопросъ его.

— Да.

— А отвѣтъ есть?

— Есть, только я не дамъ теперь, ступайте на верхъ я сейчасъ принесу.

— Такъ поскорѣе же.

— Сію минуту. Только сниму шубу и шляпу.

Константинъ Николаичъ отправился во-свои.

Наташа поздоровалась съ бабушкой, раздѣлась, сказала какъ ее обласкала Марья Ильинишна, и сколько заказала ей работъ; вынула рисунки и воспользовавшись минутой, когда старушка вооружась очками принялась разсматривать ихъ, ускользнула на верхъ.

Константинъ Николаичъ въ нетерпѣніи ходилъ по комнатѣ.

— Дайте же письмо, сказалъ онъ Наташѣ, лишь только успѣла она отворить дверь.

Наташа молча подала письмо.

Константинъ Николаичъ покраснѣлъ отъ радости и распечаталъ дрожащими руками. Что бы ни было въ немъ, но это было первое письмо отъ первой любимой имъ женщины.

Наташа, затаивъ дыханіе, слѣдила за всѣми измѣненіями его лица. Зависть, страданіе, кипѣли въ эти минуты въ ея сердцѣ.

Константинъ Николаичъ забылъ даже поблагодарить ее.

Съ первыхъ же строчекъ онъ поблѣднѣлъ. Потомъ сѣлъ къ письменному столу, дочиталъ письмо какъ-то машинально, безсознательно, и когда оно выпало изъ его рукъ, онъ облокотился на нихъ пылающею головой, и заплакалъ горько, неутѣшно, какъ плачуть только въ первой молодости, когда съ потерей любимой женщины отрывается часть сердца.

Въ послѣдствіи этихъ слезъ стыдятся. О нихъ не говорятъ никогда и никому.

Наташа тихонько выскользнула изъ комнаты.

Константинъ Николаичъ не пошелъ обѣдать.

Вечеромъ Наташа пришла его спровѣдать.

Онъ сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ. Передъ нимъ лежала книга.

— Константинъ Николаичъ, что съ вами, здоровы ли вы? спросила робко Наташа.

— Здоровъ.

— Отчего жъ вы не обѣдали?

— Не хочется.

— Я пришла попросить у васъ какой нибудь книги.

— Выберите сами.

— Вотъ эту можно? сказала наивно Наташа, взявъ со стола его дневникъ.

— Ахъ, тутъ все вздоръ, отвѣчалъ Константинъ Николаичъ вотъ ей гдѣ мѣсто.

Онъ взявъ тетрадь изъ рукъ Наташи подошелъ къ печкѣ и бросилъ въ потухающее пламя. Листы закоробились, вспыхнули.

Константинъ Николаичъ и Наташа долго смотрѣли какъ они тлѣли.

— Хотите я дамъ вамъ совѣтъ, сказалъ онъ вдругъ. Не любите никого и никогда.

Наташа въ первый разъ осмѣлилась взглянуть прямо въ глаза Константину Николаичу, взглядомъ, въ которомъ отражалось теплое, живое чувство.

— Нѣтъ, отвѣчала она тихо, я буду любить всегда.

Константинъ Николаичъ не отвѣчалъ. Можетъ быть, онъ не слышалъ этихъ словъ. Онъ смотрѣлъ на груды пепла. Вотъ все, что осталось ему отъ восторженныхъ мечтаній! Въ этомъ пеплѣ заключалась жизнь, которую жилъ онъ такъ полно и такъ счастливо!..

VI.

Надъ мирнымъ городкомъ М. промелькнуло почти полгода, послѣ описанныхъ нами событій.

Ничто повидимому не измѣнилось въ немъ. Душевные драмы какъ и вездѣ, разыгрывались въ тихомолку, въ глубинѣ челоуьескаго сердца, а для глазъ свѣта совершались только самыя обыкновенныя явленія: женились, выходили замужъ и умирали.

Въ промежуткахъ веселились, давали балы, обѣды, наряжались, играли въ карты, и прч.

Людмила вышла замужъ и уѣхала съ мужемъ въ его имѣніе. Она часто бывала и въ Красныхъ Горкахъ, и въ городѣ, но Константинъ Николаичъ не видалъ ее. Онъ избѣгалъ встрѣчи съ нею. До него только порою долетали слухи объ его бывшей Миньонѣ.

Сначала онъ долго не могъ привыкнуть къ мысли, что свѣтлый сонъ любви исчезъ для него невозвратно. Потомъ время взяло свое. Онъ принялся опять и еще съ большимъ жаромъ за свои занятія. Теперь онъ сосредоточилъ на нихъ и ту частицу сердца, которая прежде парила въ области поэзии и мечты.

Былъ жаркій лѣтній день. Наташа по обыкновенію сидѣла подъ открытымъ окномъ и вышивала. Она была въ глубокомъ траурѣ. Ненила Панкратьевна умерла. Двѣ недѣли тому, какъ вывезли ее изъ ея уютнаго домика въ послѣднее жилище.

Отношенія Наташи къ Константину Николаичу почти нисколько не измѣнились.

Сначала онъ не занимался ею и не обращалъ на нее вниманія, потому что всѣ его мысли были поглощены любовью къ Людмилѣ. Потомъ, когда она вышла замужъ, онъ еще болѣе сдѣлался нелюдимомъ. Онъ страдалъ и такъ сильно, что ему уже не было дѣла до чужихъ страданій. Услуга, оказанная ему Наташей, только мгновенно сблизила ихъ. Потомъ для Наташи опять потекла ровной, холодной струей ея одинокая, безцвѣтная жизнь. Только смерть бабушки нарушила это однообразіе, и новою, мучительною болью впиалась въ ея сердце. Бывали минуты, когда Наташа уставала любить безъ малѣйшей надежды на взаимность. Въ эти горькія минуты ей хотѣлось разлюбить... Она обвиняла себя, обвиняла Константина Николаича, старалась убѣдить себя, что онъ эгоистъ, человѣкъ безъ сердца, и давала себѣ слово не думать о немъ. И точно, ей удавалось провести два, три часа не вспоминая о Константинѣ Николаичѣ. Но когда онъ входилъ въ комнату по обыкновенію разсѣянный и блѣдный, ничего не замѣчая, и просиживалъ иногда по часу и болѣе не говоря двухъ словъ, ей становилось жаль его, и она упрекала ужъ только одну себя.

Наташа, какъ мы уже сказали, вышивала у открытаго окна; она работала очень прилежно, потому что голова ея была занята любимой мыслью.

— Здравствуйте, Наталья Ивановна, раздалось вдругъ подъ окномъ.

Наташа вздрогнула. Передъ нею стояла на улицѣ Марья Никитишна.

— Что вы такъ прилежно занимаетесь? Въ этакой жаркой день! Скучно вамъ, бѣдняжкѣ! Я шла мимо, тороплюсь домой.

— Зайдите, Марья Никитишна, сказала Наташа.

— Да право нѣкогда... я вѣдь шутка ли, два дня дома не была, гостила у Степановыхъ...

— Ну, такъ ужъ нѣсколько-то часовъ ничего не значить, если два дня не были дома... зайдите, отвѣчала Наташа съ улыбкой.

— Да ужъ развѣ на полчаса, такъ и быть, жаль васъ, бѣдняжечку, одна себѣ, какъ персть...

И чрезъ нѣсколько минутъ Марья Никитишна сидѣла подлѣ Наташи.

— Что это вы вышиваете? Ахъ, прелесть какая! сказала она разсматривая работу Наташи, а рѣшетки-то, просто на удивленье, что за чистота! Ну, ужъ мастерица вы, нечего сказать! Жаль только, что глазки-то портите!

— Ничего, теперь, Слава Богу, свѣтлые дни; вотъ осенью да зимою, такъ при огнѣ трудно.

— Эхъ, Наталья Ивановна, вотъ то-то и есть! Когда былъ вамъ случай, была хорошая партія, покапризничали, не захотѣли, а теперь, ну, что вотъ ваше житье! Еще когда бабушка-то жива была, а теперь, вѣдь я думаю, день-то деньской вамъ за вѣкъ покажется! Да и защиты-то нѣтъ. Дѣвица вы скромная, а все злые люди не оставятъ въ покоѣ.

— Что жъ мнѣ за дѣло до нихъ, Марья Никитишна? Вѣдь я зла никому не сдѣлала. За что же меня обижать будутъ?

— Да за то и будутъ, что вы беззащитные. Ну, кому за васъ вступиться? Ни рода, ни племени... Кабы мужъ-то былъ, другое дѣло! А что вашъ жилецъ? Здоровъ?

— Здоровъ. Сегодня я его еще не видала.

— Да что это онъ за нелюдимъ такой, никуда не показывается. Что-то такое особенное въ немъ: отъ всѣхъ молодыхъ людей отличается. Ни въ гости, ни на вечеръ, словно людей боится. Что онъ по вечерамъ-то дѣлаетъ?

— Богъ его знаетъ. Зимою больше читаетъ да пишетъ, а теперь погода хорошая, не сидитъ дома.

— Такъ вы его мало и видите?

— Да иной день только за обѣдомъ и бываетъ, да и то все молчитъ, а послѣ обѣда тотчасъ и идетъ.

— Вот видите, Наталья Ивановна, какъ люди-то злы. Вы говорите, за что имъ обижать васъ... А вотъ вѣдь васъ осуждаютъ за него, хоть вы ни душой, ни тѣломъ не виноваты.

— Что жъ я сдѣлала?

— Ничего, а только вотъ говорятъ, что нехорошо это, неидетъ вамъ подъ одною кровлею съ молодымъ человѣкомъ жить...

— Да вѣдь онъ у насъ живетъ больше трехъ лѣтъ!

— То было при бабушкѣ, то другое дѣло. Теперь вы сирота, дѣвица, одинокая, я вѣдь вамъ это по дружбѣ говорю, у васъ только и осталось, что доброе имя...

Наташа задумалась, и на ея рѣсницахъ невольно навернулись слезы.

— Ну, вотъ вы ужъ и запечалились! Я вѣдь не для того сказала. Мало ли чего люди говорятъ, на чужой ротокъ не накинешь платокъ. Мнѣ васъ очень жаль. Я, признаться, съ этой сплетницей Анной Григорьевной чуть не поссорилась за васъ...

— Да что жъ такое они говорятъ наконецъ? спросила Наташа.

— Да вы не огорчайтесь такъ, говорятъ, разумѣется, все, что въ голову взбредеть: что не даромъ Константинъ Николаичъ ни куда въ люди не ходитъ... что, вѣрно, вамъ вдвоемъ дома весело... Что при бабушкѣ-то еще ничего было, а теперь открытый соблазнъ...

Наташа горько заплакала.

— Слезами не поможешь, Наталья Ивановна, я, разумѣется, знаю, что все это вздоръ... да злые-то люди не такъ судятъ.

А мой вамъ совѣтъ: вы себя очистите, докажите имъ, что все это враки...

— Что-жъ мнѣ дѣлать?

— Да просто откажите Константину Николаичу отъ квартиры.

Наташа поблѣднѣла. Эта мысль никогда не пришла бы ей въ голову. Но она чувствовала, что Марья Никитишна, несмотря на всю свою злость, была права.

Въ маленькомъ городкѣ сплетни замѣняютъ иногда удовольствія, которыми пользуются въ столицахъ. Какъ же не посплетничать на счетъ беззащитной дѣвушки? И пріятно, и безопасно.

— Я, право, не знаю какъ же отказать ему? сказала Наташа послѣ минутнаго размышленія. Мнѣ совѣстно... Ну, что я скажу ему?

— Да такъ просто и скажите, что теперъ вы однѣ, бабушки нѣтъ, что васъ вѣдь и осудить могутъ...

— Ахъ, Марья Никитишна, у меня неостанетъ духу разсказывать про эти гадкія сплетни... Ну, съ какой стати?

— Да разсказывать ничего не надо. Скажите, что просто такъ, изъ осторожности.

— Куда жъ онъ переѣдетъ?

— Вотъ еще вамъ забота! Комнату—то найти холостому не мудрено. Вѣдь они не прихотливы. Мало ли... вонъ и я, пожалуй, ему очищу угольную... Вѣдь онъ человекъ смирный, не пьющій?

— Знаете что, Марья Никитишна, сказала Наташа, вдохновенная внезапною мыслью. Мнѣ ему говорить неловко, совѣстно, поговорите—ка вы сами. У васъ есть комната, такъ оно и кстати.

— Онъ, пожалуй, подумаетъ, что я изъ интереса хлопочу, а я вѣдь право изъ участія къ вамъ только.

— Онъ ничего не подумаетъ, я его знаю. Вы только начните, а тамъ и я поддакну. Оставайтесь у насъ обѣдать, за столомъ и разговоритесь съ нимъ.

— Пожалуй, ужъ такъ и быть, для васъ. Только мудрено разговариваться съ нимъ: онъ такой угрюмый...

— Да вы не вдругъ. Вы издалека начните а тамъ какънибудь... Я помогу.

Наташа рѣшилась поймать Марью Никитишну въ ея собственныя сѣти. Она знала, что Константинъ Николаичъ терпѣть не могъ сплетень, и Марья Никитишна угрожала не совсѣмъ местная рѣчь на счетъ сплетницъ и перескащицъ.

Это было со стороны Наташи маленькое мщеніе за предложеніе отказать Константину Николаичу отъ квартиры. Притомъ же такое объясненіе непременно должно было привести къ какойнибудь развязкѣ. Наташѣ хотѣлось, чтобъ Константинъ Николаичъ зналъ, чему она подвергается изъ-за него. Ей хотѣлось, чтобъ въ его сердцѣ пробудилось если не чувство къ ней, въ чемъ она уже отчаявалась, то по крайней мѣрѣ сознаніе, что онъ хотя и невинно подвергалъ ее толкамъ и пересудамъ. Наташа разсчитала хорошо, она знала характеръ Константина Николаича. Мысль, что Наташа терпитъ изъ-за него, могла привести его къ сожалѣнію, къ состраданію, а тамъ и какая-то мечта въ родѣ далекой надежды улыбнулась Наташѣ.

— О чемъ же мнѣ заговорить съ нимъ? спросила Марья Ни-

китишна, когда Матрена накрыла столъ и поставила миску съ супомъ, вѣдь онъ ученый, да такой недоступный.

— О чемъ нибудь, все равно. Онъ, правда, неразговорчивъ сначала, а потомъ ничего... Вы только не обращайтесь на это вниманія, говорите смѣле.

Матрена пошла звать Константина Николаича.

Онъ вошелъ по обыкновенію молча, поклонился разсѣянно, не обративъ даже вниманія на Марью Никитишну, и принялся за горячій супъ. Марья Никитишна послѣ каждой ложки взглядывала на него изподлобья, не зная какъ повестъ рѣчь о такомъ щекотливомъ предметѣ.

Константинъ Николаичъ былъ очень угрюмъ, а Марья Никитишна несмотря на все свое усердіе и участіе къ ближнему, порядочно труслива.

Наташа изъ ребяческой мести забавлялась этой нѣмой сценой и не хотѣла заговорить первая съ Константиномъ Николаичемъ.

Наконецъ Марья Никитишна собралась съ духомъ. Она положила ложку, отерлась салфеткой, и скорчивъ сладкую мину, обратилась къ Константину Николаичу съ фразой:

— Вы, я думаю, очень устали заниматься въ этакую жару? Вы такой трудолюбивый молодой человѣкъ...

Константинъ Николаичъ смѣрилъ ее глазами, какъ бы спрашивая, по какому праву она осмѣливается судить трудолюбивъ онъ или нѣтъ, и отвѣчалъ лаконически:

— Да, теперь жарко.

— У! Какой бука! подумала Марья Никитишна.

— Вы мало гуляете, прибавила она очень умильно. Въ ваши лѣта необходимо развлеченіе, разсѣяніе...

— Я думаю, что во всякіе лѣта надо сперва трудиться, а потомъ ужъ гулять, коли есть охота. А шататься безъ дѣла съ утра я не привыкъ.

— Конечно, такъ-съ! Но вѣдь согласитесь сами, что молодому человѣку безъ общества нельзя жить. Отчего вы не знакомы ни съ кѣмъ въ городѣ?

— Какое же у васъ общество? сказалъ Константинъ Николаичъ, которому ужъ начинали надоедать эти распросы... Мужчины картежники, а дамы сплетницы.

— О, ужъ что касается до сплетень, то у насъ дѣло не станетъ, сказала Марья Никитишна, увидѣвъ необходимость переменить тактику: у насъ ужъ чего другаго, а этого не оберешься.

Ужъ молодой человекъ не поговори лишній разъ съ дѣвицей, не пошути, сейчасъ сочинять исторію, женихомъ и невѣстой прослывуть. А пуще коли дѣвица сирота, одинокая—забѣдать!

— Хорошъ городокъ, нечего сказать! Лучше бы ваши дамы меньше расхаживали по гостямъ, а больше занимались бы своимъ дѣломъ дома.

— Чтожъ прикажете дѣлать? Всѣхъ не переучишь. А самое лучшее избѣгать повода къ толкамъ...

— Да кому какое дѣло до чужихъ дѣлъ? Право, странный народъ; я не могу этого понять. Что мнѣ до того, что дѣлается у сосѣда; если я самъ занятъ, мнѣ нѣкогда и думать о немъ.

— Прекрасно было бы, еслибъ всѣ такъ судили, какъ вы. Такъ видите ли, люди-то не таковы, гдѣ и нѣтъ зла, выдумаютъ. Вотъ мы и до васъ съ Натальей Ивановной толковали объ этомъ.

Вотъ хоть бы и ихъ положеніе теперъ: что онѣ? дѣвица, беззащитная, всякій можетъ сказать, что вздумаетъ.

— Очень важно это для Натальи Ивановны; пусть говорятъ, что хотятъ. Развѣ это пристанетъ къ ней?

— Ну, оно конечно, не пристанетъ. Вѣдь Натальи Ивановны поведеніе всѣмъ извѣстно, а все же лучше кабы не толковали.

— Такъ про васъ, въ самомъ дѣлѣ, что нибудь сосплетничали? спросилъ Константинъ Николаичъ, обратясь къ Наташѣ.

Наташа вспыхнула.

— Нѣтъ, серьезнаго тутъ нѣтъ ничего, отвѣчала она, но все таки неприятно. Пока бабушка была жива, никому и въ голову не приходило толковать обо мнѣ...

— Да что-жъ толкуютъ?

— Да вотъ, только извините, сказала Марья Никитишна, чтобъ помочь смущенной Наташѣ: я вѣдь не свои слова говорю, а то, что слышала.

Находятъ, что теперь имъ неприлично держать на квартирѣ жильца... молодая дѣвушка, живетъ одна...

— Какъ! вскричалъ Константинъ Николаичъ, не ожидавшій такого оборота рѣчи. Да что они смѣютъ толковать?

— Ну, ужъ вы меня увольте отъ подробностей, отвѣчала Марья Никитишна съ ужимкой, я всѣхъ сплетень пересказывать не намѣрена, я вѣдь не для того это сказала, а такъ, по дружбѣ къ Натальѣ Ивановнѣ, изъ предосторожности... Все бы не мѣшало вамъ переѣхать отъ нихъ; вотъ зачѣмъ далеко ходить, хоть ко

мнѣ, если угодно. У меня есть комнатка теплая, свѣтлая, цѣна недорогая, а то, сами знаете, всѣмъ вѣдь замолчать не велишь...

Константинъ Николаичъ хотѣлъ что-то отвѣчать, но промолчалъ, усмѣхнулся, и тѣмъ ограничилась попытка Марьи Никитишны. Онъ молчалъ весь остальной обѣдъ, и когда встали изъ-за стола, тотчасъ ушелъ къ себѣ на верхъ.

— Кажется онъ разсердился, сказала Марья Никитишна, оставшись съ Наташей; ну, да мнѣ все равно. Вѣдь я, душечка, изъ участія къ вамъ, право изъ участія, вы съ нимъ теперь сами поговорить можете, начать-то только было трудно, ну, а теперь, ужъ какъ начало сдѣлано, авось и самъ догадается, что всѣмъ рта не заткнешь.

Марья Никитишна посидѣла еще около часа, поболтала съ Наташей обо всемъ, что дѣлалось въ городѣ и ушла, обѣщаясь зайти завтра, чтобъ узнать чѣмъ кончилось дѣло.

Константинъ Николаичъ въ раздумьѣ ходилъ по комнатѣ. Сонъ не шелъ ему на умъ. Какъ ни старался онъ себя увѣрить, что Марья Никитишна сплетница, не заслуживающая никакого вниманія, но какой-то внутренній голосъ шепталъ ему, что она права. Несмотря на его нелюбимость, нравы городка М. были ему довольно извѣстны. Онъ зналъ, что если всѣ эти толки пока только выдумка Марьи Никитишны, то все-таки она не замедлитъ осуществиться. За что же подвергать имъ Наташу, бѣдную дѣвушку, за которую точно некому было вступиться. Надо было переѣхать. И при этой мысли Константинъ Николаичъ взглянулъ какъ-то съ сожалѣніемъ на свою каморку... Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, для которыхъ всякая перемѣна невыносима. Разстаться съ этой комнатой, съ этими стѣнами, къ которымъ онъ привыкъ, значило разстаться съ тою жизнью, которою онъ жилъ такъ долго, разстаться навсегда съ тѣми впечатлѣніями, которыя тѣшили его когда-то, какъ ребенка. Онъ невольно вспомнилъ о Людмилѣ. Но она была замужемъ, она не существовала для него. Константинъ Николаичъ припомнилъ весь эпизодъ своей любви. Когда онъ дошелъ до развязки, до письма, принесеннаго ему Наташей, мысль его остановилась на ней. И въ первый разъ Константинъ Николаичъ спросилъ себя мысленно, что такое Наташа?

Съ этой думой заснулъ онъ въ этотъ вечеръ.

На другой день Константинъ Николаичъ былъ какъ-то озабоченъ, и разсѣяннѣе обыкновеннаго. Цѣлое утро онъ не могъ

ничѣмъ заняться. Все какъ-то не клеилось. Иногда перо выпадало изъ его рукъ, и онъ сидѣлъ долго въ раздумьѣ, какъ человѣкъ, котораго преслѣдуетъ какая-то неотвязчивая мысль...

Когда Матрена пришла звать его обѣдать, онъ почти обрадовался.

Наташа встрѣтила его съ смущеніемъ. Послѣ вчерашняго разговора съ Марьей Никитишной, ей было какъ-то совѣстно смотрѣть на него. Константинъ Николаичъ также былъ еще неразговорчивѣе обыкновеннаго.

Наконецъ, когда послѣ обѣда, Наташа съѣла за пяльцы, Константинъ Николаичъ вдругъ заговорилъ съ нею, и такъ весело, такъ любезно, что Наташа удивилась.

— Отчего вы не пойдете прогуляться, хоть въ огородъ? сказалъ Константинъ Николаичъ, вы все работаете, это вредно для здоровья. Хотите пройтись, я пойду съ вами?

— Пойдемте, отвѣчала Наташа. Прежде, когда бабушка была жива, я любила ходить съ нею, ее все такъ радовало, особенно она любила, когда цвѣли яблони... а теперь одной какъ-то скучно.

— Вы и цвѣты ваши забросили?

— Да, право какъ грустно, ничемъ не хочется заниматься. Константинъ Николаичъ и Наташа пришли въ огородъ.

— О чемъ вамъ грустить, сказалъ онъ. Вы молоды, можете быть, васъ еще ждетъ много счастья въ жизни. Конечно, я понимаю, что теперь вамъ не можетъ быть весело, но вѣдь смерть неизбежное зло. Бабушка же ужъ пожила довольно...

— Да, конечно, а все таки больно. Она одна только и любила меня, вѣдь кромѣ ее у меня нѣтъ родныхъ.

— Какъ будто только родные и могутъ любить... Иногда любить и чужіе.

— Чужіе? произнесла Наташа съ горькой усмѣшкой. Вы слышали вчера, что говорила Марья Никитишна? Нѣтъ, отъ чужихъ ничего не жди добраго.

— Да, кстати. Знаете ли, вѣдь какъ ни говори, а мнѣ придется переѣхать отъ васъ.

— И я тоже думаю, отвѣчала Наташа, нагнувшись надъ кустомъ смородины, чтобъ скрыть слезу, которая навернулась на ея глазахъ при такомъ неожиданномъ результатѣ разговора.

Константинъ Николаичъ видѣлъ эту слезу.

— Не повѣрите, какъ это досадно, сказалъ онъ. Я такъ при-

выгнать къ вамъ, вы избаловали меня... И съ моей комнатой мнѣ также жаль расстаться. Я терпѣть не могу никакихъ перемѣнъ.

— Такъ не переѣзжайте, отвѣчала Наташа улыбувшись.

— А что скажетъ Марья Никитишна?

— Да Богъ съ нею, пусть говоритъ что хочетъ.

— Я не хочу, чтобъ она сплетничала про васъ.

— Ну, такъ переѣзжайте.

— Да я не хочу переѣхать.

Наташа засмѣялась.

— Что жъ мы будемъ дѣлать? сказала она.

— Есть средство уладить это. И Марья Никитишна не будетъ сплетничать, и я останусь.

— Какъ же?

— Очень просто: выйдите за меня замужъ.

— Вы шутите? сказала Наташа поблѣднѣвъ.

— Сохрани меня Богъ, такими вещами не шутятъ! Отчегожъ вы такъ думаете?

— Оттого, оттого... что мнѣ какъ-то не вѣрится. отвѣчала Наташа, взглянувъ на Константина Николаича съ улыбкой и покраснѣвъ.

Она была такъ мила въ эту минуту, въ ея глазахъ сіяло такое счастье и вмѣстѣ съ тѣмъ такая боязнь, что-то такое робкое, кроткое и привлекательное, что Константину Николаичу стало какъ-то легко на сердцѣ.

Онъ могъ еще хотъ одному живому созданію доставить счастье на этомъ свѣтѣ.

Съ этой минуты онъ полюбилъ Наташу.

— Отчего же не вѣрится? сказалъ онъ взявъ ее за руку.

— Оттого, что вы никогда не занимались мною... я бы никогда не подумала, что вы меня любите.

— Думайте это теперь, отвѣчалъ Константинъ Николаичъ. Онъ притянулъ къ себѣ Наташу и поцѣловалъ ее въ голову.

— Боже мой, неужели это правда? Это не сонъ? сказала Наташа доврѣчиво взглянувъ ему въ глаза.

— Правда. Вы знаете, я никогда не шучу.

— Ахъ, Константинъ Николаичъ, еслибъ вы знали какъ я любила васъ... отвѣчала Наташа покраснѣвши и прильнувъ къ его плечу.

Когда кончился трауръ Наташи, ихъ обвѣчали.

На свадьбѣ не было гостей, но въ церкви было много народу. Марья Никитишна стояла подлѣ Анны Григорьевны.

— Ну, славу Богу, сказала она, вышедъ изъ церкви, когда обрядъ вѣнчанія кончился: давно бы такъ...

— Хоть соблазну меньше, отвѣчала Анна Григорьевна. Видишь и свадьбу-то какую затѣяли, ни души не звали, точно краденые обвѣнчались.

— Что тутъ мудренаго, добрыхъ людей стыдно! А вѣдь кабы не я, не бывать бы ей за нимъ, право не бывать.

— Развѣ вы ихъ сосватали?

— Чего тутъ сватать. Я только его-то на умъ навела... Вѣдь у нихъ и при бабушкѣ-то было не безъ шашень... Ну, да старуха покойница, царство ей небесное, ничего не видала... изъ ума выжила. Вотъ какъ она умерла, я и стала ему говорить.. переѣхать бы вамъ, Константинъ Николаичъ, право нехорошо, только нареканіе на сироту кладете... Видно ужъ совѣсть заговорила...

— Что-жъ, доброе дѣло, матушка, сдѣлали.

— Да, а отъ людей спасибо не жди. Вишь какіе безсовѣстные, даже на свадьбу не позвали...

Ну, да я ей отпою еще...

Ужъ чисто не изъ интересовъ, а по человѣческому состраданію хлопотала.

И на другой день и на слѣдующіе Марья Никитишна жаловалась всему городу, что вотъ - дескать, какъ люди-то неблагодарны!

VII.

Прошло два года.

Было пасмурное октябрьское утро. Бывшая Миньона Константина Николаича, теперь m-me Барсукова, сидѣла въ своемъ изящномъ бодоарѣ, на бархатной кушеткѣ. Подлѣ нея на столикѣ лежала открытая книга.

Два года много измѣнили Людмилу: они превратили ее изъ недурнаго собою ребенка, въ очаровательную молодую женщину. Она выросла, пополнила; ея черные глаза по-прежнему горѣли жизнію, но теперь въ выраженіи ихъ было что-то грустное, серьезное. Размышленіе, опытъ, можетъ быть развѣявшіе такъ быстро

ея поэтическія грезы, оставили свой отпечатокъ на всемъ существѣ молодой женщины.

Она почти лежала на кушеткѣ, облокотясь рукою на подушку. Въ ея позѣ, въ блѣдности лица, въ грустной улыбкѣ, съ которою смотрѣла она въ садъ на качавшіяся деревья съ пожелтѣлыми листьями, было что-то утомленное, безотрадное...

Эти два года тяжело пали на сердце Людмилы.

Ни богатство, ни роскошь, ни разбѣянная жизнь, которую проводила она каждую зиму въ Петербургѣ, не ослѣпили, не увлекли ее... чувство просило пищи, умъ мысли, а она жила въ пустынь.

Она боролась сама съ собою, истощала весь запасъ нравственныхъ силъ, чтобъ примириться съ жизнью, съ окружающими ее людьми, и до сихъ поръ боролась успѣшно. Она рѣшилась ни желать, ни просить отъ жизни невозможнаго.

Барсуковъ любилъ ее какъ только былъ способенъ любить. Людмила понимала это, цѣнила и изъ благодарности, и по чувству справедливости старалась платить ему дружбой. Она изучила его, прощала ему иногда минутныя вспышки, и ровностью характера, отсутствіемъ капризовъ, уступчивостью, приобрѣла надъ нимъ большія права. Барсуковъ понималъ нравственное превосходство жены надъ собою, и вмѣстѣ съ любовью въ немъ развилось безсознательно какое-то чувство уваженія, не допускавшее его никогда обидѣть жену ни грубымъ словомъ, ни необдуманымъ поступкомъ, къ чему онъ былъ очень способенъ, по совершенному отсутствію той спокойной, холодной разсудительности, которою отличаются люди съ характеромъ.

По наружности оба были счастливы. Людмила въ обществѣ надѣвала маску, дома была доброю женой. Но съ этой стороны этотъ призракъ счастья былъ очень непроченъ, потому что основывался на покорности своему положенію, на искреннемъ желаніи не увеличивать зла малодушіемъ, на снисходительности... Людмила была горда и самолюбива. Она покорялась только потому, что ее не принуждали, потому что съ ней обращались съ уваженіемъ.

Барсуковъ также не совѣтъ былъ доволенъ своею долею. Вмѣсто покорнаго ребенка, вмѣсто хорошенькой куклы, онъ нашелъ въ Людмилѣ существо мыслящее, женщину добрую и кроткую, правда, но самостоятельную, уступчивую изъ гордости, существо, которое было гораздо выше его во всѣхъ отношеніяхъ.

Онъ понималъ это, и именно то, что составило бы счастье другаго человѣка, бѣсило его.

Tête à tête съ нимъ въ домашнемъ быту, Людмила скучала. Предметовъ для разговора у нихъ было не много, потому что мало было точекъ соприкосновенія между ихъ понятіями, ихъ взглядомъ на жизнь и ихъ вкусами.

И это понималъ почтенный супругъ, и не зналъ кого винить въ томъ: себя не хотѣлось, Людмилу онъ не могъ упрекнуть ни въ чемъ.

Но бывали минуты когда досада кипѣла въ его сердцѣ и выражалась въ вспышкахъ, которыя Людмила умѣла переносить терпѣливо и укрощать хладнокровіемъ.

Какова бы ни была семейная жизнь жены и мужа, но она все таки можетъ быть еще сносна пока въ нее не вмѣшаются посторонніе.

Посторонними въ этомъ случаѣ я называю всю ближайшую родню.

Барсуковъ вскорѣ послѣ свадьбы уѣхалъ съ женою въ Петербургъ..

Весною они возвратились въ деревню, гдѣ хозяйничала сестра Барсукова. Сестрица Анна Михайловна не влюбила Людмилу по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, сватовство обошлось безъ нея—обида, которою она была обязана своей невѣсткѣ. Во-вторыхъ, она надѣялась, что братецъ умретъ бездѣтнымъ холостякомъ; въ-третьихъ, она также ошиблась въ Людмилѣ: она ожидала встрѣтить въ ней вѣтринную, безпечную дѣвочку, которую можно было бы повести какъ угодно, и нашла женщину, которая поняла ее съ перваго раза и которая недовѣряла ни ея ласкамъ, ни приторнымъ угожденіямъ, и на всѣ ея сердечныя изліянія, на всѣ покушенія къ интимности, отвѣчала холодною учтивостью, согрѣтою чувствомъ, ни больше ни меньше на сколько требуютъ приличіе и родственныя отношенія.

Анна Михайловна рѣшилась отплатить за это, да и за все кстати. Она была женщина съ характеромъ, и чего не удавалось сдѣлать сегодня, то отлагала на завтра; не теряя присутствія духа и не унывая.

Поссорить Людмилу съ мужемъ было бы очень лестно для ея самолюбія, но въ первое лѣто, проведенное вмѣстѣ, ей не было удачи, потому что Людмила держалась въ оборонительномъ положеніи и очень ловко уклонялась отъ всякаго повода къ домашнимъ неудовольствіямъ.

Осенью Барсуковы опять уехали въ Петербургъ. Анна Михайловна отложила свои намѣренія до первыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ.

Случай, который часто управляетъ цѣлою жизнью человѣка, представился именно въ то утро, съ котораго начали мы эту главу. Людмила, какъ мы сказали, сидѣла одна въ своемъ бодарѣ и скучала. Лѣтомъ, когда вся природа дышитъ роскошью, манитъ наслаждаться жизнью, когда при взглядѣ на ясное небо, на зелень, на цвѣты, засыпаетъ въ сердцѣ всякая скорбь, она была еще счастлива тѣмъ мимолетнымъ счастьемъ, которое проистекаетъ не изъ сердца, а отъ внѣшнихъ вліяній.

Но когда настала осень, грусть сильнѣе зашла въ ея сердце. Гулять было нельзя, бесѣдовать съ мужемъ и съ Анной Михайловной не о чемъ; всѣ занятія, которыя любила она прежде, ей наскучили, потому что она занималась ими безъ цѣли.

По вечерамъ она жертвовала собою, и проводила ихъ въ гостиной. Но по утрамъ она скучала страшно, потому что передъ нею лежалъ еще длинный, утомительный день, и надо было собраться съ силами.

Въ это утро ей было какъ-то особенно грустно. Вспомнила ли она бывшее, свое безпечное дѣтство, или дума о грядущемъ, какъ туманъ, въ который она напрасно старалась проникнуть, носилась надъ нею; но дѣло въ томъ, что она лежала на кушеткѣ и почти со слезами смотрѣла въ садъ, на умирающую природу... можетъ быть, она завидовала ей.

Въ гостиной происходила сцена другаго рода.

Анна Михайловна сидѣла у окна и вышивала въ огромныхъ пальцахъ коверъ въ сельскую церковь.

Барсуковъ большими шагами ходилъ по комнатѣ. Онъ былъ сильно не въ духѣ.

У дверей стоялъ староста и смиренно ожидалъ дальнѣйшихъ распоряженій.

— Ну, что стоишь? Испортили, дурачье, такъ дѣлать нечего. Ступай домой.

Староста переминаясь съ ноги на ногу и почесывая въ головѣ, простоялъ еще секунды три и вышелъ.

— А что, братецъ, дорого вы дали за машину? спросила Анна Михайловна.

— Дорого ли! Тутъ дѣло не въ деньгахъ, сестрица, а въ томъ, что съ этимъ народомъ нельзя завести ничего порядочнаго, отвѣ-

чалъ Барсуковъ, заводившій все порядочное не для пользы, а для вида, чтобъ можно было сказать какому нибудь помѣщику средней руки:

— А вотъ, братецъ, у меня есть какая штука, какой ты и не видывалъ! Пріѣзжай обѣдать, такъ покажу.

Въ настоящую минуту дѣло шло объ англійской молотильной машинѣ. Барсуковъ далъ за нее большія деньги. Но собрали ее и поставили мужики, никогда не видавшіе подобныхъ ухищреній.

Верхомъ на лошадей, чтобъ управлять ею, посадили мальчишекъ, потому что погонять лошадь дѣло простое, всякій мальчишка съумѣетъ. Изъ англійской машины вышла просто потѣха. Мальчишки ради забавы дергали лошадей, погоняли ихъ то въ скачъ, то шагомъ; машина скрипѣла, скрипѣла, молотила и вкось и вкривь, и наконецъ отказалась служить. Починить ее было не совсѣмъ легко, потому что въ окрестныхъ городахъ и городкахъ никто бы за это и не взялся.

А Барсуковъ еще недавно разговаривая какъ-то за обѣдомъ съ однимъ сосѣднимъ помѣщикомъ, разумничался не на шутку и спорилъ чуть не до слезъ.

Помѣщикъ доказывалъ, что нѣтъ никакой надобности заводить молотильныя машины, потому что можно очень удобно молотить хлѣбъ обухомъ. Доказательство тому, что такъ молотили всегда и молотятъ вездѣ, во всѣхъ губерніяхъ. Барсуковъ защищалъ пользу машинъ, и краснорѣчиво толковалъ о пользѣ нововведеній. Надо замѣтить, что Барсуковъ защищалъ только тѣ нововведенія, которыя были у него, про другія же онъ говаривалъ: вздоръ, до тѣхъ поръ, пока не удавалось завести ихъ.

Какъ бы то ни было, молотильная машина сильно разсердила его. Вѣдь надо же ей изломаться именно въ то время, когда онъ такъ энергически отстаивалъ ее пользу. Вѣдь этакъ пожалуй помѣщикъ а за нимъ и другой, и весь уѣздъ стануть трунить надъ нимъ.

— Вотъ, братецъ, позвольте вамъ сказать откровенно, начала Анна Михайловна, слѣдя изподлобья за всѣми движеніями Барсукова. Вы напрасно хлопчете и вмѣшиваетесь въ хозяйство. Вѣдь сколько лѣтъ ужъ я этимъ распоряжаюсь, и повѣрьте, по этой части я гораздо опытнѣе васъ. Вѣдь говорила я вамъ не покупайте машины, что за идея,—заставлять работать машину вмѣсто лошадей; обходились же прежде и безъ нея, а теперь только вышло что деньги брошены, да досада вамъ еще.

— Да что жъ я буду дѣлать наконецъ, вѣдь скука одолѣеть, вскричалъ Барсуковъ съ досадою.

— Помилуйте, братецъ, какъ не стыдно вамъ говорить это, сказала Анна Михайловна съ язвительною усмѣшкой: вѣдь не скучали же вы прежде, когда были холостякомъ, а теперь съ этою милою и образованною женщиною, какъ ваша жена, вы не знаете, что дѣлать отъ скуки.

— Ну, да по утрамъ я и не скучаю, когда хорошая погода: пойдешь туда, сюда, вотъ и занятіе, а эта проклятая осень, дождь да слякоть, носу нельзя показать чтобъ незамокнуть. А я этого терпѣть не могу.

— Что жъ вы, братецъ, не ѣдете въ Петербургъ?

Я бы ужъ давно поѣхалъ, да Людмила не хочетъ, просила остаться до зимняго пути. Я далъ слово, а теперь право ужъ и досадно.

— Зачѣмъ же вы общались остаться? И я удивляюсь на сестрицу, что за фантазія молодой женщинѣ скучать въ это несносное время года въ деревнѣ, тогда какъ въ Петербургъ она могла бы пользоваться всѣми удовольствіями.

— Я и самъ не понимаю! Но что прикажете дѣлать? Не могу ей ни за что отказать, когда она проситъ.

Анна Михайловна улыбнулась.

— Вы, братецъ, всегда были очень мягкаго характера. А Людмила Андревна, надо отдать ей справедливость, очень умная женщина, всѣ говорятъ это. Прошедшій разъ мнѣ Катерина Ильинишна сама сказала, что не ожидала никакъ, чтобъ Людмила Андревна вышедши замужъ умѣла бы поставить себя на такую ногу...

— Что вы за аллегоріи, сестрица, говорите? На какую ногу?

Я васъ не понимаю.

— Вы меня извините, братецъ, но вѣдь если я говорю съ вами откровенно, то единственно изъ родственной дружбы... Я очень люблю сестрицу. Она прекрасная женщина во всѣхъ отношеніяхъ. И сохрани Богъ, чтобъ я рѣшилась осуждать ее въ чемъ бы то ни было. Но она еще очень молода, очень неопытна... она не знаетъ, что значитъ мнѣніе свѣта, и въ этомъ случаѣ вамъ надо было бы руководить ее.

— Да въ чемъ руководить? Вы со мною, сестрица, говорите просто. Я вашихъ обиняковъ не понимаю. Вы хотите что-то высказать, и увертываетесь... Къ чему вы приплели тутъ мнѣніесвѣта?

— Да къ тому, братецъ, отвѣчала очень кротко и наивно Анна Михайловна, что весь городъ говорить, что вы у жены подъ башмакомъ... Вѣдь я знаю, что это вздоръ. Вотъ сколько мнѣ случилось видѣть васъ обоихъ здѣсь, между вами нѣтъ никогда ни ссоръ, ни непріятностей. Людмилѣ Андревнѣ стоитъ чего нибудь пожелать, и вы сейчасъ исполняете. Я очень хорошо знаю, что вѣдь еслибъ вы хотѣли сами того, то все бы въ домъ дѣлалось по вашему. Сестрица уступала бы вамъ, какъ теперь вы изъ любви уступаете ей... Но свѣтъ судить по другому...

Людмила Андревна не понимаетъ этого... Жена прежде всего должна показать свѣту, что уважаетъ мужа. Отъ этого зависить уваженіе къ ней самой постороннихъ.

— Да чѣмъ же Людмила доказала, что не уважаетъ меня? Кто смѣетъ говорить это? Дурачье какое нибудь, такъ я на него плевать хочу! вскричалъ Барсуковъ покраснѣвъ.

— Ахъ, братецъ, какіе вы, право! Какъ вы все странно понимаете. Съ вами нельзя говорить откровенно. Разумѣется, что это вздоръ, я знаю очень хорошо, что въ душѣ сестрица и любить, и уважаетъ васъ... но люди судятъ по наружности.

— А что жъ они судятъ по наружности, позвольте васъ спросить? сказалъ Барсуковъ, остановясь противъ Анны Михайловны.

— Да говорятъ, что вы глядите въ глаза Людмилѣ Андревнѣ, что чего она не захочетъ, того и не будетъ ни за что на свѣтъ... Удивляются, что она никуда не ѣздитъ, и въ правду, братецъ, вы съ тѣхъ поръ, какъ женились, вездѣ ѣздите одни, а не съ женою, не знаю какъ въ Петербургѣ. Изъ этого заключаютъ, что сестрица не совсѣмъ счастлива въ домашней жизни. Нарядовъ у нее бездна... На ея мѣстѣ всякой другой, молодой женщины было бы пріятно показать себя...

Барсуковъ въ раздумьи ходилъ по комнатѣ. Мозгъ его въ эти минуты былъ въ сильномъ волненіи. Онъ понималъ и сознавалъ, что вся эта рѣчь была высказана сестрицею съ намѣреніемъ, но все-таки въ ней было много правды. До сихъ поръ онъ видѣлъ только, что Людмила никогда съ нимъ не спорила, никогда не старалась поставить по-своему, а между тѣмъ онъ какъ-то добровольно, безсознательно подчинялся ей.

Это иногда бѣсило его, но онъ не могъ разобрать кто тутъ виноватъ, не могъ обвинять Людмилу за то, что любить ее, и досада его бывала минутною вспышкой.

Выраженіе сестрицы, что онъ подъ башмакомъ у жены, мѣтко

попало ему въ сердце. Такъ говорилъ весь городъ, можетъ быть, весь уѣздъ. А Барсуковъ былъ очень самолюбивъ. Онъ былъ помѣщикъ двухъ тысячъ душъ, кто же дерзалъ разбирать его, судить, можетъ быть, даже въ тихомолку смѣяться надъ нимъ?

Эта мысль выразилась разомъ въ трехъ восклицаніяхъ:

— Дурачье! ослы! скоты! вскричалъ онъ наконецъ, продолжая ходить. Только сплетнями и занимаются!

Да и васъ, сестрица, прибавилъ онъ, обращаясь къ Аннѣ Михайловнѣ, кто проситъ передавать мнѣ эти сплетни? Я плюю на нихъ и знать ихъ не хочу...

Барсуковъ надулся, закурилъ сигару и усѣлся на диванъ.

— Меня очень удивляетъ, братецъ, что вы такъ приняли мои слова, сказала Анна Михайловна съ обидою. Впередъ я ни во что не буду вмѣшиваться. Съ этихъ поръ я не хочу имѣть никакого голоса въ вашемъ домѣ. Я вижу, что и роднымъ даже не позволяется говорить правды, хотя ее и говорятъ изъ участія... Если вы хотите даже, то чтобъ избѣжать грѣха, я совсѣмъ уѣду отъ васъ къ Москву, къ Анненькѣ... кажется, такъ будетъ лучше. Можетъ быть, этого и хотятъ даже.

Анна Михайловна очень хорошо знала, что братецъ вовсе не хотѣлъ этого. Она у него хозяйничала, смотрѣла за всею не хуже какого нибудь управителя, и все это дѣлалось *gratis* изъ родственной любви, не считая кой-какихъ невинныхъ доходовъ, на которые Барсуковъ смотрѣлъ сквозь пальцы. Самъ же онъ хозяйничать не умѣлъ, и очень хорошо зналъ, что наемный прикащикъ удвоить невинные доходы, которыми пользовалась сестрица. А Барсуковъ, не смотря на то что имѣлъ двѣ тысячи душъ, а можетъ быть именно потому, былъ скупъ не всегда, а такъ, когда приходило въ голову.

Онъ не сказалъ ничего на эту выходку. Но минутъ чрезъ десять завелъ съ сестрицей посторонній разговоръ на счетъ чего-то по хозяйству, и уже совершенно безъ гнѣва.

Анна Михайловна торжествовала въ душѣ. Она знала, что съ такимъ безхарактернымъ человѣкомъ, какъ ея братецъ, посѣянное всегда принесетъ свой плодъ.

— Что, вы сегодня дома вечеромъ будете, или поѣдете куда нибудь? спросила она, какъ будто безъ намѣренія.

— Сегодня, да, у предводителя вечеръ, онъ звалъ. Отвѣчалъ Барсуковъ.

Сестрица вскорѣ вышла изъ гостиной.

Барсуковъ походилъ еще взадъ и впередъ, выкурилъ еще сигару, посмотрѣлъ въ окно... Досада кипѣла въ его сердцѣ. Погода была пренесносная. Дождь шелъ какъ будто на зло ему, потому что онъ былъ не въ духѣ.

Онъ чувствовалъ потребность вымѣстить на комъ нибудь свои ощущенія, вспылить, поспорить... Съ этою неясною, не вполне сознаною мыслию онъ отправился къ женѣ.

— Что за скверная погода, сказалъ онъ войдя въ бодоаръ. Тоска такая, что мочи нѣтъ! Что ты дѣлаешь?

— Читаю, отвѣчала Людмила.

— Что, ты сегодня поѣдешь на вечеръ къ Зуровымъ?

— А что тамъ?

— Ничего особеннаго, просто вечеръ, онъ звалъ тебя.

— Не хочется, лѣнь, отвѣчала Людмила зѣвая. Надо нарядиться... а для меня это наказаніе. Ты представь себѣ, прибавила она шутивымъ тономъ, надо пожертвовать цѣлый часъ на туалетъ, да полтора часа на ѣзду по нынѣшней дорогѣ, и все зачѣмъ? Чтобъ проскучать тамъ цѣлый вечеръ.

— Я удивляюсь на тебя, Людмила, ты молодая женщина и такъ облѣнилась. Это право ни на что не похоже. Отчего жъ въ Петербургѣ ты выезжаешь?

— Да, мой другъ, между Петербургомъ и здѣшней милой сторонкой есть небольшая разница. Тамъ я ѣду въ общество, я знаю, что по крайней мѣрѣ увижу интересныхъ людей, услышу что нибудь занимательное, новое, что меня развлечетъ... А здѣсь только и слышишь, что сплетни, да толки о нарядахъ, да вопросы о нихъ, какъ будто я Moniteur de la mode...

— Но чтожъ прикажешь дѣлать? Весь свѣтъ не образуешь, всѣхъ людей не передѣлаешь по-своему! сказалъ Барсуковъ съ досадою.

— Такъ и оставить ихъ въ покоѣ, Богъ съ ними, если они мнѣ не нравятся.

— Я наконецъ не знаю есть ли на свѣтѣ хоть кто нибудь, кто бы вамъ нравился? Вы слишкомъ разборчивы, слишкомъ капризны, Людмила Андревна.

— Будто? отвѣчала Людмила хладнокровно.

— Да, я совсѣмъ не шучу. Это вѣдь надоѣсть наконецъ.

— Да изъ чего ты горячишься, скажи, ради Бога? сказала Людмила съ удивленіемъ, смотря на Барсукова, которой ходилъ скорыми шагами по бодоару. Она догадалась, что готовится взрывъ.

— Изъ чего? сказалъ онъ остановясь посреди комнаты: изъ того, что я не хочу быть баснею цѣлаго города, можетъ быть, всего уѣзда, по вашей милости, сударыня.

— Людмила посмотрѣла на него молча.

— Не понимаю, что съ тобою сдѣлалось сегодня, сказала она пожавъ плечами.

— Не понимаете? Такъ поймите же разъ навсегда. Я избаловалъ васъ, вы привыкли, чтобъ я угождалъ вамъ, смотрѣлъ вамъ въ глаза... теперь этого не будетъ, слышите? Я мужъ, я глава въ домѣ. Вы меня будете слушаться. Вы сегодня побѣдете на вечеръ, я хочу этого.

— Если это такъ необходимо для вашего спокойствія, чтобъ я побѣдела, то вы могли бы сказать это просто безъ всякой горячки, отвѣчала Людмила холодно. Но я хотѣла бы знать какимъ образомъ вы сдѣлались по моей милости баснею всего города? Растолкуйте, пожалуйста.

— Вы думаете, что всѣ люди слѣпы? Что не видятъ, не понимаютъ какъ вы капризны? Всѣ удивляются на васъ только?

— Чтожъ, пусть удивляются. Мнѣ это все равно!

— Да мнѣ-то не все равно! Я не хочу чтобъ про меня говорили, что я у васъ подъ башмакомъ! вскричалъ Барсуковъ стукнувъ кулакомъ по столу. Слышите, не хочу, и этого не будетъ!

— Послушай, мой другъ, сказала Людмила, скажи мнѣ, кто тебѣ сказалъ этотъ вздоръ? Съ какой стати могутъ сказать, что ты у меня подъ башмакомъ? Это просто сплетни. Я догадываюсь откуда онѣ. Разбери самъ по совѣсти: съ перваго дня нашей свадьбы и до сихъ поръ, было ли хоть одинъ разъ, чтобъ я капризничала, чтобъ я сдѣлала что нибудь напротивъ тебѣ?

— Ну, да я и не говорю этого, отвѣчалъ смягченный Барсуковъ, а между тѣмъ вѣдь всегда все дѣлается по-твоему.

— Да чтожъ такое наконецъ дѣлается по-моему?

— Все. Хочешь ты куда нибудь ѣхать, ты ѣдешь, не хочешь — нѣтъ, я самъ далъ тебѣ полную волю. А что изъ этого выходитъ? Ты вотъ теперь никуда не показываешься, такъ, фантазія пришла, а про насъ, чортъ знаетъ, что плетутъ: что ты вѣрно несчастна, что я пляшу по твоей дудкѣ...

— Э, мой другъ, отвѣчала Людмила съ горечью, вѣдь я у тебя не просила этой воли. Ты самъ ее далъ, и если я тебя любила и уважала до сихъ поръ, то именно потому, что ты обращался со мною съ уваженіемъ... Если жъ тебя такъ тревожатъ

эти сплетни, то пожалуй, сблай изъ меня куклу, машину, наряжай, вывози, показывай сколько тебѣ угодно, не спрашиваясь моего согласія, это все таки лучше, нежели дѣлать сцены, которыя не поведутъ ни къ чему доброму.

Сегодня у меня было терпѣніе, въ другой разъ, можетъ быть, его не достанетъ.

Барсуковъ молча продолжалъ ходить... Хладнокровіе Людмилы обезоружило его, какъ это всегда случалось. Онъ спросилъ себя мысленно: въ чемъ же, въ самомъ дѣлѣ, могъ онъ упрекнуть ее? Она никогда не пыталась присвоить себѣ никакихъ правъ, все было добровольною жертвою съ его стороны, а она умомъ и терпѣніемъ заслужила ее.

Онъ и теперь готовъ былъ почти отказаться отъ желанія везти ее на вечеръ, потому что чувствовалъ, что былъ не правъ! только ему не хотѣлось сознаться въ томъ передъ нею:

— Кто тебѣ наговорилъ все это, спросила Людмила. Вѣрно Анна Михайловна?

— Что за дѣло до того, кто бы ни сказалъ? Довольно того, что это говорятъ.

— Нѣтъ, это пустяки, этого не говорятъ. Но это злая выдумка для того, чтобъ поссорить насъ...

— Съ чего ты это взяла?

— Скажи сперва кто тебѣ наговорилъ все это. Анна Михайловна?

— Ну, да.

— Вотъ видишь, что я скажу тебѣ, ты мнѣ давеча наговорилъ въ горячкѣ много обиднаго, несправедливаго, я выслушала терпѣливо. Теперь твоя очередь, но я выскажу тебѣ только истину, для твоей и моей пользы. Анна Михайловна тебѣ сестра, и тебѣ будутъ, можетъ быть, непріятны мои слова, но дѣлать нечего. Я никогда до этой минуты не говорила тебѣ о ней. Но если она сама не вытерпѣла и задѣла меня, то пусть же знаетъ, что я не ребенокъ, не школьница, и что ей не удадутся со мною ея планы. — Съ самаго перваго дня моего замужства она возненавидѣла меня... почему, это я поняла потомъ. Ей не хотѣлось, чтобъ ты женился; какіе она имѣла тутъ виды—не знаю. Но дѣло въ томъ, что не мнѣ, а ей хотѣлось держать тебя подъ башмакомъ. Я ей помѣшала. Еще прошедшее лѣто она испытывала меня всѣми силами... и подъ видомъ дружбы и участія, старалась поселить раздоръ, этого ей не удалось. Я уклонялась всегда отъ всякаго повода къ не-

удовольствіямъ и ссорамъ. Еслибъ я ее послушалась хоть разъ, мы давно бы Богъ знаетъ, до чего дошли. Сегодня ей посчастливилось. Но я тебѣ скажу, что это не можетъ и не должно такъ продолжаться, потому что это значить превратить нашу домашнюю жизнь въ адъ... Одно средство помочь этому злу—прекратить его въ самомъ началѣ. И потому я тебѣ скажу, что если ты хочешь, чтобъ я жила лѣтомъ здѣсь съ тобою, посовѣтуй Аннѣ Михайловнѣ не вмѣшиваться въ твои дѣла и уѣхать на житье въ Москву къ своимъ дочерямъ.

Барсуковъ никакъ не ожидалъ такого результата. Его поразили рѣзкій тонъ Людмилы. Никогда не говорила она съ нимъ такъ настойчиво и твердо. Онъ не любилъ Анну Михайловну и не вѣрилъ въ ея любовь и участіе къ нему. Ему было совершенно все равно гдѣ бы она ни жила, у него, или въ Китаѣ. Но вопервыхъ мысль изгнать сестрицу, была слишкомъ нова для него, Надо было поговорить съ сестрицей толкомъ, показать твердость характера, а у него ее не было, и каждый изъ окружающихъ его имѣлъ болѣе или менѣе на него вліянія, изъ подъ-котораго ему трудно было освободиться разомъ... Во вторыхъ, онъ только что сдѣлалъ сцену Людмилѣ за выраженіе сестрицы, что онъ находится подъ башмакомъ у жены—исполнить желаніе Людмилы, значило оправдать это выраженіе, и дать поводъ озлобленной Аннѣ Михайловнѣ, рассказывать о немъ всѣмъ роднымъ и знакомымъ съ глубокимъ соболѣзнованіемъ. Онъ прошелся молча по комнатамъ и остановился передъ Людмилой.

— Это значить, сказалъ онъ, что ты предлагаешь мнѣ выгнать изъ дому родную сестру?

— Жалю, что должна тебѣ предложить это, отвѣчала Людмила холодно: но это необходимо для твоего и моего спокойствія. Зло всегда надо останавливать въ началѣ.

— Этого не будетъ! вскричалъ Барсуковъ, топнувъ ногою. Холодный и твердый тонъ жены выводилъ его изъ себя.

— Какъ хочешь, отвѣчала Людмила, но я не хочу жить съ нею подъ одною кровлею.

— Что жъ вы сдѣлаете, если я не буду плясать по вашей дудкѣ? вскричалъ опять Барсуковъ.

— Уѣду отъ васъ.

— Куда это?

— Къ папенькѣ.

— Вы не осмѣлитесь этого сдѣлать, я вамъ не позволю!

— Въ самомъ дѣлѣ? А какое вы имѣете право запретить мнѣ?

— Право? Вы забываете, что я вамъ мужъ.

— Что жъ изъ этого слѣдуетъ?

— А то, что если вы не послушаетесь добромъ, то я силою заставлю васъ слушаться.

Людмила поблѣднѣла. Она хотѣла что-то сказать, но промолчала, только на губахъ ея мелькнула какая-то горькая, презрительная улыбка. Она опустила глаза на книгу и принялась за прерванное чтеніе.

Барсуковъ долго еще ходилъ по бодоару и много кричалъ и горячился.

Людмила продолжала, читать не обращая на него ни малѣйшаго вниманія. Наконецъ онъ вышелъ, хлопнувъ дверью.

Людмила бросила книгу, закрыла лице обѣими руками и долго сидѣла такъ, въ тяжеломъ раздумьѣ.

Свѣтскія удовольствія, богатство, блестящая жизнь, на которую промѣняла она первое живое, дѣвственное чувство, не зашили глубокой раны въ ея сердцѣ.

Что жъ ей оставалось въ жизни? Очень не много благъ. Спокойствіе было однимъ изъ первыхъ. Теперь посягнули и на него. Людмила рѣшилась защищаться и отстоять его во что бы то ни было. Но она знала хорошо характеръ своего мужа. Полумѣры съ нимъ никуда не годились. Съ нимъ надо было дѣйствовать рѣшительно и за одинъ пріемъ. Вечеромъ она нарядилась и поѣхала вмѣстѣ съ нимъ къ Зуровымъ. Она была весела, шутила и смѣялась. Барсуковъ возвращаясь домой, торжествовалъ.

— Теперь всегда буду съ ней такъ поступать, рассуждалъ онъ мысленно.

Первая удача ослѣпила его. Но восторгъ его продолжался не долго.

На другой день поутру, пока онъ еще спалъ, Людмила велѣла заложить коляску и уѣхала въ Красныя Горки.

Кучеръ, возвратившись, привезъ ему письмо слѣдующаго содержанія:

«Я останусь здѣсь до тѣхъ поръ, пока Анна Михайловна будетъ у насъ въ домѣ. Это не капризь, не прихоть. У ней одна только цѣль—поселить между нами раздоръ. Ты видишь самъ, что первую ссорою мы обязаны ей. Если она думаетъ, что нашла во

мнѣ простенькую дѣвочку, то жестоко ошибется. Я понимаю ее очень хорошо, и если рѣшилась поступить, по-видимому, такъ дерзко, то для того, чтобъ отвратить много зла въ будущемъ. Подумай самъ хорошенько обо всемъ и ты убѣдишься, что я права. Не ѣзди за мной и не посылай: я не поѣду. Къ крутымъ мѣрамъ со мною не совѣтую прибѣгать. Ты сдѣлаешься баснею всего города и всего уѣзда, потому что я не умѣю покоряться силѣ. Я готова любить и уважать, но только того, кто умѣетъ внушить уваженіе не оскорбляя.»

—
Быль прекрасный осенній вечеръ. Константинъ Николаичъ, вооруженный ружьемъ, шель на охоту по дорогѣ къ Краснымъ Горкамъ. Водилось ли тутъ, на берегахъ озера, больше дикихъ утокъ, нежели за Рыбацкой, или прото его влекло воспоминаніе, но дѣло въ томъ, что онъ всегда ходилъ охотиться въ эту сторону. За нимъ бѣжала лягавая собака. Константинъ Николаевичъ, не смотря на то, что былъ женатъ, и отецъ семейства, состоявшаго изъ одного хорошенькаго, голубоглазаго сынишки, который только что научился лепетать отрадное слово: папа! далеко еще не отвыкъ отъ мечтательности и не утратилъ сердца прежнихъ дней.

Передъ нимъ была чудная, поразительная картина: блестящее но холодное осеннее солнце яркимъ закатомъ обливало кусты деревьевъ, одѣтыхъ разнообразною зеленью. Отживающая природа какъ будто боролась сама съ собою. Холодъ подточилъ листья, развѣялъ ихъ по полю, устлалъ желтымъ ковромъ окраины дороги.. но тѣ, которые уцѣлѣли на родимомъ деревѣ, какъ будто предчувствуя что доживаютъ послѣдніе дни, облеклись съ разнообразныя цвѣта, начиная отъ блѣдно-золотаго до яркаго пурпура.

Это было послѣднее усиліе природы, ея послѣдній предсмертный нарядъ.

При взглядѣ на эту зелень несвойственныхъ ей цвѣтовъ, лишленную свѣжести и ежеминутно умирающую, въ душѣ невольно пробуждается какое-то горькое чувство.

Озеро разстиралось гладкой, чуть зыблемой пеленой... Все было тихо и пустынно и надъ нимъ, и вокругъ него. Только солнце искрилось въ немъ золотыми блестками, да развѣсистыя березы, росшія кой-гдѣ по берегамъ, съ любовью склонялись надъ холодной стихіей, и ихъ длинныя вѣтви тонули въ ея синевѣ.

Порою быстрая чайка какъ будто скользила по гладкой по-

верхности воды, и исчезала вдали, превращаясь въ черную, едва видную точку.

Кой-гдѣ перепархивая съ вѣтки на вѣтку, еще чирикали птички. Только ихъ голоса нарушали тишину унылой но вмѣстѣ съ тѣмъ грандіозной сцены.

Константинъ Николаичъ шелъ въ глубокомъ раздумьи, любясь всѣмъ, что окружало его.

Вдругъ тихо, торжественно раздался благовѣсть къ вечернѣ въ Красныхъ Горкахъ. Звукъ пронесся въ пустынныхъ окрестностяхъ медленнымъ, протяжнымъ гуломъ, и утонулъ подъ небесами. Среди отживающей природы, подъ безпредѣльнымъ куполомъ неба, надъ безбрежной стихіей, среди этой тишины, молчанія и унынія этотъ звукъ пронесся какъ голосъ свыше... казалось, вся природа отождествилась съ нимъ въ эту таинственную минуту—и воды, деревья, обнаженные поля, каждая былинка травы, все отвѣтило на его призывъ. А сильнѣе всего отвѣтило на него сердце человѣка! Константинъ Николаичъ снялъ шляпу и набожно перекрестился.

Вотъ вдали изъ-за обнаженныхъ деревъ выглянула зеленая крыша... Константинъ Николаичъ взглянулъ на нее и тяжело вздохнулъ. Все прошедшее, если не забытое, то заглушенное, проснулось вновь живѣе прежняго въ его груди.

Онъ вспомнилъ свои прежніе радужные сны, и образъ Людмилы, какъ образъ свѣтлаго генія, озарившаго поэзіей чувства его труженическую жизнь, возсталъ предъ нимъ чистый и любящій, такой, какою знавалъ онъ ее въ былые дни.

На глазахъ его навернулись двѣ крупныя слезы и медленно скатились по лицу.

Потомъ онъ мысленно задалъ самъ себѣ вопросъ: былъ ли онъ счастливъ теперь?

Увы! Наташа не осуществила для него тотъ призракъ, тотъ свѣтлый идеалъ, за которымъ гоняемся мы какъ дѣти, и который зовутъ счастьемъ. Она была доброю, кроткою женою, она любила мужа всѣми способностями души, но она была необразована, она могла сочувствовать ему инстинктивно, но не могла понимать его. Между ихъ понятіями, взглядами и вкусами, были большіе пробѣлы, которые не могло наполнить даже ея любящее сердце. Она догадывалась объ этомъ. Когда мужъ ея былъ задумчивъ или скученъ, она только ласками могла сочувствовать ему. И онъ понималъ это, онъ былъ благодаренъ ей за то, что она отдава-

ла ему все сердце, все чувство, которымъ одарила ее природа, но Наташа не была какъ Людмила, его созданиемъ. Онъ не училъ ее мыслить, рассуждать, чувствовать... Она не подарила ему двухъ лѣтъ поэтической любви; онъ не сроднился съ нею мечтою, чувствомъ, не летѣлъ съ восторгомъ на свиданіе, не замиралъ въ упоеніи когда мечталъ о ней: онъ не страдалъ изъ-за нее наконецъ, какъ страдалъ изъ-за Людмилы.

Людмила познакомила его со всѣми волненіями сердечной драмы. И за эти страданія онъ не проклиналъ ее, нѣтъ, онъ любилъ!

Константинъ Николаичъ забылъ о ружьѣ. Онъ шелъ куда глядятъ глаза, влекомый воспоминаніемъ. Вдругъ передъ нимъ протянулся длинный заборъ. Константинъ Николаичъ вздрогнулъ, хотѣлъ было воротиться, остановился, подумалъ и пошелъ дальше. Вотъ передъ нимъ калитка. Она была хорошо знакома ему. Черезъ нее проходили они, бывало, съ Людмилой послѣ классовъ, въ поле...

Имъ овладѣло непреодолимое искушеніе. Ему захотѣлось отворить эту калитку, пройти по тѣмъ аллеямъ, гдѣ хаживалъ онъ съ Людмилой.

Онъ тихо, робкою рукою взялся за скобку, калитка подалась, и онъ вошелъ въ садъ.

Больше двухъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда въ послѣдній разъ проходилъ онъ по этимъ мѣстамъ. Тогда его озаряла поэтическое сіяніе мечты, а подъ него было тогда милое, юное созданіе, которое любилъ онъ всею душою.

— Счастлива ли она? подумалъ невольно Константинъ Николаичъ.

Онъ велъ уединенную жизнь, никогда не бывалъ въ гостяхъ и ни у кого не спрашивалъ про Людмилу.

Онъ шелъ скорыми шагами по знакомымъ ему аллеямъ, усыпаннымъ желтыми листьями. Вотъ бесѣдка, гдѣ такъ часто въ полдневный зной сиживали они вдвоемъ.

Константинъ Николаичъ вошелъ въ бесѣдку, остановился, вскрикнулъ. Передъ нимъ на скамьѣ сидѣла Людмила, но не та живая, огненная дѣвочка, съ любопытнымъ, полнымъ мысли взоромъ и съ вѣчнымъ вопросомъ на устахъ.

Нѣтъ, передъ нимъ сидѣла женщина блѣдная и грустная. Ея большіе, черные глаза уныло слѣдили за золотистыми отблесками заходящаго солнца... Страданіе, тяжелая, безотрадная дума, положили свою печать на эти живыя черты.

— Константинъ Николаичъ! вскрикнула Людмила. И оба остановились неподвижно другъ противъ друга... Глаза ихъ встрѣтились, и все, что оба вытерпѣли, перестрадали, слилось въ одномъ взорѣ.

Людмила опомнилась первая.

— Какъ мы давно не видались! сказала она, по привычкѣ протянувъ руку своему бывшему наставнику.

— Да, больше двухъ лѣтъ, отвѣчалъ Константинъ Николаичъ.

— Какимъ случаемъ попали вы сюда?

— Я... охотился, отвѣчалъ Константинъ Николаичъ покраснѣвъ и взглянувъ на ружье, какъ на доказательство.

— Сядемте, поговоримъ здѣсь, какъ бывало, сказала Людмила съ улыбкой, но въ этой улыбкѣ было что-то такое, что Константину Николаичу стало тяжело, онъ отвелъ отъ нея глаза.

— Я слышала, вы женаты? спросила Людмила послѣ минутнаго молчанія.

— Да.

Опять настало молчаніе.

— По праву старинной дружбы, сказала Людмила робкимъ, дрожащимъ голосомъ, которому напрасно старалась придать твердость: отвѣчайте откровенно на мой откровенный вопросъ: вы счастливы? Вы довольны своею судьбой?

— Да, отвѣчалъ Константинъ Николаичъ, послѣ минутнаго раздумья. А вы? О, я знаю, нечего и спрашивать! Вы каждую зиму веселитесь въ Петербургѣ... Вы окружены роскошью, удовольствіями... Вы достигли того чего желали!

Въ словахъ, въ выраженіи голоса Константина Николаича было столько усилія, язвительной горести, а въ сердцѣ Людмилы такъ много живаго страданія, что она не выдержала, на глазахъ ея блеснули слезы.

— Не упрекайте меня, сказала она съ грустью: я была млада, я дорого заплатила за это...

— Васъ упрекать? Какое же я имѣю право? сказалъ Константинъ Николаичъ холодно. Скорѣе я долженъ упрекать себя... я вѣрилъ, я думалъ, что есть чувства, которыми не шутятъ. Но для женщинъ все игрушка! Я долженъ былъ бы прежде подумать объ этомъ.

Константинъ Николаичъ, и вы то же! И вы какъ другіе умѣете оскорблять, вскричала Людмила. Поймите же, что я не-

счастлива, что я страдаю .. Вы одни любили меня... теперь... теперь вы хоть изъ состраданія могли бы сказать мнѣ слово утѣшенія!

Въ словахъ Людмилы было столько убѣжденія, въ звукахъ голоса, во взглядѣ столько тяжелаго, мучительнаго отчаянія, что у Константина Николаича сердце облилось кровью.

Она была дитя. Она погналась за счастьемъ, какъ гоняются дѣти за пестрою бабочкою, и измученная, остановилась на половинѣ пути безъ опоры, безъ защиты, безъ отраднаго чувства въ больномъ сердцѣ.

Константинъ Николаичъ хорошо зналъ Барсукова. Онъ понималъ, что съ нимъ Людмила не могла быть счастливою.

Все, что возбуждала нѣкогда эта женщина въ его сердцѣ, встрепенулось вдругъ и живою, горячею струею прихлынуло ему къ сердцу. Онъ отдалъ бы жизнь, онъ отдалъ бы все, кромѣ жены и сына, чтобъ возратить ей утраченное счастье...

— Простите меня, сказалъ онъ тихо: страданіе озлобляетъ, а я много страдалъ. Я вашъ другъ, какъ и прежде.

Людмила подняла голову и взглянула на него съ улыбкою сквозь слезы. Она давно не слыхала искренняго выраженія никакого чувства. Эти слова, звукъ этого голоса оживили ее...

Константинъ Николаичъ засмотрѣлся на нее. Ему хотѣлось прочесть въ ея чертахъ все, что пережила она въ эти два года...

Онъ придвинулся къ Людмилѣ а по блѣдному личику ея струились слезы.

— А мы бы могли быть счастливы! сказалъ Константинъ Николаичъ съ горькимъ сожалѣніемъ.

— Прошедшаго не возратить, отвѣчала Людмила.

Въ эту минуту солнце, прощаясь съ землею, въ послѣдній разъ облило ее потоками золота. Листья деревьевъ засверкали какъ рубины, опалы и яхонты. Золотые лучи раскинулись сіяющею пеленою по травѣ, по озеру, синѣющему сквозь заборъ, и облили чуднымъ свѣтомъ всю картину природы .. И опять тихо, мѣрно зазвучалъ колоколь, возвыщавшій что вечерня отошла...

Константинъ Николаичъ взглянулъ вокругъ себя.

— У меня, сказалъ онъ, когда я страдалъ, не было ни одного друга, ни одного существа, ни одного сердца, которое бы сочувствовало мнѣ, ничего, кромѣ природы. Взгляните какъ она хороша!..

Природа, прибавилъ онъ, это вѣчна молитва! И онъ тихо отодвинулся отъ Людмилы, взялъ ружье и всталъ.

— Вы уходите! Такъ скоро! сказала Людмила, и на глазахъ ея блеснули слезы.

— Прощайте, сказалъ онъ, съ усиленіемъ.

— Развѣ я больше не увижу васъ? спросила Людмила тревожно.

— Я получилъ мѣсто въ Петербургѣ. Завтра я ѣду. Прощайте, будьте счастливы.

Онъ поцѣловалъ руку Людмилы, схватилъ ружье и почти выбѣжалъ изъ сада.

А она еще долго, долго сидѣла на томъ же мѣстѣ и смотрѣла какъ догорало солнце, какъ пробѣжала тѣнь между деревьями, какъ подернулось озеро черною пеленой, и все окружающее мало по малу утонуло въ неврѣныхъ, не ясныхъ очеркахъ...

Вокругъ нее тихо качались деревья; вечерній вѣтерокъ игралъ поблекшими листьями и тихо пѣло озеро унылую пѣснь.

Зачѣмъ вы написали эту повѣсть? спросить читатель. И гдѣ же конецъ? Что случилось съ вашими героями и героинями?

Вотъ вамъ отвѣтъ, почтенный читатель: написалъ я ее потому, что вспомнилъ случайно разсказъ, который когда-то запалъ мнѣ не въ голову а въ сердце; но мнѣ захотѣлось передать его, потому что я слушалъ его съ живымъ участіемъ. Конца нѣтъ; жизнь—вѣчная драма, ее кончаетъ только смерть. Герои мои и героини всѣ вышли со временемъ людьми обыкновенными, можетъ быть, они не разъ встрѣчались и вамъ, и вы проходили мимо ихъ, не обращая вниманія. Людмила возвратилась къ мужу. Онъ не такъ уже рѣшительно и смѣло отваживался на семейныя сцены. Наташа вѣроятно и досихъ поръ любить Константина Николаича такъ же горячо и преданно, какъ въ семнадцать лѣтъ, а онъ... его я не могу вообразить себѣ иначе какъ почтеннымъ отцемъ семейства, въ халатѣ, съ перомъ въ рукѣ, окруженнаго пятью или шестью ребятишками, работающаго для жены и дѣтей съ утра до вечера. Вѣроятно онъ и до сихъ поръ еще мечтатель, но уже втихомолку, и изъ его теперешней жизни трудно написать романическую повѣсть. Вотъ вамъ и конецъ. Должно быть, все это такъ, а можетъ быть, я и ошибаюсь... Я знаю только, что нѣтъ юности, за которою не слѣдовала бы старость, нѣтъ раны, которую бы не залечило время; нѣтъ чуднаго дня, за которымъ бы не слѣдовала ночь, и нѣтъ такого мелодическаго звука, который бы не утонулъ въ пространствѣ...

III.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННОКОВЪ.

ФЕЛИСИАНЪ ДАВИДЪ.

Приступая къ изображенію портретовъ извѣстныхъ музыкантовъ, почему не начинаемъ мы съ Мейербера или Россини? Не потому ли что Мейерберъ и Россини уже достаточно извѣстны?

Именно потому; эта причина кажется намъ весьма основательною, и избавляетъ отъ труда отыскивать другую.

Впрочемъ, мы предоставляемъ себѣ право классифировать по собственному произволу. Подобно Діогену, съ фонаремъ въ рукахъ мы ищемъ человѣка. Первый попавшійся намъ на глаза, можетъ быть не первый по достоинству.

Иныя лица требуютъ большаго изученія.

Есть такіе оригиналы, которыхъ не скоро можно уловить; есть и такіе, которые становятся къ намъ въ профиль, когда бы мы желали списать ихъ прямо. Почти все жеманится.

Мы подсмотрѣли, что иные румянятся, или скрываютъ свои морщины подъ густымъ слоемъ бѣлилъ. Вотъ почему иные очерки, уже начатые нами, будутъ кончены позже.

Пусть смоятъ они свои румяна и бѣлила, и тогда мы снова примемся за кисть.

Фелисианъ Давидъ не бѣлится и не румянится, вотъ почему намъ скоро удалось схватить его черты.

Всегда прислушиваясь къ мелодіямъ, раздающимся вокругъ него, Давидъ не слышитъ земнаго шума. Подойдите къ нему, — онъ васъ не замѣчаетъ; поставьте противъ него фотографическій снарядъ вашъ, онъ его не замѣтитъ. Взгляните на доску, и передъ вами точный портретъ его, благородная артистическая голова, полная мечтанія и вхохновенія.

Онъ родился 8 марта 1810 года въ Каденé, довольно обширномъ селеніи въ Воклюзскомъ округѣ.

Отець его, отправившійся въ Америку, съ цѣлю нажить себѣ состояніе, потерялъ, во время Сенъ-Домингскихъ безпорядковъ, всѣ плоды своихъ трудовъ и попеченій и возвратился во Францію бѣднѣе, чѣмъ изъ нея выѣхалъ.

Осиротѣвъ на пятилѣтнемъ возрастѣ, Фелисіэнъ былъ воспитанъ попеченіями одной изъ своихъ сестеръ.

Жители Каденé еще и понинѣ помнятъ замѣчательнаго ребенка, который сталъ понимать музыку прежде чѣмъ сталъ говорить.

Давидъ еще въ пеленкахъ дрожалъ отъ радости, когда слышалъ звуки какого бы то ни было инструмента.

Онъ пѣлъ съ изумительною вѣрностью. Всѣ говорили о маленькомъ чудѣ.

Нѣкоторые аматеры стали совѣтовать семейству Давида представить малютку г. Гарніе, первому оперному гобонисту, находившемуся въ то время въ Лори, деревушкѣ Воклюзскаго округа.

Советъ принять. Искусный музыкантъ раздѣляя общее удивленіе къ замѣчательному ребенку, испыталъ его способности къ музыкѣ и замѣтивъ въ немъ способности умственные, сказалъ его родственникамъ:

— Поспѣшите отдать Давида учиться въ Э, тамъ есть хорошее музыкальное училище.

Не теряя времени, приготовивъ нужное платье для маленькаго виртуоза, его повезли въ бывшую столицу Прованса. Директоръ капеллы архіепископа съ радостію принялъ Давида въ число своихъ учениковъ.

Давиду было семь лѣтъ отъ роду.

Въ праздничные дни, толпа любителей, на разстояніи пяти лѣе, стекалась въ Э слушать въ соборѣ голосъ маленькаго виртуоза, голосъ чрезвычайно звучный и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательный.

На долю дитяти доставались всѣ соло, которыя онъ исполнялъ во-схитительно.

Послѣ одиннадцати-мѣсячнаго обученія въ капеллѣ, Давидъ исполнялъ на скрипкѣ труднѣйшія сочиненія и былъ первымъ между прочими учениками.

Марій Ру, профессоръ музыки, обучавшій Давида, засталъ его однажды пишущаго что-то на нотной бумагѣ.

— Что ты пишешь? спрашиваетъ учитель.

— Церковный концертъ, бойко отвѣчаетъ ребенокъ.

— Да ты еще не знаешь правилъ композиціи.

— Я стараюсь ихъ угадать. Вотъ, я кончилъ, взгляните и поправьте ошибки.

Профессоръ взялъ скрипку, разыгралъ мотеть, взглянулъ строго на ученика и сказалъ:

— Стыдно ггать. Откуда ты это списалъ?

— Ни откуда, боюсь вамъ, отвѣчалъ Давидъ.

Концертъ былъ выполненъ въ слѣдующее за тѣмъ воскресенье въ соборѣ, и пѣвчій капеллы имѣлъ двойной успѣхъ, какъ пѣвецъ и какъ композиторъ*.

Для будущности дарованія Давида необходимо было умѣрить въ немъ жажду къ сочиненію, иначе бы онъ пренебрегъ наукою и никогда бы не имѣлъ свѣдѣній, необходимыхъ для каждаго посредственного музыканта.

Вообще принято во всѣхъ музыкальныхъ училищахъ въ ту пору, когда у пѣвца начинается спадать голосъ, давать ему денежное пособіе, посредствомъ котораго онъ могъ бы кончить свое музыкальное образованіе въ какой нибудь коллегіи.

Фелисіана отправили къ іезуитамъ, хотя онъ и объявилъ свое нежеланіе поступить въ ихъ орденъ.

Его дарованіе было слишкомъ велико, чтобъ не обратить на себя вниманіе.

Въ коллегіи всѣ свободныя минуты и даже тѣ, которыя Давидъ похищалъ у изученія древнихъ языковъ, были имъ употреблены для своего милого музыкальнаго искусства.

Бывшій пѣвчій архіепископской капеллы игралъ на скрипкѣ и контръ-басѣ въ капеллѣ іезуитовъ. У него не было подъ руками музыкальныхъ сочиненій, но обладая изумительною памятью, онъ удерживалъ въ головѣ своей все слышанное имъ во время церковнаго служенія, и вмѣсто того, чтобъ переводить Квинта-Курція-или Тита-Ливія, переписывалъ его на бумагу, а потомъ оркестрировалъ на свой ладъ.

Давидъ очень мало вынесъ изъ училища познаній въ латини и греческомъ языкѣ, но за то голова его была полна музыкальныхъ идей.

Родственники его все еще были въ прежней нищетѣ, и Давидъ долженъ былъ поступить въ должность къ одному адвокату. Тутъ ему случалось, по разсѣянности, на оборотѣ какого нибудь процедурнаго акта, написать какую нибудь мимолетную музыкальную мысль.

Гербовая бумага не для того была выдумана. Адвокаты ничего не хотятъ слышать изъ области гармоніи. Давидъ долженъ былъ распрощаться съ ними, съ тѣмъ меньшимъ сожалѣніемъ, что у него уже была надежда получить мѣсто директора капеллы, той самой ка-

* Еще и понынѣ хранится въ Эсской капеллѣ квартетъ для струнныхъ инструментовъ, сочиненный Давидомъ на тринадцатомъ году его возраста.

пеллы, гдѣ онъ получилъ первоначальное образованіе. Надежда не обманула его.

Архіепископъ принялъ девятнадцати-лѣтняго юношу въ директоры своей соборной капеллы, и Давидъ привелъ на этомъ мѣстѣ въ удивленіе всѣхъ слушателей. Въмѣсто того, чтобъ исполнять старыя сочиненія, бывшія въ его распоряженіи, онъ сталъ создавать новыя, хотя по прежнему еще не зная правилъ контрапункта.

Геній его опережалъ знаніе. Онъ проникъ сокровеннѣйшія тайны великихъ мастеровъ, сочинявшихъ церковную музыку, то сочиняя мотеты или концерты для цѣлаго оркестра, то создавая гимны съ аккомпаниментомъ органа.

Провинціальныя диллетанты стекались со всѣхъ сторонъ слушать музыку Давида.

— Вамъ надо отправиться въ Парижъ, чтобъ сдѣлаться знаменитымъ виртуозомъ, говорили они.

— Я только объ этомъ и мечтаю, отвѣчалъ артистъ, прибавляя мысленно: но я бѣденъ, а въ Парижѣ жить дорого. Но чего Давидъ не говорилъ своимъ друзьямъ и почитателямъ, то они понимали. Зная, что Давидъ не приметъ пособія по подпискѣ, друзья обратились къ его дядѣ. Это былъ единственный богатый родственникъ Давида, но какъ случается не рѣдко, онъ же былъ самый безчувственный и невѣжественный въ дѣлѣ искусства.

— Вы мнѣ голову прожужжали съ вашей музыкой и мовмъ племянникомъ, отвѣчалъ дядя на предложенія друзей Давида. Племянникъ получаетъ 800 франк. жалованья отъ собора. Чего ему еще больше. Это не шутка!

— Конечно, оставаясь здѣсь. Но ему хочется ѣхать въ Парижъ.

— Это зачѣмъ?

— Онъ желаетъ взять нѣсколько уроковъ у великихъ композиторовъ.

— Вотъ глупость!.. Онъ здѣсь самъ даетъ другимъ уроки, стало быть не нуждается въ урокахъ другихъ.

Заключеніе было ясно. Трудно было выбить изъ сѣдла любезнаго дядюшку, когда онъ садился верхомъ на свою прекрасную логику.

Чтобъ побѣдить упрямство дяди, надобно было взяться за другое оружіе; никакія разсужденія не помогали.

Друзья задумали уломать дядюшку энтузіазмомъ и восторгомъ къ Давиду; извѣстно, что энтузіазмъ сообщается какъ эпидемія, даже самымъ крѣпкимъ головамъ.

Аматеры музыки составили концертъ.

Дядюшка рѣшился принять приглашеніе. Нѣсколько замѣчательныхъ композицій его племянника были исполнены на этомъ концертѣ и между ними «O salutaris» въ три голоса, произвела въ слушателяхъ единодушный восторгъ и рукоплесканія.

Всѣ посѣтители подходили къ дядѣ и поздравляли его съ дарованіемъ племянника. Это тронуло его наконецъ, и дядя сказалъ Фелисіэну:

— Я даю тебѣ пятьдесятъ франковъ ежемѣсячно, ступай въ Парижъ.

Вотъ все, что энтузіазмъ могъ выжать изъ кошелька туго затянутого.

Давидъ отправился въ Парижъ съ такими ничтожными способами къ жизни. Фелисіэнь имѣлъ двѣдцать лѣтъ, хорошее здоровье и предчувствіе будущей своей славы, съ этими тремя дарами можно вынести много превратностей судьбы и всякаго рода нужды.

Керубини, директоръ консерваторіи, оцѣнилъ дарованіе молодого человѣка, и отворилъ ему настежь двери въ классы.

Давидъ сталъ было изучать правила гармоніи у г. Мильо, но находя его методу медленною, отложилъ 20 франковъ изъ своего и безъ того небольшого мѣсячнаго жалованья и сталъ брать уроки у Ребера. Затѣмъ ему оставалось тридцать франковъ на пищу, квартиру и все прочее.

Надо признаться, что рѣдко деньги были употребляемы съ большею пользою. Мужественный юноша умѣлъ отказаться отъ всѣхъ удовольствій молодости. Его земляки писали въ Э, и восхваляли примѣрное поведеніе молодого артиста. Они надѣялись, что похвалы эти дойдутъ до дяди, и что тотъ въ награду увеличитъ жалованье, выдаваемое племяннику. Но они страшно въ томъ обманулись.

Нашъ провансаль, находясь подъ вліяніемъ *своей* логики, рассудилъ, что молодой человѣкъ, который живетъ столь малымъ, найдеть средство обойтись и съ гораздо меньшими средствами. А потому онъ совсѣмъ пересталъ ему высылать обѣщанное жалованье. Только три мѣсяца Фелисіэнь получалъ его акуратно.

Тщетны были всѣ просьбы, адресованныя къ дядѣ.

Онъ туго затянулъ шнурки своего кошелька, и долго жалѣлъ о полтораста франкахъ, высланныхъ племяннику и исторгнутыхъ у него смычками коварныхъ скрипокъ.

Давидъ прибрѣлъ нѣсколько учениковъ на фортепіано, (онъ выучился играть на этомъ инструментѣ довольно хорошо еще въ Эскомъ училищѣ), что ему дало возможность продолжать и кончить свои уроки въ консерваторіи, въ контрапунктномъ классѣ г. Фетиса, и въ органномъ г. Бенуа.

Тутъ начинается для Фелисьэна Давида новая жизньъ, полная фантастическихъ и оригинальныхъ приключеній.

Фелисьэнъ Давидъ вмѣстѣ съ своими друзьями, пустился пѣшкомъ изъ Парижа въ Лионъ, и вѣсело на пути былъ принятъ съ восторгомъ. Давидъ вездѣ игралъ публично на фортепиано.

Въ Лионѣ концертная зала трещала, и казалось должна была рухнуть отъ восторга и рукоплесканій многочисленной публики. Нѣкто Шабонъ принудилъ Давида принять отъ него въ подарокъ рояль, который не покидалъ артиста во все время его долгаго путешествія.

Съ горестью покинули наши путешественники гостеприимный Лионъ, второй городъ Франціи. Пробывъ не долго къ Авиньонѣ, гдѣ нельзя имъ было похвалиться радушіемъ приѣма Авиньонскихъ жителей, они прибыли въ Марсель, откуда отправились въ Константинополь.

Отплытіе это дало новый поводъ жителямъ Марсеели къ изъявленію ихъ восторга и энтузіазма.

Толпы марсельцевъ сбѣжались на пристань. Разукрашенное разноцвѣтными флагами судно качалось красиво на волнахъ. Путешественники, собравшіеся на палубу, обитывались поклонами съ привѣтствовавшими ихъ чувствительными марсельками, унося съ собою сердца ихъ и мысли.

Съ этой минуты начинается для нашего героя цѣлый рядъ похвальныхъ, какъ-будто извлеченныхъ изъ сказокъ «Тысячи и одной ночи.»

Послѣ мѣсячнаго плаванія, путешественники бросаютъ якорь въ волнахъ Босфора и видятъ предъ собою бѣлые минареты Цареграда. Они выходятъ на берегъ.

Фелисьэнъ Давидъ и его товарищи останавливаются въ греческомъ предмѣстіи, называемомъ Бесчитачи.

Вечеромъ того же дня, взявъ переводчика, они гуляютъ по городу съ цѣлю сдѣлаться извѣстными Константинопольскому народонаселенію, прежде чѣмъ начать въ немъ свои концерты.

Два дня посвящены ими на эти прогулки, а на третій, приходившійся въ пятницу, они смѣло помѣстились на дорогѣ, по которой Махмудъ II обыкновенно проходилъ въ большую мечеть, въ сопровожденіи своего министра и любимца Ахметъ-Паши.

При видѣ путешественниковъ, султанъ останавливается, разглядываетъ ихъ съ удивленіемъ и спрашиваетъ великаго визира:

— Что это за люди? Откуда они?

— Это мнѣ совершенно неизвѣстно, отвѣчаетъ Ахметъ-Паша.

— Какъ, поросенокъ! вскричалъ Махмудъ, имѣвшій обыкновеніе говорить не въ отборныхъ выраженіяхъ: въ моихъ областяхъ находятя

иностранцы, и ты не знаешь ни имени ихъ, ни роду, ни племени, ни намѣреній!

— Я сейчасъ все узнаю и донесу о томъ Вашему Высочеству, говоритъ трепещущій отъ страха министръ.

— Ты долженъ былъ все узнать и до этого, проклятая собака. Смотрижь у меня, живо! или завтра же твоя голова будетъ торчать на воротахъ серала.

Здѣсь для удобопонятности предъидущаго и послѣдующаго, надо напомнить читателю, что въ это время Оттоманской Имперіи угрожала опасность со стороны Египта. Ибрагимъ-Паша, уже троекратно одержавшій надъ турками побѣду, приближался къ Константинополю. На всякаго иностранца смотрѣли съ подозрѣніемъ.

Наши путешественники и не подозрѣвали важности разговора между султаномъ и его министромъ. Они продолжали свою прогулку по городу до поздняго вечера.

Возвратясь въ греческое предмѣстіе, и собираясь поужинать на террасѣ своего жилища, они вдругъ услышали сильный стукъ оружія, и голоса раздались у воротъ ихъ дома.

Встревоженный Давидъ успѣшилъ сойти внизъ. Онъ отворяетъ ворота, и видитъ Ахметъ-Пашу лицомъ къ лицу, окруженнаго тридцатью турецкими солдатами, около полудюжины чиновниковъ и съ переводчикомъ путешественниковъ, взятымъ подъ стражу по повелѣнію Ахметъ-Паши.

Лицо визира спокойно, взглядъ его не выражаетъ ничего опаснаго для нашихъ путешественниковъ.

Филисіанъ ведетъ визира на терасу, гдѣ остались его товарищи.

Ахметъ-Паша привѣтствуетъ ихъ поклономъ, садится на диванъ, скрестивъ подъ себя ноги, подаетъ знакъ чиновникамъ размѣститься кругомъ его, спрашиваетъ свой чубукъ у слѣдовавшаго за нимъ раба, и зажигаетъ трубку. Начинается допросъ.

Давидъ за себя и друзей своихъ начинаетъ говорить о своемъ музыкальномъ путешествіи.

Переводчики передаютъ его слова, рѣчь за рѣчью. Великій визиръ восклицаетъ:

— Bravo! Это чудесно! Султанъ будетъ въ восторгѣ, когда узнаетъ что люди съ такими талантами удостоили его владѣнія своимъ присутвіемъ.

Послѣ этихъ словъ Ахметъ-Паша подаетъ вѣжливо свою трубку Эмилю Барро. Всѣ турецкіе чиновники, слѣдуя примѣру своего визира, обмѣниваются своими трубками съ путешественниками, самымъ любезнымъ образомъ.

— Вамъ не хорошо въ этомъ предмѣстїи, говоритъ имъ Ахметъ-Паша, прощаясь. Я приглашаю васъ, на нѣсколько дней погостить въ моемъ собственномъ дворцѣ.

Онъ выходитъ, не переставая отвѣшивать самые дружескіе поклоны путешественникамъ, что немѣшаетъ ему однако разставить часовыхъ у воротъ ихъ дома.

— Это что-то подозрительно, говоритъ Фелисиэнъ.

— Пустое! Это почетная стража! отвѣчаютъ его товарищи.

Но заблужденіе ихъ было не продолжительно.

На разсвѣтъ страшный шумъ будить ихъ. Почетная стража ихъ разламываетъ запертыя ворота, врывается къ нимъ въ домъ и объявляетъ имъ, что они плѣнники.

Ихъ ведутъ во дворецъ Великаго Визиря. Передъ воротами дворца они видятъ своего переводчика скованнаго. Онъ объясняетъ имъ со страхомъ, что онъ обвиненъ въ преступномъ поступкѣ, потому что не объявилъ турецкой полиціи о ихъ присутствіи въ Цареградѣ.

— Если вы не спасете меня, мой конецъ пришелъ! вопилъ онъ нашимъ путникамъ.

Наши друзья начинали терять свою увѣренность. Прождавъ болѣе часа, они были введены къ Ахмету-пашѣ. Обращеніе его было гораздо менѣе учтиво чѣмъ наканунѣ. Холодность его мало предвѣщаетъ добра. Великій визирь объявляетъ имъ необходимость въ какой онъ находится, передать ихъ въ руки сераскира-паши, военнаго министра.

Трудно исчислить всѣ гоненія, испытанныя нашими несчастными путешественниками.

Сераскиръ-паша принимаетъ ихъ за шпионовъ и велитъ запереть въ тюрьму. Путешественники негодуютъ, возражаютъ и требуютъ, чтобы ихъ немедленно вели къ адмиралу Руссену.

Онъ былъ въ то время французскимъ посланникомъ въ Константинополь, и жилъ въ трехъ лье разстоянія отъ дворца Ахметъ-паши, на самомъ Босфорѣ.

Нашихъ путешественниковъ помѣщаютъ въ каикъ самаго султана. Они принимаютъ это за несомнѣнный знакъ перемѣны своего положенія и съ удовольствіемъ замѣчаютъ, что разставленные по берегу войска отдають имъ честь.

Путешественники поднимаются съ своихъ мѣстъ, и поклонами отвѣчаютъ на привѣтствіе войска.

— Что вы встаете, замѣчаетъ имъ одинъ изъ гребцовъ, это не вамъ отдають честь, а канку.

— Такъ для чего же насъ отправили въ султанскомъ каикѣ?

— Чтобъ всё было ясно, что вы государственные преступники. Путешественники растерялись совершенно и не отвѣчали болѣе поклонами на почести туземныхъ солдатъ.

Они много надѣялись на адмирала Руссена, чтобъ получить свободу, но къ несчастію посланникъ былъ нездоровъ.

Фелисіанъ Давидъ и его товарищи отведены были въ Константинополь и брошены въ серальскую тюрьму, гдѣ пробыли цѣлые восемь дней. По истеченіи этого срока имъ было объявлено, что они будутъ выпровождены изъ турецкихъ областей.

Вечеромъ того же дня ихъ отправили, не въ султанскомъ кайкѣ, но въ какой-то разохшейся рыбацкой лодкѣ, въ которую врывалась вода черезъ всё ея пазы. вмѣсто всякой пищи, имъ даютъ гнилаго луку, заплѣневѣлыя оливки и старыхъ затхлыхъ сухарей съ міриадами червей. Пять вооруженныхъ турокъ и мальтіецъ переводчикъ помѣщаются съ ними вмѣстѣ на лодкѣ.

— Куда вы насъ повезете? спрашиваютъ путешественники у переводчика.

— Въ Смирну.

— Какъ далекъ туда путь?

— До пятисотъ лѣ.

Наши путешественники взглядываютъ другъ на друга съ отчаяніемъ. Переводчикъ понялъ нѣмое выраженіе ихъ лицъ и говорить имъ со смѣхомъ:

— Не бойтесь! Я уже три раза на этой лодкѣ бывалъ въ Египтѣ. Успокойтесь, доплывемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, послѣ семидневнаго плаванія, лодка достигла своего назначенія.

Сухари, оливки и сырой лукъ составляли плохую пищу, и Фелисіанъ Давидъ, выйдя на берегъ Смирны, не могъ держаться на ногахъ. Но покрайней мѣрѣ подъ ними была гостеприимная земля. Нѣсколько дней отдыха, хорошая пища и чувство радости: предаваться на свободѣ проклятіямъ на Ахметъ-пашу, возстановили совершенно силы Давида.

Смирніотки восхитительны, онѣ славятся своею красотою столько же какъ и своимъ кокетствомъ.

Фелисіанъ Давидъ принялся давать концерты; его инструментъ ни гдѣ не покидалъ его. Съ высоты террасы занимаемаго имъ дома въ Смирнѣ, возвышавшагося надъ однимъ изъ многолюднѣйшихъ гульбищъ города, Давидъ рассыпалъ свои блестящія симфоніи, и возбуждалъ въ слушателяхъ восторгъ и удивленіе тѣмъ болѣе живымъ, что смирніоты тогда еще не испытывали никакихъ музыкальныхъ наслажденій.

Нельзя описать успѣховъ Давида въ Смирнѣ. Градь букетовъ лѣтъль къ нему на террасу. Окружающія террасу буковыя деревья служили лѣстницею отчаяннымъ почитателямъ его мелодій, любопытствующимъ поближе взглянуть на молодого виртуоза.

Альрикъ, скульпторъ и одинъ изъ товарищей путешествій Давида не успѣвали лѣпить медальонные портреты артиста. Каждая смирніотка желала имѣть его изображеніе.

Послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ этомъ очаровательномъ городѣ, Фелисіанъ, въ сопровожденіи двухъ своихъ товарищей, отправился въ Іерусалимъ на поклоненіе Гробу Господню.

Они отправились въ Яффу на турецкомъ суднѣ, наполненномъ путешественниками всѣхъ странъ.

Но вотъ наши путешественники въ Яффѣ. Они сходятъ на берегъ и не могутъ отыскать ни одной гостиницы. Къ счастью, французскій повѣренный въ дѣлахъ, синьоръ Даміани, лихой итальянецъ, котораго портретъ такъ удачно обрисовалъ Ламартинъ въ своемъ «Путешествіи на Востокъ», предложилъ свои услуги композитору и его товарищамъ.

У дипломата-итальянца Давидъ превращается въ Эскулана, и вотъ какимъ образомъ:

Синь консула страдаетъ злокачественною лихорадкой, не уступающею никакимъ медицинскимъ пособіямъ. Услышавъ игру Давида, больной приходитъ въ какой-то экстазъ, во время котораго освобождается на нѣсколько часовъ отъ своей безотвязной лихорадки.

Синьоръ Даміани умоляетъ артиста подвергнуть своего наследника полному музыкальному пользованію. Почемужъ и нѣтъ. Молодой артистъ принимается за исцѣленіе.

При звукахъ его инструмента, экстазы больного возвращаются, а лихорадочныя пароксизмы ослабѣваютъ. Только что больной почувствуетъ приближеніе болѣзни, ее прогоняютъ блестящею прелюдіею и не прошло недѣли, какъ больной сталъ видимо поправляться.

Мы подвергаемъ этотъ фактъ обсужденію медиковъ. Лѣчить болѣзни музыкой было бы прекраснымъ способомъ поладить нашихъ ученыхъ докторовъ между собою, и привести къ единству и гармоніи системы, между собою разногласящія.

Почему не допустить возможности, чтобъ труба съ клапанами уничтожала дѣя въ три любую грудную болѣзнь; часъ игры на контръ-басѣ прогналъ бы любое нервное разстройство, а тромбонъ, не болѣе какъ въ двадцать минутъ, остановилъ самое опасное развитіе холеры.

Кто будетъ жить, тотъ увидитъ.

Изъ Іерусалима Давидъ отправился въ Александрію.

Во всѣхъ мѣстахъ, посѣщаемыхъ Давидомъ, онъ бросалъ на листки своего музыкальнаго альбома музыкальныя импровизаціи, внушаемыя ему роскошною и великолѣпною природою востока. Этому путешествію Давидъ обязанъ тѣмъ необыкновеннымъ впечатлѣніемъ, отличающимъ его произведенія отъ произведеній другихъ композиторовъ. Фелисіанъ можно назвать колористомъ въ области гармоніи. Онъ нашелъ тайну приложить живопись къ звукамъ: Его аккорды всегда имѣютъ такъ сказать видимый образъ; каждая изъ его нотъ — отдѣльная картина.

Оставивъ Александрію, онъ отправился въ Каиръ, гдѣ талантъ его привелъ въ удивленіе стараго Мехмета-Али. Артистъ получилъ отъ паши приглашеніе давать уроки женамъ его.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, вскричалъ восхищенный та-кимъ предложеніемъ виртуозъ.

Онъ уже видѣлъ себя въ гаремѣ, окруженнаго толпою мечтательныхъ одалыкъ, и черкешенками, полными обольстительныхъ чаръ.

— Когда я начну давать уроки? спрашивалъ Давидъ въ нетерпѣніи турецкихъ офицеровъ, присланныхъ къ нему Мехметомъ-Али. Время дорого, я не имѣю намѣренія долго оставаться въ Египтѣ.

Это нетерпѣніе, высказанное артистомъ, испортило все дѣло. Паша возмѣнилъ нѣкоторыя подозрѣнія.

Онъ придумалъ вѣрное средство отстранить отъ своихъ жёнъ возможность слушать опасныя гаммы молодого человѣка.

— Мы готовы проводить васъ во дворецъ, когда вамъ будетъ это угодно, мы къ услугамъ вашимъ, говорили Давиду турецкіе офицеры.

Фелисіанъ не заставилъ ожидать себя. Его привели во дворецъ и предъ нимъ предстали пять внуховъ.

Онъ долженъ былъ обучать ихъ съ тѣмъ, чтобъ они могли передавать его уроки женамъ паши.

Нашъ герой не на шутку разсердился на такое предложеніе.

— Чортъ васъ поberi! вскричалъ онъ въ гнѣвъ, я не привыкъ къ посредничеству постороннихъ лицъ между мною и моими ученицами. Я буду учить ихъ самъ лично, или вовсе отказываюсь отъ такой новой, безтолковой методы.

Дѣло не пошло въ ходъ. Супруги паши остались при своемъ невѣжествѣ по музыкальной части.

Давидъ утѣшился отъ своей неудачи, пустившись осматривать пирамиды. Побывавъ въ Мемфисѣ, онъ отправился къ берегамъ Краснаго моря, но тутъ встрѣтивъ чуму, поневолѣ долженъ былъ на-править путь свой черезъ пустыню, чтобъ достигнуть Бейрута. Впечатлѣніямъ этого пути, полного разнородныхъ приключеній, поразитель-

ныхъ встрѣчъ и безчисленныхъ опасностей, * музыка обязана велико-лѣпнымъ созданиемъ, которое вдругъ поставило Фелисіэна Давида на ряду съ первыми композиторами.

Послѣ долгаго и труднаго путешествія, бывшій воспитаникъ Эувидѣль Марсель и Францію.

Путешествіе его продолжалось три года.

Онъ принятъ былъ въ родной своей странѣ съ энтузіазмомъ.

Отдохнувъ нѣсколько времени въ своемъ семействѣ, Давидъ отпра-вился въ Парижъ, куда влекли его задушевные надежды и мечты о славѣ.

Тутъ началась тягостная борьба между артистомъ, уже извѣстнымъ своими Менильмонтанскими хорами и между другими музыкантами, боявшимися утратить свои права.

Давидъ прибылъ въ ту эпоху, въ которую публика не одобряла его методы.

Эффекты оркестровъ и ученыхъ модуляцій заглушали чистую мело-дію. Отдѣлка въ музыкѣ была въ модѣ. Всякія попытки въ иномъ ро-дѣ не имѣли успѣха; доказательствомъ тому служитъ «Фаворитка», которая лишь послѣ тридцати представленій была понята и опѣнена:

Молодой артистъ понималъ трудность своего положенія.

Храва въ душѣ симфоніи Бетговена, но покорный мелодическимъ вдохновеніямъ южныхъ композиторовъ, Давидъ задумалъ соединить нѣ-мецкую школу съ итальянской, придавъ притомъ своимъ сочиненіямъ тотъ оригинальный отпечатокъ, которымъ они отличаются.

Онъ возбудилъ этимъ страшные вопли, и для него пытались затво-рить двери храма искусства.

Одинъ противъ всѣхъ, Давидъ выдерживалъ борьбу и ни на минуту не терялъ присутствія духа.

Съ 1835 до 1840 онъ сочинилъ первую свою симфонію въ фа, вторую въ ми, двадцать четыре квинтета, двѣнадцать мелодій для скрипки и фортепіано, два нонета для мѣдныхъ инструментовъ и болѣе тридцати романсовъ, между которыми отличаются «Чубукъ», «Египтян-ка», «Бедуинъ».

Всѣ эти сочиненія, отличающіяся исключительно мелодіею, усилили вопли противъ композитора.

* На Давида напала разъ вечеромъ цѣлая толпа арабовъ, мародеровъ, окружавшихъ старое покинутое зданіе, въ которомъ онъ расположился на ночлегъ. Слуга его, молодой бедуинъ, спавшій у входа, спасъ его своею находчивостью и хладнокровіемъ. Не подымаясь съ своего мѣста, онъ сталъ лежа переговариваться съ арабами. Чего вы хотите отъ Евро-пейскаго музыканта, голыша. Я бы давно его и самъ обокралъ, еслибъ у него не было пу-сто въ карманѣ. Фелисіэнь, держа пистолеть въ рукахъ, слышалъ у двери этотъ странный разговоръ. Арабы съѣли на коней и уѣхали.

Ни одинъ театръ не соглашался исполнять своими музыкантами оды-симфоніи Давида, гдѣ по поэтической программѣ, основанной на выдержкѣ оркестровки, виртуозъ успѣлъ расширить предѣлы описательной музыки.

Наконецъ открытіе концертной залы Валентино, позволило Давиду открыть всѣ тайны его искусства. *

Ободренный успѣхомъ, онъ принялся за новыя созданія. Въ два мѣсяца Фелисіэнъ сочинилъ свою симфонію en mi' bémol и двадцать новыхъ романсовъ, между которыми отличаются: «Прощаніе съ Шарансомъ» (маленькимъ городкомъ въ нижнихъ Альпахъ) «Нѣмецкій Рейнь», «Забвеніе», «Мечта», «Мысль», «Океанъ» и «Ласточки.»

Всѣ эти произведенія, пущенныя въ ходъ съ цѣлью поддержать возникающую народность артиста, давали между тѣмъ артисту средство окончить то сочиненіе, на которомъ онъ хотѣлъ окончательно основать свою славу.

Неизвѣстный литераторъ, который не написалъ ничего болѣе въ послѣдствіи въ лирическомъ родѣ, сочинилъ либретто по точному указанію Фелисіэна Давида.

Прошло восемь лѣтъ послѣ путешествія композитора. Ни одно изъ дорожныхъ впечатлѣній не изгладилось изъ его памяти. Всѣ грандіозныя картины возникали въ очарованной ими памяти его, въ полной прелести и вѣрности и доносили до него не смотря на отдаленность, всѣ благоуханія той страны.

Съ декабря 1843 до мая 1844, вся партитура «Пустыни» была написана композиторомъ.

Не имѣя средствъ, Фелисіэнъ самъ переписалъ на бѣло свое сочиненіе со всею его оркестровкой и со всѣмъ голосами для пѣнія, то есть болѣе двухъ тысячъ страницъ нотъ.

Окончивъ этотъ страшный трудъ, ему еще оставалось побѣдить несчетное число препятствій.

Для исполненія такой громадной симфоніи, автору нужна была зала консерваторіи; онъ ее получилъ съ неимоверными хлопотами.

Надо было побѣдить и другое, не менѣе маловажное препятствіе: найти хорошихъ исполнителей.

Къ счастью въ области искусства всегда существуетъ искреннее братство. Два дирижера музыки, гг. Таріо и Тильманъ, явились на

* Восемь разъ въ одну зиму исполнялась въ Валентино симфонія Давида въ fa, и всегда возбуждала сильныя рукоплесканія. Нонеттъ для мѣдныхъ инструментовъ тоже поворялся нѣсколько разъ съ успѣхомъ.

помощь Фелисіэну. Они ему доставили нужное число музыкантовъ, и исполненіе Симфоніи наконецъ объявлено къ 1-му декабря 1844.

Но увы! нашъ герой еще не кончилъ съ затрудненіями!

По какой-то ошибкѣ директоръ консерваторіи, зала ея была обѣщана на этотъ день двумъ композиторамъ вдругъ. Молодой сочинитель долженъ былъ уступить старѣйшему. Партитура господина Жоржа Кастнера отодвинула исполненіе «Пустыни» до 8-го декабря.

Наконецъ насталъ торжественный день. Музыканты уже настраиваютъ свои инструменты, нетерпѣливая толпа слушателей тѣснится въ амфитеатрахъ. Уже хотять дать сигналъ оркестру къ началу... вдругъ Фелисіэнь замѣчаетъ, что нѣтъ драматическаго артиста, на которомъ лежитъ обязанность декламировать прибавочныя строфы къ музыкальному созданію.

Его зовутъ, ищутъ, обѣгаютъ изъ конца консерваторіи въ конецъ— его нѣтъ!

Все должно было рушиться, если бъ молодой артистръ театра Одеона не вызвался замѣнить отсутствующаго. То былъ г. Милонъ-Тибодо.

Едва ли не въ первый разъ въ жизни этому артисту случилось помочь дѣлу, вмѣсто того, чтобъ его испортить. Онъ управлялъ въ послѣдствіи театрами Variétés и Водевила и безъ всякаго успѣха. Разъ избранный какимъ-то акціонеромъ въ директоры Оперы, онъ не пробылъ на этомъ важномъ посту болѣе сутокъ.

Не станемъ вспоминать здѣсь о громадномъ эффектѣ, произведенномъ надъ слушателями Симфоніею «Пустыня» Фелисіэна Давида. Надо перечитать всѣ журналы того времени, чтобъ составить себѣ о томъ вѣрныя понятія. Имя артиста пробѣжало съ конца Европы въ конецъ, какъ по электрическому току. Если нельзя назвать «Пустыню» Давида его лучшимъ твореніемъ, то безспорно, она одно изъ его счастливейшихъ вдохновеній.

Начало этого созданія, грандіозное подражаніе живописи, изображающей музыкою безпредѣльность, неподвижность, тишину. Одна нота, только одинъ звукъ, черезъ который проходятъ обрывки аккордовъ, составляетъ цѣлый періодъ. Затѣмъ слѣдуетъ восходъ солнца; тутъ трудности эффекта подражанія побѣждены съ дивнымъ искусствомъ.

Вы какъ-будто видите тамъ и сямъ огненные, блестящія трели, разгоняющія постепенно мракъ.

Они увеличиваются съ зарею, съ каждою минутой становятся явственнѣе, блестяще и звончѣе, и вдругъ оркестръ разсыпается огненнымъ потокомъ и блестящее свѣтило всплываетъ на небо.

Фелисіэнь Давидъ открылъ тайну передавать лучи нотами.

Надо написать цѣлую книгу чтобъ исчислить и описать всѣ красоты «Гимна къ ночи», «Ходъ каравана», «Пляски Алмей», «Самума» и «Пѣсни муэдзина», трагическихъ или страшныхъ эпизодовъ этой великолѣпной музыкальной поэмы.

Симфонію «Пустыня» можно разсматривать съ трехъ сторонъ: какъ описательную музыку, какъ человѣческую дѣятельность, и какъ восточную живопись. Всѣ эти три стороны созданы съ глубокимъ изученіемъ каждаго предмета.

Въ эпоху успѣховъ, артистовъ всегда окружають адчныя птицы особеннаго рода. Они слетаются на поле битвы не для того, чтобъ клевать падшихъ, но самаго побѣдителя. Они пользуются минутами его упоенія, славою, вырываютъ изъ рукъ его трофеи побѣды, унося ихъ въ своихъ когтяхъ въ мрачныя, заоблачныя страны расхищенія чужаго добра.

Артистъ всегда видитъ себя съ удивленіемъ столь же бѣднымъ на другой день своего торжества, какимъ былъ наканунѣ.

Тотчасъ по выходѣ изъ концертной залы консерваторіи, Фелисіэнь сдѣлалъ условіе съ братьями Эскюдіерами, самое забавное въ мірѣ. Однимъ взмахомъ пера онъ отступился отъ права своего музыкальнаго произведенія, продавъ его за одновременную плату тысячи двухъ сотъ франковъ, тогда какъ каждое исполненіе его сочиненія приносило залѣ Вантадуръ до полуторы тысячи франковъ.

И вотъ какимъ образомъ артисты понимаютъ свои выгоды!

И то сказать: съ той минуты какъ желаніе прибыли забрадывается въ душу, человѣкъ уже не артистъ.

Всѣ друзья Фелисіэна подняли страшный крикъ. Они требовали, чтобъ Давидъ прибѣгнулъ къ суду, на что артистъ конечно не соглашался. Братья Эскюдіеры предупредили процессъ, предложивъ композитору пятьсотъ франковъ съ каждаго концерта но съ условіемъ: непременно присутствовать лично въ день концерта въ залѣ.

Мы воздерживаемся отъ обезуживанія такого условія. Это условіе, которому трудно прибрать названіе, позволяло Давиду исполнять свое художественное произведеніе во всѣхъ другихъ городахъ, кромѣ Парижа.

Давидъ воспользовался этимъ пунктомъ своего контракта, и предпочелъ его ярмарочной выставкѣ своей личности.

Онъ отправился въ Германію и посѣтилъ Дрезденъ и Лейпцигъ.

Въ Берлинѣ онъ познакомился съ Мейерберомъ, который принялъ его какъ тонкій дипломатъ и предложилъ представить ко двору Прусскій король, королева и принцесса осыпали Давида всѣми возможными знаками вниманія и благосклонности.

Еслибъ объемъ статьи позволялъ намъ описать путешествіе Давида по Европѣ, оно было бы занимательно не менѣе путешествія его на востокъ.

Это путешествіе было для Фелисіана безпрерывнымъ торжествомъ. Германія вознаградила его за хищничество братьевъ Эскюдьеровъ. Г. Сильвенъ Сентъ-Этіэнъ, соотечественникъ Давида, былъ его спутникомъ и наблюдалъ за его денежными дѣлами *.

Давидъ началъ писать «Моисея» въ Баденѣ. Онъ не оставлялъ своей работы ни на гуляньяхъ, ни на желѣзной дорогѣ, и когда, по прошествіи года возвратился въ Парижъ, партитура «Моисея» была имъ окончена.

Мы уже говорили выше о томъ, что произведеніе Давида «Пустыня» не лучшее его созданіе. Его «Моисей» достигаетъ высочайшихъ размѣровъ по величію и торжественности.

А между тѣмъ партіи уже успѣли между собою согласиться. Имъ необходимо было вымѣстить на Давидѣ его блестящій успѣхъ. Его сдѣлали жертвой тысячи мелкихъ непріязней, неразлучныхъ съ необычайнымъ торжествомъ.

Къ тому же надобно сознаться, публика, посѣщающая концерты, всегда поверхностная, рѣдко достигаетъ до высоты подобныхъ сюжетовъ, которыхъ можно достигъ только съ религіозно-развитымъ чувствомъ. Когда «Моисей» былъ исполненъ передъ слушателями, понимавшими предметъ, въ присутствіи избранныхъ, онъ всегда былъ принятъ и оцѣненъ по достоинству **.

Давидъ возвратился къ одѣ-симфоніи, имъ созданной. Онъ избралъ сюжетомъ Христофора Колумба, для новаго своего созданія.

Консерваторія вторично огласилась звуками, которые были блестящимъ торжествомъ для композитора.

Подобнаго успѣха еще не испыталъ ни одинъ изъ живущихъ артистовъ.

«Пустыня» есть созданіе неопредѣленное, мечтательное, нѣчто въ родѣ музыкальнаго сна. Въ «Христофорѣ Колумбѣ» напротивъ, реальность дѣйствія является во всей ея силѣ. Композиторъ овладѣлъ тутъ драматическою струною и потрясаетъ ею съ энергіею. Во все продолженіе этого сочиненія, вниманіе слѣдитъ за героемъ, не покидаетъ его съ начала до конца знаменитой эпопеи, и музыка передаетъ всѣ ея фазисы съ поразительною истиною.

* Для артиста большое счастье встрѣтить друга, заботящагося о его интересахъ, равно какъ и о его славѣ. Преданность Сентъ-Этіэна къ Давиду всѣмъ извѣстна. Онъ былъ со-трудникомъ гг. Мери и Шарле Шобе въ «Христофорѣ Колумбѣ» и Габріеля въ Бразильской жемчужинѣ.

** Герцогъ Монпансіе желалъ, чтобы «Моисей» былъ исполненъ въ консерваторіи, 16 декабря 1847 года.

Вспомните эту чудную живопись посредствомъ звуковъ тропической ночи. Корабль скользитъ по волнамъ, легкой вѣтерокъ шелеститъ въ распушенныхъ парусахъ. Все дремлетъ на водахъ и въ вышинѣ.

Вдругъ, среди тишины и великолѣпія ночи раздается веселый и звучный голосъ — то пѣснь юнга, раздавшаяся на вершинѣ мачты!

А прибытіе корабля... какой поразительный эффектъ!

Вся толпа слушателей подвинулась съ своихъ мѣсть, мгновенно, какъ одинъ человекъ. По ней пробѣжала электрическая искра генія. Она вздрогнула. Съ четверть часа оркестръ долженъ былъ затихнуть, чтобы дать пройти взрыву аплодисментовъ и крикамъ браво.

По случаю симфоніи «Христофора Колумба» выказались тайныя вражды, преслѣдовавшія молодаго композитора. 7 марта, въ тотъ день, когда должна быть вторично исполнена симфонія, Ватель, директоръ театра des Bouffes, запретилъ своимъ музыкантамъ исполнять музыку Давида, и это въ ту самую минуту, когда нужно было начинать. Герцогъ Монпансіе, вмѣстѣ съ другими слушателями вынужденъ былъ уѣхать, не дождавшись начала концерта, который и не состоялся.

Раздраженный такимъ недостойнымъ поступкомъ Вателя, г. Бассе, управлявшій въ то время Большою оперою, предложилъ Фелисіэну свой оркестръ и своихъ артистовъ.

Семь концертовъ слѣдовали одинъ за другимъ безостановочно.

28-го марта, по требованію двора, симфонія «Колумбъ» была дана въ Тюльери, и Луи-Филиппъ, призвавъ автора въ свою ложу, украсилъ грудь артиста знакомъ почетнаго легіона

Тщетно братья Эскюдіеры поджидали свою жертву, разставляя ему сѣти. Давидъ отказался отъ всякихъ едѣлокъ, отклонился отъ всякихъ бумагъ, и удержалъ за собою права и выгоды своего новаго созданія.

Въ эту эпоху Давидъ посѣтилъ Лионъ, Марсель и южную Францію. Въ этихъ двухъ городахъ Фелисіэнъ былъ принятъ со всевозможными почестями *.

Наконецъ успѣхъ «Бразильской жемчужины» на лирическомъ театрѣ, неоспоримо доказалъ ложнымъ предсказателямъ, кричавшимъ, что авторъ «Пустыни» и «Христофора Колумба» не можетъ написать оперы.

Не во гнѣвъ будь сказано г. Рокеллану, никогда сужденіе безсмысленнѣе и неосновательнѣе не являлось въ свѣтъ. Оно повторяется очень часто съ цѣлю удалить Давида отъ Оперы.

Насталъ часъ доказать ложь и недостойныя козни. Композиторъ,

* Братья Эскюдіеры мстили Давиду разными неприличными выходкамъ, забывая, что «La France musicale» которой они были редакторами, возносила прежде того композитора до небесъ.

который не прибѣгая къ помощи игры актеровъ, ни къ волшебству декораций, приковываетъ слушателя къ своему смычку, симфонистъ, котораго вдохновенія, освобожденныя отъ всякихъ постороннихъ элементовъ, трогаютъ, восторгаютъ, электризуютъ всю публику, этотъ композиторъ и симфонистъ силенъ, могучъ, самобытенъ и становится главой школы.

Пусть попробуетъ Мейерберъ дать свои сочиненія безъ великолѣпія обстановки оперы и балета; пусть позволитъ онъ себя судить нагишомъ (извините за выраженіе) какъ предстаетъ предъ нами Фелисіанъ Давидъ, и мы тогда увидимъ!

Ваша музыка, господа, или чрезмѣрно цѣломудренная, или сомнѣвающаяся въ своихъ прелестяхъ Венера. Ей нужны наряды; прежде чѣмъ предстать предъ очи Фидія, ей нужно забѣжать въ модный магазинъ.

И потому что наша Венера выдерживаетъ смѣло взгляды пластического искусства, вы говорите, что она будетъ дурна въ костюмъ!

Полноте, господа!

Когда Фелисіанъ Давидъ не будетъ безпрестанно останавливаемъ препятствіями, раставленными вамъ систематически на пути его, онъ счумѣетъ пожать пальмы славы и знаменитости на ряду съ Мейерберомъ и Россини.

Можетъ ли быть что нибудь плачевнѣе для карьеры артиста, какъ эти безмысленныя препятствія, эти слѣпцыя упрямства, чтобъ не сказать: эти умышленныя несправедливости, которыя заграждаютъ ему путь, а иногда и останавливаютъ его полеть.

Фелисіанъ Давидъ робокъ, какъ молоденькая дѣвушка; интрига антипатична его природѣ, его бы давно раздавили, если бъ друзья не кричали ему безпрестанно: «берегись!» Онъ не посѣщаетъ гостинныхъ, и потому не можетъ опровергнуть неблагопріятныхъ слуховъ, распускаемыхъ на его счетъ недоброжелателями.

Уединеніе—страсть Давида, оно вѣрный другъ его дарованія. Удалясь въ свою уединенную комнату въ улицѣ Ларошфуко, онъ живетъ въ ней посреди своихъ цвѣтовъ и птицъ. Онъ прислушивается къ переливамъ голосовъ своихъ голубыхъ и розовыхъ бенгали, которыхъ разводитъ въ клѣткѣ огромнаго размѣра. Онъ схватываетъ на лету рулады ихъ гибкаго горлышка и кладетъ на ноты сладкое ихъ пѣніе.

Жизнь Давида тиха, проста, однообразна. Трудъ составляетъ все его счастье.

Но этотъ трудъ не долженъ быть безплоденъ.

На горизонтѣ искусствъ не должно заслонять солнца и препятствовать развитію художественнаго произведенія.

III.

ВЕЧЕРА ВЪ КАЮТЪ-КОМПАНИИ.

В. МЕЛЬНИЦКАГО.

Случалось ли вамъ, господа, совершить путешествіе кругомъ свѣта, или по крайней мѣрѣ, бывали ль вы въ морѣ по нѣскольку мѣсяцевъ, въ особенности зимою, или хотя осенью? Имѣете ли вы понятіе объ *удовольствіи* плыть въ темную, бесконечно-длинную осеннюю ночь по морю?.. Знаете ли что такое фалшфейеръ, этотъ блѣдно-яркій факель моряковъ, порою свѣтящійся сквозь мглу ночную, и трепещущимъ свѣтомъ своимъ то предсказывающій отрадную близость роднаго порта, то роковую встрѣчу съ другимъ судномъ, порою несущимся на васъ съ такою быстротою, что вы не успѣвъ ни привести, ни спуститься и съ трескомъ ударившись борть о борть съ нимъ, ломаете себѣ ребра или его пускаете на дно, въ объятія холодной волны, освѣщенной только зловѣщимъ блескомъ фалшфейера!

Вслушивались ли вы, въ теченіе шестичасовой вахты, въ *concert infernale*, разыгрываемый осеннимъ вѣтромъ на снастяхъ вашего судна? Испытывали ли вы тяжкое чувство одиночества, когда, стоя на вахтѣ съ 12-ти до 4-хъ часовъ по полуночи, одни однихоньки, бодрствуете на шканцахъ посреди пустыннаго океана, далеко, далеко отъ всего, что дорого вашему сердцу, при монотонныхъ ударахъ тропическаго дождя о палубу съ акомпанементомъ всхрапыванія вахтенныхъ матросовъ, растянувшихся у бортовъ, подъ брезентами, въ самыхъ *античныхъ* позахъ? Поймете ли вы, что послѣ такой вахты можно смертельно поссориться съ самымъ сердечнымъ другомъ, если онъ смѣнитъ васъ двумя, тремя минутами позже того, какъ часовой прокричитъ отрадное: восемь стклянокъ бить! Можете ли вы сочувствовать наслажденію послѣ такой вахты броситься въ койку, выпить стаканъ

пуншу, и, проспавъ богатырскимъ сномъ до восьми часовъ, услышать въ каютъ-компаніи веселый разговоръ, *новую* остроуту, *новый* анекдотъ? Забудьте, *новый*, потому что, въ теченіе вашего плаванія вы до того *изучили* разговоръ вашихъ товарищей, что впередъ уже можете угадать о чемъ будутъ говорить они.

Поймете ли вы съ какимъ стараніемъ каждый изъ членовъ каютъ-компаніи, этого отдѣльнаго, изолированнаго, кочующаго общества, отыскиваетъ въ памяти своей какой либо рассказъ о слышанномъ, видѣнномъ и испытанномъ, могущій занять его собесѣдниковъ? Несмотря на то, что въ жизни моряка много накапливается происшествій и случаевъ, могущихъ служить темою для рассказовъ, но иногда ихъ недостаетъ на плаваніе, вмѣстѣ съ табакомъ, чаемъ, книгами, и тогда невыносимая скука воцаряется въ каютъ-компаніи, — члены ея дѣлаются членами общества молчанія, потому что говорить *не о чемъ!*

Но плаваніе наше еще въ началѣ; рассказовъ запасено довольно, и моряки съ обычною щедростью расточаютъ ихъ вмѣстѣ съ табакомъ и прочею провизіей. «*Экваторъ* еще далеко, и потому скупитесь неслѣдуетъ.» Закуримъ же *заграничныя* сигары, нальемъ по стакану грога, и, усѣвшись вокругъ импровизированнаго камелька, состоящаго изъ двухъ каленыхъ ядеръ въ жаровнѣ, послушаемъ, что говорятъ по вечерамъ въ каютъ-компаніи.

ВЕЧЕРЪ ПЕРВЫЙ.

«Мы будемъ богаты какъ жида!»

(We shall be as rich as jews!)

«Въ 1803 году я былъ отправленъ въ Англію, гдѣ служилъ около двухъ лѣтъ волонтеромъ въ эскадрѣ Нельсона. Въ то время Англія была въ войнѣ съ Испаніей и Франціей, и англійскій фрегатъ *Амазонъ*, на которомъ я находился, подъ командою 23-лѣтняго капитана Джемса Паркера, племянника адмирала Гайдъ-Паркера, крейсеровалъ на высотахъ Кадикса, для наблюденія за испанскими военными судами, находившимися въ этомъ портѣ. Въ одно *истинно* прекрасное утро, въ числѣ «*кунцовъ*» показывавшихся на ясномъ горизонтѣ, замѣтили мы большое судно подъ испанскимъ флагомъ. Появленіе этого судна оживило всю каютъ-компанію. Всѣ бросились на верхъ, навели зрительныя трубы на несчастнаго «испанца», неподозрѣвавшаго ожидающей его участи, и пустились въ нескончаемыя догадки, соображенія и предположенія.

Всѣхъ болѣе шумѣли, горячились и спорили мичманы, стараясь

по рангоуту испанскаго судна опредѣлить его формулярный списокъ и тѣмъ доказать, что имѣють уже *практическій взглядъ* опытныхъ моряковъ.

— Господа, сказалъ старый мастеръ (штурманъ), вы горячитесь безъ толку. По рангоуту ничего не узнаете. Посмотрите-ка лучше на подводную часть.

Всѣ направили трубы по указанію мастера, но не замѣтивъ ничего въ образованіи подводной части испанца, обратились за объясненіемъ къ старому моряку.

— Такъ вы ничего не видите?.. сказалъ тотъ съ волненіемъ въ голосъ.

— Ничего.

— Какъ ничего? А морская трава, покрывающая судно, ниже ватерлиніи?

— Ну, такъ чтожь это доказываетъ?

— А то, торжественно произнесъ мастеръ, что судно это вѣроятно идетъ изъ Мексики, и что мы будемъ богаты какъ жида!

Трудно передать восторгъ, произведенный этими словами въ экипажѣ фрегата. Мы будемъ богаты какъ жида! въ одинъ голосъ пронеслось нѣсколько разъ по всему фрегату.

Въ то время суда еще не обшивались мѣдью, и мастеръ хорошо зналъ, что только во время продолжительнаго плаванія изъ новаго свѣта въ старый, подводная часть судна могла покрыться такъ густо морскими растеніями.

Подойти, остановить и осмотрѣть испанца было дѣломъ двухъ-трехъ часовъ. Лейтенантъ, посланный для осмотра приза, по возвращеніи на фрегатъ былъ встрѣченъ толпою офицеровъ и матросовъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ его.

— Ну, что?.. воскликнули нѣсколько голосовъ..

— Мы будемъ богаты, какъ жида! повторилъ лейтенантъ. Главный грузъ—полмилліона испанскихъ талеровъ, кромѣ индиго и кошенили, которыми набить весь трюмъ!

Тогда всѣ схватили карандаши и бумагу, и бросившись къ шпилью, дрожащими руками стали вычислять кому сколько придется на долю, и я помню, что капитану доставалось семь тысячъ, на каждого лейтенанта по двѣ тысячи фунт. стерлинговъ, и т. д.

Вмѣстѣ съ лейтенантомъ пріѣхалъ и шкиперъ съ испанскаго судна. Онъ не зналъ по-англійски но говорилъ по-итальянски, и такъ какъ кромѣ меня никто на фрегатѣ не понималъ этого языка, то и просили меня быть переводчикомъ. Вмѣстѣ съ шкиперомъ вошелъ я въ капи-

тапскую каюту. Капитанъ въ сильномъ волненіи быстро шагаль по каютѣ и остановилъ меня словами:

— Погодите, погодите! дайте опомниться. О! мы будемъ богаты, какъ жида!

И потомъ, обращаясь къ шкиперу, сказалъ:

— Между Англіей и Испаніей объявлена война, и потому вашъ корабль мой законный призъ.

Фязіономія испанца вытянулась, потомъ съежилась. Долгое время не могъ произнести онъ ни слова, но наконецъ очнувшись, возразилъ:

— Гдѣ же тутъ законность?.. Вы захватываете испанскія суда когда еще не прерваны дипломатическія сношенія! когда еще никто не знаетъ ничего о войнѣ! Да это противъ всѣхъ понятій о морскомъ правѣ!..

Въ отвѣтъ на это капитанъ сдѣлалъ знакъ удалиться, и когда мы вышли изъ его каюты, испанецъ, узнавъ, что я русскій, сталъ изливать предо мною все свое бѣшенство.

— Это разбой! пиратство! говорилъ онъ. Не объявляя войны, захватываютъ въ расплохъ! Еслибъ я звалъ это, то принялъ бы средства избѣжать встрѣчи съ этими морскими разбойниками, а то, напротивъ, спѣшилъ увидѣть военный флотъ, чтобъ повѣрить свое счисленіе. Злодѣи! грабители!..

Напрасно стараясь утѣшить бѣднаго шкипера, я долженъ былъ наконецъ предоставить его собственному отчаянію и принять участіе въ общей дѣятельности, поднявшейся на фрегатѣ. Изъ опасенія, чтобъ ночью неподнялась буря и не погибнулъ бы драгоценный призъ, приказано было выгрузить съ него на фрегатъ ящики съ талерами. Началась восторженная, кипучая работа, продолжавшаяся всю ночь. На другой день призовое судно, облегченное отъ главнаго своего груза, съ остальнымъ отправлено въ Гибралтаръ.

Въ первую войну всѣ призы отсылались въ англійскіе порты, гдѣ и продвались особыми агентами, которые за это получали извѣстный процентъ съ вырученной суммы. Но теперь дѣло обошлось безъ коммисіонерства.

— Призъ денежный, раздѣлимъ и безъ агента! сказалъ капитанъ, и всѣ единогласно приняли это предложеніе.

Начался дележъ.

Звонкая монета изъ ящиковъ пересыпалась въ фитильныя кадки, въ которыхъ, черезъ люкъ, опускалась въ капитанскую каюту и тамъ сортировалась по цѣнности: золотые дублоны и имперіялы покрывали со-

бою весь круглый обѣденный столъ, и блескомъ своимъ затмѣвали талеры, скромно лежавшіе на полу. Въ совершенномъ порядкѣ, по старшинству, каждый получалъ свою законную долю золотомъ и серебромъ и, насыпавъ ее въ мѣшокъ, уходилъ въ свою каюту или банку, и съ удовольствіемъ Гарпагона принимался пересчитывать и любоваться ею. Нѣсколько дней, въ палубѣ, гдѣ жили матросы, только и слышно было: *чикъ, чикъ... чикъ!*.. пріятный звонъ новыхъ, блестящихъ, только что отчеканенныхъ въ Мексикѣ талеровъ!.. Каждый матросъ получилъ по 500 талеровъ, и я, по званію волонтера, тоже самое. Не былъ забытъ и несчастный испанскій шкиперъ: ему была отдана не только вся его собственность (по его показанію состоявшая изъ тридцати тысячъ талеровъ), но и часть приза.

За обѣдомъ въ каютѣ-компаніи всѣ заботились о томъ, какъ бы хорошенько угостить въ полномъ смыслѣ *дорогаго* гостя, но тому было не до угощенія!

Продолжая крейсерство, мы взяли еще призъ, въ сравненіи съ первымъ—ничтожный, но для Небира въ нынѣшнюю войну онъ показался бы, послѣ чухонскихъ лайбъ съ салакою, богатѣйшею добычею.

Во все это время испанецъ, короче познакомившись съ мною, только и твердилъ о мщеніи. Продамъ все, говорилъ онъ, что еще осталось у меня на берегу, и на послѣднія средства куплю судно, наберу экипажъ изъ отчаянныхъ головорѣзовъ и сдѣлавшись приватиромъ, стану преслѣдовать вездѣ, гдѣ только можно, этихъ разбойниковъ! Поймаю, закую въ цѣпи, и какъ собакъ поволоку изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, на потѣху ребятишкамъ!

Но не довольствуясь этимъ будущимъ мщеніемъ, испанецъ и въ настоящемъ искалъ, кажется, случая, отблагодарить своихъ гостепріимныхъ хозяевъ за ихъ радушное угощеніе. Видно было, что въ головѣ его бродила какая-то мысль, которую онъ постоянно обдумывалъ, улыбался ей, и съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ приближенія нашего къ Гибралтару, становился безпокойнѣе.

Наконецъ мы пришли въ Гибралтаръ и узнали, что призъ нашъ еще не проданъ. Тогда испанецъ подошелъ ко мнѣ и просилъ передать капитану, что желаетъ объясниться съ нимъ по поводу очень секретнаго и важнаго дѣла.

Капитанъ пригласилъ насъ въ свою каюту.

— Г. Капитанъ, началъ испанецъ, я долженъ вамъ сознаться, что до входа въ Гибралтаръ, я утѣшался еще мыслию, что испанскіе крей-

серы, можетъ быть, перехватили мое судно. Но теперь, потерявъ всякую надежду спасти его, я покоряюсь неизбежнымъ послѣдствіямъ войны и, желая выразить вамъ свою благодарность за ваше гостепріимство и великушное возвращеніе мнѣ моей собственности, объявляю, что призъ, взятый вами, почти ничтоженъ въ сравненіи съ тѣмъ сокровищемъ, которое лежитъ въ самомъ суднѣ и въ такомъ мѣстѣ, что при самомъ тщательномъ обыскѣ вамъ не найти этого сокровища!..

— Капитанъ вскочилъ съ дивана и пристально посмотрѣлъ въ глаза шкиперу. Но тотъ нисколько не смутившись продолжалъ:

— Для меня сокровище это погибло, и потому я, повторяю, изъ благодарности къ вамъ за возвращеніе мнѣ моей собственности, не желаю, чтобъ оно досталось тому, кто купитъ мое судно, или даже можетъ быть, что очень вѣроятно, навсегда осталось не открыто. Объявляя же вамъ объ этомъ, я надѣюсь, что вы отдадите мнѣ должную справедливость за мою столь щедрую признательность къ вамъ, и скажете мнѣ спасибо.

Сказавъ это испанецъ попросилъ бумаги и карандашъ, начертилъ кильсонъ, и указавъ на него, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ кормы, произнесъ торжественно.

— Вотъ здѣсь вѣзанъ ящикъ съ брилліантами для испанской короны!

— Довольно, довольно! воскликнулъ капитанъ, закрывая лицо руками... и потомъ указывая на шкипера, сказалъ мнѣ:

— Спросите, что хочетъ онъ въ награду?

— Быть сейчасъ же отпущеннымъ на паролъ, отвѣчалъ шкиперъ.

И шкиперъ былъ уволенъ. Кромѣ того капитанъ приказалъ выдать ему изъ собственныхъ своихъ денегъ тысячу талеровъ.

Когда я, возвратясь отъ капитана въ каютъ компанію, объявилъ тамъ объ открытіи, сдѣланномъ испанцемъ, новый взрывъ восторга огласилъ фрегатъ. Началась шумная попойка, во время которой всѣ, кромѣ офицера морскихъ солдатъ, строили уже воздушные замки изъ богатства, такъ легко и неожиданно пріобрѣтеннаго. Надо замѣтить, что въ то время офицеры морскихъ полковъ не пользовались большимъ уваженіемъ между англійскими моряками.

— Все это вздоръ! неожиданно воскликнулъ солдатскій офицеръ, не принимавшій участія въ общей радости.

— Милорды и господа! призываю къ молчанію, смѣясь сказалъ кто-то изъ собесѣдниковъ: нашъ витія подаетъ голосъ.

— Послушаемъ, послушаемъ! весело подхватили прочіе. Ну, г. Смитъ, начинайте ораторствовать!

— Смись вставъ провозгласилъ: предлагаю пари въ двѣсти талеровъ, что испанецъ обманулъ насъ.

— Идетъ! воскликнули нѣсколько голосовъ.

Всѣ нашли опасенія Смита нелѣпыми.

Въ самомъ дѣлѣ, какая была польза шкиперу обманывать ихъ? Свободу онъ получилъ бы и безъ того, и онъ зналъ это, а на тысячу талеровъ, полученныхъ имъ отъ капитана, онъ не могъ рассчитывать заранѣе.

Между тѣмъ посланъ былъ курьеръ къ Нельсону съ извѣстіемъ о драгоцѣнномъ призѣ, и приступили къ его открытію. Снова началась лихорадочная работа. Чтобъ поскорѣе добраться до завѣтнаго кильсона, не малую часть груза побросали за бортъ, прочую выгружали кое-какъ, безъ всякаго порядка и надлежащей осторожности. Наконецъ добрались до кильсона, разрубили его въ показанномъ мѣстѣ и достали... мѣдный болтъ!

— Вѣрно шкиперъ ошибся! кричали искатели брилліантовъ, не правѣ ли?

— Руби правѣ!..

Разрубили. И здѣсь ничего.

— Руби левѣ!

Тоже ничего.

— Руби шпангоуты!

Нѣтъ ничего! Такъ перепортили грузъ, перерубили все судно, брилліантовъ не нашли...

Можете себѣ представить каковъ былъ переходъ отъ восторга къ бѣшенству! Торжествовалъ только одинъ солдатскій офицеръ, выигравшій пари.

— Какой чортъ шепнулъ вамъ, что этотъ хитрый негодяй испанецъ обманулъ насъ? спрашиваютъ Смита.

— Очень простое умозаключеніе: если испанецъ обманулъ насъ, думалъ я, то выигравъ пари, я получу еще двѣсти талеровъ, тогда какъ другіе не получаютъ ничего. Если же показаніе испанца справедливо, и я проиграю пари, то изъ того огромнаго куша, который тогда мнѣ достанется, ничего не значитъ заплатить двѣсти талеровъ.

Въ 1833 году, во время вторичнаго пребыванія моего въ Англій, видѣлся я съ бывшимъ капитаномъ фрегата Амазонъ. Говоря о прежнемъ времени, Паркеръ не мало смѣялся, вспоминая хитрость метительнаго испанца, который этимъ не ограничился, но исполнилъ и завный свой замыселъ: сдѣлался приватиромъ, захватилъ нѣсколько

англичанъ и предалъ ихъ смерти. Кромѣ Паркера встрѣтилъ я въ Англии и другихъ героевъ этой морской траги-комедіи, а именно мастера, предсказавшаго добычу и солдатскаго офицера, предвѣстившаго потерю. Въ это время Смитъ былъ уже полковникомъ.

Выслушавъ разказъ адмирала, члены каютъ-компаніи благодарили его за столь занимательное открытіе каютъ-компанейскихъ вечеровъ и положили на сегодняшний вечеръ разойтись по своимъ каютамъ, а завтра собраться снова; причемъ капитанъ, служившій въ Американской компаніи, и часто бывавшій въ сношеніяхъ съ иностранными моряками, вызвался разказать жизнь одного англійскаго лейтенанта, влюбившагося въ первую красавицу Лимы и сдѣлавшагося, въ слѣдствіе любви этой, *пиратомъ*. Впрочемъ, прибавилъ капитанъ, и въ моемъ разказѣ главную роль будутъ играть испанскіе талеры.

ВЕЧЕРЪ ВТОРОЙ.

Пиратъ.

Робертсонъ, шотландецъ, началъ свое бурное поприще гардемаринномъ въ англійскомъ флотѣ. Позже служилъ въ званіи офицера на бригѣ «Гальваріно», гдѣ въ послѣдствіи исполнялъ обязанность старшаго лейтенанта. Командиръ брига г. Гюзъ, посвятилъ себя и свое судно войнѣ за независимость Чили, а съ нимъ и Робертсонъ перешелъ на службу въ Чилійскій флотъ. Въ 1822 г. командуя военнымъ чилійскимъ бригомъ, онъ внезапно, ночью, съ частью своихъ матросовъ напалъ на Бенавидеса, атамана разбойничьей шайки, приводившей въ ужасъ всю провинцію Концепціонъ.

Бенавидесъ съ зсауломъ своимъ, итальянцемъ Мартелиномъ, раненымъ во время нападенія, едва успѣли спастись, но почти вся шайка пала подъ оружіемъ Робертсона.

Робертсонъ былъ храбръ до безумія. Его запальчивый и страстный характеръ часто доводилъ его до жестокости и звѣрства. Онъ былъ средняго роста, рыжій, съ огненнымъ взглядомъ и чертами лица хотя и несовершенно безобразными, но внушающими отвращеніе; улыбка почти всегда блуждающая на губахъ, придавала его фізіономіи нѣчто такое, что напоминало гіену, когда она трепещетъ отъ удовольствія при видѣ своей жертвы. Робертсонъ повѣсилъ безъ всякой расправы около семидесяти челоувѣкъ плѣнныхъ разбойниковъ Бенавидеса, *въ награду за ихъ преступленія*, какъ онъ выражался, и любовался ихъ трупамъ, качавшимися на ветвяхъ деревь.

Робертсонъ оставилъ службу въ чилійскомъ флотѣ, и поселился на пустомъ островѣ *Моха*, лежащемъ въ тридцати миляхъ къ югу отъ залива Концепция. Тамъ, казалось, хотѣлъ онъ осуществить мечту Робинзона. Говорили тогда, что онъ намѣревался сдѣлать изъ Мохи пріютъ для нѣкоторыхъ отважныхъ авантюристовъ, и вмѣстѣ съ ними захватывать суда, идущія въ Европу съ серебромъ и золотомъ. Дальнѣйшее его поведеніе оправдало эти слухи. Шайкѣ Бенавидеса, послѣ смерти ея предводителя, даровано было прощеніе губернаторомъ Чили, и бывший есаул Мартелинъ возвратился въ Валпарайзо. Тамъ онъ поступилъ на Голеть *Четыре сестры*, принадлежавшій испанцу *Люзаррага*. Мартелинъ былъ хорошій морякъ, и какъ Испанскіе капитаны у береговъ Америки отдавали тогда преимущество боцманамъ изъ генуезцевъ или венеціанцевъ, то онъ и получилъ это мѣсто. Мартелинъ имѣлъ чрезвычайно гибкій умъ, и втерся въ милость капитана. Не смотря на то, Люзаррага очень опасался что никогда не будетъ въ состояніи внушить дисциплину бывшему разбойнику, и потому хотѣлъ высадить Мартелина. Но тотъ столько говорилъ о привязанности своѣй къ нему, такъ краснорѣчиво увѣрялъ, что всегда поддерживалъ испанцевъ, что г. Люзаррага былъ задѣтъ за чувствительную струну патриотизма и оставилъ у себя Мартелина. Но боцманъ Четырехъ сестеръ этимъ недовольствовался; выбравъ изъ экипажа часть матросовъ, на привязанность которыхъ могъ надѣяться, онъ съ ихъ помощію рѣшился отметить испанцу за то, что тотъ вздумалъ его удалить съ голлета. Прийдя къ устью рѣки Гвая-Квилъ, Мартелинъ привелъ свое намѣреніе въ дѣйствіе. Люзаррага и приверженные ему матросы во время сна, безъ всякаго сопротивленія были убиты и выброшены за бортъ. Мартелинъ овладѣлъ голлетомъ и пошелъ на немъ къ островамъ *Хилое*, принадлежавшимъ въ то время испанцамъ. Тамъ онъ вступилъ въ испанскую службу и былъ сдѣланъ командиромъ военного испанскаго фрегата *Квинтанилла*, который вскорѣ былъ посланъ въ крейсерство къ берегамъ Чили и Перу, противъ коммерціи независимыхъ. Мартелинъ узнавъ, что Робертсонъ основалъ свою колонію на *Моха*, рѣшился сдѣлать высадку на этотъ островъ съ цѣлью выполнить клятву отомстить истребителю его товарищей. Онъ захватилъ Робертсона въ распахъ, и заковавъ въ цѣпи бросилъ въ трюмъ. Робертсонъ въ свой чередъ долженъ быть теперь *награжденъ за преступленія*, какъ онъ награждалъ разбойниковъ. Но звѣзда его не должна еще такъ скоро померкнуть: буря пришла къ нему на помощь...

Фрегатъ безъ парусовъ и большей части рангоута, заливаемый волнами, перекатывавшимся черезъ палубу, неся на каменистый рифъ;

все искусство Мартелина и его экипажа оказалось недостаточнымъ для спасенія фрегата. Истощивъ все свое знаніе, потерявъ всю надежду и увѣренность въ себя, экипажъ рѣшился прибѣгнуть къ покровительству Робертсона... Плѣнника вытаскиваютъ изъ трюма, снимаютъ съ него цѣпи, ему кланяются, его умоляютъ спасти свою свободу и жизнь другихъ. Робертсонъ занимаетъ *свое мѣсто* по праву, изъ трюмнаго арестанта дѣлается капитаномъ, и благодаря своему знанію и своей энергіи, мало по малу удаляется отъ опасности, а вмѣстѣ съ тѣмъ спокойствіе водворяется въ душахъ негодаевъ, столь перепуганныхъ за часъ до того.

Прійдя къ берегамъ Перу, часть которыхъ была еще въ рукахъ испанцевъ, высадили Робертсона на одно англійское судно, которое и доставило его въ Чили. Но увлеченный гордостью, Робертсонъ не забылъ написать Мартелину, передъ отправленіемъ, что онъ не считаетъ себя обязаннымъ никакою благодарностью къ бывшему разбойнику, потому что получилъ свободу отъ его невѣжества, отъ его трусости, а не отъ великодушія; въ заключеніе объявилъ, что если случай сведетъ ихъ когда нибудь вмѣстѣ, то смерть одного изъ нихъ будетъ слѣдствіемъ этой встрѣчи.

Робертсонъ вознамѣрился снова вступить въ морскую службу въ Перу, и для перехода туда сѣлъ на перувіанскій военный бригъ *Конгрессо*, капитанъ Юнгъ. Бригъ этотъ стоялъ въ Вальпарайзо, въ то время, когда ужасная буря погубила восемнадцать судовъ; надѣясь на свое штормовое вооруженіе, бригъ вышелъ въ море и спасся отъ крушенія. Но тамъ онъ встрѣтилъ другаго врага, фрегатъ *Квинтанилла*, капитанъ Мартелинъ, и другихъ испанскихъ крейсеровъ.

Замѣтивъ, что близъ *Квинтаниллы* держится французское судно *Вижи*, захваченное испанскимъ фрегатомъ и вооруженное по военному, капитанъ Юнгъ воспользовался тѣмъ временемъ, когда призъ удался отъ *Квинтаниллы* на значительное разстояніе, и овладѣлъ имъ. Но почти въ то время появился французскій военный корветъ *Дилжантъ*, капитанъ Билляръ, который потребовалъ отъ капитана Юнга, чтобъ *Вижи* было ему отдано. Но Юнгъ отвѣчалъ, что судно это есть его неотъемлемый призъ, и что если капитанъ Билляръ считаетъ требованіе свое законнымъ, то пусть обратится къ испанскому правительству, ибо онъ, Юнгъ, взялъ это судно у испанцевъ.

Во время этихъ переговоровъ, перувіанскій бригъ и французскій корветъ идя бортъ о бортъ, встрѣтили *Квинтаниллу*, имѣющую на бурсирѣ послѣдній взятый призъ, который видя, что нѣтъ возможности ему избѣгнуть плѣна, бросился на медь и былъ сожженъ экипажемъ. Но

Квинтанилла выдерживала огонь *Конгресса*, безпрестанно отступая къ *Гуалькальскимъ* мелямъ; *Конгрессъ*, измѣряя глубину, продолжалъ погоню, и французскій корветъ съ своей стороны тѣснилъ Квинтаниллу. Но сдѣлался штиль, и *Конгрессъ*, увлеченный теченіемъ, подошелъ такъ близко къ берегу, что былъ вынужденъ бросить якорь у самаго рифа; въ тоже время нѣсколько испанскихъ лодокъ бросились съ берега, чтобъ захватить *Конгрессъ*; но два выстрѣла картечью живо доказали бесполезность ихъ покушенія. Между тѣмъ положеніе *Конгресса* болѣе и болѣе становилось опаснымъ; уже экипажъ и офицеры сидѣли въ шлюпкахъ, чтобъ избѣгнуть рукъ испанцевъ, которые занявъ все мачты своего фрегата съ оружіемъ въ рукахъ, угрожали абордажемъ.

Въ этой крайности капитанъ Юнгъ требовалъ помощи отъ *Димжанта*. Г. Билляръ отвѣчалъ, что Франція не въ войнѣ съ Испаніей, и потому онъ не можетъ идти на помощь перувианскому бригу, находящемуся подъ огнемъ испанцевъ, не нарушивъ нейтралитета, въ слѣдствіе чего онъ принужденъ ограничиться только посылкою своихъ судовъ для принятія экипажа *Конгресса*. Робертсонъ поклялся, что не отдастся живымъ въ руки Мартелину, своему смертельному врагу, и остался на бригѣ съ капитаномъ Юнгомъ, подобно ему готовый умереть если бригъ будетъ выброшенъ на берегъ. Между тѣмъ они еще питали себя надеждою, что если дунетъ хотя самый легкій вѣтерокъ съ берега, то они спасутся. Такъ и случилось. Вскорѣ дохнулъ этотъ страстно желаемый вѣтеръ и воскресилъ ихъ изнеможенные силы; созвавъ на бригъ всехъ матросовъ, уже сидѣвшихъ на шлюпкахъ, г. Юнгъ приказалъ отдать паруса, обрубить канатъ, и бригъ узкользнулъ отъ плѣна. И пора была: непріятель второй разъ уже намѣревался послать свои шлюпки для завладѣнія имъ.

Робертсонъ, дыша мщеніемъ, этимъ неудовольствовался, и съ согласіемъ капитана Юнга вздумалъ попытаться овладѣть *Квинтанilloй*. Охотниковъ для этого замысла нашлось довольно, но моментъ былъ избранъ неудачно; непроницаемая темнота ночи и сильное волненіе не позволили отыскать бухты, въ которой стоялъ фрегатъ. На слѣдующее утро бригъ снялся съ якоря и продолжалъ путь до Лимы. Робертсонъ не покидалъ еще своихъ плановъ преслѣдованія и мщенія.

Вступивъ на службу въ Перу, онъ имѣлъ много случаевъ отличиться въ десантахъ и въ атакахъ противъ укрѣпленія *Каллао*, принадлежавшаго еще Испаніи. Переходя изъ рукъ въ руки, укрѣпленіе это было наконецъ захвачено испанцами, а вмѣстѣ съ нимъ взяты и Робертсонъ, котораго засадили въ казематы брѣности. Робертсонъ слишкомъ былъ уменъ и богатъ опытностью, пріобрѣтенною имъ во время войны,

чтобъ влacity жизнь свою въ этомъ ужасномъ погребѣ, и самаго незначительнаго случая достаточно было для исполненія его смѣлаго плана побѣга. Когда тюремный стражъ несъ пищу плѣнникамъ, Робертсонъ пролилъ ее на сторожа, ударилъ его кулакомъ, въ моментъ пронесся мимо часовыхъ, и выбѣжавъ изъ цитадели бросился въ море, какъ въ самое надежное убѣжище... Не прошло получаса какъ онъ былъ уже на купеческомъ иностранномъ суднѣ...

По возвращеніи въ Чили, Робертсонъ былъ сдѣланъ командиромъ фрегата *Конгрессо*, названнаго такъ въ честь стараго брига. Но Робертсонъ не могъ продолжать свою буйную жизнь обыкновенной и законной дорогой: инстинктъ мщенія, порывы необузданнаго честолюбія, проекты грабительства безпрестанно волновали его душу. Зерномъ этихъ страстей была любовь, такая любовь, какую только онъ могъ чувствовать. Могущество столь самовластной и неистовой природы пало подъ власть красоты...

Лима, какъ извѣстно, прекрасная, огромная столица Перу, соединяетъ въ себѣ утонченность и изысканность нравовъ жителей съ чудесами природы; городъ этотъ, единственный въ своемъ родѣ, служитъ обольстительнымъ убѣжищемъ племени самаго чувственнаго, въ которомъ испанская гордость смягчена любезностью и просвѣщеніемъ. Легко можно угадать какую роль играютъ женщины въ такомъ обществѣ. Провидѣніе надѣлило ихъ не одною красотой, воображеніе ихъ не менѣе обаятельно, умъ не менѣе завлекателенъ. Съ самымъ неукоризненнымъ тактомъ умѣютъ онѣ усвоить себѣ все фантастическія изобрѣтенія моды и изящнаго вкуса Европы, ни сколько не вреда своимъ національнымъ, характеристическимъ манерамъ, своей гордой поступи. Женщины Лимы довершаютъ очарованіе своимъ національнымъ костюмомъ, называемымъ *сайя* и благопріятствующимъ всевозможнымъ движеніямъ самаго утонченнаго кокетства. Значеніе и вліяніе свое на общество они понимаютъ очень хорошо, и потому честолюбивы до такой степени, что скромные нравы нашего общества не позволяютъ намъ составить о нихъ и приблизительнаго понятія. Въ этой-то теплой, упоенной ароматами атмосферѣ воля мужчины колеблется и гаснетъ, а женщина возвышается до могущества неограниченнаго.

Тереза Мендесъ, вдова испанскаго капитана, была одною изъ такихъ женщинъ. Въ первый годъ вдовства своего она думала, что всю жизнь останется неутѣшною вдовою, и желая въ полной свободѣ предаться меланхоліи и отчаянію, нашла пріличнѣйшимъ удалиться отъ свѣта въ совершенное деревенское уединеніе. Но эта жизнь скоро стала тяготить ее. Спокойствіе и уединеніе оказались несвойственными

для ея дѣятельной и полной жизни натуры; Терезу ужасала мысль, что горизонтъ ея существованія навѣки ограничится деревнею. Мысленно она сдѣлала брешь въ своей никому недоступной виллѣ, и черезъ нее позволила убѣжать своей горести. Наконецъ черезъ брешь эту начали производить набѣгъ за набѣгомъ свѣтскія мысли, мірскія желанія, окончательно завладѣвшія головою молодой вдовы. Умомъ ея управляло ненасытимое желаніе богатства и славы.

Достигнувъ такого нравственнаго состоянія, она едва дождалась окончанія своего траура и явилась въ свѣтъ съ неукротимою жаждою роскоши и власти. Ей было двадцать два года. Блѣдный и почти оливковый цвѣтъ ея кожи говорилъ объ индѣйской крови, кипящей въ жилахъ ея; но прекрасные глаза, стройная, гибкая талія, нѣжность и красота всѣхъ формъ доказывали ея испанское происхожденіе. Въ ней были соединены инстинкты двухъ племенъ: гордая, какъ дочь Андалузій, она была одарена хитростью и силою воли индіянки.

Такова была Тереза Мендесъ, когда Робертсонъ увидѣлъ ее въ первый разъ; она настроила душу его къ чему-то восторженному, и какъ самъ онъ говорилъ, произвела въ ней великій переворотъ.

Когда явилась Робертсону Тереза Мендесъ, пиратъ сначала думалъ, что онъ находится подъ обаяніемъ сновидѣнія; чувства, для него еще новыя, закрались въ душу его, и съ этой минуты Робертсонъ какъ тѣнь слѣдилъ каждый шагъ Терезы, и наконецъ высказалъ ей страсть свою. Креолка поняла, что въ этомъ человѣкѣ она нашла себѣ раба съ безпощадной преданностью, и употребила все свое искусство, всѣ дары красоты для того, чтобъ усилить эту страсть въ Робертсонѣ, на котораго она смотрѣла какъ на самое неизмѣнное орудіе своего честолюбія. Увѣрившись наконецъ, что власть ея уже непоколебима, она прямо объявила ему свои мысли и намѣренія. «Робертсонъ, сказала она: вы хотите соединить свою участь съ моею, такъ узнайте, что я рѣшилась доставить это счастіе только такому человѣку, который своею отвагою и своими способностями въ состояніи возвыситься надъ подобными ему, который самъ создаетъ свое будущее. Если власть ускользнетъ отъ васъ, пріобрѣтите богатство, и тогда мы раздѣлимъ жизнь привольную и широкую на высотѣ любви вашей и моего честолюбія. Обстоятельства благоприятствуютъ вамъ: во время войны смѣлость и энергія всегда одержать побѣду, если будете щадить только сильнѣйшихъ. Идите же къ этой цѣли, у ней я буду ждать васъ со всѣми восторгами любви, такой любви, какой жаждетъ сердце ваше». — Хорошо! воскликнулъ Робертсонъ, ты будешь имѣть это богатство, необъятное какъ твои желанія, безмѣрное, какъ любовь моя; ты будешь имѣть, хотя бы мнѣ

пришлось достать его изъ глубины пропасти, или грабительствомъ исторгнуть изъ рукъ человѣка; ты будешь имѣть его у ногъ своихъ, украшенное блестящимъ лучемъ славы, или омытое въ крови.—Таково было прощаніе Робертсона съ Терезою Мендесъ.

Вечеромъ, въ Кальяо* мы были на чаѣ у капитана надъ портомъ, г. Юнга, бывшаго командира Конгрессо. Робертсонъ и нѣсколько другихъ офицеровъ сидѣли вокругъ стола и разговаривали о ежедневныхъ мелочахъ. Въ отдаленіи подшучивали надъ несчастной любовью Робертсона, и одинъ изъ собесѣдниковъ выразился такъ: капитанъ неполучить руки Терезы до тѣхъ поръ, пока не выслужитъ адмиральскихъ зполетъ, или не приобрететъ огромнаго богатства. Дождаться превосходительства очень долго, потому что война съ Испаніей уже кончена, но представляется благопріятный случай: на рейдѣ стоитъ англійскій бригъ, покрайней мѣрѣ съ двумя милліонами піастровъ. Капитанъ его сегодня утромъ уѣхалъ въ Лиму по дѣламъ; завладѣй Робертсонъ бригомъ, и Тереза Мендесъ его. Робертсонъ показалъ видъ, что не слыхалъ этой шутки; весь вечеръ былъ серьезенъ, и ушелъ позже всѣхъ.

Онъ рѣшился привести въ исполненіе проектъ завладѣнія *Перувианцемъ*, такъ назывался бригъ. Для этого онъ подговорилъ нѣсколько англичанъ, матросовъ съ Конгрессо, и въ слѣдующую ночь взобрался съ ними на судно; угрозою смерти принудилъ шкипера и матросовъ къ повиненію, и связавъ тѣхъ изъ нихъ, которые отказались за нимъ слѣдовать, поднялъ якорь и вышелъ въ море.

И такъ Ротерстонъ былъ теперь владѣтелемъ судна и двухъ милліоновъ пятисотъ тысячъ рублей серебромъ! Но онъ владѣлъ ими не одинъ, что и отравляло его радость. Двѣнадцать соучастниковъ имѣли полное право на требованіе своей доли, а одной двѣнадцатой части этой суммы для Робертсона было слишкомъ мало; лучше сказать, одна мысль о раздѣлѣ приводила его въ ярость. Пиратъ рѣшился прибѣгнуть къ новымъ хитростямъ, чтобъ не дѣлить свое сокровище; для этого старался составить новый проектъ: истребить большую часть участниковъ въ похищеніи. Но въ новыхъ двухъ товарищахъ онъ встрѣтилъ людей, характеръ которыхъ ясно ему доказывалъ, что отъ нихъ не такъ-то легко будетъ отдѣлаться въ послѣдствіи. Это были два ирландца, не уступавшіе ему въ хитрости и находчивости.

Безъ всякаго сомнѣнія, отрядно путешествовать на своемъ суднѣ, нагруженномъ золотомъ. Но цѣль Робертсона еще не была достигнута, и

* Портъ Лимы.

состояла въ томъ, чтобъ отдать эти два милліона рублей въ динъ изъ самыхъ вѣрнѣйшихъ банковъ Европы, и потомъ поселившись въ Терезю въ одномъ изъ лучшихъ городовъ Европы, зажить тамъ привольно и весело. И такъ прежде всего надобно было отдѣлаться отъ дюжины негодяевъ, не обнаруживавшихъ ни малѣйшаго желанія добровольно отказать отъ своей доли. Объ этомъ—то и думалъ Робертсонъ, отыскивая новыхъ товарищей для уничтоженія первыхъ. Эти остальные десять человѣкъ были довольно наивные и простодушные бездѣльники. Они больше ничего не желали, какъ только поселиться на одномъ изъ Маріанскихъ острововъ и вести тамъ жизнь патриархальную посреди трудолюбивыхъ негровъ. Идиллію эту развилъ въ ихъ головахъ Робертсонъ, съ утра до вечера рассказывая о наслажденіяхъ пастушеской жизни. Къ несчастію двое ирландцевъ, Виліамъ и Джоржъ, менѣе всѣхъ были тронуты его краснорѣчіемъ, и наконецъ до того возбудили опасенія въ Робертсонѣ, что онъ подъ предлогомъ наливки водою, на случай долгаго плаванія, рѣшился послать одного изъ нихъ на берегъ, но тотъ сказалъ наотрѣзъ, что отказывается отъ такого подозрительнаго порученія. Случай этотъ подалъ поводъ къ рѣшительному объясненію между тремя злоумышленниками. Разумѣется, раздѣлъ на три части былъ легче и выгоднѣе чѣмъ на двѣнадцать, и Робертсонъ, повидимому, покорился необходимости.

И такъ, недоставало только удобнаго случая, чтобъ избавиться отъ простаковъ.

Робертсонъ предложилъ идти къ *Отаити*, и въ подкрѣпленіе своего убѣжденія роздалъ экипажу нѣсколько піастровъ. Съѣхали на берегъ и устроили пиръ. Послѣ двухъ или трехъ часовъ оргіи, всѣ матросы, исключая трехъ или четырехъ, необходимыхъ для управленія парусами, въ безчувственномъ состояніи были привезены съ берега и волей-неволей брошены въ шлюпку, находящуюся на бакштовѣ судна. Когда вышли въ море, бакштовъ *случайно* оборвался. Бѣдняки, опомнившись, можетъ быть, черезъ часъ или два, увидѣли себя посреди океана безъ воды, безъ пищи, безъ парусовъ... Бригъ продолжалъ идти къ островамъ Маріанскимъ. До сихъ поръ на немъ царствовало доброе согласіе. Но теперь начались ссоры между четырьмя матросами, оставленными для управленія, но смѣлость и энергія Робертсона отклонили безпорядокъ.

Пираты послѣдовательно посѣтили многіе изъ острововъ Архипелага и наконецъ остановились у одного изъ нихъ, и спрятали на немъ свое сокровище. Иероглифическіе знаки на скалахъ, срубленные и подчищенные деревья въ нѣкоторомъ порядкѣ, показывали сообщникамъ похищенія—путь къ сокровищу. Отсюда они пошли къ островамъ Сандви-

чевымъ, гдѣ купили всѣ необходимыя матеріалы для основанія колоніи. 20,000 піастровъ, найденныя на бригѣ въ каютѣ капитана, совершенно достаточны были для этихъ покупокъ.

Проектъ Робертсона исполнялся. Когда бригъ пришелъ на видъ острова *Вагоу*, пираты, въ надеждѣ скорой высадки на берегъ, предалися оргіи. Трое заговорщиковъ приняли въ ней явное участіе, но держали ухо востро, и когда товарищи ихъ до того были пьяны, что немогли сопротивляться, ихъ связали и спустили въ трюмъ. Потомъ заколотили люки и порты, обрѣзали шкоты, фалы и топенанты. Робертсонъ съ двумя ирландцами съѣлъ на шлюпку и достигъ *Вагоу* благополучно. Прибытіе же свое онъ объявилъ гибелью купеческаго судна, на которомъ онъ и его товарищи были пассажирами. Объясненіе это казалось вѣроятнымъ, и одно китоловное судно взялось доставить мнимыхъ несчастныхъ въ Европу.

На пути заговорщики перемѣнили намѣреніе и вышли на берегъ въ *Ріо-Жанейро*, гдѣ пробыли около двухъ мѣсяцевъ. Пираты вели здѣсь жизнь самую осторожную и уединенную. Въмѣсто всѣхъ удовольствій они позволяли себѣ только прогулку по окрестностямъ. Въ одно прекрасное утро отираившись гулять *втроемъ*, возвратились только *двое*. Джорджъ исчезъ навсегда. Вилліамъ и Робертсонъ объявили, что товарищъ ихъ тайно и внезапно скрылся отъ нихъ, и такъ какъ этими искателями приключеній почти никто не интересовался, то и не обратили вниманія на это происшествіе.

Почти въ тоже время въ *Ріо-Жанейро* пришло судно съ ссыльными въ Новую Голландію. Два пирата взяли на немъ мѣста и пошли въ Сидней. Тамъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ завладѣть однимъ изъ каботажныхъ ботовъ, для возвращенія на *Маріанскіе* острова, они должны были ожидать для этого благопріятнаго случая, который вскорѣ и представился.

Нужно ли говорить какъ жили они? Съ какимъ тревожнымъ опасеніемъ ежеминутно слѣдили другъ за другомъ? Всегда вооруженные, всегда на караулѣ, они спали тоько въ присутствіи постороннихъ и, не смотря на то, вовсе нерасположены были разлучаться, вы догадываетесь почему. Черезъ нѣсколько времени Робертсонъ познакомился съ отставнымъ старымъ капитаномъ англійскаго флота, владѣльцемъ голлета, занимавшагося китоловнымъ промысломъ. Томсонъ, такъ звали его, велъ самую жалкую жизнь, ибо промыселъ его не приносилъ почти никакой прибыли. Робертсонъ и Вилліамъ завлекли его разсказами о своихъ приключеніяхъ и о своемъ сокровищѣ, скрывъ эпизоды о гибели товарищей и названіе острова, гдѣ зарытъ кладъ. Томсонъ поддался

ихъ увѣщаніямъ въ надеждѣ на скорое обогащеніе. Заключили условія, наняли двухъ туземныхъ матросовъ, и впятеромъ на голетѣ скверной постройки отправились въ путь, въ послѣдній путь ихъ земнаго странствованія!

И дѣйствительно, путь этотъ былъ трудный и опасный. Недостатокъ въ водѣ и провизіи заставлялъ ихъ часто приставать къ островамъ, гдѣ дикіе съ оружіемъ встрѣчаютъ всякаго европейца. Не разъ завязывались между ними схватки, и пироги преслѣдовали лѣнивый голетъ. Короче сказать самое жалкое существованіе, безконечныя опасенія, тревоги и страданія до того изнурили ихъ, что они не разъ теряли изъ виду цѣль своего грустнаго путешествія. Только одинъ Робертсонъ, на зло всему, бодро шелъ своей дорогой.

Однажды, изнуренные голодомъ и жаждою, они встрѣтили купеческое судно, которому выдали себя за ловцовъ жемчуга. Страшныя изнуренія выражались на истощенныхъ лицахъ ихъ, и сострадательный купецъ далъ имъ нѣсколько провизіи и водки. Надобно было видѣть восторгъ съ какимъ встрѣтили они этотъ крѣпительный напитокъ, послѣ многихъ недѣль воздержанія!.. Гоleta была маленькая, воздухъ въ палубѣ удушливый. И потому ночью все спали на верху. На верху же, съ радости, устроили пирушку; Робертсонъ также въ ней участвовалъ и даже пилъ болѣе другихъ. Проглотивъ разомъ огромный стаканъ водки, онъ наконецъ безъ чувствъ растянулся на палубѣ. Вилліамъ со смѣхомъ оттолкнулъ его ногою и занялъ его мѣсто. Черезъ минуту оба заговорщика спали другъ возлѣ друга.

Вдругъ старшій капитанъ былъ разбуженъ раздирающимъ душу крикомъ. Ночь была темная, море пѣнилось. Едва держась на ногахъ и не сознавая происходившаго, Томсонъ услышалъ второй крикъ, болѣе явственный: *человѣкъ упалъ въ море!* Это былъ голосъ Робертсона, бѣжавшаго на ютъ и требующаго кювца. * Но ошеломленные матросы стояли неподвижно и оцѣтивъ руки. Томсонъ тотчасъ понялъ въ чемъ дѣло. «Оставимъ Вилліама тамъ, гдѣ онъ есть, сказалъ онъ Робертсону, но *я знаю все*, пріятель! прибавилъ онъ съ звѣрскимъ хоухотомъ. Робертсонъ показалъ видъ что не разслушалъ этихъ словъ.

Съ приближеніемъ къ Маріанскому архипелагу, безпокойство Робертсона возобновилось. Онъ чувствовалъ, что близко его сокровище, и въ тоже время боялся потерять его, подозрѣвая коварство капитана. Нѣсколько разъ во время плаванія онъ замѣчалъ особенное расположеніе его къ Вилліаму и ихъ секретный разговоръ. *Я знаю все*, значило болѣе, чѣмъ простая угорза.

* Веревки, для спасенія тонувшаго.

Дѣйствительно, Вилліамъ ежеминутно опасаясь вѣроломства со стороны Робертсона, счелъ за нужное открыться во всемъ старому англичанину, но, плохо зная грамоту, не могъ сказать ни широты ни долготы острова, на которомъ сложенъ драгоценный грузъ. Ставши на якорь у Пиміаны для наливки водою, они имѣли свиданіе съ капитаномъ испанскаго судна, пріѣхавшимъ къ нимъ на голету, которому повторили прежнюю сказку, выдавъ себя за ловцовъ раковинъ, удалившихся отъ мѣста промысла за дурною погодою.

Передъ снятіемъ съ якоря Робертсонъ, уже нѣсколько дней пожираемый нетерпѣніемъ, вызывалъ капитана на ссору, подъ предлогомъ худо исполненнаго маневра. Ссора эта началась въ то время, когда Томсонъ находился на бакѣ, *одинъ*. Два матроса, стоявшіе на другомъ концѣ судна, едва понимали причину размолвки между капитаномъ и хозяиномъ, какъ вдругъ Робертсонъ ринулся на старика, и схвативъ его за шею бросилъ въ море. Все это произошло такъ быстро, что несчастный не успѣлъ даже вскрикнуть.

До сихъ поръ Робертсонъ казался взбѣшеннымъ, но въ ту же минуту обратясь къ матросамъ, отдалъ приказанія столь спокойно и рѣшительно, что экипажъ, объятый страхомъ, не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія для спасенія своего капитана.

Но тотъ, отлично плавая, ни къмъ не замѣченный достигнулъ берега и тотчасъ отыскалъ испанское судно, вчера ихъ посѣщавшее. Капитанъ *Пачеко* выслушалъ разсказъ Томсона съ живымъ любопытствомъ. Онъ былъ Бискайецъ страстный, корыстолюбивый, и тотчасъ пустился въ погоню за голетомъ. На другой день они открыли его въ небольшомъ портѣ Сейпанъ (*Seupan*). Завидѣвъ испанское судно, Робертсонъ снялся съ якоря и исчезъ за горами. Но связанный внезапно лопманомъ галеты и преслѣдуемый испанскимъ судномъ, онъ наконецъ долженъ былъ сдаться. Его заковали въ цѣпи и заперли въ каюту. Составили военно-судную комиссію; начался допросъ. Томсонъ былъ очень ясенъ и формаленъ во своихъ показаніяхъ, но Робертсонъ отвѣчалъ только, что этотъ старый дуракъ для того бросился самъ въ воду, чтобъ послѣ обвинить его и сложить свои преступленія на него. «Что же касается до цѣли моего пребыванія въ этихъ водахъ, продолжалъ онъ, то это моя тайна, и я никому необязанъ отдавать въ этомъ отчетъ. Вы не военное судно, и потому полицейскій надзоръ на этихъ водахъ не ваше дѣло. Вы захватили себѣ власть судить меня безъ всякаго права и законнаго доказательства.»

Пачеко засмѣялся при этомъ отвѣтѣ и угрожалъ отважному пирату

своимъ краткимъ правосудіемъ, если онъ не укажетъ мѣста, гдѣ скрыто сокровище, добытое кражею.

Я вамъ даю два часа на размышленіе, сказалъ онъ, если и потомъ будете упорствовать, то черезъ два часа умрете.

Какъ! Я!.. капитанъ фрегата?

Вы не капитанъ фрегата. Я испанецъ, и для меня американскіе инсургенты не лучше пиратовъ.

— Но война была народная... Я англійскій подданный и Англія признала независимость Чили...

Англія, можетъ быть, но не Испанія. При томъ я имѣю инструкцію губернатора Маріанскихъ острововъ и право дѣйствовать такъ какъ дѣйствую.

Плѣнникъ не зналъ что возразить на это и замолчалъ. Его снова заковали, отвели въ каюту и поставили у ней часовыхъ. Между тѣмъ по указанію Томсона, старались отыскать островъ, гдѣ погребено золото. Указанія эти, весьма неточныя, повидимому болѣе всего прилагались къ острову Агригану, и потому въ самой удобной бухтѣ его бросили якорь. Поиски на острову продолжались два дня, въ теченіе которыхъ Робертсонъ, не смотря на всѣ старанія заставить его говорить, не произнесъ звука. Наконецъ Томсонъ и Пачеко, болѣе и болѣе увѣренные въ томъ, что именно здѣсь долженъ быть кладъ, рѣшились еще разъ попробовать выманить признаніе Робертсона. Безъ всякаго сомнѣнія, Робертсонъ узналъ свой островъ, и повидимому готовъ былъ уже открыться, ибо сказалъ, что если съ него снимутъ цѣпи, то онъ поведетъ самъ на поиски.

На этомъ условіи снявъ цѣпи, посадили его въ шлюпку, но со связанными руками. На берегу онъ прибѣгнулъ къ новой хитрости: показывая видъ, что не узнаетъ мѣстности, онъ предложилъ сняться съ якоря и идти далѣе. Потомъ, когда рѣшали вопросъ отправиться далѣе или нѣтъ, онъ вдругъ разорвалъ на рукахъ веревку и побѣжалъ въ чашу. Но Пачеко былъ не изъ тѣхъ людей, у которыхъ можно было освободиться подобнымъ образомъ. Легкій какъ всѣ горцы, онъ бросился по слѣдамъ бѣглеца, и чрезъ минуту поймалъ его. Пиратъ въ бѣшенствѣ рычалъ какъ тигръ, кусался и вшивался ногтями, за неимѣніемъ другаго оружія, въ тѣло своего преслѣдователя. Но бой былъ не равный, и Робертсона заковали по рукамъ и по ногамъ.

Тогда началась новая сцена. Робертсонъ побѣжденный Пачекомъ, казалось наслаждался разсказомъ своихъ преступленій съ такимъ краснорѣчіемъ, съ такими подробностями, съ такою провнческою радостью, что приводилъ въ трепетъ самыхъ безчувственныхъ слушателей; но о

сокровищѣ ни слова. Только на этомъ пунктѣ онъ былъ нѣмъ предъ судьями своими. Угрозы Пачеко становились тѣмъ яростнѣе, чѣмъ оскорбительнѣе были насмѣшки преступника. Наконецъ, на зарѣ, Робертсона, снова разорвавшего ночью свои цѣпи, привели къ Пачеко. И такъ какъ и теперь онъ отказался отвѣчать, то снявъ съ него одежду привязали его къ пушкѣ, и два матроса начали ужасную операцію кошками, вымоченными въ уксуеѣ. Преступникъ перенесъ двадцать пять ударовъ не проронивъ ни слова, но когда послѣ паузы онъ увидѣлъ, что палачи засучили рукава для втораго дѣйствія, онъ почувствовалъ, что холодный потъ выступилъ на его тѣлѣ, и просилъ пощады, обѣщая на этотъ разъ полное сознаніе.

Въ ту же минуту была готова шлюпка, но Робертсона не заковали, считая это излишнимъ. По его просьбѣ дали ему стаканъ рому и нѣсколько минутъ отдохновенія. Выпивъ, онъ растянулся на палубѣ, закрылъ лицо руками и казалось заснулъ. Тѣ, которые наблюдали за нимъ въ эту рѣшительную минуту его жизни, замѣтили что по всему его тѣлу по временамъ пробѣгала трепеть, какъ будто онъ находился подъ вліяніемъ сильной горести. Вѣроятно, думалъ онъ о своей погибшей жизни, о бесполезныхъ преступленіяхъ, о долгой и непрерывной борьбѣ съ пренятствіями, кончившейся такимъ позоромъ. Черезъ часъ онъ всталъ самъ, черты лица исказились и побагровѣли. Я готовъ, сказалъ онъ. Вооруженная шлюпка ждала уже у борта.

Пачеко и Томеонъ начинали надѣяться. Какъ вдругъ Робертсонъ, садясь въ шлюпку, употребилъ послѣднее усиліе. Ударомъ ноги онъ оттолкнулъ шлюпку отъ берега, и въ тотъ же моментъ исчезъ подъ водою. За нимъ бросился матросъ, отлично плававшій, но сжатый за горло руками пирата, онъ едва не утонулъ и воротился. Когда Робертсонъ показался на волнахъ, внезапный крикъ вырвался изъ груди каждаго зрителя. Драма была кончена, и тайна навсегда погребена на днѣ океана.

Тогдашній губернаторъ Маріанскихъ острововъ, г. Мединилла, предалъ суду капитана Пачеко за его жестокость и неумѣнье выпытать Робертсона. Слухи носились, что цѣлая толпа работниковъ была послана на островъ Агриганъ для открытія сокровища. Но земля вѣрно хранила кладъ, зарытый въ нѣдрахъ ея, и пластры *Перувианца* еще ожидаютъ болѣе счастливаго сыщика.

ОБА ОКЕАНА.

(Часть четвертая и послѣдняя).

—

I.

ПАКОКО.

Послѣ льва—тигръ, послѣ орла—коршунъ, послѣ Моганы—Пакоко. Этотъ дикарь стоить серьезнаго изученія. Продолжительная жизнь его была полна кровавыми событіями, пока пули не прекратили злодѣйствъ людоеда.

Во французскихъ газетахъ, въ свое время много писали о Пакоко; но наши газеты всегда говорятъ не то, что надобно. Я не журналистъ, и скажу все. Если бъ послѣ этого какой газетчикъ вздумалъ опровергать мои показанія, то предвараю его, у меня есть неоспоримые документы на то, что я пишу.

Пакоко, котораго трагическую смерть я сейчасъ расскажу, заслуживаетъ нѣсколькихъ страницъ въ моей исторической галереѣ.

Для Нукагивцевъ Пакоко не умеръ. Онъ живетъ въ ихъ сердцѣ и памяти, онъ носится на облакахъ, летящихъ надъ ними. Если буря реветъ на морѣ, это значить рука Пакоко воздымаетъ волны. Если раскаты грома колеблуютъ небеса, это замогильный голосъ Пакоко, разсѣкающій пространство. Если молнія, извиваясь, поражаетъ и сожигаетъ, это дубина Пакоко, которая пролетаетъ по воздуху, стараясь поразить француза.

Если кровавая жизнь его займетъ немного у меня строкъ, то картины этой жизни займутъ много часовъ въ вашихъ сновидѣніяхъ.

И такъ примемся за эту исторію.

Французы внесли войну на островъ Нукагиву. Имъ нужно было овладѣть превосходнѣйшимъ рейдомъ океана. Блокгаузы съ бойницами и пушки, выглядывающія изъ амбразуръ, обезпечивали наше завоеваніе. Французскіе солдаты, какъ наглые завоеватели, грозили всякому островитянину, который осмѣливался думать или дѣйствовать по-своему.

Пакоко возсталъ противъ этого и сдѣлался нашимъ смертельнымъ врагомъ. Во французскихъ газетахъ его сильно обвиняли за это; я нахожу, что онъ былъ храбрый нукагивецъ, который хотѣлъ прогнать нашествіе иноземцевъ.

Пакоко былъ предводителемъ въ Аваго, прелестной бухтѣ, которой берега были заселены дикимъ и кровожаднымъ племенемъ, бывшимъ всегда въ войнѣ съ своими сосѣдями и находившимъ удовольствіе и славу въ убійствахъ и кровавыхъ пиршествахъ.

По обычаямъ Нукагивцевъ, всякій принесшій съ собою голову непріятели, имѣлъ право татуировать себѣ какое нибудь мѣсто на тѣлѣ. У Пакоко все тѣло было покрыто татуировкою: на бровяхъ, на губахъ, на ушахъ, на языкѣ, на ногтяхъ. Весь организмъ Пакоко обнаруживалъ мужество и силу, презирающія всякую физическую боль.

Ему было пятьдесятъ лѣтъ, и здѣсь это рѣдкая старость; но онъ былъ свѣжъ и силенъ, какъ двадцати-лѣтній юноша. Походка его была гордая, взглядъ сильный. Никто съ большою дерзостью не пускался на своей пироги въ волны буруна; никто такъ быстро не взлѣзалъ на кокосовыя деревья; никто съ такимъ искусствомъ не рубилъ головы.

Ростомъ онъ былъ не болѣе пяти футовъ девяти дюймовъ; онъ былъ широкоплечъ, съ длинными волосами, жилистыми руками, со станомъ древняго гладиатора. Дубиною своею въ пятьдесятъ фунтовъ вертѣлъ онъ какъ легонькою тросточкою.

Самъ Пакоко чувствовалъ себѣ цѣну. Онъ уже не разъ боролся съ французами, и головы ихъ, висѣвшіе въ его хижинѣ, доказывали его храбрость и искусство.

У себя онъ хотѣлъ быть страшенъ своимъ врагамъ, и достигъ своей цѣли.

Изъ пищи больше всего онъ любилъ человѣческое мясо, но не презиралъ и плодовъ. По нашимъ идеямъ, онъ былъ злодѣй за свое людоедство, а по своимъ, онъ хвасталъ превосходными своими обѣдами, въ которыхъ съѣдалъ по полу-французу.

Амаларикъ приговорилъ его къ смерти по-французскимъ законамъ;

но нукагивцы до сихъ поръ не понимаютъ, чтобъ Пакоко стоилъ чего либо кромѣ похвалъ и удивленія.

Они его упрекали въ *одномъ* пороку, и тотъ принадлежалъ европейцамъ. Онъ раза три въ недѣлю былъ пьянъ, пользуясь европейскимъ ромомъ и французскою водкой.

Прочія качества Пакоко состояли въ томъ, что онъ ударомъ кулака убивалъ быка, пинькомъ сваливалъ хижину, плечемъ опрокидывалъ кокосовое дерево.

Вотъ одинъ поступокъ, который сдѣлалъ ему много вреда въ глазахъ иностранцевъ, но о которомъ туземцы рассказывали какъ о самомъ обыкновенномъ и естественномъ дѣлѣ.

Два американца запоздали явиться на свой корабль, который дождалъ ихъ, поднялъ паруса и ушелъ, записавши ихъ дезертирами. Пакоко нашелъ ихъ на берегу, съ отчаяніемъ смотрѣвшими влѣдъ за ушедшимъ кораблемъ. Онъ ихъ взялъ къ себѣ въ хижину и обѣщалъ ихъ кормить, сколько имъ угодно. Американцы приняли его гостепріимство, тѣмъ болѣе, что имъ нечего было и дѣлать.

Пакоко вполне исполнилъ свое обѣщаніе. Онъ ихъ ежедневно угощалъ самыми лучшими плодами, самою вкусною рыбою; на ночь же давалъ имъ самыя мягкія цыновки.

Это гостепріимство продолжалось три мѣсяца. Однажды Пакоко встрѣтилъ одного изъ американцевъ на морскомъ берегу.

— Какао! (здравствуй), сказалъ ему Пакоко.

— Какао! отвѣчалъ американецъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь?

— Смотрю въ море, не увижу ли какого корабля?

— Развѣ тебѣ наскучила моя дружба и жизнь на Нукагивѣ?

— Нѣтъ, Пакоко! Но тебѣ можетъ наскучить оказывать намъ благодѣяніе, за которое мы не въ силахъ будемъ заплатить.

— Глупецъ! Можетъ быть и заплатишь легко за мое гостепріимство. Зачѣмъ вы, бѣлые, ѣздите сюда? Значитъ вамъ ѣсть нечего у себя дома?

— Пища есть вездѣ. Но хочется прибрѣсть запасъ на старость.

— Думать о старости, когда сегодня можетъ быть тебя не будетъ въ живыхъ.

— Смерть можетъ всегда застать, лишь бы нищета не застала.

— Вздоръ! живи сегодня, а о завтрѣ недумай... А! вотъ идутъ мои два товарища, мы сговорились завтракать на горѣ. Пойдемъ съ нами.

— Охотно.

Черезъ два часа ходьбы все были на горѣ.

— Взгляни, бѣлый, сказалъ Пакоко, хороше ли видѣ?

— Великолѣпный!

— Не видать однако твоихъ кораблей.

— Какъ быть, авось придутъ.

— Можетъ быть, только не для тебя: *твоей* путь конченъ.

Я тебя три мѣсяца кормилъ на славу, а теперь хочу попробовать вкусно ли твоё тѣло?

— Ты вѣрно хочешь поугатъ меня?

— Это французская манера. Нукагивецъ говоритъ и дѣйствуетъ.

Тотчасъ же Пакоко съ товарищами приготовили себѣ завтракъ, по окончаніи котораго оставили кости американца на горѣ и возвратились домой.

— Гдѣ мой товарищъ? спросилъ у Пакоко другой американецъ.

— Остался на горѣ. Видѣ оттуда такъ хороше, что онъ выпросилъ позволеніе построить себѣ тамъ хижищу. Я позволилъ, и онъ просилъ привести туда *тебя*.

— Пойдемъ же сейчасъ.

— Нѣтъ! теперь я усталъ; другой разъ. При томъ же, пусть онъ тамъ устроится. Мы нечаянно навѣстимъ его.

Дѣлать было нечего. Поневолѣ должно было остаться, хотя нѣкоторое сомнѣніе и волновало сердце другаго американца.

Черезъ нѣсколько дней Пакоко сказалъ ему:

— Ну, вотъ сегодня пойдемъ къ твоему товарищу. Я голоденъ и мы позавтракаемъ на горѣ.

Къ Пакоко присоединились прежніе его товарищи. Американецъ добѣжалъ до горы и сталъ звать своего земляка.

— Не безпокойся, сказалъ Пакоко, ты его сейчасъ увидишь.

— Что это? вскричалъ американецъ, дойдя до мѣста ужаснаго пиршества. Кости?

— Это остатки твоего друга.

— А, такъ ты и меня за этимъ же привелъ?

— Разумѣется.

— И никакого нѣтъ средства къ помилованію?

— О! не безпокойся, я великодушно поступлю. Я не заставлю тебя страдать; одинъ ударъ — и все кончено.

Совершилось и второе злодѣйство, второе пиршество, и самъ Пакоко рассказывалъ объ этомъ всемъ намъ, воображая, что онъ поступилъ какъ *джентльменъ*.

Когда мы пришли на островъ и овладѣли имъ, Пакоко владѣлъ до-

линою, отдаленною отъ нашей военной колоніи и почиталъ себя независимымъ. Мы ему дозволили сохранить эту пріятную мечту, но въ самомъ дѣлѣ стѣснили всѣ его дѣйствія.

Въ Нукагивѣ командовалъ тогда маіоръ французскій Амаларикъ. Это былъ офицеръ, который любилъ солдатъ своихъ, какъ собственныхъ дѣтей, не позволяя имъ однакоже выходить на волосъ за черту дисциплины. Положеніе его было довольно затруднительное. Вездѣ враги то явные, то скрытые. Долго успѣвалъ онъ сохранять свою твердостью всеобщій миръ.

Вдругъ пришелъ на рейдъ англійскій китоловный гальотъ. Островитянки толпами бросились на корабль, и явленія, происшедшія при этомъ, потребовали посредничества Амаларика. Онъ забралъ виновныхъ и посадилъ ихъ подъ стражу.

Между этими виновными были двѣ родственницы Пакоко, который поклялся отмстить за это. Плюнувъ на землю, засыпалъ онъ пескомъ свою слону. Это величайшая клятва на Нукагивѣ.

Французовъ предупредили, и тѣ приняли всѣ мѣры осторожности. Не удаляясь отъ своихъ укрѣпленій, они иначе не выходили, какъ въ полномъ вооруженіи.

Амаларикъ чувствовалъ, что и успѣхъ при столкновеніи будетъ имѣть вредныя послѣдствія для колоніи. Онъ предпочелъ вести переговоры, и обратился къ Моганѣ, котораго вліяніе простиралось на всѣ острова.

Могана согласился быть нашимъ переговорщикомъ, и выговоривъ себѣ за это достаточное количество французской водки, отправился къ Пакоко, который былъ личнымъ его врагомъ.

— Подаю тебѣ правую мою руку, сказалъ онъ ему, войдя въ его хижину. Я тебѣ принесъ слова мира отъ французовъ.

— Съ злодѣями и измѣнниками нѣтъ мира, мрачно отвѣчалъ Пакоко. Я не вѣрю ихъ словамъ.

— Что они тебѣ сдѣлали?

— Странно, что ты спрашиваешь объ этомъ!

— Но вѣдь при мирѣ всякій представляетъ свои условія; объяви, чего ты хочешь.

— Пожалуй. Французъ заперъ подъ стражу нѣсколько нашихъ женщинъ, пусть онъ мнѣ такое же число дастъ мужчинъ французовъ, и я тоже посажу.

— А потомъ возвратишь ему?

— Пожалуй.

— Живыми.

— Это уже мое дѣло. Я оскорбленъ и долженъ отметить.

— Берегись, Пакоко, французскія пули быстры.

— Наши дубинки тоже раздробляютъ черепъ.

— И это твое послѣднее слово?

— Послѣднее.

Могана былъ душевно доволенъ своимъ неуспѣхомъ. Всякая борьба ослабляла и насъ, и Пакоко. А потому, возвратясь къ Амаларикку и передавъ ему слова врага, онъ совѣтовалъ французамъ наказать его силою оружія.

Амаларикъ хорошо зналъ Могана, и отвѣчалъ, что подумаетъ объ этомъ.

Могана ушелъ и началъ по возможности разсѣвать раздоръ. Обѣ стороны готовы были къ бою; нуженъ былъ только случай для того; онъ незамедлил представиться.

Строжайше было запрещено солдатамъ отходить отъ своихъ постовъ и переходить за черту, назначенную для обоюдныхъ границъ. Это была небольшая рѣчка, въ которой колонія обыкновенно стирала свое бѣлье.

Однажды, когда солдаты наши занимались этою работою, показались на другомъ берегу нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ и знаками приглашали французовъ на свиданіе. Тѣ бросились къ нимъ вплавь, но едва они вышли на берегъ, какъ стояшіе въ засадѣ канаки захватили ихъ, умертвили и тутъ же съѣли.

Одинъ только успѣлъ спастись и явиться къ Амаларикку.

Тотчасъ же ударили тревогу; прибѣжали къ рѣкѣ, тамъ все уже исчезло. Амаларикъ видѣлъ необходимость дѣйствовать оружіемъ, а между тѣмъ послалъ приказаніе, чтобъ Пакоко явился въ колонію. Тотъ, разумѣется, и не отвѣчалъ на подобное требованіе. Но и Амаларикъ въ свою очередь объявилъ, что или онъ явится, или долина Аваго не будетъ существовать.

Дѣйствительно, стѣсненный со всѣхъ сторонъ французскими отрядами, Пакоко видѣлъ, что ему нельзя избѣжать плѣна, и прислалъ сказать, что намѣренъ вести переговоры о капитуляціи. Амаларикъ отвѣчалъ, что съ убійцами не ведутъ переговоровъ, но требуютъ, чтобъ они явились къ суду, и тамъ выслушаютъ его оправданіе.

— Буду ли я свободенъ въ твоёмъ лагерѣ? спросилъ Пакоко.

До приговора, будешь свободенъ.

— Какъ же со мною поступать?

— Если военный судъ, который будетъ судить тебя, оправдаетъ

тебя, то ты возвратишься свободнымъ. Если же объявить виновнымъ, то будешь преданъ смерти.

— Какой же смерти?

— Тебя разстрѣляютъ.

— Мы вѣримъ между нами, что послѣ земной жизни, есть другая, вѣчная. Не убиваютъ ли пули европейцевъ такимъ образомъ, чтобъ прекратить и будущую жизнь?

— О, нѣтъ, будь спокоенъ.

Пакоко явился. Его заперли въ блокгаузъ и судебное слѣдствіе началось. Болѣе всего занимало его то, какую смертію онъ умретъ. Съ почетною своею татуировкою ни какъ не хотѣлъ онъ быть повѣшеннымъ. Казнь не пугала его, но униженіе. Впрочемъ мужество ни на минуту не оставляло его. Онъ съ величайшимъ аппетитомъ ѣлъ приносимую ему пищу, хотя и увѣренъ былъ, что она отравлена.

— Я знаю, говорилъ онъ, что вы меня угощаете ядомъ! Но не все ли равно? Завтра пуля, сегодня ядъ, конецъ одинъ; давайте больше!

Начался и судъ. Пакоко привели за конвоемъ, но свободнымъ. Онъ отвѣчалъ ясно и коротко на всѣ вопросы. (У насъ были переводчики: Патеръ Франсуа и Мато-Тутмеръ.

— Твое имя?

— Пакоко?

— Который годъ?

— Сегодня послѣдній годъ, день и часъ.

— Званіе?

По вашему, король Авагойской долины, куда я возвращусь послѣ того, какъ вы меня убьете.

Ты знаешь, что ты обвиненъ въ убійствѣ пяти французовъ, которыхъ твои женщины заманили въ западню?

Зачѣмъ они были глупы и пошли къ женщинамъ? Я ихъ не убивалъ. Они подрались съ моими канаками, и тѣ побѣдили и съѣли. Принесли и мнѣ, но я только попробовалъ, мясо было не вкусно. Вы вѣрно худо ихъ кормите.

— Но голова одного солдата была найдена въ мораяхъ Авагойской долины. Значитъ, ты одобрилъ это убійство.

— Я принесъ нашему богу въ подарокъ голову бѣлаго. Это очень пріятная жертва.

— Наканунѣ убійства, ты въ парадномъ своемъ собраніи пе-

реломилъ вѣтвь *гойа*. Это у васъ значить война и убійство, не такъ-ли?

— Точно такъ.

— Слѣдственно, ты приказалъ убійство.

— Дѣлай какое хочешь заключеніе. Являясь къ вамъ, я зналъ какая участь меня ожидаетъ, и ты видишь, что я не испугался.

— Ты уже неможъ далѣе отступать.

— Отступая, я бы подвергся стыду, а для меня смерть предпочтительнѣе стыда.

— Не можешь ли ты еще чѣмъ оправдаться?

— Развѣ я оправдывался?

— Судьба твоя теперь будетъ рѣшена.

— Только пожалуйста поскорѣе.

Единогласно Пакоко былъ осужденъ на смерть; онъ спокойно выслушалъ приговоръ, поклонился судьямъ, подошелъ къ каждому, пожалъ руку, улыбался каждому и потомъ пошелъ на мѣсто казни.

Она была во рву подъ блокаузомъ. Въ десяти шагахъ отъ взвода солдатъ остановился онъ, спокойно посмотря на нихъ. Раздался выстрѣлы, и Пакоко палъ. Тѣло его погребено тутъ же.

Спросите теперь у канаковъ гдѣ Пакоко? Они вамъ скажутъ, что онъ скрывается и явится, когда настанетъ день мщенія. Всѣ въ этомъ увѣрены, всѣ клянутся его именемъ, и я боюсь, что скоро настанетъ день, когда тѣнь Пакоко будетъ погубна для французской колоніи, каждый нугагивецъ видѣлъ гдѣ нибудь Пакоко, кто въ лѣсу ночью, кто въ облакахъ, кто въ морскихъ буряхъ.

II.

ВИЗИТЬ КЪ МОГАНЪ.

Это была непродолжительная, но тяжелая прогулка. Мнѣ надобно было сдѣлать визитъ Моганъ. Молодая пятнадцати-лѣтняя Тіано взялась быть моимъ провожатымъ, съ условіемъ, что я ей за это подарю красный платокъ.

Я съ удовольствіемъ согласился. Мы пошли въ путь.

— По какой же дорогѣ хочешь ты идти, *Атако* (Араго)?

— Гдѣ есть деревья, тѣнь, в гдѣ не жарко.

— По такой дорогѣ мы пробудемъ три дня и три ночи въ пути.

— Ну, такъ веди меня куда хочешь.

— Есть кратчайшая дорога, но она трудна.

- Для тебя, или для меня?
- Для меня нѣтъ трудной дороги.
- Такъ я пойду по твоей.
- И будешь совершенно безопасенъ.
- Чего же мнѣ опасаться. Вѣдь вы не въ войнѣ съ нами.
- Бѣлые рѣдко бываютъ съ кѣмъ нибудь въ мирѣ.
- За то, что ихъ встрѣчаютъ вражески.
- Меня, конечно, ты не можешь назвать своимъ врагомъ. Братья мои, можетъ быть, съѣли нѣсколько бѣлыхъ, но это оттого, что они въ это время были голодны.
- А ты сама ѣла бѣлыхъ?
- Ахъ, Атако! Посмотри какая туча, пойдѣмъ, на дождѣ тебѣ не будетъ жарко.

Я замолчалъ и пошелъ. Туча служила мнѣ отвѣтомъ на вопросъ. Ласковая пятнадцати-лѣтняя дѣвушка внушила вдругъ мнѣ какой-то ужасъ. Я старался дорогою какъ можно болѣе кормить ее сухарями и бисквитами, чтобъ она не проголодалась.

Съ полчаса шли мы по бурьяну высокому, густому, колючему, и я удивлялся, что босыя ноги моей спутницы не страдали отъ этой ужасной дороги. Она пѣла весело и беззаботно. Тропическій дождь обливалъ насъ; мы начали входить на гору по извилистой тропинкѣ, а моя Тиана распускала только свои волосы по вѣтру.

На вершинѣ горы былъ чувствительный холодъ, и моя проводница впервые выразила неудовольствіе на погоду, стараясь грѣться разными скачками и движеніями. Я же съ удовольствіемъ замѣтилъ, что на горѣ нѣтъ насѣкомыхъ, которыя до тѣхъ поръ провожали насъ.

Вотъ и хижины! вскричала Тиано, схвативъ мою руку.

— Чьи? спросилъ я.

— Могана, весело отвѣчала она мнѣ. Онъ манитъ насъ рукою, пойдѣмъ скорѣе.

Надѣясь, что Могана неголоденъ, я храбро пошелъ къ нему.

— *Кауа Тайо!* (Здравствуй, другъ), сказалъ мнѣ островитянинъ, дружески ударивъ меня по плечу. Садись на мою циновку и отдохни; мы послѣ поѣдимъ.

Читатель долженъ знать, что на Маркизскихъ островахъ и въ новой Каледоніи слово *тайо* не одинъ пустой звукъ. Это серьезное, огромное значеніе. *Тайо* не только *другъ*, онъ братъ, отецъ и больше. Если ты мой *Тайо*, то долженъ за меня броситься въ пропасть, драться за меня, служить мнѣ щитомъ во время опасности, съ

опасностью своей жизни спасать меня отъ морскихъ волнъ, и быть всегда и вездѣ моимъ защитникомъ.

Я зналъ всю цѣну этого слова, сказаннаго канакомъ, и однако же, почувствовавъ дремоту послѣ ходьбы, прежде всего подумалъ о средствахъ къ защитѣ, въ случаѣ нападенія или измѣны.

Я вскорѣ заснулъ. Черезъ два часа я проснулся и былъ одинъ. Я всталъ и началъ осматривать (руками) всю хижину.

Хижина была четырехугольная, и не имѣла другаго отверзтія кромѣ двери въ четыре фута вышины. Направо ощущалъ я свернутыя цыновки, двѣ дубины. Одна была съ рѣзною работою на обоихъ концахъ, а другая состояла изъ челюсти акулы, вставленной на кусокъ желѣзнаго шеста.

Подлѣ дубины ощущалъ я черепъ, потомъ другой, потомъ третій, потомъ четвертый и еще мокрый. Я отскочилъ. Въ эту минуту вошелъ Могана и рассказалъ мнѣ, какъ услужливый хозяинъ, исторію своей коллекціи.

— Вотъ черепа трехъ канаковъ, которые осмѣлились нарушить мое *табу*. Вотъ два черепа съ англичанъ, въ которыхъ впрочемъ я нашелъ мало мозга. Вотъ еще двѣ челюсти испанцевъ, которые, выйдя на берегъ въ Тайгагоя, стали грабить хижины наши. Вотъ черепа другихъ европейцевъ изъ страны, тебѣ извѣстной.

Мнѣ становилось страшно. Я заговорилъ, что пора идти.

— Ты добрый человекъ, сказалъ Могана съ ласковостью тигра, — отчего бы тебѣ неостаться совѣмъ у насъ?

— У меня тамъ родина, семья...

— Зачѣмъ же ты ихъ оставилъ?

Эти слова какъ угрозы разбойника, напомнили мнѣ участь американцевъ.

Въ эту минуту товарищи Могана пригласили всѣхъ къ столу, то есть мы усѣлись на полъ на цыновкѣ, и передъ нами поставили кусокъ молодой свинины. Хозяинъ и товарищи его что-то тихо заговорили между собою и отрѣзали мнѣ большой кусокъ. Воображеніе мое разыгралось. Я сказалъ, что чувствую себя очень нездоровымъ, и взявъ кусокъ хлѣба съ солью да кружку воды, тѣмъ кончился мой обѣдъ.

Мои же застольники безпрестанно подливали себѣ чаши съ европейскою водкой. Пьяное состояніе ихъ, еще больше обезпокоивало меня. Я всталъ и потребовалъ свою проводницу для обратнаго путешествія.

— Возьми одного изъ моихъ товарищей, сказалъ Могана. Онъ лучше будетъ поддерживать тебя.

— Да его-то самого ноги худо будутъ поддерживать послѣ попойки. Позови мнѣ лучше мою Тіоно.

— Она ужъ не придетъ.

Мнѣ стало страшно.

— Отчего же? развѣ ты запретилъ ей?

— Я ужъ не могу ни запрещать ей, ни приказывать.

— Такъ она ушла?

— И очень далеко.

Я замолчалъ на минуту; холодъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ, однако же я рѣшился сказать:

— Могана! я требую свою проводницу, и не пойду безъ нея. Если ты не возвратишь мнѣ ее, то не заслуживаешь имени *тайо*, которое самъ мнѣ далъ.

— Ты самъ, какъ *тайо*, долженъ былъ раздѣлить мой обѣдъ, а ты отказался. Я же, какъ *тайо*, угощалъ тебя всѣмъ, что было лучшаго.

Молча взялъ я за руку сидѣвшаго возлѣ меня человѣка и просилъ его быть моимъ провожатымъ, а Могану просилъ возвратить Тіоно.

— Будь спокоенъ, отвѣчалъ онъ. Она уже въ безопасномъ мѣстѣ.

Я почти бѣгомъ дошелъ домой, и на другое же утро отправился къ матери Тіоно.

— Гдѣ твоя дочь? спросилъ я.

— Тамъ, на облакахъ, отвѣчала она спокойно.

— Какъ? Такъ отправляя ее со мною, ты знала объ участи, которая ожидала ее?

— Знала, потому что Могана требовалъ ее у меня, чтобъ угостить тебя.

Чего же достигли наши миссіонеры? Какъ ихъ слушаются нукагивцы!

III.

ПОГРЕБЕНІЕ.

Дайте мнѣ хлора, чтобъ очистить воздухъ, платья мои, волосы, все тѣло. Я имѣлъ духъ присутствовать при погребеніи нукагивца.

Вотъ хижина умершаго. Тамъ поютъ, пляшутъ, смѣются и плачутъ попеременно; тамъ пьютъ и ѣдятъ. Дверь отперта, всѣ родные и знакомые имѣютъ право войти и присутствовать при церемоніи.

Умершій лежитъ на цыновкѣ. Жена, мать, сестра, или ближайшій родственникъ поддерживаетъ ему голову, а другая особа натираетъ его

кокосовымъ масломъ. Этого масла наливаютъ въ ноздри, въ уши, въ глаза, въ ротъ.

Это натираніе и наливаніе продолжается часъ. Не забудьте, что все это дѣлается подъ лучами вертикальнаго солнца, въ хижинѣ, гдѣ нѣтъ никакого отверзтія и прохлады для очищенія воздуха.

Три дня и три ночи лежитъ потомъ тѣло, и благодаря напитанности масломъ, не портится. Черезъ три дня кладутъ его между двумя толстыми досками, на которыя становятся нѣсколько людей и всѣми силами топчутъ ногами до тѣхъ поръ, пока трупъ сплющится.

Эта операція продолжается тоже три дня, при этой жарѣ и духотѣ.

Потомъ отдѣляютъ голову отъ туловища. Теперь все кончено, и умершаго можно хоронить.

Какъ далеко думаете вы несутъ его? Оставляютъ въ той же хижинѣ, гдѣ происходили всѣ эти операціи. Подлѣ него кладутъ все лучшее, что онъ имѣлъ; дверь запирается, и хижина эта объявляется *табу*. Уваженіе къ умершимъ составляетъ здѣсь главное основаніе религіи.

Вы, господа туристы и путешественники, если вамъ захочется составить музей оружія, одежды и домашнихъ вещей нукагивцевъ, то толкните ногою въ дверь хижины, прикрытой листьями *randanus*, протяните руку, и подлѣ череповъ, украшенныхъ всѣми волосами, вы найдете дубины, военные топоры изъ желѣзнаго дерева, копья, смоченныя кровію, стрѣлы, которыхъ остріе закалено на огнѣ, пироги со всѣми снастями. Здѣсь все, что въ жизни служило покойнику, все, чѣмъ онъ славился, все, что ему было дорого.

Странные люди! Непостижимые обычаи!

— Отчего, спросилъ я, всѣ эти пѣсни, пляски и слезы надъ тѣломъ покойника?

— Мы его такъ любили, отвѣчаютъ они, ударяя себя въ грудь.

— Зачѣмъ вы его такъ уродуете прежде погребенія?

— Онъ былъ такъ храбръ въ битвахъ.

— На что вы положили подлѣ него все его оружіе, которымъ онъ теперь не въ состояніи владѣть?

— Потому что послѣ него никто бы не владѣлъ имъ такъ искусно.

— Чтожъ, по вашему мнѣнію, онъ теперь дѣлаетъ?

— Онъ счастливъ. Онъ гуляетъ выше молніи. Онъ бодрствуетъ надъ нами; онъ охраняетъ насъ отъ враговъ; онъ всегда будетъ предводити нами.

Но если у кого нѣтъ отдѣльной хижины, того несутъ въ лѣсъ. Четыре человѣка взваливаютъ его на плеча; родственники молча идутъ

за ними въ самую густую часть лѣса. Здѣсь есть общее кладбище *моран*.

Не ищите могилъ подъ вашими ногами, а смотрите вверхъ. Тамъ, на вершинѣ самыхъ высокихъ деревьевъ выставлены черепы умершихъ, а тѣло опущено въ душло. Горе ботанику, пиземцу, который-бы проникъ въ это кладбище: онъ подвергся бы неминуемой смерти.

IV.

ТАБУ И ТАТУИРОВКА.

Слова *табу* составляетъ всю религію здѣшнихъ островитянъ. Какъ скоро жрецъ произнесетъ надъ чѣмъ нибудь *табу*, горе тому кто нарушилъ его. Все, что объявлено *табу*, неприкосновенно. Смерть ожидаетъ нарушителя.

— *А мое!* Что ты такъ печально и безмолвно сидишь у своей хижины? спросилъ я однажды молодую дѣвушку.

— Жду.

— Чего?

— Яла. Миѣ принесутъ его сегодня или завтра.

— Чтожъ ты сдѣлала?

— Незнавши нарушила *табу*.

— Такъ ты не виновата. Уйди, бѣги, спасайся.

— Куда идти? проклятіе жреца вездѣ достигнетъ меня, и притомъ же никто не захочетъ принять меня.

— Кромѣ насъ, которые не вѣрятъ въ силу твоихъ жрецовъ и въ которыхъ больше челоѣколюбія.

— Ты ошпаешься. Они гораздо сильнѣе васъ, и однимъ словомъ, однимъ движеніемъ руки истребятъ васъ, если захотятъ.

— Попробуй. Пойдемъ со мною. Я обещаю охранить тебя отъ всякаго насильства.

— *Матано* (почъ въ глазахъ), не могу. Миѣ объявлено, что я должна умереть ядомъ, и я его жду.

Бѣдная Атоэ черезъ нѣсколько часовъ умерла въ ужасныхъ мукахъ. Мать сидѣла надъ нею и не плакала. Жрецъ велѣлъ умереть, и уже никто не смѣетъ сказать: не *хочу!*

Здѣсь *табу* можетъ простираться на всѣ предметы.

— Женщина! не кури изъ этой трубки: она касалась до губъ мужчины. Ты умрешь за это.

— Женщина! не надѣвай этого платка: къ нему прикоснулся жрецъ. Ты должна будешь умереть отъ яда.

— Сегодня море *табу*, не купайтесь, вамъ выколятъ глаза.

— Кокосое дерево объявлено *табу*. Ребенокъ прибѣжалъ подъ тѣнь его. Ребенка убиваютъ дубиною.

Вотъ ведутъ женщину на вершину горы, чтобъ принести ее тамъ на жертву разгневаннѣмъ богамъ. Она выпила воды изъ кружечки, объявленной *табу*.

Если дитя нечаянно наденетъ на себя *парво* своей матери или сестры, послѣднія не смѣютъ уже надѣвать его больше.

Сегодня я могу сидѣть на этомъ камнѣ, завтра онъ *табу*, и меня убьютъ, если я прикоснусь къ нему.

Съ такого-то часа до такого я могу ѣсть апельсины, въ другіе часы они *табу*.

Чтобъ имѣть право ѣсть съ предводителемъ изъ одной чашки, у меня должна быть правая рука татуирована, иначе ее отрубятъ.

Если я закурю трубку на томъ огнѣ, гдѣ раскаляютъ желѣзо, то мнѣ выколятъ глаза.

Если пирога идетъ къ востоку, то садитесь лицомъ впередъ, если къ западу, то задомъ.

Однимъ словомъ, что вчера было запрещено, то сегодня позволено, и наоборотъ. То, что вы вчера дѣлали, сегодня запрещено подъ смертною казнью. И при всемъ этомъ народъ этотъ веселъ и безпеченъ.

Поговоримъ теперь о татуировкѣ. Я здѣсь срисовалъ всѣхъ кого зналъ и видѣлъ въ моемъ альбомѣ. Но за то и ихъ самихъ разрисовалъ всеми возможными красками и всякими фигурами. Всѣ боги древняго Олимпа красуются на ихъ тѣлахъ; всѣ возможные музыкальные инструменты расписаны на всѣхъ щекахъ здѣшнихъ дамъ.

Татуировка Моганы превосходна и по всемъ правиламъ математическихъ размѣровъ. Еслибъ простой канакъ смѣлъ на тѣлѣ своемъ сдѣлать себѣ какое либо изображеніе, находящееся на Моганѣ, то у него по закону вырѣзали бы это мѣсто.

Когда меня соотечественникъ мой рекомендовалъ Моганѣ съ титуломъ такого же короля, какъ онъ, то нукагивецъ быстро разстегнулъ мой жилетъ, чтобъ осмотрѣть татуировку моей груди, и чрезвычайно удивился, не найдя ни одной фигуры. Я увѣренъ, что эта бѣдность очень повредила мнѣ въ мнѣни Моганы.

Вы, можетъ быть, хотите знать какъ дѣлаются эти великолѣпныя татуировки? очень просто. Въ концѣ палочки, толщиною съ перо и длиною въ четыре—пять дюймовъ, вертикально придѣланы три острія. При-

ставя ихъ къ тѣлу лѣвою рукою, бьютъ въ правой рукѣ другую такую же палочкою по первой. Острія углубляются въ тѣло тихо, медленно и почти безъ боли. Едва въ микроскопъ увидите вы выступающую кровь. Послѣ этого тотчасъ трутъ это мѣсто зеленымъ древеснымъ листомъ, котораго сокъ соединяется съ кровью и образуетъ на кожѣ тройную си- нюю линію, чрезвычайно красивую.

Одинъ молодой канакъ вздумалъ недавно выгравировать на груди своей акулу, кусающую свой хвостъ, и потерялъ за это два пальца пра- вой руки, отрубленные у него по закону.

Въ одно утро, когда Могана вышилъ еще не болѣе пяти-шести бу- тылокъ водки, я сказалъ ему, что желалъ бы обойти весь островъ, но для этого вѣрно мнѣ нуженъ будетъ охранный листъ.

— Да, конечно! отвѣчалъ онъ. Иначе жизнь твоя подвергается опасности.

— Можешь ли ты мнѣ дать подобный листъ?

— Охотно. Только мы пишемъ не на бумагѣ, а на тѣлѣ.

— Что это значитъ?

— Тебѣ надобно татуироваться.

— И это спасетъ меня?

— Смотря по рисункамъ. Напримѣръ, мой дѣлаютъ неуязвимымъ.

— Ну, такъ я согласенъ.

— Да вѣдь эту татуировку надобно заслужить.

— Чѣмъ же?

— Убить канака и съѣсть его.

— Да гдѣ-жъ я пойду искать его?

— Въ любой хижинѣ. Хочешь я тебѣ приведу его.

— Нѣтъ, благодарю. Я пойду по острову другой разъ, когда буду голоденъ.

Странный народъ нукагивцы! Они то кротки какъ бараны, то сви- рѣны какъ тигры; ихъ легко приучить ко всему, что вздумается учи- телямъ, если до тѣхъ поръ они не убьютъ своихъ наставниковъ. Они бы охотно питались плодами и овощами. Если мы лѣтъ тридцать будемъ владѣть этимъ островомъ, то можетъ быть нукагивцы и пе- реродятся.

Все дико и свирѣпо на Нукагивѣ. Но женщины тамъ довольно милы и любезны.

Я описалъ вамъ одну ихъ пѣсню подъ звуки палочекъ, обозначаю- щихъ кадансъ музыкальной фразы. Вотъ другая пѣсня.

Двѣ дѣвушки, лѣтъ по двѣнадцати, сидѣли у хижины и начали пѣть вдвоемъ родъ музыкальнаго разговора. Ритмъ былъ тихъ, спокоенъ и

исполненъ мелодіи. Въ немъ было всего три ноты, то короткія, то длинныя, оканчиваясь всегда отрывисто.

— Знаешь ли, Таита, отчего мужчина сильнѣе женщины?

— Нѣтъ, не знаю,

— Хочешь, я скажу тебѣ.

— Скажи, только я не повѣрю тебѣ.

— Почему же не повѣришь?

— Потому что я знаю, что женщина сильнѣе мужчины. Истинная сила состоитъ не въ тѣлѣ, а въ душѣ.

— Отчего же мы имъ повинемся?

— Оттого, что это намъ выгодноѣе.

— Чѣмъ же? растолкуй.

— Когда ты выйдешь замужъ, то узнаешь.

— Такъ я поскорѣе хочу выйти замужъ, чтобъ узнать твою загадку.

— Не торопись. Съ выгодами владычества ты узнаешь и неприятности.

Завтра я отправлюсь опять во Францію. Простите, милыя Нукагивявки. Я сохранию объ васъ воспоминаніе даже и въ отечествѣ, гдѣ конечно встрѣчу больше фразъ, но менѣе чувства.

V.

НОВАЯ КАЛЕДОНИА.

Мы въ трехъ кабельтовыхъ отъ берега. Дано приказаніе бросить якорь. Корветъ задрожалъ, остановился.

Нѣсколько пиро́говъ подъѣзжаютъ къ кораблю; мужчины, женщины, дѣти, предлагаютъ на своемъ діалектѣ плоды и овощи.

Вы даете имъ въ обмѣнъ платки, удочки. Васъ приглашаютъ отдохнуть, погостить въ хижинахъ. Вы идете на этотъ дружескій зовъ. Настаетъ ночь. Вамъ стелютъ мягкія циновки, угощаютъ васъ все́мъ, что есть лучшаго.

Поутру проснувшись, вы обвѣщаете все́хъ разкашиковъ о нравахъ Новой Каледоніи и записываете въ своемъ журналѣ, что въ бухтѣ Тагиро, на восточномъ берегу Новой Каледоніи приняли, васъ самымъ дружественнымъ образомъ; что островитяне эти самые ласковыя и гостеприимныя люди; что весь островъ—прекрасное жилище; что все́е прежнее путешественники нагнали; что вы не видѣли ни человѣческихъ костей по берегу, ни кровавыхъ череповъ въ хижинахъ.

Вы просто неосторожные люди, которые повѣрили ласкамъ, подъ которыми скрыта измѣна, пожатіямъ рукъ, которыя выражаютъ тайную ненависть.

Нѣтъ! вѣрьте истинѣ и опытности предшествовавшихъ вамъ на этомъ островѣ и оплакивающихъ потерю брата или друга, съѣденнаго здѣшними людоедами.

Въ чемъ состоитъ всеневная жизнь каледонянна?

Съ восходомъ солнца идетъ онъ на берегъ, садится въ свою пирогу объ одномъ веслѣ и смѣло отправляется въ море. Стоя въ лодкѣ, быстро озирается онъ, чтобъ замѣтить *дораду*, бросаетъ въ нее свой желѣзный гарпунъ о трехъ зубахъ, и тащитъ свою добычу къ берегу.

Тутъ разрѣзываетъ онъ рыбу и не варивши, не жаривши, съѣдаетъ ее сырую, закусывая бананами. Копчивъ свой обѣдъ, онъ ложится и ждетъ ночи.

Можно было бы вымостить цѣлый островъ костями людей, погибшихъ подъ зубами этихъ людоедовъ. Перечтемъ наскоро нѣсколько случаевъ.

Въ 1837 году одно американское китоловное судно бросило якорь передъ Тагиро. На другое утро весь экипажъ погибъ. Весь былъ умерщвленъ во снѣ руками женщинъ.

Годъ спустя, *Каиманъ* изъ Балтимора лишился лучшихъ своихъ четырехъ матросовъ, которыхъ изуродованныя и объединныя тѣла островитяне отправили на корабль въ видѣ вызова экипажа для произведенія десанта. Экипажъ дѣйствительно вооружился, сошелъ на берегъ и бросился преслѣдовать толпу островитянъ въ лѣсъ. Въ это время другія толпы устремились на судно, перебили тамъ оставшихся караульныхъ и зажгли корабль. Сошедшіе на берегъ также все погибли послѣ ужасной рѣзни и мученій.

Не могу далѣе продолжать. Еще недавно четырнадцать французскихъ матросовъ и два офицера погибли здѣсь жертвою ужаснѣйшей измѣны. Послѣ того погибъ тутъ корабль *Алжмена*. А мы за это сожгли тридцать хижинокъ и пятьдесятъ кокосовыхъ деревьевъ. Убийцы же цѣлы и невредимы.

Нѣтъ! ихъ надобно всехъ истребить, иначе они неперестанутъ убивать всехъ европейцевъ, которые будутъ ввѣряться имъ.

VI.

ТАНТИ.

Привѣтствую сердцемъ эту цвѣтущую бесѣдку зелени, выдающуюся

изъ волнъ Океана и омываемую самыми прозрачными волнами на всемъ земномъ шарѣ.

Привѣтно кланяюсь знаменитому острову, почти въ одно время открытому Бугенвилемъ и Кукомъ, и брошенному потомъ любопытству другихъ путешественниковъ.

Привѣтно кланяюсь Таити, котораго кокосовыя деревья выросли до облаковъ, а тихій, благоуханный вѣтерокъ ежедневно освѣжаетъ своимъ кроткимъ дыханіемъ.

Вотъ онъ! Вездѣ зелень, въ основаніи, на вершинѣ, на скатахъ, вездѣ роскошная растительность, утомляющая зрѣніе. Воздухъ, солнце и зефиры играютъ посреди сѣблхъ плодовъ.

Всѣ мои пріятнѣйшія воспоминанія оживляются при приближеніи къ этому острову, гдѣ уже столько вѣковъ жизнь составляетъ одну радость, чуждую всѣхъ страстей.

Мои Каролинскіе, мои Маріанскіе острова съ гостепріимными своими нравами; мои утреннія прогулки посреди *панданусовыхъ* лѣсовъ, *римасовъ* и банановъ; мои отдохновенія въ хижинахъ ласковыхъ хозяевъ, мои прозрачныя ручьи, мои волнистыя берега, гдѣ волна замираетъ со вздохомъ, а все это вспомнилъ, и сдѣлался двадцатью годами моложе.

Въ небольшомъ промежуткѣ времени Кукъ и Бугенвиль открыли Таити. Оба они дали объ этомъ островѣ различное сужденіе, и оба были правы. Характеры мореплавателей объясняютъ это. Кукъ былъ вспыльчивъ, жестокъ и строго наказывалъ. Онъ сурово обходился съ жителями открытыхъ острововъ. Это произвело несчастное убійство, въ которомъ онъ погибъ на Оваиги.

Отаитяне не разнились съ своими сосѣдями, Имъ хотѣлось имѣть все, что они видѣли и что имъ нравилось. Увлекаясь и непонимая даже, что дѣлаютъ преступленіе, они крали на корабль гвозди, веревки и все, что попадало подъ руку.

Кукъ не хотѣлъ этого, и наказалъ воровъ выстрѣлами. Тѣ вооружились, но борьба была неравна, грома европейцевъ побѣдили. Тогда жителей скрылись и караулили своихъ враговъ, нападая на нихъ нечаянно. Оттого-то Кукъ описалъ жителей острововъ товарищества негостепріимными, враждебными, ворами и разбойниками.

Бугенвиль былъ кавалерійскій полковникъ, гуляка, волокита, смотрѣвшій на всѣ вещи съ наилучшей стороны, не любившій ничьихъ слезъ, весьма любившій, чтобъ его матросы были веселы и довольны и старавшійся вездѣ прогонять скуку и печаль.

Прибывъ къ испуганному Паеете, Бугенвиль во-первыхъ развѣдалъ

о причинѣ страха островитянъ и сошелъ къ нимъ на берегъ почти безоружный. Предавшись такъ сказать жителямъ, онъ тотчасъ же приобрѣлъ ихъ довѣренность.

На другое утро Отаитяне явились на корабль. Ихъ приняли какъ братьевъ, обошлись съ ними, какъ съ друзьями. Имъ дали все, что они захотѣли взять. Женщины прибыли вмѣстѣ съ мужчинами; произошли общія пляски; сѣли за общій столъ, и черезъ два дня весь островъ встрѣтилъ Бугенвиля на берегу съ невыразимою радостью.

Бугенвиль также составилъ описаніе своего путешествія, и очень понятно, что рассказъ его раскрашенъ веселыми и анакреонтическими красками, совершенно противорѣча словамъ Англійскаго капитана, который вовсе не старался понравиться ни Отаитянамъ, ни Отаитянкамъ.

Я люблю Кука, но характеръ Бугенвиля мнѣ больше нравится.

VI.

ИСТОРИЯ ОСТРОВА.

Какимъ образомъ архипелаги эти были населены? почему на этихъ то дикихъ, то роскошныхъ островахъ, столь близкихъ одинъ къ другому, встрѣчаются столь различныя породы людей? Вотъ важные вопросы, которые я старался рѣшить въ моихъ *Воспоминаніяхъ слѣпаго* и которые неволью себѣ сдѣлаетъ всякій, кто объѣзжалъ эти острова.

Здѣсь черныя головы, дикія фзіономіи, шерстовидные, курчавые волосы, негостепрійные нравы. Тамъ по близости желтокожіе съ длинными и плоскими волосами, съ добродушными, челоуѣколюбивыми нравами. Подъ глазами вашими одни ужасные людиды, другіе въ двухъ шагахъ вѣчно поютъ, пляшутъ и мирно живутъ въ своихъ семействахъ.

Эти противорѣчія тѣмъ поразительнѣе, тѣмъ удивительнѣе, что народы эти живутъ въ одной полосѣ, въ одномъ климатѣ, питаются тѣми же плодами, согрѣваются тѣмъ же солнцемъ, укачиваются тѣмъ же вѣтромъ.

Изъ всѣхъ острововъ плоскихъ и гористыхъ, разсѣянныхъ по Тихому Океану, самая любопытная группа та, которую Кукъ прозвалъ *Островами товарищества*.

Начнемъ съ той точки, гдѣ миссіонеры впервые начали проповѣдывать христіанство, и послѣдуемъ за ними въ ихъ разсказахъ.

«Фамилія Помаре царствовала надъ Архипелагомъ. Это была умная, энергическая, хитрая фамилія, которая, не смотря на наши цитадели и пушки, все еще распространяется.

Въ 1797 году восемнадцать англійскихъ миссіонеровъ, пріѣхавшихъ на великолѣпномъ трехмачтовомъ кораблѣ, высажены были въ Матаган и униженно просили у Помаре небольшого мѣстечка для построения своей хижины и дружбы людей, которыхъ пріѣхали обращать въ христіанство. Помаре далъ имъ мѣсто и помогъ построить и обработывать землю, но больше ничего не общалъ.

Главный жрецъ Маю-Маи, боясь, чтобъ вѣра Англичанъ непобѣдила его кумировъ, пригласилъ ихъ переселиться въ Мореа. Но Помаре звалъ ихъ на Таити. Англичане общали ему повиновеніе, а сами мечтали о владычествѣ.

Помаре увидѣлъ сѣть, въ которую попалъ. Но будучи слишкомъ слабъ, чтобъ противиться угрозамъ, шумящимъ вокругъ его тростниковаго дома, онъ явно объявилъ себя другомъ Англичанъ, и чрезъ то потерялъ все вліяніе надъ своими подданными.

Ари-Раги началъ власть подъ именемъ Помаре II, присоединя себѣ титулъ Темаре-Таотано-де-Атона, то есть человекъ боговъ.

Подъ нимъ, въ званіи губернатора Вапанио, одного изъ главныхъ округовъ острова, властвовалъ Виидана, младшій братъ его. Это былъ юноша чрезвычайной энергіи и твердаго характера; служившій всегдашней угрозою Помаре II.

Владѣнія Помаре и сына его въ 1797 году состояло изъ двадцати пяти миль по берегу съ четырьмя тысячами жителей, то есть четвертой части всего острова.

Можно ли послѣ этого повѣрить Куку и Бугенвилю, что будто бы въ междоусобныхъ войнахъ этихъ островитянъ сражались иногда отъ двадцати пяти до тридцати тысячъ воиновъ? Нѣтъ! и Кукъ и Бугенвиль ошиблись.

Въ Канакской книгѣ, сохраненной на Таити, въ точныхъ и достоверныхъ документахъ сказано:

Идіа, жена Помаре I, царствовала надъ пространствомъ въ восемь миль по берегу, населенному семьюстами пятидесятью шестью подданными.

Ина-Медана, вдова могущественнаго предводителя, управляла тысячею пятьюстами туземцами, на пространствѣ двѣнадцати миль.

Темаре, человекъ боговъ, царствовалъ надъ четырьмя тысячами пятьюстами островитянами, на пространствѣ двадцати пяти миль.

Подъ начальствомъ Вейлана находились тысяча шестьсотъ жителей, живущихъ рыбною ловлею и плодами.

Корабль, привезшій миссіонеровъ въ Таити, ушелъ наконецъ, и англичане, оставшись на произволъ туземцевъ, не потеряли однакоже прибрѣтеннаго уже ими вліянія.

Только когда Мано-Мани потребовалъ содѣйствія ихъ, чтобъ покорить одного изъ своихъ враговъ, а англичане захотѣли оставаться нейтральными, произошло охлажденіе, которое вскорѣ принудило миссіонеровъ прибѣгнуть къ огнестрѣльному оружію. Съ обѣихъ сторонъ пролилась кровь.

— Мано-Мани объявилъ себя смертельнымъ врагомъ каждаго иностранца, который бы смѣлъ остаться на Таити.

Первое покушеніе противъ миссіонеровъ произошло въ мартѣ 1798 года. Они шли къ Помаре съ жалобами. Дорогою напали на нихъ и хотѣли утопить, но удовольствовались тѣмъ, что обобрали ихъ.

Въ это время пришло судно *Новтаміи*, и нѣкоторые миссіонеры, будучи увѣрены, что начнется истребительная война, отправились на этомъ кораблѣ въ портъ Джаксонъ.

Это удаленіе было важною ошибкой. Островитяне усилили свое дурное обращеніе, видя слабость и малодушіе европейцевъ.

Начались побѣги съ приѣзжающихъ кораблей; составила колонія на Папаети, и вскорѣ она слилась съ туземцами. Новое накопленіе колонистовъ было уже смуглокожее и безсильное.

Неговоря о безпорядкахъ, вспыхнувшихъ въ это время на Таити, скажемъ, что Помаре вторгся въ округъ, гдѣ произведено было насильство надъ миссіонерами, и велѣлъ повѣсить двухъ виновныхъ.

Это запоздалое правосудіе не остановило переселенія миссіонеровъ, предвидѣвшихъ кровавое возмездіе за это; нѣсколько миссіонеровъ уѣхали еще вѣдѣть за первыми.

Сомнительное существованіе оставшихся шло незамѣтно со дня на день, какъ вдругъ къ Папаете пристали два англійскія китоловныя судна. Темаре поспѣшилъ наѣздить шкиперовъ, которые дали ему два боченка пороха, вымѣнявъ нѣсколько тканей и туземныхъ бездѣлицъ.

Привезя свой подарокъ на берегъ, Темаре зарядилъ пистолетъ и выстрѣлилъ въ одинъ изъ боченковъ. Взрывъ умертвилъ Темаре и нѣсколькихъ его приближенныхъ. Туземцы вообразили себѣ, что это измѣна со стороны вновь приѣхавшихъ европейцевъ, и готовились напасть на нихъ, но узнавъ объ этомъ, они подняли паруса и ушли.

Помаре овладѣлъ опять властію, обѣщая свое покровительство миссіонерамъ.

Въ 1799 году одинъ миссіонеръ палъ подъ ударомъ княжала одного канака, и какъ ни старался Помаре отыскать виновнаго, но поиски были напрасны.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, воздвигнута была на Таити первая христіанская часовня. Канаки ходили въ нее сперва изъ любопытства, потомъ по привычкѣ, а какъ имъ при этомъ миссіонеры давали небольшіе подарки, то вскорѣ часовня сдѣлалась слишкомъ тѣсною. И какъ новая вѣра не требовала никакого тѣлеснаго изуродованія, то деревянные туземные кумиры и были брошены.

Въ 1801 году едва не вспыхнула война между Франціею и Таити, отъ неосторожности одного капитана, который хотѣлъ перенести на корабль главную статую канакакаго бога Оро.

Присутствіе двухъ англійскихъ кораблей въ Папаете заставило капитана отказаться отъ необдуманныхъ своихъ требованій, и мечъ не былъ обнаженъ.

Однако же, по уходѣ этихъ кораблей, капитанъ воспользовался кораблекрушеніемъ судна Норфолькъ, котораго онъ спасъ экипажъ, и съ помощію этого экипажа силою овладѣлъ кумиромъ.

Произошла истребительная война. Въ каждомъ куствѣ, въ каждой скалѣ была засада, и война эта, о которой и теперь съ ужасомъ вспоминають, названа была *Те-Тамаи по Пруа*, то есть *война Пруа*, по имени предводителя.

Помаре былъ побѣжденъ въ этой борьбѣ. Вездѣ, гдѣ онъ противился европейскому оружію, претерпѣвалъ большія пораженія.

Не имѣя уже средствъ къ защитѣ, Помаре и вѣрные его воины рѣшились переправиться въ Мореа, для составленія тамъ новаго ополченія. Но миссіонеры вмѣшались въ политику и съ жаромъ воспротивились отъѣзду королевской фамиліи.

Съ помощію экипажа съ Норфолька, задобреннаго имъ обѣщаніемъ уступки большихъ участковъ земли, Помаре рѣшился нечаянно напасть на инсургентовъ, живущихъ въ Атагурѣ съ безпечностью побѣдителей. Дѣйствительно, онъ засталъ ихъ ночью спящими, и истребилъ воиновъ, женщинъ, дѣтей и стариковъ.

Ужасы этого кровопролитія падаютъ не на Помаре, но на Андреа Линда, который, напоивъ своихъ солдатъ, предавался ужаснѣйшимъ неистовствамъ.

Бѣдствія никогда отдѣльно не случаются. За войною послѣдовалъ голодъ, за голодомъ чума, ужаснѣйшая болѣзнь, привезенная европейскими матросами, опустошила весь острова.

Наконецъ климатъ и наука восторжествовали надъ болѣзнію.

Помаре I, умершій въ это время, былъ ростомъ въ шесть футовъ и одаренъ такою геркулесовскою силою, что съ легкостью пера игралъ дубиною, которую европеецъ едва бы приподнялъ. Лобъ его былъ широкъ, волосы черные и длинные, глаза блестящіе, голосъ звонкій, какъ бы изъ мѣдной груди, и не смотря на это физическое устройство, онъ отличался ласковостью и снисходительностью, заслужившими ему любовь подданныхъ и уваженіе иностранцевъ.

Знаете ли откуда происходитъ имя Помаре? Отецъ его охотился однажды въ горахъ цѣлую ночь и возвратился съ ужаснымъ кашлемъ и насморкомъ. *Кашлять* значитъ *маре*, ночь *по*, а у этого страннаго народа тотчасъ же даютъ названіе по какому нибудь событію или болѣзни.

Въ 1836 году прибыли въ Таити миссіонеры Лаваль и Карре. Туземцы насильно захотѣли воспрепятствовать ихъ проповѣдямъ, и тѣ потребовали защиты адмирала Розамеля, объяснивъ, что насильствами туземцевъ управляютъ англійскіе миссіонеры. Министръ предписалъ капитану Дюпети-Туару защищать французовъ и наказывать виновныхъ.

2-го августа 1838 года, пришелъ французскій фрегатъ *Venus*, и на другой же день Дюпети-Туаръ потребовалъ у королевы удовлетворенія не только словами, но и заряженными пушками. Но Англія стояла подлѣ королевы Помаре.

— Ты напишешь извинительное письмо къ королю французовъ, говоришь капитанъ. Я сегодня же получу это письмо, а черезъ нѣсколько дней пришлешь ты мнѣ на фрегатъ 2,000 испанскихъ піастровъ въ вознагражденіе миссіонерамъ за нанесенный имъ вредъ. По исполненіи этого ты поднимешь на островѣ трехцвѣтный флагъ и отдашь имъ салютъ двадцатью однимъ выстрѣломъ. Подписано Дюпети-Туаръ.

Въ тотъ же вечеръ, одинъ колонистъ принесъ требуемую сумму на фрегатъ и вручилъ капитану отвѣтъ королевы. Вотъ буквальный переводъ его:

«*Таити, 30 августа 1838 года.*»

Королю.

«Да будетъ миръ съ тобою. Вотъ что я хочу сообщить вашему величеству. Я была въ заблужденіи, воспротивясь пребыванію двухъ французскихъ гражданъ. Не сердитесь слишкомъ, ваше величество, за мои съ нимъ поступки. Да будетъ возстановленъ миръ. Я владѣю небольшою и незначашею землею. Да подкрѣпите ваше величество знаніе, слава и власть, да прекратится вашъ гнѣвъ, и простите мнѣ слѣдующую мною ошибку. Да будетъ съ вашимъ величествомъ миръ.»

Подписано: Помаре.»

Королю французовъ.

Послѣ исполненія всѣхъ этихъ условій, г. Дюпети-Туаръ потребовалъ у королевы аудиенціи для окредитованія въ званіи французскаго консула г. Мѣрангу, бельгійскаго уроженца, торгующаго въ Таити.

Помаре отвѣчала Дюпети-Туару слѣдующею запискою:

«Любезный другъ, да будетъ миръ съ тобою! Я получила письмо, которое ты мнѣ написалъ. Я знаю что въ немъ содержится. Теперь вотъ мой тебѣ отвѣтъ, любезный капитанъ. Не торопись слишкомъ нашимъ свиданіемъ. Оно будетъ завтра въ десять часовъ. Я сказала.

Подписано: Помаре, королева Таити.»

Въ это время случилось происшествіе, отозвавшееся даже въ Европѣ и взволновавшее весь островъ.

Французскій плотникъ по имени Бремонъ, поселившійся въ Таити, съ 1833 года, былъ женатъ на злѣшней островитянкѣ и имѣлъ троицъ дѣтей, которыхъ любилъ съ отеческою нѣжностью, но которыхъ не могъ усыновить законнымъ образомъ, потому что вновь обнародованнымъ закономъ запрещались всѣ браки между туземцами и иностранцами. Этотъ законъ былъ такъ строгъ, что всякій разъ, когда жену Дремона заставляли въ его хижинѣ, онъ обязанъ былъ платить пять піастровъ въ пользу казны.

Онъ жаловался Дюпети-Туару, и тотъ протестовалъ противъ этой строгости. Но королева была неумолима и написала къ королю французовъ слѣдующее письмо:

«Таити, 8 сентября 1838.»

«Любезный другъ! Да будетъ миръ съ вашимъ величествомъ. Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами, королемъ французовъ. Не сердитесь, ваше величество, на слова мои.

Я хочу сказать о бракѣ одной таитской женщины съ человѣкомъ, принадлежащимъ Франціи. Мнѣ непріятно, чтобъ они женились, потому что у насъ есть законъ, запрещающій бракъ съ иноземцами. Но этотъ законъ относится не къ однимъ французамъ, а ко всѣмъ вообще иностранцамъ. Они не могутъ жениться на таитянкахъ, потому что мы уважаемъ наши законы и не хотимъ нарушать ихъ.

Письмо этого человѣка уже теперь въ дорогѣ. Онъ мысли свои отправилъ къ вашему величеству. Но не обманитесь его словами, я вамъ сказала почему онъ не можетъ жениться.

Если онъ скажетъ: «когда я работаю для королевы Помаре, мнѣ даютъ женою дѣвushку, которую я люблю, а если не работаю, то ее отнимаютъ у меня.» Это неправда. Правда въ томъ, что законъ запре-

щаетъ это. Я противлюсь не потому, что онъ для меня не работаетъ, а что не имѣютъ уваженія къ закону.

Бремонтъ человекъ упрямый, нарушающій законъ.

Крѣпкіе напитки запрещены законами въ Таити, но онъ не заботится о законахъ. Онъ купилъ себѣ водки; законы судили его и осудили. По закону же онъ долженъ уѣхать и возвратиться во Францію.

Онъ послѣ того купилъ еще крѣпкихъ напитковъ, и не хочетъ повиноваться законамъ. Онъ такъ же былъ упрямъ и со своимъ бракомъ. Онъ зналъ, что законъ запрещаетъ его. Но ему до этого нѣтъ дѣла. Онъ зналъ, что законъ запрещаетъ и крѣпкіе напитки, а все поступалъ противъ законовъ.

Неудбно ли будетъ вашему величеству прислать за этимъ человекомъ и отвезти его во Францію. Тамъ онъ можетъ жениться, и сдѣлаетъ хорошо.

Да будетъ миръ съ вашимъ величествомъ.

Подписано: Помаре.»

Вы видите, что эта королева хочетъ дѣйствовать свободно. Она пробуетъ явное сопротивленіе, прежде нежели прибѣгать къ хитрости. Исполните одно ея требованіе и у ней ихъ много въ запасѣ.

Я часто разговаривалъ съ нею о прежнихъ борбахъ, происходившихъ на островѣ съ европейцами, и могъ убѣдиться, что она никогда не будетъ искреннимъ другомъ Франціи.

Помаре—Таитянка. Она родилась и воспитывалась въ туземныхъ нравахъ. Другихъ она знать не хочетъ. Сила оружія можетъ заставить ее лицедрить, и только.

Король Французовъ несогласился на требованіе королевы: Бремонтъ долженъ былъ жениться на своей таитянкѣ, которая, между нами сказать, довольно безобразна.

Помаре уступила, и издала по этому случаю новый законъ, чтобъ спасти честь свою и уступчивость.

Фрегатъ Venus собирался уѣхать, изучивъ вполнѣ здѣшніе нравы, какъ вдругъ 9 октября 1838 года пришли корабли Astrolabe и Zéléе, подъ начальствомъ Дюмонъ-Дюрвиля, пришедшаго изъ Мангаревы.

Этотъ капитанъ не любилъ полумѣръ. Онъ строго заговорилъ съ королевою, угрожалъ пушками и предписалъ условія, которыя должны были навсегда обезвечить спокойствіе французовъ въ Пацаети.

Въ здѣшнихъ архивахъ записана рѣчь его, сказанная королевѣ:

— Я узналъ въ Мангаревѣ дурное обхожденіе съ нашими миссіонерами, и это было по приказанію королевы. Я нарочно своротилъ съ дороги и пришелъ сюда требовать объясненій и удовлетвореній. Пятнад-

цать лѣтъ тому назадъ зналъ я молодую Аимату, и какъ съ нею, такъ и съ семействомъ ея французы всегда хорошо обходились. Здѣсь узналъ я, что начальникъ фрегата *Venus* уже окончилъ все недоразумѣнiя, и я не буду говорить о нихъ. Но надѣюсь, что впредь королева лучше будетъ исполнять свои обѣщанiя и не будетъ дурно обходиться ни съ однимъ французомъ.»

На эту рѣчь первый предводитель островитянъ сказалъ нѣсколько неопредѣленныхъ словъ, которыя кажутся не удовлетворили Дюмонъ-Дюрвиля, и онъ строго отвѣчалъ, что на этотъ разъ королева должна почитать себя счастливою, что такъ легко окончила это дѣло съ Франціею. Онъ надѣется, что миръ навсегда водворенъ между обоими государствами, но что въ случаѣ нужды готовы корабли съ американской станціи, чтобъ отмстить за всякое нарушенiе народныхъ правъ.

Эти строгія слова были въ точности переданы г. Ганру, сыномъ миссіонера, выучившемуся таитскому языку.

Помаре заплакала съ досады. Она чувствовала себя слишкомъ слабою, чтобъ отвѣчать угрозою на угрозу. Но она стережетъ насъ въ будущемъ, и я не думаю чтобъ французы когда либо были дружески приняты.

И въ то самое время англійскій миссіонеръ проповѣдывалъ съ каедръ ненависть противъ Франціи и французовъ. Этотъ человѣкъ, непонимая важности своего сана, осмѣлился во время своихъ религіозныхъ наставленій рекомендовать свои товары, которые онъ для торговли выписалъ изъ Англiи.

Дюмонъ Дюрвиль узнавъ объ этомъ, отправился къ этому проидохъ. Капитанъ долженъ былъ бы силою взять его и отправить въ Европу, но онъ не хотѣлъ слишкомъ ссориться съ Помаре, у которой этотъ человѣкъ былъ любимцемъ, и довольствовался только нѣкоторыми угрозами.

Наконецъ Дюмонъ Дюрвиль ушелъ съ двумя своими судами. *Venus* тоже отправилась въ Портъ Джаксонъ. Вездѣ распространились слухи, что между Франціею и Англiею война неминуема. Англійскіе миссіонеры и Помаре ждали только перваго выстрѣла.

Въ этихъ обстоятельствахъ Помаре написала слѣдующее письмо къ Англійской королеви:

«Королева Помаре и предводители Таити

Королеви Викторiи.

Таити, 8 ноября 1838 года.

«Привѣтъ, поклонъ и дружба могущественной королеви Англiи. Я, королева Помаре съ предводителями и представителями моего народа,

собрались сегодня въ одну душу и одно тѣло для выраженія тебѣ съ величайшею радостію чувства благодарности, которую ты намъ внушила своимъ постояннымъ сочувствіемъ.

Этимъ исполняемъ мы свой долгъ, переданный намъ нашими предѣстниками. Подайте намъ и теперь руку помощи.

Торговля и промышленность привлекаютъ на нашъ островъ ежедневно бѣлыхъ людей, которые превосходятъ насъ умомъ и тѣлесною силою, и для которыхъ наши узаконенія кажутся глупостію, а наше правительство слабымъ. Съ бѣдною нашею опытностію мы всячески старались избѣжать этихъ затрудненій. Но если успѣли издать для этого законы, то не можемъ придать имъ достаточной силы для исполненія.

Кромѣ васъ нѣтъ у насъ поддержки на свѣтѣ. Не дайте погибнуть сѣмянамъ, посѣяннымъ вами и столь счастливо распускающимся. Подайте намъ, королева, могущественную свою руку. Прими насъ подъ свое покровительство. Покрой насъ своимъ флагомъ, пусть твой левъ защищаетъ насъ. Опредѣли сама на какихъ условіяхъ можемъ мы прибѣгнуть подъ твои крылья. Заставь благословлять твое имя и насъ, и дѣтей нашихъ. Да наградитъ тебя за это Господь!

Миръ съ тобою, Великобританская королева.

Подписано: *Помаре.*»

P. S. Если ты не все поймешь нами написанное, то мы поручили капитану судна Флей Элліоту передать тебѣ наши мысли. Онъ знаетъ все, происходящее здѣсь и сообщить тебѣ всѣ свѣдѣнія.»

Слѣдовательно Помаре хотѣла протекторами не насъ, а Англичанъ и Викторію. (Очевидно, что письмо сочинено англійскими миссіонерами.

Элліотъ исполнилъ свое порученіе. Англійскія газеты громко заговорили и стали ежедневно насъ упрекать за наше властолюбіе въ Тихомъ Океанѣ.

Пришелъ въ Папаете англійскій капитанъ Сесиль, тогда какъ у Французовъ не было здѣсь ни одного судна. Помаре почувствовала всю силу этой поддержки, и французы на Таити снова очутились въ весьма сомнительномъ положеніи.

Однакоже вскорѣ получили и мы подкрѣпленіе. Пришли *Артемиза* и *Пиладъ* (капитаны Лапласъ и Бернадъ), а миссіонеръ, главный виновникъ всѣхъ происковъ, отправился въ это время въ Англію, гдѣ началъ всѣми силами раздувать пламя вражды.

Тогда Помаре видя, что Французы не уступаютъ, принуждена была официально просить покровительства Франціи.

Въ это же самое время неустрашимый Бузе явился съ своимъ ко-раблемъ, и ставши на шпрингъ противъ дворца королевы, требовалъ на-

казанія агентовъ ея, осмѣлившихся оскорбить французовъ. Требованіе Бузе было исполнено, и французы отдохнули отъ преслѣдованій.

Въ маѣ 1842 года уступили намъ Нукагиву, и теперь этотъ архипелагъ принадлежитъ намъ, и если нужно будетъ требовать какого либо удовлетворенія, то въ шесть дней корабли наши придуть въ Папаете.

Мы не описывали домашней жизни Помаре. Къ чему? То, что намъ казалось страннымъ, было въ нравахъ Таити. Теперь она приняла протестантскую вѣру, ходитъ въ храмъ и одѣвается въ платье (только босикомъ). Она молится, читаетъ библію, но христіанка ли она?

VIII.

ПОМАРЕ.

Протекторство наше оставило Помаре одно титуло. Вся политическая власть принадлежитъ намъ. И однако же она гораздо сильнѣе насъ. Народъ любитъ ее, уважаетъ и съ охотою всемъ для нея жертвуетъ. Мы издаемъ законы, и канаки всячески стараются уклоняться отъ исполненія. Помаре скажетъ слово, и воля ея сдѣлана. Напрасно бы мы стали грозить: никто не слушается угрозъ.

Помаре не многорѣчива. Она больше слушаетъ какъ другіе говорятъ. Она всемъ говоритъ *ты*, потому что и все съ ней точно также обращаются. Въ Европѣ не знаютъ ее, о ней можно только *здѣсь* судить.

Подданные ея, говоря съ нею, не употребляютъ никакихъ титуловъ.

— Помаре! хочешь ли банановъ?

— Помаре! возьми мой вѣеръ.

— Покури моихъ сигаретъ.

— Не хочешь ли купаться? Я свезу тебя въ моей лодкѣ.

Вотъ фразы, которыми толпа встрѣчаетъ ее. Она теперь не королева, а мать цѣлаго народа.

Вотъ уже три дня, какъ она ждетъ моего визита. Эти тропическіе проливные дожди неумолимы. Но она сказала, чтобъ я не подвергался непогодѣ, и что подождѣ погощу у нее, когда проглянетъ солнце.

Едва я пріѣхалъ, какъ она сама навѣстила меня. Мы сидѣли тогда за завтракомъ и выбѣжали къ ней въ сѣни. Губернаторъ сказалъ мнѣ, что она подаетъ мнѣ руку. Я взялъ ее и думалъ, что меня, слѣнца, обманываютъ. Это была маленькая дѣтская ручка.

— Я хотѣла избавить тебя, сказала она мнѣ, отъ бесполезной ходьбы, и сама къ тебѣ пришла. Ты же навѣстишь меня, когда вздумаешь. Я всегда съ удовольствіемъ приму тебя.

Я выразилъ ей всю мою благодарность за такой милостивый пріемъ. Какъ жаль, что ты слѣпъ, сказала она. Но авось глаза твои откроются.

При этомъ назвала она меня *Матапо*, то есть *ночь въ глазахъ*, и этимъ именемъ всё меня съ тѣхъ поръ звали на Таити.

Черезъ два дня былъ я и у нее. Признаюсь, я не ожидалъ найти столько ума. Конечно, ласки ея увлекли меня, очаровали, но надъ слѣпцомъ красота не дѣйствуетъ, а въ рѣчахъ всегда ему видѣлся умъ и добродушіе.

Около насъ было человѣкъ двадцать, и разговоръ былъ довольно шумный. Со мною былъ переводчикъ, но я иногда употреблялъ и канакскія слова, заставлявшія всѣхъ смѣяться. Видя эту веселость, я нарочно сталъ продолжать коверкать таитскій діалектъ.

— Смѣшно, сказала Помаре, ты слѣпъ, а ѣздишь за море.

— Мнѣ говорятъ о томъ, что вокругъ меня происходитъ, и я какъ будто вижу всѣ предметы.

— Такъ ты знаешь наши кокосовыя деревья; наши бананы, наши хижины?

— Все знаю, Помаре.

— Ты былъ уже здѣсь?

— Я объѣздилъ весь шаръ земной.

— Такъ и долженъ бы былъ отдохнуть. Хорошо, что ты у меня въ гостяхъ, иначе я бы тебя побранила.

— Все равно, побрани и теперь.

— На что же?

— Чтобъ слышать твой голосъ, онъ чрезвычайно пріятенъ для моего слуха.

— Жаль, что ты не можешь видѣть меня.

— Мое воображеніе замѣняетъ недостатокъ зрѣнія.

— Бонарь сказалъ мнѣ, что у тебя есть братъ, который умѣетъ читать въ звѣздахъ.

— Это правда, и онъ точно, какъ ты, бранилъ меня за мое путешествованіе.

— Когда будешь писать къ нему, то поклонись отъ меня.

— Благодарю и исполню.

— Что жъ ты обо мнѣ скажешь?

— Что ты добрая и великодушная королева.

— Ты говоришь о прошедшемъ, сказала она со вздохомъ.

Я задумался.

— О чемъ ты думаешь? спросила она.

- О томъ, что ты сейчасъ сказала. Слова твои глубоки.
- Они только справедливы.
- Позволишь ли мнѣ сдѣлать тебѣ нѣсколько вопросовъ?
- Спрашивай.
- Вѣришь ли ты, что англичане тебѣ искренно предавы?
- Тѣмъ хуже для нихъ, если они обманываютъ.
- А французамъ, не вѣришь?
- Пусть они мнѣ докажутъ свою искренность.
- Но я слышала, что ты выучилась говорить по-англійски, а по-французски не хочешь учиться.
- Друзей всегда поймешь. Съ врагомъ же надобно быть яснымъ.
- Но кто же твои друзья и враги?
- Кажется у насъ опять дождь будетъ, сказала Помаре, отодвигая свое кресло.
- Понимаю и неспрашиваю тебя даже о томъ: нравится ли тебѣ новый нашъ губернаторъ, а не то, вмѣсто отвѣта, ты еще скажешь, что въ прошломъ году тоже шелъ дождь.
- О нѣтъ! На этотъ вопросъ я съ удовольствіемъ скажу тебѣ, что Бонаръ добръ и уменъ.
- Въ эту минуту пришелъ мужъ королевы. Онъ пожалъ мнѣ руку и сѣлъ подлѣ меня.
- *Инарана, инарана Матапо*, сказалъ онъ. (Привѣтъ).
- Вскорѣ я всталъ и откланялся.
- Я жду тебя завтра, сказала королева.

IX.

ЗАВТРА.

Инорана, Помаре!

Инорана, Матапо. Сегодня небо не плачетъ, будемъ радоваться вмѣстѣ съ нимъ.

— Радость и печаль не въ нашей власти, Помаре. Я вчера кажется разсердилъ тебя своими вопросами.

— О нѣтъ! Но есть вопросы, на которые я не должна отвѣчать, потому что не умѣю лгать, какъ вы, французы и англичане.

— Ты права, Помаре, ты много страдала и за слова и за дѣла. Но вѣрь, что мы тебя больше любимъ.

— Мерси, Матапо, сказала она по-французски.

Странный канакскій языкъ! Зайди въ любую хижину и скажи хозяевамъ *инорана!* Подойди къ шкапу, гдѣ лежатъ все припасы, утоли голодь, жажду, и ступай домой, сказавши только на порогѣ при выходѣ: *инорана!* Что за прекрасный обычай!

Когда я пришелъ къ Помаре, то въ комнату были однѣ женщины, все были со мною чрезвычайно ласковы. Только одна, г-жа Сальмонъ (она замужемъ за англичаниномъ) была холоднѣе и осторожнѣе.

— Скажи мнѣ, Помаре, спросилъ я, отчего тебя не зовутъ Аимати, какъ въ молодости.

— Вѣдь у васъ дѣвушка перемѣняетъ фамилію, когда выйдетъ замужъ?

— Но вѣдь твоего мужа зовутъ не Помаре.

— Это правда, у насъ другой обычай: при рожденіи намъ даютъ имя. Когда намъ минетъ десять лѣтъ, мы получаемъ другое, выходя замужъ, третье.

— Такъ дочь или сынъ не принимаютъ фамилію отца?

— Ни даже своего мужа.

— На вотъ г-жа Сальмонъ.

— О! это дѣло другое. Она вышла замужъ за англичанина, и уже не *наша* подданная.

— Которая однакоже любитъ и уважаетъ тебя, какъ прежде, сказала г-жа Сальмонъ и обняла Помаре.

— Видишь, Матапо, я все еще окружена своими *дѣтьми*.

— Чтобъ позабавить королеву, показалъ я нѣсколько фокусовъ. Все были въ изумленіи, въ ужасѣ.

— Кто тебя научилъ волшебству? спросила Помаре.

— Волшебства тутъ нѣтъ никакого, хочешь, я тебя выучу.

— Хочу.

Я все разсказалъ и объяснилъ. Продолжая фокусы картами, я еще болѣе удивилъ всѣхъ.

Одежда таитанокъ самая не затѣйливая. Онѣ не носятъ ни перчатокъ, ни башмаковъ, ни чулокъ, ни вуалей, ни корсетовъ. Но со времени введенія здѣсь христіанства, онѣ *одѣваются*. Ихъ одежда называется *парео*. Это кусокъ кисеи, закрывающій имъ плечи, обхватывающій станъ и спускающійся до ногъ. Но эта одежда только для выѣзда.

Мужчины стали уже носить исподнее платье, но тѣмъ все и кончается. Въ первое мое путешествіе, помню я какъ предводитель Радома явился къ намъ на корабль въ красномъ жилетѣ съ золотыми галунами, въ треугольной шляпѣ съ перомъ, въ одномъ сапогѣ—и только. Что мнѣ пришло въ голову, сидя у Помаре, говорить объ одеждѣ?

Вотъ по какому случаю. Пришелъ одинъ адъютантъ Помаре, странный подражатель европейцевъ. Онъ подошелъ ко мнѣ здороваться, но не подаль руки, а взялъ мою руку, чтобъ дать мнѣ ощупать свой мундиръ и пуговицы.

Вотъ прогресъ канаковъ; обезьяны есть вездѣ.

— Когда же ты опять придешь? спросила меня королева когда я собирался уйти.

— Если позволишь, то скоро опять явлюсь.

— Тѣмъ лучше. Для тебя я никогда не буду *табу*. — *Инарана Матапо!*

— Инарана, Помаре.

X.

ЕЩЕ СВИДАНІЕ.

Я опять былъ у нее.

— Инарана, Помаре!

— Инарана, Матапо.

— О чемъ же мы будемъ говорить?

— Мнѣ все равно. Для стариковъ пріятно прошедшее.

— Съ тою разницею, что твое прошедшее, Помаре, принадлежитъ исторіи, а мое вовсе не значительно.

Развѣ ты хотѣлъ бы знать мою прошедшую жизнь?

— Да, Помаре, потому что у насъ пишутъ о тебѣ много вздору, а я бы написалъ правду. Я хочу, чтобъ все тебя знали и любили, какъ я. А особливо если бъ ты когда нибудь пріѣхала во Францію.

— Этого никогда не случится, съ гордостью отвѣчала Помаре. Весь мой народъ бросится за мною вплавъ черезъ море.

— Зачѣмъ же ты пустила насъ на свой островъ?

— Я покорила судьбѣ. Еслибъ противилась, кровь подданныхъ моихъ пролилась бы. Вы сдѣлали насъ хуже, но неизмѣнили нашихъ нравовъ и законовъ.

— Да, у васъ теперь есть *нарео*, шелковые *тапасы* и пяти-франковыя монеты.

— И однакоже мой островъ все будетъ въ шести тысячахъ миляхъ отъ васъ по правамъ и обычаямъ.

— Мы ихъ сблизимъ.

— Не угроза ли это?

— О, вѣтъ! это только желаніе, чтобъ вы видѣли въ насъ своихъ братьевъ.

Я никогда не буду твоею сестрою.

— Понимаю. Наше протекторство тебѣ тягостно; но повѣрь, англійское тяжелѣе... Однакоже перемѣнимъ разговоръ.

— Не я начала его.

— Ты добрая и великодушная женщина, я все скажу, все напишу, чтобъ тебя всѣ любили и уважали.

Мы сказали другъ другу *инарано* и ризстались.

Сегодня я не былъ у нея, не видалъ ее. У дворца забили въ барабанъ, и я пошелъ смотрѣть въ чемъ дѣло. Канакскіе солдаты быстро собрались, построились въ двѣ шеренги и молча ожидали прибытія королевы. Помаре скорымъ шагомъ прошла по рядамъ, сердито посмотрѣла на нихъ и сказала раздраженнымъ голосомъ:

«Я очень не довольна вами. Я узнала, что вы дѣлаетесь скотами, напиваясь черезъ мѣру и валяетесь по улицамъ или на берегу. Вамъ это стыдно, мнѣ прискорбно. Сердце мое обливается кровію, видя, что вы такимъ образомъ забываете Бога, королеву свою и свои семейства. Я хочу, чтобъ это постоянное пьянство прекратилось. Если вы не исполните моего желанія, то огорчите ту, которая васъ такъ любитъ. Слышали ли вы мой приказъ?»

— Слышали.

— Хитите ли повиноваться?

— Непремѣнно.

— Я рада и счастлива. Вы попрежнему мои вѣрные, добрые подданные.

Королева ушла, и громъ радостныхъ возгласовъ провожалъ ее.

Увы! Добрые канаки въ тотъ же день съ радости всѣ перепились.

Проходя мимо меня, она мнѣ сказала дружеское *инарано* и велѣла придти къ ней на другой день. Я конечно явился. Она сидѣла задумавшись.

— Все меня удивляетъ въ тебѣ, Помаре, сказалъ я.

— Что же именно?

— То, что ты часто и много задумываешься, будучи королевою такого народа, который никогда ни о чемъ не думаетъ.

— Если канаки счастливы не думавши, то я обязана думать за нихъ.

— Ну, вотъ что, напримѣръ, дѣлаетъ у тебя этотъ преводитель Пранта, который сидитъ въ углу поджавши ноги?

— Ничего. Но это его обязанность.

— И ты даешь имъ за это жалованье?

— Нѣтъ! у насъ вѣтъ этого европейскаго обычая. У насъ служатъ королевѣ изъ одного усердія.

— Но усердіе дѣйствуетъ, а твои предводители неподвижны.

— Мы здѣсь не любимъ движенія. Наше солнце любитъ, чтобы мы отдыхали при лучахъ его.

— Я видѣлъ однако же дѣвушекъ, которыя цѣлый день бѣгаютъ у морскаго берега.

— Онѣ вѣрно не старѣе двѣнадцати лѣтъ. До двѣнадцати у насъ крылья, позже нѣтъ почти и рукъ.

— Неужели и ты любишь лѣнь и бездѣйствіе?

— Перемѣни наше солнце, и тогда я перемѣнюсь.

Вы видите, что эта Помаре всегда будетъ Тавтянка. Напрасно Франція будетъ учреждать здѣсь судилища, конторы и кабаки, — канакъ все будетъ канакомъ, и Помаре побѣдитъ насъ своею бездѣйственностью.

Несчастливая и неоспоримая истина состоитъ въ томъ, что французы нигдѣ неумѣютъ заводить колоній. Нукагиву и Таити, повѣрьте, мы не долго сохранимъ.

На этотъ разъ мой визитъ былъ непродолжителенъ. Помаре первая встала и сказала мнѣ:

— Завтра воскресенье, и мы не увидимся. Я пойду во храмъ и буду *табу* для всѣхъ.

Я началъ спѣшить своимъ отъездомъ. Здѣсь весело, пріятно, но и самое счастье скучно своимъ однообразіемъ. Вѣчная зелень Таити утомляетъ глаза. Я пускался бродить по морскому берегу.

Погода была великолѣпная. Полупрозрачный туманъ покрывалъ всю атмосферу; прибой волнъ шумѣлъ между кораллами и брызги ихъ достигали до меня. Вдругъ я услышалъ голосъ, зовущій меня.

Это была Помаре. Она ѣздила поутру въ Попуа и только что возвратилась.

— Правда ли, матато, что ты скоро уѣзжаешь?

— Правда, Помаре.

— Но ты придешь со мною проститься?

— Не думаю.

— Французъ, а не учтивъ!

— Съ тобою, Помаре, слова должны выражать не учтивость, а истинныя чувства.

— Куда же ты поѣдешь отсюда?

- Богъ вѣсть! міръ великъ, отечество далеко, море своенравно.
 — Какъ бы я хотѣла прочесть, что ты напишешь о моемъ островѣ.
 — Всѣ твои разговоры будутъ вписаны отъ слова до слова.
 — Это довольно нескромно. Иное было сказано для одного тебя.
 А впрочемъ, пиши, только правду.
 Она пожала мою руку и удалилась.
 Я закричалъ ей вслѣдъ: *инарано!*

XI.

МИССИОНЕРЫ.

Ни о какомъ предметѣ не составляю я сужденія заранѣе. Я сужу дѣла и людей по фактамъ.

Я видѣлъ миссіонеровъ, которые истинно заставляли любить христіанство своими поступками и правилами. Видѣлъ другихъ, которые болѣе служили міру, нежели Творцу; между этими дикими первобытными племенами видѣлъ я всегда, что миссіонеры, проповѣдующіе кротость и милосердіе, были уважаемы, а обращавшіеся строго, неумолимо были ненавидимы.

Миссіонеры Чили находятся въ непрерывной перепискѣ съ своими собратьями на Маркизскихъ островахъ, Гамбьерскихъ, Вити, Валлискихъ и Новой Каледоніи. Когда жители этого послѣдняго острова позволяютъ, чтобъ у нихъ жили миссіонеры.

Напримѣръ, новообращенные на Таити веселятся и живутъ счастливо; на островѣ же Мангаревѣ они трепещутъ подъ безпрестанными наказаніями своихъ миссіонеровъ. Въ иныхъ мѣстахъ эти патеры просвѣщаютъ загрубѣлый народъ; въ другихъ, напримѣръ, на Гамбьерскихъ островахъ, они кажется сдѣлали туземцевъ еще грубѣе и глупѣе.

Сколько лѣтъ уже Маркизскіе острова принадлежатъ Франціи,— сколько лѣтъ миссіонеры проповѣдуютъ тамъ христіанскую вѣру, а на Нукагивѣ ѣдятъ людей! По этому результату я сомнѣвлюсь въ способности миссіонеровъ.

XII.

ГОСПИТАЛЬ.

Я въ госпиталѣ. Мое усердіе и данное слово привели меня въ это жилище, гдѣ наука вопрошаетъ, а болѣзнь отвѣчаетъ.

Здѣсь вы уже теряете свою личность, имя и фамилію. Здѣсь вы № 1, № 2 и т. д. Васъ почтутъ самолюбивыми, если вы больше этого потребуете.

Я сегодня № 1 въ госпиталѣ. Которымъ номеромъ я выйду, не-знаю!

Но мнѣ вамъ надобно разсказать драму.

Это было въ Парижѣ, въ одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ госпиталей. Знаменитый докторъ обходилъ и осматривалъ всѣхъ больныхъ. За нимъ шла толпа учениковъ его, съ жадностью ловившая слова его и наставленія. Онъ подошелъ къ кровати одного больного, котораго лицо обнаруживало продолжительныя страданія.

— Кто осматривалъ этотъ *субъектъ*? спросилъ онъ по-латыни у учениковъ.

— Я! отвѣчалъ одинъ юноша.

— Что жъ вы нашли?

— Пульсъ лучше, дыханіе свободнѣе, глаза потеряли лихорадочный блескъ. Я думаю, что онъ выздоровѣетъ.

— Вы ошибаетесь. Завтра прежде полудня онъ будетъ мертвъ.

— Вы сами ошибаетесь, сказалъ больной на латинскомъ діалектѣ. Я бы можетъ быть выздоровѣлъ, подкрѣпленный словами вашего ученика, теперъ вы меня убили — и черезъ два часа я умру.

Это былъ профессоръ Риторики въ Коллегіумѣ Лудовика-великаго. И дѣйствительно, черезъ два часа онъ умеръ.

Возвратимся ко мнѣ.

Здѣсь докторъ Боллебонъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которымъ наука гордится, а больные радуются. Онъ говоритъ немного, но ясно и кратко. Слово его успокоиваетъ и утѣшаетъ.

Начальникомъ госпиталя Блондо. Подъ начальствомъ его живутъ нѣсколько сестеръ милосердія, которыхъ христіанскія попеченія возвращаютъ больныхъ къ жизни.

Одна изъ нихъ, сестра Регина, была и моею утѣшительницею въ дни скорби и болѣзни. Голосъ ея, какъ звукъ хрустальнаго колокольчика успокоивалъ мои страданія и указывалъ вдали на лучшую жизнь, гдѣ нѣтъ земныхъ печалей.

Иногда приходили ко мнѣ и другія сестры утѣшать меня и развлекать. Всѣ онѣ были мои соотечественницы, уроженки Пиренейскихъ горъ.

Вчера, 9 іюля, умеръ въ госпиталѣ, подлѣ моей кровати, одинъ канакъ съ Помутусскихъ острововъ, который былъ приговоренъ къ пожизненной работѣ на галерахъ. За что? Три гола тому назадъ, на гальботъ капитана Руссо напали туземцы дружественнаго племени. Эки-

пажъ былъ умерщвленъ, а начальникъ съѣденъ. Руссо узналъ объ этомъ; тотчасъ же почти одинъ поѣхалъ на лодкѣ въ эту губу, вышелъ на берегъ, схватилъ предводителя канаковъ за горло и приставилъ ему пистолетъ къ груди, потащилъ къ своей лодкѣ. На другой день схвачены были и другіе канаки, участвовавшіе въ нападеніи. Всѣхъ отвезли въ Танти. Предводителя повѣсили въ Папеетѣ, трехъ другихъ на помутусскихъ островахъ, на мѣстѣ преступленія, а четверыхъ осудили на галеры на всю жизнь.

Въ числѣ послѣднихъ былъ и канакъ, лежавшій подлѣ меня. Онъ мнѣ всегда казался тихимъ и добрымъ. Я спрашивалъ его объ этомъ нападеніи, и онъ наивно мнѣ рассказывалъ все, называя эту экспедицію *шуткою*.

— Но вѣдь вы съѣли подшкипера? сказалъ я.

— Да, къ сожалѣнію...

Вчера, когда Пупенара умиралъ, я пришелъ къ нему. Сестры Марселлина и Жозефина были при немъ. Онъ внушалъ ему, чтобъ онъ послѣднія свои минуты посвятилъ молитвѣ.

— Я и молюсь, отвѣчалъ онъ.

— О чемъ? спросилъ я.

— О томъ, чтобъ на томъ свѣтѣ угощали меня нѣжнымъ человѣческимъ мясомъ.

И вотъ успѣхи французскихъ миссіонеровъ!

XIII.

ПОѢЗДКА ВЪ ФАГАГА.

Всѣ мнѣ говорили: не ѣздите туда. По этимъ крутымъ скаламъ, по этимъ быстрымъ потокамъ самые зрячіе люди едва могутъ ходить. Но тамъ меня ждалъ храбрый воинъ, заслужившій эполеты въ Африкѣ. А какъ онъ мнѣ сказалъ: «пріѣзжай!» то я и отправился.

Я иду, и по дорогѣ пишу. Мнѣ надобно пять часовъ времени, чтобъ дойти до поста, гдѣ командуетъ Валле. Я взялъ себѣ въ проводники нѣкоего Бурданнека, котораго умъ составляетъ какую-то странную смѣсь Берцелліуса и полипа, кочна капусты и Кеплера. Бурдоннекъ изумляетъ и умными выходками, и совершенною глупостью, наглостью, цинизмомъ и пьянствомъ. Это живая кружка. Послушайте нашъ разговоръ.

— Что, бѣдный Бурдоннекъ! Дорога дурна?

— Надобно признаться, что могли бы сдѣлать получше.

- И какъ жарко сегодня!
- Вѣрно оттого, что солнце печетъ.
- А вѣдь ручей бѣжитъ очень быстро?
- Странно! Его вѣдь никто не погоняетъ!
- Какъ скользко по этой скалѣ?
- А вѣдь никто не лошилъ ее.
- Однако же сучья этихъ деревь царапаютъ мнѣ лице.
- Это оттого что они растутъ низко.

Фонтенель говорилъ: «есть глупости, за которыя умный человѣкъ дорого бы далъ.»

Намъ встрѣчаются прохожіе и привѣтливое *инарано* повторяется съ обѣихъ сторонъ.

День клонился къ вечеру. Вѣтерокъ начиналъ дышать сквозь *бурао* и бананы. За нами послышались шаги людей, быстро догнавшихъ насъ. Бурдонекъ съ боязнію замѣтилъ мнѣ это обстоятельство.

— Чего намъ бояться? У меня въ карманѣ не много денегъ. Если это злые люди, то я имъ отдамъ свои деньги, вовсе нежелая, чтобъ ты меня защищалъ.

— Здравія желаемъ, г. Араго, сказали вновь прибывшіе въ одинъ голосъ.

— Здравствуйте! Кто вы?

— Солдаты 8-го полка. Насъ послали вслѣдъ за вами, чтобъ быть вашими проводниками.

— Кто же послалъ васъ?

— Маіоръ нашъ Николай.

— Я ему очень благодаренъ.

Мы пошли весело и дружно, хотя я и часто спотыкался. Вскорѣ должны мы были переправляться черезъ первый ручей.

— Бурдонекъ взвалилъ меня къ себѣ на плечи и перенесъ черезъ воду. При слѣдующихъ переправахъ оказалъ онъ мнѣ ту же услугу. Только при четвертой, будучи на срединѣ потока, онъ вдругъ остановился.

— Чтожъ ты сталъ? спросилъ я.

— Да мнѣ пришла въ голову прекрасная мысль.

— Послѣ расскажешь, теперь же опасно останавливаться.

— Да мысль—то серьезная.

— Ну, говори поскорѣе.

— Вотъ видите ли, я думалъ, что еслибъ въ этомъ ручьѣ текло вино, а не вода, то здѣсь устроили бы прекрасныя дороги, мосты, и берега ручья были бы заселены.

Еслибъ мой храбрый Петя былъ живъ, онъ расцѣловалъ бы Бурдоннека за эти мысли.

Послѣ переправы надобно идти въ гору. Тропинка была узка, а по бокамъ бездны. Черезъ полчаса потомъ явился ко мнѣ навстрѣчу и самъ Валле. За нимъ вели осла, и Бурдоннекъ встрѣтилъ его какъ стараго знакомаго.

Вотъ мы взобрались на верхній бассейнъ. Какъ жаль, что я слѣпъ, и только по разсказамъ товарищей могъ восхищаться зрѣлищемъ *диадимы*, которой три скалы рисовались надъ моею головою.

Я небуду разсказывать нашихъ дружескихъ, веселыхъ разговоровъ съ Валле. Мы говорили о родныхъ, о семействахъ, о друзьяхъ.

Пустыня Фатагуа теперь населилась. Видны деревни, фермы, торговля, промышленность. Теперь уже Фатагуа и Парижъ подаютъ другъ другу руку. Послушайте разсказъ Валле, какъ завоевана Фатагуа.

Во время послѣдней войны индѣйцы были неоднократно разбиты, но Фатагуа небыла взята, и слѣдственно индѣйцы не покорены. Сдѣлано было нѣсколько попытокъ къ нападеніямъ, но какъ взобраться на неприступныя скалы? Напрасно наши стрѣлки осыпали пулями эти горы: не видно было ни одного убитаго, не слышно ни одного раненаго. Взойти можно было только по-одиначкѣ по тропинкѣ, но и на той, какъ бы въ насмѣшку, прыгали все дикія козы. Наконецъ Боннаръ потребовалъ *охотниковъ*. Явилось слишкомъ много. Выбраны были только тридцать человекъ, имъ дали веревку, крючья, простились съ ними. Одинъ рѣшительный защитникъ и нѣсколько камней могли истребить эту толпу, но она пришла, и Фатагуа сдалась, островъ былъ покоренъ.

Мнѣ страхъ какъ захотѣлось добраться до *Диадимы*, но Валле остановилъ меня.

— Вы непойдете, сказалъ онъ.

— Почему же?

— Потому что съ вами никто не пойдетъ: Бурдоннекъ изъ трусости, я дружбы.

— Такъ я возьму одного изъ вашихъ солдатъ.

— Я не велю имъ идти.

— Это жестоко! Вы нарушаете законы гостепрѣимства.

— Напротивъ того, я обязанъ отвѣчать за васъ и привести обратно въ Папееге. Ну, а я неувѣренъ, чтобъ *мы оба* воротились съ *Диадимы*.

Слово *мы оба* остановило меня. Я чувствовалъ, что принудивъ

Валле идти со мною, могу погубить его, потому что онъ для спасенія моего пожертвуетъ собою.

— Впрочемъ вотъ описаніе каскада. Вышина паденія воды 460 метровъ. Бассейны въ видѣ сводовъ закрыты глубокими нишами, которыхъ камни, какъ бы руками человѣка, симметрически установлены, Кромѣ главнаго водопада, низвергаются нѣсколько другихъ боковыхъ водяныхъ нитей, превращающихся на воздухѣ въ пыль, представляющія великолѣпную картину при солнечномъ сіяніи. — Разсказъ Валле, бывшаго уже тамъ, служитъ мнѣ руководителемъ для описанія.

Насталъ часъ обратнаго походѣ. А жаль! У Валле все таки хорошо устроено: апельсиныя и лимонныя деревья окружаютъ его жилище. Я замѣтилъ здѣсь одинъ ботаническій феноменъ. *Папайа* (винное дерево) растетъ на всѣхъ островахъ здѣшняго архипелага. Но оно отдѣльно бываетъ или *мужское*, или *женское*. Первое даетъ одни цвѣты, второе плоды. Но на Таитѣ дерево бываетъ въ одно время мужскимъ и женскимъ. Цвѣты оплодотворяются между собою и составляютъ два семейства, живущія въ совершенномъ согласіи.

Мы пошли обратно, перешли горы и ручьи. Валле далъ намъ проводящихъ, и я насилу согрѣлся у камина въ Фатагуа.

Замѣчательно, что здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаются развалины деревянныхъ хижинъ, особливо въ долинѣ *Диадимы*. Онѣ вездѣ разбросаны: на высотахъ, въ оврагахъ, посреди самыхъ густыхъ кустарниковъ, въ слояхъ шифера, лежащихъ на вѣковыхъ известковыхъ камняхъ.

Гдѣ народъ, построившій эти хижины? гдѣ люди, обитавшіе въ нихъ? гдѣ кости ихъ! Неужели правда, какъ думаетъ Бугенвиль, что на Таити было двѣсти тысячъ жителей, когда Архипелагъ этотъ былъ открытъ?

Я не сдѣлалъ бы этого вопроса Бурдоннеку, а то онъ отвѣтилъ бы мнѣ, что поколѣнія эти исчезли, потому что люди умерли. Я не хочу, чтобъ онъ во всемъ былъ правъ.

XIV.

ГУПА—ГУПА.

Вчера была годовщина открытія протестантской капеллы (12 іюня 1850). Все народонаселеніе устремилось къ Гаапале, прелестной бухтѣ въ трехъ миляхъ отъ Папеете. Королева прибыла туда еще накануне, съ губернаторомъ, штабомъ его, офицерами, гарнизономъ, военною

музыкою, предводителями всѣхъ округовъ. Тамъ должны были происходить танцы, пѣніе, крики, бѣгъ, скачка, и я, разумѣется, туда отправился.

— Дѣти мои, я отправлюсь завтра!

— Куда?

— Въ Гаапале.

— Верхомъ?

— Нѣтъ, пѣшкомъ.

— Какъ! Послѣ вашего неожиданнаго похода въ Фатагуа?

— Мнѣ очень понравилась наша экспедиція.

— Ну, такъ вы пойдете не одни.

— Когожъ вы мнѣ дадите въ провожатые?

— Во-первыхъ солдата, во-вторыхъ корзину съ бананами, шоколатомъ, жареными голубями, бутылкою вина и ящикомъ съ конфектами.

— Да этакъ я не дойду.

— О! мы васъ знаемъ. У васъ сейчасъ будутъ гости, и корзина опустѣетъ.

— Такъ и быть. Завтра я отправлюсь въ пять часовъ утра.

Съ полмили дорога идетъ хорошая и тѣнистая, но вскорѣ она суживается и становится песчаною и утомительною, по причинѣ переправы черезъ ручьи, которыхъ мосты разваливаются.

Вотъ налѣво могила изъ груды камней, правильно сложенныхъ. Она скрываетъ послѣдняго предводителя, нехотѣвшаго покориться европейцамъ. Онъ умеръ въ пустынѣ. Его звали *Танагаа*. Могила его *табу*.

Вотъ, направо, высокая гора, съ которой течетъ широкій ручей. Она называется *Буагорай*. Она очень крута, такъ что только послѣ восьмидневныхъ трудовъ, успѣлъ взойти на нее одинъ канакъ. Говорятъ, что онъ нашелъ на вершинѣ озеро соленой воды, наполненное разноцвѣтною рыбою и со множествомъ красныхъ утокъ по берегу. Ужъ не газетная ли это *утка*?

Я шелъ довольно тихо. Меня всѣ обгоняли, и я могъ судить сколько людей собирается въ Гоапале. Больше всего меня удивило, что было много всадниковъ и всадницъ. Это парижское Лоншанъ.

Туземныя женщины, разумѣется, ѣздятъ, какъ мужчины, и также смѣло.

Вотъ и я дошелъ до Гоапале въ совершенномъ утомленіи. Стеченіе народа было такъ велико, что нельзя было почти найти мѣста на открытомъ воздухѣ, чтобъ отдохнуть. Я скрылся подъ одно банановое дерево и принялся за свои припасы. Ко мнѣ тотчасъ же подошли двѣ

пятнадцатилѣтнія дѣвушки и изъявили желаніе отвѣдать вина. Всѣми прочими запасами онѣ не интересовались.

А какъ я всякому бургонскому предпочитаю чистую воду или кокосовое молоко, то за монету въ двадцать су и получилъ нѣсколько кокосовъ, чистоюплотно вскрытыхъ и приготовленныхъ для утоленія жажды.

Въ это время мои двѣ собесѣдницы, захвативъ жареныхъ голубей и шоколатъ, убѣжали и скрылись въ толпѣ. Какъ быть! Здѣсь это называется шалостью и невѣжествомъ. Здѣсь смѣшно жаловаться на это. Когда я встрѣтился потомъ съ ними, то онѣ смѣясь сказали, что на славу покушали.

Началась церемонія. Произнесена была съ каедры прекрасная рѣчь съ текстомъ: «Канаки, не пейте вина!» Увы! это былъ потерянный трудъ!

Я встрѣтилъ Помарѣ. Она была босикомъ; подала мнѣ руку, и мы съ нею пошли на *армарочную площадь*.

Здѣсь былъ совершенный разгулъ. Сколько съѣдено вишенъ, сколько выпито водки! Сколько криковъ, изступленія, веселости! Что за неутомимая жажда этихъ людей!

Вотъ началась и танцы. Раздается одинъ крикъ, другой, третій, самымъ звонкимъ голосомъ и верхнею, по возможности, нотою. Вся толпа съ восторгомъ садится, поджавши ноги, на землю и ведетъ танцоръ.

Тѣ являются и начинаютъ, съ акомпаниментомъ быстрого, отрывистаго пѣнія. Это пѣніе производится всѣми присутствующими, потому что всѣ его знаютъ наизусть. Вѣчный стыдъ постигъ бы того, кто въ пѣніи не умѣлъ бы слѣдовать въ тактъ за танцующими. Притомъ же *тамъ-тамъ*, удары въ ладоши и музыка носовой флейты облегчаютъ всеобщее согласіе и движеніе.

Тамъ-тамъ состоитъ изъ выдолбленнаго дерева, котораго только одно отверстіе натянута кожей. По этой кожѣ бьютъ пальцами, слѣдя за музыкальнымъ ритмомъ. Инструментъ этотъ стоитъ между колѣнъ сидящаго на землѣ артиста.

Носовая флейта состоитъ изъ тростниковаго ствола, который подставляютъ къ носу, закрывая другую ноздрю большимъ пальцемъ лѣвой руки, въ которой держатъ и самый инструментъ. Правую рукою играютъ тремя пальцами на трехъ отверстіяхъ, и звуки, извлекаемые изъ нея слышны на двѣ мили кругомъ.

Что сказать о самихъ танцующихъ? У нихъ *все* пляшетъ: щеки, ноги, голова, туловище, взгляды; этихъ дикихъ движеній нельзя выразить. Сперва танцуютъ вмѣстѣ нѣсколько паръ, но потомъ выступаетъ

одна пара, и всѣ прочіе перестаютъ. Тутъ-то начинаются истинно-національный, туземный балетъ. Вся толпа сближается, кругъ около танцующихъ становится тѣсенъ, тысячи взоровъ поглощаютъ всякое движеніе выступившей пары, которая между собою разыгрываетъ цѣлую драму, и всеобщій восторгъ награждаетъ ихъ искусство и одушевленіе.

Послѣ драматической пляски начинается анакреонтическая, называемая *гуна-гуна*. Составляется цѣлый рядъ танцоровъ и танцорокъ, и фигурами своей пляски образуютъ разные математическія фигуры, какъ бы по циркулю сдѣланныя.

Мелодія гуна-гуна тихая и меланхолическая, гармонированная терціями и квинтами, исполняемая очень вѣрно.

И этотъ общій танецъ кончается *pas de deux*. Отборная и юнѣйшая чета выступаетъ на поприще съ восклицаніями *нуморе!* Женихъ плачетъ, умоляетъ на колѣняхъ одного взгляда, одной улыбки. Жестокая невѣста неумолима; является другой, третій; сцена возобновляется. Тутъ возгласъ *нуморе!* со стороны танцующихъ и *ге!* со стороны зрителей.

Въ 1819 году, во время перваго моего путешествія, я видѣлъ эти же самыя танцы, но тогда еще танцующіе, по первобытной своей простотѣ и невинности нравовъ, были одѣты въ однихъ вѣнкахъ и ожерельяхъ. Теперь островитянки здѣсь приличнѣе одѣты, нежели наши парижскія танцовщицы большой оперы.

Случается, что во время танцевъ разразится буря, польется тропическій дождь: танцующимъ и зрителямъ до этого нѣтъ дѣла. Ни вѣтеръ, вырывающій деревья съ корнемъ, ни молнія, обливающая твердь потоками огня, ничто не останавливаетъ веселья. Ручей разливается отъ дождя и затопляетъ площадь, все равно! танцующіе продолжаютъ свои фигуры и по колѣно въ водѣ.

Были миссіонеры, которые запрещали *гуна-гуна*, и островитяне не перемѣнились отъ этого. Нынѣшній г. Бонаръ дозволилъ танцы, и всѣ его любятъ и исполняютъ его приказанія.

Наконецъ день сталъ склоняться къ вечеру. Хотя облическій свѣтъ солнца и сильно еще пекъ насъ, но многіе собрались уже обратно въ Папеете. Я тоже спросилъ у проводника: куда бы мнѣ пріютиться до отъѣзда?

— Вотъ, сказалъ онъ, въ тридцати шагахъ кабакъ, пойдемъ туда, г. Араго.

— Хотя я и не брезгливъ, другъ Ледансёръ, но признаюсь, желалъ бы отдохнуть, гдѣ бы поменьше было народа и въ особенности меньше шума.

— Во-первыхъ, г. Араго, сегодня здѣсь вездѣ толпы народа и вездѣ шумъ. А во-вторыхъ, повѣрьте, что я угадалъ ваше желаніе: предлагаю вамъ совершенную тишину, хотя и не одиночество.

— Я тебя не понимаю.

— Пойдемте, и вы поймете.

Ледансёръ, былъ совершенно правъ. Въ кабакѣ уже никто не пилъ, потому что все было выпито, и продавцы отправились домой, предоставивъ свою лавку тѣмъ посѣтителемъ и посѣтительницамъ, которые не могли уже идти далѣе. Дѣйствительно, толпа этихъ гостей (и къ стыду острова долженъ я сказать правду, что гости эти были все прекраснаго пола) заняла всѣ скамьи и даже полъ, отдыхая послѣ попойки.

— Какое зрѣлище! сказалъ я: а только сегодня утромъ говорили имъ такую прекрасную рѣчь о слѣдствіяхъ пьянства, и всѣ эти слушатели и слушательницы плакали отъ умиленія. Ледансёръ, нельзя ли разбудить этихъ островитянокъ? Вѣдь имъ пора отправиться домой.

— Разбудить ихъ очень легко. Но ни одна до завтра не пойдетъ отсюда. Вѣдь это дѣлается на всякомъ праздникѣ.

— Но онѣ крѣпко спать, и ты кажется неправъ, говоря что ихъ легко разбудить.

— Чрезвычайно легко. Только это будетъ стоить четыре франка.

Изъ любопытства далъ я эти деньги. Ледансёръ сталъ посреди комнаты и громко закричалъ имъ:

— Эй, вы! вставайте! а не то васъ завтра накажутъ въ полиціи.

Какъ ни звученъ былъ голосъ Ледансёра, никто не пошевелился.

— Что, любезный! Краснорѣчіе твое безсильно.

— Да вѣдь это я нарочно для васъ сдѣлалъ попытку. По полицейскимъ законамъ, эти женщины будутъ завтра наказаны, онѣ это знаютъ, слышать и не трогаются съ мѣста. Но вѣдь я не за краснорѣчіе же свое взялъ у васъ четыре франка. Вы сейчасъ увидите, что эти гости вскокнутъ, какъ по волшебному жезлу.

Онъ исчезъ на минуту, и скорѣе потомъ воротился, держа въ рукѣ двѣ бутылки водки, которыя куплены были въ другомъ питейномъ домѣ.

— Эй, вы, закричалъ онъ. Вотъ двѣ бутылки славной водки. Кто хочетъ?

Сильная гальваническая струя не такъ быстро и сильно дѣйствуетъ надъ свѣжимъ трупомъ, какъ слово Ледансера. Всѣ вскочили и протянули руку.

Я не могъ перенести этого зрѣлища, и взявши бутылки, чтобъ ихъ откупорить, нарочно сильнымъ ударомъ разбилъ ихъ одна о другую.

На меня посыпались всеобщія проклятія, и вся эта толпа опять повалилась спать.

— Фарсъ сыгранъ, сказалъ мнѣ Ледансеръ. Вы все записываете, г. Араго. Вотъ вамъ новый разсказъ. Онъ вамъ стоитъ четыре франка.

— Ужасно! сказалъ я. Но посмотри, всѣ спятъ опять глубокимъ сномъ.

— Да, потому что уже пить нечего.

— Но еслибъ и было, вѣдь есть же предѣлъ питью.

— У насъ, въ Европѣ, можетъ быть. Здѣсь канани не знаютъ предѣла.

Я вышелъ съ отвращеніемъ и сожалѣніемъ, обвиняя не этихъ дикихъ жителей, а европейцевъ, и именно французовъ и англичанъ, которые ввели здѣсь пьянство, чтобъ лучше управляться съ туземцами.

На берегу было восхитительное зрѣлище всеобщаго отъѣзда моремъ. Всего любопытнѣе было взглянуть на туалетъ здѣшнихъ женщинъ. Что за странная и безвкусная смѣсь цвѣтовъ въ одеждѣ! Сжатые тюники съ краснымъ треугольникомъ на груди! Синее платьѣ, перевитое краснымъ шарфомъ, какъ змѣю! Мужскія шляпы съ перьями! Каждый округъ собирается по особому крику, и группы путешественниковъ формируются съ шумомъ и смѣхомъ, и наконецъ по данному сигналу все двинется вмѣстѣ въ дорогу.

— Вотъ они пошли въ путь, а гостей въ кабакъ забыли. Никто о нихъ и недумаетъ.

— Можетъ быть, тѣ несчастныя, всѣ безродныя, безсемейныя созданія.

— О, нѣтъ! Я вамъ сейчасъ и это докажу.

Онъ остановилъ одного канака, предводителя округа.

— *Инарана, Тарини.*

— *Инарана, Летаторъ.*

— Какъ онъ коверкаетъ мое имя, г. Араго. Но я для васъ прошу ему. Скажи-ка мнѣ, Тарини, какова твоя жена?

— Очень плоха, Летаторъ. *Наму* свалилъ ее съ ногъ.

— Замѣйте, г. Араго, что *намуду* значитъ по здѣшнему водка. Ну, а твоя дочь?

— Еще хуже. Та прежде матери свалилась.

— А младшая?

— Бѣдняжка тоже не устояла отъ *намуду*.

— А твои родныя сестры?

— Всѣхъ повалилъ *намуду*.

— А ты одинъ твердъ еще на ногахъ?

— Къ несчастію! Наму все было уже выпито.

— Какъ же ты одинъ отправляешься въ Папеете? А твои сестры, дочери, жена?

— Вѣдь не наплечахъ же мнѣ ихъ цести.

— Но съ ними можетъ случиться какое нибудь несчастіе.

— Больше тепершняго никакого уже быть неможетъ. Ни у меня, ни у нихъ нѣтъ *наму*.

Я заставилъ прекратить разговоръ и отправится къ лодкѣ, на которой меня взяли отвезти домой.

XV.

ОБЪДЫ И МУЗЫКА.

Одна остроумная француженка очень простодушно сказала однажды о животномъ, покрытомъ щетиною:

— Какъ вѣрно назвали это животное *свиньею*. Посмотрите, какъ оно всегда грязно.

Здѣсь, на Гамбьерскихъ, на Сандвичевыхъ, на Маріанскихъ, на Салононовскихъ островахъ свинья составляетъ первое богатство жителей. Европейцы готовятъ себѣ изъ нея супъ, соусъ, жаркое, пирожное. Безъ свинины нѣтъ обѣда, нѣтъ праздника, нѣтъ *гуна-гуна*. Безъ свиньи нельзя явиться на поклонъ ни къ предводителю, ни къ жрецу. Безъ свиньи нѣтъ семейной радости!

Здѣсь ѣдятъ и барановъ, переселенныхъ изъ Европы, какъ равно и свиней, но для первыхъ нужны луга, а ихъ здѣсь нѣтъ, для свиньи же вездѣ есть пища. По этому бараны здѣшніе невкусны. Здѣсь также мало ѣдятъ рыбы. Канаки слишкомъ лѣнны, чтобъ часто заниматься рыбною ловлей. И если этому народу суждено погибнуть, то конечно это случается не отъ утомленія, а отъ лѣнности и горизонтальнаго положенія.

У канаковъ не назначено часовъ для обѣда. Они ѣдятъ безпрестанно. Я хорошо изучилъ этотъ народъ, и могу утвердительно сказать, что онъ восемнадцать часовъ въ сутки ѣстъ.

Майоре готовится въ пашу слѣдующимъ образомъ. Канакъ безъ одежды взлезаетъ на вершину *дыннаго дерева*, на которое вѣрно ни одинъ европеецъ не осмѣлится пуститься, и достигнувъ до плода, пробуетъ его по звуку, ударяя по немъ пальцами. Если плодъ созрѣлъ, онъ срываетъ его и бросаетъ на землю, слезая самъ съ тою

же почти быстрою, какъ и онъ. Майоре величпою съ дыню. Оболочка его зеленая и шишковатая; внутри, вмѣсто зерна, комокъ нитей, которыя однако не вырываются. Канакъ разрѣзываетъ плодъ на-двое, скоблить оболочку острою раковиною, и сажаетъ его въ печь, обернувъ его банановыми листьями. Черезъ часъ *майоре* готовъ. Здѣсь это самое модное блюдо. Европейцы вскорѣ къ нему привыкають и замѣняютъ имъ даже хлѣбъ.

Обыкновенное питье канака вода, или кокосовое молоко. Но если онъ успеетъ достать *паму*, то есть водки или вина, о! тогда будьте увѣрены, что онъ, жена его, сестры, дѣти, все перепьются, какъ свиньи.

— О чемъ ты думаешь Туане? спросилъ я одну канакскую дѣвицу.

— Чтобъ у меня было столько *майоре*, сколько я могу съѣсть.

— И *паму* столько же?

— О, нѣтъ! гораздо больше.

Какъ это напоминаетъ мнѣ анекдотъ съ англичаниномъ, у котораго спросили: чего бы онъ пожелалъ себѣ, еслибъ волшебникъ предложилъ ему на выборъ исполнить *три* желанія?

— Во-первыхъ, сказалъ англичанинъ, я бы пожелалъ имѣть всегда столько бифтексу, сколько мнѣ захочется.

— Хорошо! А второе?

— Во-вторыхъ, столько портеру, сколько я въ состояннн выпить.

— А въ-третьихъ?

Англичанинъ на минуту задумался.

— А въ-третьихъ, отвѣчалъ онъ, еще немножко портеру.

Канакъ весьма прожорливъ, и ѣстъ все руками. У него нѣтъ посуды, вилки, скатерти, салфетокъ. Банановый листъ замѣняетъ все. Ставятъ на столъ пищу, и всякій беретъ за нее руками.

Можетъ быть, скажутъ, что это грязно, отвратительно. О нѣтъ! Сердце мое всегда отдыхало, видя здѣсь эту невинную обжорливость. Я вспоминалъ кровавыя пиршества на Пубагивѣ, эти людодѣственные объѣды, за которые стыдно всей Европѣ и всему христіанству.

Однако же я обѣщалъ въ заглавіи поговорить о музыкѣ. Исполняю обѣщаніе.

Когда я въ первый разъ посѣщалъ Океанійскіе Архипелаги, то замѣтилъ, что все пѣніе состоитъ изъ трехъ нотъ, болѣе или менѣе ускоренныхъ, и что это составляло речитативъ съ модуляціею, служа развлеченіемъ при работѣ. Теперь видѣлъ уже прогрессъ. Мелодія также правильная, однообразная, но гармонія уже прошла и сюда черезъ волны и горы. Вы слышите уже съ удовольствіемъ музыкальный ритмъ въ жививъ островитянина. Сперва поетъ одинъ голосъ, потомъ все. Сперва

родъ вопроса, вызова, потомъ отвѣтъ, и не *unisono* какъ прежде, но терціями, квинтами и съ удивительною вѣрностью; все это представляетъ особенное удовольствіе.

Какой же вы думаете любимый инструментъ канаковъ на Таити на Маркизскихъ и на островахъ Мореплавателей? Это *варганъ*. Это странный кусокъ желѣза, въ видѣ лиры, раздвоенной маленькимъ стальнымъ язычкомъ. Мнѣ всегда смѣшно было видѣть этихъ дѣвушекъ, тихо идущихъ съ полузакрытыми глазами и вдыхающихъ въ себя звуки любимого своего инструмента.

Другой инструментъ этихъ веселыхъ виртуозокъ состоитъ въ ладняхъ, которыхъ ударъ съ болѣе или менѣе округленнымъ отверзтіемъ издаетъ ноты слабѣе или сильнѣе.

XVI.

НОЧЬ НА ТАИТИ.

Привѣтствую тебя, ночь на Таити! Ты истинное благодѣяніе! Здѣсь чувствуешь, что спишь. Въ Европѣ знаешь только, что надобно спать. Здѣсь жизнь правильно распределена. Изъ ночи не дѣлають дня и обратно. Здѣсь не отбиваютъ другъ у друга пищи. Кокосы, апельсины, бананы, эви, майоре, растутъ въ изобиліи. Здѣсь тотъ и богаче, у кого лучше аппетитъ. У него значить больше припасовъ, и сонъ ночной не дѣлаетъ его бѣднѣе.

Еслибъ кого изъ европейцевъ застала ночь вдали отъ рейда Папеете, гдѣ развѣвается нашъ протекторскій флагъ, то стоитъ оглянуться. Хижина направо, налево; дверь отперта, войдите; лягте гдѣ вамъ вздумается, и поутру, когда все проснется, никто не удивится вашему присутствію, никто не спроситъ васъ: какъ и зачѣмъ вы пришли?

— Инарана! скажутъ они вамъ.

— Инарана! дадите вы въ отвѣтъ, и все кончено. Съ этой минуты вы уже принадлежите къ семейству, и васъ всегда радостно встрѣтятъ.

Однимъ изъ благодѣяній таитійскихъ ночей то, что никакая змѣя, ни ядовитое насѣкомое не возмутитъ вашего сна. Лягте на горѣ, въ долинѣ, въ пескѣ, на травѣ, вамъ нечего опасаться. Нѣтъ ни ящерицъ папу, ни мохнатыхъ бразильскихъ пауковъ, ни парагвайскаго ягуара, ни бенгальскаго тигра, ни боливійской колокольчатой змѣи, ни малайскіаго крокодила, ни удава Малайскихъ острововъ. Не бойтесь и тысяченожки, ползающей подъ травой. Здѣшніе жители такъ крѣпко

спать, что даже никогда не видятъ сновъ. Я всѣхъ ихъ спрашивалъ что они видятъ во снѣ. Всѣ отвѣчали, что никогда ничего не видятъ.

Впрочемъ, если здѣсь нѣтъ опасныхъ и ядовитыхъ животныхъ, то безпкойныхъ много. Напримѣръ, здѣсь бездна черныхъ и красныхъ муравьевъ, бѣлыхъ и черныхъ таракановъ, всякаго рода мухъ и американскихъ комаровъ. Но противъ жужжащей публики стоитъ только имѣть кисѣйный пологъ, и вы можете спать совершенно спокойно.

XVII.

ВСЕГО ПО НЕМНОГУ.

Семейства канаковъ, принявшихъ христіанскую вѣру, совершаютъ утреннія и вечернія молитвы всѣ вмѣстѣ. Старшій читаетъ молитву, заученную ему миссіонеромъ, а прочіе повторяютъ.

Главное занятіе жителя Таити отъ старшаго ребенка, отъ матери семейства до малолѣтней дочери, состоитъ въ куреньи. Больше всего здѣсь любятъ американскій табакъ, привозимый плитками. Въ обществѣ курятъ обыкновенно одну сигару, то есть каждый затянется разъ двѣнадцать и передастъ сигару сосѣду, и такъ далѣе, покуда нужно взять другую.

На таитскомъ языкѣ нѣтъ выраженій: собака *лаетъ*, кошка *мяучитъ*, лошадь *ржетъ*, корова *мычитъ*. Здѣсь всѣ животныя *говорятъ*.

Преданность таитянъ къ Помаре удивительна.

— Куда ты пойдешь послѣ смерти? спросилъ я одного канака, чтобъ узнать мысли его о безсмертіи души.

— Я пойду служить своей королевѣ Помаре.

— Но если ты прежде ее умрешь?

— Такъ я буду ждать ее тамъ.

Языкъ таитянъ чрезвычайно однозвученъ. Все кажется слышишь однѣ и тѣ же фразы: *ма теата меато де де неака*. Часто одно и то же слово выражаетъ совершенно другую мысль, вся разница въ интонаціи.

Въ продолженіе десяти лѣтъ было здѣсь одно только убійство. Жена, которой мужъ измѣнилъ, убила его. За это приговорили *татуировать* на лицѣ ея надпись *убійца*.

Здѣсь есть тюрьма, но она всегда пуста. Притомъ же комендантъ говорилъ мнѣ, что человѣкъ подожже свалитъ плечомъ все зданіе.

Женщины толстѣютъ здѣсь съ двадцати лѣтъ, но съ десяти до двѣнадцати—это образцовое произведеніе природы.

Въ таитійскомъ языкѣ никогда не встрѣчается двухъ согласныхъ буквъ сразу. Туземцы не могутъ произносить по этому многихъ нашихъ именъ. Буквы *z*, *c*, не существуютъ въ ихъ языкѣ.

Три фразы составляютъ самый обыкновенный оборотъ ихъ рѣчей.

Лошадь, для нихъ европейское животное, и они его назвали: *Шуа аро Фонна* (быстро бѣгущее по землѣ животное).

— Куда ты идешь?

— Сверху внизъ. (Это значить съ запада на востокъ).

Я уже выше сказалъ, что интонація даетъ значеніе слову. Такъ, напримѣръ, *окъ*, значить: *сладость*, *умпренный*, *король* и еще съ двадцать значеній.

Между канаками никогда не бываетъ запкъ.

Уродовать формы новорожденныхъ дѣтей здѣсь въ модѣ. У всякаго родившагося ребенка отецъ, или ближайшій родственникъ сжимаетъ голову съ затылка и лба, придавая черепу какую-то странную и непріятную плосковатость. Аполлонъ и Венера медицинская здѣсь бы не понравились.

Дѣтямъ даютъ здѣсь имена по физическимъ ихъ качествамъ, или недостаткамъ, иногда же по случайнымъ событіямъ въ ихъ жизни. Такъ, напримѣръ, одна больная дѣвочка просила все воды, и ее прозвали *Анци-ван* (просящая воды). Канакъ свихнувшій себѣ колѣно, названъ былъ *Моитури* (больное колѣно). Дѣвушка, неплакавшая во время сильной боли, названа *Атайоре* (безъ слезъ).

Здѣсь есть странные обычаи. Два князѣ долго не видались и встрѣчаются. Они подходятъ другъ къ другу, жмутъ руки и расходятся, но вдругъ оборачиваются, плачутъ на взрыдъ, обнимаются, еще минута—и оба захохочутъ, поцѣлуются и разойдутся.

Тайо (другъ) слово, которое такъ уважается на Маркизскихъ островахъ и Мореплавателей, здѣсь имѣетъ такое же значеніе, какъ въ Парижѣ и Лондонѣ, то есть какъ шляпа, стулъ, тротуаръ, однимъ словомъ ласковое слово безъ всякаго смысла.

Самое удивительное качество канака, это память его. Не знаяши вашего языка, онъ тотчасъ же выучитъ наизусть любую пѣсню, тираду, куплеты, цѣлый монологъ.

XVIII.

БРАЗИЛІЯ.

Въ третій разъ привѣтствую тебя, Бразилія!

Вотъ мы на рейдѣ. Вотъ за нами форты Лошъ и Зилеганьянъ, у котораго мы и бросаемъ якорь. Вотъ церкви направо и налево, гдѣ матросы приносятъ свою лепту за оказанное имъ небомъ покровительство. Вотъ далѣе острова Дасъ-Кобрасъ, Досъ-Ратосъ, Ботафого, Санъ-Доминго, Карковадо, Прайа-Гранде. Вотъ водопроводъ съ двойными рядами аркадъ. Вотъ островъ *До-Гобернадоръ*. Вотъ, однимъ словомъ, моя любезная Бразилія, какъ была за тридцать лѣтъ тому назадъ, съ тою роскошною зеленью, какъ въ день перваго созданія.

День разсвѣтаетъ, пушки салютуютъ; мы можемъ сойти на берегъ.

Къ намъ выѣхалъ на шлюпкѣ другъ и соотечественникъ Тоней, французскій консулъ, о которомъ я уже говорилъ въ *Воспоминаніяхъ слѣпаго*. Я спрашиваю: далеко ли пристань?

Мнѣ отвѣчаютъ, что пристани нѣтъ, и на рукахъ выносить на берегъ. Я тотчасъ же пошелъ по знакомой мнѣ площади, повернулъ въ улицу, называемую *прямую*.

Здѣсь уже нѣтъ Бразиліи, все европейское: модные магазины, сапожники, портные, парфюмеры, куаферы. Стоитъ ли переплывать черезъ Океаны, чтобъ видѣть опять Парижъ!

На одной вывѣскѣ была надпись *A-comerçio*. Это редація Португальской газеты. Я зашелъ туда. Увы! и тамъ все французы. Наконецъ пошелъ въ *Hotel de la Bourse*, и потребовалъ себѣ на португальскомъ языкѣ двѣ комнаты и завтракъ.

Мнѣ отвѣчали по-французски, что все тотчасъ же будетъ готово. Меня даже знали по имени.

Неужели въ Бразиліи нѣтъ Бразильцевъ?

XIX.

РІО-ЖАНЕЙРО.

Я просилъ аудиенціи Императора и получилъ ее съ такоюнисходительностью, которая придаетъ ей двойную цѣну.

Я явился и ждалъ не болѣе десяти минутъ. Вышелъ Императоръ съ однимъ изъ министровъ.

— Я очень радъ, сказалъ онъ, что вижу у себя брата одного изъ ученѣйшихъ мужей, которыми Еврона гордится.

— Я повторю слова вашего величества моему брату, и онъ сдѣлаютъ его счастливымъ.

— Скажите ему, что я хочу построить обсерваторію въ Ріо-Жа-

нейро, пусть онъ мнѣ пришлетъ планъ и смѣту, которыми бы могли руководствоваться мои архитекторы.

— Если ваше величество прикажете, я и теперь могу въ подробности описать парижскую обсерваторію.

— Благодарю, но лучше получить отъ вашего брата.

— Онъ будетъ радъ исполнить ваше приказаніе.

— А что, г. Араго, помните ли вы первое свое путешествіе въ 1821 году. Вы рассказали о немъ въ вашей книгѣ.

— Это былъ мой долгъ.

— Такъ вы расскажете и теперешній нашъ разговоръ.

— Всякое слово вашего величества принадлежитъ исторіи.

— Вы кажется льстите, г. Араго.

— Я служу отголоскомъ вашихъ подданныхъ.

— Кому же вы посвятите свою книгу?

— Вашему величеству, если позволите.

— Я принимаю.

— И я постараюсь заслужить эту милость.

— Вы знаете, что завтра играютъ здѣсь вашу драму. Будете ли въ театрѣ?

— Буду, ваше величество, Гаэтано предлагалъ мнѣ ложу.

— Это отличный актеръ. Прощайте, г. Араго. Я съ большимъ удовольствіемъ прочту вашу книгу.

На другой день стояло на афишѣ: *L' eclat de rire*, комедія Якова Араго. И крупными буквами:

«Спектакль данъ будетъ, не смотря ни на какую погоду.»

Я отправился въ театръ, гдѣ мнѣ приготовили великолѣпную ложу. Директоръ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Императора ожидаютъ въ театръ. Но я не смѣю надѣяться: это чрезвычайно большая милость.

Публика удостоила меня своими привѣтствіями; два поэта прочли стихи въ честь мою, и актеры принесли мнѣ золотой вѣнокъ. Я со слезами отблагодарилъ публику, а изъ вѣнка вырвавъ только одинъ листикъ на память, возложилъ его на голову Гаэтано.

Это удивительный актеръ. Онъ соединилъ въ себѣ все качества Тальмы и Фредерика Леметра.

Во время представленія прислалъ за мною Императоръ, гдѣ пожаловалъ мнѣ великолѣпный подарокъ. Императрица удостоила сказать мнѣ нѣсколько милостивыхъ словъ, а въ полночь, сопровождаемый тридцатью лодками съ музыкою и факелами, я воротился на свой корабль, который тотчасъ же поднялъ якорь.

Давно я не видалъ Рио-Жанейро. Какъ онъ съ тѣхъ поръ расширился! Прайа-Грива захватываетъ уже пески пустыни. Санъ-Доминго растеть надъ берегомъ. Ботафого съ самодовольствомъ смотритъ въ волны. Въ 1818 году все это было въ младенствѣ, теперь все въ юности. Но вскорѣ страна эта возмужаетъ, и тогда поговоримъ о ней поболѣе.

Вотъ я и на возвратномъ пути въ отечество. Разказывать ли вамъ о моемъ кораблѣ? Нѣтъ! иногда молчаніе служитъ урокомъ. Замолчу. Вотъ и Франція!

XX.

АРГОНАВТЫ.

А гдѣ же мои Аргонавты? Гдѣ же то общество, которое при отъѣздѣ выбрало себѣ предводителемъ слѣпца? Увы! Всѣ они разсѣялись отъ Парижа до Калифорніи, отъ Бразиліи до Китая, отъ Вальпарайзо до Скалистыхъ горъ.

Для исторіи нашего похода Аргонавтовъ остались только два письма, напечатанныя въ свое время во всѣхъ газетахъ.

Письмо Жака Араго къ любезнымъ Аргонавтамъ.

«Горестное прощаніе произнесено между нами. Мои товарищи, съ которыми я долженъ былъ раздѣлять труды и опасности, не хотятъ, чтобъ я ѣхалъ съ ними на розсыпи, боясь за мои слабыя силы и испуганные извѣстіями о беспорядкахъ, происходящихъ въ Санъ-Франциско. Мы расстаемся. Они одни пойдутъ испытывать бури океана, штили Экватора и шквалы Сѣвера, меня не будетъ съ ними въ дружескихъ разговорахъ, и когда ураганъ зареветь вокругъ меня, я буду воображать, что они гибнутъ, и что я слышу послѣдній ихъ вздохъ въ прибой волны.

Небо свидѣтель! я хотѣлъ дѣлить съ ними и радость, и горе. Я становлюсь старъ, и если гоняюсь еще за счастьемъ, то не для потомства своего.

Всѣ мои Аргонавты отправились съ золотыми мечтами. Всѣ воображали свой возвратъ съ горами металла для покупки домовъ, помѣстій.

Мужайтесь же, друзья! Согласіе и бодрость. Вотъ ваше настоящее, будущее и ваша безопасность. Васъ сорокъ человѣкъ. Старайтесь быть неразлучными, и тогда вашъ бѣдный Велисарій будетъ вполне счастливъ, прощаясь съ вами теперь со слезами на глазахъ.

Печальнѣе всего разлука, всего утѣшительнѣе возвратъ. Мы и въ отсутствіи будемъ видѣться и разговаривать. Но слѣпой и зрячей радостно опять увидятся на родинѣ.

А потому я не прощаюсь съ моими Аргонавтами и говорю имъ: до свиданія.

Жакъ Араго.

Вальпарайзо, 2 октября 1849.

Отъ друзей къ другу, отъ Аргонавтовъ къ Жаку Араго.

Съ гордостію и печалію читали мы въ газетахъ выраженіе вашихъ чувствъ къ намъ.

Да, г. Араго! послѣднія извѣстія изъ Калифорніи испугали насъ. Мы невольно должны сознаться, что безразсудно было бы везти васъ съ нами и подвергать опасности вашу жизнь.

Противупоставляя осторожность опасности, мы исполняемъ свой долгъ.

Вы останетесь, чтобъ не увеличить нашихъ несчастій. Въ Калифорніи измѣнились дѣла. Затрудненія сдѣлались невозможностями, и мы не хотѣли подвергать имъ васъ.

Но какъ здѣсь, такъ и вездѣ выгоды ваши будутъ сохранены. Ваша сила будетъ нашею защитою. Сердца наши будутъ достойны вашего уваженія.

Аргонавты.

Вальпарайзо, 4 октября.

Такъ разстались мы. Гдѣ-то свидимся?

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

Разговоры à propos.—Пропешествіе съ миллионеромъ. — Хозяйка дома, любящая умноженіе.—Мщеніе банкира самому себѣ.— Дорогой совѣтъ друга. — Вещи къ выставкѣ 1855 года.— Лондонскія дѣны за парижскія квартиры. — Осеннія скачки. — Рыбы въ Булонскомъ лѣсу.— Изобрѣтеніе Тибо.— Вѣрное средство отъ холеры.— Возвращеніе Крувелли.— Приготовленіе клакеровъ.— Приемъ публики.— Речитативъ кстаті.— Отецъ Валентины еще болѣе кстаті.— Ошибочный зноиств.— Примиреніе артистки съ публикою.— Непріятное положеніе итальянской примдонны.— Where is Cruvelli? новая пьеса въ Лондонѣ.— Исторія французскаго театра.— *Розамунда* г. Латура.— Неудачный сюжетъ. — Артистическая постановка.— Нервическій принадлежъ Рашели.— Статья Густава Планша о Рашели и игрѣ ея въ Гораціяхъ и Маріи Стюартъ.— Парижская публика начинаетъ разочаровываться.— Оперы Верди. — Новые пьесы.— *Фламиніо* Жоржъ Занда.— *Фламинія*, принужденная переименовать свое имя.— Герои автора Шампи.— Начало, отклеившееся отъ конца пьесы.— Мнѣніе нѣкоторыхъ критиковъ.— *Фламиніо* Лафонтенъ и Сара-Шери.— *Совѣсть* Дюма.— Система его брать *свои* пьесы у другихъ. — Три драмы Ифанда.— Нѣмецкія пьесы на французской сценѣ.— Страсть публики къ Дюма и Дюма къ чужимъ произведеніямъ.— Еще новый театръ.— Некрологъ Рубини и мнѣніе музыкальныхъ критиковъ о свойствахъ голоса и дарованіи покойнаго тенора.— Значеніе Рубини въ исторіи пѣнія и оперы.

Въ Парижѣ всякое происшествіе, какъ бы оно ни было маловажно, занимаетъ нѣсколько дней публику, журналы и всѣ разговоры. Не говоря уже о политикѣ, которая теперь играетъ самую важную роль, бѣгство Крувелли, процессъ Рашели, трагедія Легуве, выборы въ академію, *Африканка* Мейербера, новая опера Верди кстаті и не кстаті приводятся поминутно.

— Когда вы мнѣ заплатите долгъ, спрашиваетъ франтъ портной, встрѣтивши его совершенно нечаянно:

— Когда Крувелли вернется въ Парижъ.

— Я получилъ превосходную шаль, говоритъ купецъ хорошенькой покупательницѣ, и нарочно берегу ее для васъ.

— Я куплю непременно... когда Рашель сыграетъ Медеу.

— Когда наконецъ вы скажете мнѣ: люблю, шепчетъ милордъ одной извѣстной пѣвицѣ?

— Когда поставятъ на сцену *Африканку* Мейербера.

И множество другихъ подобныхъ отвѣтовъ à propos слышатся поминутно и разнообразять разговоры, всегда неистощимые, потому что въ большомъ городѣ всегда бываютъ случаи, обращающіе на себя всеобщее вниманіе.

Вотъ одно происшествіе, случившееся на дняхъ съ милліонеромъ Мире. Онъ давно уже отыскивалъ себѣ удобный домъ, но такъ какъ у богачей удобство требуетъ очень многихъ условій, то банкиръ напрасно посѣщалъ продающіеся отели во всѣхъ улицахъ Парижа; ни одинъ не приходился ему по вкусу. Наконецъ недавно онъ узналъ, что продается домъ въ Матюренской улицѣ и тотчасъ же отправился туда съ своимъ другомъ. Хозяйка дома сама показала посѣтителямъ свое владѣніе, и такъ какъ оно было комфортабельно и прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ, то банкиръ, желая поскорѣе пріобрѣсти его, спросилъ, что она возьметъ за отель.

— Восемьсотъ тысячъ франковъ, отвѣчала хозяйка.

Милліонеръ можетъ быть и не сталъ бы торговаться, но другъ отвелъ его въ сторону и сказалъ:

— Домъ не стоитъ этихъ денегъ, но хозяйка знаетъ, что вы давно ищете себѣ жилище по вкусу; она замѣтила, что вамъ здѣсь нравится, и потому запросила такъ дорого. Погодите недѣлю, и вы увидите, что она сбавитъ цѣну.

Черезъ недѣлю хозяйка прислала сказать, что она хочетъ за домъ 850,000 фр.

Банкиръ задумался не на шутку и продумавши недѣлю, послалъ сказать, что онъ даетъ эту сумму.

Но хозяйка отвѣчала, что теперь домъ ея стоитъ 900,000 фр.

Милліонеръ разсердился не на шутку и хотѣлъ уже отказаться отъ этого пріобрѣтенія, но это была, можетъ быть, первая неудача въ его жизни, и желая поставить на своемъ, онъ согласился дать требуемую цѣну. Но такъ какъ въ это время прошло двѣ недѣли, и хозяйка положила себѣ за правило надбавлять по пятидесяти тысячъ франковъ на каждые семь дней, то она потребовала ровно милліонъ.

Тогда банкиръ пришелъ въ ярость и поклялся отмстить хозяйкѣ, чего бы это ему ни стоило. Возлѣ продаваемого дома было пустое мѣсто, отъ котораго въ комнатахъ было всегда свѣтло и воздухъ прекрасный. Милліонеръ купилъ это мѣсто, и не щадя денегъ вывелъ какъ можно скорѣе самую высокую стѣну, какія только существуютъ въ Парижѣ, прямо передъ окнами хозяйки, и отстроивъ семиэтажный домъ, тотчасъ же наполнилъ его жильцами сверху до низу.

Лишивъ хозяйку свѣта и воздуха, онъ опять началъ искать себѣ въ

Парижѣ отдѣльнаго жилья, но ни какъ не могъ найти. Въ самомъ дѣлѣ, кто хочетъ жить удобно и покойно, тому очень трудно найти квартиру въ Парижѣ. Страсть къ музыкѣ до того овладѣла всеми парижанами, что съ чердаковъ до подваловъ, съ утра до вечера, точно въ кузницѣ, гдѣ молотки не перестаютъ бить по наковальнѣ, неутомимыя руки не устаютъ бить по клавишамъ. Извольте послѣ этого жить въ такомъ фортопянополисѣ, и еще раздражительному милліонеру. Мире искалъ, искалъ и ничего не нашелъ. Между тѣмъ отель Матюренской улицы не выходилъ у него изъ головы, и наконецъ, разстроенный различными непріятностями, потерявъ надежду найти когда нибудь домъ хоть сколько нибудь сносный, онъ послалъ повѣреннаго къ хозяйкѣ только съ тѣмъ, чтобъ не упоминали о его имени, потому что, пожалуй, ему пришлось бы заплатить дороже милліона. Домъ продали, и наконецъ Мире переѣхалъ въ свой отель, который обошелся ему не дешево. Но вотъ бѣда! Онъ вывелъ стѣну почти на своемъ носу и комнаты его были темны и душны. Мищеніе постигло его самого и, къ довершенію несчастія, онъ не могъ сломать своего собственнаго дома, построеннаго въ минуты досады, потому что домъ былъ за-контрактванъ на нѣсколько лѣтъ и приносилъ ему большіе доходы, по случаю настоящаго недостатка въ квартирахъ. И всему этому былъ причиною услужливый другъ! Можно подумать, въ самомъ дѣлѣ, что онъ былъ въ заговорѣ съ хозяйкою дома. Да и милліонеру не худо бы вспомнить пословицу: не дѣлай никогда другому того, чего не хочешь, чтобъ дѣлали тебѣ. Теперь банкиръ смотритъ на свою стѣну и вздыхаетъ.

Я посѣщалъ нѣкоторыя изъ большихъ мастерскихъ, въ которыхъ готовятся вещи къ выставкѣ 1855 года. Къ удивленію моему я не нашелъ великолѣпныхъ приготовленій, хотя всѣ предметы сдѣланы артистически и достойны вниманія. Отчего же такъ мало образцовыхъ произведеній для парижской выставки, когда эти же самые артисты посылали въ лондонскій кристалльный дворецъ превосходныя вещи, заслужившія медали и всеобщее удивленіе. Въ томъ-то и бѣда, что удивленія и медали мало для человѣка, живущаго своимъ ремесломъ. Вся Европа восхищалась въ Лондонѣ чудными бронзами, мебелью, драгоценными вещами, оружіемъ, коврами, фарфоромъ, матеріями, но больше половины этихъ дорогихъ товаровъ остались въ рукахъ продавцевъ, тогда какъ предметы попроче и подешевле были всѣ раскуплены очень выгодно. Неужели Европа въ состояніи только восхищаться, но не въ состояніи покупать? Для чего же послѣ этого промышленникамъ терять время, труды и деньги, чтобъ образцовое произведеніе украсило выставку и осталось у самихъ продавцевъ. Не лучше ли имъ дѣлать

вещи, доступныя всѣмъ кошелькамъ. Если отъ этого пострадаютъ искусство и народная слава, то много выиграетъ торговля, которая никакъ не можетъ жить однимъ удивленіемъ покупателей. Лондонская выставка проучила уже многихъ, парижская же будетъ открыта при такихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ, что отъ нея нельзя ничего требовать. Многие ли могутъ въ настоящее время жертвовать капиталами, чтобъ произвести отличную вещь, которая не найдетъ себѣ покупателя! Вотъ отчего догадливые промышленники работаютъ только обыкновенныя вещи. Впрочемъ и между ними есть превосходные артистическіе предметы, доказывающіе большой вкусъ, умѣнье и талантъ, и которые при выгодномъ помѣщеніи будутъ производить большой эффектъ.

Вмѣстѣ съ кристалльнымъ дворцемъ и выставкою перешло черезъ море кажется и безуміе лондонскихъ домохозяевъ. Спекуляторы просто потеряли рассудокъ, потому что съ этихъ поръ устраивая помѣщенія для весны, назначаютъ за нихъ такія же баснословныя цѣны, какія были во время лондонской выставки. Но и англичане подъ конецъ принуждены были сбавить цѣны; поэтому вѣроятно и парижане одумаются, особенно когда будетъ готовъ отель на Палеройальской площади, въ которомъ будетъ *тысяча двести* комнатъ, со всевозможнымъ комфортомъ.

Осеннія скачки происходили въ Лоншанѣ при благопріятной погодѣ. Разумѣется, что все общество парижскихъ спортсменовъ присутствовало на нихъ и восхищалось скачками съ препятствіями и безъ препятствій, встрѣчая радостными криками четвероногихъ побѣдителей. Эта забава тоже занесена въ Парижъ черезъ проливъ и до того привилась къ парижскимъ нравамъ, что теперь французы не могутъ безъ нея обойтись, и скачки слѣдуютъ за скачками при многочисленномъ стеченіи публики.

Украшенія булонскаго лѣса все еще продолжаютъ, такъ что къ будущему году онъ рѣшительно сдѣлается самымъ великолѣпнымъ мѣстомъ для гулянья. Теперь въ верхнее озеро напустили много рыбы, такъ что прибавится еще одно увеселеніе для гуляющихъ.

Нѣкто Тибо, работникъ у дровяника въ Эльбѣффѣ, придумалъ очень простой аппаратъ, посредствомъ котораго онъ можетъ цѣлые полчаса оставаться подъ водою, безъ малѣйшаго вреда. Нѣсколько опытовъ было уже сдѣлано при лицахъ, назначенныхъ правительствомъ и многочисленной публикѣ, и всѣ они удались. Объ этомъ изобрѣтеніи представленъ уже отчетъ академіи наукъ. Бѣдный работникъ Тибо предлагаетъ свой способъ правительству, ничего отъ него не требуя, кромѣ того, чтобъ онъ былъ обнародованъ въ скоромъ времени и могъ бы послужить къ общей пользѣ.

Между эксцентрическими средствами, принятыми для предупреждения холеры, одно из самых странных принадлежит кантону Ааргау въ Швейцаріи, гдѣ правительство запретило на время холеры танцы, будто бы весьма вредные для здоровья жителей.

Но жители этого кантона такіе страстные охотники до танцевъ, что не смотря на холеру и запрещенія, все таки продолжаютъ танцовать до упаду и находятъ еще, что неутомимые танцоры гораздо здоровѣе тѣхъ, которые вдругъ перемѣнили свои привычки и живутъ по рецептамъ докторовъ. Лучшее средство отъ холеры, говоритъ одинъ извѣстный докторъ, это не замѣчать ее и не мѣнять образа жизни.

Театральныхъ новостей въ Парижѣ очень много, не смотря на то, что зима только что смѣнила теплую, ясную осень. Всего болѣе шума надѣлало возвращеніе Софіи Крувелли, такое же внезапное какъ и ея побѣгъ. На афишахъ ея имя стояло огромными буквами, и она должна была выйти въ тѣхъ же Гугенотахъ, отъ которыхъ убѣжала; достоверно еще неизвѣстно почему, но между разногласными слухами самый вѣроятный тотъ, что пѣвица уѣхала не одна, надѣясь обвиняться гдѣ нибудь въ глуши съ наслѣдникомъ громкаго имени и огромнаго состоянія, но что по дорогѣ произошелъ между любящимися жаркій споръ, и женихъ поѣхалъ въ свои помѣстья, а невѣста, прогулявшись до Франкфурта, вернулась въ Парижъ, боясь потерять калифорнское жалованье и заплатить большой штрафъ. Къ представленію Гугенотовъ созданы были всѣ клакеры и получили инструкціи, какъ поступать въ этомъ деликатномъ примиреніи публики съ оригинальною артисткою. Римляне должны были встрѣтить артистку громкими рукоплесканіями, но одинъ изъ нихъ (одѣтый въ этотъ день по модѣ) долженъ былъ шикнуть довольно громко, выражая этимъ свое неудовольствіе за своевольный поступокъ любимой пѣвицы. Сосѣдь его, принадлежащій тоже къ почтенному обществу клакеровъ, долженъ былъ встать и сказать публикѣ немного дрожащимъ голосомъ: «Господа, Крувелли женщина!... мы французы... рыцари! Мы должны уважать слабыхъ женщинъ, быть съ ними вѣжливыми. Если Крувелли виновата передъ публикою, то публика уже все забыла, зачѣмъ же намъ быть очень взыскательными. Да здравствуетъ Крувелли!»

Этотъ спичъ должны были покрыть восторженныя рукоплесканія всѣхъ рыцарей; Крувелли поклонилась бы имъ положила руку на сердце, и всѣ остались бы довольны. Кто-то предложилъ бросить нѣсколько букетовъ (разумѣется на счетъ пѣвицы), но та отказалась отъ этой чести, потому что, и то къ вечеру, купила новыя перчатки.

Вечеромъ все пошло иначе. Первый актъ прошелъ холодно, и любопыт-

ные даже во время аріи королевы Маргариты шептались и съ нетерпѣніемъ ждали выхода Валентины. Наконецъ она является на верху лѣстницы замка Шенонсо, и дрожа сходитъ съ нея. Всѣ лорнеты, очки и глаза устремились на нее, но съ такимъ угрожающимъ видомъ, что клакёры не смѣли подать сигнала къ аплодисментамъ, и въ залѣ было тихо какъ въ могилѣ. Наконецъ Крувелли подошла къ самой рамѣ, но ни одна пара палевыхъ перчатокъ не замѣтила ее. Наконецъ король Маргаритѣ наскучило дожидаться, чтобъ фрейлинѣ ея аплодировали, и она вскричала (нотамп ut, fa, fa, fa, mi, re, mi diéze).

«Ma fille, allons, courage!

Dis-moi le résultat de ton «hardi voyage!»

Эти слова, заключавшія въ себѣ ясный намекъ на бѣгство пѣвицы, произвели взрывъ хохота въ залѣ. Всѣ отъ партера до райка разсмѣялись до слезъ, и даже муниципальная гвардія не могла удержаться отъ смѣха. Крувелли поняла, что если публика смѣется, значитъ она обезоружена, и сама начала хохотать. Когда шумъ не много успокоился, Валентина продолжаетъ сцену и отвѣчаетъ Маргаритѣ, что графъ Неверъ *отказался отъ ея руки...* Публика опять захохотала, но артистка была уже серьезна и ушла за кулисы, явно разсерженная, но не провожаемая ни однимъ знакомъ ободренія. Клакёры точно окаменѣли и не смѣли пошевелинуться. Въ антрактѣ между вторымъ и третьимъ дѣйствіемъ поднялась завѣса, и ораторъ оперы Прово вышелъ чтобъ сдѣлать анонсъ.

— Крувелли уѣхала! Крувелли убѣжала! закричали со всѣхъ сторонъ, не давъ Прово выговорить ни одного слова, но тотъ объявилъ, что г. Обенъ (Aubin) внезапно охрипъ и проситъ снисхожденія публики.

Въ третьемъ дѣйствіи, въ дуэтѣ съ Марселемъ, Крувелли была такъ трогательна, пѣніе ея было до того хорошо, что клакеры осмѣлились захлопать сперва подъ сурдину, погомъ громче; нѣсколько французскихъ рыцарей присоединились къ нимъ, публика не противилась, и тѣмъ окончилось *недоразумѣніе* между публикою и артисткою, которая смѣло можетъ опять придумать какую нибудь оригинальную штуку, чтобъ подурочить публику, переносящую всѣ выходки и даже дерзости, только бы ее забавляли. Если публика не заставляетъ уважать себя, то артисты совершенно правы, что позволяютъ себѣ все, что имъ вздумается, особенно за такое жалованье, какое получаетъ Крувелли. Надобно замѣтить, что побѣгъ Крувелли былъ причиною другаго такого же происшествія. Опера, потерявъ эту артистку, разслала по всѣмъ дорогамъ отыскивать другую пѣвицу, способную играть эти роли. Въ одномъ итальянскомъ театрѣ нашлась примадонна,

подающая большія надежды, и прельстясь славою играть въ Парижѣ, бросила свою сцену точно также какъ Крувелли, и прискакала въ столицу Франціи по южной желѣзной дорогѣ... къ несчастію въ тотъ самый день, когда Крувелли въѣхала по сѣверной. Что-то теперь будетъ дѣлать дирекція съ своими примадоннами?

Мало того, что бѣгство Крувелли надѣлало въ Парижѣ столько шума, что заглушило на время политику, но и въ Лондонѣ оно заняло публику до того, что въ Strand theatre поставили піесу подъ названіемъ: *Where is Cruvelli? Гдѣ Крувелли?* Актриса, представляющая оригинальную примадонну, бѣгаетъ по сценѣ съ голыми руками до плечъ, съ густыми бровями, и два лакея поминутно ей подаютъ то шаль, то чашку бульона. Толпа импрессаріевъ, маэстро и членовъ Жюкей-клуба преслѣдуютъ ее и предлагаютъ ей кто ангажементъ за баснословное жалованье, кто роль въ оперѣ, кто сердце. Но фантастическая *diva* въ отчаяніи отвергаетъ все предложенія, она продолжаетъ бѣгать по улицамъ и дорогамъ и ищетъ... свою резинку, которой имѣетъ обыкновеніе чистить перчатки. Эту резинку увезла нечаянно сестра Крувелли во Франкфуртъ, и за нею-то бѣгаетъ пѣвица, незная по какой дорогѣ сестра поѣхала. Эту біографическую Одиссею собираются поставить на одномъ изъ французскихъ театровъ. Вотъ въ чемъ будетъ состоять все мщеніе публики.

На Французскомъ театрѣ происходятъ свои исторіи, только мрачныя и серіозныя, потому что тамъ дѣло идетъ о настоящемъ искусствѣ и о Рашелл. Тамъ поставили новую одноактную трагедію г. Латура (Сентъ-Ибаръ) подъ названіемъ Розамунда. Несмотря на прекрасныя стихи, піеса не имѣла успѣха, потому что сюжетъ ея антипатическій. Розамунда, дочь Кунимунда, короля Гепидовъ, разбитаго и убитаго въ 567 году, королемъ ломбардскимъ Альбуиномъ, принуждена выдти замужъ за побѣдителя, который принуждаетъ ее пить вино изъ черепа отца. За это Розамунда склоняетъ Перидея убить Альбуина. Къ этой дикой исторіи Латуръ прибавилъ еще два отравленія на сценѣ съ ужасными корчами и смерть окровавленнаго тирана, который непременно хотѣлъ умереть въ глазахъ зрителей. Словомъ въ этой маленькой піесѣ собраны все возможные ужасы для удовольствія публики, но публика приняла ихъ довольно холодно, и даже поэтическій талантъ автора и участіе превосходной артистки не могли спасти трагедіи. Этотъ сюжетъ былъ уже обработанъ Альфіери и другими авторами, но даже итальянцы, жадные до сильныхъ впечатлѣній, никакъ не могли хладнокровно смотрѣть на чудовище, заставляющее дочь пить изъ страшной

чаши. Никогда не надобно рассчитывать на успѣхъ, представляя публикѣ подобныя сюжеты.

Болѣе всего произвело въ пиесѣ сильное впечатлѣніе не игра Рашели и Бовале, но удивительная постановка на сцену. Декораціи, мебель, костюмы, картины въ византійскомъ вкусѣ, группы, все это было поразительно вѣрно и изящно.

Рашель, привыкнувъ къ восторженному приему публики, играла какъ-то неувѣренно. Или роль связывала ее, или она чувствовала себя нездоровою, только окончивъ послѣднюю сцену при всеобщемъ молчаніи, она дошла до своей уборной, обитой бѣлымъ атласомъ, выслала всѣхъ друзей и почитателей, и оставшись съ матерью и сестрою, упала въ сильной истерикѣ. Послѣ этого нервическаго припадка, артистка со слезами объявила своему директору, остроумному Арсену Гуссе, что она больна, разстроена, не можетъ ничего играть, отказывается отъ всего. Такъ какъ ясно было, что бѣдная женщина страдала неспротивно, то директоръ согласился съ нею во всемъ и велѣлъ осторожно перевезти ее домой и послать за докторомъ. На другой день она не хотѣла ничего слышать о театрѣ и особенно о страшной Розамундѣ, и никто не смѣлъ упоминать о нихъ. Но на третій день Латуръ упросилъ артистку повторить его пиесу, прежде чѣмъ она создастъ роль въ пиесѣ Скриба.

Не странно ли, что женщина съ нервическимъ сложеніемъ, раздражительная, впечатлительная, наживъ богатство и славу, пренебрегаетъ спокойною жизнію, и не довольствуясь любовью родной своей публики, пускается въ дальнія и опасныя путешествія, въ Америку, можетъ быть въ Австралію, и для чего? Чтобъ братецъ ея г. Рафаэль, какъ говорятъ, могъ сдѣлать себѣ такой же экипажъ, какъ у Ротшильда.

Кстати о Рашели. Въ Парижѣ надѣлала много шума статья извѣстнаго критика и знатока французской литературы, Густава Планша, объ игрѣ Рашели по ея возвращеніи изъ путешествія, помѣщенная въ послѣднемъ номерѣ журнала «Revue de deux mondes». Сколько мы помнимъ, это первая серьезная статья, въ которой дѣлаются Рашели справедливыя замѣчанія. Французы опомнились наконецъ отъ своего удивленія къ актрисѣ, у которой столько же недостатковъ, какъ и достоинствъ. Лучше поздно, чѣмъ никогда. Намъ очень пріятно встрѣтить даже во Франціи отголосокъ высказаннаго нами мнѣнія, хотя мы думаемъ, что Планшъ уже слишкомъ далеко простираетъ свое нерасположеніе къ этой все-таки замѣчательной актрисѣ.

«Послѣ полугодичнаго отсутствія возвратилась къ намъ г-жа Рашель. Всѣ слѣдившіе за этою трагическою актрисою въ продолженіе шестнадцати лѣтъ и замѣчавшіе случайныя измѣненія ея таланта, зна-

ютъ, что эти продолжительныя поѣздки всегда служатъ ко вреду ея славы. Всякій разъ, какъ она уѣдетъ изъ Парижа на нѣсколько мѣсяцевъ, она возвращается съ печальною страстью къ преувеличенію, неестественности.

И на этотъ разъ могли мы убѣдиться въ томъ же непріятномъ результатѣ ея путешествій. Она опять сыграла здѣсь всѣ роли своего репертуара, въ которыхъ ей болѣе всего аплодируютъ, и самыя преданныя, самыя услужливыя ея льстецы не смѣютъ утверждать, чтобъ она шла къ усовершенствованію. Она не только ничему не выучилась, но еще многое забыла. Она потеряла прежнюю свою цѣну.

Я съ моей стороны никогда не полагалъ, чтобъ изъ нея вышла совершенная трагическая актриса. У нея недостаетъ качествъ, безъ которыхъ нельзя обойтись въ драматическомъ искусствѣ. Но прежде продолжительныхъ своихъ путешествій, описанныхъ въ нашихъ газетахъ, у нее было по крайней мѣрѣ единственное достоинство, котораго никто не смѣлъ оспорить. Если она не всегда могла тронуть, потому что сама была рѣдко тронута, то въ дикціи ея всегда была видна простота, которая обманывала неопытныхъ слушателей и замѣняла ей чувствительность. Теперь исчезла и простота. Странная игра ея въ роляхъ Маріи Стюартъ и Камиллы достаточно можетъ доказать справедливость моего мнѣнія. Я уже не говорю ни о Монимѣ, ни о Полиѣ, потому что она никогда не понимала этихъ двухъ ролей. Въ этихъ двухъ лицахъ есть такіе тонкіе оттѣнки, которыхъ она никогда вполне не понимала и которыхъ профессора ея не могли ей открыть. Слѣдственно, чтобъ оцѣнить до какой степени талантъ ея заблуждается, я буду говорить только о роляхъ Маріи Стюартъ и Камиллы.

Посѣтители театра вѣрно помнятъ еще удивленіе публики, когда, шестнадцать лѣтъ тому назадъ, Рашель въ цвѣтѣ молодости декламировала проклятiя Камиллы. Въ это давнопрошедшее для насъ время, она слушала разсказъ своего брата и довольствовалась тѣмъ, что игрою своей фізіономіи обнаруживала внутреннюю борьбу души. Всѣ удивлялись величію и простотѣ ея пантомимы. Какъ мы теперь отстали отъ этихъ прекрасныхъ вечеровъ! Какъ удалились мы отъ этого величественнаго и ученаго искусства, которое, не замѣняя истинной, глубокой, умѣренной страсти, возбуждало по крайней мѣрѣ удивленіе! Теперь выраженіе лица, искусно составленное, замѣнилось конвульсивными тѣлодвиженіями, заученными позами, которыхъ бы не одобрили и на второклассномъ театрѣ. Въмѣсто того, чтобъ слушать брата своего съ воздерживаемымъ гнѣвомъ, Камилла ломаетъ себѣ руки и въ полубоморокѣ опрокидывается на спинку кресель. Пантомима ея не позволяетъ

думать, чтобъ она слушала разсказъ. Ея конвульсіи несовмѣстны съ свободою здраваго ума. Видя ея тѣлодвиженія, невозможно, чтобъ она понимала смыслъ произнесенныхъ передъ нею словъ. Она представляетъ и выражаетъ неводерживаемый гнѣвъ, то есть не истинный смыслъ роли, написанной Корнелемъ, но начало припадка падучей болѣзни. Надобно ежеминутно ожидать, что у нее покажется пѣна у рта, и когда она встаетъ, чтобъ проклинать брата, то по справедливости удивляются всѣ ея неожиданной силѣ. Гораздо естественнѣе и вѣроятнѣе было бы, чтобъ ее унесли со сцены и подали ей врачебное пособіе.

Я очень вѣрю, что эта преувеличенная пантомима приобрѣла ей множество аплодисментовъ, но люди съ изящнымъ вкусомъ, но зрителю, одаренные тонкимъ чувствомъ, не могутъ восхищаться этой *parodie* Корнеля. Слово это повидимому жестоко, но оно справедливо. Оно одно вѣрно выражаетъ мою мысль, и не боясь опроверженія, я прибавлю, что служу отголоскомъ здѣсь болѣе части зрителей. Камилла, которую мы знали, которую шестнадцать лѣтъ тому назадъ восхищались, исчезла. Равнодушіе служить отвѣтомъ на преувеличеніе, какъ справедливое наказаніе. Всѣ, присутствовавшіе при послѣднихъ представленіяхъ трагедіи Корнеля, могутъ подтвердить истину этихъ упрековъ. Г-жа Рашель, ободренная, или лучше сказать увлеченная въ заблужденіе аплодиссентами, хотѣла поразить слишкомъ сильно, и забыла, что надобно поражать вѣрно.

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, но всѣ любящіе талантъ ея, должны соболѣзновать объ этомъ, и похвалы, которыми леств осыпаетъ ее, опіямъ, который ей воскуряютъ и который кружить ей голову, всѣ гиперболы, которыми стараются увѣрить ее, что она не можетъ ошибиться, не могутъ измѣнить самаго вопроса. Рашель вышла изъ истинной колеи. Покуда она въ нее не возвратится, она не найдетъ прежняго сочувствія публики.

Роль Маріи Стюартъ служитъ поводомъ къ подобнымъ же замѣчаніямъ. Г-жа Рашель казалось понимала прежде это лице. Въ выраженіяхъ пропіи ограничивалась она умѣренностью, предписываемою несчастіемъ. Однимъ словомъ, она была вѣрна здравому смыслу и исторіи. Теперь и то и другое забыто. Вотъ странный способъ понимать драматическое искусство. Всѣ здравомыслящіе люди отвергнуть его. Въ прежнія времена Рашель никогда бы не сдѣлала подобнаго промаха. Говоря предъ зрителями, слѣдившими за малѣйшимъ измѣненіемъ ея голоса, она никогда не прибѣгала къ преувеличенію. Но въ чужихъ краяхъ, гдѣ она ѣздила и гдѣ не могли помнить прежней ея игры, она искажала роль Маріи Стюартъ, чтобъ сдѣлать больше эффекта.

Теперь все истинные друзья ея, все искренно сочувствующіе ея дарованію, обязаны сказать ей, что она сбилась съ прямого пути. и что выдумала Шотландскую королеву, которая никогда не существовала. Ея пантомима, ея пѣтунація вовсе не возбуждаютъ состраданія, не привлекаютъ сочувствія къ ея несчастію, а только оправдываютъ Елисавету. Жестокость Англійской королевы исчезаетъ передъ оскорбленіемъ ея соперницы, противуемысліе такъ сильно, исторія до того искажена, что зритель не понимаетъ уже жалобы Маріи Стюартъ, при видѣ приготовленій къ казни ея. Ударъ молота, раздающійся по доскамъ эшафота, никого не трогаетъ. Всякій говоритъ, что плѣнница получила достойное наказаніе за свои оскорбленія. Она хотѣла умереть, и желаніе ея исполнилось. Лице, описанное Шиллеромъ (въ блѣдной копіи Лебрена сохранились еще небольшіе остатки этого лица), вовсе не похоже на лице, представляемое Рашелью. Историческая Марія Стюартъ, Шиллеровская и даже французская, должна возбуждать состраданіе. Какъ скоро она метитъ за себя, то уже теряетъ все права на наше сожалѣніе. Смерть уже не страшна для нея, если она ее зоветъ всеми силами. Каждое ея оскорбленіе Елисаветъ точитъ только остріе топора палача. Какъ же она смѣетъ жаловаться?

Публика парижская дѣйствуетъ противъ Рашели не логически. Она, правда, не аплодируетъ ей какъ прежде, но это молчаніе не доказываетъ еще ей, что она упала, или слѣдуетъ по дурному пути. Если публика хочетъ найти прежнюю трагическую актрису, которой каждое слово ловила съ жадностью, то надобно яснѣе выразить ей неодобреніе. Покуда все будутъ бѣгать въ театръ и только молчаніемъ отвѣчать на ея выходки, она останется тѣмъ же, чѣмъ теперь, и будетъ обезображивать представляемые ею лица, довольствуясь кокетскими рукоплесканіями, которымъ знаетъ цѣну. Тишина въ оркестрѣ и ложахъ не послужитъ ей урокомъ. Лишь бы десятка два заранее подготовленныхъ энтузіастовъ встрѣтили ее при появленіи на сценѣ и вызвали, когда опустится завѣса, она не будетъ уважать ни чьихъ совѣтовъ и замѣчаній. Пора яснѣе доказать какъ опасенъ путь, по которому она пошла. Ея частыя путешествія, уже ослабившія ея дарованіе, наконецъ истребятъ его совсѣмъ.

Пусть она богатѣетъ какъ угодно, пусть копитъ груды золота, но пусть и не рассчитываетъ на аплодисменты здравомыслящихъ слушателей. Пусть совершенно предается промышленности, но пусть и не удивляется, что друзья драматическаго искусства смотрятъ на отъѣздъ ея безъ сожалѣнія, а на возвращеніе безъ особеннаго удовольствія. Теперь Парижъ сдѣлался для нее только временною станціею. Она живетъ въ немъ тѣ мѣсяцы, на которые не нашла себѣ выгодныхъ анга-

жементовъ въ Европѣ или въ Америкѣ. Если нѣтъ лучшаго, то и Парижъ годится. Остается дать ей одинъ урокъ; молчаніе наше непонятно для нее, пустота театра можетъ быть вразумить ее. Какъ скоро она живетъ между нами только тогда, когда не можетъ выгоднѣе употребить своего времени, то она не заслуживаетъ, чтобъ и мы дорожили ею. Она вовсе не заботится о театрѣ, составившемъ ей славу. Она посылаетъ въ него просьбы въ отставку, и потомъ возвращается, только для того, чтобъ опять уѣхать. Она проситъ новыхъ ролей, учитъ ихъ, репетируетъ и потомъ бросаетъ, не сыгравъ. Не надобно одобрять подобнаго поведенія. Рашель долго была здѣсь привѣтствуема, какъ въ баснѣ Курица съ золотыми яйцами: теперь она сама разрушила свое очарованіе. Люди, знающіе ходъ театральныхъ дѣлъ, говорятъ, что она разстраиваетъ репертуаръ, администрацію, лишаетъ бодрости писателей, легковѣрно надѣющихся на ея обѣщанія. Шестнадцать лѣтъ тому назадъ говорили, что она возстановляетъ театръ и искусство, теперь достовѣрно, что она смѣется надъ всѣмъ.

Правительство обнаруживаетъ намѣреніе поддержать драматическое и музыкальное искусство всѣми средствами. Это прекрасное и великодушное намѣреніе. Мы опасаемся только, что избранный имъ для этого путь не самый вѣрный для достиженія цѣли. Хотя оно непосредственно и не управляетъ французскимъ театромъ, но становится однакоже посредникомъ въ сдѣлкахъ между директоромъ и актерами, между администраціею и авторами. Этотъ способъ дѣйствій представляетъ болѣе опасностей, нежели выгодъ. Актеры предъявляютъ чрезмѣрные требованія, которыя болѣею частію удовлетворяются. Авторы же, вѣря полученнымъ обѣщаніямъ, ждутъ исполненія ихъ цѣлые мѣсяцы, а иногда и годы. Процессъ между Легуве и Рашель доказываетъ мои слова.

Директоръ французскаго театра долженъ былъ бы имѣть власть заставить всякую актрису исполнить свои обязанности. Талантъ не даетъ права почитать контракты пустою бумагою. Знаменитость не имѣетъ привиллегіи нарушать всѣ заключенныя условія.

Я не знаю *Меден* Легуве. Но театръ принялъ пьесу и обязался сыграть ее. Вотъ одно, что неоспоримо. Всякій прямодушный чело-вѣкъ чувствуетъ, что эта обязанность должна быть исполнена. Почему же она не исполняется? Послѣ недобросовѣстныхъ поступковъ своихъ съ Казиміромъ Делавинемъ, неужели Рашель почитаетъ *все* себя дозволеннымъ? Если она почитаетъ это привиллегіею таланта и знаменитости, то мы сожалѣемъ о ней. Если директоръ не имѣетъ власти заставить ее исполнить свои обязанности, то мы и о немъ соболѣзуемъ. Она начала репетицію *Меден* еще до отъѣзда своего въ Россію. Теперь отказывается продолжать ихъ, потому что заключила ангажементъ

въ Америкѣ. Если правительство допускаетъ подобныя дѣйствія, то къ кому же могутъ обратиться съ апелляціею драматическіе авторы? Какъ могутъ они писать, если не увѣрены въ вознагражденіи за ихъ трудъ?

Въ Туринскомъ журналѣ *il Pirata* перечислены всѣ сочиненія Джузеппе Верди, написанныя до настоящаго времени. Такъ какъ теперь этотъ замѣчательный композиторъ въ Парижѣ и ставитъ новую оперу на французское либретто Скриба, то обзоръ его произведеній появился въ парижскихъ журналахъ. Вотъ всѣ его оперы:

1. *Oberto di Bonifacio*, первое произведеніе Верди было представлено на театрѣ Ласкала въ Миланѣ 17-го ноября 1839 года. Его пѣли г-жи Реньери-Марини и Шау, гг. Сальви и Игнаціо Марини.

2. *Un giorno di regno, o il finto Stanislao*, въ комическомъ родѣ. Текстъ Романи, второе произведеніе маэстро. Исполняли въ Ласкала 5-го сентября 1840 года Реньери-Марини, Аббадіа, гг. Сальви, Ферлотти и Скалезе.

3. *Nino*, поэма Оемпстокла Солера. Первые двѣ оперы заслужили похвалы, но эта произвела восторгъ во всей Италіи. Ее пѣли въ Ласкала 9-го марта 1842 года гг-жи Стрепони, Беллиццаги гг. Мираліа, Джорджіо Ронкони и Просперъ-Деривисъ.

4. *Lombardi alla prima stocciata*, текстъ Солера, была для Верди новымъ триумфомъ. Опера эта, игранная на театрѣ ла-Скала 11-го февраля 1843 была исполнена г-жею Фрецолини, гг. Гуаско, Севери и Деривисъ.

5. *Egnaei*, либретто Пиаве, можетъ похвастаться однимъ изъ лучшихъ произведеній Верди. Его пѣли въ первый разъ въ Венеціи на театрѣ Фениче, 9-го марта 1844 г-жа Лева, гг. Гуаско, Суверки и Сельва. Въ эту эпоху Верди началъ писать прилежнѣе, и въ одинъ годъ отдалъ на сцену три оперы.

6. *I due Foscari*, либретто Пиате, игранная 3-го ноября 1844 года на театрѣ Арджентина въ Римѣ; г-жа Барбьери-Нини, гг. Роппа и Дебассини.

7. *Giovanna d'Arco*, либретто Оемпстокла Солера, была дана 25-го февраля 1845 года въ ла-Скала въ Миланѣ съ г-жею Фрецолини, гг. Поджи и Колинни.

8. *Alzira*, либретто Каммарано, играна 12-го августа 1845 въ Санъ-Карло въ Неаполѣ, г-жею Тадолини, гг. Фраскини и Колетти.

9. *Attila*, либретто Солера, пѣтая въ Венеціи на театрѣ Фениче 17-го марта 1846. Въ ней участвовали г-жа Лева, гг. Гуаско, Константинни, Марини.

10. Macbeth, либретто Пиаве, поставлена 14-го марта 1847, дана въ Перголь, во Флоренціи; пѣли Барбіери-Нини, гг. Бруночи, Варези, Бенедети.

11. I Masnadieri, либретто Маффеи, пѣта на театрѣ королевы въ Лондонѣ, 22-го іюля 1847, Женни Линдъ, гг. Гардони, Колети, Лаблашъ, Буше.

12. Ломбардцы съ новымъ текстомъ Роіе и Ваэса, съ новыми нумерами и музыкою для танцевъ, передѣланными во второй разъ Верди, какъ пѣкогда Россіини передѣлывалъ *Осаду Коринѳа*. Эту оперу пѣли въ Парижѣ г-жи Жюліанъ-Вапгельдеръ, гг. Дюпре, Алваръ, Прево, Бремонъ, 26 ноября 1847.

13. La Battaglia di Legnano (o l' Assedio di Arlem) либретто Каммарано, пѣтая въ Арджентинѣ въ Римѣ г-жи Джули, гг. Фраскини, Колинн.

14. Il Corsaro, въ 1849 въ Триестѣ съ Барбіери Нини, Рампаццини, гг. Фраскини, Дебассини.

15. Luisa Miller, текстъ Каммарана, 3-го декабря 1849 въ Неаполѣ на Санъ-Карло, съ Маріетою Гацанига, Саландри, гг. Мальведи, Деббассини, Ароми, Сельва.

16. Stiffelio, 16-го ноября 1850 на большомъ театрѣ Триеста, пѣли г-жа Гацанига, гг. Фраскини и Колинн.

17. Rigoletto, 10 марта 1851, на театрѣ Фениче въ Венеціи. Тереза Брамбила, Казалони, гг. Миранге, Варези, Понсъ.

18. Il Trovatore, текстъ Каммарано, 19 января 1853, на театрѣ Апполона въ Римѣ, г-жи Пенко-Годжи, гг. Бокарде, Гвичарди, Бальдери.

19. La traviata (Дама съ Камеліями Дюма сына) 6-го марта 1853 въ Фениче въ Венеціи, г-жи Сальвини-Донателло, гг. Граціани, Варези.

Всего девятнадцать оперъ. Кромѣ того Верди написалъ много концертныхъ нумеровъ и романсовъ какъ-то: More, Elisa, Nonl'accostare all'urna, Esule для басса, il Poveretto для баритона, La seduzione, Notturmo для трехъ голосовъ, альбомъ состоящій изъ шести мелодій подъ названіемъ *Мелодическія мысли*, а именно: ad una Stella, il Tramonto, la zingara, il Mistero lo spazzo camino, Brindisi, и проч.

Сверхъ того у него есть много неизданныхъ сочиненій. Съ тринадцати лѣтъ до восемнадцати, то есть до той эпохи, когда Верди отправился въ Миланъ, учиться контрапункту, онъ написалъ уже множество сочиненій, между прочимъ нѣсколько военныхъ маршей, симфоній для оркестра, которыя исполняли въ театрѣ и филармоническіхъ обществахъ, пять или шесть концертовъ, для фортеціано, игра-

ныхъ имъ самимъ въ концертахъ, множество серенадъ, кантатъ, арій, дуэтовъ и даже духовную музыку, въ которой есть *Stabat Mater*. Въ Миланѣ онъ въ три года писалъ очень мало, потому, что учился композиціи. Двѣ его симфоніи были играны въ одномъ частномъ домѣ, одну кантату пѣли у графа Рене Борромео, нѣсколько комическихъ нумеровъ написаны имъ по приказанію профессора, но остались неизинструментованы. Возвратясь въ Гуссето, свою родину, онъ опять началъ писать марши, симфоніи, мессы, вечерни и другую духовную музыку. Между вокальными его произведеніями достойны вниманія хоры къ трагедіи Манцони. Все это потеряно, исключая нѣкоторыя симфоніи, которыя играютъ въ Буссето и музыки на стихи Манцони, сохраненной авторомъ.

Джузеппе Верди родился въ Буссето 9-го октября 1814 года, стало бытъ ему теперь сорокъ первый годъ.

Двѣ важныя театральныя новости произвели сильное впечатлѣніе въ Парижѣ. Это пятиактная драма Дюма *Совѣсть* и *Фламиніо* Жоржъ-Занда.

Изъ вѣжливости займемся прежде *Фламиніо*, игранымъ съ большимъ успѣхомъ на театрѣ Гимназіи. Пьеса должна была называться *Теверино*, по имени романа, откуда она взята отчасти, но авторъ почему-то вздумалъ перемѣнить названіе. Двое извѣстныхъ артистовъ (одинъ писатель, другой музыкантъ) очень огорчились этимъ, потому что отдали на одну лирическую сцену свое произведеніе, гдѣ главное лице Венеціанка *Фламинія*, и которое скоро явится на судъ публики. Два одинакихъ названія на афишѣ, хотя съ разною окончательною буквою, никакъ не могутъ явиться въ Парижѣ, не помѣшавъ другъ другу, и вотъ почему авторъ *Фламиніи* былъ обязанъ назвать ее *Лавинією*. *Фламиніо* же Жоржъ-Занда, не смотря на многіе промахи и несообразности, имѣеть много достоинствъ и долго останется на счастливой сценѣ Гимназіи, которая привыкла къ однимъ успѣхамъ.

Талантъ Жоржъ-Занда признанъ, но о драматическихъ его способностяхъ не перестаютъ спорить, и то увѣряютъ, что авторъ *Шампи*, первый драматическій писатель, то утверждаютъ съ самыми ясными доказательствами, что *Вакаси Пандольфа* могъ написать только бездарный ученикъ.

Извѣстно, что во всѣхъ произведеніяхъ автора актеры, пѣвцы, музыканты, маляры и бродяги надѣлены всѣми возможными добродѣтелями и въ концѣ награждаются милліонами, счастіемъ и знатными невѣстами, потому что въ продолженіе четырехъ актовъ и трехъ частей романа отказываются отъ всѣхъ предложеній, какъ бы они выгодны ни были, не имѣя гроша въ карманѣ. Цель *Фламиніо* и другихъ пьесъ

того же автора состоятъ въ томъ, что бѣднякъ никогда не долженъ брать предлагаемаго ему франка, и долженъ быть увѣренъ, что ему когда нибудь дадутъ миллионъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ въ первомъ актѣ Фламиніо не отказался отъ четырехъ сигаръ, то не было бы совсѣмъ пьесы, и онъ въ концѣ не женился бы на богатой Сарѣ. Вотъ что значить отказаться во-время отъ сигары.

Фламиніо представляетъ типъ бесполезнаго артиста, то есть чело-вѣка, одареннаго талантомъ, но который только мечтаетъ, а ничего не дѣлаетъ. Его всѣ избѣгаютъ, называютъ лѣнливцемъ, унижаютъ его; муж-чины не кланяются ему, хотя хорошо его знаютъ; женщины не смотрятъ на это жалкое созданіе, неумѣющее пользоваться дарами природы. И вотъ какого героя Жоржъ-Зандъ сдѣлала драматическимъ, и публика съ восторгомъ приняла этотъ типъ непонятаго артиста, покрытаго лох-мотьями, потому что Лафонтенъ, изображавшій его, сдѣлалъ сильное впечатлѣніе на публику какъ своею удивительною отчетливою игрою, такъ и поразительною наружностью. Можно смѣло сказать, что большею частью успѣха пьесы обязана ему, и что всякій другой Фламиніо по-казался бы страннымъ, невѣроятнымъ, грязнымъ.

Сюжетъ пьесы взятъ изъ романа Теверино, только запутанъ еще больше, и сцена наполнена дѣйствующими лицами, которыя являются иног-да безъ всякой нужды; иногда же авторъ не знаетъ какъ объяснить какое нибудь важное происшествіе, вдругъ въ послѣднемъ дѣйствіи выводитъ новое дѣйствующее лице, неизвѣстное никому, но безъ котораго не мо-гла бы произойти развязка. Сюжетъ пьесы состоятъ въ томъ, что бо-гатая, знатная вдова леди Сара встрѣчается въ загородной прогулкѣ съ бѣднякомъ Фламиніо, и поговоривъ съ нимъ (когда онъ нарядился въ черный фракъ ея кавалера) влюбляется въ него. Но таможенная стра-жа прерываетъ разговоръ выстрѣломъ, потому что, не смотря на черный фракъ, узнала контрабандиста Фламиніо. Объ раненомъ хлопочетъ не леди Сара, между тѣмъ уѣхавшая, а сестра ея, миссъ Мельвиль, ста-рая англичанка, чувствующая такое влеченіе къ бродягѣ, что, выле-чивъ его, оставляетъ ему на память тысячу гиней. Но Фламиніо, по принятой уже системѣ, хочетъ возвратить эти деньги, и не зная отъ кого онѣ, отправляется въ Парижъ, надѣваетъ опять черный фракъ и приноситъ деньги леди Сарѣ. Вдову чрезвычайно трогаетъ это безко-рыстіе, но она еще все не сознается, что любитъ бѣдняка, какъ вдругъ одна принцесса Пальмерани при ней дѣлаетъ Фламиніо предложеніе вступитъ въ неаполитанскую труппу на первыя роли, и Сара почувство-вавъ ревность, приказываетъ артисту остаться. Фламиніо падаетъ къ ея ногамъ.

До сихъ поръ пьеса ведена хорошо, и эти два акта имѣли большой эффектъ. Но съ этихъ поръ дѣйствіе становится вяло, неинтересно. Сара любитъ Фламинію и навѣщаетъ его часто въ мастерской; но встрѣтятся однажды съ молоденькою Ритою, прощается съ своимъ возлюбленнымъ навсегда; всѣ дѣйствующія лица расходятся въ разныя стороны и не видятся цѣлые три года. Жоржъ-Зандъ вывела новое оригинальное лицо какого-то миллионера, который влюбленъ въ Сару и защищаетъ ее съ оружіемъ въ рукахъ отъ всѣхъ обожателей. Вдругъ является Фламинію, откуда бы вы думали? Изъ Америки. Онъ тамъ разбогатѣлъ въ три года, сдѣлался извѣстнымъ артистомъ, и готовъ упасть къ ногамъ Сары (Рита вышла замужъ за трактирщика), но та смотритъ на него холодно, а стражъ-миллионеръ вызываетъ его на дуэль. Фламинію, вспомнивъ свое искусство стрѣлять, убиваетъ противника, за что Сара бросается въ его объятія. Вотъ и все. Въ самомъ дѣлѣ, окончаніе пьесы такъ слабо и натянуто, что нѣкоторые критики объявили, что послѣдніе два акта никакъ не могутъ принадлежать автору первыхъ двухъ, и что вѣроятно Жоржъ-Зандъ немогла сама окончить пьесы къ сроку, и поручила это сдѣлать одному изъ извѣстныхъ водевилистовъ. Вотъ почему пьеса кажется переломленною, и двѣ части ея никакъ не склеиваются вмѣстѣ.

Не смотря однако на неопытность въ драматическомъ искусствѣ, на недостатокъ правдоподобія въ дѣйствіи, на недостатокъ развитія характеровъ и сценическихъ эффектовъ, *Фламинію* все таки имѣлъ большой успѣхъ.

Нечего и говорить, что пьеса была обставлена и разыграна превосходно, какъ только можетъ идти пьеса на театрѣ Гимназіи. Ясная причина этому та, что директоръ умѣетъ искусно распоряжаться, и что самыя ничтожныя роли, какъ напримѣръ роль миллионера въ послѣднемъ дѣйствіи, исполнены превосходными артистами, также отчетливо, какъ будто они занимали главное амплуа въ пьесѣ. Роза Шери была настоящая аристократка, и роль Сары принадлежитъ къ лучшимъ ея ролямъ. Остальные артисты исполнили свое дѣло прекрасно и безъ нихъ нельзя было бы отвѣчать за успѣхъ *Фламинію*.

Другой блистательный успѣхъ былъ на театрѣ Одеона. Это *Совѣсть*, Александра Дюма. Пьеса его (хотя сказать по совѣсти въ ней много чужаго) совершенно противоположна Фламинію, но публика любить обоихъ авторовъ, хотя одинъ изображаетъ фантазію, поэзію, идеалъ, а другой положительныя чувства, дѣйствительность, интригу, поразительныя сцены жизни. Фантастическія пьесы Занда составлены всегда слабо, но увлекаютъ подробностями, отбѣнками чувствъ. Але-

ксандръ же Дюма большой мастеръ составлять драмы изъ чего бы то ни было, и никто не сравнится съ нимъ въ умѣннн извлекать эффекты изъ всѣхъ театральныхъ дружинъ.

Разсказать сюжетъ этой драмы совѣмъ не такъ легко, какъ описать сюжетъ Фламиніо, какъ онъ ни неестественъ.

Прежде всего надобно сказать откуда авторъ ея занялъ названіе пьесы, главную мысль, ходъ пьесы, интригу и даже цѣлыя сцены своей драмы. Послѣ этого можно, разумѣется, спросить: что же въ ней принадлежитъ самому Дюма? На это можно отвѣчать одно: умѣнне составить эффектную пьесу изъ нѣсколькихъ давно забытыхъ и неизвѣстныхъ, которыя, можетъ быть, никогда не имѣли успѣха.

Въ 1784 году Ифландъ, извѣстный нѣмецкій авторъ и актеръ, поставилъ на театрѣ Мангейма *Verbrechen aus Ehrsucht* (Преступленіе изъ честолюбія) драму въ пяти дѣйствіяхъ. Въ ней Эдуардъ Рубергъ, увлекаемый распутными друзьями, крадетъ у отца деньги, надѣясь незамѣтно положить ихъ обратно, когда женится на богатой дѣвушкѣ; но преступленіе открыто, и отецъ подозрѣваетъ молодаго Альдена, жениха своей дочери. Эдуардъ признается въ проступкѣ, хотя отъ этого разрушаются всѣ мечты его жизни и покидаетъ свое отечество.

Пьеса эта имѣла успѣхъ, только показалась не оконченною, и Ифландъ написалъ въ 1787 году продолженіе этой драмы подъ названіемъ *Bewusstsein* (Совѣсть), Тутъ герой, мучимый совѣстью, принужденъ скрывать свое имя и служить секретаремъ у министра. Но ничто ему не удается, вездѣ преслѣдуютъ его угрызенія совѣсти и люди, знавшіе его проступокъ, называютъ его безчестнымъ. Эта жизнь дѣлается ему нестерпима, и онъ опять принужденъ покинуть мѣсто и городъ.

Наконецъ въ 1788 году Ифландъ сожалѣлся надъ своимъ героемъ, и очистивъ его раскаяніемъ и примѣрнымъ поведеніемъ, вводитъ его въ прекрасное семейство и женить на прекрасной дѣвушкѣ. Эта драма дана была на сценѣ подъ названіемъ: *Mittelweg ist Tugend probe* (Средняя дорога ведетъ къ добродѣтели), но въ собраніи сочиненій Ифланда названа *Reue versohnt* (Раскаяніе примиряетъ).

Ни одна изъ частей этой трилогіи не была еще ни разу переведена на французскій языкъ. Только въ концѣ прошлаго вѣка одинъ неизвѣстный писатель Гама, авторъ *Эмигрантовъ въ Австраліи* поставилъ 1-го Вандемьера VIII года на театрѣ *Национальныхъ побѣдъ*, въ улицѣ Любакъ, пятиактную драму: *Опасность честолюбія*. Французскій авторъ откровенно объявлялъ на афишѣ, что это подражаніе первой драмѣ Ифланда. Потомъ переводъ драмы Коцебу: *Ненависть къ людямъ и раскаяніе* имѣлъ большой успѣхъ на французской сценѣ, точно также,

какъ его *Два брата*, и съ тѣхъ поръ вошло въ моду подражаніе германской литературы. Александръ Дюма не довольствовался подражаніемъ или передѣлкою одной изъ нѣмецкихъ пьесъ, онъ взялъ всѣ три драмы Ифланда и сдѣлалъ изъ нихъ одну драму, полную эффектовъ, поразительную, занимательную, составленную съ неподражаемымъ искусствомъ. Питрига ведена точно также, какъ мы вкратцѣ рассказали содержаніе трилогіи Ифланда, и три дѣйствующія лица сильно поражаютъ зрителя своими рельефными ролями.

Характеръ Эдуарда составленъ прекрасно. Это самая драматическая фигура въ пьесѣ. Молодость, неопытность, дурные совѣты заставили его дѣлать преступленіе, и воспоминаніе объ этомъ поступкѣ дѣлаетъ его несчастнымъ. Онъ чрезвычайно интересуется зрителя, тѣмъ болѣе, что роль эту исполняетъ Лаферьеръ съ большимъ жаромъ и искусствомъ.

Роль Альдена совершенно противоположная. Это типъ честнаго, строгаго, благороднаго человѣка. Подозрѣнія не могутъ долго на немъ остановиться, и онъ узнавъ о разореніи отца его невѣсты, все таки на ней женится, хотя самъ не имѣетъ ничего.

Тиссеранъ превосходно изображаетъ всѣ оттѣнки этого характера и много способствовалъ къ успѣху первыхъ трехъ дѣйствій. Жаль только, что Дюма заставилъ этого артиста исчезнуть послѣ третьяго дѣйствія. Онъ еще могъ бы пригодиться въ концѣ пьесы.

Старикъ Рубергъ производитъ сильное впечатлѣніе своими несчастіями, непощадившими его сѣдинъ и жизни, посвященной добру. Поступокъ сына поражаетъ его до того, что онъ не смѣетъ вѣрить его раскаянію. Роль эту игралъ дебютантъ Лотъ очень удовлетворительно, хотя не много робко, что простительно для перваго раза.

Жаль, что въ драмѣ нѣтъ порядочныхъ женскихъ ролей, и роли матери Эдуарда, невѣсты и сестры, почти не развиты и незначительны, тогда какъ ихъ стоило бы обработать. По крайней мѣрѣ у Ифланда женскія роли прекрасно отдѣланы, но Александръ Дюма занялся только мужскими. Еще одинъ недостатокъ пьесы, который будетъ замѣтнѣе въ слѣдующія представленія, это чрезвычайная длиннота пьесы, утомляющая зрителя, не смотря на превосходный слогъ, живость разговора и дѣйствія. Правда, что невозможно было изъ трехъ пятиактныхъ занимательныхъ драмъ составить одну и еще коротенькую. Какъ ни выбиралъ талантливый компилаторъ, но все оставалось много эффектныхъ сценъ, и онъ поневолѣ долженъ былъ ихъ помѣстить въ *свою* драму. *Совѣсть* имѣла огромный и заслуженный успѣхъ, потому что въ са-

момъ дѣлѣ написана и ведена превосходно и производитъ сильное впечатлѣніе.

Отчего театръ *Веселости* не принялъ эту драму? Александръ Дюма самъ говоритъ въ своемъ *Мушкетерѣ*, что онъ назначилъ эту драму на театръ Веселости и читалъ ее тамъ, но дирекція почему-то отказалась принять ее. Какая непростительная ошибка и сколько потерялъ этотъ театръ. Что за бѣда, что онъ уже началъ репетовать нѣсколько раздирательныхъ мелодрамъ. *Совѣсти* Дюма всѣ должны бы дать мѣсто, потому что одно имя его привлекаетъ публику, хотя оно и является часто подъ чужимъ произведеніемъ. Всѣ кричатъ о его талантѣ, а между тѣмъ всѣ знаютъ, что онъ безсовѣстно занимаетъ не только у мертвыхъ, но даже у живыхъ писателей, и ему все прощается, потому что публика привыкла восхищаться его драмами, романами, исторіями (въ которыхъ тоже очень мало собственно принадлежащаго Дюма), и почитать его великимъ писателемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не великій ли талантъ изучить вкусъ современниковъ, принаровиться къ нему, исполнять всѣ его прихоти, умѣть его тронуть картинами дѣйствительности, поразить неожиданными эффектами, удивить моральною цѣлью—но осторожно, чтобы публика не приняла этого за урокъ или за умничанье. Избалованный всѣми возможными успѣхами, Дюма позволяетъ себѣ просто обирать товарищей, и если ему вздумается переписать трагедію Расина или Корнеля, и подписавъ подъ ней свое имя, отдать на театръ Сень-Мартенскихъ воротъ, пожалуй и это пройдетъ ему даромъ, и все еще будутъ восхищаться имъ.

На всѣхъ другихъ театрахъ есть тоже много новостей во всѣхъ возможныхъ родахъ, но мы ихъ отложимъ до слѣдующаго письма, потому что послѣ двухъ такихъ пьесъ, надѣлавшихъ столько шума, не стоить уже говорить о небольшихъ успѣхахъ и маленькихъ водевиляхъ, которые того и гляди переживутъ не одну *Совѣсть*.

Парижанамъ вѣроятно мало своихъ театровъ, потому что открыть еще новый театръ подъ названіемъ *Folies Nouvelles*, на которомъ будутъ давать однѣ пантомимы и танцы, то есть это отдѣльный театръ для Пьеро, арлекина, Коломбины. Труппа составлена искусно. Мужчины ловки, женщины молоды и прекрасны, зала чиста и красива, чего же больше чтобы привлечь большихъ дѣтей?

— Заклучимъ наше письмо выпискою изъ другой, любопытной статьи музыкальнаго критика Скудо, помѣщенной также въ «*Revue des deux mondes*» и содержащей въ себѣ вѣрную и полную оцѣнку дарованія, голоса и заслугъ покойнаго Рубини, послѣдняго знаменитаго тенора, скончавшагося въ Романо (деревня близъ Бергамо) 2 марта 1854

года. Рубини оставилъ театрѣ въ 1845 году, и отдыхалъ отъ долготѣльных трудовъ въ великолѣпной виллѣ, построенной имъ самимъ. Ему былъ только шестьдесятъ второй годъ, когда смерть внезапно постигла его. Рубини, какъ и всѣ великіе артисты, возбуждавшіе восторгъ публики, былъ предметомъ множества анекдотовъ, изъ которыхъ очень трудно извлечь истину. Мы постараемся сгруппировать главныя событія изъ жизни этого знаменитаго пѣвца, котораго имя останется незабвеннымъ въ исторіи пѣнія XIX столѣтія.

Джіамбаттиста Рубини родился въ маѣ 1793 года въ деревнѣ Романо, близъ Бергама. Онъ былъ сынъ одного почталіона, обремененнаго семействомъ, и первоначально былъ назначенъ къ скромному званію портнаго. Будучи въ ученьи и сидя въ мастерской, онъ однажды за работою напѣвалъ что-то отъ всей души. Въ эту минуту прошелъ по улицѣ дилетантъ и съ удивленіемъ сталъ вслушиваться въ этотъ свѣжій, дѣтскій голосъ. Подойдя къ нему, дилетантъ спросилъ его: кто онъ? откуда? и отправился къ отцу его, котораго убѣдилъ отдать мальчика въ музыкальную школу, гдѣ тотъ и пробылъ до восемнадцати лѣтъ.

Артистъ, восхищавшій всю Европу, началъ свое музыкальное поприще въ хорахъ. На одной старой афишѣ Миланскаго театра Ла-Скала 1812 года, сохраненной Рубини и висѣвшей у него въ рамкѣ, имя Рубини стоитъ въ числѣ *вторыхъ теноровъ хора*. Онъ получалъ тогда сорокъ су въ вечеръ (около 50 коп. сер.). Могъ ли онъ тогда предвидѣть, что оставитъ послѣ себя имѣніе слишкомъ въ три милліона!

Черезъ два года послѣ этого незначашаго появленія на театрѣ Ла-Скала, онъ былъ ангажированъ въ труппу кочующихъ актеровъ, которыхъ такъ много въ Италіи, и для первыхъ дебютовъ игралъ роль Арджиріо въ Танкредѣ Россини, котораго тогда играли въ Венеціи съ огромнымъ успѣхомъ. Рубини былъ двадцать одинъ годъ, а роль дочери его Аменанды играла тогда пѣвица, которой было около пятидесяти.

Счастіе неблагопріятствовало импресарію, и у него возродилась странная мысль превратить своихъ актеровъ въ танцоровъ. Онъ заставилъ ихъ кое-какъ выучить любимый тогда въ Италіи балетъ *Мельники* (i molinari), котораго репетиціи и происходили у опушки лѣса, на луку.

Послѣ нѣсколькихъ попытокъ, болѣе или менѣе удачныхъ, Рубини былъ ангажированъ въ Брешию на карнавалъ 1815 года. Успѣхъ, пріобрѣтенный имъ въ этомъ городѣ, доставилъ ему ангажементъ въ Венецію, въ театрѣ Санъ-Мозе, а потомъ въ Неаполь, гдѣ онъ и дебютировалъ на театрѣ «De' Fiorentini.» Въ этой столицѣ, гдѣ Рубини на

ходился подъ руководствомъ Нодзари, подававшего ему прекрасныя совѣты, началась слава и знаменитость его. Барбайа ангажировалъ его здѣсь на нѣсколько лѣтъ, и не иначе, какъ за большія деньги отпускалъ въ другіе города. Такимъ образомъ, посѣтивъ Палерму и Римъ, гдѣ онъ имѣлъ величайшій успѣхъ въ «Gazza ladra,» Рубини въ 1824 году отправился въ Вѣну. Бетговецъ написалъ тогда для него прелестную свою элегію *Аделаида*, которую Рубини восхищалъ всю Европу.

Въ 1815 году прибылъ Рубини въ первый разъ въ Парижъ, и 6 октября дебютировалъ на театрѣ Италіанской оперы въ роли *Рамиро* въ *Ченерентолѣ*, въ которой и имѣлъ величайшій успѣхъ. Возвратясь въ Италію по востребованію Барбайа, онъ долженъ былъ пребыть тамъ до 1831 года, когда совершенно окончился срокъ контракта, заключеннаго имъ съ этимъ импрессарио. Тогда уже онъ возвратился въ Парижъ, гдѣ и оставался постоянно до 1842 года, перѣзжая только на лѣто въ Лондонъ, гдѣ въ лѣтніе мѣсяцы всегда бываютъ спектакли.

Въ 1842 году, въ апогеѣ своей славы, оставилъ онъ Парижъ и Лондонъ и отправился въ Петербургъ, гдѣ пробылъ до 1845. Будучи уже тогда пятидесяти семи лѣтъ, осыпанный почестями и богатствомъ, онъ удалился въ великолѣпную виллу, которую построилъ тамъ, гдѣ родился. Здѣсь онъ и умеръ, оставя по себѣ имѣнье слишкомъ въ три милліона.

Рубини былъ человѣкъ простой, добраго и кроткаго нрава. Скромное воспитаніе его простиралось не выше первыхъ элементовъ познаній. Музыкальное его образованіе было на той же степенн. Чтобъ разобрать малѣйшую канцонетту, нуженъ былъ ему музыкантъ для аккомпанимента. Одаренный живымъ чувствомъ, большою памятью, и удивительнымъ музыкальнымъ инстинктомъ, замѣняющимъ иногда науку, которая на оборотъ не можетъ дать этого инстинкта, Рубини былъ однимъ изъ удивительнѣйшихъ пѣвцовъ нашего времени.

Въ исторіи музыки очень мало теноровъ, достигшихъ такой славы. До созданія лирической драмы и до конца XVIII вѣка, сопранисты и *prime donne* нераздѣльно владычествовали въ италіанской оперѣ и въ Папскихъ капеллахъ. Для теноровъ начали писать довольно поздно, и нѣкто Будзолини, бывшій пѣвцомъ при дворѣ герцога Мантуанскаго, въ концѣ XVII вѣка, первый достигъ значительной извѣстности.

Въ слѣдующемъ столѣтіи теноры начали уже болѣе проявляться и славиться вмѣстѣ съ самыми знаменитыми сопранистами, и композиторы стали писать для нихъ роли, особливо въ операхъ-буффа. Между тенорами, прославившимися въ XVIII вѣкѣ, должно упомянуть объ Эттори, который въ 1770 году пѣлъ въ Падуѣ съ величайшимъ успѣ-

хомъ; о Раудзини, который былъ знаменитымъ пѣвцомъ и отличнымъ композиторомъ, и умеръ въ Англии въ 1810 году; о Раффѣ, бывшемъ величайшимъ германскимъ пѣвцомъ въ XVIII вѣкѣ; о Давидѣ (отцѣ) одномъ изъ удивительнѣйшихъ голосовъ, когда-либо существовавшихъ и восхищавшемъ съ Анзани всю современную Италію; о Мандини, отличномъ пѣвцѣ Парижской Италіанской оперы 1789 года; о Виганони, который создалъ роль Паолино въ оперѣ Чимарозо *Il matrimonio segreto*; о Кривелли, который долго пѣлъ въ Парижѣ и котораго еще помнятъ въ операхъ Пирра и Нинѣ Паззіелло, наконецъ о Бабини, одномъ изъ прелестнѣйшихъ теноровъ старинной Италіанской школы, который далъ нѣсколько уроковъ Россини въ искусствѣ пѣнія.

Появленіе Россини произвело переворотъ въ музыкальномъ мірѣ. Онъ состоялъ въ естественномъ послѣдованіи голосовъ: сопрано, меццо-сопрано, контральто, тенора и баса, въ гармонической послѣдовательности. Хотя Моцартъ, Чимароза и Паззіелло уже пытались еще до Россини установить этотъ естественный ходъ музыкальной композиціи, но только послѣ этого переворота голосъ тенора получилъ первое мѣсто.

Въ числѣ замѣчательныхъ теноровъ, возникшихъ отъ твореній Россини, надобно во-первыхъ упомянуть и Гарсиа, который создалъ роль Альмавива въ Севильскомъ Цирюльникѣ; о Давидѣ (сынѣ), для котораго Россини сочинилъ множество оперъ; о Подзари, ученомъ пѣвцѣ съ изящнѣйшимъ вкусомъ; о Момбелли, отцѣ примадонны, восхищавшей Парижъ въ 1823 году, о Біанки, Бональди, Серафино, для котораго написана была роль тенора въ *Italiana in Algieri*; о Донзелли съ сильнымъ, но тяжелымъ голосомъ, и наконецъ о Рубини, для котораго Россини написалъ только одну кантату *la Riconoscenza*, пастораль въ четыре голоса, пѣтый 27 декабря 1821 года на театрѣ Санъ-Карло, въ бенефисъ знаменитаго *маэстро*.

Хотя Рубини и принадлежитъ совершенно школѣ автора *Отелло*, *Семирамиды* и *Цирюльника*, но Беллини болѣе всѣхъ умѣлъ воспользоваться голосомъ этого великаго пѣвца. Между трогательнымъ и меланхолическимъ гениемъ Беллини и нѣжнымъ, чувствительнымъ голосомъ Рубини было такое сходство, что они должны были чувствовать невольное влеченіе другъ къ другу. Они встрѣтились въ Миланѣ въ 1827 году, и опера была первою побѣдою, одержанною ими вмѣстѣ. Съ этой минуты началась слава Беллини и увеличилась знаменитость Рубини. «*Sonnambula*» была второю оперою, написанною Беллини для любимаго своего пѣвца. И она дана была въ Миланѣ на театрѣ Канобіана, въ 1831 году. Потомъ явились *Пуритане*, игранные въ Парижѣ въ 1834 году. Черезъ полгода потомъ умеръ Беллини.

Дондизетти тоже написал для Рубини роль Перси въ Аннѣ Боллець, данной въ Миланѣ въ 1831 году.

Голосъ Рубини чистый, высокій теноръ болѣе двухъ октавъ протяженія отъ нижняго *m* до верхняго *fa*, до котораго достигалъ иногда въ пассажахъ къ полному восторгу публики. Впрочемъ голосъ Рубини согрѣвался, одушевлялся только въ верхней *скаль* отъ *m* между 4-ю и 3-ю линѣйками, и тогда Рубини бросалъ ноты, приводившія въ восторгъ. Онъ могъ доходить до верхняго *si* грудными нотами, которымъ придавалъ удивительное чувство и энергію. Послѣ этого переходилъ онъ въ *фальцетъ*, или въ головныя ноты, которыя въ видѣ музыкальных оттѣнковъ производили удивительный эффектъ.

Съ искусствомъ переходить незамѣтно изъ грудныхъ нотъ въ головныя, соединялъ онъ другое столь же важное, а именно—умѣнье переводить дыханіе. Одаренный широкою грудью, онъ свободно доходилъ до верхней ноты и усиливъ ее выдыханіемъ, бросалъ въ толпу восхищенныхъ слушателей. Этотъ непобѣдимый фокусъ пѣнія перенялъ Рубини у старой италіанской школы, гдѣ болѣе употребляли его сопранисты, одаренные сильными легкими.

Голосъ Рубини увлекалъ всѣхъ своею звучностью и чувствомъ. Онъ былъ чрезвычайной гибкости. Простыя и двойныя гаммы, арпеджіи, трели на самыхъ верхнихъ нотахъ, *группети*, *аподжіатуры*, богатѣйшіе и искуснѣйшіе вымыслы вокалізаціи исполняемы были пѣвцомъ съ такою смѣлостью и быстротою, что изумленное ухо едва слышало всѣ трудности искусства. Только одно неловкое движеніе губъ, отъ котораго Рубини никогда немогъ отвыкнуть, обозначало усиліе и доказывало, что вокальное воспитаніе артиста было не совѣмъ тщательно. Этотъ недостатокъ, который въ преувеличенномъ видѣ былъ перенять г-мъ Маріо, въ видѣ школьника, перенимающаго сперва всѣ недостатки учителя, строго былъ запрещенъ старинною Италіанскою школою. Тогда требовали, чтобъ лице пѣвца выражало то чувство, какое слѣдуетъ по роли и музыкѣ, а тайны вокалізаціи и механизма оставались бы скрытыми отъ слушателей. Это высокое правило для искусствъ забыто въ наше время.

Къ физическимъ качествамъ пѣвца, Рубини присоединялъ глубокую чувствительность и большое умѣнье принаравливаться къ стилямъ разныхъ композиторовъ. Онъ такъ же хорошо пѣлъ Аделаиду Бетговена, какъ Донъ-Жуана Моцарта и Тайный бракъ Чимарозы. Ни одинъ изъ новѣйшихъ пѣвцовъ не исполнялъ съ такою прелестью и силою *аріо іѹ mio tesoro* изъ образцоваго произведенія Моцарта, и всѣ конечно помнятъ съ какою смѣлостью Рубини на двадцать шестомъ тактѣ антанте,

вмѣсто устарѣвшаго пассажа, переходилъ въ партію первой скрипки и дѣлалъ на верхнемъ *la* сильную трель, ускоряя кадансъ и приводя въ восторгъ слушателей. Со времени Виганони ни одинъ пѣвецъ не пѣлъ такъ хорошо въ Тайномъ бракѣ арію *prio che spunti*.

Хотя Рубини отлично пѣлъ оперы Россіи; хотя онъ удивительно исполнялъ «Альмавиву» въ «Цирюльникѣ» и «Отелло», но въ самомъ дѣлѣ онъ въ операхъ «Беллини» былъ истинно великъ. Надобно было послушать первую арію *Purata: Nel furor della tempesta*, а особливо второй мотивъ *come un'angelo celeste*, чтобъ имѣть понятіе о всей увлекательности дарованія Рубини.

Въ роли «Эльвино» въ «Сонамбулѣ» талантъ Рубини возвысился вмѣстѣ съ геніемъ Беллини. Всѣ помнятъ какъ онъ говорилъ фразу: *prendi, l'anel ti dono* въ дуэтѣ перваго акта и съ какою прелестью пѣлъ второй дуэтъ *son geloso*. Въ финальномъ квинтетѣ перваго акта Рубини былъ неподражаемъ, когда говорилъ:

Ah! te dico s'io t'amai
Questo pianto del mio cor.

Кто бы не далъ десяти оперъ въ пяти дѣйствіяхъ, чтобъ одинъ разъ въ недѣлю слышать какъ Рубини съ отчаяніемъ любви восклицаетъ:

Pasci il guardo, e appaga l'alma
Dell'eccesso de'miei mali
Il piu tristo de'mortali
Sono, cruda, e il son per te!

Въ роли «Артура» въ Пуританахъ оставилъ онъ по себѣ такія воспоминанія, что всѣ слышавшіе его, желали бы передать свои впечатлѣнія тому поколѣнію, которое не имѣло этого счастія. Во-первыхъ въ квинтетѣ перваго акта фраза его:

A te, o cara, amor talora
Mi guido furtivo e in pianto,

Въ которой голосъ пѣвца распускался какъ весенняя роза при сіяніи солнца. И потомъ къ этой фразѣ *spianata* и ясной, присоединялъ онъ съ силою: *tra la gioja e l'esultar* съ великолѣпнымъ груднымъ *la*, потрясающимъ всю залу. Въ финалѣ перваго акта какъ сильно онъ выражалъ пассажъ: *non parlar di lei ch'adoro*, дѣлая самую сильную фермату. Въ третьемъ актѣ въ романсѣ *a una fonte afflito e solo* слышенъ былъ вздохъ любви, а въ тріо, слѣдующемъ за этимъ романсомъ блистательная фраза: *nel mirarti un solo instante* производила всегда уди-

вительный эффектъ. Наконецъ въ дуэтѣ между Эльвиною и Артуромъ Рубини возвышался до всей высоты своего таланта въ знаменитой фразѣ:

Non mi sarai rapita
T' amo d'imenso amore!

Въ операхъ «Донидзетти» «Анна Болена» и «Лучія» Рубини былъ также неподражаемъ, какъ и въ твореніяхъ Беллини. Въ первой изъ этихъ оперъ создалъ онъ роль «Перси» и съ глубокимъ чувствомъ пѣлъ всегда знаменитую арію *vivi tu, te ne scongiuro*, въ которой композиторъ видимо подражалъ Беллини. Что же касается до сцены проклятія въ фиваль Лучіи, никакой пѣвецъ не выражалъ съ такою силою чувствъ ярости и отчаянія.

Рубини не былъ тщательнымъ актеромъ какъ Гарсія, Лаблашъ, Пеллегрини, г-жи Паста, Малибранъ и Гризи. Онъ занимался только тою сценою, или тѣмъ нумеромъ, въ которыхъ былъ на первомъ планѣ. Послѣ этого онъ охотно становился на второй, не заботясь о сценическомъ развитіи картины. Тамъ же, гдѣ онъ принималъ дѣятельное и преобладающее участіе, Рубини вдругъ пробуждалъ и увлекалъ всѣхъ силою своего таланта.

Онъ дѣлалъ мало жестовъ; выразительная пантомима его достаточно дополняла чувства души его. Все драматическое его могущество заключалось въ звучности его органа, въ чудныхъ руладахъ и въ выраженіи чувствъ. Когда ему надобно было пѣть подобную арію, какъ въ «Тайномъ бракѣ» *rgia che sprunti*, или другую трогательную фразу, какъ въ квартетѣ *Пуританъ*, онъ обыкновенно подходилъ къ рампѣ, становился неподвижно и наивно положила руку на сердце *plang i suoi dolce lamente*, распространяя между зрителями невольное волненіе. Точно также дѣйствовалъ Бабіини, бывший однако же отличнымъ актеромъ, и даже Паста, прославившаяся своимъ драматическимъ искусствомъ, выставяла себя рельефно въ аріи *di tanti palriti* Танкреды, въ которой и Малибранъ не могла съ нею сравняться.

Рубини былъ не очень изобрѣтателенъ въ вокальныхъ комбинаціяхъ; обыкновенныя его украшенія состоятъ въ двойной восходящей и нисходящей гаммѣ; всѣ трели на верхнихъ грудныхъ нотахъ, въ нѣкоторомъ патетическомъ дрожаніи одной и той же ноты, въ сильномъ развитіи груднаго голоса, изъ котораго героическими переходами переливался въ головные звуки, и наконецъ въ быстромъ переходѣ изъ полного голоса въ *smorzato*, едва внятное слуху. Частое употребленіе этого украшенія (кажется заимствованнаго имъ у Давида-сына) доказывало, что Рубини пѣвецъ ^{въ}новой драматической школы, созданной Россини.

Если бы нужно было въ нѣсколькихъ словахъ характеризовать повѣйшее направленіе искусствъ, какъ къ музыкѣ, такъ живописи и литературѣ, мы бы сказали, что отличительною чертою произведеній нашего вѣка — блескъ яркихъ красокъ, громкое накопленіе эффектовъ, насильственные переходы, рѣзкое сближеніе тѣней и свѣта. Эта метода не требуетъ изящнаго вкуса и глубокихъ чувствъ.

Говорятъ, что королева Марія Антуанета спросила однажды у Саккини: хорошій ли музыкантъ пѣвецъ Гара?

— Нѣтъ! отвѣчалъ знаменитый композиторъ. Онъ не музыкантъ, но олицетворенная музыка.

Этотъ удачный отвѣтъ автора Эдица въ Колонѣ можно было бы примѣнить къ Рубини. Инстинктъ его былъ такъ вѣренъ и хорошъ, ухо такъ вѣрно и нѣжно во всѣхъ легчайшихъ отгѣнкахъ, что надобно было знать его домашнимъ образомъ, чтобъ видѣть недостатки въ музыкальномъ его образованіи. Никогда въ самыхъ сложныхъ нумерахъ, какъ напримѣръ въ секстетѣ Донъ-Жуана, Рубини не обнаруживалъ ни малѣйшаго замѣшательства. Онъ даже былъ покоренъ, какъ дитя при музыкальномъ темпѣ, который ему давали, и говорилъ своимъ товарищамъ или дирижеру, спрашивавшимъ его мнѣнія о темпѣ:

— Не заботьтесь обо мнѣ. Ступайте впередъ. Я послѣдую за вами.

Этотъ удивительный примѣръ виртуоза, который былъ едва въ состояніи разобрать нѣсколько нотъ, а инстинктомъ угадывалъ самыя ученныя комбинаціи, составляетъ не рѣдкость въ Италіи. Анзани, бывшій учителемъ Лаблаша въ неаполитанской консерваторіи, буквально не зналъ ни одной ноты. Ученики его принуждены были напѣвать ему тотъ номеръ, для котораго нужны были его наставленія. Давидъ-сынъ, Паста и много другихъ знаменитыхъ пѣвцовъ принадлежать къ той же категоріи.

Рубини былъ человекъ простаго нрава и любилъ жить въ кругу своего семейства. Въ 1819 году женился онъ въ Миланѣ на французской пѣвицѣ Шомель, воспитанной въ парижской консерваторіи, гдѣ она была ученицею Гара. Этотъ союзъ былъ вполне счастливъ, и величайшею заботою Рубини было то, чтобъ не возбудить ревности своей супруги. Когда пропѣвъ арію, восхитившую публику, выходилъ онъ со сцены за кулисы, и каждый спѣшилъ поздравить его съ успѣхомъ, онъ спѣшилъ скорѣе уйти въ свою уборную, чтобъ избѣжать сильной ссоры.

Рубини берегъ себя чрезвычайно. Онъ велъ самую воздержную жизнь и не предавался ни малѣйшимъ излишествамъ. Когда ему надобно было играть, онъ обѣдалъ въ два часа, потомъ отправлялся въ те-

атръ, ложился и спалъ до шести часовъ. Слуга будилъ его, и онъ одѣвался, чтобъ явиться передъ публикою со всею свѣжестью силъ и средствъ. Вотъ почему сохранилъ онъ силу своего голоса до конца. Увѣряють, что въ послѣдніе годы, проведенные имъ въ Петербургѣ, вида свою будущность вполне обеспеченную, онъ производилъ въ пѣніи своемъ эффекты, какихъ никогда не слышали парижская, лондонская и миланская публики.

Рубини былъ средняго роста и довольно плотнаго сложенія. Въ лицѣ его невидно было никакого отличительнаго характера. Оно было испятнано оспою, но во время пѣнія одушевлялось удивительнымъ образомъ.

У Рубини были два брата. Одинъ изъ нихъ былъ тоже всю жизнь пѣвцемъ, но весьма второстепеннымъ. Другой былъ церковный пѣвчій. А какъ онъ не оставилъ по себѣ дѣтей, то огромное богатство его перейдетъ вѣроятно къ племянникамъ.

Бергамо провинція, гдѣ родился Рубини, произвела знаменитѣйшихъ теноровъ Италіи: Виганони, Давидъ отецъ и сынъ, Надзаро, Бианки, Дондзелли и Бардоньи тоже тамошніе уроженцы. Рубини былъ достойнымъ ихъ преемникомъ и возвысился на степенъ перваго современнаго драматическаго пѣвца. По счастью встрѣтилъ онъ на своемъ поприщѣ Беллини, мелодическій гений котораго усвоилъ себѣ. Авторъ Пирата и Сонамбулы былъ также неопытенъ въ композиціи, какъ Рубини въ чтеніи нотъ, но оба прославились истинными и глубокими чувствами.

А. Бонавентура.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Уго Фосколо, его жизнь и сочинения. **ОТКРЫТИЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Метеорологія въ 1854 году и ея будущіе успѣхи. — Лушныя фотографіи. **ТЕАТРЪ И ИСКУССТВА:** Шиллеръ на французской сценѣ. **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Рѣшеніе вопроса объ участи спира Джона Франклина. — Египеть и Пубія (*изъ записокъ французскаго путешественника, статья вторая и послѣдняя.*)

I. ЛИТЕРАТУРА.

Уго Фосколо, его жизнь и сочинения. Отличительною чертою итальянской литературы во время ея упадка было совершенное отсутствіе практическаго взгляда на вещи и какое-то отвращеніе отъ всякой дѣятельности. Послѣ смѣлыхъ но неудачныхъ попытокъ драмы и сатиры, послѣ великолѣпныхъ фантазій Аріоста и наконецъ послѣ поэтическаго возрожденія въ Освобожденномъ Иерусалимѣ, Италия, изнеможенная бесплодною дѣятельностью, казалось была подавлена избыткомъ своихъ собственныхъ силъ и какъ будто боялась всякой дѣятельной энергической мысли, всякаго толчка. Наслаждаться жизнью, неизвлекая изъ нея рѣшительно никакой пользы, жить изъ одного удовольствія, жить подъ роскошнымъ полуденнымъ небомъ, любить прекрасное только для него самого, принимая самое слабое участіе въ полезномъ, испытывать эпикуреизмъ высокихъ наслажденій, доставляемыхъ искусствомъ, обратить литературу въ дилетантизмъ, а поэзію въ музыку гармоническаго метра, все это съ давнихъ поръ было участіемъ итальянцевъ; но не такова современная итальянская литература. Съ половины XVIII вѣка все въ ней приняло другой характеръ; появилась новая школа болѣе серьезная, и менѣе пренебрегавшая вещественностью, школа, принявшая дѣятельное участіе въ движеніи литературы всей Европы; въ ея поэтическихъ произведеніяхъ мы встрѣчаемъ философско-нравственныя идеи, представителемъ которыхъ былъ Парини, родившійся на берегахъ Пузіанскаго озера и вступившій въ послѣдствіи въ духовное званіе. Будучи домашнимъ учителемъ

у многихъ патриціевъ, онъ имѣлъ случай наблюдать за нравами миланской аристократіи, и обрисовалъ ее самыми живыми красками.

Итальянцамъ, между которыми господствовала въ то время сатира, очень понравился этотъ родъ произведеній, и они назвали стихи Парини *poesia civile*. Эта гражданская поэзія обратила на себя благосклонное вниманіе графа Фирмиани, австрійскаго губернатора въ Миланѣ. Ученики Парини подражали въ своихъ одахъ Пиндару, и героевъ своихъ трагедій обратили въ ораторовъ. Альфиери умеръ вдали отъ родины. Де-Торти и Уго Фосколо, ревностные послѣдователи этого поэта, также провели остатки своихъ печальныхъ дней не въ отечествѣ: первый кончилъ жизнь въ 1852 году въ Женевѣ, послѣдній объѣхалъ всю Европу, и двадцать пять лѣтъ тому назадъ былъ погребенъ на одномъ изъ сельскихъ англійскихъ кладбищъ.

Эта школа поэтовъ отличается отъ другой, еще болѣе новой школы Манзони. Парини и его послѣдователи не дѣлали никакихъ нововведеній въ области литературы; они ничего не заимствовали отъ романтизма, обхватившаго въ то время всю Европу. Они вѣрно и упорно придерживались классицизма.

Уго Фосколо родился въ Зантѣ, на лѣсистомъ Закинтѣ Гомера. Онъ изучилъ эллинскихъ поэтовъ, зналъ греческій языкъ какъ Корай, былъ грекъ и по образованію и по рожденію.

Его обширная переписка, увеличенная вновь изданными письмами, бросаетъ новый свѣтъ на его жизнь, и представляя богатый запасъ біографическихъ свѣдѣній, даетъ намъ возможность набросать вѣрный портретъ поэта. До сихъ поръ въ авторѣ Джакомо Ортиса и читающая публика и писатели видѣли чедовѣка, вышедшаго изъ круга обыкновенныхъ людей, но соединившаго въ себѣ всѣ недостатки своего вѣка. Вотъ почему обыкновенно описываютъ Уго Фосколо существомъ твердымъ и непоколебимымъ, даже въ такія минуты, когда другіе не выдерживали ударовъ несчастья; вотъ почему его ставятъ на равнѣ съ героями Боссюэта. Итальянцы ревностно старались поддержать такое мнѣніе Фосколо. Другіе видѣли въ немъ существо, ненавидѣвшее чедовѣчество, но дѣлающее зло только самому себѣ, которое являлось въ міръ на самое короткое время, испивъ до дна чашу житейскихъ радостей и горя. Въ слѣдствіе этого ложнаго взгляда, въ жизни Фосколо видятъ цѣлый романъ, тогда какъ онъ былъ скорѣе героемъ мелодрамы. Его жизнь была полна несчастій, имѣла печальную развязку. Сегодня авторъ Ортиса былъ засыпанъ золотомъ, а на другой день у него не было куска хлѣба. Эта драматическая, но не существовавшая личность обязана Франціи своимъ существованіемъ, потому что подобный типъ далеко не италіанскій.

Въ перепискѣ своей Фосколо видѣнъ такимъ, каковъ онъ былъ въ дѣйствительности. Въ истинномъ Фосколо нѣтъ ни величія стойка, ни ложнаго блеска мизантропа. Судя по сочиненіямъ его и нѣкоторымъ фактамъ его жизни, онъ былъ скорѣе существомъ недосказавшимся, хотя и нельзя въ немъ отвергнуть сродства съ древними классическими характерами.

Какое легкомысліе, какая прозаическая мелочность проглядывает по временамъ въ романѣ его жизни, описанномъ имъ такъ поэтически. «Квирина, пишетъ онъ къ одному изъ своихъ друзей, посылаетъ вамъ несчетное число поклоновъ. Мнѣ отъ нее достается за то, что я не обманываю ее и не увѣряю, что вы ей посылаете поклоны. Впрочемъ въ ней есть и хорошія стороны: она не такъ скупа какъ я предполагалъ, она даже принадлежитъ къ числу щедрыхъ женщинъ, присылаетъ мнѣ иногда денегъ и нѣсколько бутылокъ монталькинскаго вина, которымъ я и дѣлюсь съ навѣщающими меня друзьями.» Между тѣмъ эта Квирина, о которой онъ отзывался такъ нецеремонно, была въ теченіе всей его жизни самымъ искреннимъ и нѣжнымъ другомъ; она никогда не забывала его; она была послѣднимъ его прибѣжищемъ и утѣшителемъ въ жизни; она часто потихоньку уплачивала его долги; чтобъ заставить его принять отъ нея деньги, она увѣряла, что отдаетъ ему вырученныя отъ продажи его книгъ, хотя непроданныя книги лежали у ней до тѣхъ поръ, пока дѣйствительно не расходились въ послѣдствіи. Даже въ то время, когда на Фосколо были обращены взоры Италіи и Европы, онъ унижалъ себя мелкими интригами, недостойными поэта.

Несчастія Фосколо начались въ Швейцаріи, во время паденія Наполеона и Итальянскаго королевства; когда онъ разстался съ своею шпагой и эполетами начальника эскадрона, лишился пансіона, который получалъ какъ бывшій профессоръ Павіанскаго университета. Сынъ Греціи, пріемышь Италіи, жилъ въ горахъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, въ скромной комнаткѣ, которую нанималъ у протестантскаго пастора, такого же бѣдняка, какъ онъ самъ; онъ терпѣть холодъ и голодъ, потому что тотъ незабѣдливый столъ, который предлагаетъ ему гостепрѣимство, отвергаетъ его южная натура. Въ одну изъ такихъ грустныхъ минутъ, по снѣгу и по льду, онъ отправляется пѣшкомъ въ городъ, чтобъ продать свои часы и скрыть свою нищету, которая дѣлала ему честь. Онъ съ твердостью переноситъ всѣ эти несчастія и выжидаетъ удобнаго случая отправиться въ Англію. Непонятно, какимъ образомъ мужество, съ какимъ онъ шелъ навстрѣчу всѣмъ бѣдствіямъ, которое помогло ему достойно выйти изъ борьбы съ несчастіемъ, оставляло его въ тѣ минуты, когда надо было продолжать увлеченія сердца.

Фосколо былъ слишкомъ слабъ въ отношеніи къ женщинамъ, чтобъ имѣть то величіе души, которое хотять въ немъ видѣть. Чтобъ сдѣлаться героемъ Плутарха, ему недоставало той твердости, которая рано или поздно, но всегда беретъ перевѣсъ надъ слабостью сердца и при которой въ душѣ не остается мѣста ни для какого другаго чувства, кромѣ любви къ родинѣ. Фосколо находилъ удовольствіе только въ женскомъ обществѣ, и только однѣ женщины могли побѣдить его угрюмый и своенравный характеръ. Но онъ никогда не унижался до зависти къ своимъ литературнымъ соперникамъ: хитрость, коварство и неблагородство были ему незнакомы. Если его и обвиняли въ томъ, что онъ дѣлалъ долги, не имѣя возможности ихъ уплатить, то происходило отъ того, что онъ не зналъ счета въ деньгахъ. Поэтъ

отличался самою строгою и воздержною жизнью; онъ ничего не пилъ кромѣ воды.

Мать Уго Фосколо, какъ мать Андре Шенье, была гречанка, съ характеромъ почти спартанскимъ. Онъ учился читать на томъ языкѣ, на которомъ писалъ Гомеръ, и прежде другихъ сочиненій прочелъ Ксенофонта и Плутарха. Переѣхавъ вмѣстѣ съ матерью въ Венецію, онъ нашелъ въ домѣ своихъ отцевъ страшную бѣдность. Фосколо принадлежалъ къ патриціямъ; одинъ изъ его предковъ Леонардъ Фосколо, былъ генералиссимусомъ въ послѣднихъ войнахъ съ Кандією; но его семейство обѣдѣло, и самый домъ свой онъ нашелъ почти разрушеннымъ. Фосколо былъ тогда молодымъ человѣкомъ съ пылкимъ воображеніемъ и установившимся характеромъ. Въ семнадцать лѣтъ онъ велъ уже литературную переписку, въ которой конечно проглядываетъ не только молодость, но даже ребячество; эта молодость, это ребячество обнаруживали поэта: въ нихъ виднѣнъ уже двадцати-лѣтній юноша. Въ одномъ письмѣ къ своему другу, который его никогда не видалъ, Фосколо слѣдующими словами описываетъ свой портретъ: «черты моего лица не красивы, но въ нихъ есть что-то особенное, проглядываетъ какая-то самостоятельность; волосы у меня рыжіе, носъ средней величины, съ горбомъ, глаза обыкновенные, но оживленные, лобъ широкій, рѣсницы свѣтлыя и густыя, подбородокъ круглый. Я не высокъ ростомъ, но увѣряютъ, что еще вырасту; хорошо сложенъ, расположенъ къ полнотѣ и довольно силенъ. Походка моя не надменная и не важная, и, въ одно время выражаетъ волненіе и небрежность.» Фосколо оставилъ Занте въ періодъ жизни, когда выходятъ уже изъ дѣтскаго возраста. Въ 1797 году онъ переѣхалъ и Венецію въ Миланъ, и какъ сынъ Греціи, учившійся читать по Ксенофонту, вооружился пшагой, опредѣлился въ одинъ кавалерійскій отрядъ, сформированный въ Болоніи, и черезъ два мѣсяца былъ произведенъ въ офицеры. Труды и опасности при осадѣ Генуи подъ начальствомъ Массены, рана въ ногу, битва при Маренго, за которую онъ былъ произведенъ въ капитаны—вотъ подвиги питомца Ксенофонта и Фемистокла и доказательство стоицизма.

Послѣ двухъ лѣтъ военной дѣятельности и службы подъ начальствомъ французскихъ генераловъ, энтузіазмъ Фосколо охладѣлъ, мечты разсѣялись, иллюзіи исчезли. Онъ хорошо разгадалъ побѣдителей. Съ другой стороны его пылкая натура встрѣтила пренятствія; онъ любилъ со всею страстью и безуміемъ молодаго человѣка и съ разсудительностью философа.

Любовь и какая-то нравственная пустота послѣ разнообразныхъ ощущеній были первыми предметами, которые онъ хотѣлъ описать. Случай доставилъ ему заглавіе для романа и имя для героя. Джакомо Ортисъ, изъ провинціи Фріуль, питомецъ Падуанскаго университета, двумя ударами кинжала лишилъ себя жизни. Никто не зналъ причины этой трагической кончины; онъ кончилъ жизнь не оставивъ ни строчки своимъ родителямъ и никакихъ извѣстій для разнообразныхъ толковъ любопытнымъ. Фосколо незналъ несчастнаго, но заинтересован-

ный его печальною судьбою, слилъ описаніе своей жизни съ его исторіею, и подъ его именемъ описалъ свои похождения и нѣкоторыя изъ случаевъ своей жизни. Фосколо писалъ много любовныхъ писемъ, и переписывалъ ихъ, отчасти потому что у него былъ дурной почеркъ, а еще больше потому, что онъ дорожилъ ими и называлъ ихъ сокровищами своего сердца. Онъ писалъ ихъ въ общей тетради; эти страстные листы были перемѣшаны съ его трудами поэтическими, философскими и учеными; любовныя объясненія были смѣшаны съ опытами перевода *Воловь Берешки*, и раскрытія тайнъ сердца встрѣчались между филологическихъ изысканіями. Это смѣшеніе составляло черту его характера; эти письма занимали въ его тетради почти такое же мѣсто, какъ любовь въ его жизни. Чѣмъ дорожилъ онъ больше, своими письмами, или своими сочиненіями? На это очень трудно отвѣчать. Помѣщая нѣкоторыя изъ этихъ писемъ въ свой романъ: *Джакомо Ортисъ*, онъ думалъ, что влагаетъ въ него часть своего сердца, и былъ правъ. Не всегда однакоже заключается въ этомъ тайна успѣха: Конечно, эти правдивыя картины, въ которыхъ ремесло сглаживается передъ природою, производятъ сильное впечатлѣніе на публику; но для этого довольно и наружной искренности автора; нѣтъ необходимости чтобъ она была дѣйствительная.

Величайшій изъ современныхъ трагиковъ былъ тотъ, который не только не сливался съ своими ролями и не подвергался опасности потерять въ этой метаморфозѣ сознаніе себя и своего искусства, но считывалъ всѣ эффекты своей игры, постоянно владелъ собою, и былъ великъ тогда именно, когда болѣе всего помнилъ, что онъ актеръ. Чѣмъ былъ Тальма на сценѣ, тѣмъ былъ Гёте въ своихъ произведеніяхъ, особенно въ *Вертерѣ*, который однакоже былъ произведеніемъ его молодости. Этотъ поэтъ никогда не включилъ бы своихъ любовныхъ писемъ въ романъ, и не изобразилъ бы себя самого въ молодомъ Вертерѣ. Это существенное различіе въ субъективности и составляетъ исходную точку обоихъ романовъ. Хотя уже много говорили о Вертерѣ, но необходимо посвятить ему нѣсколько словъ, чтобъ яснѣе высказать его различіе съ *Джакомо Ортисомъ*.

Въ Вертерѣ есть одно достоинство, которое, по нашему мнѣнію, выше всего въ романѣ. Это единство, простое и безусловное; любовь Вертера—вотъ весь романъ. Не должно обманывать себя на счетъ этой любви: въ ней много чувственности, много гордости, много эгоизма, чувствуешь, что тутъ больше воображенія, нежели души. И во всѣхъ этихъ письмахъ то живыхъ, то горькихъ, то пламенныхъ, не найдешь ни одного слова отъ сердца. Но эта любовь, такая какою Гете изобразилъ ее, существуетъ, и потому—то эта книга глубоко потрясаетъ, потому что вся она проникнута этимъ чувствомъ, которое одно разсѣкаетъ узелъ несчастной любви. Никакая другая мысль не примѣшивается къ этой первоначальной задачѣ: смерти отъ несчастной любви. Нѣтъ ни постороннихъ происшествій, ни случайностей, ничего сложнаго или темнаго въ развязкѣ; эта простая трагедія любви; сверхъ того Вертеръ постоянно на лицѣ; мы присутствуемъ при его рѣшеніяхъ, мысляхъ,

при его чувствахъ. Здѣсь уже не собраніе разныхъ писемъ четырехъ или пяти лицъ, гдѣ можетъ быть поприще для таланта обширнаго, но за то болѣе благопріятствуетъ риторикѣ, нежели изученію чувства человеческого сердца. Передъ нами только письма Вертера къ другу; мы сами дѣлаемся его повѣренными. Въ этомъ-то и состоитъ истинное единство въ искусствѣ, единство чувства; нѣсколько постороннихъ подробностей незначительны: посѣщеніе деревенскаго пастора, жизнь Вертера у него и аристократическій вечеръ въ германскомъ городѣ, это развлеченіе для читателя, ошибки, если угодно варіаціи, которыхъ цѣль лучше выказать характеръ Вертера. Единство въ романѣ полное, это общая черта произведеній прочныхъ. Когда мы говоримъ о совершенномъ единствѣ въ Вертерѣ, мы не хотимъ сказать, чтобъ не было никакой примѣси въ страсти его молодого героя; если захотѣтъ отнять отъ нея гордость и эгоизмъ, можетъ быть останется очень мало; но сколько есть людей, которые примѣшиваютъ эгоизмъ и гордость къ любви! И такъ Вертеръ съ этой стороны навсегда останется истиннымъ, потому что эта сторона общечеловѣческая. Молодой Вертеръ артистъ; онъ любитъ Шарлоту какъ истинный поэтъ, и если любитъ въ ней женщину, то именно высшую, которой уваженіе льститъ его гордости. Еслибъ баронъ Вольфгангъ фонъ Гете былъ способенъ любить женщину глубоко, онъ любилъ бы ее подобно Вертеру, какъ поэтъ, и въ этомъ толькомъ отношеніи онъ создалъ Вертера по своему подобію, и этимъ-то именно Вертеръ всего вѣрнѣе для современниковъ, такъ какъ эта сторона его истинна для его времени, въ которое любятъ поэтизировать зло. Во всей Европѣ почувствовали, что Гете дотронулся до нравственной болѣзни нашего вѣка. Если не всѣ люди поэты, то всѣ способны чувствовать поэзію, и это чувство особенно пробуждается любовью. Влюбленный охотно считаетъ себя нѣсколько поэтомъ; естественно, что мы хотимъ узнать себя въ нѣкоторыхъ письмахъ Вертера. Слѣдовательно, даже и въ этомъ недостаткѣ есть частица истины, что-то общее и человѣческое. Если увеличить поэтическое направленіе Вертера, усилить его манію, тогда мы выйдемъ изъ истиннаго, вступимъ въ условное и дойдемъ до Чаттертопа; намъ придется углубляться въ мысли этого несчастнаго, который жилъ не такъ какъ ему подобныя; онъ не внушитъ намъ истиннаго участія, потому что намъ нельзя будетъ узнать въ немъ самихъ себя.

Теперь перейдемъ къ произведенію Фосколо. При чтеніи *Послѣднихъ писемъ Джакомо Ортиса* прежде всего представляется ихъ характеристическое отличіе, произвольный недостатокъ единства. Два чувства раздѣляютъ сердце Ортиса: любовь къ отечеству и страсть къ Терезѣ, которую онъ пламенно любитъ; эта любовь не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ. Ортисъ испытываетъ всѣ мученія зависти, личность его сложная, и не можетъ произвести того сильнаго и рѣшительнаго впечатлѣнія, тайна котораго заключается въ единствѣ. Въ немъ два чловѣка какъ въ самомъ Фосколо. Въ Ортисѣ гораздо болѣе истины для Италіи 1800 года, нежели для насъ.

Неудивительно, что Джакомо Ортисъ имѣлъ большой успѣхъ въ Итали, это былъ успѣхъ народный. Ортисъ выражалъ со взглядомъ особеннымъ и личнымъ, но сильнымъ и искреннимъ, чувства, которыя были почти во всѣхъ сердцахъ. Авторъ его не зналъ и не читалъ Вертера. Онъ начинаетъ печатать свое сочиненіе, потомъ откладываетъ, поручаетъ ихъ другу и уѣзжаетъ въ армию. Онъ не идетъ на битву за французскими консульскими орлами, и вдругъ узнаетъ, что въ Итали вышелъ романъ подъ названіемъ: *Справедливая исторія двухъ несчастныхъ любовниковъ, или послѣднія письма Джакомо Ортиса* съ прибавленіемъ разсказа, о которомъ онъ никогда не думалъ и съ его собственнымъ портретомъ; въ этой книгѣ онъ узнаетъ свои заветныя листы, свою дорогую, задушевную исповѣдь, вставленную посреди смѣшной рапсодіи. По возвращеніи его первая мысль была объ *Ортисѣ*; онъ бѣжитъ къ типографщику. Гдѣ здѣсь Джакомо Марсильи? издатель Ортиса? спрашиваетъ гусарскій капитанъ, и увидя его обнажаетъ саблю (онъ даже не успѣлъ оставить дома оружіе): цѣлая буря упрековъ разразилась надъ головой испуганнаго типографщика. Къ счастью Фосколо быстро переходилъ отъ гнѣва къ хорошему расположенію духа; онъ опустилъ саблю въ ножны, и скоро не только простилъ Марсильи, но даже расцѣловалъ его. Дѣло легко поправили: Фосколо напечаталъ протестъ въ одномъ журналѣ, и принялся въ свою очередь за изданіе любимой книги, этого романа, который правдивѣе исторіи.

Въ это время онъ узналъ произведеніе Гёте. Сходство романовъ было поразительное, можно было придти въ отчаяніе. Безъ обмана типографщика, истинный Джакомо Ортисъ никогда не вышелъ бы въ свѣтъ.

Фосколо принялъ всѣ благоразумныя мѣры, чтобъ предупредить всякое нападеніе; предвидя, что ему неизбѣжать предположенія въ подражаніи Вертеру, онъ воспользовался сочиненіемъ германскаго романиста, чтобъ передѣлать свое созданіе. Не измѣняя сюжета своего романа, онъ передѣлалъ все сочиненіе. *Джакомо Ортисъ* состоялъ изъ переписки между Ортисомъ, Терезою и ея отцемъ Эдуардомъ. Этотъ простой, не сложный и не многотомный романъ отличался тѣми же недостатками, какъ всѣ романы въ письмахъ. Фосколо уничтожилъ переписку нѣсколькихъ лицъ и сохранилъ письма только одного Ортиса; его романъ остался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, и что Гете своимъ гениемъ разгадалъ лучше Фосколо: психологическимъ развитіемъ одного лица. Ортисъ былъ обязанъ Вертеру тѣмъ единствомъ, которое свойственно подобнаго рода сочиненіямъ.

Извѣстно, что характеръ Вертера болѣе типическій и общій чѣмъ Ортиса. Вертеръ, будучи нѣмцемъ, въ то же время европеецъ; если его нравственное разстройство представляетъ душевную болѣзнь, то эта болѣзнь была въ то время эпидеміею почти для всей Европы. Между тѣмъ какъ Ортисъ исключительно итальянецъ. Въ романѣ Фосколо часто встрѣчаются классическія сцены, напр. Тереза сидитъ подъ туювымъ деревомъ, Ортисъ возлѣ нее, прислонясь къ дереву, читаетъ ей оды Сафо или, когда Ортисъ, удаляясь отъ того мѣста гдѣ видѣлъ Терезу, какъ бы для своего утѣшенія протягиваетъ руки къ сверкавшей

съ неба Венерѣ. Далѣе ему представляются пляшущія вокругъ него нимфы въ легкихъ одеждахъ, увѣнчанныя розами; онъ призываетъ музъ и амура. Изъ волнъ гармонически шумящихъ каскадовъ всплываютъ на поверхность воды чудныя наяды съ распущенными по плечамъ волосами и съ яснымъ привѣтливымъ взоромъ.

Авторъ *Ортиса* написалъ очень немного стихотвореній, и самое замѣчательное безъ сомнѣнія і *Sepolci* (могилы). Въ то время уже вышло изъ обыкновенія хоронить подлѣ церквей и въ самыхъ церквяхъ. Кладбища обыкновенно устраивались за городомъ, но тѣ могилы, надъ которыми не воздвигались блестящіе памятники, сгладились съ теченіемъ времени, и ничто уже не напоминало друзьямъ покойника объ усопшихъ. Парини, лѣтъ семь или восемь тому назадъ, умеръ въ страшной бѣдности, и потому даже тропинка къ его послѣднему жилищу заглохла. Вотъ обстоятельства, которыя были сюжетомъ прекрасныхъ стиховъ *Sepolci*.

Но *Мошлы* не имѣютъ безусловнаго достоинства; непрерывныя отступленія для ученыхъ разсужденій и разсказовъ изъ мифологіи, исторіи и литературы, весьма вредятъ этому стихотворенію. Поэтъ часто невысказывался вполнѣ, ограничивается одними намеками; иногда принужденъ бываетъ объяснять самаго себя, дѣлать примѣчанія къ своимъ собственнымъ стихамъ, быть своимъ собственнымъ толкователемъ. Онъ грекъ въ этомъ недостаткѣ, также какъ и въ своихъ достоинствахъ; грекъ, но не классическаго, а александрійскаго періода.

Общій характеръ этого сочиненія отличается непринужденною меланхоліею, непритворною грустью. Въ своихъ письмахъ онъ часто говоритъ о смерти. Какъ Лоретта въ его *Джакомо Ортисѣ* украшала черепъ розовымъ вѣнкомъ, такъ и Фосколо окружалъ образъ смерти, изображеніями самыми нѣжными. *Мошлы* его не простая элегія; онъ могутъ назваться также сатирой и лирической поэмой: авторъ называетъ ихъ *сагге*, и мы видимъ въ одномъ изъ писемъ, что по его мнѣнію онъ изобрѣлъ новый родъ стихотвореній. Мы видѣли, что сатирическій тонъ и иронія почти никогда не оставляли Парини, его образца. Фосколо подражалъ ему даже и тогда, когда стремился создать что нибудь оригинальное.

Романъ *Джакомо Ортисѣ* доставилъ Фосколо много приверженцевъ между молодыми людьми. Стихи, хотя изданные не въ большомъ количествѣ, увеличили еще болѣе его популярность; имя его было извѣстно во всей Италіи, потому что встрѣчалось въ журналахъ, гдѣ онъ участвовалъ; даже самая одежда его привлекала вниманіе толпы: воинъ-писатель былъ чѣмъ-то новымъ въ странѣ, въ которой словесность, казалось, предоставлена была исключительно уединенію монастырей или досугамъ академій. Давно уже не видѣли писателя при шпагѣ. Фосколо не доставало только торжества на сценѣ. Не имѣя еще и двадцати лѣтъ отъ роду, онъ отдалъ на сцену въ Венеціи трагедію *Тіестъ*, которой венеціанцы аплодировали изъ патріотизма. Это былъ первый опытъ молодаго человѣка, страстнаго поклонника Альфиери. Два позднѣйшія его произведенія, *Алексъ* и *Ричардъ*, были представляемы по

всей Италіи. Но ни та, ни другая драма не могли быть долговѣчны; Фосколо заимствовалъ отъ Альфіери только его слогъ, лаконическій и исполненный нравственными сентенціями.

Извѣстно, что пиемонтскій поэтъ не былъ одаренъ драматическимъ гевіемъ; онъ обладалъ твердостью мысли и силою въ изображеніи характеровъ, но не умѣлъ развивать страсти; у него дѣйствующія лица умничаютъ, а не дѣйствуютъ. Одинъ знаменитый профессоръ раскрылъ въ драматическихъ сочиненіяхъ Альфіери вліяніе французскихъ образцовъ. Есть только два рода трагедій: съ одной стороны трагедія дѣйствія, которую играютъ на сценѣ и которую сочиняютъ, чтобъ подѣйствовать на зрителей, собранныхъ передъ живымъ представленіемъ дѣйствительности; съ другой, трагедія болѣе литературная, нежели драматическая, которая сочинена не для сцены, куда можетъ попасть только случайно, но для чтенія: трагедія кабинетная. Типъ послѣдняго рода находится у Сенеки. Рано или поздно, вторая трагедія заступаетъ мѣсто первой, но въ нѣкоторыхъ странахъ всегда существовала только вторая, на примѣръ, въ Италіи. Если трагедія написана не для сцены, то драматическая истина не есть первый законъ ея; надъ нею берутъ верхъ мысли, правила, сентенціи; драма перестаетъ быть главною задачею и дѣлается только рамою.

Трагедіи Фосколо не составляютъ исключенія изъ общаго правила. Въ отношеніи къ ихъ созданію, онъ стоитъ гораздо ниже главы италіанской трагедіи. Не будемъ требовать отъ него развитія страстей, которое недоступно и самому Альфіери, и при томъ почти невозможно въ системѣ трагедіи ораторской; но у него нѣтъ даже трагическихъ положеній, которыхъ было такъ много у Альфіери. Въ лучшемъ изъ его произведеній, Ричардѣ, постоянно длится одно и то же положеніе. Достоинство этого произведенія все въ его слогѣ, гордомъ, сильнымъ, дантовскомъ. Можно подумать, что Фосколо и прочіе поэты этой трагической школы не заботятся о другомъ, зная что будутъ имѣть слушателей, если только представятъ уму благородныя мысли, а слуху гармоническій языкъ; они заботятся только о хорошихъ стихахъ и находятъ, что въ трагедіи довольно выставить черты силы и мужества; за то они остаются вѣрными учениками Данте и подражаютъ его стихамъ, какъ въ шестнадцатомъ столѣтіи подражали стихамъ Петрарки. Фосколо, какъ поэтъ, всегда имѣлъ въ виду Италію. Уже въ Аяксѣ видѣли мысли, можетъ быть очень далекія отъ самого Фосколо; на примѣръ, мы не знаемъ, дѣйствительно ли авторъ, изображая неукротимый характеръ Аякса, котораго интрига Улисса лишила оружія Ахиллеса, хотѣлъ указать зрителямъ на генерала Моро. Ричардъ не долго удержался на сценѣ. Впрочемъ дѣло стало не за успѣхомъ: когда Фосколо безстрастно оставался въ глубинѣ своей лужи, облекаясь въ стоицизмъ, рукоплесканія и крики напрасно звали автора на сцену. Это шумное торжество удвоивалось послѣ каждаго акта; когда дошло до третьяго, думали, что его нельзя будетъ начать. Подошла, боясь безпорядковъ, упрашивала Фосколо позволить нести его въ триумфъ, но поэтъ былъ настоящимъ Зеновѣ: онъ выставлялъ

свое произведеніе, но невыставлялъ свою особу; пришлось остановить триумфъ за немѣвимъ триумфатора. Покуда авторъ Ричарда въ ложѣ Болонскаго театра велъ себя какъ одинъ изъ героевъ Плутарха, важныя событія быстро слѣдовали однѣ за другими: наступалъ сентябрь 1813 года; черезъ два мѣсяца Италія стояла на краю гибели; не время и не мѣсто было для представленія трагедіи. Фосколо взялъ обратно со сцены своего *Ричарда*.

Мы еще не говорили о лекціяхъ, читанныхъ Фосколо въ Павіи, въ университетѣ. Это было между Аяксомъ и Ричардомъ, въ началѣ 1810 года; лекціи очень распространили его извѣстность. Онъ былъ назначенъ на кафедру краснорѣчія правительствомъ вице-короля итальянскаго; эта кафедра была только что учреждена. Наполеонъ, при преобразованіи университета въ Павіи, назначилъ Монти на кафедру краснорѣчія. Фосколо не былъ непосредственнымъ пріемникомъ Монти, но промежутковъ между ними былъ очень не много: послѣ нѣсколькихъ лекцій Фосколо, кафедра краснорѣчія въ Павіи была закрыта.

Тяжело читать личности, которыя Фосколо писалъ противъ литераторовъ, или журнальныя статьи, въ которыхъ онъ унижалъ кого нибудь изъ своихъ друзей, не за долго передъ тѣмъ имъ же привозносимаго до облаковъ, и измѣнялъ расположеніе свое къ людямъ и сужденіе о нихъ, за то, что они думали не такъ какъ онъ. Онъ расточалъ оскорбленія своимъ литературнымъ врагамъ подъ прозрачнымъ покровомъ аллегоріи. Фосколо какъ будто былъ предназначенъ для жизни внѣ родины; мирный договоръ кампо-формійскій изгналъ его изъ Венеціи въ Миланъ, литературныя партіи принудили его бѣжать изъ Ломбардіи; онъ поселился на берегахъ Арно, сдѣлался гражданиномъ флорентинскимъ, плѣнился тосканскимъ нарѣчіемъ, тамошнимъ произношеніемъ и обществомъ флорентинскихъ красавицъ (потому что, какъ кажется, по крайней мѣрѣ, по его письмамъ, Флоренція и въ то время была достойна Боккачіо и декамерона). Онъ поставлялъ за счастье сдѣлаться совершеннымъ флорентинцемъ, какъ вдругъ бѣдствія 1813 года вызвали его изъ уединенія. Фосколо вспомнилъ свою шпагу, и не ожидая пока призовутъ его подъ знамена, явился въ Миланъ въ распоряженіе военнаго министра.

Когда королевство итальянское пало, Фосколо въ чинѣ капитана просился въ отставку; въ отвѣтъ на это, миланское правительство назначило его эскадроннымъ командиромъ. Однако жъ онъ отправился въ Швейцарію, оставивъ свой военный чинъ, сопряженное съ нимъ содержаніе, жалованье по университету и свое отцовское наслѣдіе; онъ покинулъ въ то же время отечество, мать и сестру, съ которыми уже не видался больше.

Выѣхавъ изъ Италіи, Фосколо какъ бы окончилъ свое поприще. Съ того дня онъ мечталъ, конечно, о возвращеніи въ отечество и о продолженіи своихъ занятій, но эта мечта не сбылась. Онъ имѣлъ въ виду три цѣли: сочинять трагедіи, переводить Гомера, писать современную исторію Италіи. Къ несчастію онъ отправился въ чужія страны бѣднымъ, и жизненныя потребности постоянно отвлекали его отъ до-

рогихъ ему предположеній. Онъ прожилъ восемнадцать мѣсяцевъ въ Швейцаріи, оттуда поѣхалъ въ Англію по Рейну, чтобъ не проѣзжать Франціи, частію изъ опасенія, частію изъ отвращенія. Въ Лондонѣ, одно поддержаніе своей жизни составило уже для него значительный трудъ. Въ Англіи, чтобъ значить чтонибудь, нужно быть богатымъ; бѣдный имѣетъ тамъ только одно право, право на вспомошествованіе; тамъ бѣдность унижаетъ, и самая независимость безъ денегъ дѣлается страданіемъ. Фосколо прожилъ въ Англіи одиннадцать лѣтъ, которыя составили только одинъ долгій опытъ борьбы съ бѣдностью. Часто онъ жилъ въ деревнѣ, чтобъ скрыть свою нищету.

«Я выздоровѣлъ, пишетъ онъ, и уѣзжаю въ деревню, чтобъ скрыть мою бѣдность отъ тѣхъ, которые меня пригласили, и отъ тѣхъ, которые теперь приглашаютъ. Здѣсь бѣдность составляетъ стыдъ, котораго не смываетъ никакая заслуга; она—преступленіе, не наказываемое законами, но тѣмъ съ большею жестокостію преслѣдуемое въ обществѣ. Такой взглядъ доставляетъ большія выгоды націи, но за то нуждающагося лишаетъ возможности искать помощи или облегченія. По этому я скрываю, чтобъ извинили меня въ томъ, что я непоказываюсь. Здѣсь ученые принимаютъ меня за оракула; они написали въ одномъ журналѣ, что я *величайшій гений, какого только встрѣчали они между живущими нынѣ поэтами*. Замѣтите при этомъ, что статьи для литературныхъ журналовъ пишутся здѣсь богатыми, знатными, даже иногда министрами. Но бѣдность сдѣлала бы презрительнымъ въ ихъ глазахъ самого Гомера. Я это испыталъ».

Въ продолженіе своего изгнанія, Фосколо работалъ неутомимо, чтобъ доставить себѣ все нужное; но даже этого результата никогда не могъ достигнуть вполне. Онъ писалъ статьи для *Эдинбургскаго обозрѣнія*, для *Quarterly review* и для другихъ изданій; но долженъ былъ писать по-французски и потомъ платить за переводъ. Измучивъ свою мысль выраженіями языка иностраннаго, онъ видѣлъ какъ терзали ее наемныя руки, для платы которымъ входилъ онъ въ долги и наконецъ иногда видѣлъ, что статья все таки не попадала въ журналъ, и онъ горько грустилъ о томъ, что осужденъ на труды, лишенные будущности. Вотъ что писалъ онъ въ это время:

«Я оплакиваю способности, данныя мнѣ небомъ, развитыя съ такими усиліями, теперь, къ несчастію, готовыя погибнуть и куда посвященные занятіямъ безъ славы и безъ пользы; я оплакиваю твердое постоянство сердца и мнѣній, приведшее къ безславной бѣдности и долгамъ; я оплакиваю извѣстность, которою никогда особенно не дорожилъ, но составляющую однакожъ единственное утѣшеніе, которое я могу оставить моимъ друзьямъ».

Онъ брался за разныя литературныя предпріятія, напримѣръ за изданіе италіянскихъ классиковъ, но недоброжелательство издателя отняло у него плоды его трудовъ и издержекъ. Неудачи преслѣдовали несчастнаго Фосколо. Много разъ готовъ онъ былъ отплыть въ Зантъ, сдѣлавшійся англійскимъ островомъ, и всегда какое нибудь препятствіе его задерживало. Одинъ разъ между прочимъ зантскіе депутаты, въ чи-

слѣ которыхъ былъ одинъ его родственникъ, собиравсь возвратиться въ отечество; Фосколо долженъ былъ ѣхать съ ними, но упалъ съ лошади, сломалъ себѣ ногу, и греческіе депутаты отправились безъ него.

Однажды блистательныя предложенія нѣсколькихъ книгопродавцевъ обѣщали ему лучшую будущность; въ его письмахъ этого времени мелькаютъ золотые сны. Онъ мечталъ какъ какой нибудь англійскій поэтъ о своемъ собственномъ *cottage*, съ комнатами простыми, но удобными, теплыми, что было такъ необходимо для его южной природы; онъ выстроилъ такой домикъ въ долгъ, и въ воспоминаніе объ одномъ энциклопедическомъ спорѣ, въ которомъ онъ принималъ участіе, далъ ему названіе *Digamma-cottage*. Но онъ дорого заплатилъ за минутную вѣру въ счастье. Онъ не получилъ денегъ, на которыя рассчитывалъ, и дорого ему домикъ окончательно его разорилъ. Онъ старался сперва уплатить всѣ свои долги, боролся до конца, но предпріятіе было выше его силъ. Авторъ Джакомо Ортиса, бывшій эскадронный начальникъ въ королевствѣ итальянскомъ, бывшій профессоръ краснорѣчія въ Павіи, знаменитый поэтъ, блистательный критикъ, былъ посаженъ въ тюрьму за долги. Последнее время этой нравственной агоніи и темно, и горестно. Великодушные люди помогли бѣдному поэту; нѣкоторые друзья утѣшали его въ несчастіи; между ними былъ Ріего. Его дочь, которую Фосколо встрѣтилъ въ Англии, ходила за нимъ въ послѣдней его болѣзни; она называлась Флоріана Фосколо Эмеритъ; нѣсколько лѣтъ послѣ отца и она умерла, оставя бумаги поэта канонику Ріего, который потомъ отправилъ ихъ въ Италію.

Переписка Фосколо—лучшее его произведеніе. Въ своихъ трагедіяхъ онъ подражаетъ Альфіери и часто впадаетъ въ декламаторство; въ своихъ немногочисленныхъ стихотвореніяхъ онъ уже оригиналенъ, силенъ и часто достигаетъ возвышенныхъ красотъ древнихъ поэтовъ, но иногда натянуть и тяжелъ. Въ своемъ романѣ онъ извлекъ изъ души своей типъ энергической и новый, но часто декламируетъ, въ слогѣ замѣтно усиліе, и произведеніе это, при всей своей долѣ самобытности помрачается произведеніемъ Гёте. Его переписка полна искренности: въ ней то дышитъ страсть, энергія, убѣжденіе твердое и непоколебимое, то сомнѣніе, неувѣренность въ себѣ, увѣніе. Онъ открываетъ друзьямъ всю свою душу. Переписка эта краснорѣчива и мила, важна и остроумна; въ ней видимъ вмѣстѣ и твердую душу, и сердце, доступное обольщеніямъ любви. Пробѣгая эти письма, часто удивляешься Фосколо, также часто объ немъ жалѣешь; вся его душа выказывается тутъ сама собою, тѣмъ поразительнѣе, что онъ объ этомъ вовсе не думаетъ. Италіянскіе авторы *писемъ* всегда писали для публики, и говорили ей о томъ, что было уже публичнымъ, или могло сдѣлаться такимъ; но явился Фосколо, написавшій свои письма не для чтенія ихъ въ академіяхъ, въ разныхъ кружкахъ или въ кофейняхъ: новое явленіе въ Италіи! Вѣроятно три тома *писемъ* переживутъ славу его прочихъ произведеній.

Переписка Фосколо вполне открытая. Онъ не былъ изъ числа

тѣхъ писателей, которые безпрестанно расширяютъ кругъ своихъ отношеній, хотая наподнить какъ можно болѣе пространства въ свѣтѣ; очевидно, что переписка его не можетъ быть очень разнообразна: она ведена съ тремя или четырьмя друзьями, самыми дорогими и самыми истинными.

Уго Фосколо умеръ отъ водяной болѣзни, 14 сентября 1827 года, сорока восьми лѣтъ отъ роду. Въ своемъ меланхолическомъ стихотвореніи *Мотылы*, онъ какъ будто завидуетъ счастію мертвецовъ; погребенныхъ у воротъ маленькихъ англійскихъ городковъ подъ покровомъ зелени, подъ тѣнью деревьевъ. Таково и его послѣднее жилище. Сынъ Венеціи и лѣсистаго Занта спитъ подъ скромнымъ камнемъ на кладбищѣ Чизвикскомъ, недалеко отъ Лондона.

(Revue des deux mondes).

II. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Метеорологія въ 1854 году и ея будущіе успѣхи. Постоянные дожди во Франціи въ продолженіе минувшей осени угрожали жатвѣ 1854 года послѣ прошлагодняго неурожая, и заставляли всѣхъ опасаться печальныхъ послѣдствій. Всѣ спрашивали другъ друга: отчего происходитъ эта постоянная сырость атмосферы, угрожающая всей Франціи. Еслибъ кто отвѣчалъ, что она проистекаетъ отъ преобладающихъ западныхъ вѣтровъ (которые впрочемъ были слабы), то возникъ бы другой вопросъ, а именно: почему въ 1854 году западный вѣтеръ дуетъ продолжительнѣе нежели въ обыкновенные годы. Но самымъ замѣчательнымъ отличіемъ этого года было чрезвычайное безвѣтріе. Никогда еще мы непомнимъ такого тихаго года. Въ спокойной атмосферѣ, или покрайней мѣрѣ въ такой, которой передвиженіе весьма медленно, малѣйшій застой или замедленіе въ прогрессивномъ движеніи воздушныхъ массъ должны производить чрезвычайное сгущеніе, или частое возвышеніе этихъ слоевъ, а потомъ соотвѣтственное охлажденіе, и наконецъ дождь. Все это было замѣчено въ дождливые мѣсяцы нынѣшняго года.

На югѣ Франціи начало года было ознаменовано весьма сильными холодами и гибельною засухой. Гаспаренъ вздумалъ предохранить отъ мороза свои оливковыя деревья, обливъ извѣсткою стволъ и толстые сучья. Эти выбѣленные деревья не только устояли противъ мороза, но даже были не такъ чувствительны къ засухѣ и сохранили свои зеленые листья, тогда какъ не выкрашенные всѣ засохли отъ продолжительной засухи.

Давно уже было сказано, что здоровье такое добро, котораго цѣну познаютъ только больные; но метеорологическія вліянія всего болѣе опасны для здоровья. Всякій тотчасъ же чувствуетъ пріятное или непріятное впечатлѣніе тепла и холода; но вліяніе барометрическаго давленія воздуха не всякому ощутительно. Когда тепло и барометръ

упасть, всё говорятъ, что воздухъ тяжелъ. Въ самомъ же дѣлѣ бываетъ напротивъ, потому что пониженіе барометра означаетъ меньшій вѣсъ въ воздухѣ. Но упадокъ физическихъ силъ принимаютъ мысленно за увеличенную тяжесть въ воздухѣ. Оказывается чувство тягости, подобно какъ въ знойныхъ песчаныхъ степяхъ, или въ разряженномъ воздухѣ на горахъ. Облегченіемъ противъ этого чувства—благовопія и питье ароматическихъ жидкостей. Извѣстно, что при восхожденіи г. Соссюра на Монъ-Бланъ, проводники его, грубые горскіе жители, перестали на нѣкоторой высотѣ пить и ѣсть, чтобы возстановить свои силы; что даже водка негодилась для нихъ, а требовали они одеколону. При путешествіи же Калье въ Томбукту, когда посреди пустыни согрѣвшаяся вода нисколько не утоляла жажды, путешественники нашли облегченіе въ мятныхъ лепешкахъ, бывшихъ по случаю въ числѣ ихъ запасовъ.

Сырость воздуха играетъ самую важную роль въ мѣстной гигиенѣ. Припомнимъ во-первыхъ, что изъ одиннадцати частей твердой и жидкой пищи, употребляемой нами, восемь улетучиваются въ видѣ нечувствительной транспираціи. И когда это важное отправленіе организма нарушено въ случаяхъ, которые мы обыкновенно называемъ *простудою*, тотчасъ же обнаруживаются самые болѣзненные признаки.

Въ слишкомъ сыромъ воздухѣ выдыханіе затруднено присутствіемъ въ атмосферѣ слишкомъ большаго количества водяныхъ частей. Въ слишкомъ же сухомъ воздухѣ сохнутъ легкія, нарушая обыкновенное отправленіе организма.

Извѣстно, что всё одержимые грудными болѣзнями люди имѣютъ надобность въ тепломъ и сыромъ воздухѣ. Сухой воздухъ для нихъ смертеленъ; иногда кровати ихъ ставятъ въ конюшни и коровники. Но вообще можно сказать, что слишкомъ сырыя жилища и климатъ нездоровы, и англичане уѣзжая изъ своего острова въ Монпелье, Порто, или Мадеру, тотчасъ же чувствуютъ облегченіе отъ ревматическихъ болей, простудъ, худосочности и вообще всѣхъ болѣзней, которымъ сырость вредна.

Мы въ метеорологіи менѣе всего знаемъ до сихъ поръ вліяніе, которое атмосфера имѣетъ на здороваго и больнаго человѣка. Количество вещества, дѣйствующаго на человѣческой организмъ, весьма не значительно. Химически разлагали воздухъ, взятый въ зловонныхъ ямахъ Монмартра и въ свободно изолированномъ мѣстѣ на набережной, у моста Согласія, и химически говоря, и тотъ и другой найдены одинаковыми. Кусокъ мускуса (выхухоли), который въ продолженіе двадцати лѣтъ испускалъ изъ себя пахучія частицы, ничего не потерялъ изъ прежняго своего вѣса. Болотный воздухъ, распространяющій лихорадки и воздухъ Зеландіи, постоянно производящіе осеннія лихорадки, не обнаруживаютъ никакого дѣйствія на самые чувствительные реактивы. Какія же физическія вліянія надобно тутъ придумать или допустить?

Пробывши въ запертой комнатѣ, въ которой находятся весьма пахучіе цвѣты, наиримѣръ, туберозы, перестаютъ ощущать черезъ нѣ-

сколько времени эту пахучесть. Но нѣкоторые люди, съ прекращеніемъ дѣйствія на обоняніе чувствуютъ однако же дѣйствіе на организмъ. Напримѣръ, нѣкоторыя женщины наконецъ падаютъ въ обморокъ. Слѣдственно есть тутъ могущественное вліяніе, которое обнаруживается нашимъ чувствомъ посредствомъ тончайшихъ испареній, ускользящихъ отъ всякаго изслѣдованія. Метеорологическое вліяніе нездоровыхъ странъ, или тѣхъ, которыя постигнуты эпидеміею, вѣроятно зависить отъ тѣхъ же причинъ.

Здоровье животныхъ непокоряется тѣмъ же вліяніямъ какъ человеческое. Около Понтинскихъ болотъ и въ окрестностяхъ Рима, гдѣ свирѣпствуетъ *mal-aria*, буйволы и другія животныя пользуются совершеннымъ здоровьемъ, однако же и они подвергаются иногда смертности безъ видимыхъ причинъ. Послѣ холеры 1832 года, таже самая болѣзнь опустошала всю домашнюю живность и наиболѣе дѣйствовала на пидѣекъ. Бараны подвержены частымъ падежамъ. Наконецъ, когда хотѣли развести шелковистыхъ червей на нѣсколькихъ гектарахъ земли, то почти всѣ они погибли отъ эпидеміи. Это повторялось при всякомъ опытѣ, и оставалось только то число этихъ животныхъ, какое повидимому названо природою и за которое нельзя безнаказанно перейти, иначе эта порода давно бы покрыла весь шаръ земной.

Посмотримъ теперь на болѣзнь растений, если можно назвать болѣзнию насѣкомое, которое распложается на виноградѣ, или на картофелѣ, очевидно, это собственно говоря не болѣзнь. Но откуда происходитъ это огромное число насѣкомыхъ, явившихся въ послѣдніе два года на этихъ растеніяхъ? Вѣроятно это произошло оттого, что излишнимъ уваживаніемъ хотѣли усилить плодородіе въ сравненіи съ прежнимъ количествомъ, болѣе сообразнымъ съ натурою и здоровымъ состояніемъ этихъ растеній.

Конечно, мы никогда небудемъ въ состояніи предсказать въ данномъ мѣстѣ состояніи атмосферы на такой-то день, или говоря простонародно, заранѣе знать погоду. Древніе календари перестали давно обманывать легковѣрныхъ. Но хотя новѣйшая наука не признаетъ вліянія луны на погоду, всѣ старинныя указанія были однако же сдѣланы соотвѣтственно народженію луны, каждой ея четверти и полной луны.

Наши метеорологи долго должны будутъ ограничиваться скромною ролью наблюдателей вмѣсто предсказателей. Вся тайна нынѣшней науки состоитъ въ томъ, чтобъ недоискиваться невозможнаго и умѣть *покуда* сознаться въ незнаніи. Одна дама приставала къ извѣстному ученому со многими вопросами о таинствахъ природы, и тотъ очень скромно отвѣчалъ на всѣ: *незнаю!*

— Такъ къ чему же служить вся ваша наука, сказала съ нетерпѣніемъ дама, если вы не все можете объяснить?

— Она служить на то именно, возразилъ онъ, чтобъ смиренно и справедливо отвѣчать: *«незнаю!»*

Глубокомысленные люди искали въ метеорологическихъ таблицахъ

прежнихъ лѣтъ, нѣтъ ли постояннаго періода, послѣ котораго постоянно возобновляются дожди, вѣтры, тепло, холодъ и произведенія земли. Но до сихъ поръ ничто еще не подтвердило этой догадки. Лунный семнадцатилѣтній періодъ, послѣ котораго повторяются рѣже положенія луны въ отношеніи къ солнцу, только одинъ могъ подать къ этому поводъ. 1816 годъ былъ исключительно сырой; черезъ девятнадцать лѣтъ, въ 1835—обнаружились тоже нынѣ черезъ столько же лѣтъ, въ 1854, тѣже явленія, и вотъ на чемъ основали періодичность погоды. Будущія наблюденія откроютъ больше. (Revue des deux mondes.)

Лунныя фотографіи. Въ засѣданіи British Association for the Advancement of science, бывшемъ въ Ливерпулѣ, Родъ представилъ записку о фотографическихъ съемкахъ съ луны. При этомъ открыто слѣдующее весьма замѣчательное обстоятельство. Снято было два изображенія луны посредствомъ собственныхъ ея лучей, на химически приготовленную доску, а потомъ съ этого изображенія, вставленнаго въ камеру-обскуру, получено другое, посредствомъ солнечныхъ лучей. Селено-фотографическое изображеніе представляетъ только сѣрые и желтые оттѣнки, иногда сливающіеся для зрѣнія при обозначеніи очерковъ луны, тогда какъ съемокъ солнечными лучами отличается бѣлыми и черными, ярко отличающимися оттѣнками. Множество линий, незамѣтныхъ, или съ трудомъ открываемыхъ въ первомъ изображеніи, ясно обозначены во второмъ со всѣми оттѣнками. Первый съемокъ пересланъ въ сѣверную Америку, а второй въ Эдмбургъ. (Institut.)

III. ТЕАТРЫ и ИСКУССТВА.

Шиллеръ на Французской сценѣ. Мы хотимъ говорить, конечно, не о пьесахъ Шиллера. Французы не знаютъ ихъ до сихъ поръ. Но нѣкій г. Фонтенъ написалъ драму *Шиллеръ* и напечаталъ ее. Въ предисловіи своемъ онъ говоритъ, что изобразилъ этого нѣмецкаго поэта въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ жилъ и дѣйствовалъ, и что въ его трехъ актахъ нѣтъ ни одного слова, которое бы небыло засвидѣтельствовано современниками. «Слѣдственно, говоритъ авторъ, все мое сочиненіе вполне историческое» (Tout mon oeuvre est donc historique).

Какъ послѣ этого не подумать, что новая драма содержитъ въ себѣ біографію Шиллера. Но французамъ не впервые хвастать. Можно судить объ этомъ по содержанію пьесы.

Шиллеръ въ Дрезденѣ посѣщаетъ домъ баронессы Розендорфъ, которой дочь Лаура смертельно влюблена въ него. Баронъ Штольцъ, объявленный женихъ Лауры, выставленный пошлымъ дуракомъ, весьма негодуетъ на это соперничество и дѣлаетъ разныя непріятности поэту. Ифландъ и французскій эмигрантъ Виконтъ де Гранвазъ ходатайствуютъ въ пользу Шиллера, но мать, обольщенная богатствомъ барона

предпочитаетъ его бѣдному поэту. Ревность барона усиливается стихами Шиллера, которые онъ находитъ у Лауры. Странно только, что Лаура принимаетъ эти стихи на свой счетъ, хотя поэтъ и воспѣваетъ въ нихъ свою *блокурую* красавицу, тогда какъ Лаура черноволоса. Дѣйствительно, стихи Шиллера писаны для Лотхенъ Левгелъдъ, которую вмѣстѣ съ нимъ любить и Гете, до сихъ поръ избѣгавшій знакомства съ Шиллеромъ. Ифландъ хочетъ ихъ свести. Но Лаура, которая боится, что отъ этого знакомства потеряетъ своего возлюбленнаго, увѣряетъ Шиллера, что Гете уже уѣхалъ изъ Дрездена. Однако же Гете самъ отыскиваетъ Шиллера, и обнимаетъ его. Гравваль деретъ со Штольцомъ за Шиллера, и сообщаетъ матери Лауры весьма неприятныя извѣстія о баронѣ, замѣшанномъ въ самыхъ нечистыхъ дѣлахъ, тогда баронесса отказываетъ Штольцу, и учитъ дочь какъ привязать къ себѣ Шиллера. Но Лаура уже убѣдилась, что она нелюбима, и оставляетъ свѣтъ. Послѣ этого самъ Гете, узнавши, что онъ соперникъ Шиллера, отказывается отъ любви Лотхенъ и приводитъ ее къ нему, какъ невѣсту.

Изъ этого сюжета видно, что г. Фонтенъ *сочинилъ* своего Шиллера, но вовсе не представилъ его историческимъ. (Athenaeum.)

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Рѣшеніе вопроса объ участи Сира Джона Франклина. Докторъ Ре, (Roe) объ арктическихъ путешествіяхъ котораго мы уже говорили, возвратился недавно въ Лондонъ съ извѣстіемъ, что онъ открылъ несомнѣнные слѣды Франклина и спутникахъ его. По донесенію его, сошелся онъ, въ заливѣ Пелли, съ нѣсколькими эскимосами, у которыхъ были нѣкоторыя вещи, принадлежавшія экспедиціи Эреба и Террора, а именно часы, серебряныя ложки и вилки, телескопы и другія вещи. Какимъ образомъ вещи эти достались въ руки туземцевъ, рассказываютъ они слѣдующее:

Весною 1853 года увидѣли Эскимосы до сорока *бѣлыхъ людей* (однако же это были не тѣ самые дикари, съ которыми встрѣтился докторъ Ре) близъ сѣвернаго берега Кингъ-Вилліамовой земли. Эти бѣлые люди шли по направленію къ югу и тащили за собою лодку черезъ ледъ. Всѣ они были блѣдные и исхудалые. Они объясняли эскимосамъ, что корабли ихъ разбиты были льдомъ, что они терпятъ недостатокъ въ пищѣ и стараются отыскать какую нибудь дичь. Эскимосы продали имъ небольшого тюленя, послѣ чего *бѣлые* продолжали свой путь.

Нѣсколько времени спустя, однако же, до вскрытія льда, эскимосы возвратились на мѣсто стоянки бѣлыхъ, но уже не нашли ни одного живаго человѣка, а до тридцати труповъ, которые не вполне были похоронены; другіе же лежали въ палаткахъ, гдѣ испустили послѣднее дыханіе; нѣкоторыхъ нашли они подъ лодкою, служившею имъ убѣ-

жищемъ. Всѣ они видимо умерли отъ голода, а послѣдніе вѣроятно въ изступленіи сами себя лишили жизни.

Вотъ разсказъ эскимосовъ, которыхъ встрѣтилъ докторъ Ре. Въ лондонскомъ Athenaeum полагаютъ, что разсказу этому нельзя вѣрить, потому что эскимосы, подобно всѣмъ дикимъ племенамъ, рѣдко говорятъ правду, а особливо если думаютъ, что ложь спасетъ ихъ отъ какой нибудь ответственности. Но, что Франклинъ со всѣми своими спутниками погибъ, это неподлежитъ сомнѣнію. Сомнительно только, чтобы вещи, найденныя докторомъ Ре у эскимосовъ и привезенныя имъ въ Лондонъ, гдѣ онъ ихъ сдалъ въ адмиралтейство, достались въ руки туземцевъ тѣмъ способомъ, какъ они разсказываютъ.

Эти вещи состоятъ изъ двухъ дюжинъ большихъ серебряныхъ ложекъ и вилокъ, золотого хронометра, котораго крышка снята уже, изъ частей телескопа, четырехъ ножей, изъ ордена Гвельфовъ, принадлежавшаго Сиру Джону Франклину, изъ небольшого круглаго серебрянаго подноса съ его вензелемъ, изъ золотой часовой цѣпочки и части шерстяной куртки, на которой посрединѣ были начальныя буквы Ле Весконта.

Въ Athenaeum думаютъ, что когда корабли Эребъ и Терроръ были оставлены экипажами, то эскимосы посѣтили эти суда и нашли тамъ вещи. Не вѣроятно, что люди, предпринявшіе путешествіе по льду слишкомъ на тысячу англійскихъ миль, взяли съ собою столько тяжелыхъ и большею частью бесполезныхъ для нихъ вещей. Еще невѣроятнѣе, чтобы съ отрядомъ въ сорокъ человекъ находилось такое множество офицеровъ, какъ эскимосы показываютъ. Гораздо вѣроятнѣе, что эскимосы, обобравъ оставленные корабли, хотѣли скрыть это отъ доктора Ре, и выдумали свою сказку о найденныхъ трупахъ и при нихъ серебряныхъ ложкахъ.

Въ Athenaeum прибавляютъ, что адмиралтейство рѣшило тотчасъ же отправить новую экспедицію къ мѣсту, указанному эскимосами, послѣдней стоянкѣ Франклина. Желательно бы было, чтобы докторъ Ре находился въ главѣ этой экспедиціи. Къ сожалѣнію, состояніе здоровья его таково, что нельзя и думать о путешествіи его на сѣверъ.

Къ этому извѣстію въ Athenaeum присоединяемъ выписку изъ статьи г. Августа Петермена о судьбѣ Сира Джона Франклина и его ста тридцати семи спутниковъ.

«Если извѣстіе справедливо, то разбитіе кораблей и гибель экипажей произошли въ такой странѣ Арктической Америки, которая близка и доступна и около которой произведены были неоднократные розыски.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ докторомъ Ре, Франклинъ и несчастные спутники его были весною 1850 года у сѣвернаго берега Кингъ-Вилліамовой земли, гдѣ эскимосы увѣряютъ, что видѣли до сорока бѣлыхъ людей, шедшихъ съ сѣвера. Это въ семидесяти пяти нѣмецкихъ миляхъ къ югу отъ Веллингтонова канала, и Франклинова толпа должна была идти вдоль берега, который поручено было изслѣдовать Сиру Джону К. Россу въ 1848—1849 годахъ. Къ сожалѣнію экспедиція

Росса осмотрѣла только половину западнаго берега Нордъ-Соммерсета и Бутіи, именно до 72° сѣверн. шир. На этомъ пространствѣ экспедиція не наша нимагѣйшаго слѣда Франклина, равно какъ и на противоположномъ берегу Земли Валлійскаго принца, который былъ осмотрѣвъ лейтенантомъ Брауномъ въ 1851 году.

Очень жаль, что Россъ не могъ дагѣ проникнуть къ югу, иначе онъ, если извѣстія Ре основательны, непременно бы сошелся съ *сорока бѣлыми людьми*. Но, повѣривъ доводамъ Росса, что Франклинъ никакъ не можетъ быть въ тѣхъ странахъ, изслѣдованія были направлены въ другую, ложную сторону, и съ тѣхъ поръ всѣ экспедиціи направлены были отъ пролива Барро къ западу и сѣверу. Только немногія лица, а въ томъ числѣ и леди Франклинъ, вообще утверждали, что надобно вполне осмотрѣть страну около Кингъ-Вилліамовой земли. Даже снаряжены были двѣ экспедиціи, одна въ 1850 году подъ командою капитана Форсита, а другая въ 1851 году подъ начальствомъ Кеннеди и Лейтенанта Белло, чтобъ дополнить прежде упущенныя изслѣдованія. Обѣ экспедиціи были на счетъ леди Франклинъ, и всѣ знающіе дѣло думали, что онѣ достигнутъ своей цѣли.

Но судьбѣ угодно было иначе. Обѣ возвратились, не сдѣлавъ ничего, то-есть дойдя только до того же самаго мѣста, какъ и экспедиціи Росса и Брауна. Слѣдственно, въ эти легко доступныя мѣста были отправлены четыре экспедиціи, и всѣ онѣ ничего не сдѣлали. Всѣ мѣнѣе всего думали о возможности, чтобъ Франклинъ направилъ путь свой сюда, и когда докторъ Ре въ 1851 году осматривалъ страну, близко лежащую на западъ отъ острова Викторіи, гдѣ нашелъ флаговое древко съ англійскаго королевскаго корабля, то никто не повѣрилъ, чтобъ оно могло принадлежать Франклиновымъ кораблямъ, и однако же, если извѣстія Ре подтвердятся, это было дѣйствительно древко Франклина.

Что же касается до достовѣрности самаго извѣстія доктора Ре, то вещи, привезенныя имъ и принадлежавшія Сирю Джону Франклину и спутникамъ его, неопровержимо доказываютъ, что въ рассказѣ эскимосовъ есть часть правды, или лучше сказать обстоятельство само за себя говоритъ. Ужасныя же подробности рассказа эскимосовъ, по нашему мнѣнію, совершенно невѣроятны. Загадка теперь состоитъ въ слѣдующемъ:

1-е Если корабли претерпѣли крушеніе такъ далеко къ югу, какъ Земля Кингъ-Вилліама, то экипажи ихъ не должны были идти къ сѣверу къ Ланкастерскому проливу, посѣщаемому китоловными судами (какъ капитанъ Джонъ Россъ въ 1832 году, спасшійся тѣмъ, что оставилъ свой корабль въ 70° сѣв. шир., и четыре года зимовалъ въ Ланкастерскомъ проливѣ), а скорѣе должны были идти къ югу по направленію къ поселеніямъ гудсонской компаніи, которыя, конечно, многимъ изъ сотоварищей Франклина были извѣстны.

2-е Обѣ экспедиціи Франклина не найдено и слѣда въ Нортъ Соммерсетѣ. Конечно, это обстоятельство можетъ объясниться тѣмъ, что онъ, не касаясь этого берега, прошелъ благополучно съ кораблями своими

между этимъ берегомъ и Землею принца Вазлийскаго по Шилеву Каналу, а претерпѣлъ крушеніе уже южнѣе.

3-е Почему они, видя недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, окончившейся голодною смертію, не старались достигнуть до залива Флоры (въ пятидесяти миляхъ отъ Кингъ-Вилліамовой Земли,) гдѣ капитанъ Россъ еще въ 1833 году оставилъ запасы провіанта, тогда какъ чрезъ двадцать лѣтъ потомъ Кеннеди и Белло нашли ихъ въ совершенной цѣлости и свѣжести.

4-е Почему извѣстіе, полученное отъ эскимосовъ, только теперь, чрезъ четыре года достигло до европейцевъ, а не раньше, тогда какъ отыскиватели нѣсколько разъ были столь же близки къ мѣсту событія, какъ и докторъ Ре при послѣднемъ своемъ путешествіи.

5-е Какимъ образомъ изъ ста тридцати восьми отборныхъ англійскихъ моряковъ, снабженныхъ оружіемъ, порохомъ, компасомъ и другими предметами, и привычныхъ къ арктическимъ путешествіямъ, ни одинъ не могъ достигнуть до ближайшихъ селеній гудсонской компаніи.

Съ другой стороны обстоятельство найденнаго флаговаго древка въ августѣ 1851 года на берегу Кингъ-Вилліамовой Земли противъ острова Викторіи (въ 68° сѣв. шир., 103° запад. долг. отъ Гринича) становится теперь весьма важно и указываетъ, что Франклинъ былъ тамъ вѣроятно. При этомъ надобно упомянуть, что эскимосы, говорившіе съ докторомъ Ре, ничего не знали объ оставленномъ флаговомъ древкѣ. Точно также невольно приходитъ въ мысль донесеніе Маклюра и рассказъ одного эскимоса. Когда въ августѣ 1850 года (годъ смерти еорока *бѣлыхъ людей*) Маклюръ плылъ изъ Берингова пролива къ востоку вдоль арктическихъ береговъ сѣверной Америки, и хотѣлъ сойти на берегъ близъ мыса Батуриза (на востокъ отъ рѣки Макензи), два туземца съ угрозами не допустили его. Съ большимъ трудомъ убѣдили ихъ и успокоили. Послѣ чего они рассказали, что все ихъ племя, за исключеніемъ предводителя и большаго сына его, бѣжали при появленіи корабля. Причиною страха была боязнь, что корабль придетъ можетъ быть отмстить за смерть одного бѣлаго, котораго они умертвили. Черезъ переводчика, бывшаго на кораблѣ Маклюра, сообщили они, что нѣсколько бѣлыхъ людей прибыли туда на лодкѣ и построили себѣ домъ, въ которомъ и жили. Наконецъ туземцы убили одного изъ нихъ, прочіе же бѣжали неизвѣстно куда. Убитый положенъ былъ въ могилу, которую туземцы и указали. Капитанъ Маклюръ говоритъ, что сильный туманъ помѣшалъ ему осмотрѣть указанную могилу и принудилъ возвратиться на корабль. Очень жаль, что справедливость этого разказа не была изслѣдована, потому что туземцы едва ли бы обвинили сами себя въ убійствѣ, еслибъ оно не было совершено, и потому что уже въ 1848 году получено было въ Англии подобное же извѣстіе отъ должностныхъ лицъ гудсонской компаніи.

Если вспомнить, что рассказали эскимосцы, то надобно сознаться, что непроницаемый мракъ, которымъ цоврыта участь Франклина, во-

все не разсѣется донесеніемъ доктора Ре. Только разсказъ его эскимосцевъ даетъ новое направленіе изслѣдованіямъ, въ которыхъ можно надѣяться на удовлетворительный результатъ, потому что кромѣ привезенныхъ имъ съ собою немногихъ вещей, полученныхъ отъ эскимосовъ, можно безъ сомнѣнія отыскать еще гораздо больше отъ ста тридцати восьми человекъ и двухъ кораблей.

Докторъ Ре былъ не болѣе какъ въ пятидесяти нѣмецкихъ миляхъ отъ мѣста ужаснаго событія, но вѣроятно желаніе поскорѣе получить награду въ десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, обѣщанную за извѣстіе объ участи Франклина, удержало его отъ поѣздки тотчасъ же на мѣсто для изслѣдованія истины сказанныхъ эскимосами словъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что англичане снова сваряжаютъ экспедицію для окончательныхъ розысковъ.

Между тѣмъ для всеобщаго свѣдѣнія прилагаемъ реестръ всѣхъ бывшихъ до 1854 года экспедицій для отысканія Франклина, и суммъ, которыхъ это стоило:

1. Экспедиція 1848—1849.

а) Въ Беринговъ проливъ подъ начальствомъ Келлета, Мура и Пола, 2 корабля и 4 лодки.	92,466	ф . . .
б) Сухопутная экспедиція къ Арктическимъ берегамъ сѣверной Америки, подъ начальствомъ Ре и Ричардсона, съ четырьмя лодками.	10,000	—
в) Въ проливъ Барро, Росса и Бердо — два корабля.	70,000	—
г) Въ тотъ же проливъ, Соундерса, 1 корабль.	50,000	—

2. Экспедиція въ 1850.

а) Въ Беринговъ проливъ (Коллинсона, Маклюра, Мура, Келлета)—4 корабля.	150,000	—
б) Въ проливъ Барро—Пенни съ 2 кораблями.	15,000	—
в) Въ тотъ же проливъ—Аустина, Оммини, Осборна и Катори, 4 корабля.	145,000	—
г) Въ тотъ же проливъ—Джонъ Росса, 1 корабль.	4,000	—

3. Экспедиція 1851—1852.

а) Сухопутная экспедиція Ре, съ 1 лодкою.	2,000	—
б) На островъ Инлетъ (Кеннеди), 1 корабль.	5,000	—
в) Въ Баффиновъ заливъ (Инглефильдъ), 1 корабль.	5,000	—

4. Экспедиція 1852—1853—1854.

а) Въ проливъ Барро (Бельчера), 5 кораблей.	250,000	—
б) Въ Беринговъ проливъ (Магейра), 1 корабль.	20,000	—
в) Въ тотъ же проливъ (Трэллора), 1 корабль.	50,000	—
г) Тула же—Кеннеди, 1 корабль.	4,000	—
е) Въ проливъ Барро (Инглефильдъ), 2 корабля.	60,000	—

f) Туда же въ 1854 г. Инглефильдъ, 2 кораб.	60,000	—
g) Сухопутная экспедиція къ перешейку Бути, въ 1853 г., доктора Ре, 1 лодка.	4,000	—
Всего девятнадцать экспедицій, съ 29-ю кораблями и десятью лодками, стоили.	1,006,466	—
	(Athenaeum).	

Египетъ и Нубія.

(изъ записокъ французскаго путешественника).

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

III.

Второй водопадъ.—Возвращеніе по теченію Нила.—Веселые матросы.—Храмы Ипсамбула.—Крѣпость Ибрийъ.—Храмъ Себуа.—Почтовый курьеръ.—Назиры.—Сборъ податей.—Аббасъ-Паша.—Храмы Могаракка, Даккога, Киршега, Калабшега, Тафага.—Кадани, Дебудегъ.—Первый водопадъ.—Асуанская степь.—Беллаъ. Филоз.—Римскія развалины.—Пейзажи.—Островъ Бегечъ.—Пальмы.

Уади-Гальфа (долина тростника) небольшое селеніе на правомъ берегу Нила. На лѣвомъ возвышается другое, гдѣ пристають караваны. Съ этого мѣста начинается второй водопадъ и верхняя Нубія. Я взошелъ на гору Джебель-Абусиръ, чтобъ посмотрѣть сверху на водопадъ, который кипитъ и пѣнится между камнями, не позволяеть ни одной лодкѣ приближаться и заливаеть пустынные островки, на которыхъ живутъ только хищныя птицы.

Переждавъ *шамсинъ*, который дулъ уже въ продолженіе нѣсколькихъ дней, Рейсъ Ибрагимъ приготовилъ все къ обратному пути. Мачту на лодкѣ срубили, потому что паруса были больше не нужны, весла приготовили, и матросы съ пѣснями дружно отчалили и поплыли по теченію. Надобно признаться, что плаваніе наше было утомительно. Нилъ въ это время года довольно мелокъ, и лодка поминутно врѣзывалась въ песокъ. Тогда матросы мои бросали весла, прыгали въ воду и, подъ мотивъ той же пѣсни, стаскивали лодку съ мели и потомъ, занимая свои мѣста, усталые и часто окровавленные, принимались грести съ такимъ же усердіемъ и утомленнымъ хриплымъ голосомъ опять начинали пѣть свою монотонную пѣсню!

Я остановился въ *Ипсамбуль*, называемомъ египтянами *Абочекъ*. Это двѣ горы, раздѣленныя рѣкою песку, и въ этихъ горахъ великій Рамзесъ воздвигнулъ два храма, одинъ, обращенный къ сѣверовостоку посвященъ богу Фре (солнцу), другой выходитъ къ Нилу и посвященъ богинѣ Гаторъ (Венерѣ). Ни одно изъ нашихъ современныхъ зданій не можетъ дать понятія объ этой гигантской работѣ. Вся вну-

тренность горы вынута какъ орѣхъ изъ скорлупы, и наружность ея отдѣлана, вырѣзана, украшена какъ рѣзная игрушка. Колонны, статуи, своды—все сдѣлано изъ того же камня, и при входѣ четыре каменные колосса сидятъ на тронѣ и представляютъ два солнца, Аммона и Рамзеса, то есть Сезостриса. Песокъ такъ засыпалъ этотъ храмъ, что скоро невозможно будетъ попасть въ него. И теперь передъ дверью высокая гора, которая по немногу вливается въ отверстія, и еслибъ не путешественники, очищающіе каждый разъ проходъ, гора эта давно бы завалила входъ. Я съѣхалъ съ этой горы прямо въ залу, гдѣ вмѣсто колоннъ восемь гигантовъ, изображающихъ тоже Рамзеса-Сезостриса. Статуя Фре съ ястребиною головою стоитъ въ четырехугольной нишѣ. На стѣнахъ изображены сцены побѣдъ Рамзеса въ Африкѣ, и вездѣ царь этотъ представленъ въ человѣческой ростъ и выкрашенъ красною краскою. Въ остальныхъ комнатахъ, которыхъ я насчиталъ до одиннадцати, стѣны тоже покрыты гіероглифами и цѣлыми картинами, герои которыхъ все тотъ же Рамзесь.

Храмъ Гаторы называютъ обыкновенно маленькимъ Ибсамбуломъ, но онъ показался бы колоссальнымъ, еслибъ не былъ въ сосѣдствѣ съ первымъ. Онъ тоже весь изсѣченъ въ горѣ. Шесть статуй тридцати футовъ вышины охраняютъ фасадъ, и гіероглифическія надписи даютъ знать, что храмъ построенъ Рамзесомъ, въ честь жены его Нофре-Ари. Внутренность его имѣетъ такое же расположеніе, какъ и въ храмѣ солнца, только картины представляютъ превосходныя сцены частной жизни и нѣкоторые рисунки доказываютъ необыкновенный талантъ артиста.

Оба храма совершенно темны, потому что дневной свѣтъ можетъ проходить только когда дверь отворена, и то въ одну главную залу. Вотъ почему я взялъ съ собою двухъ матросовъ, которые освѣтили храмъ, что чрезвычайно испугало цѣлое селеніе летучихъ мышей.

На другой день я былъ уже у подножія горы, на которой возвышается крѣпость *Ибримъ*, древняя Премнуса. Это укрѣпленіе Римлянъ было взято Петроніемъ, и Нубійцы-Христіане владѣли имъ до Саладина, который разрушилъ крѣпость. Теперь еще видны огромные размѣры города, башни, стѣны, направленія улицъ, и даже нѣкоторые дома еще совсѣмъ цѣлы, но въ нихъ живутъ шакалы и скорпіоны, которые защищаютъ крѣпость отъ любопытныхъ путешественниковъ.

Храмъ Себуа, на лѣвомъ берегу Нила, тоже потопленъ песками, и статуи портика свалились и давно погребены. Прежде цѣлая аллея сфинксовъ вела къ Нилу, но теперь стоитъ ихъ только четыре, остальные всѣ разрушены. Кабилы называютъ ихъ львами (себуа) отчего и вся страна получила это же названіе.

Я остановился въ селеніи на другомъ берегу рѣки и увидѣлъ странную почту. Старикъ, покрытый пылью, бѣжитъ съ колокольчикомъ въ одной рукѣ и съ длинною палкою въ другой; на палкѣ повѣшенъ кожаный мѣшокъ. Это курьеръ правительства. Въ этой странѣ есть лодки, лошади, верблюды, а почтовая система осталась таже, какая была при Кирѣ, въ 360 году до Р. Х. Правда, что въ этой стра-

нѣ человекъ цѣнится гораздо ниже верблюда или лошади, и *сборы податей* доказываютъ это лучше всего. Правительство посылаетъ обыкновенно въ провинціи назира съ порученіемъ *собрать* подать. Если какое нибудь селеніе не хочетъ или не можетъ собрать требуемой суммы, то назиръ беретъ одного изъ первыхъ жителей или шейка, и послѣ палочныхъ ударовъ морить его голодомъ, покуда соотечественники не внесутъ всю подать. Если несчастный скоро умираетъ, то назиръ беретъ другаго жителя селенія и поступаетъ съ нимъ точно также. Если феллахи платятъ требуемую подать, то все таки назиръ и его свита недовольны этимъ, и думая, что феллахи скрываютъ огромныя богатства, мучаютъ ихъ и бьютъ до того, что они отдають послѣднюю копейку. Такъ какъ во всякомъ случаѣ ихъ ожидаютъ побой, то они никогда не платятъ по первому требованію. Вотъ какъ управляетъ Египтомъ Турецкое правительство и во что цѣнить своихъ подданныхъ. Народъ въ страшной бѣдности и униженіи, а Аббасъ-Паша живетъ великолѣпно въ своемъ новомъ дворцѣ, окруженный своими любимыми звѣрями. Нынѣшній правитель Египта не хочетъ ничего знать, не входитъ ни во что и занимается только своими постыдными удовольствіями. Онъ бросилъ всѣ работы, начатыя Мегметомъ-Али, уничтожилъ фабрики, заводы, распустилъ школы, отослалъ Европейцевъ, призванныхъ его дѣдомъ, и хотѣлъ даже уничтожить флотъ. Этотъ человекъ возбуждаетъ презрѣніе въ Египтѣ, и шейки начинаютъ уже говорить громко, что невѣрные человеколюбивѣе чѣмъ правовѣрные, и что они недолго потерпятъ владычество чалмы.

Вообще Египетъ какъ и весь востокъ приближается къ разрушенію, и цивилизація вытѣсняетъ отсюда фатализмъ Корана. Но вернемся въ храмъ *Магаракка*, предъ которымъ остановилась моя лодка. Онъ посвященъ Изидѣ и Серапису, Римляне оставили на немъ слѣды своего владычества, и когда христіанство проникло въ эту страну, Копты сдѣлали изъ Магаракка церковь во имя св. Іоанна. Вотъ отчего на стѣнахъ видны еще изображенія христіанскихъ святыхъ. Когда мусульмане овладѣли Нубією, землетрясеніе разрушило часть храма и онъ былъ брошенъ.

Эту часть Нубіи географы называютъ *страною храмовъ*. Въ самомъ дѣлѣ, они встрѣчаются очень часто и служатъ доказательствомъ, что въ этихъ мѣстахъ было большое и богатое народонаселеніе. Теперь Нубія такъ же бѣдна какъ Египетъ, и въ древности страны эти прокармливали Римскую Имперію. Отчего же бѣдные феллахи умирають съ голоду? Все по милости турецкаго правленія!

Послѣ Магаракка я встрѣтилъ другой храмъ *Даккегъ*, древній Псальцивъ, который былъ укрѣпленнымъ городомъ. Онъ имѣетъ форму неправильной пирамиды и оконченъ императоромъ Августомъ. Какъ большая часть египетскихъ развалинъ, этотъ храмъ Горуса былъ христіанскою церковью. Храмъ *Киригга* изстѣненъ тоже въ горѣ и у портика его стоятъ четыре обезглавленные статуи. *Секосъ* такъ развалился, что его нельзя и разсматривать. *Адитонъ* довольно обширенъ, но онъ такъ наполненъ летучими мышами, что отъ нихъ надобно серьезно

защищаться, и нѣтъ никакой возможности оставаться тамъ нѣсколько минутъ отъ страшной духоты.

Храмъ *Дандуръ* прислоненъ къ горѣ, и на барельефахъ его изображенъ Императоръ Августъ, приносящій жертву богамъ, но развалины *Калабшега* замѣчательнѣе другихъ. Тутъ былъ городъ Тальмисъ, жители котораго внушали страхъ даже Римлянамъ и заставили укрѣпить ихъ островъ Филоэ. Храмъ этотъ былъ великолѣпный, но теперь представляетъ огромную груду камней, изъ которой сосѣдніе жители берутъ матеріалы для построекъ. Неизвѣстно, какіе народы трудились надъ тѣмъ, чтобъ истребить слѣды зданія. Тутъ нѣтъ ни одной цѣлой колонны, ни одной статуи. Даже надписи и изображенія исковерканы и испорчены съ явнымъ намѣреніемъ истребить все; но груда обломковъ и камней нельзя было уничтожить, и потому развалины эти все еще живописны. особенно подъ яркимъ голубымъ небомъ.

Въ храмѣ *Тафалъ* нѣтъ ни надписей, ни скульптурныхъ работъ, и въ срединѣ его выросло нѣсколько финиковыхъ деревьевъ, что придаетъ ему большую оригинальность. Всѣ эти циклоническія зданія имѣютъ между собою большое сходство, особенно теперь, когда стоятъ развалинами, и потому я съ удивленіемъ и удовольствіемъ остановился передъ легкимъ небольшимъ храмомъ *Гаторы*, находящимся въ селеніи Кардачи. Неизвѣстно время основанія его, потому что на немъ нѣтъ гіероглифовъ, но вѣроятно онъ построенъ при римскихъ императорахъ. Остались только изображенія христіанскихъ епископовъ и львовъ. Говорятъ, что въ этомъ храмѣ жилъ пустынный, къ которому сходились всѣ жители Нубіи слушать его ученіе.

Въ селеніи *Дабудегъ* возвышается храмъ, посвященный Амону-Ра, но въ немъ нѣтъ ничего замѣчательнаго.

Въ Филоэ Рейсъ Ибрагимъ взялъ опять лодмана, чтобъ провести лодку чрезъ опасное мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, опасность была велика, потому что вода въ Нилѣ сбыва, лодка наша была слишкомъ нагружена и не могла легко пройти между камней. Къ счастью все окончилось тѣмъ, что руль сильно задѣлъ за утесъ и стащилъ въ воду двухъ матросовъ. Но ушибы ихъ были очень легки, и я вылечилъ ихъ скоро. Отъ Филоэ идетъ небольшая Ассуанская степь. Въ ней множество гранитныхъ скалъ, покрытыхъ надписями разныхъ эпохъ. Вотъ каменоломня египтявъ, которые брали отсюда гранитъ на сооруженіе своихъ вѣковыхъ зданій. Большой обелискъ еще не совсѣмъ отдѣленъ отъ своей скалы и ждетъ, въ продолженіе двадцати вѣковъ, чтобъ его поставили передъ храмомъ. Но храмы всѣ уже разрушены, а неоконченный обелискъ засыпается пескомъ и неизвѣстно гдѣ назначено для него мѣсто.

Селеніе *Беллалъ* находится противъ острова, и мечеть его, хотя и не египетской постройки, очень близка къ разрушенію. Про нее рассказываютъ чудныя легенды.

Первый муэдзинъ Магомета, провозгласившій въ Мединѣ часъ молитвы, былъ нубіецъ, по имени Беллалъ. Онъ обратилъ своихъ соотече-

ственниковъ къ исламизму, построилъ мечеть, и давъ селенію свое имя, умеръ здѣсь; могила его до сихъ поръ въ большомъ уваженіи между магометанами.

Теперь островъ Филоэ почти необитаемъ, потому что кабилы, обрабатывающіе на немъ поля арбузовъ, на ночь уходятъ въ свои жилища на другомъ берегу. Эта тишина и пустота придають еще болѣе величія развалинамъ. На западномъ берегу острова возвышается храмъ Изиды, не совершенно древней постройки, но напоминающей греческую и римскую эпоху. Длинная колоннада, увѣчанная лотусами, ведетъ ко входу, заваленному теперь грудами обломковъ. Два изуродованные льва стерегутъ храмъ, и на нихъ вырѣзана французская надпись, напоминающая пребываніе въ Филоэ полубригады подъ командою Дезе. Портикъ, поддерживаемый десятью колоссальными колоннами, былъ покрытъ живописью. Теперь еще сохранились бѣлая и голубая краски, обрисовывающія очерки пальмовыхъ листьевъ и лотусовъ, и эффектъ живописи этой поразителенъ. Можно бы попробовать эту раскраску и на нашихъ зданіяхъ, но гдѣ взять жарваго, свѣтлаго солнца Египта. Христиане, овладѣвшіе этимъ храмомъ, стерли надписи и сбили скульптурныя работы до той высоты, куда могли только достать, но на верху остались еще сцены египетскихъ жертвоприношеній, изображенія боговъ съ головами животныхъ и множество греческихъ надписей. Вообще въ развалинахъ всего города много любопытнаго для путешественниковъ и для ученыхъ. Я разбилъ на берегу палатку и остался здѣсь нѣсколько дней, потому что жаръ былъ нестерпимый и притомъ же шаменинъ дулъ съ такою силою, что песокъ засыпалъ глаза и затмѣивалъ воздухъ. Рейсъ Ибрагимъ заботился о моемъ столѣ, и кромѣ голубей и баранины доставалъ мнѣ много рыбы, пойманной въ водопадѣ. Но не однѣ развалины Филоэ могутъ обратить на себя вниманіе путешественника. Островъ этотъ окруженъ пейзажами, которые приведутъ въ восторгъ живописца. На югѣ Нилъ вдругъ прерывается черными скалами. На востокѣ бѣлѣтся мечеть Беллаля, селеніе подъ тѣнью высокихъ пальмъ и дальше песчаная дорога, ведущая къ Ассуану. На западѣ начинаются водопады, но воды Нила здѣсь еще гладки и тихо омываютъ зеленые острова и берегъ, на которомъ рядъ пальмъ кажется издали колоннадою исчезнувшаго храма. На сѣверѣ горизонтъ запертъ огромною горой, голою и черною, которую кабилы называютъ Курси-Фараунъ—тронъ Фараона. Тутъ, говорятъ, были каменоломни, изъ которыхъ добыты матеріалы для постройки Филоэ. Возлѣ горы раскинулось селеніе *Абу-Кали* съ маленькими красивыми домами и засѣянными полями. Стада буйволовъ сошли къ самой рѣкѣ и вошли въ воду по горло; нѣсколько феллаховъ бродятъ по берегу и пугаютъ цапей...

Возлѣ Филоэ находится маленькій островъ *Бегель*, называемый древними египтянами *Снемъ*. Теперь въ немъ только двѣ колонны, остатки храма, построеннаго Птолемеемъ Филопаторомъ, и два сидящіе колосса съ отрубленными головами. Куда дѣвались многочисленныя жители, населявшіе эти страны, и неужели нынѣшніе слабые,

тупоумные египтяне и нубійцы—потомки сильнаго, богатаго народа? Они ничего незнають о храмахъ и развалинахъ, которыя находятся возлѣ ихъ хижинъ, и если ихъ спросить, кто строилъ эти зданія, они отвѣтятъ: Джинны и увѣрятъ, что ночью привидѣннѣя ходятъ по развалинамъ. Они удивляются, что путешественники приходятъ издалека только за тѣмъ, чтобъ осматривать камни и истуканы, и думаютъ, что они отыскивають зарытыя сокровища. Вотъ почему шейки иногда запрещаютъ ученымъ разрывать древнѣе памятники или заключаютъ съ ними условія, что если найдется кладъ, то чтобъ подѣлиться съ ними. Впрочемъ, всѣ эти развалины служатъ матеріалами для новыхъ построекъ, и если Египетъ получить опять мануфактурное направленіе, то гранитные храмы Фараоновъ и Птолommeевъ превратятся въ фабрики, заводы и повемногу исчезнутъ съ этой классической земли.

Единственное богатство жителей состоитъ въ финиковыхъ деревьяхъ. Большая часть народонаселенія питается одними этими плодами, верблюды ѣдятъ косточки; изъ дерева дѣлаютъ всю мебель и посуду, изъ листьевъ плетутъ корзинки, рогожи, покрываютъ ими хижины; изъ коры дѣлаютъ пенку, и мѣшая ее съ шерстью, ткутъ одежду. Вотъ отчего феллахи ухаживаютъ за этими деревьями больше чѣмъ за своими полями и берегутъ дѣса какъ драгоценность.

IV.

Ассуанъ.—Черная танцовщица.—Храмъ Кумъ-Омбу.—Каменоломни.—Эль-Кабъ.—Сей-ги.—Эсне.—O patrial—Монастырь.—Гермонтсъ.—Марабутъ.—Развалины Луксора.—Пригвозженные уши.—Развалины Карнака.—Храмы и дворцы.—Мединеть-Абу.—Статуя Мемнона.—Некрополія Эльв.—Грекъ и его муміи.—Дворецъ Менефты.—Гробница фараоновъ.—Варварскій ученый.

Я опять съ новымъ наслажденіемъ любовался пейзажами перваго водопада, и остановилъ мою лодку въ Ассуанѣ, противъ острова Элефантины, прозваннаго садомъ тропиковъ.

Тюки съ товарами набросаны на берегу Ассуана, подъ присмотромъ черныхъ невольниковъ, которыхъ въ свою очередь стерегутъ джелабы, по тому что и они товаръ, назначенный въ Каиръ. Во всемъ городѣ большое движеніе, какое обыкновенно бываетъ въ торговыхъ городахъ. Базары полны и шумны, и на меня не смотрятъ уже какъ на звѣря, а напротивъ, всѣ предлагаютъ свои услуги, надѣясь обмануть меня. За каждый шагъ просятъ *бакчиша*, это слово кажется главнымъ на востокѣ. Особенно египетскіе чиновники при таможахъ и публичныхъ зданіяхъ готовы были взять съ меня бакчишъ за каждое слово, хотя занимаютъ почетныя мѣста и получаютъ большое содержаніе. По этому можно судить о неподкупности и честности египетскихъ правителей.

Однажды утромъ пришла ко мнѣ женщина, черная съ зеленоватымъ отливомъ, стройная, гибкая, съ огромными глазами и блестящими зубами, и почтительно поцѣловавъ мнѣ руку, просила позволенія потанцовать на моей лодкѣ.

— Мы видѣли танцы Кучукъ-Ганемъ въ Эсне, сказалъ Жозефъ.
— Я танцую лучше ея, отвѣчала нубійка.

Въ самомъ дѣлѣ, танцы этой женщины необыкновенны, дики и по временамъ страшны, но всѣ движенія ея граціозны, скульптурны и невольно приковываютъ взгляды. Она изгибалась какъ змѣя, плавно выступала, поднимала къ верху свои античныя руки и откидывала назадъ голову съ страстнымъ выраженіемъ.

Всѣ матросы не сводили съ нея глазъ, весь берегъ наполнился любопытными и слѣдиль за движеніями нудной танцовщицы. Она привлекла вѣроятно возбуждать восторгъ, потому что гордо смотрѣла на толпу, и окончивъ танцы, быстро скрылась, получивъ мой подачекъ.

Когда я приготовился къ отъезду, меня спросили, не согласусь ли я взять на мою лодку одного больного, отправляющагося въ Каиръ. Я видѣлъ этого несчастнаго, потерявшаго образъ человѣческой, покрытаго ранами, и не могшаго провзнести ни одного слова, и никакъ не могъ рѣшиться взять его съ собою. Къ счастью его другой рейсъ, отправившійся въ Каиръ безъ остановокъ, взялъ его съ собою, разумѣется за хорошую плату, и черезъ мѣсяцъ я встрѣтилъ моего больного свѣжимъ и здоровымъ. Египетъ настоящая страна эскулапа. Здѣсь выздоравливаютъ отъ самыхъ страшныхъ, неизлечимыхъ болѣзней.

Я отчалилъ при пѣсняхъ матросовъ, и хотя по теченію, но лодка моя подвигалась медленно, потому что вѣтеръ былъ противный. Впрочемъ я и не торопился, и очень былъ радъ еще разъ осмотрѣть берега Элефантины. Мы остановились у высокаго берега, покрытаго горами камней. Тутъ былъ храмъ Омбось, но Нилъ сильнымъ прибоемъ отрывалъ огромныя глыбы земли, и наконецъ подмылъ самое основаніе храма. Весь монументъ упалъ какъ срубленный, и издали кажется каменнымъ каскадомъ, падающимъ въ рѣку. Храмъ построенъ при Птоломѣѣ Эпифанѣ, и надъ дверью его, лежащую на пескѣ, находится слѣдующая греческая надпись: За сохраненіе царя Птолемея и царицы Клеопатры и дѣтей ихъ, храмъ этотъ воздвигнутъ богамъ Севеку, Гаторѣ и Консъ-Гору. Огромныя массы упавши сверху, прорыли глубокія ямы, въ которыхъ теперь живутъ гіены и шакалы.

Въ Джебель-Сельзелегъ (Сильзлизъ) видѣлъ я горы изъ песчаника, служація каменоломнями для древнихъ египтянъ. Почти всѣ горы и скалы исчерчены надписями съ именами Фараоновъ. Въ гротахъ вырѣзаны сцены изъ исторіи царя Горуса, и нѣкоторыя изъ нихъ слѣланы съ необыкновеннымъ искусствомъ. Въ этомъ городѣ, бывшемъ прежде *Аполинополемъ*, осталось только два храма. Множество колоннъ, орнаментовъ, по изысканности ихъ доказываютъ, что они построены уже во времена упадка искусствъ. Храмъ посвященъ богинѣ Гаторъ, (Венерѣ) какъ сказано въ надписи. Теперь между колоннъ и полъ портикомъ настроены хижины феллаховъ. Осматривая развалины, я нашелъ на нихъ имена: Дезе, Морана, Довона. Потомъ на обломкѣ колонны вырѣзано: «Буленгриѣ, квартирмейстеръ восьмага драгунскаго полка. О Шарлотта!» Отчего это нѣкоторыя имена, хотя незнакомы,

заставляютъ невольно задуматься. Бѣднѣй Буленгриэ! Бѣдная Шарлотта!

Возлѣ большаго храма построенъ маленькій, въ память рожденія Птолемея Эвергета II. Странно, что до сихъ поръ Аббасъ-Паша не приказалъ еще разрушить его. Здѣшніе правители уважаютъ монументы также мало какъ людей. Мегметъ-Али построилъ много дворцовъ и фабрикъ изъ матеріаловъ древнихъ храмовъ, только вмѣсто того, чтобъ уничтожить одно или два зданія, чего бы очень достаточно, онъ сломалъ больше десятка монументовъ и взялъ изъ каждаго по нѣскольку камней, разбросавъ развалины и наруша красоту ихъ. Теперь хищные звѣри овладѣли безобразными горами камней и не допускаютъ туда людей.

За Эль Кабомъ начинается степь. Нилъ становится шире, горы и скалы исчезаютъ, жители становятся бѣлѣе, женщины покрываютъ себѣ лица; Нубія уступаетъ мѣсто Египту. У подножія небольшой возвышенности стоитъ зданіе, называемое кабиллами Бейтъ-эль-Малекъ—домъ принца. Въ немъ одна зала, поддерживаемая четырьмя колоннами. Живость еще довольно свѣжа и всѣ фигуры хорошо сохранились. Въ немъ очень много сайгъ и навозъ ихъ служить не на то, чтобъ удабривать землю. Арабы собираютъ его очень бережно, сушатъ и потомъ курятъ вмѣсто табаку. Увѣряютъ, что это оригинальное куренье нисколько не хуже травы, употребляемой обыкновенно. Вечеромъ огромная стада сайгъ приходятъ пить къ Нилу, и бедуины убиваютъ сколько имъ угодно этой дичи, мясо которой очень вкусно. Впрочемъ животныя эти такъ красивы, легки и забавны, что ихъ всѣ любятъ и рѣдко убиваютъ.

Въ городѣ Эне мало примѣчательнаго. Крѣпость его такъ ветха, что кажется разрушится при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ; кофейни грязны и наполнены такими же грязными арнаутами. Храмъ Ануписа любопытенъ только по надписямъ, относящимся къ Клавдію и Калигулѣ. Одинъ Нилъ прекрасенъ и отраденъ, и въ немъ всѣ ищутъ спасенія отъ нестерпимаго жара. Земля такъ горяча, что по ней невозможно ступить, и кажется, что на этомъ солнцѣ распяты всѣ металлы. Отъ нечего дѣлать я лежалъ весь день и поневолѣ слушалъ боковую Жозефа, который заставилъ меня выслушать свою исторію.

— Ахъ синьоръ, какъ бы я хотѣлъ вернуться въ Геную, отдохнуть на старости, говорилъ вздыхая Жозефъ. Въ Египтѣ очень жарко, и говядина здѣсь не хороша. Тамъ я завелъ бы кабакъ и жилъ покойно и счастливо, тогда какъ здѣсь иду туда, куда вздумается путешественникамъ и не смѣю имѣть своихъ желаній. Былъ я въ Суэцѣ, въ Нубіи, на горѣ Синаѣ, въ степи Эль-Аригъ. Когда я былъ маленькій, то бѣгалъ отъ моего отца, чтобъ попутешествовать по окрестностямъ, а когда возвращался, сестры заскали меня и просили, чтобъ отецъ не билъ меня. Разъ я отлучился съ однимъ французскимъ путешественникомъ въ Триполи, и вернулся домой черезъ два года. Тамъ уже все перемѣнилось. Отецъ мой умеръ, сестры вышли замужъ, и я былъ для всѣхъ чужой. Тогда я опять ушелъ, и скитаюсь по свѣту, ничего не

зная о моихъ родныхъ. Чувствую только, что въ Египтъ пробуду не долго. Меня такъ и тянетъ въ мою Геную... О, patria!

Въ монастырѣ я встрѣтилъ молодаго абиссинца, пришедшаго изъ Иерусалима и умирающаго въ чахоткѣ. Онъ не понималъ своего безнадежнаго состоянія, но говорилъ, что одинъ воздухъ Абиссиніи вылечитъ его. Вездѣ, куда я не обернусь, всѣ сожалеютъ о своемъ отечествѣ. Слуга мой Луи каждый день плачетъ о Франціи. Жозефъ собирается въ Геную, а умирающій абиссинецъ ждетъ выздоровленія, чтобъ отправиться въ свое жгучее отечество.

Церковь монастыря бѣдна и темна. Тутъ по праздникамъ настоятель служитъ обѣдню и читаетъ проповѣдь, а христіане приходятъ изъ окрестностей наканунѣ и ночуютъ въ монастырѣ.

На другой день я вышелъ на берегъ *Эрментъ*. Передъ селеніемъ расположено кладбище съ большими куполами на могилахъ. Возлѣ дома шейка, возвышается красивый храмъ Гермонтисъ, построенный въ царствованіе Клеопатры, дочери Птолемея Эвлета, въ память рожденія Птолемея Цезаріона, сына Юлія Цезаря. Скульптурныя работы изображаютъ рожденіе и воспитаніе Цезаріона. Въ надписяхъ поминутно встрѣчается его имя и имя матери его Клеопатры, но объ Юліи Цезарѣ нѣтъ ни одного слова, ни одного намека.

Возлѣ этого храма, по дорогѣ, ведущей къ Нилу, стоитъ подъ тѣнью смоковницы и подъ тремя куполами надгробный памятникъ челоѣка, уважаемаго и теперь. Его звали при жизни Сиди-Абдалла-эль-Мерабетъ.

Выдержавъ еще сильный напоръ вѣтра, который чуть не бросилъ лодку мою на берегъ, я отправился дальше по Нилу, который дѣлался все шире и шире. Вдали уже показывались бѣдныя горы Ливіи. Вотъ Луксоръ, краса и богатство древняго Египта. Что отъ него осталось?

Нѣсколько хижинъ съ голубятыми, нѣсколько марабутовъ съ бѣлыми куполами и великолѣпныя развалины — вотъ нынѣшній Луксоръ. Развалины эти принадлежатъ къ двумъ дворцамъ Аменофиса и Рамзеса, и передъ однимъ изъ нихъ видно мѣсто обелиска, взятаго въ Парижъ. Другой точно такой же изъ розоваго гранита, кажется скучается объ отсутствіи своего сосѣда, и все болѣе и болѣе погружается въ песокъ. Гранитные колоссы, стерегущіе дворецъ, засыпаны по грудь, и къ ушамъ ихъ привязываютъ ословъ и лошадей путешественниковъ.

Когдаходишь во внутренность этого гигантскаго дворца и видишь цѣлый лѣсъ колоннъ, необъятную вышину зданія, огромныя украшенія, то чувствуешь всю ничтожность, всю мелочность нашихъ жилищъ. Самъ челоѣкъ дѣлается незамѣтнымъ, возлѣ этой громадной массы и не постигаешь, какъ можно было предпринять и окончить эту работу!

Теперь феллахи приклеили свои лачужки къ стѣнамъ дворца, закоптили, изломали, испортили все, что могли, и даже мечеть прислонена къ столбамъ, покрытымъ гіероглифами; дѣти ходятъ учиться исламу туда, гдѣ молились Аммону-Ра, Гатору, Тафне, Леонтоцефалу. Въ комнатахъ Сезостриса расхаживаютъ домашнія животныя.

Изъ камней, взятыхъ въ развалинахъ, построенъ большой домъ, на-

ываемый *домомъ Франціи*. Морскіе офицеры, принадлежащіе къ Луксорской экспедиціи, жили въ этомъ домѣ, и Мегметъ-Али подарилъ его французскому правительству. Моряки развели за домомъ обширный садъ, и теперь онъ разросся такъ великолѣпно, что составляетъ лучшее убѣжище въ жаркіе часы дня.

Колоннада дворца окружена заборомъ и служитъ хлѣбнымъ магазиномъ. Здѣсь пригвозжаютъ за ухо купцовъ, которые обманываютъ покупателей. Это наказаніе бываетъ и за неплатежъ податей, и иногда нѣсколько этихъ несчастныхъ гримасничаютъ, стонуть отъ боли и слушаютъ насмѣшки сторожей, которые обираютъ ихъ сколько хотятъ.

Цѣлая аллея сфинксовъ соединяла въ древности дворцы Луксора и Карнака. Теперь нѣтъ и слѣдовъ сообщенія, только у Карнака видно начало этой аллеи. Дорога туда идетъ черезъ поля, пригорки и небольшую деревню, скрытую пальмами. Только въ концѣ видно нѣсколько изуродованныхъ сфинксовъ, которые кажутся подводными скалами, округленными волнами. Извѣстно, что развалины Карнака самыя обширныя въ свѣтѣ. Невозможно сосчитать дворцевъ, храмовъ, обелисковъ, воротъ, стѣнъ, галерей, словомъ обширнаго города, который теперь представляетъ величественныя, но печальныя развалины. Селеніе Карнакъ почти незамѣтно между огромными грудями обломковъ. Въ этихъ развалинахъ множество статуй, надписей, барельефовъ, и надобно много времени и терпѣнія, чтобъ скопировать всѣ эти сокровища. Замѣчательнѣе всего живопись на стѣнахъ и колоннахъ, которая хорошо сохранилась и представляетъ цѣлые эпизоды изъ исторіи.

Окрестные жители почитаютъ эти развалины волшебными, и когда я остался въ нихъ до вечера, проводникъ мой сказалъ мнѣ:

— Пора домой, Кауаджа, скоро привидѣнія придутъ сюда искать сокровищъ.

Они тоже не вѣрятъ, что люди и даже великаны могли построить такія зданія, и увѣряютъ что джины горы Данавенда соорудили эти громады. Небольшой прудъ, служащій для обмыванія во время молитвъ, имѣетъ тоже замѣчательную легенду. Говорятъ, что когда Камбизъ подходилъ къ городу, египетскіе жрецы собрали всѣ сокровища изъ храмовъ Карнака и бросили ихъ въ этотъ прудъ, чтобъ они не достались побѣдителю. Съ тѣхъ поръ по ночамъ всплываетъ на поверхность воды золотой корабль, на которомъ сидятъ серебряныя женщины. Многіе храбрецы собирались уже овладѣть драгоцѣннымъ кораблемъ, но онъ разсѣвался какъ дымъ, только что къ нему подходили.

Вся исторія Египта написана на камняхъ Карнака. Всѣ династіи, всѣ фараоны и поколѣнія старались украшать храмъ, посвященный отцу боговъ. Александръ Македонскій стоитъ здѣсь возлѣ Птолемея, Цезарь Августъ возлѣ эфиопскихъ властителей. Какой видъ должна была представлять эта страна, когда зданія Карнака гордо возвышались къ небу, когда многочисленный народъ толпился на улицахъ и разступался передъ колесницей Фараона, когда жизнь кипѣла въ этихъ гигантскихъ стѣнахъ. Теперь, при всеобщемъ разрушеніи и тишинѣ,

чувствуешь удивленіе въ этимъ величественнымъ остаткамъ времени, которое никогда не возвратится.

Я прошелъ всю Италію, Грецію, былъ въ Бальбекѣ, въ Эфесѣ, въ Милетѣ, Родосѣ, осматривалъ всѣ развалины, извѣстныя до сихъ поръ, но нигдѣ не видалъ ничего похожаго на развалины Карнака.

Невольно приходитъ на мысль, что люди, жившіе въ этихъ дворцахъ, молча и величественно ходили между колоннами въ длинныхъ бѣлыхъ платьяхъ и золотыхъ вѣнкахъ. Они садились за порфиновые столы, на которыхъ стояли чудовищныя кушанья. Женщины, прекрасныя, лежали на пурпуровыхъ подушкахъ, львы ходили по слѣдамъ господина какъ послушныя собаки. Эти люди должны были жить по тысячѣ лѣтъ и никогда не улыбаться.

— Какъ они могли построить все это! вскричалъ я однажды, смотря на безконечный рядъ колоннъ.

Наконецъ я разстался съ Карнакомъ и переѣхалъ на другой берегъ Нила, гдѣ меня ждали вооруженные проводники, и мы отправились на охоту за гіенной.

Это было ночью. Мы проѣхали въ темнотѣ по полямъ мимо селеній Мединетъ-Абу, гдѣ я замѣтилъ только черную массу дворца, и углубились въ Ливійскія горы. Проводникъ нашъ привязалъ къ столбу барана, назначеннаго въ жертву гіеннѣ, отвелъ далеко нашихъ лошадей, и всѣ мы спрятались за небольшой холмъ, откуда видѣли, при свѣтѣ луны, всѣ усилія бѣднаго барана, чтобъ освободиться отъ веревки. Долго ждали мы, чтобъ гіенна пожаловала на вкусный ужинъ. Я началъ уже чувствовать, что глаза мои слипаются, и приказавъ Жозефу и проводнику разбудить меня, когда подойдетъ звѣрь, сладко уснулъ подъ яснымъ небомъ, на песочной постелѣ. Не знаю долго ли я спалъ, только проснувшись увидѣлъ, что горы уже блестятъ зарею. Товарищи мои тоже спали крѣпко и даже баранъ усталъ блеять у столба и спалъ очень покойно. Я громко засмѣялся и разбудивъ проводника спросилъ:

— Гдѣ же гіенна?

— Пошла по другой дорогѣ, отвѣчалъ, зѣвая, кабилъ.

Тѣмъ и кончилась моя экспедиція за гіенной. Я пошелъ осматривать Мединетъ-Абу, который былъ дворцемъ и храмомъ. Онъ построенъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ до Р. X. тремя Тутмесами и царицей Аменсе. Много передѣлокъ слѣдано въ зданіи со времени его основанія, и каждая эпоха положила свой особенный оттѣнокъ. Нечего и говорить, что всѣ стѣны покрыты рисунками. Надъво отъ храма возвышается зданіе единственное въ своемъ родѣ, какого я не встрѣчалъ нигдѣ въ Египтѣ. Это гивекей Рамзеса Мейамуна. Въ скульптурныхъ картинахъ изображенъ Фараонъ, посреди своего семейства; онъ играетъ съ дочерьми съ разными игры. Балконъ этого зданія опирается на головы двухъ каменныхъ колоссовъ. Въ этихъ комнатахъ жили вѣроятно Копты, потому что вся нижняя часть ихъ замазана краской. Здѣсь же отдыхаютъ путешественники и скрываются отъ скорпіоновъ.

На стѣнахъ галереи изображены всѣ побѣды Рамзеса Мейамуна въ

Африкѣ и Азіи и торжественный процессіи. Въ милѣ отъ Мединета-Абу, на почернѣвшемъ полѣ, омываемомъ каждый годъ наводненіемъ, стоятъ два колосса шестидесяти футовъ вышины, на которыхъ отдыхаютъ орлы. Одинъ изъ нихъ былъ статуей Мемнона.

Они сидятъ на тронахъ, во ста шагахъ разстоянія одинъ отъ другаго. Руки ихъ лежатъ на колѣнахъ, ноги соединены, на головахъ повязки. У ногъ ихъ стоитъ женщина въ коронѣ.

Одинъ изъ гигантовъ монолитъ. Персы, землетрясенія, варвары, мусульмане нападали на него, и все таки не могли разрушить. Правая рука его сломана, ноги тоже. Грудь избита молотками, лице изуродовано и сохранило только въ профиль человѣческой очеркъ, но все таки великанъ грозно смотритъ на Нилъ, и къ нему подходишь съ какимъ-то страхомъ.

Другая статуя извѣстна тѣмъ, что при первомъ лучѣ солнца издавала гармоническій звукъ. Землетрясеніе сломало ее пополамъ, но императоръ Септимій Северъ приказалъ ее поправить, и она теперь кажется совершенно цѣлою, только отъ лица ея не осталось ни одной черты.

Не знаю, цѣлъ ли когда Мемнонъ для другихъ, но я не удостоился слышать его голоса. Впрочемъ наука доказала возможность легкаго металлическаго звука, и безчисленныя надписи греческія и латинскія, покрывающія тронъ и ноги колосса, свидѣтельствуютъ объ этомъ чудѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

— Титъ Юлій Лупъ, префектъ Египта. Я слышалъ голосъ Мемнона въ первый часъ дня. Хорошее предзнаменованіе!

— Юлій Кальвинусъ, префектъ провинціи Вероники. Я слушалъ звукъ Мемнона съ Минуціею Рустина, моею женою. Календы апрѣля, второй часъ, IV годъ царствованія нашего императора Веспасіана Августа.

Извѣстно тоже, что когда императоръ Адрианъ проѣзжалъ съ восходомъ солнца мимо Мемнона, статуя привѣтствовала его тремя звуками, какъ будто бы выходящими изъ мѣднаго инструмента. Императоръ три раза поклонился колоссу, и на этотъ случай написалъ стихи.

Кого изображаютъ эти статуи, названные греками Мемнономъ? Арабы называютъ ихъ *эль санаматъ* — идолами, а Шамполіонъ доказалъ, что это двойной портретъ Фараона Аменофиса III восемнадцатой династіи, что видно изъ гіероглифической надписи на спинкѣ трона. Страна, окружающая статуи, называлась египтянами *Мемнонія*, вотъ почему греки вообразили, что это должны быть изображенія бога Мемнона.

Женская фигура, опирающаяся на ноги Фараона, представляетъ его жену, Тайа.

Вѣроятно тоже, что оба колосса служили входомъ къ дворцу Аменофиса, теперь уже исчезнувшему, но отъ котораго остались въ окрестностяхъ груды камней, обломковъ, колоннъ. Стоитъ только разрыть слои тины, нанесенныя Ниломъ, и наука слѣдуетъ новымъ великімъ открытіямъ.

На сѣверъ отъ Мемнона находятся развалины громаднаго дворца настоящей фараоновской архитектуры. Онъ назывался *Мемноніумъ*. Члены египетской комиссіи объявили, что это гробница Озимандіаса, описанная Діодоромъ Сицилійскимъ. Шамполіонъ доказалъ, что она построена Рамзесомъ Сезострисомъ. Отъ развалинъ этого дворца идетъ некрополь *Эивъ*, состоящая изъ гробницъ, изсѣченныхъ въ скалахъ, гдѣ погребали военныхъ и духовныхъ лицъ. Теперь въ нѣкоторыхъ изъ гробницъ живутъ полудикіе арабы вмѣстѣ съ своими баранами и коровами. Они выдалбливаютъ капители колоннъ и толкутъ въ нихъ хлѣбъ, придѣлываютъ досчатыя двери къ изображеніямъ фараоновъ, уничтожаютъ надписи, рисунки и жгутъ вмѣсто дровъ ящики съ муміями, покоившимися въ продолженіи двадцати вѣковъ.

Эти погребальныя гроты углубляются въ горы длинными коридорами, на стѣнахъ которыхъ изображены военныя сцены. Кажется, что жилища мумій и гіеннъ, находящіяся вдали отъ селеній и открытыя лучамъ жгучаго солнца не могутъ привлечь живыхъ людей, но нашелся человекъ, который построилъ себѣ домъ у самой горы, и живетъ покойно и счастливо съ муміями, не желая другаго общества. Это грекъ по имени Розд. Онъ помогалъ Дроветти въ ученыхъ его розысканіяхъ и такъ привыкъ заниматься прошедшимъ, что отсталъ отъ настоящаго и поселился одинъ близъ любимыхъ гробницъ, продолжая разрывать развалины и отыскивать рѣдкости, которыя продавалъ иностранцамъ очень дорого. Но египетское правительство запретило продавать и вывозить рѣдкости изъ этой страны.

Небольшое селеніе Гурнагъ дало названіе всей долинѣ, и близъ него посреди пальмоваго лѣса возвышаются развалины дворца, построеннаго Менефтою и подъ нимъ находятся могильныя склепы.

Въ долинѣ Бибанъ-эль-Молакъ (двери царей) покоились въ гранитныхъ саркофагахъ бальзамированные фараоны восемнадцатой, девятнадцатой и двадцатой династій. Кладбище это состоитъ изъ цѣпи горъ, выдолбленныхъ внутри, какъ храмы Фре и Ипсамбула.

Когда Фараонъ всходилъ на тронъ, то приказывалъ тотчасъ же приготовить себѣ гробницу. Тогда выбирали одну изъ скалъ и начинали тотчасъ же работы, продолжавшіяся во все царствованіе Фараона. Въ какомъ бы видѣ ни была гробница въ день его смерти, но бальзамированное его тѣло клали туда съ обычными церемоніями, и закрывъ входъ въ нее, на другой же день начинали новую для другаго Фараона.

До сихъ поръ открыты шестнадцать гробницъ. Всѣ онѣ похожи одна на другую украшеніями и надписями, разница только въ томъ, что нѣкоторыя гораздо обширнѣе и состоятъ изъ многихъ комнатъ, что зависѣло отъ продолжительности царствованія.

Недавно еще гіероглифы и рисунки были свѣжи и цѣлы. Ихъ не тронули ни войска Камбиза, ни магометане; но однажды прибылъ сюда ученый съ многочисленною свитою, срисовалъ всѣ стѣны и скульптурныя работы главной и лучшей гробницы Менефта Сетей I, и потомъ изуродовалъ и стеръ все, что могъ, чтобъ другіе послѣ него не смѣли

описывать того, что онъ скоро представитъ публикѣ. И не только здѣсь, но въ храмахъ Ассасифа, въ Дендерахъ, въ Карнакѣ, Абидосѣ, у Пирамидъ, этотъ варваръ ученый прошелъ чумою и оставилъ послѣ себя нѣмыя развалины. За то на всѣхъ монументахъ написаны проклятія, на разныхъ языкахъ, которыя предрекаютъ этому ученому всевозможныя несчастія. Самое дѣйствительное будетъ то, что когда выйдетъ его книга о египетскихъ памятникахъ, читатели не повѣрятъ автору и скажутъ, что это его выдумки безъ всякихъ доказательствъ. Тогда онъ можетъ быть раскается, что уничтожилъ чудныя работы древности, но уже будетъ поздно. Этотъ варваръ родился въ Германіи, самой ученой странѣ, и носить нѣмецкое имя.

V.

Прощаніе съ Оивами.—Кенегъ.—Отправленіе въ Косеиръ.—Биръ-эль-Баръ.—Шамсинъ.—Деревня въ степи.—Встрѣча съ караванами.—Колодець препятствія.—Умирающій верблюдъ.—Красное море.—Косеиръ.—Гостепріимство.—Барки.—Старый городъ.—Возвращеніе.—Болванъ Жозефа.—Храмъ Дендеры.—Фотографическіе снимки.—Пальмы.—Абидосъ.—Гиргесъ.—Гробница Мурадъ-Бей.—Гротъ Самунъ.—Искатель кладовъ.—Бени-Гасанъ.—Мвни.—Мегеметъ Бей Дефтердаръ.—Пріѣздъ въ Каиръ.

Я простился съ Оивами 14-го мая, и покуда лодка удалялась отъ берега, все смотрѣлъ на развалины Карнака, на колоссовъ Мемнона, которые еще видѣлись вдали, утопая въ голубомъ туманѣ. Наконецъ, при поворотѣ Нила, вся чудная панорама исчезла, и я невольно почувствовалъ грусть, какъ бы навсегда прощаясь съ любимую страну. Передо мною мелькаютъ пустынные берега, Нилъ мелѣетъ съ каждымъ днемъ, и плаваніе дѣлается тяжелѣе, тогда какъ солнце безжалостно льетъ на насъ потоки огня. Однако матросы мои, измученные и почти изжаренные, продолжаютъ пѣть и грести, тогда какъ всякое движеніе стоитъ неимоверныхъ усилій. Будучи не въ силахъ переносить жаръ, я остановился передъ городомъ *Кенегъ*.

Это обширный городъ съ большими каменными домами, тремя мечетями съ острыми минаретами, богатыми базарами, защищенными отъ солнца деревянными крышами, многочисленными кофейными домами, всегда наполненными пьяными албанцами. Копты, христіане, мусульмане, евреи, толпятся на улицахъ и толкуютъ о торговыхъ дѣлахъ, потому что въ этомъ городѣ складочное мѣсто для товаровъ, привезенныхъ изъ Индіи.

Лучшимъ напиткомъ нашелъ я здѣсь воду Нила, очищенную и освѣженную въ большихъ глиняныхъ вазахъ. Она легка, пріятна и скоро утоляетъ жажду.

Осмотрѣвъ весь городъ, я отыскалъ консульскаго агента, котораго содержитъ здѣсь французское правительство и отдохнувъ у него, поручилъ ему хлопотать о моей поѣздкѣ въ Косеиръ, на берега красного моря. Добрый Г. Иса нанялъ мнѣ верблюдовъ, проводниковъ. Жозефъ запасся провизією, и на другой день рано утромъ мы отправились въ

путь. Городъ только что просыпался, солдаты учились передъ казармами, женщины, осыпавныя пшестрами, обметали крыльца, феллахи собирали на огородахъ овощи, цапли широко шагали по высокой травѣ, толпа голубей носилась надъ полями. И надъ этой картиной выходило блѣдное солнце безъ лучей, окруженное сѣрыми облаками. Это предвѣщало опять шамсинъ.

На чертѣ, отдѣляющей обработанную землю отъ степи, племя бедуиновъ раскинуло свои палатки, вокругъ которыхъ ходить стала. Дальше видно селеніе и передъ нимъ марабутъ Биръ-эль-Бара. Всѣ окрестныя жители арабы, турки, бедуины живутъ подъ тѣнію пальмъ, гдѣ обѣдаютъ, спятъ и молятся. Я вошелъ въ марабутъ, чтобъ отдохнуть и переждать жаръ. Потомъ мы вступили въ степь. Земля каменистая, сѣрая, бесплодная, перерытая небольшими холмами. Вокругъ насъ страшная тишина. Слышнень только мѣрный шагъ верблюдовъ. Небо все еще покрыто сѣрыми облаками, и южный вѣтеръ дуетъ довольно сильно. Вдругъ, вдали у Нила, за которымъ еще видны горы, подымается столбъ песку и пыли, который растетъ съ каждымъ мгновеньемъ, увеличивается и летитъ впередъ съ страшнымъ шумомъ. Онъ гонитъ передъ собою горячіе пары и кажется окруженъ краснымъ сіяніемъ. Намъ становилось уже тяжело дышать, когда верблюды упали на песокъ и зарыли въ него морды. Насъ окружило облако пыли, потомъ засыпалъ дождь изъ мелкихъ камней, которые оставляютъ на тѣлѣ чувствительныя слѣды. Къ счастью мы успѣли развернуть наши кушаки и закутали ими голову. Въ минуту сильнаго напора урагана передъ нами промчался караванъ. Я видѣлъ нѣсколько фигуръ, похожихъ на привидѣнія, слышалъ крики женщинъ и дѣтей, и все это исчезло въ минуту. Ураганъ продолжался пять или шесть минутъ. Песочный смерчъ смелъ весь песокъ съ дороги и разбился о гранитную скалу. Небо просвѣтлѣло въ одну минуту, такъ что глазамъ трудно было привыкнуть къ нему послѣ темноты, окружавшей насъ съ утра, и мы опять продолжали нашъ путь.

Дорога, давно уже протоптанная верблюдами, была пуста и безмолвна. Наконецъ мы увидѣли хижинныя деревни *Джитагъ*, гдѣ есть колодезь соленой воды. Здѣсь я остановился для отдыха. Удивляюсь, какъ живутъ люди сильные и красивые какъ арабы въ такихъ жалкихъ шалашахъ, въ которыхъ у насъ не помѣщаются и животныхъ. Неужели они не имѣютъ никакого понятія о удобствѣ и чистотѣ. Да и чѣмъ питаются эти несчастные? Вокругъ нихъ голая пустыня, гдѣ нѣтъ ни одной пальмы, даже козы съ трудомъ находятъ жидкую траву. Что же дѣлаютъ въ своихъ ямахъ эти Абаблехи?

Дальше дорога нисколько не мѣняется, и жаръ такъ увеличивается, что нельзя дотронуться до металла; я принужденъ былъ закрыть себѣ лицо. Песокъ такъ накалился, что одинъ изъ проводниковъ, шедшій пѣшкомъ, обжегъ себѣ ноги и взобрался на верблюда съ провизіей. Всѣ мы утомлены и расслаблены отъ жару. Одинъ только Жозефъ находилъ довольно силы, чтобъ по временамъ отпускать шуточки, которыхъ я не старался даже понимать.

Одно развлеченіе въ этой пустынѣ—безпрестанныя встрѣчи каравановъ. Минутно слышатся колокольчики верблюдовъ, и пѣсни проводниковъ; потомъ начинаются обыкновенные вопросы:

- Откуда вы?
- Изъ Мекки. Да благостовить васъ Богъ. А вы?
- Изъ Кенега, гдѣ пьютъ воду Нила,
- Возвратитесь веселы и здоровы въ ваши дома!

Но никогда караваны не останавливаются на дорогѣ, потому что верблюды не замедляютъ свой шагъ и можно только обмѣняться короткими словами. Время дорого вездѣ, и въ степи оно неопѣненно, потому что ночь можетъ застать на пути въ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ воды. При томъ солнце жжетъ неумолимо, песокъ засыпаетъ глаза, и только быстрымъ движеніемъ можно избѣжать совершеннаго упадка силъ и безчувственности.

За то въ степи человѣкъ понимаетъ все свое превосходство. Онъ не можетъ ни на кого надѣяться, знаетъ, что никто ему не поможетъ, и что все окружающее враждебно ему, но не смотря на это, онъ спокоенъ и увѣренъ въ своей силѣ и твердости. За то какъ онъ доволенъ когда испыталъ всѣ опасности и побѣдилъ всѣ препятствія!

Мы остановились у скалы, покрытой гіероглифами и хотѣли развести огонь, чтобъ напиться кофе. Но вѣтеръ такъ силенъ, что не позволялъ Жозефу зажечь огня и разбрасывалъ его далеко. Такъ какъ не было ни какой возможности оставаться на чистомъ воздухѣ, я отыскалъ небольшой гротъ и отдохнулъ тамъ немного. Потомъ опять мы сѣли на верблюдовъ и поѣхали по дорогѣ, которую съ обѣихъ сторонъ тѣснили высокія горы. На одномъ гранитномъ камнѣ видѣлъ я картину, изображающую жертвоприношеніе Аммону. Дальше встрѣтили мы Биръ-эль-Гамаматъ (колодезь голубей), вырытый англичанами, но брошенный теперь, потому что надо сойти сто шестьдесятъ ступеней, чтобъ достать немного мутной воды. Этотъ колодезь обложенъ камнями съ древнихъ гробницъ, сохранившими свои надписи.

Другой колодезь Биръ-эль-Седъ (Препятствіе) находится въ опасномъ узкомъ мѣстѣ, гдѣ двумъ проводникамъ, встрѣтившимся съ верблюдами, ни какъ нельзя разойтись. Мы же встрѣтили цѣлый караванъ и такъ смѣшались, что долго не могли разобрать, кто отправлялся къ Косеиръ и кто въ Кенега. У самаго колодца я видѣлъ картину умирающаго верблюда. Онъ лежитъ на правомъ боку закинувъ назадъ голову и тихо шевелитъ ногами. Глаза его выражаютъ страданіе, но онъ не могъ уже кричать и только тяжело вздыхалъ. Въ этомъ положеніи онъ давно уже ждалъ смерти. Три мѣсяца тому назадъ, хозяинъ его ѣхалъ мимо колодца, и верблюдъ остунившись упалъ и сломалъ себѣ бедро. Не было никакой возможности помочь бѣдному животному или перевести его въ селеніе, которыхъ нѣтъ вблизи, и потому хозяинъ притащилъ его къ колодцу, оставилъ возлѣ него немного корма и продолжалъ свой путь. Съ тѣхъ поръ каждый разъ, когда ему надобно было проѣзжать степь, онъ навѣщалъ больнаго, кормилъ его, и другіе путешественники и особенно арабы абабдехи не вабывали также ча-

сто бѣднаго страдальца. Дикіе звѣри не смѣютъ напасть на беззащитнаго, потому что у колодца поминутно останавливаются караваны, во кажется что больной не долго проживетъ.

Подвигшись опять на дорогу по скользкой, узкой тропинкѣ, мы проѣхали мимо оставленнаго селенія. Нѣсколько хижинъ стоятъ полуразрушенныя, безъ крышъ; посрединѣ видно, что былъ вырытъ колодець, теперь засыпанный пескомъ. Напрасно путешественники будутъ искать убѣжища въ этихъ развалинахъ. Низкія стѣны бросаютъ самую узкую тѣнь, и солнце свободно проникаетъ въ дома со всѣхъ сторонъ и почти ослѣпляетъ всѣхъ животныхъ невыносимымъ блескомъ и жаромъ. Долго еще не могли мы найти отъ него никакой защиты, встрѣчая со всѣхъ сторонъ одинъ раскаленный песокъ и наконецъ обрадовались, увидя грязную арабскую деревню.

Жозефъ закричалъ громко вызывая когонибудь изъ этихъ лачужекъ, и къ намъ вышла старая разсерженная женщина.

— Что ты кричишь, бѣлый? спросила она.

— Я хочу тебѣ дать шіастръ, если ты дашь мнѣ молока, отвѣчалъ Жозефъ.

Если я отдамъ, тебѣ молоко, то чѣмъ я накормлю дѣтей? Мы не продаемъ ничего чужимъ. Ступай дальше.

Нечего дѣлать; мы поѣхали дальше, измученные, голодные; верблюды страдали еще больше людей, потому что давно не пили. Опять встрѣчаются намъ караваны, съ которыми мы мѣняемся нѣсколькими словами и снова идемъ по утомительной дорогѣ.

Вотъ наконецъ Биръ-эль-Бей (бѣлый колодець) и возлѣ него селеніе арабовъ абабдеховъ; верблюды наши съ жадностью бросились къ водѣ, которую молодой арабъ доставалъ изъ колодца въ кожаномъ мѣшкѣ и вливалъ въ огромныя каменные ясли. Я самъ съ удовольствіемъ наполнился этой свѣжей, хотя и солоноватой воды, потому что въ нашихъ мѣшкахъ вода давно испортилась, и я пилъ ее съ отвращеніемъ, только чтобъ не умереть отъ жажды.

Тутъ мы отдохнули, собрались съ новыми силами и своротивъ съ прежней дороги, почувствовали въ воздухѣ пріятную влажность и запахъ соли. Слышно было, что море не далеко. Однако все еще нигдѣ не видать растительности. Вѣтеръ прорѣзалъ песокъ полосами, холмы и скалы торчатъ точно обгорѣлыя, только въ одномъ мѣстѣ протекаетъ быстрый ручей, окруженный тростникомъ и травой и выбрасывающій на берегъ блестящую соль. Вокругъ него толпились женщины и стирали бѣлье; черезъ нѣсколько шаговъ этотъ ручей исчезаетъ въ песокъ. Вѣхавъ на одинъ пригорокъ, я увидѣлъ на сѣромъ небѣ черную полосу. Это отечество жемчуга, акулъ и кораловъ, это море, которое разступилось передъ Моисеемъ и поглотило Фараона, Красное море. Чѣмъ больше я приближаюсь къ нему, тѣмъ обширнѣе разливается оно и кажется потопляетъ берега. Весь берегъ, видимый мною, пусть и неплоденъ, только нѣсколько обгорѣлыхъ пальмъ окружены заборомъ и десятка три палатокъ разбросаны по всему пространству.

Вдругъ изъ-за пригорка является маленькій красивый городокъ съ крѣпостью. Это Косеиръ.

Пройдя нѣсколько чистыхъ улицъ, мы остановились передъ домою консульскаго агента, и тотчасъ же навстрѣчу намъ вышелъ пожилой человѣкъ и попросилъ принять его гостепріимство. Разумѣется, что я не заставилъ себя долго просить, и черезъ часъ былъ уже въ удобной комнатѣ, уставленной мягкими диванами и передо мною два служителя ждали моихъ приказаній. Я замѣтилъ только, что одинъ изъ нихъ хотѣлъ безпрестанно, неизвѣстно чему, ничего не дѣлалъ и былъ такъ глупъ, что во всю жизнь не могъ выучиться снимать со свѣчи.

На другой день я пошелъ осматривать городъ. Онъ не напоминаетъ о прежнемъ богатствѣ. Тутъ складывались товары Индіи и Аравіи, но теперь Суэцъ привлекъ къ себѣ всю торговлю Краснаго моря, а Косеиръ бѣднѣетъ и слабѣетъ съ каждымъ годомъ. Главный недостатокъ здѣсь въ водѣ, которую привозятъ издалека и платятъ за нее дорого, но за то она нестерпимо дурна.

Меня удивило, что улицы чрезвычайно чисты для мусульманскаго города. Дома каменные съ террасами, дворецъ губернатора похожъ, какъ и вездѣ въ Египтѣ, на казармы, и надъ нимъ высоко развѣвается красный флагъ съ серебряною луною.

Гавань Косеира—природная, небольшая бухта, защищенная отъ восточныхъ вѣтровъ горами. Вода свѣтла и такъ прозрачна, что можно на днѣ сосчитать всѣ камешки и раковины. Въ гавани стоятъ больше сорока судовъ, плавающихъ по Красному морю безъ компасовъ, безъ картъ, и которые не знаютъ сами гдѣ останавливаются и куда имъ назначено идти. Разумѣется, что съ такими познаніями въ мореплаваніи каждый годъ погибаетъ до пятидесяти барокъ.

Я взлѣзъ на одну изъ нихъ, заваленную тюками товаровъ, назначенныхъ въ Джедда. Она такъ воздушна и непрочна, приспособлена къ плаванію такими дѣтскими средствами, что удивительно какъ люди рѣшаются повѣрить такой скорлупѣ свое состояніе и жизнь. Но турки не думаютъ о будущемъ, и капитанъ барки, видя мое удивленіе, сказалъ:

— Ты думаешь Кауджа, что опасно ѣхать на моей баркѣ? Совсѣмъ нѣтъ. Теперь время хорошее, а вотъ два года тому назадъ, когда я перевозилъ изъ Джедды Магометанъ, признаюсь, что можно было испугаться. Злой духъ, который живетъ въ Бабельмандебскомъ проливѣ, дулъ съ такою силою, что волны заливали палубу, и каждый день уносили то одного, то двухъ путешественниковъ. Вѣроятно ихъ съѣли акулы. Счастливы тѣ, которые умираютъ возвращаясь въ богомоля!

Я поспѣшилъ сойти на берегъ и пошелъ бродить по городу. Кажется, что всѣ мусульманскіе народы посылаютъ своихъ депутатовъ въ Косеиръ, потому что Магометане собираются здѣсь, чтобъ отпра- виться въ Джедду и потомъ въ Мекку. Я видѣлъ турокъ изъ Каира и Александріи, туркомановъ немовкихъ и лѣнливыхъ, арабовъ изъ Египта, мограбниновъ изъ Туниса и кабиловъ изъ Алжиріи. Тутъ были и негры изъ внутренней Африки, и татары изъ Бухаріи, и индусы.

Консульскій агентъ г. Эліасъ, угостилъ меня такимъ обѣдомъ, отъ какого я уже давно отвыкъ, питаюсь въ пустынь крѣпкими яицами и цыплятами, которые тоже успѣли окаменѣть. Если бы только вода Косеира была хоть не много сносною, то можно было вообразить, что я уже въ Европѣ, но одинъ видъ и запахъ этой жидкости до того отвратителенъ, что я никакъ не рѣшался ее пить.

На другой день сынъ г. Эліаса взялся проводить меня въ старый Косеиръ, въ Фидотерасъ Птоломея. Мы оставили море вправо и поѣхали по берегу, усѣянному раковинами. Надъ волнами леталъ неподвижно бѣлый орелъ, потомъ въ одну минуту сложилъ крылья, упалъ въ воду и взлетѣлъ опять на верхъ, держа въ клювъ большую рыбу. Пройдя нѣсколько марабутовъ, мы дошли до маленькой бухты, наль которою стояли два холма. Это и есть старый Косеиръ, или по крайней мѣрѣ мѣсто, гдѣ онъ былъ, потому что тутъ нѣтъ и слѣдовъ города. Сколько есть развалинъ, которымъ даже ученые немогутъ прибрать ни какого имени, а здѣсь нѣтъ ни обломковъ, ни камней, словомъ ничего, что бы доказывало, что тутъ жили люди, и однако мѣсто это называютъ старымъ Косеиромъ! За неимѣніемъ города я началъ любоваться моремъ. Признаюсь, что никогда еще не видалъ я такой чудной картины и сожалею, что не могу перенести ее на полотно. Море такъ прозрачно у береговъ, что можно различить цвѣтъ раковинъ, находящихся на днѣ, потомъ оно дѣлается синимъ съ зелеными оттѣнками, дальше свѣтло-зеленаго цвѣта съ бѣлою пѣною. Водяныя растенія нагибаются къ водѣ, и черныя и бѣлыя птицы летаютъ такъ низко, что задѣваютъ крыломъ за волны. Долго прислушивался я къ вѣчному шуму моря, долго взглядывался въ безконечный горизонтъ его, и наконецъ послѣдовала за молодымъ Эліасомъ въ настоящій городъ.

Поблагодаривъ моихъ ласковыхъ хозяевъ, я собрался въ обратный путь и приказалъ напоить хорошенько верблюдовъ, которымъ придется опять пробыть три дня безъ воды. Не успѣли мы выѣхать, какъ встрѣтили огромный караванъ изъ Александріи. Въ немъ было очень много женщинъ, которыя кричали и спорили, вѣроятно для развлеченія отъ скучнаго пути. Приближаясь къ Биръ-Эль Седу, я увидѣлъ множество хищныхъ птицъ, ожидавшихъ отъѣзда каравана отъ колодца. Я повилъ, что бѣдный верблюдъ пересталъ страдать и будетъ скоро похороненъ въ желудкахъ тысячи птицъ. Я остановился на ночлегъ въ *Кусуру-Эль-Банатъ*, хотя проводники и пугали меня, что мѣсто это нехорошее, что по ночамъ тутъ ходятъ привидѣнія и пугаютъ путешественниковъ. Однако я не послушался этихъ предостереженій и провелъ ночь покойно, только на другой день мнѣ сказали, что гнѣны или привидѣнія унесли часть моей провизіи. Я думаю, что это скорѣе дѣло проводниковъ.

Я погнаю моихъ верблюдовъ сколько могу, потому что тороплюсь гдѣ нибудь остановиться. Бѣдный Жозефъ захворалъ серьезно. Я уже сказалъ, что въ Косеирѣ не было ни какой возможности пить воду, но такъ какъ не было другой, то мы наполнили ею наши мѣшки.

Разумѣется, что она испортилась уже окончательно и произвела сильный жаръ у Жозефа, который напился ее неосторожно. Его мучила страшно жажда, и онъ въ бреду метался на верблюды и воображалъ себя въ Генуѣ. Потомъ онъ кричалъ жалобно:

— Дайте мнѣ Ниль, синьоръ! я его выпью весь.

Для утоленія жажды онъ ѣлъ лукъ, но страданія его увеличивались и онъ говорилъ со слезами:

— Зачѣмъ я не крокодилъ, я бы жилъ въ водѣ сколько мнѣ хочется.

Въ Джитахъ Жозефъ не много поправился, потому что напился до сыта. Верблюдовъ тоже напоили на долго. Мимо насъ прошелъ караванъ, нагруженный арбузами, и я купилъ ихъ нѣсколько къ большому удовольствію моихъ проводниковъ. Признаюсь, что и я, сидя въ тѣни Марабута, съ наслажденіемъ ѣлъ сладкій, розовый арбузъ, бросая корки верблюдамъ.

Въ Биль-эль-Барѣ мы опять встрѣтили караванъ, отправленный въ Косеиръ съ подарками вице-короля, назначенными для гроба Пророка. Комната моя была занята турецкимъ назиромъ, и я принужденъ былъ почевать на открытомъ воздухѣ.

На другой день я неожиданно явился на моей лодкѣ, и Рейсъ Ибрагимъ обнялъ меня дружески, а матросы встрѣтили радостными криками. Во время моего путешествія въ Косеиръ, они успѣли отдохнуть и поправиться и начали грести съ такимъ усердіемъ, что въ полчаса мы были уже въ Дендерахъ. Я прошелъ черезъ засѣянные поля къ храму, который поражаетъ своимъ величіемъ. Портикъ поддерживается снаружи шестью огромными столбами, а внутри двадцатью колоннами, покрытыми сверху до низу скульптурными работами. Множество комнатъ покоятся въ вѣчной темнотѣ и покрыты гіероглифами точно также какъ наружныя стѣны. Храмъ этотъ, посвященный Изидѣ, былъ начатъ Клеопатрою и оконченъ при Августѣ и Тиверіи.

Нѣсколько разъ приходилъ я къ развалинамъ съ фотографическимъ приборомъ и бралъ съ собою одного матроса по имени Гаджи-Измаила. Чтобы дать понятіе о размѣрахъ, я приказывалъ иногда нубійцу влезать на развалины и снималъ очеркъ вмѣстѣ съ нимъ. Но такъ какъ очень трудно было заставить его стоять неподвижно, то я увѣрилъ, что мѣдная трубка дагеротипа выстрѣлитъ, если онъ пошевелится. Довѣрчивый нубіецъ повѣрилъ мнѣ, и стоялъ настоящей статуей посреди развалинъ.

Пальмы, растущія на берегу Нила близъ Дендера, самыя красивыя и густыя во всемъ Египтѣ. Это дерево кажется назначено для декорации, потому что ничего неможетъ быть живописнѣе этихъ раскидистыхъ вѣтвей, широкихъ листьевъ, распускающихся то зонтикомъ, то вѣеромъ. Онѣ настоящіе благодѣтели всей страны и покрываютъ своею прохладною тѣнью бѣдныхъ феллаховъ и цѣлыя стада буйволовъ.

Черезъ два дня я былъ въ селеніи Гарабахъ-Медфунегъ и остановился передъ домомъ шейка, похожимъ на небольшую крѣпость.

— Знаете ли, синьоръ, замѣтилъ Жозефъ, зачѣмъ шейкъ построилъ себѣ крѣпость. Онъ вѣрно не хочетъ платить податъ.

Въ эту же минуту вышелъ изъ дома человекъ среднихъ лѣтъ сильнаго сложенія, съ умнымъ взглядомъ.

— Ты пришелъ, Кауджа, смотрѣть засыпанные храмы. Я здѣшній шейкъ...

И онъ не рѣшался сказать еще что-то. Наконецъ вида, что мы не имѣемъ никакихъ дурныхъ намѣреній, онъ проговорилъ тихо:

Не можешь ли ты дать мнѣ не много пороху... вашего франкского пороху... хоть нѣсколько зеренъ.

— Зачѣмъ тебѣ? спросилъ Жозефъ.

— Да у меня гиенны и шакалы обижаютъ стада... Увѣрю тебя, что это правда.

— Знаешь ли что, замѣтилъ съ улыбкой Жозефъ. Я знаю твоихъ непріятелей, шейкъ. Твои гиенны ходятъ въ чамахъ, а шакалы похожи на назировъ, собирающихъ подати.

— Турки насъ совсѣмъ съѣли, и мы будемъ наконецъ защищаться.

Я отдалъ шейку весь мой порохъ, чему онъ былъ радъ какъ ребенокъ и побѣждалъ въ свою крѣпость, а мы пошли къ мѣсту, называемому арабами Эль-Бирбъ (храмъ). Тутъ былъ Абидость.

Страбонъ говоритъ, что здѣсь былъ великолѣпный дворецъ Мемноніумъ, и что городъ считался, по богатству и красотѣ, первымъ послѣ Оивъ. Теперь храмъ этотъ покрытъ песочнымъ саваномъ, и всѣ комнаты наполнены пескомъ, такъ что нельзя войти въ нихъ. Въ этихъ развалинахъ найдены превосходныя каменные статуи, и стоитъ только немного раскопать песокъ, чтобъ отрыть неоцѣненные художественныя сокровища.

Нилъ началъ быстро прибывать, потому что приходило время наводненія. Сильный сѣверный вѣтеръ вырывалъ весла изъ рукъ моихъ матросовъ и прибывалъ лодку къ берегу. Всѣ вокругъ меня желали поскорѣе пріѣхать въ Каиръ, только я не торопился расстаться съ Ниломъ и живописными его берегами.

Я осмотрѣлъ Гиргегъ и двѣ его мечети, которыя навѣрно теперь не существуютъ, потому что Нилъ подрылъ уже подъ основанія ихъ и послѣ перваго наводненія унесетъ ихъ съ собою: Ужъ и теперь городъ похожъ на разоренный непріятельскимъ приступомъ, такъ Нилъ безжалостно разрушаетъ его.

Въ другой разъ вѣтеръ прибилъ лодку къ селенію Саугаджи, и я смотрѣлъ какъ работники очищали каналы, укрѣпляли мосты, прорывали бассейны, чтобъ встрѣтить различіе. Здѣсь умеръ Мурать-бей и похороненъ подъ бѣлымъ куполомъ близъ мечети Эль-Арифъ.

Потомъ я вышелъ на берегъ въ Кау-эль-Кебиръ, древнемъ Антополисѣ. Въ эпоху французской экспедиціи здѣсь стояли еще три колонады, но теперь все это исчезло, и я видѣлъ только хижины феллаховъ подъ тѣнью нѣсколькихъ пальмъ. Это Нилъ подмывалъ понемногу

развалины, разбрасывалъ ихъ и наконецъ унесъ съ собою и колоннады, и храмъ, и даже камни, не оставя ничего.

Въ Эль-Шегель-Гилѣ мы составили экспедицію, чтобъ посѣтить *Самунгъ*, называемый путешественниками гротами крокодиловъ.

Мы долго шли по обгорѣлымъ полямъ, потомъ повернули на узкую тропинку и увидѣли недалеко отъ берега небольшое поле, покрытое гранитными камнями, круглыми и блестящими, которые издали кажутся разбросанными ядрами.

Недалеко отъ этого мѣста находится входъ въ гроты Самунгъ. Надобно было зажечь свѣчи и ползти по низенькимъ коридорамъ, которые вдругъ расширялись и представляли обширныя комнаты съ сталактитными столбами. Потомъ опять дорога углублялась по костямъ и обломкамъ мумій. Пыль засыпала глаза, камни царапали и задѣвали за одежду. Страшно было поднять голову, чтобъ не удариться о камни, которые почти висятъ на неровномъ потолкѣ.

— Славная дорога, ворчалъ сзади меня Жозефъ, нѣтъ, ужъ синьоръ, въ другой разъ вы не заманите меня сюда.

Наконецъ мы дошли до ротонды, гдѣ могли выпрямить свои согнувшіеся члены и вдругъ увидѣли страшное зрѣлище. На небольшомъ камнѣ сидитъ мертвецъ. Голова его откинута назадъ съ страшнымъ выраженіемъ страданія. Руки и ноги стянута судорогами, волосы стоятъ дыбомъ, весь онъ замеръ въ предсмертныхъ конвульсіяхъ. Исторія этого несчастнаго ужасна. Онъ зашелъ сюда отыскивать кладовъ, заблудился въ переходахъ и выбившись изъ силъ, голодный, сошелъ съ ума и умеръ, крича о помощи. Туземцы говорятъ, что надобно побѣдить злаго духа, чтобъ овладѣть кладомъ, а этотъ несчастный былъ не такъ силенъ, и потому они задушили его.

Дальше находится яма, не извѣстно какой глубины, наполненная доверху муміями не однихъ людей, но также змѣй, крокодиловъ, рыбъ и другихъ животныхъ. Здѣсь надобно быть чрезвычайно осторожнымъ съ огнемъ, потому что одна искра, упавшая посреди тѣлъ, намазанныхъ смолою, можетъ произвести пожаръ, отъ котораго нѣтъ никакого спасенія. Одинъ американецъ вошелъ съ двумя проводниками въ гроты. Не много спустя услышали отчаянные крики, бросились къ отверстію, но оттуда повалилъ сильный дымъ, который продолжался нѣсколько мѣсяцевъ. Американецъ и проводники его не возвращались, и когда рѣшились опять войти въ гроты, то не нашли слѣдовъ ихъ.

Воздухъ здѣсь такъ тяжелъ, что трудно дышать. Голова у меня закружилась, глаза наполнились пескомъ, и я поспѣшилъ выйдти на чистый воздухъ.

Признаюсь, что послѣ этого путешествія на четверенькахъ, я не хотѣлъ уже осматривать внутренности погребальныхъ гротовъ и любовался только наружными украшеніями, изображающими цѣлые эпизоды исторіи Египта. Мы пишемъ нашу исторію въ книгахъ, древніе вырѣзывали ее на гранитѣ.

На гротѣ *Бени Гасанъ* была превосходная живопись, которая привела во восторгъ Шамполіона, но слѣдующіе за нимъ путешественники

по немногу портили и ломали камни, какъ дѣти ломаютъ игрушки, и теперь отъ него осталась одна безобразная груда.

Я останавливался еще въ *Миніе* въ день базара. Бедуины, феллахи арнауты, женщины, ослы, лошади, верблюды толпились на всѣхъ улицахъ, вездѣ раздавались звуки музыки, пѣсни, крики. Передъ гробницей шейка Смерде составились танцы. Но я уже отвыкъ отъ этого шума, и потому опять сѣлъ на лодку и отправился по Нилу. Еще разъ увидѣлъ я пирамиды Джизега, рисующіяся на голубомъ небѣ, потомъ остановился передъ дворцемъ, покрытымъ непроницаемою зеленью, гдѣ жилъ зять Мехмета-Али Мегеметь-Бей-Дефтердаръ. Этотъ человекъ былъ жестокъ до крайности, но храбръ и справедливъ. Однажды два льва сломали рѣшетку звѣринца, растерзали понавапшася ребенка и побѣжали въ садъ. Мегеметь бей-Дефтердаръ приказалъ убить львовъ, и албанцы пошли въ садъ съ ружьями и начали стрѣлять, разумѣется издали, но все напрасно. Эта стрѣльба безпокоила Мегеметь-бея и мѣшала ему спать. Онъ взялъ два пистолета, вышелъ одинъ въ садъ, подошелъ къ звѣрямъ на нѣсколько шаговъ и убилъ ихъ одного за другимъ. Онъ умеръ послѣ чашки кофе, вышитой у своего тестя Мегмета-Али.

Мы проплыли опять мимо стараго Каира и причалили въ Булакѣ. Городъ былъ пустъ отъ страшнаго жара, и только къ вечеру наполнились улицы и базары. Александрія и Бейрутъ мелькнули опять передъ моими глазами, и я расстался съ Ниломъ надолго, можетъ быть навсегда

(Revue de Paris.)

IV.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I.

ЛИТЕРАТУРА.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Первая любовь. Повѣсть, сочиненіе А. К....ва. Москва 1854.
Стр. 124.

Не разрѣзывая еще этой зеленой книжечки, довольно опрятно изданной, мы задали себѣ вопросъ: съ какою цѣлью въ наше время, авторы, издавая книгу отдѣльно, скрываютъ свое имя подъ начальными буквами? Должно быть не спроста! Журналы наши поглощаютъ въ огромномъ количествѣ произведенія извѣстныхъ и неизвѣстныхъ беллетристовъ, мало-мальски что нибудь порядочное, всегда найдетъ мѣсто на страницахъ періодическихъ изданій, гдѣ болѣе или менѣе не существуетъ виновито. Наконецъ, въ журналѣ, неподписанная статья, дѣло очень обыкновенное. Но, если теперь выходитъ отдѣльно книга, повѣсть или романъ, да еще безъ подписи, то думается невольно, что это или плохая книжонка, не принятая въ журналы, или какое нибудь гениальное произведеніе; наконецъ сочиненіе, изданное чисто съ спекулятивной цѣлью. Назовись авторъ какимъ угодно вымышленнымъ именемъ, все еще ничего, но кто выставляетъ однѣ начальныя буквы, значить имѣть претензію на извѣстность или добивается завидной извѣстности. Пере-

думавъ все это, мы разрѣзали Первую Любовь г. А. К...ва и принялись серьезно за чтеніе.

Нѣсколько страничекъ что-то въ родѣ пролога, сильно смахиваютъ на подражаніе, мы не скажемъ Гоголю, но тѣмъ господамъ, которые недавно еще очень неудачно подражали этому писателю, заимствуя кое-что и у покойнаго Бальзака. Нечистота, грязь, дыравая мебель, неопрятная кухарка и осиповыя стружки, описанныя довольно подробно, вотъ содержаніе этого чего-то смахивающаго на прологъ, необходимую принадлежность современной повѣсти. Изъ этихъ нѣсколькихъ страничекъ читатель узнаетъ, что Василій Васильевичъ (какъ говорится герой) служить столоначальникомъ въ какомъ-то судѣ, и что этотъ *мусью*, какъ прозвали его товарищи, не любилъ ни разу въ жизни, доживя почти до сорока лѣтъ. Открытіе, какъ изволите видѣть, довольно интересное въ психологическомъ отношеніи. Въ авторѣ видна наблюдательность, желаніе шегольнуть посильными остротами; но все-таки читателю мало приходится на долю занимательности. Основа романа до того избита, и притомъ до того слаба, что въ нашъ вѣкъ подобныя повѣсти не могутъ уже занять и пятнадцатилѣтнюю дѣвочку; и характеровъ совсѣмъ нѣтъ въ «Первой Любви» г. А. К...ва, да и самой первой любви не имѣется, сколько намъ показалось, по прочтеніи зеленой книжечки. И Василій Васильевичъ влюбленъ въ Ольгу, и Ольга влюблена въ Александра, и Александръ, кажется, влюбленъ въ Ольгу, и кто ихъ знаетъ, кому отдать пальму первенства въ этомъ отношеніи. Прочія лица повѣсти, если ихъ можно назвать лицами, совершенно могли бы и не появляться, до того они ничтожны со включеніемъ Жука (управляющаго домомъ), изъ котораго авторъ хотѣлъ сдѣлать тонкаго плута, даже злодѣя, но недостигъ своей цѣли. Однимъ словомъ, «Первая Любовь» весьма слабое произведеніе, какъ должно полагать, весьма юнаго писателя, въ которомъ замѣтна однакожъ наблюдательность, хотя и незамѣтно таланта. Языкъ довольно гладокъ, но часто появляются значительныя ошибки противъ русскаго языка. Но да утѣшится г. А. К...въ, въ этомъ отношеніи онъ можетъ подать руку и многимъ нашимъ беллетристамъ, считающимъ грамматику предметомъ лишнимъ, и зачастую незаботящимся о правописаніи. Писатель, который не знаетъ языка, всегда представляется намъ актеромъ, не знающимъ роли. Трудно хорошо и вѣрно выразиться, когда не знаешь *какъ и что* говорить.

А вотъ и обращикъ, какъ авторъ управляетъ съ языкомъ и знаками препинанія.

«Этотъ вопросъ напомнилъ Василію Васильичу, что порядочному человѣку необходимо имѣть *человѣка* (каламбуръ) для услуги... (къ

чему только?) если же не *человѣка*, то по крайней мѣрѣ горничную *дѣвушку*, (горничная непременно дѣвушка) привлекательной, или хотя непривлекательной наружности, въ приличномъ платьѣ, фартучкѣ и прочее, (;) но *уже* (зачѣмъ *уже*?) никакъ не кухарку, одѣтую на манеръ нищей, просящей хлѣба *для пропитанія* (для чего же больше просить хлѣба?), (къ чему запятая?) и повязывающую голову платкомъ, *концы назадъ*, » (стр. 22). Предпоследняя запятая до того не у мѣста, что слѣдую пунктуаціи автора, можно подумать, что ему нужна горничная *повязывающая платкомъ голову концами назадъ*.

Переноса вниманіе читателя въ Петербургъ и описывая столицу съ видомъ знатока, авторъ на стр. 72 пишетъ: «на Большой Морской.» Г. А. К...ву вѣроятно не извѣстно, что въ Петербургѣ нѣкоторыя улицы требуютъ предлоговъ, такъ напримѣръ: *въ* Миліонной, въ Морской, въ Гороховой, въ Садовой, тогда какъ другія требуютъ предлога *на*: на Литейной, на Владимірской, на Знаменской, и т. п.

Авторъ ловится также и въ другихъ невѣрностяхъ, особенно если выводить лица высшаго круга. Пріятельница Ольги, *Аппочка* (фешенебельное уменьшительное) выражается языкомъ тривіальнымъ, а баринъ (Александръ), у котораго собственные дома однихъ въ Москвѣ, а другой въ Петербургѣ, *на Большой Морской*, живетъ въ третьемъ этажѣ. Ну, положимъ молодой челоѣкъ изъ экономіи поселился повыше, но странно, что такому барину, богачу, помѣщенному въ роскошно-убранныхъ комнатахъ, челоѣкъ докладываетъ о томъ, что *прачка бѣлье принесла!* (стр. 74).

Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа съ 1829 по 1853 годъ, составленное *А. Вороновымъ*, директоромъ училищъ С.-Петербургской губерніи. Савкпетербургъ 1854. г.

Книга эта служитъ продолженіемъ точно такого же прекраснаго труда г. Воронова, изданнаго въ 1849 и доведеннаго по 1829 г. Обиліе матеріаловъ, стройный ихъ порядокъ и хорошее изложеніе, вотъ достоинство этого историко-статистическаго обозрѣнія, въ высшей степени занимательнаго по многимъ весьма любопытнымъ даннымъ. Г. Вороновъ подробно разсматриваетъ положенія объ округѣ, существовавшія съ 1828 года, и проходитъ все степени ихъ измѣненія, указывая на постепенное и постоянное стремленіе къ совершенству училищъ с.-петербургскаго учебнаго округа. Здѣсь не упущено изъ вида ничего, что хоть сколько нибудь имѣетъ отношеніе къ предмету, и подобнаго рода

полнота сочиненія, составленнаго съ необыкновенною точностью и чрезвычайно добросовѣстно, придаетъ много интереса книгѣ занимательной уже по одному своему содержанію. Прочтя обзорніе г. Воронова, имѣешь понятіе не только о бывшемъ или настоящемъ состояніи округа, но видишь какъ и въ слѣдствіе чего происходили разныя перемѣны и къ какимъ вели результатамъ.

Кромѣ общаго интереса и подробностей, а равно любопытныхъ таблицъ и свѣдѣній въ приложеніяхъ, книга г. Воронова отличается прекраснымъ языкомъ и краткимъ, но полнымъ изложеніемъ.

Возьмемъ для примѣра мѣсто объ образованіи при петербургскомъ университетѣ камеральнаго факультета, въ управленіи гр. С. С. Уварова.

Въ 1843 году измѣненія по юридическому факультету повлекли за собою нѣкоторыя перемѣны и въ другихъ факультетахъ. Заботясь о такомъ распредѣленіи наукъ, которое наиболѣе соответствовало бы внутреннему логическому сродству ихъ между собою, и съ другой стороны имѣя въ виду требованія практической жизни, представляющей извѣстныя опредѣленныя сферы дѣятельности, Совѣтъ С. Петербургскаго Университета полагалъ еще въ 1841 году отдѣлить нѣкоторые предметы отъ юридическаго факультета и обонихъ отдѣленій философскаго, и образовать изъ нихъ особый разрядъ юридическаго факультета, подъ названіемъ камеральнаго *, назначеніе котораго должно состоять «въ приготовленіи людей, способныхъ къ службѣ хозяйственной, или административной, имѣющей столь много отраслей въ нашемъ отечествѣ и столь важной во всѣхъ отношеніяхъ.» Конечно, Университетъ не можетъ приготовить людей вполне знающихъ службу: для этого требуется опытность, приобретаемая временемъ; но нѣтъ ни какого сомнѣнія въ томъ, что одинъ опытъ безъ ума, образованнаго наукою, расширяющею и просвѣщающею взглядъ на предметы, недостаточенъ не только на высшихъ ступеняхъ администраціи, но и на болѣе скромномъ поприщѣ служебной дѣятельности, и даже въ тихомъ быту сельскаго домохозяина. Только дружныя усилія теоріи и практики, науки и опыта могутъ принести вождѣленные плоды.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать огромной важности камеральнаго разряда для Государственной службы и вообще для пользы общественной.

Предположенія Совѣта С.-Петербургскаго Университета осуществились съ нѣкоторыми измѣненіями чрезъ два года, когда образовался камеральный разрядъ при юридическомъ факультетѣ съ начала 1843—44 академическаго года. Въ составъ этого разряда вошли изъ юридическихкихъ наукъ: 1) Законы о финансахъ и Государственныхъ повинностяхъ, 2) Законы о благоустройствѣ и благочиніи, 3) Государственные Учрежденія Россійской Имперіи и 4) Государственное Право Европейскихъ

* Арх. Канц. Попеч., по 1 столу, 1841 года, № 99.

державъ, составляющее часть предмета, преподаваемого подъ названіемъ Общенароднаго Правовѣднія *. Изъ предметовъ I-го отдѣленія философскаго факультета перенесены въ разрядъ камеральныхъ наукъ Политическая Экономія и Статистика, какъ «науки, не состоящія въ тѣсной связи ни съ Латинскимъ, ни съ Греческимъ языкомъ, ни съ Римскимъ Правомъ, и слѣдовательно ничего не прибавляющія къ познаніямъ филолога». Но какъ Политическая Экономія и Статистика были бы неудобопонятны, или по крайней мѣрѣ не полны безъ Технологіи, Агрономіи и Естественной Исторіи, то эти послѣдніе предметы также причислены были къ разряду камеральныхъ наукъ, при чемъ Технологія и Агрономія совершенно отдѣлились отъ II-го отдѣленія философскаго факультета, также какъ и Архитектура, вошедшая теперь въ составъ камеральнаго разряда. Въ видѣ дополнительныхъ предметовъ студенты камеральнаго разряда обязаны слушать: Россійскіе Гражданскіе и Уголовные Законы, Всеобщую и Русскую Исторію и одинъ изъ новѣйшихъ языковъ. Съ введеніемъ преподаванія камеральныхъ наукъ сдѣлалось необходимымъ и учрежденіе отдѣльной каедры Технологіи, какъ одного изъ главнѣйшихъ камеральныхъ предметовъ. Каедра эта поручена была Экстраординарному профессору Воскресенскому, образовавшемуся за границей, по окончаніи курса въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, и преподававшему уже въ С.-Петербургскомъ Университетѣ Химию съ 17 ноября 1838 года **. (Стр. 34 и 35).

Чрезвычайно любопытенъ отдѣлъ объ ученой дѣятельности профессоровъ и преподавателей, и ученые путешествія профессоровъ. Приведемъ здѣсь нѣкоторыя извлеченія:

1) Ректоръ Университета Плетневъ, занимавшій каедры Русской Словесности въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ и въ С. Петербургскомъ Университетѣ и имѣвшій счастье читать лекціи о Русской Литературѣ Государю Цесаревичу Наслѣднику Престола, завѣдывалъ въ теченіе 9-ти лѣтъ, съ 1838 по 1847 годъ, редакціей журнала «Современникъ»**, гдѣ помѣщалъ постоянно свои рецензіи на всѣ замѣчательнѣйшія произведенія Изыщной Словесности. *Первое двадцатипятилѣтіе С. Петербургскаго Университета* и ежегодные съ 1840 г. отчеты Плетнева, заключаютъ въ себѣ драгоценныя матеріалы для исторіи С. Петербургскаго Университета. Подобные же отчеты составляются ежегодно съ 1842 года Плетневымъ, по званію Академика, о дѣйствіяхъ и трудахъ II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. Во всѣхъ этихъ отчетахъ, кромѣ свѣдѣній, непосредственно относящихся

* Къ каедрѣ Общенароднаго Правовѣднія относятся еще Общенародное Право и Дипломатія.

** Технологія для студентовъ временнаго реальнаго отдѣленія преподавалась уже съ 1840 года Преподавателемъ (нынѣ Экстраорд. Проф.) Усовымъ; см. ниже.

*** До его нынѣшняго возобновленія въ 1847 году.

къ предметамъ отчетовъ, помѣщено много прекрасныхъ біографическихъ очерковъ государственныхъ нашихъ сановниковъ и извѣстныхъ ученыхъ и литераторовъ. Въ числѣ прочихъ упоминаемъ о біографіяхъ Тайнаго Совѣтника М. А. Балугіанскаго, Графа Н. С. Мордвинова, Князя А. Н. Голицына, Графа Е. Ф. Канкринъ, Академика Тайнаго Совѣтника В. А. Полянова и бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія Князя Н. А. Шириискаго-Шихматова. Изъ отдѣльно напечатанныхъ біографій особенно замѣчательны составленныя Плетневымъ біографіи нашихъ особенно любимыхъ поэтовъ Крылова и Жуковскаго*.

2) Ординарный Профессоръ Русской Словесности Никитенко дѣйствовалъ и продолжаетъ дѣйствовать на одинаковомъ поприщѣ съ Ректоромъ Плетневымъ. Какъ ученый и литераторъ, Никитенко принялъ живое участіе почти во всѣхъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ**. Въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара всѣ статьи по части исторіи и теоріи Словесности Русской и всеобщей, помѣщенныя въ первыхъ одиннадцати томахъ, обработаны, а многія написаны Профессоромъ Никитенко. Журналъ: «Сынъ Отечества» находился подъ его редакціею въ 1840 и отчасти въ 1841 году. Изъ здѣсь большая часть статей по части критики и бібліографіи вышла изъ-подъ пера Профессора Никитенко, бывшаго кромѣ того редакторомъ журнала «Современникъ» съ 1847 и 1848 годахъ**.

Изъ отдѣльныхъ трудовъ его заслуживаетъ особаго вниманія разсужденія и статьи: а) *О творящей силѣ въ поэзіи*, 1836 г.; б) *О необходимости теоретическаго или философскаго изслѣдованія Литературы*, 1837 г.; в) *Похвальное слово Петру Великому*, 1838 г.; г) *О современномъ направленіи Отечественнаго Литературы* 1841 г.; д) *Введеніе въ Исторію Русской Литературы*, 1848 г.; е) *Василій Андреевичъ Жуковскій*, 1853 г. ж) *О началѣ въ наукѣ*, 1854 года.

3) Бывшій ординарный Профессоръ Сенковскій, редакторъ журнала: «Библиотека для чтенія» съ 1834 года по настоящее время, помѣстилъ въ немъ весьма много остроумныхъ критическихъ статей, извѣстныхъ всей читающей публикѣ. Повѣсти Сенковского, изданныя имъ частію подъ своимъ именемъ, а частію подъ псевдонимомъ Барона Брамбеуса, уже достаточно оцѣнены. Замѣчательны также труды Профессора Сенковского по части Исторіи. Сюда надобно отнести: 1) *Эймундову Сагу*, издаваную въ подлинникѣ съ предисловіемъ; 2) *Дополненіе къ Исторіи Гунновъ, Турокъ и Монголовъ*; 3) *Собраніе всего, что заключается въ Турецкихъ Исторіографіяхъ относительно Польской Исторіи*, 4) *Письмо Тюнтюнджи-Оглу*, Турецкаго фи-

* Біографія Жуковскаго помѣщена въ «Живописномъ Сборникѣ» Плюшара 1853 года.

** Между многими статьями его, помѣщенными въ разныхъ журналахъ, укажемъ между прочимъ на прекрасную біографію Елисаветы Кузьманъ (Библиотека для Чтенія 1834 года.

*** То есть въ первые, лучшіе годы этого журнала.

лософа, и многіе другіе (послѣднія три сочиненія напечатаны на Французскомъ языкѣ)

4) Ординарный Профессоръ Философіи (нынѣ Педагогій) Фишеръ занимался обработываніемъ разныхъ предметовъ по части Философіи и Педагогій. Въ этомъ отношеніи замѣчательны статьи его, помѣщенные въ журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія:

- а) *О новѣйшемъ Естественномъ Правѣ.*
- б) *О движеніи цивилизаціи въ Россіи и какъ ему должна содѣйствовать Философія.*
- в) *Введеніе въ Психологію.*
- г) *Взглядъ на психологическую теорію чувственнаго воспріятія.*
- д) *Вступительная лекція Теоретической Философіи.*
- е) *О сущности философіи и отношеніи ея къ положительному авторитету.*

Отдѣльно издано въ 1853 году руководство Профессора Фишера:
ж) *Elementarbuch der deutschen Sprache für die russische Jugend nach streng-synthetischer Methode.*

5) Ординарный Профессоръ Русской Исторіи Устряловъ оказалъ большія услуги изданіемъ важныхъ историческихъ документовъ, и составленіемъ руководствъ по части Русской Исторіи. Изъ историческихъ документовъ изданы Профессоромъ Устряловымъ:

- а) *Сказанія Князя Курбскаго, въ 2 томахъ.*
- б) *Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, въ 5 томахъ (переведенныя на Русскій языкъ и дополненныя критическими замѣчаніями).*

в) *Исторія Малороссіи Георгія Конисскаго, также съ примѣчаніями.*

Съ 1845 года Профессоръ Устряловъ занимается исключительно составленіемъ огромнаго и весьма важнаго труда: «*Исторіи Петра Великаго*», отрывки изъ которой были напечатаны въ «*Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*» **.

6) Бывшій Ординарный профессоръ и Ректоръ С. Петербургскаго Университета Шульгинъ преимущественно посвящалъ свою ученую дѣятельность Педагогической Литературѣ, которая обогатилась слѣдующими трудами его:

- а) *Исторію древнихъ Азіатскихъ и Африканскихъ Государствъ;*
- б) *Исторію Европейскихъ обществъ въ Средніе вѣка;*
- в) *Изображеніемъ характера и содержанія Исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ;*

(Всѣ эти труды служили руководствомъ для студентовъ);

* Изъ прочихъ трудовъ его упомянемъ о 1) *Карманной книгѣ для Русскихъ воиновъ въ Турціи*, составленной по Высочайшему повелѣнію, въ 2 частяхъ; 2) *Хаджи-Баба въ Испани*, — картинѣ Персидскихъ нравовъ, передѣланной изъ сочиненія Маріета 8 частей.

** Къ 1 Января 1854 г. приготовлены были уже три тома этого труда.

г) *Руководствомъ къ Всеобщей Географіи для среднихъ учебныхъ заведеній.*

Кромѣ того Шульгинъ, по званію Главнаго Наблюдателя за преподаваніемъ Исторіи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, составилъ подробный планъ преподаванія Всеобщей и Русской Исторіи, по Высочайшему повелѣнію въ 1835 г. принятый за руководство въ этихъ заведеніяхъ. Въ 1852 году Шульгинъ издалъ первую часть «*Руководства къ Русской Исторіи*», составленнаго имъ для военно-учебныхъ заведеній вмѣстѣ съ Наставникомъ-Наблюдателемъ по части Исторіи въ Школѣ Гвардейскихъ Подпоручиковъ Шакѣвымъ, получившимъ образованіе въ С. Петербургскомъ Университетѣ и временно въ 1838 году читавшимъ въ немъ лекціи Исторіи. Въ 1853 году вышло новое руководство Профессора Шульгина, заключающее въ себѣ первую половину Исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ. Трудъ этотъ раздѣлялъ съ нимъ получившій образованіе также въ С. Петерб. Университетѣ, Наставникъ-Наблюдатель 1-го Кадетскаго Корпуса Макинъ.

7) Ординарный Профессоръ Всеобщей Исторіи Куторга 2-й, издалъ отдѣльно и помѣстилъ въ разныхъ періодическихъ издавіяхъ, Русскихъ и иностранныхъ слѣдующіе труды:

а) *Исторію Аѳинской Республики отъ убіенія Гиппарха до смерти Мильтіада*, изданную въ 1849 году и увѣчанную отъ Академіи Наукъ Демидовскою премією.

б) *Исторію Папской власти до Карла Великаго и возстановленіе Западной Римской Имперіи* (въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1850 года).

в) *Лудовикъ XIV*, историческій очеркъ (въ «Современникѣ» 1843 года).

г) *О поэтической и философической сторонѣ Аѳинской образованности* (читано 8 Февраля 1843 г. на университетскомъ актѣ).

д) *Хронологическія розысканія, относящіяся къ событіямъ Персидской войны* (приготовлено для акта 1853 года).

е) *Политическое устройство Германцевъ до 6-го стол. по Р. Х.* (напечатано на счетъ Унив. въ 1837 г.).

ж) *Кольна и сословія Аттичскія* (напеч. на счетъ Унив. въ 1838 г.).

з) *Die Ansichten des Dikäarchos über den Ursprung der Gesellschaft nebst der Erklärung eines Fragments bei Stephanos v. Byzanz s. v. πάρα.*

и) *Beitrag zur Erklärung der vier aeltesten attischen Style* (оба послѣднія сочиненія напеч. въ 8 томѣ «Бюллетеня» по отдѣленію наукъ историческихъ и филологическихъ, изд. Акад. Наукъ).

8) Адъюнктъ по кафедрѣ Всеобщей Исторіи *Стасюлевичъ*, кромѣ диссертаций, написанныхъ на пріобрѣтеніе высшихъ ученыхъ степеней, извѣстенъ нѣсколькими критическими разборами, напечатанными въ «Москвитянинѣ» *.

* О диссертацияхъ Стасюлевича, см. въ именномъ спискѣ Докторовъ и Магистровъ въ

Исторія и Литература Славянских нарѣчій обработывались въ С. Петербургскомъ Университетѣ Преподавателемъ Прейсомъ и Экстраординарнымъ Профессоромъ Срезневскимъ.

11) Отъ Преподавателя Прейса, подававшего богатая надежды и, къ сожалѣнію, слишкомъ рано похищеннаго смертію, остались между прочимъ слѣдующія замѣчательныя изысканія, напечатанныя въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

а) *О Волохахъ Нестора*, 1387 г.

б) *Изображеніе Чернобога въ Бамбергѣ*, съ рисункомъ на деревѣ, 1838 г.

в) *О Глагольской письменности*, 1843 г.

г) *Объ эпической народной поэзіи Сербовъ*, 1845 г.

12) Многочисленные, ученые труды Экстраординарнаго Профессора и Академика Срезневскаго преимущественно напечатаны въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а въ послѣднее время помѣщаются и въ издаваемыхъ II-мъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ Извѣстіяхъ, находящихся съ 1852 года подъ его редакцію.

Къ важнѣйшимъ изъ этихъ трудовъ относятся:

а) *Извлеченія изъ Кралеводворской рукописи касательно религіозныхъ впрованій и обрядовъ* (Ж. М. Н. Пр. 1840 г.).

б) *О нарѣчійхъ Славянскихъ* (Ж. М. Н. Пр. 1841 г.).

в) *Историческій очеркъ Сербо-Лужицкой Литературы* (Ж. М. Н. Пр. 1844 г.).

г) *Изслѣдованія объ языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ*.

д) *Изслѣдованія о древнихъ письменахъ Славянскихъ*.

е) *Замѣчанія о трудахъ по части филологическаго изученія Церковно-Славянскаго языка и особенно о трудахъ Востокова* (въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣленія Академіи Наукъ 1852 года).

ж) *О новомъ Академическомъ Словарѣ*.

з) *Мысли объ Исторіи Русскаго языка* (1849 года).

и) *Изслѣдованія о рѣдной записи XIII вѣка* (въ «Запискахъ Археол. Общ.» 1852 года).

к) *О Прильвицкихъ древностяхъ* Ж. М. Н. Пр. 1852 г.).

Не менѣе замѣчательныя труды представлены Профессорами С. Петербургскаго Университета по части древней Филологіи:

13) Бывшій Ординарный Профессоръ и Академикъ Грефе, въ теченіе 45-лѣтней службы своей, одушевленнымъ чтеніемъ лекцій и учеными трудами способствовалъ весьма много развитію и водворенію у насъ основательнаго изученія древнихъ классиковъ, излагая ихъ въ критическомъ, грамматическомъ и историческомъ отношеніяхъ.

15) Бывшій Адъютантъ Греческаго языка Соколовъ составилъ извѣстное руководство къ переводамъ съ Русскаго языка на Греческій.

«Приложеніи подъ № 11». Кромѣ рецензій на труды Грановскаго, Куторги 2-го, Бабета, Стасюлевича напечаталъ статьи: 1) *Облака, комедія Аристофана и ея историческое значеніе* и 2) *Защита Кимонова мира*.

Пытливѣе преподаватели Римской и Греческой Словесности Экстраординарные Профессоры Благовѣщенскій и Штейнманъ, оба обязанные первоначальнымъ филологическимъ образованіемъ Профессорамъ Грефе и Фрейтагу, не смотря на кратковременность своей службы, успѣли уже обратить на себя вниманіе учеными трудами своими.

16) Экстраординарный Профессоръ Благовѣщенскій напечаталъ между прочимъ:

а) *О судьбахъ Римской Трагедіи* (въ Ж. М. Н. Пр. 1848 года.

б) *О иератикъ въ древнемъ Греческомъ искусствѣ* (1 томъ «Прописеевъ» 1851 года, изданный Профессоромъ Леонтьевымъ въ Москвѣ).

в) *О началѣ Римской Комедіи* } П т. «Прописеевъ» 1852 года.

г) *Ателланнъ.*

18) Адъюнктъ—Профессоръ Сухомлиновъ напечаталъ:

а) *О Вассіанъ, Русскомъ писателѣ XV вѣка.* (Въ Извѣстіяхъ II-го

б) *О древнихъ Русскихъ сборникахъ, называемыхъ Пчелами.* } Отъ Импер. Ак. Наукъ 1853 года.

По отдѣленію Восточной Словесности, Исторіи и Географіи Востока, труды Профессоровъ С. Петербургскаго Университета весьма разнообразны.

19) Ординарный Профессоръ и Академикъ Каземъ—Бекъ напечаталъ между прочимъ:

а) *Сравнительныя извлеченія изъ разныхъ писателей, относящіяся къ исторіи планетъ* (Ж. М. Н. Пр. 1835 г.).

б) *О появленіи и успѣхахъ Восточной Словесности въ Европѣ и упадкѣ ея въ Азіи* (Ж. М. Н. Пр. 1836 г.).

в) *Изслѣдованіе объ Уйгурахъ* (Ж. М. Н. Пр. 1841 г.).

г) *Дербендъ-Наме* (Исторію Дагестана и Дербента съ распространенія тамъ исламизма до XVII столѣтія), на Англійскомъ языкѣ съ переводомъ на Тюрко-Азербиджанское нарѣчіе, напеч. въ 1851 году на счетъ Академіи Наукъ.

д) *Курсъ Мугаммеданскаго законовѣдѣнія*, съ приложеніями на Арабскомъ языкѣ, составленный по желанію Хана Средней Киргизской Орды Джангира, 1845 года.

е) *Турецко-Татарскую Грамматику* 1839 г.).

ж) *Замѣчанія на неизвѣстную главу Корана* (Въ Парижемъ

з) *О ходѣ и успѣхахъ Мусульманскаго законовѣдѣнія.* } Азіатскомъ журналѣ.

и) *Письмо Хана Тохтамыша къ Ягайлу, Польскому Королю*, въ переводѣ на русскій языкъ съ Уйгурскаго и Татарскаго о. съ объясненіями и примѣчаніями.

Въ настоящее время Профессоръ Каземъ—Бекъ занимается обширными трудами: составленіемъ а) *Біографическаго Словаря замѣчательнѣйшихъ лицъ Востока*, на Арабскомъ языкѣ, который будетъ заключать въ себѣ имена и подвиги 40,000 лицъ и составитъ три то-

ма; и б) *Полной Библиографіи Востока*, также на Арабскомъ языкѣ.

21) Ординарный Профессоръ Шейхъ-Аядъ-Тантави издалъ:

а) *О прстонародномъ Арабскомъ нарѣчій*, на Арабскомъ языкѣ, съ переводомъ на Французскій языкъ. (*Traité de la langue arabe vulgaire* 1848 г.

б) Замѣчаніе на путешествіе Ибнъ-Джибайра (въ Парижскомъ Азіатскомъ Журналѣ) и

в) *Observations sur la traduction des vers Arabes se trouvant à la préface de la Géographie d'Abul-Féda et à la grammaire Arabe de M. le Baron de Sacy*. (Записки Императорской Академіи Наукъ 1852 г.).

22) Послѣ смерти Экстраординарнаго Профессора Диттеля остались два сочиненія:

а) *О діалектахъ Персіи* и

б) *Обозрѣніе трехгодичнаго путешествія по Востоку*.

23) Альюнкть-Профессоръ Чубиновъ составилъ:

а) *Грузинскій Словарь*,

б) *Грузинскую Грамматику* и

в) *Грузинскую Христоматію*,—труды, положившіе прочное основаніе изученію этого языка.

Кромѣ того Альюнкть Чубиновъ старался и объ ознакомленіи Русскихъ съ Грузинскою Литературою и Исторіею. Съ этою цѣлію онъ издалъ:

г) *Историческія записки Грузинскаго Царевича Теймураза*, обнимающія Исторію Грузіи отъ начала ея существованія до введенія Христіанства,

д) Написалъ разборъ Грузинской поэмы: *Вепхисъ Ткаосани* (Барсова кожа), въ Ж. М. Н. Пр. 1842 г.

е) По порученію Академіи Наукъ напечаталъ изъ Грузинскихъ лѣтописей: *Исторію Вахуштій*.

24) Альюнкть-Профессоръ Бероевъ составилъ *Начальныя основанія Гайканскаго (Армянскаго) языка* *.

25) Альюнкть-Профессоръ Будаговъ:

а) *Практическое руководство для изученія Татарскаго языка*, и

б) *Христоматію татарскаго языка*, съ словаремъ.

26) Альюнкть-Профессоръ Гинкуловъ составилъ:

а) *Начертаніе правилъ Волахо-Молдавской Грамматики* и

б) *Собраніе статей въ прозѣ и стихахъ для упражненія въ Волахо-Молдавскомъ языкѣ*.

1) Ординарный Профессора и Академикъ Ленцъ, извѣстенъ изданіемъ двухъ руководствъ, по справедливости считаемыхъ капитальными въ нашей Педагогической Литературѣ:

* Сочиненія г. Чубилова: «*Грузинскій Словарь*» и г. Бероева: «*Начальныя основанія Гайканскаго языка*» увѣнчаны Демидовскою преміею отъ Академіи Наукъ.

а) *Курса общей и частной Физики* для Гимназій и
 б) *Руководства къ Физической Географіи* для военно-учебныхъ заведеній, составленнаго по порученію Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича.

2) Ординарный Профессоръ и Академикъ Буныковскій также посвящалъ свои труды Педагогической Литературѣ. Въ этомъ отношеніи замѣчательны:

- а) *Теорія вѣроятностей*,
- б) *Математическій Словарь*, еще неоконченный,
- в) *Курсъ Ариѳметики*.

Изъ прочихъ многочисленныхъ трудовъ его, напечатанныхъ въ Бюллетеняхъ Академіи Наукъ и другихъ изданіяхъ, укажемъ на

а) разсужденіе: *Мысли о движеніи народонаселенія вообще*, гдѣ начала теоріи вѣроятностей примѣняются весьма удачно и остроумно къ вопросу о возрастаніи народонаселенія, занимавшему умы многихъ ученыхъ и государственныхъ людей (Ж. М. Н. Пр. 1851 года.

б) *О возможности введенія опредѣленныхъ мѣръ довѣрія къ результатамъ нѣкоторыхъ наукъ наблюдательныхъ и преимущественно Статистики* (въ Современникѣ 1848 года).

в) *О неопредѣленномъ анализѣ*.

3) Ординарный Профессоръ Соколовъ составилъ два превосходныхъ руководства по предметамъ своей науки:

- а) *Руководство къ Минералогіи*, напечатанное въ 1832 году и
- б) *Руководство къ Геогнозій*, въ 1842 году.

4) Ординарный Профессоръ Зоологіи Куторга 1-й, по дѣятельности своей, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ нашихъ ученыхъ. Труды его отличаются спеціальнымъ направленіемъ, критическимъ изслѣдованіемъ разныхъ предметовъ по части Зоологіи, Физиологіи и Анатоміи и объясненіемъ, на основаніи данныхъ, предлагаемыхъ наукою, различныхъ мѣстностей, преимущественно въ геогностическомъ, минералогическомъ и палеонтологическомъ отношеніяхъ. Поѣздки Профессора Куторги 1-го за границу и въ разныя мѣста Россіи доставили ему богатые матеріалы для подобныхъ изслѣдованій *). Собственно по Зоологіи, Физиологіи и Анатоміи извѣстны слѣдующіе его труды:

а) *De organis vocis & c. t.* 1832 (напечатано въ Дерятѣ, на степень Доктора Медицины).

б) *Scolopendrae morsitantis anatome cum tab.* III. С. Петербургъ 1834 года.

в) *Естественная Исторія наливочныхъ животныхъ*, съ атласомъ (Библіотека для Чтенія 1834 г.)

г) Это же сочиненіе издано на Нѣмецкомъ языкѣ въ Карлеруэ, въ 1841 г. подъ названіемъ: *Naturgeschichte der Infusorien* съ атласомъ.

д) *Zur Naturgeschichte der Phoca communis* (помѣщено въ Bulletin de la société des naturalistes de Moscou, 1839 г.)

* О поѣздкахъ этихъ сказано будетъ ниже.

е) *Zwei Beobachtungen der Knochenbrüche bei den Heerschnecken* (напечатано въ 1839 г. тамъ же).

ж) *Notiz über zwei Menschenschädel aus dem Gouvernement Minsk.*

з) *Лафатеръ и Галль* (Библиотека для Чтенія 1835 г.).

п) *Рука и нога человека* (тамъ же 1846 года).

і) *Общій законъ появленія, существованія и исчезанія организмовъ* (тамъ же 1850 г.).

Прочіе труды его по части Минералогіи, Геогнозіи и Палеонтологіи не напечатаны.

Ординарные Профессоры Шиховскій, Гофманъ и Сзвичъ занимались обработкою Педагогической Литературы и спеціальными изслѣдованіями по своимъ наукамъ, какъ показываютъ слѣдующіе труды ихъ:

5) Ординарнымъ Профессоромъ Шиховскимъ напечатаны:

а) *Руководство къ Практической Анатоміи* (переводъ).

б) *Ботаника* (переводъ изъ Де-Кандоля).

в) *Теорія Садоводства* (переводъ изъ Линдлея).

г) *Наставленіе о собираніи растений и систематическая роспись всѣхъ досель извѣстныхъ въ Россіи деревъ и кустарниковъ**

е) *Руководство къ Ботаникѣ для Гимназій.*

ж) *Біографія Де-Кандоля* (Ж. М. Н. Пр. 1843 г.)

з) *Воспоминанія о Линнеѣ, его ученіи, его школь въ Швеціи и нынѣшнемъ состояніи тамъ Ботаники* (читано на Университетскомъ актѣ 8 Февраля 1847 года).

п) *О Ботаникѣ, ея раздѣленіи и способъ ея изученія и преподаванія* (Ж. М. Н. Пр. 1835 г.)

к) *Викторія царственная, сродныя съ нею и нѣкоторыя другія красивыя и полезныя водяныя растения* («Живоп. Сборникъ» Плюшара 1853 г.)

л) *Описаніе растенія улюйки клубничконосной (ullucus suberosus zozano), вновь предлагаемаго суррогата картофеля* (Труды В. Э. Общества 1852 г.)

6) Ординарный Профессоръ Гофманъ издалъ:

а) *Руководство къ Минералогіи для Гимназій.*

б) *Путешествіе по Сибири* (на Нѣмецкомъ языкѣ).

в) *Kurze Uebersicht der geognostischen Verhältnisse des mittleren Uralgebirges.* 1838 г.

г) *Общую Ориктогнозію, или ученіе о признакахъ минераловъ* (напечатана на счетъ Университета Св. Владиміра 1840 г.)

д) *Ueber die Entdeckung edler Metalle in Russland und deren Ausbeute* 1846 г.)

Наковецъ Профессоръ Гофманъ былъ начальникомъ весьма важной ученой экспедиціи къ Уралу, о чемъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

*) Трудъ этотъ составленъ по порученію 3-го Департамента Министерства Государственныхъ Имуществъ въ 1845 году,

7) Ординарный Профессоръ Савичъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ Астрономовъ, составилъ слѣдующія руководства:

а) *Элементарный курсъ Математической Географіи и Космографіи* } Для военно-уч. заведеній.

в) *Приложеніе Практической Астрономіи къ опредѣленію географическаго положенія мѣстъ*, 1846 года; сочиненіе, удостоенное отъ Академіи Наукъ полной Демидовской преміи.

Кромѣ того имъ напечатано много частныхъ рецензій по предмету Астрономіи на Русскомъ, Нѣмецкомъ, Французскомъ и Англійскомъ языкахъ.

Путешествія Профессоръ С. Петербургскаго Университета съ ученою цѣлю, для обогащенія науки, сопровождался не менѣе плодотворными результатами.

1) Ординарный Профессоръ Зоологій Куторга 1-й, еще до поступленія на кафедру, совершилъ въ 1834 году путешествіе въ Крымъ съ Дерптскимъ Профессоромъ Физиологій Ратке. Взглядъ его на Тавричскій полуостровъ въ геогностическомъ отношеніи напечатанъ въ «Журн. М. Ш. Пр.» 1834 года.

Въ 1839 году Профессоръ Куторга, съ Высочайшаго соизволенія, провелъ 6 мѣсяцевъ за границей, гдѣ имъ произведены были изслѣдованія природы горъ Гарца, Швейцарскихъ Альповъ и Юры и осмотрѣны кабинеты Естественной Исторіи въ Берлинѣ и Парижѣ. Сопутникомъ Профессора Куторги былъ кандидатъ С. Петербургскаго Университета Зиновьевъ (*): Любопытныя замѣтки Профессора о результатахъ этого путешествія помѣщены въ «Журналахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1839 и 1840 годовъ. Но важнѣйшія изслѣдованія произведены были Профессоромъ Куторгой во время поѣздокъ его по С. Петербургской Губерніи и смежнымъ съ нею: Новгородской, Псковской, Олонцкой и по Финляндіи, въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ съ 1842 по 1853 годы. По ходатайству нынѣшняго Попечителя Округа, Профессоръ Куторга получалъ на поѣздки эти, имѣвшія цѣлю изслѣдованіе геогностическаго строенія почвы С. Петербургской Губерніи, ежегодное пособіе изъ суммъ Университета. Подробное свѣдѣніе о результатахъ наблюденій Профессора Куторги представлено въ программѣ геогностической карты С. Петербургской Губерніи, читанной на публичномъ актѣ Университета 8-го февраля 1852 года; нѣкоторыя же изъ наблюденій, какъ мы выше видѣли, помѣщены въ отчетахъ Минералогическаго Общества и протоколахъ его. Окончательнымъ плодомъ всѣхъ этихъ наблюденій была превосходно составленная геогностическая карта С. Петербургской Губерніи, напечатанная въ 1852 году на счетъ С. Петербургскаго Университета — приобрѣтеніе драгоцѣнное и для науки, и въ частномъ быту для сельскихъ хозяевъ (**). Вѣрное, на наукѣ основанное опредѣленіе качества почвы служитъ главнымъ условіемъ успѣхомъ земледѣлія — одного изъ важнѣйшихъ источниковъ народнаго

(*) Нынѣ Помощникъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.

(**) Карта эта удостоена Академіею Наукъ второй Демидовск. преміи въ 1853 г.

богатства, а потому нельзя не согласиться съ ученымъ Профессоромъ въ томъ, что «единственное надежное средство, ключъ къ опредѣленію значенія и богатства страны, есть точная и подробная геогностическая карта.» Какъ дополненіе къ этому важному труду готовится Профессоромъ Куторгой и геогностическое описаніе С. Петербургской Губерніи.

2) Ординарный Профессоръ Астрономіи Савичъ, еще до поступленія на кафедру, участвовалъ въ 1836 и 1837 годахъ вмѣстѣ съ Заблеромъ и Егоромъ Фуссомъ въ экспедиціи, снаряженной Академіею Наукъ для рѣшенія важнаго вопроса о разности уровней Азовскаго и Каспійскаго морей. Послѣ изслѣдованій, продолжавшихся полтора года, вопросъ этотъ разрѣшенъ былъ удовлетворительно. При этомъ были измѣрены главнѣйшія изъ вершинъ Кавказа и опредѣлено географическое положеніе по долготѣ и широтѣ весьма многихъ мѣстъ въ Екатеринославскій Губерніи, Землѣ Донскихъ Казаковъ и Кавказской Области (*). Въ 1843 году онъ принималъ участіе въ трудахъ Астрономовъ, назначенныхъ для опредѣленія разности долготъ обсерваторій Главной Пулковской и Альтовской, а въ 1851 году наблюдалъ солнечное затмѣніе въ Херсонской Губерніи. Сводъ наблюденій, произведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи надъ этимъ солнечнымъ затмѣніемъ по порученію Русскаго Географическаго Общества напечатанъ въ «Вѣстникѣ» его за 1851 годъ.

Къ разряду трудовъ Профессора Савича въ этомъ родѣ слѣдуетъ отнести и ученыя его наблюденія надъ планетами: Марсомъ, Меркуріемъ, Юпитеромъ, Сатурномъ, Ураномъ, Нептуномъ и нѣкоторыми малыми планетами, произведенныя съ 1843 года по настоящее время на Малой Академической Обсерваторіи, помощію меридіональнаго круга Эртеля. Результаты этихъ наблюденій помѣщены въ Нѣмецкомъ журналѣ Шумахера: «*Astronomische Nachrichten*» и въ Американскомъ журналѣ Гульда (Gould) «*Astronomical Journal*», гдѣ замѣчанія Профессора Савича о вычисленіи элементовъ орбиты Нептуна обратили на себя вниманіе знаменитаго Американскаго Астронома Вилькера. На Русскомъ языкѣ, изъ этихъ наблюденій, напечатаны наблюденія надъ Меркуріемъ и Юпитеромъ подъ названіемъ: «*О массахъ планетъ и въ особенности о массахъ Меркурія и Юпитера.*» въ Журналѣ М. Н. Пр. 1843 года. Наконецъ въ теченіе 1847 года Профессоръ Савичъ участвовалъ въ трудахъ Академика Петерса, при изслѣдованіи движенія кометы 1585 года по наблюденіямъ Тихо-де-Браге, для рѣшенія задачи, предложенной Королевскимъ Копенгагенскимъ Ученымъ Обществомъ, и удостоенъ награды золотою медалью, назначенною для этой цѣли покойнымъ Датскимъ Королемъ и присужденною отзывомъ знаменитаго Германскаго Геометра Гаусса.

3) Ординарный Профессоръ Шиховскій совершилъ, также по порученію вышшняго Попечителя С. Петербургскаго Учебнаго Округа, нѣсколько ученыхъ путешествій для изслѣдованій по части Ботаники:

(*) Главнѣйшіе результаты этихъ работъ изложены въ диссертациі Г. Савича на степень Доктора, написанной въ Дерптѣ въ 1839 году на Нѣмецкомъ языкѣ.

первое — въ 1846 году въ Швецію, второе — въ 1849 году на островъ Эзелъ и третье — въ 1850 году по нѣкоторымъ мѣстамъ С. Петербургской Губерніи, для изслѣдованія мѣстонахожденій и мѣстообитаній растений С. Петербургской флоры. Плодомъ этихъ путешествій было замѣчательное обогащеніе ботаническаго кабинета Университета новыми родами растений и важныя въ практическомъ отношеніи выводы о разведеніи нѣкоторыхъ растений на мѣстной почвѣ. (*)

4) Ординарный Профессоръ Минералогіи и Геогнозіи Гофманъ извѣстенъ нѣсколькими своими путешествіями для ученыхъ изслѣдованій. По окончаніи курса наукъ въ Дерптскомъ Университетѣ, онъ участвовалъ въ морскомъ путешествіи вокругъ свѣта на шлюпѣ: «Предпріятіе», подъ командою Капитана Коцебу, съ 28 іюля 1823 по 10 іюля 1826 года. За труды свои по этой экспедиціи онъ Высочайше пожалованъ былъ орденомъ Св. Владиміра 4 степени и ежегодною пенсіею въ 205 р. 71 к. сер., сверхъ получаемаго жалованья.

Въ 1828 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, Гофманъ, по Высочайшему повелѣнію, отправленъ былъ для геогностическихъ изысканій къ южному или Башкирскому Уралу, откуда возвратился въ октябрѣ 1829 года (**), и издалъ въ слѣдующемъ году въ Дерптѣ результаты своихъ изслѣдованій, обратившихъ на себя до такой степени вниманіе Министерства Финансовъ, что Гофманъ въ томъ же году, съ Высочайшаго соизволенія, отправленъ былъ для усовершенствованія въ теоретическихъ знаніяхъ въ Берлинъ, гдѣ оставался до осени 1832 года.

Въ 1838 году Гофманъ, бывшій уже Профессоромъ Университета Св. Владиміра, путешествовалъ, съ разрѣшенія Министра Народнаго Просвѣщенія, для геогностическихъ наблюденій по губерніямъ Кіевской, Херсонской, въ Крыму и въ окрестностяхъ Одессы (съ 1 іюня по 25 августа), а черезъ пять лѣтъ, въ 1843 г., по предложенію Министерства Финансовъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, осматривалъ въ геогностическомъ отношеніи Сибирскія золотыя росыпы (**). На кафедрѣ Минералогіи и Геогнозіи при С. Петербургскомъ Университетѣ, Профессоръ Гофманъ былъ опредѣленъ, какъ мы уже выше замѣтили, въ январѣ 1845 года.

Обширныя спеціальныя свѣдѣнія о Сибири и Уралѣ, приобрѣтенныя Профессоромъ во время его путешествій, были причиною того, что Императорское Русское Географическое Общество избрало его начальникомъ весьма важной экспедиціи, снаряженной съ Высочайшаго соизволенія, въ 1847 году, для изслѣдованія сѣверной оконечности Уральскаго хребта. Описаніе трудовъ этой экспедиціи, пролжавшейся съ марта 1847 года по ноябрѣ 1849 года, помѣщено въ «Вѣстникѣ Геогра-

(*) Выводы наблюденій Профессора Шиховскаго о послѣдней поѣздкѣ его помѣщены въ отчетѣ по С. Петербургскому Университету за 1831 годъ (Дѣла Совѣта).

(**) За труды по этому путешествію онъ награжденъ чиномъ Титулярнаго Совѣтника.

(**) По окончаніи этого порученія, Гофманъ, бывшій въ чинѣ Коллежскаго Совѣтника, переименованъ, по Высочайшему повелѣнію, во уваженіе многихъ ученыхъ трудовъ его по горной части, въ Полковника Горныхъ Инженеровъ (3 марта 1844 года).

фическаго Общества.» Не лишнимъ считаемъ здѣсь присовокупить, что въ числѣ ея членовъ для астрономическихъ наблюдений находился Кандидатъ С. Петербургскаго Университета Ковальскій, нынѣ Адъюнктъ-Профессоръ Казанскаго Университета. Въ 1850 году (съ 15 апрѣля по 1 сентября) Профессоръ Гофманъ, по порученію Географическаго Общества, вторично ѣздилъ на Уралъ для собранія нѣкоторыхъ дополнительныхъ свѣдѣній. Географическое Общество, съ соизволенія Предсѣдателя своего, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, признавая важныя заслуги Профессора Гофмана, удостоило его, за удачное совершеніе экспедиціи, награды Константиновскою медалью.

5) Ординарный Профессоръ Физики и Физической Географіи Ленць, еще до поступленія на кафедру, также совершилъ два путешествія съ ученою цѣлью: въ первый разъ вокругъ свѣта, вмѣстѣ съ Гофманомъ на шлюпѣ: «Предпріятіе,» находившемся подъ командою Капитанъ-Лейтенанта Коцебу, и былъ за ученые труды свои, по возвращеніи изъ экспедиціи въ 1826 году, также награжденъ, подобно Гофману, орденомъ Св. Владиміра 4 степени и прибавочнымъ жалованьемъ по 205 р. 74 к. сер. Второе путешествіе совершено было Ленцомъ въ 1829 году, по порученію Академіи Наукъ, къ окрестностямъ горы Эльбурса для изслѣдованія тамошней страны.

6) Экстраординарный Профессоръ Политической Экономіи и Статистики Порошинъ, предпринималъ путешествія съ ученою цѣлью въ 1838 году на Кавказъ, а въ 1842 году за границу — въ Германію, Швейцарію, Францію, Испанію, Англію и Бельгію, гдѣ преимущественно занимался наблюденіемъ за ходомъ преподаванія Политической Экономіи и Статистики. Черезъ два года потомъ Профессоръ Порошинъ, въ 1844 году, совершилъ поѣздку въ Парижъ и Берлинъ, гдѣ осматривалъ выставки промышленныхъ произведеній.

12) Въ 1852 году, съ Высочайшаго соизволенія, совершилъ путешествіе въ Германію, Францію и Англію, Экстраординарный Профессоръ Чебышевъ, для изслѣдованія наиболее замѣчательныхъ открытій въ области Практической Механики, которая составляетъ одинъ изъ предметовъ его преподаванія въ Университетѣ. Профессоръ Чебышевъ отправился за границу въ Іюнь мѣсяцѣ. Во Франціи онъ пробылъ около трехъ мѣсяцевъ. Первые шесть недѣль употреблены были имъ на обзорніе моделей и машинъ, находящихся въ Conservatoire des arts et métiers и фабрикъ въ Парижѣ и его окрестностяхъ. Желѣзная дорога С. Жермена доставила ему случай познакомиться съ устройствомъ атмосферическихъ желѣзныхъ дорогъ. Изъ всѣхъ паровыхъ машинъ, видѣнныхъ имъ, паровая машина этой дороги и машина Марли, извѣстная въ исторіи Практической Механики, представили ему наиболее средствъ усмотрѣть на опытѣ, отъ чего происходитъ несогласіе современной теоріи съ наблюденіями.

Послѣ того онъ отправился въ восточные департаменты Франціи. Между многими заводами здѣсь особенное вниманіе его обратили на себя заводы Гаянжа, близъ Меца, извѣстные превосходною обработкою

железныхъ рудъ и производствомъ многихъ машинъ. По возвращеніи изъ восточныхъ департаментовъ, онъ ѣздилъ въ южные до города Бордо. Здѣсь, между прочимъ, онъ обозрѣвалъ оружейный заводъ въ Шателеро, пушечно-литейный заводъ въ Рюеллѣ и знаменитыя бумажныя фабрики въ окрестностяхъ Ангулема, при чемъ Профессоръ нашелъ случай наблюдать дѣйствія турбинъ. Такимъ образомъ, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, онъ успѣлъ познакомиться со многими фабричными производствами во Франціи и приобрести многія практическія данныя касательно устройства машинъ и наиболѣе выгоднаго употребленія воды и пара, какъ двигателей. Между прочимъ, сличая размѣры составныхъ частей въ различныхъ паровыхъ машинахъ, онъ нашелъ данныя, необходимыя для изысканій его въ теоріи параллелограмма Уатта. Наблюденія надъ турбинами близъ Ангулема и вѣтренными мельницами Лилля, которыя обыкновенно ставятся въ примѣръ, доставили Профессору Чебышеву богатый матеріалъ для изысканій о работахъ этихъ двигателей и показали недостаточность современной теоріи объ этомъ предметѣ.

Кромѣ свѣдѣній по части Механики, бесѣды съ учеными Франціи доставили ему случай ознакомиться со взглядомъ ихъ на многіе предметы Чистой Математики и на вопросы, рѣшеніемъ которыхъ они занимаются въ настоящее время. Между прочимъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ Геометровъ Лиувилль изложилъ ему начала новой теоріи эллиптическихъ функцій. Съ своей стороны Профессоръ Чебышевъ напечаталъ во Франціи два мемуара, которые были представлены нашей Академіи Наукъ, и написалъ сочиненіе, въ которомъ окончательно рѣшилъ вопросъ объ интегрированіи двучленныхъ дифференціаловъ.

По пріѣздѣ въ Лондонъ, Профессоръ Чебышевъ обратился къ двумъ извѣстнымъ Англійскимъ Геометрамъ Сильвестру и Келе, съ которыми бесѣдовалъ о различныхъ вопросахъ Чистаго Анализа. При посредствѣ этихъ ученыхъ, онъ сблизился съ извѣстнымъ Инженеръ-Механикомъ Грегори. Узнавши о цѣли путешествія Профессора Чебышева и въ особенности о тѣхъ вопросахъ практической Механики, рѣшеніе которыхъ составляетъ предметъ его занятій Г. Грегори вызвался содѣйствовать молодому Профессору въ отысканіи на Лондонскихъ фабрикахъ предметовъ, необходимыхъ для него. Съ этою цѣлю онъ ѣздилъ съ нашимъ ученымъ на тѣ фабрики, гдѣ полагалъ найти паровыя машины, устроенныя самимъ Уаттомъ, — машины особенно интересныя, какъ данныя о правилахъ, которымъ слѣдовалъ самъ Уаттъ при устройствѣ параллелограммовъ (первая часть изысканія Г. Чебышева объ этихъ механизмахъ представлена уже въ Академію Наукъ). Оносительно производства машинъ, Грегори рекомендовалъ фабрики Мозле, Никера и Пена; на нихъ-то Профессоръ Чебышевъ и обратилъ особенное вниманіе. Къ сожалѣнію, по краткости срока своего путешествія, онъ не могъ быть въ Манчестерѣ, Бирмингамѣ и другихъ городахъ Англии, богатыхъ предметами по Практической Механикѣ.

16-го Октября Чебышевъ возвратился изъ Лондона въ Парижъ. Здѣсь, исполнивши порученіе, данное ему отъ Императорскаго Александровскаго Лицея относительно покупки различныхъ пособій для курса

Практической Механики, онъ воспользовался случаемъ быть у Г. Фуко и видѣть его новые опыты; 22-го Октября Профессоръ отправился по дорогѣ къ Брюсселю, гдѣ употребилъ двое сутокъ на осмотрѣніе богатаго музея машинъ и моделей. Изъ Брюсселя онъ направилъ путь въ Берлинъ, гдѣ познакомился съ извѣстнымъ Геометромъ Лежень-Дерихле, которому наука обязана началами приложенія исчисления безконечно-малыхъ къ теоріи чиселъ.

Изъ Берлина Г. Чебышевъ выѣхалъ 30 Октября и чрезъ Кенигсбергъ и Таурогенъ возвратился въ С. Петербургъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ *). Не смотря на кратковременность этого путешествія, Профессоръ Чебышевъ, при наблюдательности своей и огромныхъ знаніяхъ, успѣлъ собрать богатые матеріялы для своихъ изысканій, результаты которыхъ не замедлятъ обогатить науку, уже обязанную молодому ученому нѣсколькими замѣчательными трудами.

Мы должны также обратить вниманіе читателей на любопытныя приложенія, которыхъ въ этомъ обзорѣніи очень много.

Однимъ словомъ, книга г. Воронова заслуживаетъ безусловной похвалы и благодарности всѣхъ, кому дороги судьбы науки и русской словесности, какъ сборникъ официальныхъ матеріяловъ для будущей исторіи развитія русской цивилизаціи.

Путевыя записки русскаго художника *И. Захарова*, собранныя во время путешествія по Россіи, Турціи, Греціи, Италіи и Германіи. Спб. 1854 г. въ 12 д. Стр. 125.

Отчего у насъ такъ мало путевыхъ записокъ? Этого уже никакъ нельзя приписать тому, чтобъ у насъ было мало путешественниковъ; теперь кажется нѣтъ ни одного уголка на земномъ шарѣ не посѣщеннаго русскими; но отсутствіе этого рода литературы должно имѣть какія нибудь другія причины. Правда, что путешествія по Европѣ были многими у насъ описаны, но эти описанія по большей части касались гостиницъ, трактировъ, изрѣдка театровъ, и представляли города въ такихъ общихъ чертахъ, что Вѣна походила на Лондонъ, а Парижъ на Мюнхенъ, этнографіи же не было и въ поминѣ. Этихъ путешественниковъ и обвинять впрочемъ не слѣдуетъ, во-первыхъ потому, что пронесаясь по большимъ дорогамъ, они останавливались только въ столицахъ или большихъ городахъ, имѣющихъ очень много общаго; во-вторыхъ оттого, что большая часть изъ этихъ путешественниковъ были просто *туристы*, т. е. люди, не подготовленные къ путешествію предварительнымъ историческимъ изу-

(*) Заимствовано изъ донесеній Профессора Чебышева Попечителю С. Петерб. Учебнаго Округа. Отчетъ о путешествіи, представленный Министру Народнаго Просвѣщенія, заключаетъ въ себѣ много весьма любопытныхъ подробностей.

ченіемъ странъ и народовъ, которые они посѣщали. Оттого ихъ рассказы и ограничивались только тѣмъ, что въ такой-то гостиницѣ хорошій бифштексъ, и въ такой-то отличныя котлеты; тамъ великолѣпное помѣщеніе, а тамъ номера грязны; въ одномъ городѣ торгуются въ магазинахъ, а въ другомъ не торгуются; такая-то пѣвица поетъ отлично, а такая-то пользуется не заслуженной славой; по такой-то желѣзной дорогѣ ѣдутъ быстро, а по такой-то медленно, и т. д. Вотъ и все данныя, въ которыхъ непременно главную роль играетъ собственная личность путешественника. Конечно, подобныя записки не только не интересны, а напротивъ наводятъ страшную скуку. Притомъ же по Европѣ ѣздить или богатые люди для разсѣянія, которымъ некогда писать записокъ, да еслибъ и было время, то они не стали бы тратить его на это занятіе, или страдающіе какимъ нибудь недугомъ и проживающіе лѣто на водахъ, а зиму гдѣ нибудь въ тепломъ климатѣ. Последнимъ, конечно, предстоитъ больше возможности вести дорожныя записки; но этого тоже почти не случается. Намъ кажется, что записки и объ Европѣ получили бы въ высшей степени занимательность, еслибъ гг. путешественники попробовали смотрѣть на предметъ съ другой точки зрѣнія, еслибъ они обратили вниманіе на развитіе наукъ и промышленности и представляли бы намъ хоть вѣрные очерки дѣйствительности, не впадая въ излишній лиризмъ и вмѣстѣ не становясь на модныя ходули статистики. Намъ необходима простота въ изложеніи, факты, какіе попадаютъ въ натурѣ, а не въ воображеніи пишущаго; пожалуй, даже и историческія свѣдѣнія, если они почерпнуты изъ вѣрныхъ источниковъ, а не изъ досуговой памяти чичероне. Летучая статистика тоже ни чуть незанимательна. Эти ряды цифръ, взятыхъ Богъ знаетъ откуда, эта обычная постройка фразъ, испещренныхъ ариметическими знаками, по нашему мнѣнію, вещь лишняя въ путевыхъ запискахъ. Для статистики во-первыхъ нужно серьезное знаніе предмета, основанное на глубокомъ изученіи, во-вторыхъ и долговременное пребываніе въ краю, дающее возможность строго обдумывать и взвѣшивать каждое обстоятельство. Схватывать же на лету статистическія свѣдѣнія и записывать ихъ какъ попало, иногда не понимая даже первыхъ началъ экономіи, и перемѣшивать все это своими разсужденіями, вымысливъ кое какія приключенія съ своей особой, значитъ переливать изъ пустаго въ порожнее. Мы видимъ иногда, что нѣкоторые господа, пишущіе подобныя замѣтки и о своемъ отечествѣ, попадаютъ часто въ ужасныя промахи, потому что проѣзжая на почтовыхъ, выдаютъ за аксіомы свои поверхностныя наблюденія: что же можетъ случиться съ замѣтками въ чужомъ краю, языкъ котораго едва извѣстенъ, а часто и совершенно не знакомъ пу-

тешественнику! Мы не говоримъ о путешествіяхъ съ ученою цѣлью, это дѣло другое: здѣсь ничего нѣтъ лишняго, ничего неумѣтнаго; но подобныя путешествія интересны только по одному какому нибудь предмету, и то для специалистовъ.

При видѣ книжечки г. Захарова, признаемся, мы подумали, что художнику, отправляющемуся за границу, ближе всего было бы знакомить насъ съ нравами народовъ, потому что художникъ болѣе другихъ имѣетъ средствъ и необходимости быть въ соприкосновеніи съ туземцами, и по призванію долженъ быть одаренъ болѣею наблюдательностью. Къ сожалѣнію однако же, художники довольно скупы въ этомъ отношеніи: потому ли, что имъ некогда вести записки, или, можетъ быть, лѣнь приниматься за перо, или наконецъ не хочется пускаться въ литературу, по случаю кажущейся трудности писать для печати. Въ послѣднемъ случаѣ казалось бы бояться ровно нечего, потому что каждый образованный человѣкъ въ состояніи писать для печати, если только онъ не станетъ подниматься на ходули, гоняясь за высокимъ сло-гомъ, а начнетъ писать просто, подобно тому какъ описывается въ письмахъ все видѣнное или слышанное. Записки же художника, кромѣ интереса общаго имѣли бы еще частную занимательность, знакомя насъ съ современнымъ состояніемъ искусства разныхъ народовъ, съ приемами художниковъ, съ развитіемъ народа въ этомъ отношеніи, и наконецъ съ произведеніями кисти и рѣзца, разбросанными по образованнымъ государствамъ. Надѣясь все это встрѣтить въ *Путевыхъ запискахъ русскаго художника*, мы съ удовольствіемъ развернули книжечку г. Захарова, и въ коротенькомъ объясненіи, замѣняющемъ предисловіе, прочли слѣдующее:

«Мою наглядность, мои замѣтки и впечатлѣніе, я *радушно* (?) передаю, какъ видѣлъ, (трудно видѣть собственную наглядность) моимъ соотечественникамъ, и вотъ первый томикъ, начало моихъ «Путевыхъ записокъ.» Отъ вниманія публики зависитъ продолженіе выпусковъ въ свѣтъ этихъ томиковъ (немножко темно), которыя (е) постепенно будутъ украшаться портретами и, къ тексту, отдѣльными большими этампами.

Я художникъ, за литературною славой не гоняюсь; не осудите, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.»

Жаль, что г. Захаровъ не приложилъ и къ настоящему томику хоть политическихъ рисунковъ, которыхъ читатель вправе ожидать по смыслу объясненія.

Авторъ набросалъ свои записки отдѣльными эпизодами, рассказывая вездѣ только собственные приключенія, которыя, въ особенности въ

Константинополь, хотя и довольно занимательны, однако не представляют той занимательности, какую могъ бы сообщить человекъ, и еще художникъ, имѣющій случай бесѣдовать съ султаномъ и даже писать портретъ съ его старшаго сына. Оканчивая вторую главу, авторъ говоритъ:

«Я каждый день осматривалъ что нибудь замѣчательное въ Константинополь: видѣлъ *внутренности* (ь) всѣхъ дворцовъ султанскихъ, внутреннюю жизнь гаремовъ, семейную жизнь султана, его дѣтей, ихъ занятія, посѣщалъ учебныя заведенія, фабрики, заводы, адмиралтейство, корабли, казармы, солдатъ, крѣпости и укрѣпленія; слышалъ разсказъ о похищеніи любимой одалиски султана Махмуда; видѣлъ разные обряды, праздники, церемоніи, вооруженія, арсеналъ, рѣдкости; посѣщалъ Порту, гдѣ собирается государственный совѣтъ, а сколько было приключеній въ Главной мечети, въ (на) базарѣ, въ мечети дервишей, съ разбойниками, на базарѣ съ невольницами въ Смирнѣ, и проч.; но обо всемъ этомъ разскажу въ другой разъ, (стр. 20).

Намъ кажется, слѣдовало бы уже отдѣлить одну часть записокъ, назначивъ ее для описанія Константинополя, а потомъ разсказывать о другихъ мѣстахъ; но авторъ, написавъ полкниги о Константинополь, говоритъ совсѣмъ другое, потомъ ѣдетъ въ Грецію и вдругъ пустился въ Бѣлоруссію, о которой поразсказалъ нѣсколько анекдотовъ о волкахъ и медвѣдяхъ, анекдотовъ, извѣстныхъ еще нашимъ отцамъ и столько разъ печатанныхъ въ смѣси повременныхъ изданій, начиная отъ первыхъ годовъ текущаго столѣтія, до нашихъ временъ включительно. Авторъ иногда коснется самаго любопытнаго предмета, вы ждете, что вотъ онъ, какъ знатокъ, подаритъ васъ занимательною страницей, не тутъ-то было: г. Захаровъ вдругъ заговорить о себѣ—и баста.

Напримѣръ, въ числѣ пашей, съ которыми познакомился г. Захаровъ, онъ упоминаетъ о Тефикъ пашѣ, придворномъ живописцѣ (стр. 40) и ни слова не сказалъ ни о турецкой живописи, ни о тамошнихъ художникахъ, ни даже о томъ, любятъ ли турки это искусство, и въ какомъ видѣ оно у Османовъ.

Но мы нисколько не думаемъ этимъ сказать, что книга г. Захарова не интересна, напротивъ, она читается съ удовольствіемъ, и если бы написано было глаже, да поменьше встрѣчалось опечатокъ, «Путевыя записки русскаго художника» понравились бы весьма многимъ.

Вотъ напр. интересное мѣсто (стр. 18, 19. 20).

«Предмѣстье Пера—Греческое названіе, означаетъ противоположную, Стамбулу, сторону, раздѣляющуюся Золотымъ Рогомъ. Въ Перѣ нѣтъ

почти ни одного дома Турецкаго—въ Европейскіе, а посольства имѣютъ, кромѣ домовъ посланниковъ, каждое свою почтовую контору, свою коммерческую канцелярію, свой драгоманатъ. Въ Перѣ есть также много большихъ, каменныхъ строеній купеческихъ, порядочныя гостиницы, кофейни, театръ, въ которомъ даются Итальянскія оперы, циркъ сколоченный изъ досокъ, но труппа имѣется очень порядочная. Чтобы насладиться несравненнымъ видомъ Константинополя и не разочароваться впечатлѣніемъ, производимымъ имъ на каждого путешественника, нужно вѣхаться въ Босфоръ ночью, рано утромъ подѣхаться къ Константинополю, осмотрѣть его кругомъ и отправиться назадъ, тогда дѣйствительно можно сказать, что видѣлъ волшебный городъ. Но лишь только сошелъ на берегъ—пропало очарованіе! Вездѣ грязь, толкотня, безпорядокъ въ постройкѣ домовъ и лавокъ; улицы узкія, неправильныя, тянутся съ горы на гору, съ многочисленными переулками, словомъ—такой лабиринтъ, что въ первый разъ никакъ нельзя пройти не заблудившись. Передъ Топханію пароходъ нашъ остановился, и я съ этого времени простился съ нимъ и поселился въ гостиницѣ. На другое утро я отправился осматривать городъ, кофейни, цирюльни и проч. Въ этотъ день была сильная буря, а потому я и не рѣшался отходить отъ своей квартиры далеко и надолго. Проходя мимо одного возвышеннаго мѣста, откуда открывается весь Босфоръ и часть Мраморнаго-Моря, я увидѣлъ на этомъ мѣстѣ множество собравшагося народа разныхъ націй, смотрящаго на Босфоръ. Въ Босфорѣ видѣнъ былъ военный бригъ, шедшій изъ Мраморнаго-Моря и силлившійся войти въ проливъ: но войти въ него не было никакой возможности, потому что дулъ сильный противный вѣтеръ, въ проливѣ же проходъ узкій, а теченіе чрезвычайно-быстрое. Вотъ почему почти цѣлый городъ съ любопытствомъ смотрѣлъ, чѣмъ кончатся развязка, а еще болѣе потому, что каждый изъ зрителей непременно бывалъ нѣсколько разъ и въ разныхъ обстоятельствахъ на морѣ, и всѣ зрители принимали живое участіе въ бригѣ. Долго бригъ мучился,—по-крайней-мѣрѣ часа два; какія мѣры онъ ни принималъ, чтобъ войти въ проливъ, но все теченіемъ и бурей относило его назадъ: наконецъ. въ послѣдній разъ его отнесло такъ далеко въ Мраморное-Море, что всѣ подумали, бригъ отказался отъ всякаго покушенія войти въ проливъ. Вдругъ видимъ—бригъ несется на всѣхъ парусахъ на перерѣзъ вѣтру, и добрался почти до Леандровой Башни, а оттуда, въ одну минуту, переѣхавъ паруса на другой бокъ, опять на всѣхъ парусахъ понесся прямо къ Топханѣ, въ одну минуту остановился, спустилъ якорь, паруса долой, и началъ палить изъ пушекъ. Изъ Топханы тоже отвѣчали выстрѣлами; послѣ салютовъ, изъ разсѣвашагося дыму показался Русскій флагъ—то былъ Русскій бригъ «Тезей», пришедшій изъ Греціи въ Константинополь и такимъ блистательнымъ образомъ вошедшій въ проливъ! Не повѣрите, какой восторгъ произвелъ въ зрителяхъ бригъ своимъ приходомъ! Воскличаніямъ, говору, рукоплесканіямъ—не было конца, и послѣ того цѣлую недѣлю въ обществахъ, въ кофейняхъ, вездѣ только и было слышно разговора, какъ Русскій бригъ молодецки вошелъ въ проливъ. Непонимая дѣла, кажетъ

ся—чѣму бы тутъ удивляться, какъ ни вошелъ бригъ въ проливъ; мудро или немудро—что кому за дѣло? но какъ большая часть зрителей были все моряки, хорошо понимавшіе трудность совершеннаго бригомъ, то и приняли съ восторгомъ фактъ, выходявшій изъ круга обыкновенныхъ дѣйствій.»

Интересно также описаніе дѣтей султана (стр. 41, 42, 43, 44.)

«Сафетъ-Эфенди тотчасъ пришелъ за нами и пригласилъ насъ слѣдовать за собою во внутренность дворца. Мы вошли въ комнаты, расположенныя въ первомъ этажѣ. Эти комнаты хотя находятся въ отдѣленіи занимаемомъ султаномъ, но онѣ предназначены собственно для султанскихъ дѣтей. Султанскія дѣти постоянно находятся при матеряхъ, въ особомъ отдѣленіи, т. е. въ гаремѣ, исключеніе заключается въ томъ, что они каждое утро, къ десяти часамъ, должны являться въ эти комнаты и учиться тутъ до двѣнадцати часовъ, а потомъ отправляются на свою половину обѣдать, и уже остаются тамъ до слѣдующаго утра; всѣ дни, исключая пятницъ и другихъ праздниковъ, распределены у нихъ по предметамъ, для изученія которыхъ въ назначенные дни являются поочередно профессора. Первоначальное образованіе дѣтей султана заключается въ словесности: Турецкой, Арабской и Персидской и каллиграфіи, потомъ преподаются постепенныя отрасли другихъ наукъ и французскій языкъ, которому учатъ учителя изъ Турокъ, восмитающиеся за границу, но никакой учитель изъ иностранцевъ къ дѣтямъ султана не допускается. Сафетъ-Эфенди привелъ насъ въ класную комнату, гдѣ я и нашелъ обоихъ сыновей султана—старшаго Мурада и младшаго Хамида-Эфенди, и дочь Оатыму-Султанъ, послѣдніе двое занимались науками каждый съ своимъ учителемъ, но какъ Султану-Мураду назначено было это время для сеанса, то его учителя, въ это время, не было; но лала, или дядька, и карлики, какъ при Султанѣ-Мурадѣ, такъ и при Хамидѣ-Эфенди находились тутъ же. Обязанность дядекъ состоитъ въ томъ, чтобы они сопутствовали своему питомцу, который безъ него (ихъ?) не долженъ ничего начинать дѣлать, или одинъ по своей волѣ куда либо выйти, а карлики обязаны забавлять и потѣшать своихъ Эфенди; при одной только Оатымъ-Султанъ никого не было, ни дядьки и даже никакой женщины.

«При входѣ въ класную комнату Сафетъ-Эфенди сказалъ мнѣ, что здѣсь назначено писать портретъ.

«Сафетъ-Эфенди (,) взявъ рисунокъ, отрекомендовалъ меня каждому изъ дѣтей султана, приказалъ принести столъ и стулья, и поспѣшно отправился къ султану съ рисункомъ.

«Тутъ на свободѣ я сталъ разсматривать все мною мелькомъ видѣнное, начавъ съ самой комнаты. Покой этотъ былъ довольно просторный, о трехъ окнахъ, около стѣнъ находился широкій диванъ, покрытый краснымъ сукномъ, на стѣнѣ, противоположенной (!) окнамъ, былъ выступъ, въ родѣ каминна, въ которомъ помѣщено большое зеркало, на окнахъ повѣшены занавѣсы въ европейскохъ вкусѣ, на полу лежалъ богатый ко-

верь, на которомъ разставлены были шкатулки, вышитыя разными узорами золотомъ; въ шкатулкахъ хранятся книги, тетради и всё принадлежности учебной части; на диванѣ сидѣли Хамидъ-Эфенди и Оатыма-Султанъ, сложа по турецки ноги, на которыхъ они держали книги, или тетради, учитель же сидѣлъ подаѣ, поджавъ въ лакомъ же положеніи ноги, съ книгою въ рукахъ, по которой и преподавалъ. Физиономія Оатымы-Султанъ вовсе не имѣеть азіятекаго типа, у ней глаза голубые, брови и волосы русые, послѣдніе не длинны и не заплетенные въ косы, а просто распущены, которыми и закрывается часть лица, почему сначала и нельзя было опредѣлить ея физиономіи, но потомъ разсмотрѣвъ ее внимательно, я увидѣлъ пріятное нѣжное личико, правильные: носикъ и губки; костюмъ Оатымы-Султанъ состоялъ изъ широкаго, не слишкомъ длиннаго платья, съ широкими рукавами изъ атласной матеріи фіалетоваго цвѣта; поверхъ талии надѣта была курточка изъ малиноваго бархата, вышитая на груди и узенькихъ короткихъ рукавахъ серебромъ; за тѣмъ шелковые шаровары и богато вышитые золотомъ и шелками паучи или башмаки, съ острыми носками; головной ея уборъ состоялъ изъ красной фески, обвязанной маленькимъ шелковымъ платочкомъ, концы котораго оторочены золотую бахромкою, къ платочку, спереди, прикрѣпленъ брилліантовый знакъ, на подобіе пера. Парадный костюмъ сыновей султана—мундиръ богато-шитый золотомъ, а на шею надѣвается нишанъ-ифтигаръ весь осыпанный брилліантами, изображающій звѣзду особой принадлежащей только султанской фамиліи формы, во многомъ отличающейся отъ прочихъ нишановъ, жалуемыхъ сановникамъ. Вседневный же костюмъ Султанъ-Мурада и Хамидъ-Эфенди состоитъ изъ простаго суконнаго кафтанчика чернаго цвѣта и суконныхъ же панталонъ со штрипками, какогонибудь свѣтлаго цвѣта. Изъ дѣтей султана, какъ я уже и сказалъ, болѣе другихъ похожъ на него Султанъ-Мурадъ; но Хамидъ-Эфенди мало имѣеть сходства съ султаномъ; у него правильныя черты лица, выразительная, серьезная, или задумчивая физиономія; я тотчасъ прозвалъ его философомъ, и это ему тутъ же было переведено моимъ драгоманомъ. Лѣтами егарше обоихъ братьевъ Оатыма-Султанъ; ей, въ то время, было лѣтъ около тринадцати; вообще весь станъ ея уже видимо формировался.

«Такимъ образомъ все было обсуждено и рѣшено, и я началъ писать портретъ съ Султана-Мурада, посадивъ его на обыкновенный европейскій стулъ. Братъ и сестра Мурада и учителя смотрѣли на насъ со вниманіемъ въ продолженіе цѣлаго сеанса; имъ любопытно было смотрѣть, какъ я начинаю работу. Сеансъ продолжался не болѣе часа, но я еще при началѣ работы замѣтилъ, что Мурадъ съ крайнимъ трудомъ сидѣлъ на одномъ мѣстѣ и не въ обычномъ для него европейскомъ положеніи, а потому и поспѣшилъ кончить сеансъ; объявилъ ему это; онъ тотчасъ всталъ и, подойдя ко мнѣ, началъ съ любопытствомъ разсматривать, что я сдѣлалъ и какъ работаю, при чемъ разспрашивалъ, какою краскою, гдѣ и что нужно дѣлать. Сафетъ-Эфенди поднесъ эту мою начальную работу Оатымъ-Султанъ и Хамидъ-Эфенди, и объявилъ имъ, что это портретъ (по турецки суретъ), но только еще на-

чатый, въ которомъ не сдѣлано ни фески, ни платья, словомъ—нѣтъ еще ничего окончательнаго; когда же онъ будетъ оконченъ тогда явится; какъ живой, другой Султанъ—Мурадъ.»

Вся XI глава посвящена воспоминанію о А. Э. Варпаховскомъ.

А вотъ и любопытный случай, который отчасти рисуетъ нравы константинопольскіе. (Стр. 58, 59, 60, 61, 62).»

«Я почти каждый вечеръ ходилъ на плацъ, чтобъ посмотрѣть на церемонію и полюбоваться захожденіемъ солнца;—сяду, бывало, у кофейни на табуретѣ, велю подать себѣ кофе и смотрю, часа два, какъ солнце постепенно закатывается за горы, какъ меркнетъ мало-по-малу свѣтъ его лучей, пока наконецъ наступитъ совершенная темнота и вся природа погрузится въ глубокой сонъ. Я не могу описать того душевнаго наслажденія, какое ощущалъ всегда при разсматриваніи этой дивной картины, на описанномъ мѣстѣ у кофейни. Видъ кладбища, кипарисовая роща, бѣлые мраморные памятники, проглядывающіе между деревьевъ, тишина и полусвѣтъ—вся эта обстановка такъ хороша, что невольно переносишься мыслію въ какой-то особенный, фантастическій міръ.

«Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, я отправился на плацъ съ товарищемъ, служащимъ при коммерческой канцеляріи; мы пошли по дорогѣ, ведущей за городъ, мимо *большой камы*. Разговаривая между собою, мы и не замѣтили, что зашли слишкомъ далеко, и что было уже поздно, около десяти часовъ, между тѣмъ какъ въ Константинополь, послѣ девяти часовъ вечера, запрещается ходить по улицамъ, исключая какой нибудь особенной надобности, но и то должно идти нешремѣнно съ фонаремъ, иначе берутъ въ полицію всякаго, какого бы онъ званія ни былъ и по какому бы важному дѣлу ни шелъ. Товарищъ мой первый вспомнилъ объ этомъ и мы поспѣшили воротиться, чтобъ купить фонарь въ какой-нибудь табачной лавочкѣ (фонари въ Константинополь употребляются бумажные и продаются по три копѣйки серебромъ). Не успѣли мы повернуть за уголъ, какъ изъ-за стѣны полуразвалившагося дома показался свѣтъ, и вслѣдъ затѣмъ вышли три человѣка съ фонарями, одѣтые въ турецкое платье и вооруженные длинными кинжалами, похожими на большіе охотничьи ножи. Одинъ изъ этихъ неизвѣстныхъ людей подошелъ прямо къ намъ и поднесъ фонарь къ лицу моего товарища, который былъ ниже меня ростомъ: товарищъ, умѣвшій хорошо говорить по-турецки и по-гречески, не потерялъ присутствія духа и началъ здороваться съ подошедшимъ какъ съ старымъ знакомымъ, говоря, что онъ видѣлъ его гдѣ-то, только не помнитъ въ какомъ именно мѣстѣ. Всмотрѣвшись пристально въ лицо моего товарища, неизвѣстный человѣкъ заговорилъ въ свою очередь и началъ здороваться; остальные двое во все продолженіе разговора стояли поодаль, безъ малѣйшаго движенія. Наконецъ человѣкъ, державшій фонарь, отошелъ, и мы отправились домой. «Знаешь ли, что это за люди?» спросилъ меня дорогою товарищъ.—«Вѣ-

роятно, твои знакомые», отвѣчалъ я. «Какіе знакомые! я ихъ вовсе незнаю, но судя по вооруженію и костюму, думаю, что это наемные убійцы. Хорошо еще, что они не обознались и не приняли насъ за тѣхъ, кого искали; иначе намъ пришлось бы плохо».

«Разговаривая такимъ-образомъ, мы оглянулись, и увидѣвъ шедшаго влѣдъ за ними человѣка съ фонаремъ, поспѣшили къ казармамъ, гдѣ остановились, чтобы посмотреть, преслѣдуетъ ли насъ фонарь; огонекъ постепенно приближался къ намъ, и мы заключили, что за нами слѣдуетъ не разбойникъ, а какой-нибудь мирный прохожій. Мы не ошиблись, и товарищъ мой узналъ въ этомъ прохожемъ одного изъ своихъ знакомыхъ, г. Н... съ которымъ мы и отправились въ городъ, подъ защитою его фонаря, не опасаясь уже ночевать въ полиціи. Мы спросили его, не видаль ли онъ кого-либо около стѣны разваливагося дома, и когда онъ отвѣчалъ отрицательно, то мы рассказали ему о нашей встрѣчѣ. Н... не безъ ужаса выслушалъ этотъ разсказъ и посоветовалъ намъ быть впередъ осторожнѣе и не ходить поздно вечеромъ по отдаленнымъ улицамъ города. Товарищъ мой призадумался, но на меня этотъ разговоръ не произвелъ никакого особаго впечатлѣнія, потому-что я не вѣрилъ въ существованіе подкупныхъ убійцъ; притомъ же мы такъ счастливо и легко отдѣлались, что вся эта исторія казалась мнѣ шуткой. Спустя два или три дня послѣ этого приключенія, я проходилъ изъ Перы въ Галату, въ двѣнадцатомъ часу утра, по одной узкой и глухой улицѣ; напротивъ меня, саженьхъ въ двадцати, поднимался на гору человѣкъ въ европейскомъ костюмѣ; лишь только онъ поравнялся съ переулкомъ, пересѣкающимъ улицу, какъ вдругъ изъ-за угла выскочилъ какой-то мужчина, ударилъ его въ бокъ кинжаломъ и тотчасъ скрылся. Раненый едва могъ вскрикнуть и повалился на землю; вскорѣ явилась полиція и нашла раненаго едва дышущимъ. Къ утру слѣдующаго дня несчастный скончался; то былъ извѣстный адвокатъ Лоски, о смерти котораго извѣщали потомъ въ разныхъ европейскихъ газетахъ.— Между тѣмъ преступникъ былъ схваченъ и преданъ суду; но судъ за убійство въ Турціи коротокъ: преступника ведутъ скованнаго на мѣсто преступленія и тотчасъ же предають смерти. Тѣло преступника остается нѣкоторое время на мѣстѣ казни, и потомъ уже его зарываютъ въ землю. Послѣ такого злодѣянія, совершившагося передъ моими глазами, среди бѣлаго дня, я сдѣлался осторожнѣй и пересталъ ходить по захолустьямъ Константинополя не только вечеромъ, но даже днемъ.

Вообще книга не можетъ похвалиться чистотою языка, что легко могло бы быть устранено, при внимательномъ пересмотрѣ рукописи, или даже исправлено въ корректурѣ. По обязанности рецензента, мы приведемъ нѣсколько мѣстъ, подкрѣпляющихъ наше мнѣніе.

«Дома у грековъ и у турокъ построены не такъ какъ у европейцевъ (какъ будто турки и греки азіатцы), безъ печей и безъ дворовъ» и т. д. (Стр. 9). Понять можно, что хотѣлъ сказать авторъ, т. е. что у турковъ и грековъ постройка домовъ совсѣмъ другая, чѣмъ у осталь

ныхъ европейцевъ, что ихъ дома безъ печей и безъ дворовъ и т. д. По смыслу же фразы выходитъ, что европейцы строятъ домъ описаннымъ способомъ.

«Предмѣстье Пера—греческое названіе означаетъ (?) противоположную, Стамбулу, сторону, раздѣляющуюся Золотымъ Рогомъ» (стр. 18). Предмѣстье означаетъ сторону, раздѣляющуюся заливомъ.

Описывая пашей, съ которыми авторъ познакомился и перечисляя красивыхъ мужчинъ, онъ говоритъ: «но красивѣйшій изъ всѣхъ, это военный министръ Мехмедъ-Али-Паша, зять султана, высокаго роста мужчина, имѣющій гордую, но непривлекательную физиономію.» (стр. 40). Красивѣйшій изъ всѣхъ, но съ непривлекательной физиономіей!

«На стѣнѣ, противоположенной окнамъ и т. д.» (стр. 42) нельзя такъ выразиться.

Станнымъ также показалось намъ одно обстоятельство. На стр. 94 авторъ рассказываетъ, что на пароходѣ во время переезда изъ Константинополя въ Афины, онъ познакомился съ бывшимъ капитаномъ Венгерской артиллеріи Словакомъ Константиномъ. «Хотя я и не зналъ хорошо словакаго языка» говоритъ авторъ, «но понимать могъ почти все, потому что словацкій языкъ очень сходенъ съ нашимъ церковно-славянскимъ.»

Никакого нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что словацкій языкъ имѣетъ сходство съ церковно-славянскимъ, однако смѣемъ увѣрить почтеннаго автора, что сходство это вовсе не такъ разительно, чтобы можно было понимать почти все.

И подобныхъ неисправностей, равно какъ и опечатокъ, можно бы указать множество. Это ни чуть не относится къ желанію унижить книгу автора, но служить доказательствомъ нашего вниманія къ труду г. Захарова: мы имѣемъ въ виду читать дальнѣйшія его похождения, и, признаемся, желали бы встрѣтить ихъ изданными съ большею тщательностью и опрятностью. Теперь нѣкоторымъ образомъ публика взыскательнѣе и къ наружнымъ достоинствамъ книги: бѣлая бумага, хорошій шрифтъ, красивая пѣчатъ—все это условія почти sine qua non. Наконецъ, если, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, бумага и не высокаго достоинства, то все же можно выбрать хорошій шрифтъ и внимательно читать корректуру.

Любовь поэта (,) Драматическая фантазія (.) въ трехъ актахъ (,) съ прологомъ. А. Оводова. С.-пб. 1854 г. въ 12-ю д. стр. 120.

Любовь поэта и еще драматическая фантазія! дѣло должно быть не шуточное, судя потому, что оно въ трехъ актахъ, съ прологомъ! Взглянувъ мелькомъ на мелкій шрифтъ и убористую печать, мы заранѣе предвкушали наслажденіе упиваться на десяти листахъ фантазіею г. Оводова. Но прежде чѣмъ приступимъ къ оцѣнкѣ этого произведенія, не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ вообще о стихотворныхъ сочиненіяхъ. Мы не раздѣляемъ и никогда не раздѣляли мнѣнія многихъ другихъ журналистовъ, преслѣдующихъ современныя стихотворенія и помѣщающихъ на страницахъ журналовъ самыя плохія вирши; по нашему убѣжденію, стихи, появляющіеся въ печати, должно разбирать съ тою же добросовѣстностью, съ какою разбирается и проза, тѣмъ болѣе, что въ стихахъ пишутъ теперь довольно рѣдко, иди по-крайней-мѣрѣ стихи рѣдко печатаютъ. Слѣдовательно мы смотримъ на стихотворное произведеніе какъ вообще на все произведенія изящной словесности и отнюдь не намѣрены нападать на книгу только потому, что она написана не прозой. Съ подобнымъ убѣжденіемъ разрѣзали мы драматическую Фантазію г. Оводова. Конечно, мы говоримъ о сочиненіяхъ какъ хорошихъ такъ и посредственныхъ; но невытерпимъ не посмѣяться надъ тѣми, которые, претендуя на что-то, угощаютъ публику безмыслицей.

Назвавъ свое произведеніе фантазіею, г. Оводовъ, конечно оградилъ себя отъ многихъ требованій; но, допустивъ, что въ фантазіи лица могутъ и дѣйствовать въ слѣдствіе собственной фантазіи, должно по-крайней-мѣрѣ соблюдать хотя фантастическую послѣдовательность, и стараться чтобъ части группировались въ стройное цѣлое.

Герой фантазіи Валеріанъ Свирскій, драматическій писатель, имѣющій друга Антонія, влюбленъ въ дѣву Констанцію дочь нѣкоего Клавдія, у которой также есть подруга Анна. Возвышенная любовь соединяетъ Валеріана съ дѣвою, и какъ драматическій писатель бѣденъ, а дѣва богата, то отецъ ея, разгнѣванный на возвышенную любовь къ поэту, выдаетъ ее за нѣкоего барона Гросберга. Супруги живутъ довольно несчастливо и наконецъ Констанція умираетъ. Погоревавъ за нею, поэтъ тоже отправляется *ad patres*. Антоній и Анна, въ видѣ опытныхъ совѣтниковъ, разглагольствуютъ—первый съ поэтомъ, послѣдняя съ дѣвою. Разумѣется совѣты эти, какъ и слѣдуетъ въ драматической фантазіи, непринимаются ни поэтомъ, ни дѣвою, поклявшимися любить другъ друга навсегда. Все это дѣйствующія лица, обозначенныя въ началѣ драматической фантазіи, дѣйствіе которой происходитъ въ какомъ-то фан-

тастическомъ городѣ; но сколько еще лицъ появляется неожиданно, скрытымъ образомъ, которыя нападаютъ на читателя, хотя и не очень длинными, однако леденящими душу и страшно раздирательными. Вы встрѣтите даже цѣлыя хоры геніевъ.

Первое явленіе перваго акта замѣчательно тѣмъ, что Валерій склоняетъ курсивное мѣстоименіе *она* столько разъ, что наконецъ сбивается въ падежахъ и восклицаетъ:

Возсталъ мятежный пылъ страстей,
Душа полна одной лишь *ей!* (стр. 11)

Licentia poetica, кажется, никѣмъ еще доселѣ не употребленная.

Монологъ этотъ оканчивается слѣдующими стихами:

Ее люблю, страдалецъ бѣдный,
Я больше жизни на земль,
И вотъ *она* красой побѣдной
Готовитъ гибель въ тишинѣ,
Быть можетъ, сердцу? Нѣтъ!.. О, прочь
Сомнѣнья шопотъ ядовитый!
Пустьбють залы, близко ночь
И адъ и смерть въ душѣ убитой!

Во второмъ явленіи входитъ дѣва и начинаетъ разговаривать съ поэтомъ, и надо отдать ей честь, не весьма длинными и даже нѣсколько понятными монологами. За то на самое короткое и обыкновенное замѣчаніе ея, что онъ уединился и даже не танцевалъ, Валерій раздражается отчаянными стихами, которыми выказываетъ, что онъ не можетъ видѣть равнодушно какъ на балѣ:

«.... .. рука
Тогда стань юный обнимаетъ,
Быть можетъ *твоя* уста
Дыханье чистое вливаютъ,
И волны двѣственныхъ кудрей
Ланитѣ касаются порока (стр. 13).

Потомъ поэтъ переходитъ въ элегическій тонъ и рисуетъ картину, представляя, когда дѣва опомнилась послѣ бала:

«Вотъ сонъ плѣнительный исчезъ,
Душа раскаянемъ томится,
Воспоминаніе тѣснится
Въ печальной сердца глубинѣ.
И грустно, смутно, какъ во снѣ,
Очамъ является бывшее...
Давнишній балъ и разговоръ,

И увлечение и позоръ (!?)
 Терзаютъ сердце молодое!
 И чистый жаръ любовью ложной
 Теперь оно готово счесть;
 Всѣ люди стали ей безбожны
 Угасла вѣра въ совѣсть, честь (id).

Какъ опасно бывать на фантастическихъ балахъ! Однимъ словомъ, влюбленные, поговоривъ въ такомъ родѣ, расходятся, не открывшись въ любви, предоставляя читателю это удовольствіе на дальше. Послѣ этого, то есть послѣ явленія 1 го, появляется сцена 2-я, въ которой есть свое явленіе 1-е. Здѣсь уже Валерій разглагольствуетъ одинъ, жалуясь на свою судьбу, бранить людей, называетъ ихъ бездушными. Въ одномъ мѣстѣ онъ восклицаетъ:

« Не знать, съ кѣмъ чувство раздѣлить!
 Оно томить безрадостную душу
 Какъ въковой гранитъ, какъ грустный сонъ! (стр 17).

А дальше прибавляетъ:

А я всегда среди баловъ
 Лишь выношу одну отраву,
 Да бремя грустное оковъ,
 Любви мучительную рану (id).

Словно его на балахъ заковываютъ въ цѣпи! Поговоривъ на двухъ страницахъ, Валерій засыпаетъ тревожно, а на сцену появляется интермедія-фантазія (сонъ Валерія).

Здѣсь появляются: хоры невидимыхъ, геніевъ, и призракъ прекрасной женщины. Всѣ эти хоры говорятъ довольно складно и хорошими стихами, и пр.

ХОРЪ ГЕНІЕВЪ.

У свѣтлаго трона богини
 Мы пѣснь заступленья поемъ (,)
 И ищемъ невѣрнато сына
 И долго, тоскуя все ждемъ.
 Забылъ онъ живыя стремленья
 И гласу не внемлетъ судьбы,
 А въ сердце проникло сомнѣнье
 И стали не вняты мольбы.
 И создалъ безумной мечтою
 Себя на землѣ онъ кумиръ
 И свѣтлой склонился душою,
 Предъ нимъ, забывая весь міръ, и (пр. стр. 24).

Вотъ геній такъ этотъ сильно запускается, и бранить на порядкахъ хладныхъ людей: Онъ такъ начинаетъ свой монологъ:

Твомъ сомнѣнїемъ и грустью одинокой,
Ты ищешь отъ людей любви и чувствуешь высоты
И мнишь найти еще въ холодныхъ ихъ душахъ
Отвѣтъ своей души? и проч. (стр. 25).

Странная манера находить въ *холодныхъ душахъ людей* отвѣтъ своей души, сомнѣнїемъ и грустью одинокой! Потомъ вдругъ изъ интермедіи-фантазіи дѣйствіе переходитъ въ садъ, надъ которымъ едва брезжетъ утро. Это сцена 3. Валерій разглазольствуетъ одинъ, снова склоняя курсивное мѣстоименіе *она*. Этотъ монологъ замѣчательнъ словомъ, введеннымъ авторомъ въ русскій языкъ; мы говоримъ о прилагательномъ: *властный*. Сначала мы было подумали, что слово это заимствовано изъ молоросійскаго языка, гдѣ оно значитъ *собственный*; но по смыслу что-то невыходить:

Мое дитя, еслибъ я могъ
Тебѣ внимать безъ *властной* думы,
Среди сомнѣнья и тревогъ,
Мечты докучной и угрюмой
Вліянье вѣчное убить и т. д. (стр. 28).

Вдругъ слѣдуетъ явленіе 2, и входитъ Констанція. Здѣсь уже драматическій писатель и дѣва объясняются въ любви приличными такому случаю стихами; впрочемъ и здѣсь самыя раздрающіе душу, самыя неистовые монологи принадлежать поэту, хотя и дѣва впадаетъ въ сильнѣйшій лиризмъ. Въ одномъ мѣстѣ Валерій забывается до того, что говорить:

Огонь осмѣянныхъ страстей
Печально тѣлеть одинокой,
Какъ въ бурю брошенный челнокъ
Въ борьбѣ съ волнами рветъ юнъ
Средь грустной млы томленья поля (стр. 30.)

А наконецъ приходитъ въ такой павосъ, что употребляетъ даже позабытое мѣстоимѣніе *сей*.

Отъ мысли *сей* вся кровь кипить, (стр. 32).

Констанція же вотъ какъ говорить (*Слабымъ, но твердымъ голосомъ*):

Я васъ люблю! Мои уста
Сказали все не знаю какъ

Меня томилъ пустота
 Души, и сердца грустный мракъ
 Меня страшилъ; давно, давно
 Въ моей груди затаено
 Къ вамъ было чувство, чувство то
 Извѣстно стало всѣмъ... Ахъ! Что,
 Что сказала я въ мечтахъ, и т. д. (стр. 32-33).

Потомъ слѣдуетъ сцена 4-я и явленіе 1-е, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ описаннаго признанія. Здѣсь разсуждаетъ Констанція съ Анной, послѣдняя уговариваетъ подругу позабыть любовь, но первая ни за что несоглашается. Во 2-мъ явленіи Констанція одна. Полюбивъ драматическаго писателя, дѣва уже считаетъ обязанностью выразаться подобно предмету своей страсти и говорить монологъ почти на двухъ страницахъ. Въ этомъ монологѣ попадаются мѣста, которымъ позавидовалъ бы и самъ Валерій.

Вотъ ночь, а сна въ моихъ очахъ
 Все нѣтъ. Неясный, смутный страхъ
 Меня томить, и третій день
 Знакомый образъ мнѣ, какъ тнь
 Странанья полнъ, меня слѣдитъ
 И грудь печально пепелитъ,
 Въ угрюмой ночи тишинѣ. (стр. 40).

Образъ какъ тнь, полный страданія пепелитъ грудь да еще печально!

или

«Одѣто мракомъ все кругомъ,
 Объято все глубокимъ сномъ,
 Исполненъ міръ высокихъ чаръ
 И бдѣнья неизмѣнныхъ каръ! (стр. 42).

Сцена пятая заключаетъ въ себѣ одно явленіе, въ которомъ отецъ Констанціи, Клавдій, ведетъ разговоръ съ дочерью, узнаетъ о любви ея къ поэту и, безъ церемоніи приказываетъ ей выдти за барона. Дѣва, какъ водится, лишается чувствъ. Явленіе это замѣчательно тѣмъ, что отецъ, оставшись одинъ, рассказываетъ стихи, въ родѣ слѣдующихъ:

«Любовь прихоть сердца молодого,
 Привычка безумная, сонъ,
 И жалкое чувство къ тому же
 Ни боль ни мечь (?) какъ вздоръ.
 Ахъ (,) утромъ влюбленная дѣва
 Задумчива, плачетъ она;

А вечеромъ, таже, внимаетъ
 Другому призыву любви.
На сердце ложится досада.
Отъ прежде любимыхъ речей;
Взглядъ чуждый всемиль упоенье,
А прежній насмѣшкой покрытъ (стр. 49).

Актъ второй черезъ годъ. Сцена I. Явленіе I. Валерій одинъ разглагольствуетъ, во второмъ является дѣва, и они долго говорятъ о томъ, что имъ надо разстаться, что Констанція должна выдти за барона, и влюбленные прощаются, обѣщая любить другъ друга безконечно. Весь этотъ разговоръ въ общемъ духѣ фантазій, но одинъ монологъ Валерія передъ разлукой, показался намъ непонятенъ своимъ окончаніемъ.

Сцена 2-я представляетъ высокую мрачную комнату съ семейными портретами, гдѣ въ первомъ явленіи, запертая на ключъ ревнивымъ мужемъ, говоритъ сама съ собою Констанція. Во-второмъ явленіи приходитъ баронъ, который, проигравшись, садится на противоположной сторонѣ и говоритъ, смотря пристально на жену:

«Опять печаль во всѣхъ чертахъ,
 Змѣится хитрость на устахъ,
 Всегда одинъ и тотъ же взоръ
 Мнѣ шлетъ души живой укоръ?! (такъ у автора)
 Что ваша грусть? капризь пустой
 Воображенья бредъ смѣшной!

Констанція оправдывается, а мужъ ей въ отвѣтъ:

«Опять докучные укоры!
 И эти слезы, этотъ видъ,
 И молнью блещущіе взоры! (id).

Потомъ слѣдуетъ супружеская сцена исполненная горя и упрековъ, угрозъ и такъ далѣе.

Въ сценѣ третьей въ явленіи первомъ, мы снова слышимъ Валерія, который, какъ водится, жалуется на свою участь. Во-второмъ явленіи приходитъ Антоній и уговариваетъ друга позабыть несчастную любовь, но этотъ и слушать не хочетъ. Антоній говоритъ въ одномъ мѣстѣ:

«И все, что пылкою душой
 Еще любилъ ты въ этой жизни,
 Тебѣ отмстило клеветой
 И ядомъ злобной укоризны? (стр. 75).

Валерій, между прочимъ отвѣчаетъ:

«И чувство вновь любовь волнуешь!

(не извѣстно: любовь ли волнуется чувствомъ или чувство любовью?).

И горе забываю я,
И сердце кто-то все чаруетъ,
Куда-то все зоветъ меня!
И узнаю я голосъ чудный,
Онъ полонъ нѣги и огня
Онъ въ душу льется изумрудный (?) (id).

На это возражаетъ Антоній, довольно впрочемъ благоразумно, жаль только что въ сторону:

«Опять мечты, опять любовь
Безумный бредъ души больной!

Неуспѣвая убѣдить друга, Антоній уходитъ, а въ третьемъ явленіи, Валерій, оставшись одинъ, раздражается ужаснымъ монологомъ на двухъ страницахъ.

Сцена четвертая (спустя два года). Въ явленіи первомъ, Валерій въ полночь одинъ на улицѣ разглагольствуетъ. Вдругъ онъ видитъ что-то похороны, узнаетъ, что умерла Констанція, и падаетъ замертво.

Актъ третій открывается сценою первой, въ первомъ явленіи говорить Антоній, во-второмъ появляется Валерій и бесѣдуетъ съ другомъ. Во-второй сценѣ, въ первомъ явленіи Валерій одинъ тоскуетъ почти на трехъ страницахъ. Третья сцена происходитъ на кладбищѣ у гробницы Констанціи. Все первое явленіе Валерій говоритъ вдохновенно и разъ десять упоминаетъ про луну. Во-второмъ явленіи появляется какой-то незнакомецъ и заводитъ съ поэтомъ очень наставительный разговоръ, нѣсколько успокоивающій драматическаго писателя.

Сцена четвертая и послѣдняя (черезъ три мѣсяца) происходитъ въ комнатѣ Валерія, гдѣ наконецъ и умираетъ драматическій писатель, наговоривъ множество различныхъ идущихъ къ случаю стиховъ.

Таково содержаніе фантазій г. Оводова, а изъ приведенныхъ отрывковъ можно судить до какой степени занимательно это фантастическое произведеніе. Мы опасаемся только одного, если Валерій не сжегъ своихъ сочиненій, то пожалуй и они появятся въ печати, изданныя услужливыми друзьями, что неминуемо подорветъ славу многихъ стихотворцевъ, упражняющихся въ этомъ родѣ фантазій.

II.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Рождественскія елки. — Дѣтскія книги — Бенефисъ г. Самойлова. — Вторая часть «Житейской школы» г. Григорьева. — Испанскія танцовщица и танцоръ на нашей сценѣ. — Начало маскерадовъ въ Большомъ театрѣ и Дворянскомъ собраніи. — Духовный концертъ въ пѣвческой придворной капеллѣ. — Концерты въ Пассажѣ. — Балу и маскерады нѣмецкаго клуба. — Благородные концерты съ лотереей-аллегри. — Лотерея Общества Поощренія художниковъ. — Сестра милосердія въ Севастополѣ. — Новые виды Севастополя и Крымскіе виды. — Литографическій рисунокъ нашего народнаго гимна. — Англійское знамя въ Петербургѣ. — Новый выпускъ русскихъ классиковъ Смирдина — Особенности трудовъ нашихъ профессоровъ и академиковъ въ нынѣшнемъ году. — Дары Академіи отъ Императорской фамилии. — Открытіе желѣзной руды въ Бѣлоруссіи. — Усовершенствованіе русскихъ телегъ. — Новое развлеченіе, потишманія. — Шкниги и ледяныя горы. — Диковинная дѣвушка, появившаяся въ Петербургѣ. — Прощальный обѣдъ адмирала П. И. Рикорда съ флотомъ. — Встрѣча Рикорда съ Нептуномъ. — Купецъ Василій Рахмановъ. — Письмо къ нему адмирала. — Обзорніе хода модъ въ Петербургѣ въ 1854 году.

У насъ давно уже существуетъ обыкновеніе дѣлать елки и дарить дѣтей разными подарками на праздникъ Рождества. Выборъ дѣтскихъ игрушекъ не труденъ, это не то что выборъ дѣтскихъ книгъ, которыхъ появляется у насъ къ праздникамъ большое количество. Можно рекомендовать родителямъ изданія г-жи Ишимовой, особенно ея послѣднее: «Эліасъ, или путешествіе на востокъ», очень интересное по настоящему времени, и Генкеля, книжечки подъ заглавіемъ разныхъ цвѣтовъ, какъ-то: фіалки, ландыши, левкои, васильки. Книжечки эти, изданныя роскошно, съ прекрасными картинками, заключаютъ въ себѣ занимательныя и поучительныя рассказы. Дѣтская литература дѣло очень важное, и гораздо важнѣе, чѣмъ можетъ быть нѣкоторые думаютъ, потому что не только предстоитъ трудность возбудить въ ребенкѣ рассказомъ благородныя чувства и свѣтлыя мысли, но и пріохотить его къ чтенію наружнымъ видомъ книжечки, а этими двумя достоинствами отличаются не всѣ дѣтскія изданія, выпускаемыя въ свѣтъ иногда какъ пошало, съ одною только спекулятивною цѣлію.

Первый вечеръ настоящаго мѣсяца петербургская публика нашла развлеченіе на Александринскомъ театрѣ въ бенефисѣ нашего талантливаго артиста г. Самойлова. Онъ поставилъ «Карьеру», оригинальную комедію въ четырехъ дѣйствіяхъ, другую комедію съ куплетами «Какъ аукнется, такъ и откликнется», въ одномъ дѣйствіи, и новый волевиль «Бѣдовая тетушка.» Въ дивертисманѣ, состоящемъ изъ танцевъ и пѣнія, г. Самойловъ опять спѣлъ свою уморительную чухонскую пѣсню: «Лайба былъ моя не пустъ», которая уже продается во всѣхъ музыкальныхъ магазинахъ. Музыка этой пѣсни, сочиненная самимъ г. Са-

мойловымъ, очень оригинальна, и на оберткѣ нотъ представленъ очень вѣрно схваченный чухонецъ, который печально взываетъ:

Свеборгъ онъ всякъ нейтеть,
 А на маймисть напатеть;
 Адмиральство ихъ польшой,
 Все распойники морской
 Атирадь-Англичанъ,
 Тва тру кривна всяль съ кармань!..

На мотивъ этой пѣсни Иванъ Гунгль написалъ для фортепяно очень миленькую польку, подъ названіемъ: «Чухонская полька». Въ антрактахъ бенефиса пѣла любимица нашей публики г-жа Леонова.

Мы упоминали уже о бенефисѣ г. Григорьева, дадимъ же теперь нашимъ иногороднымъ подписчикамъ краткое понятіе о его новой пьесѣ, которой онъ далъ названіе: «*Часть вторая оригинальной, большой комедіи подъ названіемъ: Житейская школа*—названіе совершенно ошибочное. Предполагая продолженіе того же самаго сюжета и похождения тѣхъ же самыхъ лицъ, вы находите все совершенно новое, и лица, и сюжетъ. Мы перескажемъ содержаніе этой второй Житейской Школы, описующей *будто бы* бытъ современнаго общества:

Нѣкто, пятидесяти-трехъ-лѣтній старецъ Иванъ Ефремовичъ Костромской, имѣя отъ перваго брака двухъ дѣтей, сына Мишеля и дочь Наташу, взявъ вторую жену, Варвару Ниловну, которой, не смотря на семилѣтнюю дочь Зиночку, самой едва исполнилось только двадцать семь лѣтъ. По общепринятому обычаю почти всѣхъ составителей драматическихъ пьесъ, мать любить только своего ребенка, и какъ мачиха, болѣе чѣмъ равнодушна къ другимъ дѣтямъ своего мужа, котораго она держитъ подъ башмакомъ, въ совершенномъ повиновеніи. Не посоветовавшись съ Варварой Ниловной, Иванъ Ефремовичъ начинаетъ хлопотать выдать дочь замужъ за любимаго ею человѣка, а сына, имѣющаго призваніе къ художествамъ, отправить совершенствоваться въ Италію. Чтобъ разстроить свадьбу падчерицы, Варвара Ниловна убѣждаетъ Наташу, что выходить замужъ въ семнадцать лѣтъ слишкомъ рано, и что прежде всего ей должно исполнить священную обязанность, быть наставницею маленькой Зиночки. Наташа не соглашается и плачетъ, но мачиха запрещаетъ ей и это сердечное облегчительное средство, угрожая притомъ страшнымъ гнѣвомъ, если она осмѣлится еще плакать при Иванѣ Ефремовичѣ. Между тѣмъ пріѣзжаетъ Дельскій (женихъ Наташи), которому отецъ и братъ объявили уже о своемъ согласіи и

о взаимной къ нему любви Наташи; но приходитъ она сама и къ общему удивленію отвѣчаетъ, что должна отказаться отъ такого лестнаго предложенія, и представляетъ въ свое оправданіе все, что натолковала ей подъ угрозами мачиха. Свадьба растривается. Въ это время, по праву, предоставленному писателямъ, дѣлать иногда все неправдоподобное правдоподобнымъ, вдругъ совершенно печально открывается, что Лельскій семь лѣтъ тому назадъ былъ также влюбленъ въ самую Костромскую и рѣшился было предложить ей свою руку, но открывъ (тоже вѣроятно печально), что она большая кокетка, заблагоразсудилъ лучше уѣхать за границу и потомъ изгнать изъ памяти очаровавшее его хитрое созданіе. Возвратясь изъ чужихъ краевъ, онъ познакомился съ Наташей, влюбился въ нее (какъ и гдѣ, не выдавъ Варвары Ниловны, безъ которой Наташа конечно не могла выѣзжать въ свѣтъ) и посватался. Вотъ подите же, какъ это такъ могло случиться въ Житейской школѣ, чтобъ Варвара Ниловна не спросила, за кого хотять выдать Наташу замужъ, давно ли она любитъ своего жениха? Она узнаетъ все подробности лишь въ ту минуту, когда Лельскій является за рѣшительнымъ отвѣтомъ. Нѣтъ, воля ваша, а мы почитаемъ при этомъ обязанностью заступиться за Вавару Ниловну, она совсѣмъ не интригантка, и не кокетка, какою выставилъ ее г. Григорьевъ. Впрочемъ, всякое дѣло говорить за себя, что сейчасъ же и окажется. Ошеломленный неожиданнымъ отказомъ молодой дѣвушки, Лельскій тотчасъ прозрѣлъ и постигъ, что въ этомъ странномъ отказѣ главную роль играютъ козни Варвары Ниловны, и въ порывѣ *благороднаго чувства*, (не объяснясь объ этомъ предварительно съ нею, и не усовѣтивъ ее) рѣшается изобличить ее публично. Написавъ ей страстное письмо, онъ объясняетъ ей, что сватовство его была одна хитрость, придуманная единственно для того, чтобъ съ нею сблизиться, что онъ попрежнему страстно влюбленъ въ нее, но лишенный теперь всякой надежды ее видѣть, дѣлается уже навсегда странникомъ. Такое постоянство расшевелило Варвару Ниловну, она повѣрила искренности письма и рѣшилась удержать, во что бы ни стало, прежняго своего поклонника. Для этого она выбрала самое странное средство, какое только можетъ придти въ голову одной женщины. Она начинаетъ браниться съ мужемъ и упрекать его, что онъ своимъ совершеннымъ отчужденіемъ отъ свѣта, не давая баловъ и обѣдовъ, убилъ всю ея молодость. Бѣдный Иванъ Ефремовичъ испугался, и полагая въ первую минуту, что она больна и впаала во временное помѣшательство, хочетъ уже послать за докторомъ, но потомъ въ умѣ его вдругъ блеснула другая лучезарная мысль: не находится ли Варвара Ниловна вновь въ такомъ положеніи, въ которомъ нужно покорно удо-

влетворять всё, что ей прихотямъ. Мысль эта, наполнившая сердце его радостью, рѣшаетъ его немедленно дать балъ на дачѣ, только что купленной для его супруги. Варвара Ниловна посылаетъ мужа созывать гостей и въ томъ числѣ отставленнаго жениха Наташи. Желанный день бала наступаетъ, но прежде этого Лельскій просилъ у Варвары Ниловны свиданія, и она, бросивъ ему въ окно букетъ, изъявила свое согласіе. Лельскій торжествуетъ, мечь его совершится! Онъ собираетъ на балъ Ивана Ефремовича всѣхъ своихъ друзей (Какъ это похоже на обычай порядочнаго общества!) и прячетъ ихъ около бесѣдки, въ которой назначено свиданіе. Часы бьютъ урочную минуту, и Варвара Ниловна, сопровождаемая служанкой, вѣроятно для того, *чтобы лучше сохранить тайну*, входитъ въ бесѣдку, и любовное объясненіе начинается. Разчувствованная Варвара Ниловна говоритъ наконецъ, что она согласна на все. Слово это было условнымъ знакомъ къ общему появленію, и собранные Лельскимъ друзья повторяютъ хоромъ, какъ въ оперѣ «Робертъ»: «Онъ былъ злой духъ» *она на все согласна!* Вслѣдъ за этимъ являются Иванъ Ефремовичъ, Наташа и прочіе гости (бальная зала, слѣдовательно остается пуста, тоже очень похоже на обычай современнаго общества!) и тутъ Лельскій объявляетъ всё, что Варвара Ниловна согласна на его бракъ съ Наташей. Мачиха подтверждаетъ это, и всѣ гости удаляются опять въ залу, вѣроятно запивать шампанскимъ такую оригинальную помолвку. Вотъ и все содержаніе новой Житейской школы. Спрашивается: какая же тутъ скрывается нравственная идея, безъ которой не можетъ существовать ни одной порядочной комедіи, которая обязана нападать на пороки, предрасудки и странности и поучать ихъ, смѣясь?.. Ровно никакой! Правда, существуютъ и злыя мачихи, и покорные мужья, и угнетенныя падчерицы, но все это только одна былинка въ морѣ и рѣшительно никакой *жизненной школы*, изъ которой можно было бы почерпнуть какойнибудь полезный урокъ, не представляетъ. При всемъ этомъ, комедія г. Григорьева сильно растянута и продолжается болѣе трехъ часовъ. Дѣйствія, завязки и развязки, что мачиха до тѣхъ поръ не позволяетъ падчерицѣ выдти замужъ, покуда сама не попадетъ на любовномъ свиданіи, довольно было бъ и для двухъ актовъ. Впрочемъ, пьеса эта понравилась публикѣ Александринскаго театра. Автора и всѣхъ актеровъ вызвали нѣсколько разъ, и вотъ уже прошло много представленій втораго жизненнаго урока, созданнаго г. Григорьевымъ, а театръ всегда былъ полонъ.

Прочихъ особенно любопытныхъ театралныхъ новостей нѣтъ, кромѣ появленія на нашей сценѣ г-жи Пепо Варгасъ и г. Антоніо Гусмана, первой танцовщицы и перваго танцора Королевскаго театра въ Мадри-

гѣ. Г-жа Пепа Варгасъ и г. Гусманъ обыкновенно являются въ дивертисманѣ, который составляетъ цѣлый непрерывный рядъ однихъ испанскихъ танцевъ. Громъ рукоплесканій неумолкаетъ, когда г-жа Пепа Варгасъ танцуетъ La manola одна, и «El paso de la Caro» и Fantaisie Espagnole вмѣстѣ съ г. Гусманомъ. Танцовщицы Императорскихъ театровъ также очень хорошо исполняютъ испанскіе танцы «El zleo» Les Voleros и интродукцію. Особенно хороша эта новая испанская танцовщица въ своемъ pas de solo подъ названіемъ: «La madrilaine».

Обычные зимніе наши маскарады открылись маскарадомъ въ Большомъ театрѣ и вслѣдъ за нимъ, 8-го декабря, въ С. Петербургскомъ Дворянскомъ Собраніи. Посѣтителей въ этихъ первенцахъ будущихъ маскарадовъ было очень много, особенно въ залахъ Большаго театра. Въ пятницу, третьяго декабря, начались также публичные концерты концертомъ, даннымъ въ залѣ пѣвческой капеллы придворными пѣвчими, въ пользу ихъ вдовъ и сиротъ. Въ вокальныхъ концертахъ теперь у насъ недостатка нѣтъ. Въ Пассажѣ, по извѣстнымъ днямъ опять появился цыганскій хоръ. Старшины нѣмецкаго клуба каждое воскресенье угощаютъ своихъ гостей или баломъ, или маскарадомъ, слѣдовательно желающимъ остается по выбору или слушать, или танцовать. Но Петербургъ имѣетъ обыкновеніе мѣшать всегда пріятное съ полезнымъ, и потому 19 декабря, въ залахъ дворянскаго собранія данъ былъ концертъ съ однимъ бесплатнымъ билетомъ на лотерею-аллегри, устроенный попеченіями В. А. А. Александровой, С. В. Лодомірекой, княжны В. С. Голицыной, графини Е. Н. Адлербергъ, А. Г. Сталыпиной, княгини А. В. Голицыной, С. А. Зыбиной и В. А. Львовой. Сборъ съ этого концерта, въ которомъ принимали участіе артисты итальянской оперы, артисты Императорскихъ театровъ, придворные пѣвчіе и хоры театральная и военной музыки, назначенъ въ распоряженіе Ихъ Императорскихъ Высочествъ Николая и Михаила Николаевичей, на пособіе вдовамъ и сиротамъ воиновъ, павшихъ при защитѣ Севастополя. Съ такою же благотворительною цѣлію, только въ пользу рукодѣльныхъ дѣвицъ недостаточнаго состоянія, назначенъ тоже бесплатный концертъ съ безпроигрышною лотереей, въ которой въ числѣ главныхъ выигрышей находится деревянный домъ.

Высочайше позволена также *безпроигрышная* лотерея Обществу поощренія художниковъ, на сумму 7,140 р. серебромъ.

Комитетъ Общества стремясь къ выполненію цѣли своей, состоящей во-первыхъ, въ содѣйствіи успѣхамъ изящныхъ искусствъ въ Россіи, а-вторыхъ, въ ободреніи дарованій русскихъ художниковъ, постоянно

занималъ этихъ послѣднихъ различными работами, и нынѣ желая, чтобъ публика воспользовалась приобрѣтеніемъ ихъ, положилъ учредить лоттерей, состоящую, по числу билетовъ, изъ 2,856-ти выигрышей отечественныхъ произведеній изящныхъ искусствъ, какъ-то: оригинальныхъ картинъ 18, копій съ извѣстныхъ мастерскихъ картинъ 8, и того 26 картинъ, отъ 50 р. до 1,200 р. сер. включительно, и 2,830-ти экземпляровъ гравюръ и литографій, стоящихъ, по продажнымъ цѣнамъ, отъ 1 р. 50 к. до 4 р. за экземпляръ. Предъявителю билета, не выигравшему картины, будетъ выданъ, по жребію, экземпляръ гравюры или литографіи, и такимъ образомъ, кромѣ возможности приобрѣсти болѣе или менѣе цѣнную картину, каждый изъ участвующихъ въ этой лоттерей имѣетъ въ виду на всякій билетъ получить художественное произведеніе, такъ, что лоттерей эта во всякомъ случаѣ безъ проигрыша. Цѣнность всѣхъ художественныхъ произведеній, входящихъ въ составъ этой лоттерей, превышаетъ сумму, которая назначена за продажу билетовъ; но при этомъ Общество Поощренія Художниковъ имѣло цѣлю общественную пользу доставленіемъ возможности: художникамъ сбывать свои картины, а частнымъ лицамъ приобрѣтать художественныя произведенія. Желающіе могутъ посѣтить выставку этой лоттерей ежедневно, отъ девяти часовъ утра до семи вечера, у Полицейскаго моста, въ домѣ Голландской Церкви, въ магазинѣ комиссіонера Общества Поощренія художниковъ, Андрея Прево. Билеты на эту лоттерей, по 2 р. 50 к. сер., можно получать въ самомъ мѣстѣ выставки и во всѣхъ извѣстныхъ магазинахъ Невскаго проспекта.

Нельзя не сказать, чтобъ въ Россіи былъ недостатокъ въ самоотверженіи, въ чловѣколюбіи и преданности къ родинѣ и чловѣчеству, безъ всякой корыстной цѣли. Мы говорили въ прошедшемъ фельетонѣ объ отправленіи въ Крымъ Сестеръ Милосердія; но еще прежде ихъ, нашла въ Севастополѣ благодѣтельная Сестра Милосердія, двадцатилѣтняя дѣвушка, дочь матроса, которая усердно прислуживаетъ раненымъ, принимаетъ послѣдній вздохъ ихъ, присутствуетъ при самыхъ трудныхъ операціяхъ, отдавая свою постель больнымъ, спитъ на голой землѣ, и безкорыстно свершаетъ святой подвигъ. Всѣ газеты наши, возвѣщающія эти добродѣтели, молчатъ о ея имени, но оно рано или поздно будетъ извѣстно Россіи, землѣ, которая чувствуетъ, какъ цѣлое живое тѣло, боль, происходящую въ малѣйшемъ ея членѣ.

Скажемъ кстати при этомъ, что во всѣхъ художественныхъ магазинахъ поступилъ въ продажу панорамическій видъ города Севастополя, съ картой театра войны, съ бастіонами города и расположеніемъ непріятельскихъ войскъ, напечатанный въ три тона, а также продаются крым

скіе виды: Балаклавской бухты, города Балаклавы, видъ изъ Херсонеса на Севастопольскую бухту, планъ города Севастополя со всѣми его укрѣпленіями, изданные г. Прево въ пользу нижнихъ чиновъ черноморскаго флота. Рисунки эти прекрасно нарисованные, продаются довольно дешево. Поступили также въ продажу *картинные планы* (à vol d'oiseau) то есть, виды русскихъ портовъ, будто срисованные съ точки, надъ самымъ городомъ находящейся, такимъ образомъ, что городъ или портъ представляются, какъ въ натурѣ, и при томъ рельефно—Севастополя со стороны моря, его же со стороны твердой земли, города Одессы, города Гельсингфорса, съ крѣпостью Свеаборгомъ, самой крѣпости Свеаборга со стороны Гельсингфорса и наконецъ два вида Кронштадта съ различныхъ точекъ. Форматъ этихъ картинъ-плановъ очень великъ и простирается до одиннадцати съ половиною и шести съ половиною вершковъ. Заговоривъ объ эстампахъ, прибавимъ, это извѣстный въ Россіи каллиграфъ, Шредерсъ, издалъ на большомъ листѣ, съ приличными украшеніями, орнаментами, нѣсколько стиховъ изъ народнаго Русскаго гимна: Боже, Царя храни. На подножіяхъ двухъ жертвенниковъ выписаны нѣкоторыя славныя событія нынѣшняго достославнаго цзрствованія. На одномъ подножіи подвиги гражданскіе: «Полное Собраніе и Сводъ Законовъ; Министерство Государственныхъ Имуществъ, Археографическая Коммиссія; Главный Педагогическій и Технологическій Институты; Университетъ Св. Владиміра; Училище Правовѣднія; Пулковская Обсерваторія; Военная Академія; губернскіе кадетскіе корпуса; Бѣлозерскій каналъ; промываніе золота въ Сибири; почетное гражданство; Благовѣщенскій и Дибровскій мосты; С. Петербурго-Московская желѣзная дорога; Императорскій Музей.» На другомъ подножіи припоминаются побѣды, одержанныя въ нынѣшнее царствованіе, и дипломатическія дѣла: «Шамхаръ; Елисаветполь; Эриванъ; Наваринъ; Гебризъ; Туркманчай; Сатуново; Браиловъ; Карсъ; Анапа; Ахалцыхъ; Боелешти; Варна; Турно; Сизополь; Пендераклія; Рахово; Кулевча; Силистрія; Калилы; Миллидози; Арзерумъ; Байбуртъ; Балканы; Айдосъ, Адрианополь; Ункіаръ-Калеси; Сегезваръ; Дебречинъ; Германштадтъ; Шелошъ; Ахмечеть; Ахалцыхъ; Синопъ; Башъ-Кадыкъ-Ларъ.» Литографировано превосходно. Должно припомнить, что какъ буквы, такъ и всѣ украшенія, написаны и нарисованы перомъ, и это составляетъ особенное искусство. Для русскаго сердца воспоминаніе гражданскихъ и военныхъ подвиговъ нынѣшняго царствованія всегда чрезвычайно пріятно. Художникъ удостоился чести посвятить трудъ свой Его Величеству Государю Императору.

Должно также упомянуть о новой вышедшей картѣ Севастополя, прекрасно составленной. Вѣроятно, скоро появятся у насъ планы и виды

Камчатки и Петропавловскаго порта, въ которомъ Англійскій флотъ потерпѣлъ такое позорное пораженіе. Флагъ этой морской державы развѣвался недавно на нашихъ петербургскихъ улицахъ, при торжествующихъ крикахъ толпы, сопровождавшей его въ Троицко-Измайловскій Соборъ, въ которомъ онъ помѣстился между союзными ему Турецкими знаменами.

По части литературы, кромѣ постояннаго выхода періодическихъ изданій, новаго ничего нѣтъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вновь изданныхъ патріотическихъ брошюръ, по поводу настоящихъ военныхъ событій, изъ которыхъ можно отдать предпочтеніе сочиненію г. Ротчева, подъ заглавіемъ: «Правда объ Англіи», выходящаго выпусками, да развѣ можно еще добавить то, что къ прежнимъ томамъ собранія сочиненій всѣхъ Русскихъ писателей, изданъ еще одинъ томъ, заключающій въ себѣ «Сочиненія Грибоѣдова и сочиненія Крюковскаго». Въ сочиненіяхъ А. С. Грибоѣдова напечатаны: «Горе отъ ума», комедія; «Молодые Супруги», комедія; отрывокъ изъ комедіи, написанный для князя А. А. Шаховскаго; «Притворная Невѣрность», комедія въ стихахъ, переведенная вмѣстѣ съ А. Жандромъ (Андреемъ Андреевичемъ, другомъ Грибоѣдова); отрывокъ изъ Гёте; Письмо къ издателю «Сына Отечества», изъ Тифлиса, отъ 21-го января 1819 года; стихотворенія: Душа; Хищники; Романсъ для водевиля «Братъ и сестра»; Телешовой; Эпиграмма (неоконченная). Въ собраніи сочиненій Крюковскаго, занимающихъ въ нашей литературѣ средину между трагедіями Княжнина и Озерова и очень мало извѣстныхъ современной публикѣ, напечатаны: «Пожарскій», трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ, представленная въ первый разъ на Императорскомъ С. Петербургскомъ театрѣ 22-го мая 1807 года, Трагедія эта доставила автору громкую извѣстность. Въ эпоху борьбы Императора Александра Благословеннаго съ Наполеономъ, за дѣлность и независимость Германіи, чрезъ нѣсколько времени послѣ сраженій подъ Аустерлицемъ и Прейсишъ-Эйлау, когда русскіе готовились ко второму прусскому походу, во время битвы подъ Фридландомъ и Тильзитскаго мира, патріотическія воспоминанія о тяжелой годинѣ нашего отечества принимались русскою публикою съ сильнымъ энтузіазмомъ, и восторгъ при представленіи Пожарскаго равнялся восторгу при представленіи трагедіи Озерова, «Димитрій Донской». «Елисавета дочь Ярослава», трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, была издана уже послѣ смерти Крюковскаго, въ 1820 году и заключается въ томъ, что гордая русская княжна, дочь Ярослава, презираетъ любовь Норвежскаго князя Гаральда, страстно въ нее влюбленнаго. Трагедія оканчивается слѣдующимъ нравоученіемъ Ярослава:

...Сей примѣръ являетъ намъ
Сколь волю надъ собой опасно дать страстямъ!

Мы уже говорили нашимъ читателямъ о произведеніяхъ нашихъ художниковъ, выставленныхъ нынѣшнюю осенью въ залахъ Академіи Художествъ. Теперь ознакомимъ ихъ вкратцѣ съ тѣми произведеніями, которыя оставались неизвѣстными для большинства петербургской публики. Краткій обзоръ ихъ вполнѣ покажетъ, что дѣятельность нашихъ художниковъ нисколько не слабѣетъ, а напротивъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивается и производитъ вещи, замѣчательныя по своему исполненію и окончности.

Вице-Президентъ, графъ *О. П. Толстой*, въ теченіе истекшаго академическаго года, кончилъ для украшенія фонтановъ, рисунки, изображающіе нимфу *Аганишпу*, обращенную въ ручей, другую нимфу, также какъ и первая въ лежачемъ положеніи, укрывающуюся драпировкою отъ воды, которую льетъ на нее *Амуръ*; нимфу, выходящую изъ раковины на скалу, въ страхѣ укрывающуюся покрываломъ. Эти рисунки были представлены на Высочайшее воззрѣніе, и первые два одобрены Государемъ Императоромъ къ исполненію. Съ нимфы *Аганишпы* начатъ и производится уже эскизъ. Имъ-же сдѣланы двѣ группы фонтановъ для пруда: одна, изображающая *Купидона*, вѣдущаго стоя на двухъ лебедяхъ съ третьимъ, плывущимъ впереди, а другая *Купидонъ*, вѣдущій въ раковинѣ на трехъ змѣяхъ, лебеди и змѣи ртами извергаютъ воду — оба *Купидона* трубятъ въ рога, изъ коихъ также бьетъ вода. Эти два рисунка также удостоились Высочайшаго утвержденія, только производство ихъ отложено до времени. Последняя группа, также для фонтана, состоитъ изъ трехъ фигуръ, и изображаетъ нимфу въ полулежачемъ положеніи, убирающую свои волосы предъ зеркаломъ изъ воды, которое держитъ предъ нею *наяда*, до половины вышедшая изъ воды; съ другой стороны *тритонъ*, также выходящій изъ воды, подноситъ ей вазу, водою же образуемую, въ которой настоящіе цвѣты. Этотъ послѣдній рисунокъ изготовленъ для представленія Государю Императору. Кромѣ того, графъ *О. П.* сочинилъ и нарисовалъ четыре рисунка, во многихъ фигурахъ, изображающіе четыре времени сутокъ: утреннюю зорю и полночь; зорю, полдень, вечернюю зорю и полночь, и наконецъ изготовилъ форму для производства галванопластическимъ способомъ изъ бронзы нимфы съ вазою, бывшей на прошлогодней выставкѣ. Воображеніе художника и дѣятельность его не старѣются. Рѣдкій примѣръ представляетъ графъ въ этомъ отношеніи: фантазія его все еще свѣжа и игрива, и долго будетъ такою. Истинный талантъ всегда остается юнымъ.

Ректоръ архитектуры, К. А. Тонъ, окончилъ вчернѣ построение храма Христа Спасителя въ Москвѣ и составилъ проектъ на внутреннее украшеніе онаго, который и удостоенъ Высочайшаго утвержденія; по составленному имъ и Высочайше утвержденному проекту, онъ окончилъ постройку главнаго входа Николаевского дворца и галереи, соединяющей дворецъ съ Чудовымъ монастыремъ, въ Москвѣ; составилъ проектъ церкви для Тивдійскихъ мраморныхъ проломовъ въ Олонецкой губерніи, который удостоенъ Высочайшаго утвержденія; исправилъ большой куполь въ церкви Воскресенскаго монастыря, именуемаго Новый-Іерусалимъ; занимался окончательными работами по постройкѣ церкви лейбъ-гвардіи Егерскаго полка; въ Москвѣ окончилъ перестройку церкви Двѣнадцати Апостоловъ и Патріаршей ризницы и устроилъ шатеръ надъ Мүрварней въ Кремлѣ.

Профессоръ баронъ П. К. Клодтъ занимался составленіемъ разныхъ эскизовъ по части скульптуры и отлилъ пьедесталь для памятника И. А. Крылова, съ изображеніемъ на немъ сюжетовъ изъ басень его. Пьедесталь этотъ необыкновенно замѣчательное произведеніе по сочиненію и исполненію; всѣ звѣри басень Крылова ожили на пьедесталь его памятника, и доставили барону Клодту случай создать произведеніе, совершенно въ своемъ родѣ новое и оригинальное, которому нигдѣ нѣтъ примѣра.

Профессоръ И. П. Витали, сдѣлалъ для Его Императорскаго Величества эскизъ Венеры и четырехъ мраморныхъ ангеловъ-младенцевъ и пять херувимовъ на иконостасъ и группу изъ трехъ ангеловъ въ Исакиевскій Соборъ.

Академикъ Пименовъ окончилъ для Исакиевского Собора группу, изображающую Преображеніе Господне, назначенную для украшенія одного изъ малыхъ иконостасовъ собора, также окончилъ модель въ маломъ видѣ для памятника покойному адмиралу Лазареву, и занялъ былъ проектами статуй по Высочайшему повелѣнію.

Академикъ Тербеневъ, кромѣ разныхъ другихъ работъ, вылѣпилъ бюстъ извѣстнаго трагика В. А. Каратыгина, который и отлитъ изъ бронзы; оканчивалъ порученный ему Ея Императорскимъ Высочествомъ Государынею Великою Княгинею Марією Николаевною, саркофагъ въ Бозѣ почившему Его Императорскому Высочеству Герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому, состоящей изъ шести мраморныхъ ангеловъ, и, по повелѣнію Его Императорскаго Величества Государя Императора, продолжалъ рубить изъ мрамора статую атлета.

Если бъ мы стали исчислять произведенія прочихъ гг. профессоровъ, какъ-то: г. Бруни, Басина, Маркова, Завьялова и другихъ ака-

демиковъ, то далеко бы переступили за предѣлы нашего фельетона, и потому ограничима только главнымъ.

Государь Императоръ, въ постоянномъ милостивомъ вниманіи своемъ къ Академіи Художествъ, изволилъ пожаловать въ даръ Академіи девятнадцать картинъ лучшихъ мастеровъ, какъ-то: Джуліо Романо, Рафаэля Менгса, Гверчино, Микель-Анджело, Альбано, Вандейка, Карла Дольче, Батони, Бурдона и проч. а Ея Императорское Высочество Ольга Николаевна четыре статуэтки Виртембергскихъ курфистровъ: Ульриха Любимѣйшаго, Фридриха, Ульриха и Христофа. Въ кабинетъ эстамповъ поступили также, по Высочайшему назначенію 11-я и 12-я тетради Живописнаго Кавказа, Князя Гагарина, четырнадцатая тетрадь Русской старины г. Мартынова и дополнительная тетрадь къ сочиненію: Musée des armes rares, anciennes et orientales de sa Majesté L'Empereur.

Въ одномъ изъ прошедшихъ нумеровъ мы говорили объ обильномъ открытіи сѣры въ Россіи. Новое открытіе показало, что недра нашего отечества скрываютъ всѣ сокровища, которыми только могутъ похвалиться страны земнаго шара, даже жемчугоносныя рѣки. Теперь найдено, что кромѣ Уральскаго Хребта, изобилующаго почти всевозможными рудниками, есть у насъ много и другихъ рудниковъ, еще не такъ извѣстныхъ, такихъ, которыхъ существованія мы и неподозрѣвали. Такъ, напримѣръ, въ Муромскомъ уѣздѣ, близъ села Панфилова, въ Карачаровѣ, имѣніи графа А. С. Уварова, найденъ желѣзный рудникъ, неимѣющій надлежащаго направленія, и руда находится въ немъ неправильно расположенными гнѣздами. Первоначально желѣзная руда отыскана была въ трехъ мѣстахъ, заключающихъ въ себѣ пространство шестнадцати квадратныхъ верстѣ. Она обыкновенно добывается помощію дудокъ и подземныхъ подходовъ, которые покидаются по совершенномъ вынутіи видимой руды. Желѣза добывается ежегодно до двухъ сотъ пятидесяти тысячъ рудъ, для чего употребляется на работу до двухъ сотъ тридцати человекъ. Эта руда назначается для выплавленія штыковаго чугуна, отпускаемаго въ торговлю. Свинца у насъ также большое количество, особенно когда имъ не стали пренебрегать при очищеніи серебряныхъ рудъ. Каменный уголь открывается все болѣе и болѣе не только на Дону, но даже и въ другихъ губерніяхъ, такъ, что въ прошломъ году открытъ обильный пластъ каменнаго угля въ Боровичахъ, Новгородской губерніи. Слѣдовательно, мы ни въ чемъ не можемъ затрудниться и жалѣть, что Англія лишитъ насъ чегонибудь своею блокадой, тѣмъ болѣе, что русскій человекъ смысленъ и при нуждѣ тотчасъ чтонибудь перейметъ, или придумаетъ самъ. Не будь у нашего простаго народа безмечности, до нужной поры, мы на-

вѣрное во всемъ переделали бы иностранцевъ и не прибѣгали бы къ ихъ улучшеннымъ моделямъ. За подтвержденіемъ истины ходить не далеко: напримѣръ, Самарскіе колонисты постарались усовершенствовать русскую телѣгу и сдѣлали ее еще болѣе удобною. Крестьяне, живущіе въ сосѣдствѣ съ колонистами, начали также заводить и у себя такія телѣги, что сильнѣе всего говорить въ пользу улучшенія. Мы полагаемъ не лишнимъ привести здѣсь описаніе этого улучшеннаго экипажа для нашихъ сельскихъ подписчиковъ. Ходъ новой телѣги такой же, но вмѣсто кузова или кресель, которые обыкновенно обшиваются лубкомъ, колонисты придумали развалистый, широкій, сдѣланный изъ досокъ, въ вершокъ толщиною, ящикъ, только подлиннѣе обыкновенной русской телѣги. Ящикъ этотъ дѣлается плотникомъ изъ струганыхъ досокъ, которыя плотно пригоняются между собою въ пазы, и утверждаются на обѣихъ осяхъ. Телѣга выходитъ просторная, опрятная и легкая. Главное же ея удобство состоитъ въ томъ, что во время ѣзды ничего не потеряешь, что въ нее ни положи. Остановившись на дорогѣ кормить лошадь, колонистъ, отодвинувъ къ одному концу клаку, въ другомъ кладетъ сѣно и овесъ, и даже поитъ лошадь въ этомъ же ящикѣ. Желательно, чтобъ эти новыя телѣги вошли въ употребленіе и въ другихъ русскихъ губерніяхъ и особенно замѣнили чухонскія двуколески.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о новой забавѣ, которая у насъ въ большомъ ходу. Это потишоманія. Бываютъ разныя маніи или исключительная къ чему нибудь страсть. Такъ существуетъ меломанія, страсть къ музыкѣ, страсть къ живописи, къ стихамъ, къ театру; была даже не такъ давно въ Петербургѣ страсть пускать мыльные пузыри, и куда бы вы ни пріѣхали, васъ повсюду встрѣчали съ соломенкою въ зубахъ и съ намыленною водою. Даже на улицахъ носились предъ вами мыльные пузыри, иногда усовершенствованные любителями и доведенные до удивительной величины, благодаря искусству составлять мыльную воду и изобрѣтенымъ новымъ трубочкамъ. Потишоманія есть ничто иное, какъ воспроизведеніе искусственныхъ японскихъ вазъ и кружекъ, посредствомъ искуснаго наложенія вырѣзанныхъ узоровъ, фигуръ или цвѣтовъ на внутренней стѣнкѣ сосудовъ. Это изобрѣтеніе чисто парижское и доставило своимъ изобрѣтателямъ огромный барышъ. Искусственные японскія вазы вошли въ Парижъ въ большое употребленіе, и совѣмъ почти совершенно вытѣснили изъ моды настоящія японскія. Вазы эти появились и у насъ, а съ ними и рисунки и узоры для нихъ, равно какъ и наставленіе, какъ слѣдуетъ поступать при ихъ украшеніи. Весь приборъ можно получить въ магазинѣ la Ferme. Въ домѣ Меншикова. Разумѣется, что бо-

лѣе или менѣе лучшее украшеніе будетъ зависѣть отъ вкуса и умѣнья, съ какимъ будутъ расположены рисунки.

Другое развлеченіе внѣ дома доставляютъ многимъ пикники, катанья на тройкахъ и ледяныя горы, выстроенныя на Петровскомъ, Крестовскомъ островахъ и на дачѣ купца Лежова, за Петергофской заставой. Должно при этомъ замѣтить, что охота кататься на ледяныхъ горахъ, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ были въ большой модѣ и составляли развлеченіе даже высшаго круга, съ каждымъ годомъ уменьшается и доставляетъ теперь удовольствіе только низшему кругу (разумѣется за нѣкоторымъ исключеніемъ); пикники же, напротивъ, очевидно входятъ въ моду и особенно часты послѣ перваго снѣга, при небольшихъ морозахъ, въ лунныя ночи. И въ самомъ дѣлѣ, есть какая-то особенная, непостижимая прелесть въ быстротѣ бѣга и въ окрестности покрытой бѣлою пеленою снѣга, будто усѣяннаго оживленными, перемѣняющимися мѣста алмазами. Звукъ бубенчиковъ, разстилающаяся даль, окружающее васъ безмолвіе, тянущіеся обозы, Богъ вѣсть куда и откуда, навѣвають на сердце какія-то особенныя грезы и уносятъ васъ далеко далеко, отъ Петербурга, въ какую-то невидимую вашимъ собственнымъ воображеніемъ созданную даль. Есть такіе охотники до трюичныхъ загородныхъ поѣздокъ, которые ѣздятъ за нѣсколько верстъ только пить чай и даже простое молоко къ колонистамъ, какъ будто они не могли получить того и другаго въ самомъ Петербургѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ сборные пункты для загородныхъ трюичныхъ прогулокъ очень уменьшились. Нѣтъ болѣе ледяныхъ горъ, при свѣтѣ шкаликовъ на минеральныхъ водахъ Излера, нѣтъ болѣе г-жи Кессенихъ, въ Красномъ Кабачкѣ, за петербургскою заставой. Для любителей остались теперь только Екатерингофъ и Гостинница на Средней Рогаткѣ. Здѣсь преимущественно даются нынѣшнюю зиму пикники, благодаря удобному и обширному помѣщенію и хорошему устройству гостинницы, въ которой можно получить все желаемое, разумѣется, за цѣну гораздо большую противъ городской.

Въ самомъ Петербургѣ теперь еще нѣтъ пока ничего особеннаго, чтобъ могло обратить на себя вниманіе публики. Кормленіе звѣрей въ звѣринцѣ Зама уже начинаетъ всѣмъ докучать, въ діораму съ *видами* г. Принчипе никто не ходитъ; настоящіе концерты, даваемые новыми извѣстными артистами, и привлекающіе большую часть образованнаго народонаселенія Петербурга, еще не наступили, и потому петербургцамъ рѣшительно не было бы о чемъ говорить и рассказывать, еслибъ горизонтъ нашихъ новостей не обогатился одною еще до сихъ поръ невиданною у насъ диковинкой, которая вѣроятно будетъ для насъ любопытнѣе какого нибудь трехъ-аршиннаго неуклюжаго великана или аршиннаго карлика.

Недавно пріѣхала въ Петербургъ, изъ Саратовской губерніи, Аткарскаго уѣзда, крестьянская дѣвушка, двадцати шести лѣтъ, вовсе безъ рукъ, которыя она вполне замѣнила ногами. Татьяна Григорьева трудами своими сама вынячила и воспитала сестру свою, которую взяла на свое попеченіе съ осьмилѣтняго возраста. Она всѣ житейскія потребности исполняетъ плечами, зубами и пальцами на ногахъ. Ногами пишетъ, дергаетъ корпію, чинитъ карандашъ, кроитъ, шьетъ себѣ платья, распарываетъ, вяжетъ чулки, сучитъ веретеномъ нитки, шерсть, расчесываетъ свою голову, умывается, утирается и одѣвается сама, отпираетъ двери, комоды ключемъ подаетъ вещи, кто въ чемъ нуждается, вырѣзываетъ изъ бумаги цвѣты; съ ложкой, вилкой, ножомъ обращается какъ каждый при ѣдѣ. Наливаетъ изъ крана самовара воду въ чайникъ, и изъ чайника въ чашку, чашку же сама подноситъ ко рту. Изъ колыбели вынимаетъ ребенка зубами и целуетъ ногами. Правитъ крестьянскою лошадейю въ телѣгѣ или саняхъ, и можетъ даже подковать переднія ноги у лошади. Ухватомъ вынимаетъ горшки изъ печи, ходитъ за водою съ коромысломъ; играетъ въ карты, вдѣваетъ нитку или шелкъ въ иголку, и пр. и пр. Однимъ словомъ, это просто диво. Ее можно видѣть по Вторникамъ, Пятницамъ и Воскресеньямъ, отъ двѣнадцати до трехъ часовъ пополудни, въ Гагаринскомъ переулкѣ, близъ Литейнаго моста, въ домѣ подъ № 20.

Чтобъ быть вполне отчетливыми, намъ слѣдуетъ упомянуть еще о праздникѣ, который хотя происходилъ не въ Петербургѣ, но тѣмъ не менѣе долженъ быть любопытенъ для русскихъ читателей. Мы говоримъ о прощальномъ обѣдѣ Начальника двухъ соединенныхъ Балтійскихъ дивизій, бывшихъ на стражѣ нашей столицы, адмирала П. И. Рикорда и командуемаго имъ флота.

22-го октября, адмиралъ П. И. Рикордъ спустилъ свой адмиральскій флагъ, и наши корабли, защищавшіе Кронштатъ, втянулись въ гавань. Предъ возвращеніемъ на зиму въ Петербургъ, адмиралъ пригласилъ на прощальный обѣдъ, данный имъ въ благородномъ Кронштатскомъ Собраніи, многочисленное, избранное общество, соотоявшее изъ прежнихъ и новыхъ его сослуживцевъ, Кронштатскаго морскаго и военно-сухопутнаго начальства, нѣкоторыхъ литераторовъ и другихъ почетныхъ и извѣстныхъ особъ, пріѣхавшихъ изъ Петербурга. За блистательнымъ обѣдомъ этимъ былъ провозглашенъ тостъ за здравіе Государя Императора и Августѣйшаго Генераль-Адмирала. Затѣмъ П. И. Рикордъ, съ свойственнымъ ему одушевленіемъ, въ сильныхъ выраже-

ніяхъ изъявлялъ свою благодарность всѣмъ своимъ сослуживцамъ, такъ ревностно порывавшимся стать грудью противъ многочисленнаго непріятеля.

Въ краткой рѣчи, обращаясь къ подвигамъ Черноморскихъ моряковъ, такъ храбро защищающихъ свой родной Севастополь, адмиралъ замѣтилъ, что хотя балтійскіе моряки и не имѣли удовольствія въ нынѣшнемъ году угощать Нешира *завтракомъ* въ Кронштадтѣ, но съ свойственнымъ русскому человѣку гостепрѣимствомъ вполне были готовы съ почетомъ встрѣтить и проводить заморскихъ гостей. Въ заключеніе онъ предложилъ подписку въ пользу семействъ убитыхъ моряковъ черноморскаго флота, при оборонѣ Севастополя. Предложеніе было принято съ восторгомъ и тотчасъ же исполнено всѣми присутствовавшими.

Здѣсь кстати упомянуть, что въ числѣ многихъ пожертвованій, сдѣланныхъ въ послѣднее время въ пользу нашего флота, Ростовскій купецъ Василій Рахмановъ пожертвовалъ морякамъ соединенныхъ флотскихъ дивизій 8000 образовъ угодниковъ Ростовскихъ, для ношенія на крестѣ. П. И. Рикордъ благодарилъ его за это слѣдующимъ замѣчательнымъ письмомъ:

Почтенный Василій Рахмановъ.

Около 250-ти лѣтъ назадъ, въ тяжкую годину Россіи, Нижегородскій мѣщанинъ Козьма Миныхъ Сухорукій призывалъ своихъ согражданъ къ защитѣ Отечества, угнетеннаго врагами внутренними и внѣшними, и всѣ жители Нижегородской области, способные носить оружіе, становились въ ряды вѣрнаго воинства, а прочіе слагали на площади свое достояніе, жертвуя имъ на издержки войны, и иконами Святителей Ростовскихъ благословляли идущихъ на брань. И нынѣ, когда Россія, крѣпкая вѣрою въ Христа-Искупителя, сильная любовью къ Царямъ своимъ и могучая обиліемъ плодовъ земныхъ, подняла оружіе на защиту своихъ единовѣрцевъ на Востокѣ и тѣмъ явно возбудила противъ себя давно скрываемую зависть Запада, ты, вмѣстѣ съ прочими согражданами, принесшими посильную дань Отечеству, какъ истинный сынъ Церкви Православной и потомокъ доблестныхъ праотцевъ, пожертвовалъ 8000 иконъ Ростовскихъ Чудотворцевъ, которые, по желанію твоему и розданы нижнимъ чинамъ вѣрнаго мнѣ флота, для ношенія на крестѣ.

Искренно благодаря тебя за это, сожалѣю, что не всѣ Православные моряки, служащіе подъ моимъ начальствомъ, могли воспользоваться даромъ твоимъ, ибо менѣе счастливые изъ нихъ, въ числѣ, превышаю-

чемъ 5000 человекъ, лишены еще радости носить на груди своей изображение Угодниковъ Божиихъ.

Адмиралъ Петръ Ивановичъ сынъ *Рикордъ*, по фамилии человекъ иностранный, по религиинию счастье быть православнымъ, по душѣ — чисто Русскій.

На корабль Св. Георгій Побѣдоносецъ.

На Кронштадтскомъ рейдѣ.

Получивъ это письмо, Рахмановъ объяснилъ Адмиралу, что будучи глубоко тронуть столь лестнымъ отзывомъ его высокопревосходительства о его посылномъ приношении, онъ считаетъ обязанностью завѣщать дѣтямъ и внукамъ своимъ письмо это изъ рода въ родъ, и вслѣдъ за тѣмъ прислалъ къ адмиралу еще 6000 образцовъ для раздачи экипажамъ, по примѣру прежнихъ.

Послѣ обѣда, В. П. Мельничій, флагъ-офицеръ адмирала, обратился къ собесѣдникамъ съ слѣдующими стихами:

ВСТРѢЧА НЕПТУНА СЪ РИКОРДОМЪ.

24-го августа 1854 г. *.

НЕПТУНЪ.

Здравствуй, Рикордъ! Сколько лѣтъ

Мы съ тобою не видались!

Постарѣлъ ты, милый дѣдъ!

Какъ глубоко начертались

На возвышенномъ челѣ

Испытанья жизни долгой,

Суетливой, безпокойной,

На сухой, пустой землѣ!

Все жъ узналъ тебя я скоро:

Тѣ же строгія черты,

Та жъ пріятность разговора,

Такъ же бодръ и веселъ ты.

Я все тотъ же: не дряхлѣю,

И не гнуся подъ игомъ лѣтъ.

* 24 и 25-го августа адмиралъ Рикордъ, крейсиря съ эскадрою у Красной Горки, выдержалъ страшную бурю, по словамъ старыхъ моряковъ, еще не бывавую въ Финскомъ заливѣ. Во время бури этой, адмиральскій корабль Императоръ Петръ 1-й потерялъ рубъ.

Понеслася вдаль волна,
 Счастья, гордости полна,
 И явилася смиренно,
 Передъ трономъ Нептуна.
 Покачалъ главою курчавой
 Царь подводныхъ, грозныхъ силъ,
 И шалуны погрозилъ,
 Улыбаяся лукаво.

Послѣ шумной дружеской бесѣды, всѣ гости съ почтеннымъ, радужнымъ хозяиномъ гурьбой отправились въ концертъ, гдѣ прекрасныя дарованія русскихъ артистовъ г-жъ Леоновой, Латышевой, Дмитриева-Свѣчина и Маурера достойно увѣнчали наслажденія этого замѣчательнаго дня.

Мы полагаемъ, что теперь, когда мы прощаемся съ 1854 годомъ, всего интереснѣе взглянуть на тѣ перевороты, которые произошли въ теченіе этого года въ области дамскихъ модъ. Вотъ всѣ измѣненія, которыя 1854 годъ принесъ въ женскихъ нарядахъ, измѣненія, которыя съ большими перемѣнами вѣроятно устоятъ еще на нѣсколько мѣсяцевъ.

Мы возвратились къ *воланамъ*, которые съ незапамятныхъ временъ то пользовались успѣхомъ, то предавались забвенію, и къ *баскинамъ*, господствовавшимъ въ области модъ при Людовикѣ XV, къ мантильямъ той же эпохи, къ длиннымъ платьямъ, къ башмакамъ съ каблуками. Недостаетъ только пудры. Пробовали было ввести и ее въ употребленіе, но безъ успѣха. Впрочемъ это еще впереди... Значить

Все новое на старое похоже.

Никогда еще воланы не были въ такой модѣ. Нынче они совершенно покрываютъ всю юбку. Умѣренныя модницы довольствуются тремя воланами. Но кто стремится къ точному подражанію модѣ, у тѣхъ бываетъ по десяти, двѣнадцати и даже до двадцати волановъ на юбкѣ. На рукавахъ также необходимы три или четыре волана, и воланы на корсажѣ вмѣсто баскинъ. Баскины и воланы, воланы и баскины—только и видишь.

Воланы тѣневые, воланы различныхъ цвѣтовъ, гармонирующіе съ цвѣтомъ юбки, воланы съ гирляндами à la romproug или съ шотландскими бордюрами, воланы убранные лентами въ складку или ленточнымъ рюшемъ, баскины круглыя, съ углами, длинныя и короткія, цѣльныя и разрѣзныя, все это продолжается уже около трехъ лѣтъ, а еще упрекаютъ же моду въ непостоянствѣ!

Развивались и сходились
И неслись над бездной водь...
Свѣтъ багровый проливая,
Солнце спорило со мглой,
И, въ борьбѣ изнемогая,
Уступало ей порой.
Полный дикой, рьяной страсти,
Вѣтеръ рвался и ревѣлъ,
«Петръ» смутившійся скригѣлъ,
Руль трещалъ и пѣли снасти...
За волной неслась волна,
Грудь высоко поднимая,
Черный иль морскаго дна
Съ бѣлой пѣною мѣшая.
И борясь съ напоромъ волнъ
«Петръ» то въ бездну опускался,
То съ угрозой поднимался,
То дрожалъ, какъ утлый челнъ...

—
Долго длилось состязанье,
Долго вѣтеръ рукоплескалъ;
Ночи мракъ уже смѣнялъ
Солнца тусклое сіянье...
Стихли волны-великаны,
И изъ пушечныхъ портовъ,
Какъ изъ челюстей китовъ,
Перестали бить фонтаны...
Но тревоженъ, кратокъ сонъ
Расходившагося моря:
Полонъ долго будетъ онъ
Воплей радости и горя!..
Скрыта въ сумракѣ ночномъ,
Поднялась волна смѣлѣе,
Обнималась, не краснѣя,
Съ величавымъ кораблемъ...
Онъ противился. Напрасно!
Въ полночь выбился изъ силъ,
И шалуни сладострастной,
Руль на память подарилъ...
Даръ схвативши драгоценный,

Посмотри: все также съдъ,
 Такъ же молодъ; не худбю;
 И какъ прежде—я то весель,
 То брюзгливъ и прихотливъ,
 То любитель шумныхъ пѣсень,
 А порой и молчаливъ...
 Съ громкой, пушечной пальбою
 Ты прислалъ ко мнѣ привѣтъ.
 Ну, спасибо, другъ! Отвѣтъ
 Не останется за мною.
 Я велю своимъ волнамъ,
 Шумной, радостной толпою
 Хлынуть къ финскимъ берегамъ,
 Встрѣтить пѣсней удалю
 Адмирала-старика,
 Имъ, малюткамъ, на забаву,
 Морякамъ твоимъ на славу,
 Покачать тебя слегка.

РИКОРДЪ.

Нѣтъ, пожалуйста, не надо:

Укачаетъ...

НЕПТУНЪ.

Флотъ?

РИКОРДЪ.

Меня!

НЕПТУНЪ.

Словно ты изъ маскарада:

Интригуешь!

РИКОРДЪ.

Не шута,

Я боюсь нынѣ бури...

НЕПТУНЪ.

Ты?! Вотъ, вѣрь его словамъ!..

Тотъ, кто плавалъ по волнамъ

Океана, въ Сингапурѣ

Противъ шторма устоялъ,

Встрѣтилъ бору въ Дарданеллахъ,

Въ Кунаширѣ сильный шквалъ,

И въ тропическихъ предѣлахъ

Развивались и сходились
И неслись надъ бездной водъ.
Свѣтъ багровый проливая,
Солнце спорило со мглой,
И, въ борьбѣ изнемогая,
Уступало ей порой.
Полный дикой, рѣной страсти,
Вѣтеръ рвался и ревѣлъ,
«Петръ» мутившійся скрипѣлъ,
Рудь трещаль и пѣли снасти...
За волной неслась волна,
Грудь высоко поднимая,
Черный иль морскаго дна
Съ бѣлой пѣною мѣшая.
И борясь съ напоромъ волнъ
«Петръ» то въ бездну опускался,
То съ угрозой поднимался,
То дрожалъ, какъ утлый челнъ...

—

Долго длилось состязанье,
Долго вѣтеръ рукоплескалъ;
Ночи мракъ уже смѣнялъ
Солнца тусклое сіянье..
Стихли волны—великаны,
И изъ пушечныхъ портовъ,
Какъ изъ челюстей китовъ,
Перестали бить фонтаны...
Но тревоженъ, кратокъ сонъ
Расходившагося моря:
Полонъ долго будетъ онъ
Воплей радости и горя!..
Скрыта въ сумракѣ ночью,
Поднялась волна смѣлѣе,
Обнималась, не красѣя,
Съ величавымъ кораблемъ...
Онъ противился. Напрасно!
Въ полночь выбился изъ силъ,
И шалуни сладострастной,
Рудь на память подарилъ...
Даръ схвативши драгоцѣнный,

Понеслася вдаль волна,
 Счастья, гордости полна,
 И явилася смиренно,
 Передъ трономъ Нептуна.
 Покачалъ главой курчавой
 Царь подводныхъ, грозныхъ силъ,
 И шалуни погрозилъ,
 Улыбаяся лукаво.

Послѣ шумной дружеской бесѣды, всѣ гости съ почтеннымъ, радужнымъ хозяиномъ гурьбой отправились въ концертъ, гдѣ прекрасныя дарованія русскихъ артистовъ г-жъ Леоновой, Латышевой, Дмитриева-Свѣчина и Маурера достойно увѣнчали наслажденія этого замѣчательнаго дня.

Мы полагаемъ, что теперь, когда мы прощаемся съ 1854 годомъ, всего интереснѣе взглянуть на тѣ перевороты, которые произошли въ теченіе этого года въ области дамскихъ модъ. Вотъ всѣ измѣненія, которыя 1854 годъ принесъ въ женскихъ нарядахъ, измѣненія, которыя съ большими перемѣнами вѣроятно устоятъ еще на нѣсколько мѣсяцевъ.

Мы возвратились къ *воланамъ*, которые съ незапамятныхъ временъ то пользовались успѣхомъ, то предавались забвенію, и къ *баскинамъ*, господствовавшимъ въ области модъ при Людовикѣ XV, къ мантильямъ той же эпохи, къ длиннымъ платьямъ, къ башмакамъ съ каблукками. Недостаетъ только пудры. Пробовали было ввести и ее въ употребленіе, но безъ успѣха. Впрочемъ это еще впереди... Значить

Все новое на старое похоже.

Никогда еще воланы не были въ такой модѣ. Нынче они совершенно покрываютъ всю юбку. Умѣренныя модницы довольствуются тремя воланами. Но кто стремится къ точному подражанію модѣ, у тѣхъ бываетъ по десяти, двѣнадцати и даже до двадцати волановъ на юбкѣ. На рукавахъ также необходимы три или четыре волана, и воланы на корсажѣ вмѣсто баскинъ. Баскины и воланы, воланы и баскины—только и видишь.

Воланы тѣновые, воланы различныхъ цвѣтовъ, гармонирующіе съ цвѣтомъ юбки, воланы съ гирляндами à la romproug или съ шотландскими бордюрами, воланы украшенные лентами въ складку или ленточнымъ рюшемъ, баскины круглыя, съ углами, длинныя и короткія, цѣльныя и разрывныя, все это продолжается уже около трехъ лѣтъ, а еще упрекаютъ же моду въ непостоянствѣ!

Для домашняго наряда воланы должны быть одинаковаго цвѣта съ платьемъ и безъ украшеній. Но для визитовъ и вообще на нарядномъ платьѣ ихъ обшиваютъ рюшемъ. На бальныхъ платьяхъ на рюшь нашиваютъ бантики изъ лентъ, называемые *des papillons*.

Корсажи для этихъ платьевъ дѣлаются для контраста, гладкіе и вырѣзные. Прорѣзь соединяется рюшами и лентами такихъ же цвѣтовъ какъ на воланахъ. Впрочемъ фасоны корсажей чрезвычайно разнообразны. Они дѣлаются съ вырѣзками, гладкіе, высокіе, застегнутые спереди, съ украшениями изъ лентъ, рюшей и проч.

Рукава также очень разнообразныхъ фасоновъ, но нѣтъ такого, который бы одержалъ верхъ надъ другими.

Рукава открытые, *pagodes*, разрѣзные, обшитые лентами, рукава разрѣзные съ обѣихъ сторонъ, вырѣзки переплетены бархатомъ, лентами, аграмантомъ; рукава съ отворотами украшенными пуговками, рукава въ складкахъ до локтя, убранные бантиками изъ лентъ, всѣ въ модѣ.

Юбки платьевъ дѣлаются очень широки и длинны.

Что жъ касается до матерій, то онѣ различны, смотря по времени года, но вообще крупныя рисунки. Шелковыя матеріи кадрили отличаются огромными клѣтками. Ленты съ фестонами—очень красивое нововведеніе, которое, должно полагать, будетъ пользоваться успѣхомъ.

Мода требуетъ чтобъ подъ эти красивыя платья надѣвали волосняныя юбки. Но вкусъ къ изящному заставляетъ насъ осудить эту моду. Ничего не можетъ быть безобразнѣе волосняныхъ юбокъ. Онѣ придаютъ женщинѣ видъ сахарной головы, лишаютъ ея походку граціи, отнимаютъ всю непринужденность движеній... Фижмы ужъ несравненно лучше въ этомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ они обрисовывали талью.

Послѣ волосняныхъ юбокъ, не можемъ еще не осудить маленькихъ шляпокъ. вмѣсто того чтобъ оставить шею открытою, онѣ сидятъ на затылкѣ. Кромѣ того, онѣ вовсе не для нашего климата. Но что значить простуда въ сравненіи съ удовольствіемъ имѣть модную шляпку?

Впрочемъ, надо сознаться, что модистки извлекли все, что только можно, изъ этого неблагоприятнаго фасона. Онѣ почти скрадываютъ форму шляпки цвѣтами и лентами.

Для зимы шелкъ и бархатъ вмѣстѣ считаются самымъ *comme il faut* въ дѣлѣ шляпокъ. Для лѣта ничего не можетъ быть лучше соломы. Шляпки изъ итальянской соломы почти недопускаютъ никакихъ украшеній. Къ бастовымъ очень идетъ отдѣлка изъ блондъ или кружевъ. Большею частью, соломенные шляпки убираются рюшами изъ тафты съ вышѣчкой. Ихъ накалываютъ въ видѣ гирлянды между тульей и полями, обшиваютъ ими баволе и края полей.

пренебрегая этою отдѣлкой, какъ елишкомъ всеобщей, замѣнили тафтяные рюши черными страусовыми перьями. Въ такомъ случаѣ необходимъ на баволѣ бантъ изъ бархатныхъ лентъ.

Другіе, по-нашему мнѣнію, дѣлаютъ еще лучше: онѣ замѣняютъ рюши цвѣтами.

Нарядныя шляпки дѣлаются тюлевая, изъ трехъ бульоне, въ которыхъ продернута цвѣтная лента. Поля и баволѣ обшиваются рюшемъ изъ блонды. Къ этимъ шляпкамъ идутъ легкіе букеты изъ фіалокъ, иванъ да марья или другихъ мелкихъ цвѣтовъ.

Многія шляпы дѣлаютъ à la Marie Stuart, т. е. съ небольшимъ мысомъ спереди. Шляпы эти очень хорошо обрамляютъ лице, особенно если врическа состоитъ изъ бандо крепе. Изъ шляпъ этого рода, особенно хороша одна, называемая chapeau *Mathilde*. Она бастовая; съ обѣихъ сторонъ вмѣсто всякихъ украшеній, по одному пучку узенькихъ бархатныхъ лентъ, голубаго цвѣта, завитыхъ спиралью и перемѣшанныхъ съ соломенными усами. Такой же пучекъ бархатныхъ лентъ приколоть сзади въ видѣ cache-reigne. Онъ какъ будто выходитъ изъ баволе. Подъ полями блондовый рюшъ, перемѣшанный съ голубыми бархатными лентами и незабудками.

Послѣ шляпъ слѣдуетъ говорить о чепчикахъ.

Утренніе, бѣлые чепчики очень малы и густо обшиваются спереди. Болѣе нарядные, для дома, дѣлаютъ изъ шелковаго тюля и блондъ съ гладкими или клѣтчатыми лентами. Съ обѣихъ сторонъ огромные шу. Завязки очень широки и длинны.

Канзу просто сдѣлалось необходимою въ модномъ гардеробѣ. Ихъ дѣлаютъ черные и бѣлые. Для бѣлыхъ не щадятъ ни кружевъ, ни лентъ. Иногда ихъ украшаютъ богатою вышивкой. Они придаютъ всему наряду свѣжесть и изящную легкость. Черные дѣлаютъ изъ гладкаго тюля. На него нашиваютъ въ нѣсколько рядовъ черныя кружева. Рукава *ragode* также обшиваются въ нѣсколько рядовъ кружевами. Иногда нашиваютъ на эту канзу рядъ кружевъ и рядъ черныхъ бархатныхъ лентъ, попеременно, вдоль или въ ширину. Но вдоль красивѣе. Эти канзу дѣлаются съ басками также обшитыми черными бархатными лентами и кружевами, и украшенными бархатными бантами съ концами.

Черные канзу дѣлаютъ открытые и закрытые. Открытые, обшиваются только въ два ряда кружевами.

Еще очень красивое нововведеніе: кисейная бѣлая пелеринка, украшенная вышивкой. Сзади она образуетъ шницъ, впереди вырѣзана на груди, съ басками, которые идутъ вокругъ талии и соединяются назади большимъ бантомъ изъ лентъ, такого цвѣта какъ платье. Эти пеле-

ринки очень хороши на свѣтлыхъ платьяхъ съ открытыми корсажами и сборчатыми рукавами. Нарядъ этотъ идетъ для молодыхъ особъ.

Гладкіе воротнички à la mousquetaire все еще въ большой модѣ. Бѣлые рукава носятъ сборчатые на обшивкѣ съ широкой буффой.

Дѣлаютъ воротники и рукава à la mousquetaire изъ кисейныхъ прошивокъ и полосокъ кисеи. Обшиваютъ ихъ узенькими кружевами.

Воротнички à la Cavalière дѣлаются изъ жаконета или полотна, взятаго вдвое. Вышиваютъ ихъ вгладь.

Вышитыя бѣлыя юбки подъ платья дѣлаются съ тремя и четырьмя воланами. Англійское шитье ужъ устарѣло, и потому, для разнообразія его перемѣшиваютъ съ вышивкой гладью и au point de Venise. Самыя роскошныя юбки вышиваются вгладь. Къ вышивкѣ присоединяютъ кружевныя прошивки.

Мантильи. Нынѣшнею весною въ большой модѣ были мантильи-шарпы. Ихъ обшиваютъ кружевами или въ нѣсколько рядовъ воланами изъ той матеріи, какъ и самая мантилья. Еще убираютъ ихъ складками изъ той же матеріи, обшитыми бахромой или сборчатыми лентами.

Фасоны этихъ мантилій очень разнообразны и граціозны, также какъ и ихъ названія.

Мантилья *шарпъ à l'Isabelle* дѣлается изъ прошивокъ чернато тюля вышитаго въ шпуръ съ тафтой фіолетоваго цвѣта. Прошивки эти соединяются полосами изъ фіолетовой тафты, на которыхъ нашиты рюши изъ той же тафты. Вокругъ всей мантильи тафтяный рюшь, къ которому пришиты широкія кружева.

Есть еще мантилья *bijou*, мантилья *caprice*, послѣдняя дѣлается изъ широкой черной гроднацлевой ленты съ атласными полосами. Обшивается она двойнымъ рюшемъ изъ лентъ и широкимъ кружевнымъ воланомъ.

Много носятъ также мантилій *Eugénie*. Ихъ дѣлаютъ изъ тафты, совершенно исчезающей подъ богатой вышивкой вгладь. Обшиваютъ двумя кружевными воланами, изъ которыхъ послѣдній шире самой мантильи.

Вышивка вгладь въ большой модѣ нынѣшнее лѣто. Много дѣлаютъ также мантилій изъ черной тафты. Обшиваютъ ихъ такими же воланами, убранными рюшами изъ тафты же двухъ цвѣтовъ: черной и голубой, черной и зеленой, или черной и фіолетовой. Послѣдній цвѣтъ въ большой модѣ.

Тальмы почти совсѣмъ оставили.

Всѣ новѣйшіе рисунки шалей, вышивокъ, въ восточномъ вкусѣ.

Амазонки. Фуражки преданы совершенному забвенію; круглыхъ шляпъ также не будутъ носить. Для верховой ѣзды необходима шляпа à la

Louis XIII, съ широкими приподнятыми полями, украшенная перомъ или бархатомъ. Корсажи амазонокъ дѣлаютъ съ басками. Съ черною юбкой носятъ камзолъ изъ нанкина, съ украшениями изъ широкихъ бѣлыхъ лентъ.

ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ. Короткія платья съ воланами, корсажи съ басками, мантильи, эшарпы, бѣлые пикейные жилеты съ платьями изъ клѣтчатой тафты и такими же кофтами, — вотъ наряды маленькихъ дѣвочекъ. Только шляпа отличается фасономъ отъ шляпъ взрослыхъ модницъ. Дѣтскія шляпы дѣлаются изъ итальянской соломы и круглыя.

Въ костюмахъ мальчиковъ нѣтъ значительныхъ нововведеній и перемѣнъ.

Теперь перейдемъ къ тому, что въ настоящую минуту занимаетъ всѣ дамскіе умы. Вотъ самые изысканные модные костюмы декабря мѣсяца:

НАРЯДЪ ПЕРВЫЙ. Гроднаплева юбка съ воланами двухъ цвѣтовъ. Корсажъ гладкій съ басками, застегнутый шелковыми пуговицами и обшитый біе изъ фіолетоваго гроденапля. Воротничекъ и бѣлые рукава кружевные. Прическа *a la Pompadour* съ чернымъ бархатнымъ бантомъ внизу косы.

НАРЯДЪ ВТОРОЙ. Зеленая пу-де-соа юбка съ тремя воланами, обшитыми въ два ряда фестонами изъ сборчатыхъ лентъ и кружевами. Корсажи съ басками и четырьмя прорѣзами поперегъ, обшитыми въ одинъ рядъ сборчатыми лентами. Рукава съ такими же прорѣзами. Бѣлый жилетъ подъ корсажемъ съ бѣлыми кружевными бульонѣ подъ прорѣзами. Воротничекъ и рукава кружевные. Шляпка бѣлая пу-де-соа, убранныя въ нѣсколько рядовъ бѣлыми блондами и завязки зеленыя.

НАРЯДЪ ТРЕТІЙ. Платье пу-де-соа, убранныя въ нѣсколько рядовъ лентами, собранными посрединѣ. Корсажъ сборчатый съ кушакомъ. Рукава также убранныя лентами. Воротничекъ и бѣлые рукава вышитые. Шляпка *a la Marie Stuart* убранныя на поляхъ буфами. Подъ полями мелкіе бѣлые цвѣты.

НАРЯДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. Юбка изъ голубой шелковой матеріи съ поперечными полосами. Корсажъ съ басками, разрѣзанный сверху до низу и соединенный на разрѣзѣ черными бархатными лентами; вокругъ и на бокахъ, такіе же ленты. Рукава широкіе, обшитые на проймахъ и внизу черными бархатными лентами. Воротничекъ и бѣлые рукава кружевные. Коафюра изъ лентъ.

Подъ платьемъ бѣлая вышитая юбка съ воланами.

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

Москва въ день перваго сентября нынѣшняго года.— Совершенное прекращеніе холеры въ Москвѣ.— Празднество въ первой Московской гимназій и краткая ея исторія.— Близкій юбилей московскаго Унивѣрситѣта.— Новое красивое зданіе въ Москвѣ.— Наши зимнія развлеченія.— Балы и маскарады нѣмецкаго клуба и купеческаго собранія.— Спектакли въ нѣмецкомъ клубѣ и нѣчто объ оригинальности московскихъ объявленій.— Зимній хрустальный дворецъ въ бывшемъ Корсаковомъ саду.— Театральныя новости.— Посѣщеніе Москвы г-жею Орловой и приемъ ея московскою публикой.— Бенефисъ г-жи Львовой-Синедкой.— Бенефисъ г. Садовскаго.— Г. Васильева.— Г. Соловьева.— Г. Живокина.— Г-жи Санковской.— Бенефисъ г. Самарина.— Г-жа Берсенева въ роли Офеліи.— Театральныя слухи.— Нѣчто о домашнихъ московскихъ театрахъ прежнихъ и настоящихъ.— Открытіе вновь Церкви.— Новости Кузнецкаго моста и Петровки.— Литературныя и художественныя новости.— Новый книжный магазинъ.— Новые матеріалы для древнѣйшей исторіи Славянъ.— Продолженіе изданія г. Мартынова.— Национальныя пѣсни различныхъ народовъ г. Берга.— Новые патріотическіе стихи г. Шевырева.— Духовныя пѣснопѣнія.— Изображеніе Бородинскаго сраженія и переправа чрезъ Березину.— Портретъ Щеголева.— Патріотическія стихотворенія въ лицахъ.— Новое лечебное заведеніе въ Москвѣ.— Машинное печеніе хлѣба по петербургскому образцу.— Большая панорама Каспара.

Начну я нынче нашу московскую лѣтопись немного съ далека, именно днемъ перваго сентября. Въ день этотъ, въ который до конца XVII столѣтія отправлялось на кремлевской площади торжественное дѣйствіе новолѣтія или многолѣтняго здравія, совершенно было на площади противъ дома г. московскаго военнаго генералъ-губернатора, общее молебствіе о сохраненіи древней нашей столицы отъ губительной эпидеміи. При содѣйствіи графа А. А. Закревскаго, ревнители русскаго благочестія гг. Климовъ, Мотылевъ и староста церкви св. Дмитрія Селунскаго, что у Тверскаго бульвара, купецъ Синайцовъ, устроили въ видѣ возвышенія для святыхъ иконъ мѣста, покрытыя драгоценными парчами; въ срединѣ ихъ на по-мостѣ возвышался балдахинъ съ серебрянымъ голубемъ, знаменіемъ Святаго духа, надъ чаномъ и двумя чашами, предназначенными для водосвятія. Позади балдахина стояли аналой, покрытые богатыми пеленами и осыпанные цвѣтами, а передъ ними архіерейская кафедра. Съ одиннадцати часовъ утра начали уже приносить сюда мѣстныя иконы и хоругви изъ двадцати окрестныхъ церквей. въ сопровожденіи и

стрѣтеніи молебствіями народа при звонѣ многочисленныхъ колоколовъ. Велѣдъ за этими иконами привезены были святыни Успенскаго собора: ковчеги съ ризами Господней и Богородицы, съ гвоздемъ Господнимъ, крестъ Константина Великаго съ частицею животворящаго древа, образъ Влахернскія Богородицы, образъ Всемиловитѣйшаго Спаса, изъ часовни Москворѣцкаго моста, и иконы Богоматерей: Иверскія, Утоленія печали и Взысканія погибшихъ. Болѣе ста иконъ, блистающихъ золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями, размѣшенныя въ приличномъ порядкѣ, представляли умиленное зрѣлище. Этотъ великій соборъ святынь осѣняли пятьдесятъ хоругвий. Не только вся просторная Тверская площадь, но и всѣ окна, балконы и даже кровли окружныхъ зданій были наполнены народомъ, около двухъ часовъ, благоговѣнно ожидавшимъ молебствія и перемѣшавшимся подъ святымъ покровомъ вѣры, безъ различія состояній и званій, знатный съ незнатнымъ, богатый съ неимущимъ. Во второмъ часу по полудни, послѣ божественной литургіи, прибылъ викарій московской митрополіи, преосвященный Алексій, въ ближайшую церковь св. Козьмы и Даміана. Встрѣченный тамъ духовенствомъ двадцати приходоѡвъ и облачась, онъ пошелъ на мѣсто молебствія, послѣдуемый духовенствомъ, несшимъ святыни Успенскаго собора, при пѣніи церковныхъ гимновъ и гулѣ колоколовъ. Осѣнивъ предъ началомъ молебствія предстоявшихъ крестомъ святаго Константина Великаго, Преосвященный приступилъ къ водосвятию и потомъ съ колѣнопреклоненіемъ прочелъ молитву объ избавленіи отъ холеры—«сего меча», по словамъ молитвы «невидимо и безгодно съкущаго», и потомъ снова осѣнилъ всѣхъ благодатнымъ крестомъ и окропилъ на всѣ четыре стороны святою водою. Нельзя высказать, съ какимъ благоговѣйнымъ умиленіемъ собравшіяся толпы московскихъ жителей принимали это святое осѣненіе и окропленіе, вселявшія въ сердца ихъ спокойствіе, надежду и увѣренность въ Божіе милосердіе. Проникнутые глубокимъ чувствомъ упованія къ благому Промыслу, присутствовавшіе, одинъ передъ другимъ добивались почерпнуть изъ чашъ святой воды и подбирать съ мѣста священнослуженія упавшіе цвѣты и даже можжевельникъ. По окончаніи молебствія, святыя иконы сопровождалась духовенствомъ чрезъ старый Газетный переулокъ, на Тверской бульваръ и Дмитровку, а оттуда въ свои приходы. Торжественный обратный ходъ этотъ замедлялся на каждомъ шагу богомольнымъ усердіемъ встрѣчныхъ, изъ которыхъ одни спѣшили цѣловать святыя иконы, а другіе, падая ницъ, подходили подъ образа. Молитвенное слово нашей церкви въ этотъ день древняго нашего новолѣтія: «Благословиши вѣнецъ лѣта благости твоя, Господи!» исполнилось. Вы, разу-

иѣтся, знаете, что холера у насъ совершенно прекратилась и что даже послѣдняя холерная больница давно закрыта, и у насъ нѣтъ въ умѣ даже малѣйшей мысли ожидать къ себѣ когда нибудь впредь эту хлопотливую гостью.

Третьяго октября былъ освѣщенъ новый храмъ въ возобновленномъ зданіи первой московской губернской гимназіи и происходилъ торжественный годичный актъ этого учебнаго заведенія. Освященіе храма и литургія совершены были московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, въ присутствіи г. попечителя московскаго учебнаго округа генералъ-адъютанта В. И. Назимова, многихъ почетныхъ лицъ нашей столицы, членовъ университета, начальствующихъ и должностныхъ лицъ гимназіи и ея воспитанниковъ. Во время богослуженія, символъ вѣры и молитва господня прочтѣны были хоромъ воспитанниковъ. Что у каждаго изъ присутствовавшихъ таилось на душѣ, то краснорѣчиво было высказано мудрымъ нашимъ витіемъ въ назидательномъ словѣ, сказанномъ имъ предъ окончаніемъ литургіи. По окончаніи обѣдни посѣтители перешли въ залу торжественныхъ собраній гимназіи. Актъ открылся рѣчью директора гимназіи, И. А. Шпеера, трудамъ котораго это учебное заведеніе обязано нынѣшнимъ своимъ благоустройствомъ. Вотъ краткая исторія этой московской гимназіи:

Шестьдесятъ восемь лѣтъ назадъ, то есть, 22 сентября 1786 года, было открыто въ Москвѣ *главное народное училище*, помѣщенное первоначально у Пречистенскихъ воротъ, въ наемномъ домѣ князя Волконскаго. Первымъ директоромъ его назначенъ былъ извѣстный въ то время писатель Нелединскій-Мелецкій. По краткому историческому журналу, веденному тогда при училищѣ, видно, что на это заведеніе обращалось особенное вниманіе. Начальство заботилось о пріисканіи и приготовленіи хорошихъ преподавателей; публичные экзамены, происходившіе по два раза въ годъ, посѣщались знаменитѣйшими московскими сановниками и профессорами Университета, которые принимали въ нихъ дѣятельное участіе, какъ экзаменаторы. Приказъ общественнаго призрѣнія и частныя лица, вельможи, дворяне и купцы поддерживали училище денежными пособіями, книгами для бібліотеки, инструментами и разными коллекціями для кабинетовъ. Въ то время главному народному училищу подчинены были все низшія казенныя училища, числомъ семнадцать, и частныя пансіоны, въ числѣ восемнадцати, какъ въ Москвѣ, такъ и въ ея губерніи, и потому училище имѣло полное и исключительное вліяніе на образованіе воспитанниковъ своего округа.

Не вдаваясь въ излишнія подробности для показанія объема, въ ко-

торомъ проходились науки, довольно сказать, что въ 1793 году, кромѣ предметовъ, предписанныхъ уставомъ училища, въ немъ проходили алгебру, тригонометрію и даже начала дифференціального и интегрального исчисленій, съ приложеніемъ ихъ къ физикѣ и механикѣ.

Въ 1795 году въ Бозѣ почивающая Государыня Императрица пожаловала училищу домъ у Варварскихъ воротъ, въ которомъ съ этого времени оно и помѣщалось. Новоселье торжественно было отпраздновано 28 октября, того же года. Въ 1802 году, при образованіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, положено было открыть въ каждомъ губернскомъ городѣ губернскую гимназію. На основаніи этого, 1804 года 2 января, московское главное народное училище переименовано въ *московскую губернскую гимназію*.

Въ 1812 году, по случаю приближенія къ столицѣ непріятеля, гимназія переведена была сначала въ Коломну и вскорѣ потомъ въ Рязань, гдѣ и оставалась въ тамошнемъ уѣздномъ училищѣ болѣе года. Во время московскаго пожара сгорѣли всѣ гимназическія зданія и часть книгъ и другихъ учебныхъ пособій, которыхъ не успѣли вывезти. По возвращеніи въ Москву, воспитанники помѣщались въ наемномъ домѣ до 1819 года; въ это время пожалованъ былъ гимназіи Императоромъ Александромъ I нынѣшній домъ у Пречистенскихъ воротъ.

Въ настоящее царствованіе Государя Императора, московская губернская гимназія, наравнѣ съ прочими, воспользовалась Высочайше дарованнымъ въ 1828 году новымъ уставомъ для среднихъ учебныхъ заведеній, и сообразно съ нимъ была вполне преобразована и существенно улучшена. Въ послѣдствіи, независимо отъ полнаго гимназическаго курса, въ ней учреждены спеціальныя классы законовѣдѣнія и греческаго языка, и обучающимся одному изъ этихъ предметовъ предоставлено право пользоваться, при вступленіи въ государственную службу, чиномъ 14 класса. Полезная дѣятельность наставниковъ и успѣхи тогдашнихъ учениковъ гимназіи доказываются множествомъ достойныхъ воспитанниковъ, сдѣлавшихся полезными гражданами, заслуженными чиновниками, знающими преподавателями въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и наконецъ профессорами, занимающими университетскія каѳедры.

Нельзя умолчать, что гимназія съ 1819 года, поддерживаясь только легкими ремонтными исправленіями, въ 34 года до того обветшала, что въ послѣднее время нѣкоторыя части по необходимости должны были бытъ оставлены.

Въ 1852 году, по ходатайству г. попечителя московскаго учебнаго округа, для капитальнаго исправленія главнаго корпуса гимназіи, изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія ассигновано было тридцать

тысячъ рублей серебромъ. Но начальство округа подробно вникнувъ въ потребности заведенія, предложило не только исправить, а совершенно перестроить всѣ части зданія и наилучшимъ образомъ приспособить ихъ къ назначенію заведенія. Съ этою цѣлю для удобства и пользы воспитанниковъ, предположено было подвести подъ одну крышу спальню, классы, бібліотеку, кабинеты, столовую, гардеробъ и больницу съ аптекой; наконецъ предполагалось во всѣхъ частяхъ зданія прежнюю, пришедшую въ негодность мебель и множество хозяйственныхъ вещей, замѣнить новыми; сообразно съ проходимыми учебными курсами пополнить кабинеты, пополнить и приобрести вновь цѣлыя коллекціи и необходимые инструменты. Всѣ эти предположенія были утверждены Министромъ Народнаго Просвѣщенія, и кромѣ того исходатайствовано Высочайшее соизволеніе на сооруженіе въ гимназій храма.

Осуществленіе этихъ предположеній на дѣлѣ, при всей возможной бережливости, потребовало до *семидесяти девяти* тысячъ рублей серебромъ, то есть, сверхъ ассигнованной суммы, необходимо было прибавить еще *сорокъ девять* тысячъ рублей серебромъ. Благодаря заботливымъ распоряженіямъ вышшаго начальства, указана была возможность изъ гимназическихъ средствъ пополнить 37 тысячъ руб. сереб. а остальная сумма 12 т. руб., употребленная преимущественно на сооруженіе храма и на постройку чугунной лѣстницы, пожертвована частными лицами.

Едва сдѣлалось извѣстно о перестройкѣ гимназій и объ устройствѣ въ ней храма, какъ, безъ вызова и убѣжденій, со всѣхъ сторонъ явились щедрые датели. Купецъ Хлудовъ, коллежскій ассессоръ Шеллапутинъ, коллежскій регистраторъ Мионовъ и художникъ Лонжинотти въ особенности способствовали благолѣпію Божьяго храма.

За рѣчью директора слѣдовала рѣчь преподавателя русскаго языка г. Филиппова: *О началѣ русскаго воспитанія*. Послѣ этого провозглашены были имена отличившихся воспитанниковъ, награды которымъ были розданы самимъ высокопреосвященнымъ Филаретомъ. Актъ заключился гимномъ: Боже, Царя храни!

Послѣ акта посѣтители были приглашены къ обѣденному столу, въ продолженіе котораго г. попечителемъ провозглашены были, при восторженныхъ восклицаніяхъ, тосты за здравіе и долголетіе Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома; за г. Министра Народнаго Просвѣщенія А. С. Норова, за христіанское воинство и флотъ, за университетъ и гимназію, ея начальниковъ и воспитанниковъ, какъ настоящихъ, такъ и бывшихъ. Провозглашая тостъ этотъ, попечитель обратился къ М. П. Погодину, какъ къ старѣйшему изъ присутствовавшихъ цѣ-

томцевъ московской губернской гимназіи, и пожелалъ юному поколѣнію, образующемуся теперь въ ея стѣнахъ, проходить съ такою же честію поприще общественной дѣятельности. Г. Погодинъ отвѣчалъ на это рѣчью, въ которой живыми чертами изобразилъ прежнее состояніе гимназіи, въ сравненіи съ нынѣшнимъ, тогдашнюю скудость и бѣдность ея, въ сравненіи съ настоящимъ богатствомъ и благоустройствомъ; потомъ, обращаясь къ воспитанникамъ, пожелалъ имъ *духа смиренія и послушанія*, а къ воспитателямъ выразилъ увѣренность, что наружное благоустройство заведенія соответствуетъ внутренней цѣли его, что попеченія о внѣшнемъ порядкѣ уравниваются заботамъ объ умственномъ образованіи и удовлетвореніи благородной любознательности. По окончаніи миршества посетители долго еще ходили по зданію, любуясь изящнымъ его устройствомъ. Кто не видалъ самъ, тотъ съ трудомъ повѣритъ, чтобы въ такое короткое время могло такъ возобновиться, устроиться и украситься это обширное зданіе, которое принадлежитъ теперь къ числу красивѣйшихъ строеній въ древней столицѣ.

Скоро мы будемъ опять свидѣтелями еще болѣе торжественнаго зрѣлища, на которое приглашаются, во имя науки, и старый и молодой со всѣхъ концовъ просторной Руси, одни уже отмѣченные сѣдиною и доблестію на различныхъ путяхъ государственной и общественной жизни, извѣстные своими заслугами отечеству, наукамъ или литературѣ и художествамъ, другіе еще только вступившіе на это поприще. Я говорю о столѣтнемъ торжествѣ Московскаго университета, которое должно совершиться 12-го января будущаго 1855 года. Въ этотъ день многочисленные питомцы этого старѣйшаго въ Россіи высшаго учебнаго заведенія составятъ одну общую семью, проникнутые однимъ чувствомъ, вѣроятно, каждый восклицая въ глубинѣ души:

Богъ помощь вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, въ Царской службѣ!..

Въ числѣ многихъ замѣчательныхъ зданій, начатыхъ въ Москвѣ нынѣшнимъ лѣтомъ, первое мѣсто, безъ сомнѣнія, занимаетъ Срѣтенскій частный домъ, строящійся на мѣстѣ бывшаго дома купца Карташева, отличающагося своимъ гористымъ мѣстоположеніемъ. Строевія эти будутъ самая обширная и такой прекрасной архитектуры, что составятъ украшеніе широкаго и куда еще не такъ люднаго трубнаго бульвара. На мѣстѣ уничтоженнаго въ прошлую осень Малаго Трубнаго бульвара, нынѣ приводится къ окончательной отдѣлкѣ пространная площадка. Въ послѣдніе годы въ Москвѣ появилось много огромныхъ зданій, особливо въ лучшихъ частяхъ города, и множество старыхъ распространены и

передѣланы по новѣйшему вкусу, и въ нынѣшнее лѣто не одно большое зданіе получило лучшей новый видъ.

Обыкновенныя зимнія развлеченія начались въ Москвѣ давно уже, гораздо прежде появленія перваго снѣга. Такъ купеческое общество дало уже нѣсколько маскарадовъ, изъ которыхъ первые, нужно признаться, не были многочисленны, но за то всегда оживлены. Кромѣ этого въ Купеческомъ Собраніи нѣсколько разъ пѣли цыганы, изъ которыхъ нѣкоторые начали уже именовать себя *петербургскими*, между тѣмъ, какъ прежде гордились только однимъ названіемъ *московскихъ* и именемъ хора Ильи. Такъ переменчивы времена! Нѣмецкій клубъ далъ также нѣсколько маскарадовъ, а по субботамъ небольшая нѣмецкая труппа актеровъ продолжаетъ давать въ немъ свои скромныя представленія, исполняемыя, нужно замѣтить, съ большою добросовѣстностью и стараніемъ. На этомъ небольшомъ театрѣ даются даже бенефисы въ пользу артистовъ и разыгрываются довольно серьезныя пьесы, въ трехъ и четырехъ актахъ, и разумѣется, за рукоплесканіями и вызовами дѣло также не стоитъ.

Объявленія этой драматической труппы Нѣмецкаго Клуба слишкомъ оригинальны, чтобъ не привести здѣсь нѣсколько образцовъ. Вотъ напри- мѣръ два изъ нихъ, напечатанныхъ по-русски и по-нѣмецки—Въ такой- то день будетъ дана «*Badekuren, Lustspiel in 1 Akt, въ русскомъ текстѣ: Бадскурень*, комедія. *Schneider Fips—Шнейдеръ Финсъ*. Нужно признаться, что и многія другія московскія объявленія также не лишены своего особеннаго интереса. Какъ вамъ, напри- мѣръ, понравится это: *Разныя соленія* продаются въ *косметическомъ* магазинѣ, гдѣ *продаются косметики: барбарисъ, груши, сливы, вишня, крыжовникъ, брусника и другіе?* Вѣроятно ваши петербургскія дамы еще въ первый разъ услышатъ объ этихъ новаго рода *косметикахъ*. Подобныя объявленія перещеголяли еще болѣе нѣкоторыя московскія вы- вѣски, предъ которыми иногда невольно *положишь въ уста персть удивленія*, выражаясь восточнымъ языкомъ. Какъ вамъ покажется хоть— *Завивка и въ особенности бритье, по вновь задуманному прави- лу мастера Жана Платова, или изображеніе сапога съ надписью по обоямъ его сторонамъ: Воръ Фоломей, или: «Полное ручательство», и больше никакого другаго поясненія въ чемъ и за что? Но я отдалился отъ настоящаго своего предмета.*

Начавъ говорить о нашихъ зимнихъ развлеченіяхъ, не могу не со- общить вамъ одной интересной для нашей публики новости, именно о томъ, что нынѣшнею зимою, въ бывшемъ Кореаковомъ саду, переиме- нованномъ въ Эрмитажъ, будутъ устроены еще небывалыя въ Москвѣ

зимнія гулянья. Кромѣ всѣхъ возможныхъ удовольствій на открытомъ воздухѣ, какъ-то: горь, катанья на конькахъ по льду, содержатель Эрмитажа г. Морель, отличный ресторатеръ, строитъ въ немъ еще невиданное у насъ зданіе. Я увѣренъ, что вашъ Петербургъ мастеръ на изобрѣтеніе публичныхъ удовольствій, не угадаетъ; для чести нашего московскаго воображенія я не буду скромнѣе и объявлю вамъ, что это зданіе будетъ *хрустальное*. Многіе видѣли его рисунокъ и говорятъ, что оно будетъ очаровательно, особенно, когда на немъ будутъ солнечные лучи, или оно освѣтится внутри потѣшными огнями. Московскою публикѣ очень нравились лѣтнія гулянья въ Эрмитажѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что эти небывалыя у насъ зимнія гулянья въ тепломъ хрустальномъ зданіи изящно отдѣланномъ и внутри и снаружи, понравятся еще болѣе.

Благодаря устройству между Москвою и Петербургомъ желѣзной дороги, столь скорому и удобному пути, по которому такъ отлично поспѣваютъ къ намъ отъ васъ свѣжая лососина и свѣжія устрицы, страсбургскіе пироги и заморскія птички колибри, мы были изумлены пріѣздомъ прежде бывшей нашей московской, а нынѣ Петербургской артистки П. И Орловой, которая появилась у насъ на нѣсколько дней, чтобъ принять участіе въ бенефисѣ нашей извѣстной актрисы А. Т. Сабуровой 1-й. Появленіе на нашей сценѣ г-жи Орловой, бывшей когда-то украшеніемъ нашего театра въ роляхъ *jeunes premieres dramatiques*, въ которыхъ она не имѣла нѣкоторое время у насъ соперницъ, — было привѣтствовано рукоплесканіями, не умолкавшими въ продолженіе всего спектакля. Рукоплесканія эти особенно *возвысились до павоса*, когда при окончаніи пьесы: «Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису», г-жа Орлова подошла къ авансценѣ и прочла небольшое привѣтствіе, нарочно для нея написанное.

Я какъ птичка прилетѣла
 На призывъ семьи родной,
 Но надѣяться не смѣла
 Васъ обрадовать собой.
 Мнѣ хотѣлось безъ искусства,
 Задушевныя слова
 Молвить здѣсь, въ порывѣ чувства:
 Здравствуй, матушка-Москва!
 Здравствуй древняя столица,
 Колыбель счастливыхъ дней,
 И судья, и баловница
 Первой юности моей!
 И тебя я вижу снова,

Драгоценный сердцу край,
 Чтобъ сказать тебѣ два слова —
 Только—здравствуй и прощай!..

Неожиданность этого привѣтствія и чувство, съ которымъ оно было выражено не могли не возбудить сочувствія нашей публики глубоко любящей свое родное, славное пепелище. Еще прежде окончанія стиховъ, при строфѣ:

Здравствуй, Матушка-Москва!..

восторженные рукоплесканія прервали чтеніе артистки и долго не позволяли ей продолжать начатаго привѣтствія, а по окончаніи публика потребовала повторенія, и новымъ рукоплесканіямъ и вызовамъ не было счета. Многочисленные вызовы эти въ Москвѣ у насъ очень рѣдки, и бывало время, когда за цѣлую роль въ какой нибудь пятиактной пьесѣ вызывали только по одному разу, и какихъ артистовъ: Щепкина, Мочалова, Рѣпину, Живокини. Кромѣ двухъ ролей, въ которыхъ она прежде восхищала Москву, въ роли умной кокетки де Мюссе и въ роли актрисы Дюмениль, петербургская гостя наша прочла балладу В. А. Жуковского «Свѣтлана.» Однимъ словомъ, бенефисъ г-жи Сабуровой 1-й, артистки, по всей справедливости имѣющей право занимать одно изъ видныхъ мѣстъ между лучшими актрисами ея амплуа, бенефисъ, составленный превосходно, съ оперой г. Львова, былъ самою пріятною новостью для нашей публики, особливо, какъ я уже говорилъ, при участіи г-жи Орловой.

Отложенный до 27 октября бенефисъ вашей петербургской артистки г-жи Лиской, далъ намъ возможность еще разъ увидѣть нашу минутную гостью въ повтореніе бенефиса г-жи Сабуровой, 27 числа. Предъ окончаніемъ этого спектакля полные воспоминанія о прекрасныхъ минутахъ, доставленныхъ имъ г-жею Орловой, московскіе ея поклонники пожелали поднести артисткѣ что нибудь на память, и предварительно составивъ между собой подписку, поднесли ей золотой бра-слетъ *въ четверть фунта въсомъ* съ привѣщеннымъ къ замку его *сердечкомъ*, украшеннымъ алмазами и рубинами. Прибавимъ къ этому извѣстію, что насъ развлекалъ длинный рядъ бенефисовъ, изъ которыхъ каждый заключалъ въ себѣ не одну интересную новость для любителей театра. Такъ, напримѣръ, въ бенефисъ заслуженной нашей артистки М. Д. Львовой—Синецкой шелъ переводъ пьесы «Mutter und Sohn», имѣвшій большой успѣхъ на вашей петербургской нѣмецкой сценѣ. Г. Садовскій далъ въ свой бенефисъ двѣ новыя пьесы Владыкина, автора комедіи «Купецъ Лобзаникъ», изъ которыхъ капитальною была комедія подъ названіемъ «Образованность.» Сюжетъ ея заимствованъ тоже

изъ купеческаго быта, но странно, что не смотря на ея неоспоримыя достоинства, пьеса эта была холодно принята нашей публикой, точно такъ, какъ у насъ комедія г. Лажечникова «Окипировался», которую давали и у насъ 25 ноября въ бенефисъ г. Живокини; вмѣстѣ съ нею шли двѣ пьесы, уже игранныя въ Петербургѣ—«Двѣ капли воды» и «Смѣсь Языковъ французскаго съ чухонскимъ.» Г. Санковская намѣревалась порадовать насъ въ «Жизели», но болѣзнь воспрепятствовала ей, и вмѣсто назначеннаго балета была дана «Катарина.» Другой даровитый артистъ нашего театра г. Васильевъ, болѣзнь котораго долго лишала нашу публику удовольствія любоваться его игрою и котораго, когда онъ явился въ первый разъ по выздоровленіи, встрѣтили продолжительными рукоплесканіями, давалъ въ свой бенефисъ «Скупого» Мольера, который великолѣпно обетановленъ первыми нашими артистами. Самъ бенефициантъ игралъ въ этой пьесы главную роль Гарпагона. — Режиссеръ нашего театра г. Соловьевъ, поставившій на московскую сцену много очень миленькихъ пьесъ, далъ въ свой бенефисъ патріотическую пьесу своего сочиненія «Подвигъ казака Растригина», шедшую въ первый разъ въ благородномъ спектаклѣ, данномъ въ нынѣшнемъ маѣ мѣсяцѣ въ пользу раненыхъ. Г. Самаринъ поставилъ для своего бенефиса Гамлета, что очень интересно, потому что роль эта обыкновенно берется или дебютаантами, или артистами уже не новичками въ сценическомъ искусствѣ, приступающими къ ея исполненію со всѣмъ сознаниемъ важности дѣла. Г. Самаринъ уже не новичекъ, и роль Гамлета стала украшеніемъ его артистической дѣятельности, потому что этотъ даровитый артистъ употребилъ много труда надъ изученіемъ этой роли, ея коментаріями и критиками. Второстепенныя роли этой пьесы, весьма не легкія для исполненія по самой художественной простотѣ своего созданія, разыграны первыми нашими артистами. Это тѣмъ болѣе обрадовало нашихъ театраловъ, что у Шекспира мало незначительныхъ ролей, и каждое лицо, отмѣченное собственнымъ своимъ характеромъ, всегда художественно-вѣрно себѣ, совершенно полно, хотя и не всегда рельефно очерчено, что представляетъ для актера не маловажную задачу.

Въ этотъ вечеръ роль Офеліи исполняла также въ первый разъ воспитанница нашего училища г-жа Берсеньева, молодая артистка съ большимъ дарованіемъ. Въ этой роли она создала настоящую Шекспирову Офелію, какъ онъ понималъ ее, и какъ поэтически описываетъ ее англійская писательница г-жа Джемсомъ въ своемъ сочиненіи, «Женщины, созданныя Шекспиромъ», молодою дѣвушкой, у которой ни умъ, ни тѣло не достигли еще зрѣлости, незнающей еще

чувствъ своихъ, уже развившихся преждевременно въ полной силѣ, когда у нея самой нѣтъ еще силы выносить ихъ. Г-жа Берсенѣева приблизилась болѣе прочихъ къ подлиннику. Пѣсни Офеліи были исполнены подъ оригинальную англійскую музыку, такъ какъ сохранились въ народѣ еще до сихъ поръ ихъ мотивы, и какъ вѣроятно пѣвались при самомъ Шекспирѣ. Обстановка Гамлета въ отношеніи костюмовъ была великолѣпна, точно также, какъ и новыя декораціи, особенно терраса замка и кладбище—г. Шеньяна. Г. Щепкинъ игралъ Полонія, гг. Садовскій и Степановъ могильщиковъ, г. Дмитревскій Гораціо. «Однажды на озерѣ Мурано — говоритъ г-жа Джемсонъ — видѣла я голубя, закружившагося въ бурѣ; можетъ быть, онъ былъ очень молодъ, можетъ быть, у него не доставало силъ долетѣть до дому, или инстинкта, предчувствующаго приближеніе грозы. Съ состраданіемъ смотрѣла я, какъ онъ вертѣлся туда и сюда, бѣдняжка,—бился своими маленькими, серебристыми крылушками противъ черныхъ, грозныхъ облаковъ, и наконецъ ослѣпленный, испуганный молніею, обезпамятѣвшій, схваченный вихремъ, упалъ въ темныя волны и навсегда поглощенъ былъ ими. Я вспомнила тогда объ участи Офеліи, и теперь, когда о ней думаю, все вижу бѣднаго голубка, какъ онъ бьется слабыми крылушками противъ непреодолимаго вихря и падаетъ, обезпамятѣвшій, при страшныхъ ударахъ грозы. Такова безпомощность Офеліи, пробуждающая въ насъ столь глубокое состраданіе, потому что безпомощность эта вытекаетъ только изъ ея невинности, а не изъ слабости. До сихъ поръ всѣ московскія артистки, исполнявшія эту трудную роль (благодаря переводчику и композитору музыки, которые создали одинъ своимъ переводомъ, а другой мотивами, свою ообственную Офелію) не понимали роли такъ, какъ желалъ представисъ свою Офелію самъ Шекспиръ.

Сценическихъ ожиданій у насъ также много. Г. Островскій написалъ новую комедію: «Не такъ живи какъ хочется», которая также будетъ вѣроятно поставлена на сцену нынѣшнему же зимю. Д. Т. Ленскій, долго ни чѣмъ насъ не дарившій, прервалъ наконецъ свое довольно продолжительное молчаніе и передѣлалъ комедію Александра Дюма «Romulus.» Въ нынѣшнемъ же году будетъ поставлена на сцену новая пьеса Мельвиля «Битва жизни», передѣланная авторомъ изъ повѣсти Диккенса того же названія. Переводомъ этой пьесы занимался г. Тарновскій.

Прибавлю при этомъ кое-что о домашнихъ театрахъ. Въ одномъ подмосковномъ имѣніи Виноградовъ, извѣстный С. М. Воробьевъ, написалъ завѣсу, впервые въ своей жизни, клеевыми красками. Завѣса эта написана такъ превосходно, что ее не хотѣли на вернуть на

валежъ, чтобъ не испортить. Она изображаетъ острова, окруженные пространнѣмъ прудомъ и списана прямо съ природы. Г. Воробьевъ пріѣхалъ въ Москву въ концѣ лѣта, и потому ему не пришлось взяться за масляныя краски, за то изъ-подъ его карандаша явилось нѣсколько рисунковъ, снятыхъ съ Московскихъ окрестностей. Сколько мнѣ извѣстно, этотъ домашній загородный театръ кажется покуда единственный въ нашей губерніи, а было время, когда не только домашніе спектакли, но и постоянные домашніе театры были въ большой модѣ въ Москвѣ. До сихъ поръ еще можно видѣть великолѣпную театральную залу на дачѣ графа Шереметева — Останкинѣ. Въ другомъ имѣніи графа — селѣ Кусковѣ, есть также раззолоченная театральная зала, въ которой обрывки драгоценныхъ обоевъ, декорацій, писанныхъ художественною рукою и почернѣвшее золото ложъ, свидѣтельствуютъ о быломъ великолѣпіи этого театра; есть также воздушный театръ, въ которомъ густо посаженныя, съ большимъ искусствомъ ели и другія деревья служили живыми декораціями. Театры графа Шереметева не только имѣли свои труппы, но даже своихъ авторовъ и композиторовъ и свои изданія собственныхъ пьесъ. Кромѣ того, Московскіе старожилы помнятъ еще великолѣпные театры Апраксина, въ томъ домѣ, гдѣ теперь помѣщенъ 3-й Кадетскій Корпусъ, Познякова, Пашкова, въ зданіи теперешняго новаго университета, въ залахъ котораго помѣщался нѣкоторое время театръ Императорскій—прекрасный дачный театръ Дурасова, въ который имѣлъ право входить бесплатно каждый хорошо и прилично одѣтый человекъ; театръ князя Юсупова, замѣчательный своими балетными представленіями и многіе другіе домашніе театры. Всѣ эти владѣльцы имѣли также свои труппы. Кромѣ того, въ былое время, не рѣдко составлялись спектакли изъ благородныхъ лицъ, и объ нихъ сохранилась еще память у многихъ, о строгой классической игрѣ бывшаго директора Московскихъ театровъ Ѳ. Ѳ. Кокшкіна и объ игрѣ князя Мещерскаго, который первый открылъ нашему знаменитому артисту Щепкину тайну простоты и естественности, о чемъ самъ М. С. Щепкинъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ. Теперь въ Москвѣ не найдешь уже ни одного любителя, имѣющаго своихъ актеровъ, но любители театра не рѣдко составляютъ благородные спектакли, которые большею частью доставляютъ истинное удовольствіе зрителямъ, по прекрасному художественному исполненію и хорошему выбору пьесъ. Не выдаю прямо за истину, но у насъ носятъ слухи, что одинъ любитель устроилъ у себя въ домѣ прекрасную театральную залу и намеренъ обновить ее—чѣмъ бы вы думали? Пьесой Шекспира «Ромео и Юлія.» Но я уже слишкомъ заговорился о театрахъ, и потому поспѣ-

шаю перейти къ дальнѣйшему повѣствованію о другихъ ожидающихъ насъ удовольствіяхъ.

Носятся также слухи, что нашъ Московскій циркъ, снова откроетъ нынѣшнюю зиму свои конскія представленія подъ управленіемъ Лоры Басенъ; слѣдовательно въ удовольствіяхъ у насъ недостатка не будетъ.

Говоря объ украшеніяхъ Москвы, я позабылъ сказать, что въ нынѣшнемъ году прибавилось у насъ и много богатоубранныхъ магазиновъ. Между ними особенно замѣчательнъ магазинъ бронзовыхъ издѣлій Крумбюгеля, переведенный на новое мѣсто, въ нарочно-отдѣланный бельэтажъ. Отдѣлка его, какъ снаружи такъ и внутри, такъ изящна и великолѣпна, что онъ смѣло можетъ поспорить съ любимымъ роскошнымъ Петербургскимъ магазиномъ. Предъ окнами другаго нашего не менѣе богатаго Московскаго магазина, Вандрага, въ настоящее время, съ утра до поздней ночи можно увидѣть густыя толпы народа, любующагося богатою коллекціей искусно сдѣланныхъ чучель разныхъ птицъ и звѣрковъ. Не извѣстно, гдѣ могъ достать Вандрагъ такое огромное количество породъ самыхъ рѣдкихъ и самыхъ изящныхъ; въ этой коллекціи находятъ птицы и звѣрки даже самой конечной полосы южнаго полушарія. Недавно открылъ, также на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Торлецкаго, новый книжный магазинъ С. Петербургскій книгопродавецъ Глазуновъ, и въ этомъ магазинѣ получаемъ мы всѣ ваши новыя петербургскія изданія, въ числѣ которыхъ всегда очень много новыхъ брошюръ о современныхъ военныхъ событіяхъ. Собственно Московскихъ изданій, о которыхъ стоитъ поговорить въ настоящее время, не много, и потому скажу лишь о слѣдующихъ. На дняхъ выйдутъ въ свѣтъ третья и четвертая тетрадь «Памятниковъ русскихъ художествъ въ Россіи», издаваемыхъ такъ роскошно г. Мартыновымъ и второй выпускъ сочиненія г. Классена подъ заглавіемъ: «Новые матеріалы для древнѣйшей исторіи Славянъ вообще и Славяно-Руссовъ въ особенности до Рюриковскаго времени, съ легкимъ очеркомъ исторіи Руссовъ до Рождества Христова.» Представляя специалистамъ подвергнуть изслѣдованію справедливость основаній, на которыхъ г. Классенъ дѣлаетъ свои выводы и заключенія, мы можемъ сказать только одно, что книга эта представляетъ у насъ явленіе замѣчательное по огромному трудолюбію и запасу учености. Кромѣ очень интересныхъ изслѣдованій, авторъ въ концѣ каждаго выпуска прибавляетъ по нѣскольку рисунковъ, изображающихъ древнѣйшіе славянскіе памятники, съ ихъ надписями на древнеславянскомъ языкѣ, существовавшемъ еще до раздѣленія его на нынѣшнія главнѣйшія нарѣчія, а вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ ихъ смыслъ и способъ чтенія по приложенному ключу. Въ новомъ выпускѣ своемъ г.

Классенъ разсуждаетъ о Варягахъ, Скифахъ и Сарматахъ. Пятый томъ Русской Исторіи Московскаго профессора Соловьева уже совершенно приготовленъ авторомъ къ изданію, и вѣроятно также скоро поступитъ въ печать. Изъ отдѣльно вышедшихъ книгъ нельзя не указать на полное собраніе духовныхъ пѣснопѣній г. Бардовскаго, который уже издалъ много богословскихъ сочиненій и переводовъ и за литературные труды свои пользовался уваженіемъ многихъ нашихъ духовныхъ, гражданскихъ и военныхъ сановниковъ и первоклассныхъ литераторовъ. Нельзя также не обратить вниманія на національныя пѣсни различныхъ народовъ, переведенныя г. Бергомъ. Въ пѣсняхъ каждаго народа проявляется его духъ, направленіе, задушевныя мысли и чувства, и потому полагаю, что не будетъ лишнимъ приложить здѣсь нѣкоторыя образцы различныхъ народныхъ пѣсень, тѣмъ болѣе, что большая часть изъ нихъ переведены прекрасно и очень близко къ подлинникамъ. Болѣе всего интересны греческія пѣсни, по тому духу ненависти къ мусульманамъ, которымъ они дышатъ. Вотъ на выдержку двѣ изъ нихъ:

Садилось солнце и день уходилъ,
 А Димъ паликарамъ своимъ говорилъ:
 Не можется, дѣти! пора на покой!..
 Сходите на ужицъ себѣ за водой;
 А ты мой Лабракись, одинъ мнѣ родня,
 Ты будь капитаномъ за мѣсто меня;
 Покуда же дѣти вы саблей моей
 Зеленыхъ въ лѣсу нарубите вѣтвей,
 Я лягу на тѣхъ на зеленыхъ вѣтвяхъ,
 И каяться стану въ грѣхахъ.
 Арматоломъ долго въ горахъ я служилъ,
 Албанцевъ и турокъ безъ счету побилъ;
 Но видно чередъ наступаетъ и мой...
 Вы гробъ сколотите мнѣ, дѣти, большой.
 Чтобъ былъ онъ просторенъ, широкъ и высокъ,
 Чтобъ саблей въ гробу я размахивать могъ,
 Чтобъ могъ и винтовку я тамъ заряжать,
 И въ турокъ невѣрныхъ оттуда стрѣлять;
 Чтобъ было съ обѣихъ сторонъ по окну,
 Въ одно пусть мнѣ носить косатки весну,
 Къ другому летаютъ пускай соловьи,
 Пускай распѣвають мнѣ пѣсни свои!

Другая проникнута этимъ же самымъ духомъ рѣшимости и желаніемъ пасть за родную землю:

Скорѣ бросайся ты съ берега вплавь,
 Руками своими, что веслами, правь,
 А грудь молодецкую выгни рулемъ,
 И легкимъ и быстрымъ плыви кораблемъ?
 Богъ дастъ, и поможетъ Пречистая намъ,
 Ты будешь, товарищъ, сегодня же тамъ...
 Про то, что погибъ я, несказывай, братъ!
 А если распрашивать станеть родня,
 Скажи, что въ чужбинѣ женили меня,
 Что былъ мнѣ булатъ посаженнымъ отцомъ,
 Что насъ угощали на свадьбѣ свинцомъ,
 Что мнѣ за женою моею отвели
 Въ приданое сажень косую земли!

Словацкія и лужицкія пѣсни почти все отличаются тѣмъ же самымъ воинственнымъ духомъ. Вотъ на примѣръ лужицкая:

Хочешь знать, кто я таковъ?

Изъ простыхъ я мужиковъ,

И хочу жениться!

Припасите для меня

Дѣву, саблю и коня

На войнѣ годится!..

На войну, въ кровавый бой

Захватчу я ихъ съ собой.

Вотъ въ сравненіе съ нею словацкая пѣсня въ томъ же родѣ:

Конь подъ Бѣлградомъ стоитъ вороной,

На немъ сидитъ,

Кровью покрытъ,

Миленькій мой!

Знаешь ли, мила, какъ битва живетъ?

Видишь, съ меня,

Видишь, съ коня,

Кровь такъ и льеть!

Знаешь ли, мила, какой нашъ обѣдъ?

Наша ѣда

Хлѣбъ да вода,

Вотъ нашъ обѣдъ!

Знаешь ли, мила, гдѣ я буду спать?

Тамъ, гдѣ убьютъ,

Тамъ погребутъ,

Тамъ мнѣ лежать!

Знаешь ли кто у меня звонаремъ?

Раненыхъ стонъ,

Сабельный звонъ,

Пушечный громъ!

Прочія пѣсни, какъ-то польскія, моравскія, мадьярскія и другія имѣютъ болѣе нѣжное настроеніе, и вотъ этому въ примѣръ, польскій краковьякъ:

Свищутъ, свищутъ соловьи, пѣсенки заводятъ;

Нынче молодцамъ не вѣрь, вась они проводятъ;

Нынче молодцамъ не вѣрь, да и дѣвкамъ тоже;

Знать такая вышла мода, ни на что не гожа!

Но желающіе познакомиться покороче съ пѣснями разныхъ, преимущественно «Славянскихъ народовъ», могутъ обратиться къ оригиналу.

Заговоривъ о поэзіи, не могу при этомъ не привести новыхъ прекрасныхъ патріотическихъ стиховъ г. Шевырева подъ заглавіемъ: 2-го ноября—день той свирѣпой бури, въ который будто самое Черное море возстало противъ непріятелей, опустошающихъ цвѣтуція долины Крыма и берега, которые оно лелѣяло. Вотъ они:

За насъ Господь: Онъ тучи водить,

Трясетъ основами земли,

Самъ по волнамъ во гнѣвѣ ходитъ,

Въ щепы ломаетъ корабли.

О Севастополь! крѣпость славы!

О мужи силы, Божья рать!

За васъ есть въ небѣ Мститель правый,

Надъ вами Божья благодать!

Перейду теперь къ исчисленію нашихъ московскихъ художественныхъ новостей, появившихся въ послѣднее время.

Въ картинныхъ магазинахъ Даціаро и Бекерса между, многими хорошо исполненными картинами, изображающими современные подвиги нашихъ воиновъ, находятся двѣ прекрасныя новыя картины изъ отечественной войны 1812 года, именно Бородинское сраженіе, гдѣ на первомъ планѣ видѣнъ раненый Багратионъ и переправа незваныхъ гостей чрезъ Березину. На Кузнецкомъ мосту, а также у посящихъ продавцевъ близъ присутственныхъ мѣстъ появился въ продажѣ, за 15 к. сер., портретъ штабсъ-капитана Щеголева, исполненный очень поря-

дочно. Нужно было видѣть, съ какимъ жаднымъ любопытствомъ любовался народъ этимъ портретомъ молодого воина въ первые дни его появленія въ свѣтъ. Въ Москвѣ едва не съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе прибавляется коллекція народныхъ картинъ, изображающихъ современные военные подвиги. Можно сказать безъ преувеличенія, что всѣ замѣчательныя событія нынѣшней войны изображены на этихъ картинахъ. Тутъ и взрывъ англійскаго парахода «Тигръ», и торжественное освященіе въ Одессѣ вновь сооруженной Щеголевской батареи, и пр. и пр. Однимъ словомъ ни въ одну изъ прежнихъ войнъ не выходило столько народныхъ военныхъ картинъ, какъ въ нынѣшнюю. Неговоря уже, что почти всѣ замѣчательныя военные анекдоты изображены на картинахъ, добавлю, что многія изъ современныхъ патриотическихъ стихотвореній представлены также въ картинахъ, какъ то: «Ура!» О. П. Глинка, «Воевода Пальмерстонъ», «Русскій молодецъ», стихотвореніе г. Миллера «Четыре страны свѣта» и многіе другіе стихи и пѣсни. Недавно также полученъ нами изъ Петербурга Видъ Севастополя съ его планомъ, на которомъ изображены не только всѣ укрѣпленія, но даже означены направленіе и даль выстрѣловъ съ нихъ. Первый транспортъ этой новой картины былъ раскупленъ въ книжной лавкѣ Рено въ нѣсколько дней! такъ велика у насъ потребность во всемъ замѣчательномъ отечественномъ.

До сихъ поръ я говорилъ только объ общественныхъ удовольствіяхъ, скажу теперь о предметахъ, обещающихъ намъ существенную пользу. Недавно открылось въ Москвѣ для всѣхъ классовъ жителей новое лечебное заведеніе электро-гальвано-магнитными токами, подъ управленіемъ штатнаго врача московскаго Елисаветинскаго института г. Белявскаго, извѣстнаго у насъ болѣе двадцати лѣтъ, какъ по разнороднымъ сочиненіямъ, такъ и по практическимъ свѣдѣніямъ. Лечение гальваническими токами давно уже введено въ чужихъ краяхъ въ сферу врачебныхъ дѣйствій у насъ въ Москвѣ оно началось съ 1851 года въ военныхъ госпиталяхъ и многихъ другихъ больницахъ; специальное же пользование будетъ съ этихъ поръ производиться въ лечебницѣ г. Бѣлявскаго.

Скажу также нѣсколько словъ о другой полезной новости, замѣчательной въ гигиеническомъ отношеніи, появившейся въ Москвѣ въ концѣ нынѣшняго лѣта, именно о машинномъ печеніи чернаго хлѣба. Въ Москвѣ, гдѣ находится постоянныхъ жителей до 300,000 человѣкъ, безъ преувеличенія можно положить, что въ обыкновенное время и съ временнопробывающимъ народомъ, ежедневно съѣдается до тридцати тысячъ пудовъ чернаго хлѣба. Въ большихъ, достаточныхъ семействахъ пекутъ черный хлѣбъ дома; этого же обычая придерживаются и

нѣкоторые небогатые, многолюдныя, домовитыя семейства. Всѣ же прочіе жители покупаютъ его или въ пекарняхъ и хлѣбныхъ лавкахъ. Во всѣ эти мѣста поставляется черный хлѣбъ каждый день свѣжій изъ подраженныхъ хлѣбопекаренъ, которыхъ въ Москвѣ пятьдесятъ. На фабрики черный хлѣбъ также доставляется изъ этихъ хлѣбопекаренъ на бирки или книжки. Въ прежніе годы въ Москвѣ, и не богатые семейства любили печь черный хлѣбъ дома; но-теперь съ каждымъ годомъ все больше и больше перестаютъ печь дома. Теперь въ Москвѣ устроено привилегированное машинное хлѣбопекарное заведеніе, которое приготовляетъ хлѣбъ отличнаго качества и продаетъ его съ уступкою цѣны. Ежедневно въ этомъ заведеніи напекается 1,200 пудовъ кислаго и кисло-сладкаго чернаго хлѣба. Въ этой пекарнѣ, хлѣбъ, какъ тотъ, такъ и другой, испеченъ прекрасно, и продается пятью коп. ассиг. на пудъ дешевле существующей въ Москвѣ цѣны. Можно навѣрное предсказать этому полезному заведенію большой успѣхъ, если только оно будетъ обращать вниманіе на выборъ муки и продолжать печь хлѣбъ также хорошо, какъ въ настоящее время. Владѣлецъ его предполагаетъ въ скоромъ времени печь хлѣбы и ситные. Черный хлѣбъ, чѣмъ испеченъ лучше, тѣмъ здоровѣе; слѣдовательно усовершенствованіе печенія его вещь важная, потому что онъ, да грѣчневая каша, составляютъ главную фундаментальную пищу простаго русскаго человѣка. Не говоря уже объ опрятности, сопряженной съ машиннымъ хлѣбопеченіемъ и составляющей немалую пріятность для потребителей!

Сказавъ вамъ еще нѣсколько словъ о недавно-открывшейся большой панорамѣ г. Каспара, въ числѣ картинъ которой находятся представляющія Синопское сраженіе, Бомбардированіе Одессы, разрушеніе англійскаго парохода «Тигръ», переправу русскихъ войскъ черезъ Дунай, сраженіе при Ольтеницѣ и пр., я и заключу весь свой перечень нашихъ новостей.

Корреспондентъ.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 12.

ЛЮБОВЬ, ДОЛГЪ И СОВѢСТЬ.

ДРАМА-КОМЕДІЯ ВЪ 3 ДѢЙСТВІЯХЪ СЪ ПРОЛОГОМЪ И ЭПИЛОГОМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Я. И. ДЕМЕНТЬЕВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

НАУМОВЪ.
ФИЛИППЪ.
НАТАША.
ЗОЛОТНИЦКІЙ.
ВЛАДИМИРЪ.
СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА.
КОЛЯ.
БОРЯ.
МИШЕЛЬ.
ГРИГОРІЙ.
ЛУКЕРЬЯ.
ШАРГА.
ЕВСЕЙ.
КРЕСТЬЯНИНЪ.

1. Самойловъ.
1. Леонидовъ.
1-жа Читау.
1. Самойловъ.
1. Максимовъ.
1-жа Громова.
1. Бурдинъ.
1. Зубровъ.
1. Фальевъ.
1. Максимовъ 3-й.
1-жа Кесарева.
1-жа Васильева.
1. Ромазановъ.
1. Разказовъ.

ПРОЛОГЪ.

Комната въ домѣ Наумовыхъ, не богатая, но и не бѣдная; въ приличномъ мѣстѣ сергеяно. Старикъ Наумовъ, Наташа и Осипъ хлопочутъ около чемодана, укладывая въ него разныя вещи. Вдали на столѣ бутылка вина и три бокала. За кулисами слышенъ почтовый колокольчикъ. Входитъ Филиппъ, одѣтый по дорожному.

1.

НАУМОВЪ, ФИЛИППЪ, НАТАША И ОСИПЪ.

ФИЛИППЪ. Я совсѣмъ готовъ, батюшка! тройка у крыльца! лошади отъ ветеритѣря бьютъ копытами... Пора мнѣ въ путь!

НАУМОВЪ. И такъ, милый сынъ мой, наступила минута... Прощай, Филиппъ!.. прощай, другъ мой!.. Ты ѣдешь въ далекіе края... на долго... Богъ знаетъ, свидимся ли?..

СЫНЪ. О, батюшка!.. Вы знаете, что не прихоть заставляетъ меня ознакомиться съ страною искусствъ.

НАУМОВЪ. Знаю и вѣрю твоимъ надеждамъ. Дай Богъ тебѣ успѣховъ. Грѣшно зарывать въ землю таланты... Но, ты знаешь, сынъ мой, что я со дня на день становлюсь все хилѣе и хилѣе; глазами чуть вижу... Пока ты въ отсутствіи, мало ли что можетъ случиться... со мною... (наказывая на дочь) съ ней...

ФИЛИППЪ. Съ самаго утра вы наводите на меня тоску... Не сердитесь, батюшка... (весело). Я не суетвѣр, но все же хотѣлось бы проводовъ повеселѣе... проводовъ, что называется художническихъ!..

НАУМОВЪ (весело). Хе, хе, хе... Небойсь, вина завѣтнаго... на дорожку?..

ФИЛИППЪ. А почему жъ бы и не вина завѣтнаго?..

НАУМОВЪ. Быть такъ. Осипъ, сходи и принеси!

ОСИПЪ (не оставляя возиться около чемодана). Сложено и принесено, сударь! Я зналъ, что вѣдь безъ этого не обойдется.

НАУМОВЪ. Догадливъ!

ФИЛИППЪ. А!.. въ самомъ дѣлѣ... (*беретъ со стола вино и налиываетъ въ бокалы*). Ну, такъ кутнемте же, батюшка!.. (*Подаетъ ему*). Вы—первый, начинайте!..

НАУМОВЪ. Гмъ, гмъ!.. Чтобы такое пожелать тебѣ на дорогу... посоветовать?.. Безъ этого нельзя же... Да!.. когда мы съ батюшкой Суворовымъ пировали въ Итали, тамъ насъ лихо подпавали... Берегись, братъ, Филиппъ, не поддавайся... не соблазняйся этою дрянью!.. (*Отпиваетъ*).

ФИЛИППЪ (*съ поклономъ*). Будетъ исполнено.

НАУМОВЪ. Въ этой горячей сторонухѣ черноглазыхъ, длинноносыхъ такая куча, что хоть пруды пруди... Смотри, Филиппъ, не поддавайся... не соблазняйся этою дрянью!.. (*Отпиваетъ*).

ФИЛИППЪ (*съ поклономъ*). Постараюсь... Но какъ же художнику обойтись безъ натурщицъ?..

НАУМОВЪ. Вотъ эти-то натурщицы и есть фигурщицы... какъ разъ голову вскружать!.. Затѣмъ будь здоровъ и счастливъ, да поскорѣе возвращайся въ родную семью. (*Кончаетъ бокалъ*).

ФИЛИППЪ. Теперь твоя очередь, Наташа!

НАУМОВЪ. Что-то ты посулишь брату?..

НАТАША (*взявъ бокалъ*). Въ моемъ цвѣтникѣ недостаетъ одного деревца, лаврового... Но когда ты воротиться, деревцо это будетъ въ яркой зелени и пышномъ цвѣтѣ!.. Я сплету вѣнокъ и... (*Отпиваетъ и отдаетъ бокалъ*) ты догадываешься?..

ФИЛИППЪ. Славно сказано!.. Боюсь только, буду ли я достоинъ лаврового вѣнка?.. (*Беретъ бокалъ*). Гдѣ бы я ни былъ, что бы ни случилось со мною, всегда и вездѣ въ сердцѣ моемъ будете вы, благородный батюшка, и ты, добрая сестра!.. Удовлетворяя своей склонности, я ѣду туда, гдѣ могу развить Богомъ данное мнѣ дарованіе и сдѣлаться полезнымъ для васъ, мои родные, и для общества: это мой долгъ... А единственное мое желаніе—встрѣтить васъ, батюшка, по возвращеніи, такимъ же веселымъ, какимъ вижу теперь! (*Выпиваетъ*).

НАУМОВЪ. Спасибо за желанье!..

ФИЛИППЪ. Время пролетитъ скоро; я ворочусь и обниму васъ, на свиданьи, также крѣпко и горячо, какъ теперь обнимаю на прощаньи... (*Старикъ, утирая слезу, удаляется въ глубину сцены*). А ты, моя нѣжная, розовая Наташа, будь, какъ всегда была, умна, добра, скромна... главное—скромность и постоянство.

НАТАША (*улыбаясь*). Ну, я за послѣднее не ручаюсь...

ФИЛИППЪ (*также*). Ого!..

НАТАША. Почему знать?.. Мнѣ кажется, я... ужасная вѣтренница.

ФИЛИППЪ. Зачѣмъ же клеветать на себя?

НАТАША. Я не клеветчу. Вотъ видишь ли... когда ты былъ съ нами, я совсѣмъ забросила фортепьяно, я привязалась къ твоему искусству, къ живописи... Теперь, когда ты ѣдешь, мнѣ почему-то снова хочется привыкаться за музыку... Ну, не вѣтренность ли это?..

ФИЛИППЪ (*иронически*). Ужасная, непростительная вѣтренность!.. (*Всторону*). Ахъ, еслибъ все вѣтренности походили на эту!..

НАТАША. Да къ тому же, мнѣ нуженъ учитель, а гдѣ его взять?

ФИЛИППЪ. Вотъ нашла затрудненіе!.. погоди немного; я прямо изъ Италіи пришлю къ тебѣ, пожалуй, хоть самого Россіи.

НАТАША. Ты шутишь, братецъ, а я говорю серьезно: вѣдь надо же чѣмъ нибудь утѣшать батюшку.

ФИЛИППЪ. О, для этого не нужно быть первоклассной музыкантшей, и я думаю, что твоихъ хоть и небольшихъ познаній въ музыкѣ очень достаточно, чтобъ разгонять его случайную скуку. Однакожь время идетъ... Осипъ!.. Скоро ли?..

ОСИПЪ. Последній ремень затягиваю... Затянулъ... хорошо... Баста!..

ФИЛИППЪ. Тащи же въ повозку. (*Осипъ уходитъ съ чемоданомъ*).

НАУМОВЪ. Пстой, братецъ, Осипъ, пстой!.. (*Уходитъ вслѣдъ за Осипомъ*).

II.

ФИЛИППЪ И НАТАША.

ФИЛИППЪ (*слѣдя глазами за отцомъ*). Наташа!.. Сестра!.. Два, три года для меня, для тебя ничего не значать, напротивъ, они насъ укрѣпляютъ: ты будешь въ самой благодатной порѣ... я... я, можетъ быть, приобрѣту въ моемъ искусствѣ еще хоть на вершокъ... Но отецъ нашъ... нашъ добрый старикъ?.. Онъ иногда не на шутку прихварываетъ... Береги же его, Наташа, наблюдай, ухаживай за нимъ!.. Это твоя обязанность...

НАТАША. О, братецъ!..

ФИЛИППЪ. Обо всемъ, что у васъ случится, пиши ко мнѣ тотчасъ же...

НАТАША. Непремѣнно.

ФИЛИППЪ. Пиши также... и о себѣ... да почаще...

НАТАША. Разумѣется... Но и ты, братецъ...

ФИЛИППЪ. Обо мнѣ вы будете знать все, до малѣйшей подробности, изо-дня-въ-день.

III.

ТЪ ЖЕ И НАУМОВЪ.

НАУМОВЪ. Ну, слава Богу, все улажено!..

ФИЛИППЪ. Вы захопотались, батюшка!.. Присядьте... *(Тотъ садится. Филиппъ про себя)*. Наконецъ, я ѣду!.. Батюшка!.. до свиданія!..

НАУМОВЪ *(задумываясь)*. Охъ, тяжело... но... воля Божія!.. Прощай, сынъ мой, прощай... до свиданія!.. Да будетъ надъ тобою мое благословеніе!.. *(Обнимаются; старикъ отходя всторону, утираетъ слезу)*.

ФИЛИППЪ *(вполголоса)*. Прощай, сестра!.. Не забывай моихъ словъ: береги его!.. *(Поспѣшно уходитъ. Наташа въ волненіи. Вскорѣ слышенъ колокольчикъ, быстро исчезая въ отдаленіи)*.

НАТАША. Ахъ!.. *(Подбѣгаетъ къ окну, махая платкомъ)*.

НАУМОВЪ. Уѣхалъ?! *(Тащится къ окну)*. Уѣхалъ?! *(Наташа ведетъ его подъ руку на прежнее мѣсто. Онъ опускается въ кресло, держа за руку дочь)*. Уѣхалъ!.. мы остались одни... А тутъ... тутъ... какъ будто оторвалось что-то!.. Что же это такое, Господи!.. какое предчувствіе?..

НАТАША. Успокойтесь, батюшка!..

НАУМОВЪ. А!.. да... ты со мной... ты моя... ты не покинешь скучнаго старика...

НАТАША. Никогда, никогда. *(За дверьми слышны голоса, шумъ)*.

НАУМОВЪ. Что тамъ такое?..

IV.

Тъ же в деревенскій мальчикъ вбѣгаетъ запыхавшись; за нимъ слѣдомъ двѣ—три дворовыя дѣвки.

МАЛЬЧИКЪ *(кричитъ)*. Несчастіе, баринъ, несчастіе!..

НАУМОВЪ. Что?..

НАТАША. Что такое?

МАЛЬЧИКЪ. Несчастіе!.. Свернулся!.. Полетѣлъ!.. внизъ головой!..

НАТАША. Кто?.. Что?..

МАЛЬЧИКЪ. Да вотъ сейчасъ... недалеча отъ мызы, за пѣгородью... по дорогѣ... скачетъ, слышь ты, во всю прыть...

НАТАША. Да кто?..

МАЛЬЧИКЪ. Ну, вѣстимо баринъ ..

НАУМОВЪ. Мой сынъ?

МАЛЬЧИКЪ. Какой тебѣ сынъ!.. Говорять-же чужой!.. а лошадь-то, видно, горячая!.. взбелѣнилась... да какъ вскинется на дыбы!.. а баринъ-то, слышь ты, и шмякъ объ землю!..

НАТАША. Ахъ, какой случай!..

НАУМОВЪ. Такъ что же вы, розини, строите?..

МАЛЬЧИКЪ. Такъ, слышь ты и стоцеть... то-есть рѣвма ревѣтъ!.. внодо жалостно!.. Знать шибко брякнулся, сердечный!..

НАУМОВЪ. Поди.. подите вы, простофили!.. Пособите.. Наташа, посмотри... Эй, вы, принесть раненаго сюда!.. (*Мальчикъ убываетъ, за нимъ дѣвки, а за ними и Наташа*).

НАУМОВЪ. Кто бы это такой?.. Пойти развѣ самому распорядиться,.. (*Хочетъ идти, но въ эту минуту два крестьянина вносятъ на рукахъ Владимира Золотницкаго: онъ въ изнеможеніи; сзади его идетъ деревенскій мальчикъ, опрыскивая его водою. Наташа съ боку. Въ дверяхъ показывается домашняя челядь*).

V.

НАТАША, НАУМОВЪ И ЗОЛОТНИЦКІЙ.

НАТАША (отцу). Какой-то молодой человекъ... никто изъ нашихъ не знаетъ...

НАУМОВЪ. Положите его... вотъ здѣсь... на диванѣ... (*Золотницкаго кладутъ. Онъ охаетъ, указывая на грудь, на виски, на ноги, и проч., и проч. Наумовъ что-то шепчетъ дочери; та уходитъ и скоро возвращается съ разными стеклянками. Хлопоты около Золотницкаго, крестьяне и дворовые мало-по-малу расходятся*).

НАУМОВЪ. Какъ вы чувствуете себя?.. Гдѣ ушибъ?..

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Охъ, больно... Охъ... Гдѣ я?.. Кто тутъ?..

НАТАША (съ участіемъ). У добрыхъ людей...

НАУМОВЪ. Съ нимъ, никакъ, обморокъ... Попрыскай еще... (*Наташа прыскаетъ одеколономъ*).

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Охъ... воды... дурно... холодной... охъ!.. (*Наташа подаетъ стаканъ воды. Золотницкій пьетъ, всматриваясь въ нее пристально, но не измѣняя своего положенія*).

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Охъ... Благодарю... добрые люди... я чувствую... мнѣ надо немного... успокоиться.. Оставьте меня одного... о — охъ!.. (*Наумовъ и Наташа тихо уходятъ. Золотницкій лежа*

и охая, осматривается, потомъ, встаетъ какъ ни въ чемъ небывалый). Да, чортъ возьми, друзья меня не обманули!.. Чудо какъ хороша!.. А!.. такъ вотъ гдѣ раки-то зимуютъ!.. И какъ это я раньше не зналъ?.. Однакожъ начало моего волокитства не дешево мнѣ обходится... прыжокъ мой былъ не изъ счастливыхъ... что-то тутъ показывается. (*Показывая на бока*). Ну, да не бѣда: вознаградимъ чѣмъ нибудь другимъ... Кстати: обморокъ мой не вѣкъ же будетъ продолжаться... я долженъ очнуться, долженъ сказать, кто я... Какъ же, чортъ возьми, назваться?.. Э, да что тутъ много думать... людишки, кажись, простые... Скажу, съажу... Ну, да просто скажу: «Алексѣй Иванычъ Ивановъ... изъ уѣзднаго города... учитель на фортепьянахъ»... учитель... да еще на фортепья... (*Смѣется, но на полусмѣхъ останавливается, прислушиваясь*). Тесъ... мнѣ показалось, какъ будто отворяють дверь... Ужъ не она ли?.. На диванъ, скорѣе, и станемъ продолжать комедію!.. (*Ложится и охаетъ*).

VI.

НАТАША И ЗОЛОТНИЦКІЙ.

НАТАША (*входитъ на ципочкахъ и заглядываетъ въ лицо Золотницкому*). Бѣдненькій... какъ онъ страдаетъ!.. Но какой же онъ хорошенькій!.. (*Подходитъ къ дивану еще ближе*).

ЗОЛОТНИЦКІЙ. О... охъ... (*Наташа на ципочкахъ удаляется. Золотницкій встаетъ*). Она будетъ моя, она будетъ моя!.. (*Завѣса медленно опускается*).

(*Промежутокъ времени отъ пролога до начала драмы около года*).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Богатая комната въ домѣ помѣщика Золотницкаго. **СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА** раскладываетъ пасьянсъ.

I.

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА, одна.

Король трефовый и... король... пиковый... девятка червей и девятка бубень... тузь... тузь пикъ... да гдѣ же другой?.. А, вотъ

онъ — перевернулся; двойка и двойка... семерка и еще семерка... ва-
летъ и... ахъ, какая досада, опять не выходитъ!.. (*Владимиръ Зо-
лотницкій за дверьми напѣваетъ польку*). А вотъ и племянничекъ!

II.

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА и **ВЛАДИМИРЪ ЗОЛОТНИЦКІЙ** съ хлыстомъ и въ фуражкѣ.

ВЛАДИМИРЪ. О, великолѣпнѣйшая изъ тетушекъ!.. Неужели не на-
доѣлъ вамъ еще этотъ глупѣйшій пасьянсъ?.. (*мѣшаетъ карты*).

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Что ты, варваръ!..

ВЛАДИМИРЪ. Не варваръ, а Владимиръ Золотницкій, милая тетушка!..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Но передъ милой тетушкой не мѣшало бы снять
фуражку...

ВЛАДИМИРЪ (*снимал*). Виноватъ.. Ну, къ чему гадать? Вы безъ
того знаете, что я единственный наслѣдникъ двухъ тысячъ незаложен-
ныхъ душъ и готовлюсь приобрести еще столько же посредствомъ же-
нитьбы на московской княжнѣ, которую вы же прошедшею зимою мнѣ
сосватали...

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Да вѣдь я объ ней-то и гадала.

ВЛАДИМИРЪ. И чтожъ?..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Не выходитъ... вотъ ужъ другой разъ...

ВЛАДИМИРЪ, Выйдетъ, могу васъ увѣрить.

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Попробую въ третій... (*Собираетъ карты*)..

ВЛАДИМИРЪ. Не трудитесь, выйдетъ въ первый.. то-есть, ваша
княжна выйдетъ за меня въ первый разъ!..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Посмотримъ, что скажутъ карты!

ВЛАДИМИРЪ. О, тетушка, вы начинаете хандрить!.. Карты очень хо-
рошая вещь... (*выхватывая у ней карты*). Вотъ для такихъ ве-
щей... (*Мечетъ банкъ*). Правая, лѣвая... правая, лѣвая... Ну, что
вы, напримѣръ, ставите?..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Что такое ты болтаешь?..

ВЛАДИМИРЪ. Моя сторона вотъ эта, ваша—эта.. Теперь ставьте
что нибудь... на первый разъ, положимъ, хоть старый чепчикъ... на
любую даму... (*Мечетъ*). Разъ, два... разъ, два... разъ... а! вы
получили даму!.. Я проигралъ чепчикъ... Ну, теперь, положимъ, вы
ставите... на пиковую десятку—вашу червонную каммеръ-медхенъ, Лу-
керью...

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Да что съ тобою, Володя?..

ВЛАДИМИРЪ. Я говорю—Лукерью, которая по цѣлымъ часамъ разъ-
утоживаетъ ваши юбки да шемизетки!..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Ты не въ своемъ умѣ, Владиміръ!..

ВЛАДИМІРЪ (*мечеть*)... Напротивъ!.. разъ, два... разъ, два... А! вотъ и Лукерья... то есть, ваша десятка... (*кричитъ*) Десятка!.. Да, бишь, Лукерья!..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Что тебѣ надо, сумасбродъ?..

ВЛАДИМІРЪ. Лукерья!.. Venez-ici!..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Не понимаю, чего онъ хочетъ...

III.

ТЪ ЖЕ И ЛУКЕРЬЯ.

ЛУКЕРЬЯ. Что прикажете, сударь?..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Не слушай его, ступай на свое мѣсто.

ВЛАДИМІРЪ. Нѣтъ, слушай, и ни съ мѣста!.. Тебѣ у меня будетъ тепло, не то что у тетушки!.. Наконецъ, для полноты жизни и счастья, я пристрою тебя за моего Мишеля, которому ты вчера порядкомъ насолила, ущепнувъ его изъ подтишка... помнишь, плутовка?..

ЛУКЕРЬЯ. Ахъ, сударь!..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Сыщешь ли гдѣ другаго такого вертопраха? (*Лукерья*). Пошла! (*Та уходитъ*). Ну, скажи на милость: прилично ли тебѣ такъ дурачиться?..

ВЛАДИМІРЪ (*закуривая папироску*). Ахъ, тетушка, тетушка, и вы мнѣ это говорите!.. Вы, которая знаете, что я черезъ недѣлю, черезъ двѣ... сдѣлаюсь рабомъ чужихъ желаній, требованій, капризовъ...

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Неблагодарный ты, неблагодарный!.. Ужъ я ли не принекала тебѣ невѣсту?.. Княжна, богата; родители въ связяхъ... пройдетъ годъ-другой, смотришь, ты ужъ и камеръ-юнкеръ... камеръ-геръ... потомъ, смотришь, и тутъ... (*показываетъ на грудь и на шею*). А тамъ, чего добраго, и пойдешь себѣ въ-гору да въ-гору!..

ВЛАДИМІРЪ. А какъ подъ-гору?.. А какъ на пути описаннаго вами блаженства встрѣчусь я, невзначай, съ какимъ нибудь этакимъ плотнымъ утесомъ, и вдругъ, на моемъ лбу... разцвѣтутъ довольно красивенькіе... Ну-съ?.. Такъ и это значить: въ гору, да въ гору?..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Ужъ только молодежь нынѣшняя!.. во всемъ сомнѣвается... Даже...

ВЛАДИМІРЪ. Даже въ постоянство женъ!..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. А отъ чего?.. Оттого, что слишкомъ рано начинаютъ жить... что прежде времени получаютъ свободу... Да не стоитъ и словъ терять по-напрасну... Сорванцы и негодяи!.. Для нихъ

бракъ—узель, неволя!.. А обидѣтъ простую дѣвушку, или обмануть бѣдную дворяночку незнатнаго рода...

ВЛАДИМИРЪ. Ого, тетушка, да это похоже на мораль!..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Мораль-то, къ сожалѣнію, запоздалая! Поймай-ка, я погадаю, что думаетъ о тебѣ наша хорошенькая сосѣдка?..

ВЛАДИМИРЪ. Это еще что?..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА (*раскладывая карты*). Что?!.. Такъ ты воображаешь, что твоихъ донжуановскихъ похожденій никто не знаетъ?..

ВЛАДИМИРЪ. Ради Бога, тетушка!..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Стыдно, Володя, грѣшно!.. Богъ накажетъ!..

ВЛАДИМИРЪ. Но, наконецъ, тетушка, объяснитесь...

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА (*смотря въ карты*). Бѣдневенькая Наташа!..

ВЛАДИМИРЪ. Какъ, тетушка... вы знаете?..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Вотъ она... сидитъ пригорюнившись... скучаетъ... плачетъ... ждетъ не дождется своего... фортепяннаго учителя...

ВЛАДИМИРЪ. Вамъ все извѣстно?..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. А отецъ-то твой, Наташа, твой слѣпой старикъ?..

ВЛАДИМИРЪ. Какъ вы узнали?..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Карты сказали.

ВЛАДИМИРЪ. Ахъ, еслибъ вы знали, какъ она мила, очаровательна!

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Вѣрю, вѣрю... У тебя вкусъ не дурень...

ВЛАДИМИРЪ. И какъ я люблю эту дѣвушку!..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Ну, что и говорить!.. (*смѣется*). Полно, племянничекъ!.. Я пожила на свѣтѣ: меня не проведешь... Люблю!.. Какъ дешево-нынче это слово!.. Это, просто, шалость, прихоть, развлеченіе... а между тѣмъ дѣвушка сгублена!..

ВЛАДИМИРЪ. И батюшка знаетъ?..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Я ничего ему не говорила... и не скажу, если ты...

ВЛАДИМИРЪ. Я буду... я долженъ быть у ней сегодня... въ послѣдній разъ... прошусь... Но прошу васъ, тетушка, умоляю, не говорите объ этомъ батюшкѣ...

IV.

ТЪ ЖЕ и старикъ ЗОЛОТНИЦКІЙ.

ЗОЛОТНИЦКІЙ-ОТЕЦЪ. Чего не говорить?..

ВЛАДИМИРЪ (*просебѣ*). Отецъ?!..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Онь... Володя... готовить сюрпризъ своей невѣстѣ.

ЗОЛОТНИЦКІЙ-ОТЕЦЪ. Отъ меня нечего секретничать...

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. А можетъ быть... и тебѣ, братецъ...

ЗОЛОТНИЦКІЙ-ОТЕЦЪ. Напрасно, Володя, я до нечаянностей не охотникъ... Вотъ иное дѣло такая нечаянность, какую я вычиталъ въ вѣдомостяхъ... Ну, такъ на нее не жаль и поистратиться... (*садясь*). Въ нашемъ уѣздѣ, недалеко... есть маленькое имѣньице отставнаго майора Наумова...

ВЛАДИМІРЪ

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. } Наумова?!

ЗОЛОТНИЦКІЙ-ОТЕЦЪ. Ну, да, Наумова... Развѣ это такъ удивительно, что вы оба вскрикнули?..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Я.. не слыхала...

ВЛАДИМІРЪ. Я... не слыхалъ...

{ (*вмѣстѣ*).

ЗОЛОТНИЦКІЙ-ОТЕЦЪ. И я тоже не зналъ... да дѣло не въ томъ... Это имѣньице, за долгъ, назначается въ продажу... на дняхъ... Если помѣщикъ не въ состояніи заплатить, значить онъ не изъ богачей; а съ продажею имѣнія, быть можетъ, разстроится въ досталь. Какъ знать, можетъ быть этотъ Наумовъ человѣкъ семейный... вошелъ въ долги не произвольно... Вѣдь все это возможно?..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. } Конечно.

ВЛАДИМІРЪ.

ЗОЛОТНИЦКІЙ-ОТЕЦЪ. У меня въ полку служилъ какой-то Наумовъ, тоже майоръ, человѣкъ простой, но, добрейшая душа. Выходя въ отставку, онъ, я помню, сказывалъ мнѣ, что хочетъ поселиться на остальные дни въ деревенькѣ... онъ получилъ ее въ приданое за женой... Пожалуй, станется, что нашъ неизвѣстный сосѣдъ именно онъ... Мнѣ даже сдается, что я не ошибаюсь... Еще съ утра послалъ я Григорья разыскать и привести ко мнѣ этого бѣдняка, но... (*смотритъ на часы*) вотъ ужъ полдень, а Григорья нѣтъ... А меня подстрѣкаетъ любопытство... я и самъ бы отправился на-поиски, да вотъ... (*показывая на ноги*) эта старая гостыя некетати что-то раскудаhtалась!.. Не полѣнись-ка, любезный Володя, сослужить для отца службу: слетайка за меня...

ВЛАДИМІРЪ. Со всею готовностью, батюшка!.. Но, вѣдь, надобно знать, въ какую сторону...

ЗОЛОТНИЦКІЙ-ОТЕЦЪ. Э, языкъ до Кіева доведетъ!.. Ну, такъ ѣдешь, что ли?..

ВЛАДИМІРЪ. Сію же минуту, батюшка!..

ЗОЛОТНИЦКІЙ-ОТЕЦЪ. Да смотри, коли застанешь старика дома, такъ прямо такъ-таки и тащи ко мнѣ, безъ церемоній...

ВЛАДИМИРЪ. Слушаю, батюшка! (*Уходя, дѣлатъ теткѣ знаки, которыхъ не видитъ отецъ*).

V.

ТЪ ЖЕ, безъ **ВЛАДИМИРА ЗОЛОТНИЦКАГО.**

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Какъ ты думаешь, сестра, вѣдь Володя-то мой очень еще молодъ?..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Не старъ...

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Я иногда этакъ и разсуждаю: не рано ли мы затѣваемъ женить его?

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше: не избалуется.

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Вотъ то-то и не такъ: сперва надо перебаловаться, перебѣситъ, такъ дѣло выйдеть покладнѣе...

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Ну, такъ пусть его бѣснуется лучше въ городѣ, чѣмъ въ деревнѣ...

ЗОЛОТНИЦКІЙ. А что?..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Да, такъ... тамъ онъ все-таки за дѣломъ, а здѣсь, на свободѣ, въ праздности, мало ли что прійдетъ въ голову?..

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Ты, сестра, черезъ-чуръ ужъ кажется, строга къ молодому человѣку...

СТЕПАНИДА. Я имѣю на это причины...

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Причины?

(*За кулисами голосъ Григорья*). Смѣлѣе, г-нъ майоръ, смѣлѣе!.. еще шага два и мы въ покояхъ генерала.

ЗОЛОТНИЦКІЙ. А!.. вотъ и Григорій...

VI.

ТЪ ЖЕ, и **НАУМОВЪ,** котораго ведетъ подъ руку Григорій. Войдя въ комнату, **Наумовъ** снимаетъ глазной зонтикъ.

ЗОЛОТНИЦКІЙ (*къ сестрѣ*). Такъ и есть... я угадалъ... старинущка!.. сослуживецъ!..

НАУМОВЪ. Ваше превосходительство!.. ваше превосходительство!..

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Безъ чиновъ, Наумычъ!.. Мы, братъ, старые однополчане... Дайка руку... вотъ такъ!.. и обнимемся покрѣпче!..

НАУМОВЪ. Вы ли это, ваше превосходительство?..

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Брось ты, братецъ, мое превосходительство... Григорій, кресло!.. Садись, садись, старый товарищ!..

НАУМОВЪ (*сидясь*). Извините, генералъ, больно укачало... вѣдь я чай, вереть съ полдюжинки будетъ, а можетъ и побольше?..

ЗОЛОТНИЦКІЙ (*Григорью*). Позови Володю... (*Григорій уходитъ*). Ну, что Наумычъ, какъ у тебя тамъ... въ деревенькѣ-то?..

НАУМОВЪ. Ничего, генералъ!.. благодарю Бога...

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Полно, старый, скрывать-то... вѣдь напечатано въ газетахъ...

НАУМОВЪ. А!.. такъ и вамъ, генералъ, извѣстно?.. Ну, что дѣлать!.. власть Господня!..

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Не тужи, сослуживецъ, эту бѣду можно поправить, и вотъ какъ...

VII.

ТЪ ЖЕ П ВЛАДИМИРЪ.

ВЛАДИМИРЪ. Вы звали меня, батюшка?.. (*Увидѣвъ Наумова, ужасается; никто этого, впрочемъ, не замѣчаетъ. Наумовъ, однакожь, вслушивается въ его голосъ*).

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Да... я звалъ... поѣздка твоя болѣе не нужна: старый мой пріятель—самъ на лицо... Рекомендую тебѣ, братецъ, моего сына...

НАУМОВЪ (*привставъ и всматриваясь*). Вашъ батюшка, молодой человекъ, былъ для меня истиннымъ...

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Ну, что тамъ такое—истиннымъ?.. Оставь, братецъ!..

ВЛАДИМИРЪ (*къ отцу, вполголоса*). Я здѣсь не нуженъ?..

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Хорошо... ступай... (*Владимиръ уходитъ*).

НАУМОВЪ (*просебя*). Этотъ голосъ... да и лицо немножко...

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Что ты тамъ ворчишь?..

НАУМОВЪ. Видите ли, генералъ: у меня есть дочь...

ЗОЛОТНИЦКІЙ. А!.. ну, такъ чтоже?..

НАУМОВЪ. Она, знаете, любитъ музыку...

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Хорошо.

НАУМОВЪ. Такъ вотъ учитель-то ея... на фортепьянахъ... изъ города... такъ я и подумалъ, не онъ ли это...

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Кто?

НАУМОВЪ. Сынъ вашъ!.. такое сходство въ голосъ...

ЗОЛОТНИЦКІЙ (*смѣясь*). Ну, братъ, угадалъ!.. Да моего вѣтрогона

и пушками не присадишь за инструментъ... самого-то не присадишь... а ты говоришь учитель!..

НАУМОВЪ. Простите, генераль, я думалъ...

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Брось, братецъ, пустое и возвратимся къ дѣлу... Твоя деревня продается; кредиторы настоящіе собаки: набѣгутъ на имѣніе, да и царь-царашъ...

НАУМОВЪ. Я жду сына... съ часу-на-часъ...

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Такъ у тебя и сынъ еще?..

НАУМОВЪ. Художникъ, генераль!.. По страсти пошелъ въ живописцы... пишетъ ко мнѣ изъ Италіи, что везетъ съ собою разныя картины... говоритъ, что дадутъ деньги... большія...

ЗОЛОТНИЦКІЙ (*смѣясь*). Эхъ-хе-хе, товарищъ!.. Ты, я вижу, все такой же престакъ, какъ и былъ.. Вспомни пословицу: «улита вдетъ, когда-то пріѣдетъ»... А что до денегъ, да еще большихъ, такъ... гмъ, гмъ... деньги тратятъ нынче не на картины...

НАУМОВЪ. Такъ что же наконецъ будетъ со мной?

ЗОЛОТНИЦКІЙ. А вотъ что: я даю тебѣ...

НАУМОВЪ. Генераль!..

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Знаю, братецъ, знаю, что ты горденекъ, да вѣдь гордость не всегда у мѣста. Слушай: я даю тебѣ въ долгъ, слышишь ли — *въ долгъ*, столько, сколько нужно, чтобъ по квитаться начисто съ кредиторами; имѣніице твое останется при тебѣ, а тамъ... когда сынъ твой отъ картинъ разбогатеетъ, то и мы по квитаемся.

НАУМОВЪ. Все это хорошо, генераль, но...

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Что тутъ за *но*, когда самъ же ты говоришь, что хорошо. (*Григорій входитъ*).

ГРИГОРІЙ. Къ вамъ, сударь, нарочный изъ Москвы, отъ княгини.

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Отъ княгини?..

ГРИГОРІЙ. Съ письмомъ... говоритъ: очень нужно.

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Ба!.. что-бы это значило?.. (*Къ Наумову*) Извини, дружище, я... на минуту... подожди... (*Уходитъ, за нимъ лакей*).

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА (*особо*). Нарочный отъ княгини!.. Уже не случилось ли чего съ княжной?..

НАУМОВЪ (*про себя*) Онъ все также добръ, также благородень!

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Довольны ли вы теперь, т. Наумовъ, покойны ли?..

НАУМОВЪ (*привставая*). Ахъ, извините, сударыня... я васъ и не замѣтилъ... совсѣмъ ослѣпъ... Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь...

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Я сестра генерала—вашего товарища.

НАУМОВЪ. Да, сударыня, вы сказали правду: братецъ вашъ былъ для всѣхъ насъ, полковыхъ служакъ, и начальникомъ, и товарищемъ и, можно сказать, другомъ; не было въ полку челоуѣка, отъ старшаго до низшаго, который бы не любилъ его: всѣ уважали его, и онъ вполнѣ былъ того достойнъ... Вотъ ужъ годковъ болѣе двадцати, какъ мы разошлись... У меня вотъ и глаза—то отказываются, да и слухомъ-то я не совсѣмъ твердъ, а на счетъ памяти, такъ ужъ нѣтъ! никогда, пока живъ, не забуду генерала, продли Богъ его здоровье!.. И вѣдь вотъ подите, не зналъ, совсѣмъ таки не зналъ, что мы такіе близкіе сосѣди... Ну, а сынокъ—то его, сударыня, ужъ навѣрно офицеръ? служить?..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Нѣтъ... онъ еще очень молодъ...

НАУМОВЪ. А!.. ну, конечно, еще успѣтъ... Счастливъ онъ, что имѣтъ такого примѣрнаго отца!

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Ну, а вашъ сынокъ... давно за границей?..

НАУМОВЪ. Да... будетъ такъ... почти около года.

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. И скоро вернется?

НАУМОВЪ. Не знаю, что его задержало, общалъ на прошлыхъ еще дняхъ... можетъ быть, нынче обрадуетъ меня...

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА (*всторону*). Надо предупредить Володю, а то, пожалуй, сочинится такая исторія... (*Наумову*). А что, сынокъ вашъ... въ лѣтахъ?

НАУМОВЪ. Въ самой свѣжей порѣ, сударыня; здоровякъ, плечистый... выше меня головой..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА (*про себя*). Попался же племянничекъ!..

VIII.

ТЪ ЖЕ и ЗЛОТНИЦКІЙ, встревоженный.

ЗЛОТНИЦКІЙ. Извини, другъ, Наумовъ, я... Вотъ, братецъ, тебѣ обѣщанное... Да бери же, бери... брось пустыя церемоніи... Завтра... на дняхъ увидимся...

НАУМОВЪ. Генералъ!.. я... сынъ... дочь... мы всѣ, повѣрьте...

ЗЛОТНИЦКІЙ. Ладно, сосчитаемся, любезнѣйшій мой товарищъ, сосчитаемся... теперь же извини... дѣла, совершенно неожиданныя... я тороплюсь... Извини... моя коляска отвезетъ тебя... еще разъ извини, и до свиданія...

НАУМОВЪ. Не беспокойтесь, генералъ, я кое-какъ доплетусь... про-

щайте, благодѣтель... Наши чувства... повѣрьте... Прощайте... (особо)
Зайду въ церковь, помолюсь.

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Прощай, старый товарищ!.. (Генераль прово-
жаетъ его до дверей; кличетъ Григорья, приказываетъ ему от-
вести Наумова. Возвратясь же въ комнату, ходитъ сердитый
и задумчивый)... Негодай!.. Бездѣльник!..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Кого вы это, братецъ?..

ЗОЛОТНИЦКІЙ (не слушая ея). А все я виноватъ... я всему причи-
ною!.. Въ службу, въ службу такихъ тунеядцевъ?..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Да что такое, братецъ?..

ЗОЛОТНИЦКІЙ (по-прежнему). По крайней мѣрѣ, не срамили бы
отцовъ... не безчестили бы бѣдныхъ дѣвушекъ!.. Но ужъ только хо-
роши и дѣвченки, у которыхъ отцы ослѣпли!..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА (догадываясь въ чемъ дѣло, просебля). Ахъ,
Создатель, не ужели имъ все извѣстно?..

ЗОЛОТНИЦКІЙ. И вы, сударыня, знали о шашняхъ Владиміра...
(показывая на стулъ, гдѣ сидѣлъ Наумовъ) и мнѣ ни полслова?!..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Но я...

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Садитесь! Вы должны были сказать мнѣ!.. Вы жен-
щина, такъ ваша прямая обязанность охранять молодость, неопыт-
ность... Разумѣется, я говорю не о моемъ сорванцѣ... А теперь что?..
Отъ него формально отрекаются!.. Невѣста презираетъ его!.. (пока-
зывая письмо) Вотъ что!.. Ахъ, мой старый, добрый Наумычъ!..
какъ мнѣ жаль тебя!.. Не одно, такъ другое горе...

IX.

ТЪ ЖЕ и ВЛАДИМИРЪ.

ВЛАДИМИРЪ. Вы спрашивали меня, батюшка?

ЗОЛОТНИЦКІЙ (сидясь и озирая его урюмо). Смѣю спросить, какъ
давно взялись вы, сударь, за музыкальное образованіе Наумовой доче-
ри?.. А?..

ВЛАДИМИРЪ (всторону). Боже мой!..

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Отвѣчай же...

ВЛАДИМИРЪ. Но... кто же вамъ сказалъ, батюшка?..

ЗОЛОТНИЦКІЙ. И онъ думаетъ еще заираться!.. Читайте, сударь!..
(бросаетъ письмо).

ВЛАДИМИРЪ (поднимая письмо, читаетъ; сначала поражается,

потомъ хладнокровно, просебя). Кто же это меня выдалъ, батюшка!.. тутъ много лишняго...

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Не скажешь ли еще, что это клевета?

ВЛАДИМІРЪ. Почти...

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Э, любезный сынокъ, да ты, я вижу, не новичекъ уже!.. Праздность тебя порядкомъ попортила!.. Какъ?! Осмѣлится лгать отцу прямо въ глаза!.. Оправдываться тамъ, гдѣ ты долженъ-бы стать на колѣна... и не передо мной однимъ!.. Негодный мальчишка!.. я приказалъ бы тебя выпоротъ... но въ наше время учать вашего брата иначе... Я устрою тебя!.. (*Вырываетъ у сына письмо и быстро уходитъ, хлопнувъ дверью. Молчаніе. Владиміръ закуриваетъ папироску и начинаетъ ходить огромными шагами.*)

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Вотъ карты-то и правду сказали...

ВЛАДИМІРЪ. Ахъ, убирайтесь вы съ вашими картами!..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Ужъ коли не выходить, такъ кончено!.. что нибудь да случится... вотъ и случилось!.. Ну, что, голубчикъ Володенька?.. Папа твой, кажется, не на шутку разсердился!..

ВЛАДИМІРЪ. Пройдетъ!.. Прежде сходило же... одумается!.. Въдъ я у него одинъ, а это что нибудь да значить!.. Да знаете ли, милая тетушка... теперь я даже въ выигрышъ, въ тройномъ выигрышъ?..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Это какъ?..

ВЛАДИМІРЪ. Во-первыхъ... княжна, которую вы старались навязать мнѣ на шею, должна быть... ужасный *Отелло въ юбкѣ*...

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. А тебѣ бы хотѣлось...

ВЛАДИМІРЪ. А мнѣ бы хотѣлось, чтобъ жена моя, если только я удостою кого этой чести...

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Ого!..

ВЛАДИМІРЪ. Чтобъ жена моя смотрѣла на всѣ мои штуки сквозь... (*вертитъ пальцами.*)

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Хорошо сказано!.. Ну, а какъ она тоже этакъ.. (*передразнивая Владиміра*) и отъ тебя потребуетъ тогоже?..

ВЛАДИМІРЪ. Во-вторыхъ, я не женюсь и остаюсь по-прежнему холостякомъ!..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Потомъ?..

ВЛАДИМІРЪ. Потомъ?.. (*надвывая фуражку*). До свиданія, дражайшая тетушка!..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Ужъ не къ ней ли?..

ВЛАДИМІРЪ. Къ ней, къ моей ученицѣ!..

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Постой, постой... я должна сказать!..

ВЛАДИМІРЪ. Не слушаю... прощайте!.. (*Уходитъ и за дверьми.*)

СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА. Бѣшеная голова,.. Ну, если братъ ея пріѣхалъ?.. Разложимъ пасьянсъ... (*раскладываетъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната Наумовыхъ. Наташа одна сидитъ за рабочимъ столикомъ, держа въ рукахъ письмо.

I.

НАТАША. Это послѣднее!.. и здѣсь тѣ же увѣренія, та же любовь!.. Любовь?.. Не знаю, почему это слово наводитъ на меня грусть какую-то... Вотъ и сегодня нѣтъ его!.. А я?.. что будетъ наконецъ со мною?.. Да, я должна все сказать ему, все открыть... Нѣтъ, я не въ силахъ признаться... я не скажу... Скорѣе умру...

II.

ВЛАДИМИРЪ, вошедшій при послѣднихъ фразахъ, цѣлуетъ **НАТАШУ** въ голову. Она радостно вскрикиваетъ и поспѣшно прячетъ письмо въ столикъ.

ВЛАДИМИРЪ. Кто желаетъ смерти, тотъ хочетъ жить, моя прелесть Наташа!.. (*Всторону*). Наконецъ я узналъ, куда прячутся мои письма.

НАТАША (*бросаясь къ Золотницкому*) Алеша!..

ВЛАДИМИРЪ. Не правда ли, Наташа?.. Я самъ, однажды, послѣ неудачнаго концерта, за который меня оевистали, хотѣлъ было броситься въ море, но взглянувъ направо и не замѣтивъ нигдѣ водолазовъ, я повернулъ назадъ и очутился,.. въ кафе-ресторанѣ...

НАТАША. Гдѣ?

ВЛАДИМИРЪ. Въ веселомъ обществѣ, гдѣ вмѣсто подкупленныхъ свистковъ, зашигло неподдѣльное шампанское!.. Поступай и ты такъ, другъ мой, и посмотри, заговоришь совсѣмъ другое...

НАТАША. Да, я часто не помню, что говорю... Мнѣ бываетъ иногда такъ скучно, такъ скучно!..

ВЛАДИМИРЪ. Это въ твоемъ характерѣ.

НАТАША. О, нѣтъ, не оттого...

ВЛАДИМИРЪ. Повѣрь, что оттого. Я знаю тебя лучше, чѣмъ ты сама.

НАТАША. Мнѣ не бываетъ скучно, только когда со мной... мой Алеша...

ВЛАДИМИРЪ. И ты видишь—онъ съ тобой.

НАТАША. Да, но прежде ты бывалъ у насъ чаще... не правда ли?

ВЛАДИМИРЪ. А, нѣжные упреки?... Это мнѣ нравится... это доказываетъ, что... (*ставитъ ей и себѣ стулъ, говоря всторону*) Я замѣчаю, она съ нѣкотораго времени хочетъ прикинуться несчастной... (*Къ ней*) Это доказываетъ, что ты меня любишь все болѣе и болѣе... (*садятся*) Я въ восхищеніи! и въ доказательство цѣлую твои розовые поготки... (*Всторону*) Пастушеская идиллія!..

НАТАША. Алеша!.. когда я гляжу на тебя, мнѣ кажется, что ты... обманщикъ!!.

ВЛАДИМИРЪ. Обманщикъ?... Вотъ хорошо!.. (*всторону*) Вездѣ одна аттестация!..

НАТАША. Да, да... вспомни хорошенько, чего я ожидаю отъ тебя... давно, давно?..

ВЛАДИМИРЪ. А!.. ты говоришь вѣрно о моемъ портретѣ?... Но, милая Наташа, еслибъ ты знала, что за дрянъ въ нашемъ городишкѣ эти пачкуны, величающіе себя художниками!.. Вообрази...

НАТАША. Я тебя успокою: сюда ѣдетъ отличный художникъ...

ВЛАДИМИРЪ. Право?

НАТАША. Да. За границей во всѣхъ журналахъ хвалятъ... А ужъ если хвалятъ нашихъ, значитъ не къ чему было придраться...

ВЛАДИМИРЪ. Правда. Но... кто же это?... какъ ты объ немъ знаешь?..

НАТАША. Ужъ знаю!.. и хочешь ли, познакомлю...

ВЛАДИМИРЪ. Не прочь, но...

НАТАША. О, за него я ручаюсь... Да что таиться?... Это, просто, мой братъ!..

ВЛАДИМИРЪ. (*вскочивъ со стула*) Братъ?! У тебя есть братъ?..

НАТАША. Чтожъ тутъ удивительнаго?

ВЛАДИМИРЪ. Конечно, конечно... но... (*всторону*) Очень нужно тамъ братьевъ, гдѣ есть хорошенькія сестрицы!.. (*Къ ней*) Зачѣмъ же ты мнѣ не сказала раньше?..

НАТАША. Не знаю... такъ... не приходилось...

ВЛАДИМИРЪ. (*всторону*) Эта новость поуже домашней!.. Надо воротить мои посланія, во что бы то ни стало...

НАТАША. Ты какъ будто встревоженъ, Алеша?..

ВЛАДИМИРЪ. О, ничуть, напротивъ... я радъ... А когда вы его ждете?..

НАТАША. Сегодня.

ВЛАДИМИРЪ. Сегодня?!

НАТАША. Чего жъ ты испугался?..

ВЛАДИМИРЪ. Но, милая Наташа, я дѣйствительно... то есть, я не въ испугѣ... а не въ порядкѣ, въ неглиже... (*Всторону*) Письма, письма мои!.. (*Къ ней*) Кстати, принеси-ка, Наташа, ноты, которыя ты переписывала, я ихъ дома просмотрю. (*Наташа выходитъ*) Чортъ его задави, этого непрошеннаго братца!.. И кто онъ? и что онъ за звѣрь?.. (*Хлопочетъ около ящика въ столѣ*) Ящикъ запертъ... ключъ у нея... этого еще не доставало!.. При такомъ благополучиі самое благоразумное средство — направо кругомъ... маршь, маршь... (*Наташа приноситъ ноты*) Какъ досадно, Наташа, что я ничего не зналъ!.. вдругъ у тебя братъ... пріѣдетъ сегодня...

НАТАША. Ты меня удивляешь... Что-жъ такое?..

ВЛАДИМИРЪ. Да согласишься же, Наташа, первое впечатлѣніе... Мнѣ хотѣлось бы...

НАТАША. Странно, Алеша!.. ты какъ будто чего-то боишься...

ВЛАДИМИРЪ. Я боюсь?.. Я никого и ничего не боюсь!.. (*всторону*) Чорта съ два!.. Уйду!.. какой бы предлогъ?.. А!.. (*къ ней*) Да гдѣ твой папа?.. Здоровъ?.. дома?..

НАТАША. За нимъ еще утромъ присылалъ помѣщикъ Золотницкій, не знаю зачѣмъ. — Этотъ Золотницкій — мнѣ папенька часто говаривалъ—былъ когда-то его начальникомъ... человѣкъ богатый, знатный...

ВЛАДИМИРЪ. Вотъ видишь ли: отца твоего нѣтъ дома. Въ это время можетъ пріѣхать твой братъ, застанетъ здѣсь незнакомца...

НАТАША. О, папенька навѣрное скоро воротится: богатые люди не задерживаютъ бѣдняковъ...

ВЛАДИМИРЪ. Но разсуди, наконецъ, добрѣйшая Наташа: братъ твой меня не знаетъ... у васъ, при свиданіи, пойдутъ семейныя сцены.. что же я тутъ буду дѣлать?.. какая моя роль?..

НАТАША. Извиня, Алеша... я не понимаю тебя... (*Важно*) Развѣ этимъ кольцомъ.. (*показывая на свой палець*) не я съ тобой обручилась передъ моимъ батюшкой?.. Развѣ не ты позволилъ называть себя моимъ вѣрнымъ Алешей?.. Развѣ это была шутка?..

ВЛАДИМИРЪ. О, нѣтъ, нѣтъ... (*Всторону*) Мнѣ жаль ея!..

НАТАША. Братъ пріѣдетъ—я тотчасъ скажу ему: этотъ прекрасный молодой человѣкъ—у насъ не лишній!.. онъ мой женихъ!..

ВЛАДИМИРЪ. Ахъ, Наташа, какъ ты неразумительна!.. Ну, можно

ли въ такомъ важномъ дѣлѣ поступать такъ ребячески?.. Конечно, я далъ тебѣ слово...

НАТАША (*перебивая*). Не слово, не одно только слово!.. ты говорилъ тысячу разъ... писалъ, клялся, что любишь меня, что... ты самъ долженъ помнить, что говорилъ, что ..

ВЛАДИМИРЪ. Помню, но...

НАТАША (*также*). Ты долженъ знать... (*нѣжно*) какъ я люблю тебя, Алеша!.. больше всего на свѣтѣ!.. я люблю тебя... и потому-то вѣрю твоимъ надеждамъ, обѣщаніямъ, намѣреніямъ... вѣрю твоей чести, твоей совѣсти... и предалась тебѣ—совершенно, потому что полюбила тебя!.. Не правда ли, милый Алеша, вѣдь и ты тоже... да?.. ты любишь меня?.. (*плача*) не бросишь меня?..

ВЛАДИМИРЪ (*всторону*). Вотъ что называется слезливая мѣщанская драма!.. (*къ Наташѣ*) Да ты не то все говоришь. Къ чему эти напомиванія, сомнѣнія, слезы?..

НАТАША. Я женщина!..

ВЛАДИМИРЪ. Вотъ видишь ли, женщина, а братъ твой мужчина... Онъ и посмотритъ на меня вотъ такъ.... (*морщитъ*) да и скажетъ: «Эге!.. такъ это-то вашъ женихъ, сударыня!...»

НАТАША. Онъ полюбитъ тебя...

ВЛАДИМИРЪ. Черезъ годъ, когда испытаетъ... (*Всторону*). Если только раньше не убьетъ. И такъ, ангелъ мой, Наташа... (*цѣлуетъ руку*).

НАТАША. Ты дождешься его? Да?..

ВЛАДИМИРЪ. Нѣтъ, я сейчасъ уйду.

НАТАША. Нѣтъ, Алёша, я не пущу тебя... я буду держаться за тебя... да!... (*объими руками беретъ его за руку*) вотъ такъ... крѣпко, крѣпко буду держаться... тебѣ нечего бояться.... некуда спѣшить...

ВЛАДИМИРЪ (*скороговоркой, пожимая плечами*). Это просто ребячество! Какъ некуда, когда я въ эту минуту долженъ сидѣть за обеденнымъ столомъ у отца?.. Некуда!..

НАТАША (*оставляя руку Владиміра*). У отца?.. ты сказалъ: «у отца?..»

ВЛАДИМИРЪ (*всторону*). Попуталъ такъ лукавый!..

НАТАША (*серьозно*). У отца?!.. а давно ли ты говорилъ, что у тебя нѣтъ ни отца, ни матери, что ты круглый сирота; что ты въ нашей сторонѣ чужой, пріѣхалъ изъ... (*нѣжно*) Ахъ, Алёша, Алёша!.. Кто же ты?.. не обманывай... говори... Ты молчишь?.. (*Громко*) Скажи же, кто ты?.. (*Нѣжно*). Смотри, смотри... я на колѣнахъ...

ВЛАДИМИРЪ (*поднимая*). Встань, какъ не стыдно!..
НАТАША. Зачѣмъ же ты обманывалъ меня?.. (*Плачетъ*).
ВЛАДИМИРЪ (*всторону*). Чортъ возьми!.. Я совсѣмъ не ожидалъ такой чувствительности... Дѣло-то, пожалуй, скверное!..

III

ТЪ ЖЕ и служанка, принеся письмо **НАТАШЪ**.

СЛУЖАНКА. Письмо къ вамъ, барышня!..
НАТАША. На мое имя?.. Нужно... Отъ кого?
СЛУЖАНКА. Не знаю, сударыня. . лакей уѣхалъ.
НАТАША (*служанкѣ*). Хорошо, ступай. (*Читаетъ*).
ВЛАДИМИРЪ (*просебя*). Для ретирады самая удобная минута... (*Хочетъ идти, но въ эту минуту Наташа дико вскрикиваетъ, падаетъ въ обморокъ и роняетъ письмо*). Это что за извѣстiе?!.. обморокъ!.. (*Поднимаетъ письмо*). Батюшкина рука!.. Прочтемъ...

«Подъ видомъ фортопяннаго учителя, ходитъ къ вамъ
«мой сынъ, вертопрахъ первой руки...»

И это говорить отецъ про сына! Ужасный вѣкъ!..

«Не надѣйтесь на него и поскорѣе отгоните отъ себя. Это
«совѣтуетъ вамъ отецъ его, Федоръ Золотницкiй.»

Коротко и ясно!.. Она еще въ обморокъ... Самая удобная минута къ ретирадѣ. (*Вдали слышенъ звонокъ*). Эге... курьерскiй звонокъ!.. Чего добраго?.. можетъ быть, братъ... Свидѣтеля въ карманъ и... (*Прячетъ въ карманъ письмо и поспѣшно уходитъ, забывая на маленькомъ столикъ трость*).

IV.

НАТАША, прiйдя въ себя, оглядывается во всѣ стороны какъ-то дико.

Алѣша!.. Алѣша!.. нѣтъ его!... А!... это былъ кто-то другой... это былъ обманщикъ... да, да, обманщикъ!.. Такъ говорить его отецъ... Я сама читала... вотъ и письмо!.. Но гдѣ же письмо?.. (*ищетъ*). Письма нѣтъ... вѣрно обманщикъ взялъ его... утащилъ... украсть!... О, какъ я наказана!.. (*Бросается на колѣна*) Боже праведный! защити меня... спаси меня... не погуби до конца!... Я виновата... я преступна... недостойна твоей святой милости... но... я ничего не знала... ничего!.. Я помню только: прекрасный юноша...

онъ ранень.... умираеть.... я хожу за нимъ.... помогаю.... онъ такъ много, много говоритъ... такъ нѣжно благодаритъ насъ... меня... лицо его, его рѣчи внушаютъ довѣренность... я увлеклась... я полюбила его... *(Съ плачемъ)* Я и теперь люблю его!.. *(Вставая съ достоинствомъ)* А!.. такъ этотъ обманщикъ — Владиміръ Золотницкій?!.. Онъ насмѣялся надо мною... О, я найду защиту!.. Не отецъ мой, не братъ... а его отецъ защититъ меня!.. Да, я пойду, побѣгу, расскажу... расскажу всё!.. О, какъ тяжело, какъ мучительно!.. *(падаетъ въ кресло)*.

V.

НАТАША и ФИЛИППЪ.

ФИЛИППЪ *(за дверьми)*. Гдѣ она? гдѣ она?..

НАТАША *(опомилась)*. Этотъ голосъ?..

ФИЛИППЪ *(поспѣшно входит)*. Сестра!.. Наташа!..

НАТАША *(приподнимаясь и осматриваясь)*. Ахъ, ахъ!.. *(страшно вскрикиваетъ, бросаясь безсознательно въ объятія брата)*.

ФИЛИППЪ. Наташа! Что съ тобою, милая сестра моя?.. Гдѣ отецъ нашъ?.. во время ли я пріѣхалъ?.. Наше имѣніе продано?.. нѣтъ?..

НАТАША. Братецъ!..

ФИЛИППЪ. Не ооздалъ ли я?.. У меня есть деньги... много денегъ... я выкуплю...

НАТАША. Братъ, прости меня!.. Я ничего не знала... онъ обманулъ меня!.. онъ погубилъ меня!.. О!.. *(вырванась изъ объятій брата, съ крикомъ убѣгаетъ)*.

VI.

ФИЛИППЪ одинъ, въ замѣшательствѣ.

«Онъ обманулъ меня; онъ погубилъ меня!..» Къ кому же относятся эти слова?.. Кто этотъ — онъ?.. Я спрашивалъ объ имѣніи, объ отцѣ... Не понимаю!.. Она въ волненіи... какъ будто въ забытій какомъ-то... Боже мой, Боже мой!.. не прошло еще и года, какъ я оставилъ родительскій уголь, полный тишины и спокойствія... И что теперь?... Не дай мнѣ, Боже, услышать что-нибудь слишкомъ печальное!..

VII.

ФИЛИППЪ и МАРФА.

МАРФА. Что угодно, баринъ?

ФИЛИППЪ. Сестра... она была сію минуту...

МАРФА. Барышнѣ сдѣлалось дурно, баринъ: видно отъ радостной встрѣчи, сударь, съ вами... Она въ свой комнаткѣ... ничего, баринъ... просить васъ не беспокоиться... (*Уходитъ*).

VIII.

ФИЛИППЪ одинъ.

Въ самомъ дѣлѣ... какой же я чудакъ!.. Случай, дѣйствительно, простой... Вхожу поспѣшно, не предупредивши.... Ну, нечаянность... радость свиданія.... все это совершенно натурально.... Отецъ?... онъ также могъ уѣхать по дѣлу.. такъ, такъ!.. (*вздыхаетъ*) Наконецъ отлегло!.. я спокоенъ и счастливъ!.. Вотъ ея работа... Всѣ такая же некусница, такая же мастерица!.. Да, я узнаю сестру... (*Увидѣвъ хлысть Золотницкаго, беретъ и разсматриваетъ его*). Ого!... Ужъ не учится ли она верховой ѣздѣ?.. Чтожъ?.. и это не дурно!.. но... а вещь щегольская!.. золотая ручка... (*припоминая*) Эта... ручка... весь этотъ хлысть... Какъ это такъ?.. Вѣрить ли глазамъ?.. лѣтъ семь назадъ... одинъ спѣсивый повѣса... школьный товарищъ, просилъ меня вырѣзать... да наконецъ вотъ и слова, которыя самъ же я вырѣзалъ: В. З., т. е. Владиміръ Золотницкій... Удивительно, непонятно!.. Какимъ образомъ попала сюда эта вещь?!.. (*Раздумье*) Сестра сказала: онъ обманулъ меня!.. Онъ погубилъ меня!.. она просила у меня прощенья... О, какія мысли тревожатъ мою голову!.. Боже всемогущій!.. Неужели?.. Страхусь подумать... Но... я не могу, не долженъ оставаться въ неизвѣстности... Я открою, я обязанъ открыть истину!.. Объясненія, объясненія... Эй, люди!.. кто нибудь... Марфа!..

(*За кулисами голосъ Наумова*): «Сынъ мой! гдѣ онъ, гдѣ?..»

IX.

ОТЕЦЪ и СЫНЪ.

ОТЕЦЪ. Филиппъ.

СЫНЪ. Батюшка.

{ *Обнимаются.*

ОТЕЦЪ. Родной мой!... (*Всматриваясь въ сына*) О!.. да какъ же ты возмужалъ!...

СЫНЪ. Батюшка, я спѣшилъ, летѣлъ къ вамъ... говорите скорѣе: что дѣла ваши?.. (*Всторону*) Отъ отца ближе узнать...

ОТЕЦЪ (*садясь*). Дай опомниться... усталъ... дорога истомила меня... Ахъ, Филиппъ, Филиппъ!.. ты, можетъ быть, ропщешь на меня...

СЫНЪ. За что же?..

ОТЕЦЪ. Видитъ Богъ, я не потревожилъ бы тебя...

СЫНЪ. И это говорите вы, батюшка?!.. Когда я получилъ извѣстіе, что вы лишаетесь вашего имущества, послѣдняго средства, я скорбѣлъ только о томъ, что не могъ въ ту же минуту заткнуть ротъ жадному ростовщику. Но будьте спокойны. Здѣсь (*отдавая бумажникъ*) вы найдете чѣмъ расплатиться съ вашимъ заимодавцемъ.

ОТЕЦЪ. Деньги?

СЫНЪ. Не опасайтесь, батюшка! Эти деньги пріобрѣлъ я честнымъ трудомъ.

ОТЕЦЪ. Вѣришь ли Филиппъ: сейчасъ, вотъ сейчасъ, когда я увидѣлъ себя избавленнымъ отъ бѣды, когда этотъ великодушный человекъ оказывалъ мнѣ истинную помощь, я думалъ о тебѣ, мой сынъ!.. предчувствовалъ, что не надолго одолжаю у Золотническаго...

СЫНЪ. Золотническаго?!..

ОТЕЦЪ. Что съ тобою, Филиппъ?...

СЫНЪ. У Золотническаго, вы сказали?.. Говорите, говорите, батюшка, говорите: кто этотъ Золотницкій?.. Какъ вы сошлись?.. За что онъ далъ деньги?.. За что?..

ОТЕЦЪ. Очень просто: Золотницкій богатый помѣщикъ, сосѣдъ и старый мой начальникъ; онъ узналъ о моихъ обстоятельствахъ, принялъ участіе...

СЫНЪ. У него есть сынъ?

ОТЕЦЪ. Есть.

СЫНЪ. Онъ ѣздитъ къ вамъ?..

ОТЕЦЪ. Нѣтъ! я сегодня въ первый разъ видѣлъ его, да и то мелькомъ...

СЫНЪ (*всторону*). Какимъ же образомъ эта трость?.. А! (*къ отцу*) Такъ значитъ старикъ, отецъ его... бываетъ у васъ?..

ОТЕЦЪ. Ни чуть. Я даже и не зналъ, что мы живемъ въ одномъ уѣздѣ, какъ вдругъ, сегодня утромъ, получаю отъ него приглашеніе...

СЫНЪ. Но кто же наконецъ?.. (*Всторону*). Странно... непостижимо!..

ОТЕЦЪ. Да чтожъ я сталъ?.. да гдѣ же Наташа?... Филиппъ, ты видѣлъ сестру?..

СЫНЪ. Видѣлъ... она...

ОТЕЦЪ. Наташа!.. а, Наташа!..

ФИЛИППЪ. Она... только-что вышла...

ОТЕЦЪ (*про себя*). Видно пошла приготовить что-нибудь для дорогаго гостя... (*Къ сыну*) Ну, а не говорила-ли она тебѣ... кое о чемъ... такомъ... радостномъ?..

СЫНЪ. Радостномъ...

ОТЕЦЪ. Вижу, вижу, что еще не сказала... ну, такъ и я, пока, не скажу.

СЫНЪ. О, нѣтъ, батюшка, если что есть у васъ... въ самомъ дѣлѣ приятное, радостное, откройте мнѣ...

ОТЕЦЪ. Вотъ видишь... Нѣтъ, пусть ужъ лучше сама...

СЫНЪ. Скажите, я въ нетерпѣннн...

ОТЕЦЪ (*всторону*). Ой, не утерплю!.. ну!.. (*къ нему*) Помнишь, я думаю помнишь? она писала тебѣ о своемъ... учитель?

СЫНЪ. Знаю, помню... какой-то... Алексѣй Иванычъ...

ОТЕЦЪ. Ну, вотъ, вотъ... Такъ, видишь ли, дѣло-то у нихъ... и закипѣло...

СЫНЪ. Я не понимаю васъ...

ОТЕЦЪ. Э, какой!.. ну, разумѣется!.. Догадался?..

СЫНЪ (*всторону*). Я, кажется, не даромъ чего-то опасался... сестра бѣжить... отецъ какъ-то странень... (*Къ нему*) Скажите мнѣ, батюшка, ясно: въ чемъ дѣло?

ОТЕЦЪ (*всторону*). Вотъ, поди ты съ артистами!.. ничего таки вдругъ не поймутъ...

СЫНЪ (*всторону*). Не помѣшался ли онъ... отъ испуга за имѣннє?..

ОТЕЦЪ. Она... онъ... ну, учитель-то формально женится на твоей сестрѣ!.. Понялъ теперь?..

СЫНЪ. А?!.. понимаю!.. (*Всторону*) Непонятно!.. (*Къ нему*) Да, это... интересно... (*вертитъ хлыстомъ*) такъ эта игрушка женихова?..

ОТЕЦЪ. Хлыстикъ?.. О, вѣроятно, его... Алексѣй Иванычъ вѣрно безъ меня здѣсь былъ, и забылъ. (*Къ сыну*) Его его... вѣдь онъ ѣздитъ всегда верхомъ.

СЫНЪ. Гм... (*всторону*) Мнѣ что-то страшно за отца!..

ОТЕЦЪ (*про себя*). Чтожъ Наташа хлопоталась... пойду, потороплю... такому молодцу, да съ дальней дороги, необходимо подкрѣпить себя... да, да, потороплю... (*Къ сыну*) Я сию минуту...

Х.

ФИЛИППЪ, потомъ **НАТАША**, вошедшая при половинѣ слѣдующаго монолога **ФИЛИППА**.

О, какое ужасное подозрѣніе!.. Старикъ слѣпъ, довѣрчивъ... Она проста... неопытна... пансіонъ, деревня—вотъ всё, что она видѣла... Свѣтъ и люди—она ихъ не знаетъ... Этотъ негодяй, практическій негодяй!.. Слова ея... страшныя слова при встрѣчѣ... Такъ, такъ!.. Нѣтъ сомнѣнія, мерзавецъ погубилъ её!.. О, Золотницкій! дорого ты мнѣ заплатишься!..

НАТАША (*быстро измѣняя себѣ*). Братъ!.. Филиппъ!..

ФИЛИППЪ. Ты здѣсь?.. Ты слышала меня!..

НАТАША (*падая на колѣна*). Виновата!.. онъ... этотъ... онъ обманулъ меня!..

ФИЛИППЪ. Золотницкій?.. твой любов!..

НАТАША. Братецъ!..

ФИЛИППЪ. Встань, несчастная!..

НАТАША. Пощади!..

ФИЛИППЪ. Встань, говорю тебѣ!.. (*Наташа встаетъ*). (*Второпу*) И вотъ что безъ меня совершилось здѣсь!.. Радостная встрѣча!.. Благополучное свиданіе!.. Творецъ небесный!.. кто бы сказалъ, кто бы осмѣлился даже подумать, что эта крогкая, нѣжная, прекрасная дѣвушка...

НАТАША. О!..

ФИЛИППЪ. Опозорить сѣдины отца, бросить на поруганіе его имя, честь!.. Обезславить себя!.. Упасть до постыдной связи?.. (*Плача*) И это сдѣлала сестра, любившая своего брата!.. это сдѣлала дочь, почитавшая своего отца!.. Проклятіе!.. Не слезы мнѣ нужны, а кровь!.. Этотъ негодяй вкрался въ домъ подъ чужимъ именемъ!.. дѣйствовалъ намѣренно, съ умысломъ, рассчитанно!.. О, я славно разсчитаюсь съ тобой!.. Я докажу тебѣ, что у этой поруганной тобою дѣвушки есть братъ, умѣющій мстить за виновную сестру!.. О, я убью тебя, бездѣльникъ!.. (*блѣзнитъ, но въ дверяхъ встрѣчается съ отцомъ*).

НАТАША. О!.. (*падаетъ въ кресла*).

ХІ.

ТЪ ЖЕ и НАУМОВЪ.

НАУМОВЪ. Ну, вотъ и закусочка... извини, что замѣшкалась...

ФИЛИППЪ. Батюшка!.. батюшка!.. (*убѣгаетъ*).

НАУМОВЪ. Что съ нимъ? Ужь не потерялъ ли, въ дорогъ, чего-либо важнаго?.. Поставимъ, однакожь, закусочку... А, Наташа!.. такъ не она ли что?.. Наташа!.. не слышитъ... Наташа!.. что случилось съ братомъ?.. Не вышло ли чего у васъ?..

НАТАША (*къ публикѣ вставая*). Онъ хотѣлъ убить его... убѣть... Нѣтъ, этого не будетъ!.. Я!.. о сердце мое, сердце! Пойдемъ... побѣжимъ... умремъ!.. Не хочу жить... довольно!..

НАУМОВЪ. Наташа!.. Наташа!..

НАТАША. А!.. вы здѣсь... хорошо... ъдемте, батюшка!.. (*Беретъ его за руку и тащитъ къ выходу*).

НАУМОВЪ. Куда?..

НАТАША. ъдемте, поспѣшите... Братъ убѣть его!.. (*наильно уводитъ старика*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната Владиміра Золотницкаго. Двѣ двери въ глубинѣ и съ боку одна; мебель, письменный столъ съ разными бездѣлушками, ковры, шкафы съ книгами, все въ хорошемъ вкусѣ.

Ружья, пистолеты, рапиры, и пр. и пр.

I.

МИШЕЛЬ, одѣтый изящно, завитой, съ бакенбардами вокругъ всей бороды смѣтаетъ кокетливо пыль съ книгъ и другихъ вещей.

Удивительно, право, какъ подумаешь: къ чему всё эти раззолоченныя, красивенькія игрушки?.. Никто и не заглядываетъ въ нихъ... лежать себѣ да отлеживаются; а другія даже и не разрѣзаны; скучаютъ, я думаю... Вотъ эти, напримѣръ, дорогія вещички—дѣло десятое: даромъ не пропадаютъ... особенно когда этакъ... (*Беретъ флаконъ и опрыскиваетъ носовой платокъ, потомъ закуриваетъ папироску*). душисты... запахъ княжескій... Ай-да мы-съ бариномъ!.. проказники не послѣдней руки!.. А денегъ-то, денегъ что убито!.. Тьфу ты какая пропасть!.. Ну, да вѣдь за то какъ и живемъ!.. Чего хочешь, того просишь!.. всё къ нашимъ услугамъ; всего вдоволь... птичьяго молока только недостаетъ... настоящій, то есть, бонъ-тонъ!.. А впрочемъ, почему жъ и не такъ?.. У нашего батюшки сундучки трещать

отъ золота; мы у него одни, такъ что ужъ тутъ и говорить!.. Знай выколачивай, да приколачивай!.. Ха, ха, ха... Ложимся въ три, встаемъ въ двѣнадцать... не житье, масляница!.. То есть, просто, роскошь такая, что хоть не умирай!.. эхъ, кабы да нашему брату этакъ пожуировать годокъ-другой-третій... ха, ха, ха... изловчились бы на баронскую, что называется!.. (*Прохаживается голлемъ, осматривая себя съ самодовольствіемъ въ зеркало*). Молодцы мы, дьяволъ побери!..

II.

МИШЕЛЬ и мальчикъ несутъ на богатомъ подносѣ закуску съ двумя, почти пустыми бутылками, и ставятъ на кругленькій столикъ.

МИШЕЛЬ. Это для кого?.. Развѣ пріѣхалъ?..

МАЛЬЧИКЪ. Какое, сударь, пріѣхалъ!.. это все наши, съ позволенія сказать, вояжеры, что день-деньской закатываютъ въ три шара на кругломъ... они и теперь въ бильярдной, приказали принести сюда фриштикъ.

МИШЕЛЬ. А, догадываюсь, объѣдалы: Боричка да Количка. Гмъ, гмъ... извѣстно: чужой пирогъ сытнѣе своего!.. Удивительно, право!.. вѣдь нашелъ же баринъ съ кѣмъ связаться!.. Какіе-то крохоборы... гуляки... трактирные засѣдалы!.. Ихъ дѣло поѣсть, понить, да еще выманить что нибудь!.. Но ужъ я же ихъ отдѣлаю безъ хозяина!.. Слушай, Евсюкъ!.. приготовь для нихъ завтракъ въ *отличномъ* вкусъ... понимаешь?..

МАЛЬЧИКЪ. Да вотъ, посмотрите... (*Показываетъ пустыя бутылки, побалтывая ими*). Пустехоньки!..

МИШЕЛЬ. Ха, ха, ха... молодецъ Евсюкъ!.. За такую ловкость надо выхлопотать тебѣ наградишку...

МАЛЬЧИКЪ. Покорвѣйше благодаримъ

III.

БОРЯ и **КОЛЯ**, входятъ въ шляпахъ; **МИШЕЛЬ**, взглянувъ на нихъ и принужденно поклонясь, удаляется, помахая метелкой. **БОРЯ** и **КОЛЯ** осматривая и обнюхивая завтракъ, морщатся; наконецъ садятся; **МАЛЬЧИКЪ** отходитъ къ дверямъ. Въ послѣдней половинѣ этого явленія, **БОРЯ** ставитъ куда-то свою шляпу, но **КОЛЯ** остается въ шляпѣ.

БОРЯ. Предчувствую, нашъ Володя теперь, вѣроятно... тамъ... знаешь?..

КОЛЯ. Ужъ разумѣется... Однакожъ, замѣчаешь Боря?.. (*Дляя кислую гримасу, показываетъ на какое-то блюдо*).

БОРЯ. Вижу, слышу и чувствую... и въ слѣдствіе сего не трону ничего.

КОЛЯ (*съльз кусокъ*). Да это, братецъ, на смѣхъ!.. Какая тамъ умница распоряжается... А вино-то?! это ужась!

БОРЯ. Ха, ха, ха!.. Не смѣши, братецъ!..

КОЛЯ. Я не вижу, что тутъ смѣшнаго...

БОРЯ. Ха, ха, ха, ха, ха.

КОЛЯ (*хлопая стаканомъ по столу*). Отъ этого можно взбѣситься!.. это какіе-то дрожжи... подболтка!.. а онъ радуется!..

БОРЯ. Ха, ха, ха, ха, ха...

КОЛЯ. Да ты ужъ не въ заговорѣ ли съ этими отравителями?..

БОРЯ (*покатывается со смѣху*). Ой, пе-ре... стань .. это, просто, ошибка...

КОЛЯ. Бррр...

БОРЯ (*къ мальчику*). Послушай, любезный, куда поѣхалъ твой баринъ?..

КОЛЯ (*ему же*). Послушай ты .. какъ тебя?..

МАЛЬЧИКЪ (*Коля*). Баринъ поѣхали прогуливаться... (*Борь*). Меня зовутъ Евсеємъ... Прикажете принять?.. (*Коля и Боря вскакиваютъ, первый въ шпиль, другой въ смѣхъ, и начинаютъ прохаживаться. Между тѣмъ мальчикъ убарааетъ со стола, смѣясь въ салфетку*).

БОРЯ. Прими, любезный, прими... поблагодари. Ой, ой, ой... (*Хохочетъ до слезъ*).

КОЛЯ. Это явное нахальство!.. Это разбой!.. посягательство на желудки!.. кража аппетита!.. Стой!.. Эй, ты... привеси.. какъ тебя?..

МАЛЬЧИКЪ (*къ Борь*). Что прикажете?

КОЛЯ. Поди сюда, мальчишка!..

БОРЯ (*Коля*). Какъ не стыдно, Коля!.. (*Мальчику*). Потрудись, любезный... (*Борь*). Чего тебѣ?

КОЛЯ. Сардинокъ!.. Шампанскаго!.. Трюфлей, пармезану!.. Шампанскаго!!.

МИШЕЛЬ (*подходя къ Коля и Борь, непринужденно съ улыбкой*). Вы спрашиваете шампанскаго, высокопочтенный милордъ?..

КОЛЯ (*Борь*). Это еще что за извѣстіе?.. какой я милордъ!..

БОРЯ. Брѣсь, братецъ, плюнь!..

КОЛЯ (*Мишелю*). Да, да, шампанскаго!.. и пр. и пр. съ господскаго стола... (*Всторону*). Бррр!..

МИШЕЛЬ (*Евсей*). Принеси шампанскаго самого высокаго, понимаешь? высокопочтенному милорду...

КОЛЯ. Я... я не милордъ, любезный!..

МИШЕЛЬ. Виновать... меня сбита съ толку ваша шляпа: въ Англии всѣ милорды кушаютъ въ шляпахъ... даже не скидаютъ ихъ и въ постели!..

КОЛЯ (*Всторону*). Онъ дерзокъ... пьянъ!..

МИШЕЛЬ. Извините, ваше сіятельство!..

КОЛЯ (*всторону*). Каковъ наглець?! (*Мишелю*). Я... Кто сказалъ тебѣ, что я сіятельство?.. я не сіятельство!..

МИШЕЛЬ. Еще разъ простите... ваше превосходительство!..

КОЛЯ (*всторону*). О, дьяволъ!.. (*къ Мишелю*) Говорятъ тебѣ, что я... такъ, просто.. ничего...

МИШЕЛЬ. А, это дѣло другое... теперь я знаю, сударь, васъ... А вотъ и шампанское... (*Всторону, уходя*). Погоди-жь ты... позабудешь тогда командовать въ чужомъ домѣ!..

КОЛЯ. Ну, вотъ, по крайней мѣрѣ, вино... по искрѣ видно!.. (*Отвѣдавъ*). Заговоръ всѣхъ чертей!! Шабли... Шабли... чухонское шабли!?. (*Боря смѣется, доливая бокалъ. Въ это время лакей быстро отворяетъ двери, крича Евсей: «баринъ.» Евсей оправляется*).

КОЛЯ. А!.. наконецъ!.. поблагодарю за угощеніе...

БОРЯ. О, какъ ты мелочень, Коля!..

КОЛЯ. Нѣтъ, нѣтъ... Коля не любитъ, чтобъ надъ нимъ издѣвалась всякая сволочь!.. Поблагодарю!..

IV.

ТѢЖЕ И ВЛАДИМИРЪ, за нимъ МИШЕЛЬ.

ВЛАДИМИРЪ. О, драгоценные Боря и Коля, Коля и Боря!! Дважды друзья и приятели! Вотъ люблю, что безъ церемоніи!..

КОЛЯ. Какое, братецъ, Володя, у меня щеперіемный каналъ, смолой залить!.. кушанье изъ моржовыхъ костей, изъ кошачьихъ хрящей!.. вино настоящее поило!.. съ сандаломъ, съ хрѣномъ, чертъ знаетъ съ чѣмъ!.. (*Владимиръ и Боря хохочутъ*).

ВЛАДИМИРЪ. Мишель, любезнѣйшій!.. ха, ха, ха... прикажи уютчивать этого Лукулла такъ, какъ нѣкогда ѣдалъ и пивалъ этотъ древній обжора!.. Главное вина побольше!.. Ха, ха, ха!..

КОЛЯ. Настоящаго вина, а не пивные осадки!..

МИШЕЛЬ. Приказано... подаютъ... (*Люди перемѣняютъ столы; ставятъ нѣсколько блюдъ; вино въ серебряныхъ вазахъ*).

ВЛАДИМИРЪ. И я хочу быть пьянъ сегодня, друзья мои!.. а вы (*къ людямъ и Мишелю*) можете убираться... поди, Мишель, и ты... (*Друзья начинаютъ ѣсть и пить*).

КОЛЯ. Ну, вотъ, вотъ, вотъ оно... олимпийское!.. и вздохнешь по-свободнѣе за такимъ некторамъ! Уфъ!.. ну, а ты, Володя?.. Зачѣмъ хочешь сегодня того... Что съ тобой?..

ВЛАДИМИРЪ. То... (*выпивая бакаль*) чего я на первый разъ не желаю тебѣ... то есть (*показывая на вино и кушанье*). Сдѣлай милость, оставь ты ѣсть и пить по слоновьему!.. говорю тебѣ, когданибудь лопнешь!..

КОЛЯ. Ха, ха, ха... ну, ужъ только добрякъ ты у насъ, Володя!.. ха, ха, ха!.. не скоро найдешь такого хлѣбосола!.. ха, ха, ха...

БОРЯ. Серьезно, Володя, что такое?...

ВЛАДИМИРЪ. Все серьезно: во-первыхъ... мой отецъ распушилъ меня на чемъ свѣтъ стоитъ...

КОЛЯ. Ого!..

БОРЯ. Видно заслужилъ...

ВЛАДИМИРЪ. Отчасти... Потомъ, разгнѣванный, уѣхалъ въ городъ, къ пріятелю...

БОРЯ. Это что значитъ?

ВЛАДИМИРЪ. А вотъ что... (*Вставая*) Папа затѣялъ въ умѣ своемъ на счетъ моей особы что-то сильное. Онъ добръ, правда, но и строгъ: я знаю его характеръ.

БОРЯ. Быть не можетъ, ты преувеличиваешь...

ВЛАДИМИРЪ. Теперь во-вторыхъ... Я сейчасъ отъ нее.

КОЛЯ и БОРЯ. Давно догадались.

ВЛАДИМИРЪ. Хотѣлъ украсть мою любовную корреспонденцію и не успѣлъ...

КОЛЯ. Скверно: люби, волочись, обманывай... а что до почтовой бумаги... такъ развѣ еще карандашемъ... слегка... **НВ.** Это же правило прилагается и къ вексельной бумагѣ...

ВЛАДИМИРЪ. Потомъ она разрюмилась... я чуть-чуть не проговорился... она въ догадки, въ распросы... какъ вдругъ бацъ!.. Родительское посланье!

БОРЯ. Что ты?..

ВЛАДИМИРЪ. Посланіе прочитала... я узналъ... она въ обморокъ... я пользуюсь этимъ... беру документъ противъ меня—и былъ таковъ..

КОЛЯ, БОРЯ. Прекрасно!.. Безподобно!..

ВЛАДИМИРЪ. Не советѣмъ: отъ поспѣшности я забываю на ея столѣ доказательство: мой хлыстъ, съ вензелемъ и литерами...

БОРЯ. Надо вернуть... можно потребовать...

ВЛАДИМИРЪ. Не думаю, потому что онъ навѣрное теперь въ рукахъ ея брата...

КОЛЯ и БОРЯ. Какого брата?..

ВЛАДИМИРЪ. А я почему знаю?.. братъ, да и только!.. Судя по ея описанію и по тому, что онъ художникъ, этотъ скороспѣлка братецъ долженъ быть изъ людей энергическихъ...

V.

ТѢЖЕ и ФИЛИППЪ, вошедшій при началѣ разговора о его сестрѣ.

ФИЛИППЪ. Совершенная правда!... Я постою за себя... (*Друзья вскакиваютъ. На минуту общее молчаніе*).

ФИЛИППЪ. Для художника эта минута неоцѣненна!.. Я всмотрѣлся въ ваши примѣчательныя фізіономіи, вслушался въ вашу откровенную, чистосердечную, истинно пріятельскую бесѣду, и завтра же пришлю вамъ по портрету... ха, ха, ха!..

ВЛАДИМИРЪ. А сегодня не угодно ли выдти отсюда тѣмъ же путемъ, какимъ пробрались сюда... такъ нагло...

ФИЛИППЪ. Не нагло, а по праву... по праву долга и чести!.. Я пришелъ за *документикою*, и возвращаю безстыдному обольстителю болѣе для меня ненужное *доказательство*... (*бросаетъ хлыстъ*).

ВЛАДИМИРЪ. Вы смѣете?!.

ФИЛИППЪ. Теперь, г. Золотницкій, не угодно ли вамъ всмотрѣться попристальвѣ въ мои черты... мы когда-то сживали на одной школьной скамьѣ...

ВЛАДИМИРЪ. Какъ?.. такъ это вы?..

ФИЛИППЪ. Тотъ самый Наумовъ, чья сестра такъ низко и подло обезчещена тобою!..

ВЛАДИМИРЪ. Вотъ письмо моего отца... возьмите, и прощайте...

ФИЛИППЪ. Ха, ха, ха... Да вы, я вижу, тоже артистъ въ своемъ родѣ!.. во-время вздумалъ прощаться!..

ВЛАДИМИРЪ. Что же вамъ надо?.. денегъ?.. Извольте!..

ФИЛИППЪ. Денегъ?!. (*Злобно смѣется*). Подумаешь, какъ находчива эта нравственная молодежь: она обезчеститъ васъ и потомъ преспокойно говоритъ: ну, что-жъ за важность?.. я богатъ, заплачу... и дѣло съ концемъ!.. (*Къ Золотницкому*). Не деньги, г. Золотницкій, а вотъ что... (*Показывая пистолеты*) должно по квитать насъ...

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Гмъ!.. вы хотите... пифъ-пафъ?..

ФИЛИППЪ. Совершенно такъ, и на-смерть!

ВЛАДИМІРЪ (*всторону*). Этотъ Геркулесъ не шутить, кажется?.. Ну, что-жь, чортъ побори, не отказываться же... (*Къ Филиппу*). Извольте, принимаю...

ФИЛИППЪ. Еще условіе...

ВЛАДИМІРЪ. Какое?..

ФИЛИППЪ. Прежде, чѣмъ драться, вы обязаны объяснить причину нашей драки вашему отцу.

ВЛАДИМІРЪ. Ха, ха, ха .. Да вы, почтеннѣйшій, преуморительны... Сообразите здраво: были ли примѣры, чтобъ отцы своими руками толкали дѣтей въ могилу...

ФИЛИППЪ. Въ такомъ случаѣ, оставьте письменное признаніе...

ВЛАДИМІРЪ. Это лишнее: отецъ мой знаетъ все...

ФИЛИППЪ. Знаетъ?.. (*Всторону*). Родной отецъ знаетъ о подломъ поступкѣ сына, и не казнить негодяя!.. По чести, такой родитель достоинъ своего дѣтища!..

ВЛАДИМІРЪ. Остановите вашъ неумѣстный порывъ!.. мой отецъ благороднѣйшій и честнѣйшій человекъ!.. Къ дѣлу, скорѣе къ дѣлу...

VI.

ТЪ ЖЕ и МИШЕЛЬ, поспѣшно входя.

МИШЕЛЬ (*къ Владиміру*). Васъ требуетъ къ себѣ батюшка... (*Уходитъ*).

ВЛАДИМІРЪ (*всторону и вполголоса*). Отецъ!.. О, какія чувства волнуютъ меня!.. ты любилъ меня, батюшка!.. ты былъ мнѣ истиннымъ другомъ!.. а я... чѣмъ я отплатилъ тебѣ?.. Да, въ эту, быть можетъ послѣднюю въ жизни моей минуту, я не смѣю, не хочу скрыть отъ себя моего внутренняго голоса... Позднее раскаяніе!.. Я долженъ умереть, и смерть моя покроетъ меня новымъ пятномъ!.. Не слезой, не родительской слезой окропится могила моя, а отверженіемъ твоимъ, мой добродѣтельный родитель!.. Но нѣтъ, ты не проклянешь меня, и я молю тебя, родитель мой, прости меня, прости!.. и пожалѣй о своемъ Владимірѣ!.. (*Коля и Боря подоидя къ Владиміру, знаками убѣждаютъ его на мировую, болѣе благородную, нежели деньги*).

ВЛАДИМІРЪ. Нѣтъ, друзья, я рѣшилъ съ собой... Прощайте, прощайте!.. вспоминайте, въ веселый часъ, о шалунѣ, который любилъ васъ... Прощайте!.. (*Прощаются*).

ФИЛИППЪ (*всторону*). Неужели въ этой испорченной натурѣ осталось еще чувство человѣческое?.. Не вѣрю: это маска, прикрывающая пороки даже и на пути къ смерти!.. не поддамся хитрости, не вовлекусь въ обманъ!.. Позоръ сестры!.. моя честь! О, я требую удовлетворенія!.. Готовы ли вы, г. Золотницкій?..

ВЛАДИМИРЪ. Вотъ, друзья мои: они будутъ нашими свидѣтелями... (*Боря запираетъ вѣсь двери, а Коля осматриваетъ pistols и отдаетъ по принадлежности. Филиппъ становится по правую сторону зрителей; Владимиръ около лѣвой двери.*)

ФИЛИППЪ. Совѣтую вамъ хорошенько цѣлиться: я промаха не даю.

ВЛАДИМИРЪ. Напрасное предостереженіе... (*Стрѣляетъ*).

ФИЛИППЪ. Видите: совѣтъ мой былъ не бесполезенъ!..

ВЛАДИМИРЪ. Оставьте, пожалуйста, пустое болтанье... Друзья! въ двери кто-то ломится...

ФИЛИППЪ. Жаль, что мѣшаютъ... а не мѣшало бы васъ напутствовать на дальнюю дорогу...

ВЛАДИМИРЪ. Стрѣляйте!..

VII.

Лѣвыми дверями выломаны. **НАТАША**, запыхавшись и въ волненіи бросается на грудь **ЗОЛОТНИЦКОМУ**, обхвативъ его такъ, что лѣвая ея рука приплась на правомъ его плечѣ. Выстрѣлъ послѣдовалъ въ ту же секунду, и **НАТАША**, вскрикнувъ отчаянно, падаетъ, поддерживаемая **ВЛАДИМИРОМЪ**. Ее кладутъ на диванъ.

ВЛАДИМИРЪ. Я живъ. Наумовъ, ты убилъ свою сестру!..

ФИЛИППЪ (*бросая pistol*). Великій Боже!.. (*Филиппъ оцѣпелѣлъ*).

ВЛАДИМИРЪ. Наташа!.. Наташа!.. О какая судьба!..

VIII.

Двери справа и съ боку выламываются. Въ первый входитъ старикъ **НАУМОВЪ**, въ боковыя старикъ **ЗОЛОТНИЦКІЙ**. Слуги и служанки. Общее смятеніе.

ЗОЛОТНИЦКІЙ-ОТЕЦЪ. Это ужасъ!.. убійство... въ моемъ домѣ!.. (*Обращаясь къ сыну*). Кто эта дѣвушка?.. этотъ господинъ?..

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Спасемте ее прежде, батюшка... Послѣ я все объясню вамъ...

СТАРИКЪ-ЗОЛОТНИЦКІЙ (*увидѣвъ старика Наумова*). А, догадываюсь!.. но... унесемъ эту бѣдняжку... (*Наташу уносятъ оба Золотницкіе и слуги въ боковую дверь*).

КОЛЯ. Боря!.. (*Дѣлаетъ знакъ уйти*).

БОРЯ. Согласенъ: наше дѣло сторона.

КОЛЯ. А досадно, канальство: только помѣшали пищеваженію. (*Старикъ Наумовъ медленно подходитъ къ сыну, хлопая его по плечу и указывая съ оныпльнѣемъ на боковую дверь*).

ФИЛИППЪ. Отець... мой старый, слѣпой отецъ!.. и онъ здѣсь?.. О, несчастный я, несчастный!..

НАУМОВЪ (*отходя отъ него*) Да, ты... несчастный!.. ты убилъ... мою дочь!..

ФИЛИППЪ. Его дочь?! О!.. Слушайте же вы, отецъ!.. слушайте хорошенько... не пророните ни слова: деньги, которые вы получили отъ Золотницкаго... этими деньгами развратный старикъ заплатилъ вамъ... за безчестіе вашей дочери!..

НАУМОВЪ (*съ ужасомъ*). Филиппъ!

ФИЛИППЪ. Онъ, этотъ благодѣтель вашъ, зналъ о преступной связи своего сына съ вашей дочерью!..

НАУМОВЪ. Сумасшедшій, ты клеветишь!..

ФИЛИППЪ. О, какъ бы я хотѣлъ, чтобъ эта истина была клеветою!.. Какъ бы благодарилъ Бога, еслибъ Онъ отнялъ у меня разсудокъ!.. Батюшка, батюшка!.. Золото, которымъ бросилъ въ васъ сегодня этотъ чловѣкъ, просто плата поруганіе вашей дочери!.. Эту же плату, такое же зодото... предлагалъ мнѣ сейчасъ его сынъ!..

НАУМОВЪ. Боже праведный! до чего я дожилъ!.. До чего довели меня мои родныя дѣти!.. Дочь безчестить мои сѣдны... сынъ дѣлается убійцей!.. Но неужели я въ самомъ дѣлѣ такъ несчастливъ?.. Неужели этотъ генераль, этотъ благородный чловѣкъ, обманывалъ меня?.. Такъ явно въ глаза обманывалъ!.. Да вѣдь это ужасное безстыдство!.. А, генераль, генераль!.. за что же наругались вы надъ слѣпымъ старикомъ!.. Такъ нѣтъ же, этому не бывать! Я не оставлю обиды!.. я потребую своихъ правъ! и пусть насъ разсудитъ Богъ!.. (*Идетъ въ боковыя двери*). Наташа! дочь моя!.. гдѣ ты?.. (*Уходитъ*).

ФИЛИППЪ. Боже праведный!.. Ты видишь мое сердце, Ты знаешь мои мысли: затѣмъ ли я поспѣшилъ въ объятія родныхъ моихъ?.. О!.. отними же у меня разсудокъ!..

ЭПИЛОГЪ.

Комната Золотницкаго изъ перваго дѣйствія.

I.

ЗОЛОТНИЦКІЙ-ОТЕЦЪ и **ФИЛИПЪ** входятъ на сцену изъ среднихъ дверей.

ФИЛИПЪ. Нѣтъ, генераль, я не перестану извиняться; я не знаю, какъ и чѣмъ загладить предъ вами мою опрометчивость; какъ оправдаться въ ложномъ объ васъ заключеніи...

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Эхъ, перестаньте... Ну, вѣдь мы объяснились; я оказался правымъ; стало быть, дѣло и кончено, и мы сдадимъ его въ архивъ... А вотъ, напримѣръ, ваше... Но сядемъ, послѣ этой передраги не мѣшаетъ отдохнуть... ваше, напримѣръ, дѣльцо...

ФИЛИПЪ. Чистосердечно сознаюсь—я преступникъ... Но на моемъ мѣстѣ...

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Пойдите, пойдите... Вы дѣйствительно виноваты, извините за откровенность... Ваша сестра, не сердитесь, пожалуйста, тоже... того... немножко...

ФИЛИПЪ. Она больше несчастна, чѣмъ виновна. Но, генераль, покажите мнѣ сестру, я хочу ее видѣть, хочу увѣриться...

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Экое вѣдь нетерпѣніе... да дайте же мнѣ порядкомъ слово—то сказать... уважьте хоть чинъ—то мой, если не старость... И такъ, наша милая, неподобная Наташенька, видите, я фамиллярничаю, тоже немножко того... но главный коноводчикъ, главный атаманъ разбойникъ — это мой разбитной наследникъ... Я съ нимъ раздѣляюсь добрымъ манеромъ, по военному... А васъ, ужъ извините, теперь же погоняю... Вонъ тамъ, въ той комнаткѣ... одинъ слѣпой старикашка... лежитъ, охаетъ, да заливается слезами... О чемъ же это онъ, бѣднякъ, раздумился?.. Нуте-ка разсудите объ этомъ по житейскому, а не по художническому?..

ФИЛИПЪ. Генераль... пощадите...

ЗОЛОТНИЦКІЙ. А вѣдь ему, сердечному, не плакать бы, а радоваться надо: сынъ его образованъ, нашель себѣ прекрасную, благородную, обеспеченную для жизни дорогу; дарованіемъ своимъ можетъ помогать отцу на старости и прочее. Ну, вотъ теперь и поразмыслите по совѣсти: въ правѣ ли вы были огорчать вашего старика?.. А вы огорчили его вашимъ поступкомъ. Вашъ поступокъ никуда не годится, изъ рукъ вонъ не хорошъ: онъ и по закону, и по совѣсти, и по чести не можетъ быть оправданъ...

ФИЛИППЪ. Ахъ, генераль, какъ вы мучаете меня. Заклинаю васъ... дайте мнѣ поскорѣе взглянуть, можетъ быть, въ послѣдній, разъ взглянуть на моего добраго отца... на мою несчастную сестру... Ахъ, генераль, еслибъ вы знали это сердце!.. Оно бьется не для меня одного... только двое родныхъ у меня—отецъ и сестра!.. Умоляю васъ, дайте мнѣ взглянуть на нихъ...

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Тыфу ты, неотвязчивость какая! Сейчасъ увидите всѣхъ. Сестра жива и невредима: вся бѣда ограничилась незамѣтной царапиной, краткимъ обморокомъ да маленькимъ страхомъ.

ФИЛИППЪ (*вставал*). И все это правда, генераль?

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Если вы не вѣрите, спросите у вашего отца, да вотъ кстати и онъ.

II.

ТЪ ЖЕ и старикъ **НАУМОВЪ**, одинъ идетъ изъ боковыхъ дверей.

ФИЛИППЪ. Батюшка, простите меня, и покажите скорѣе сестру.

НАУМОВЪ. Ты огорчилъ меня, Филиппъ, очень огорчилъ. Генераль человекъ благородный... Генераль, дайте еще разъ обнять себя. Вашъ сынъ... обезоружилъ меня. Все прошлое, чтобъ тамъ ни было, я забываю совершенно... Охъ, дѣти, дѣти... тяжело съ ними подъ часъ!.. Теперь, благодареніе Богу, я чувствую, наступать и для меня ясные дни. Ахъ, генераль, порадауйтесь вмѣстѣ со мною...

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Отъ всей души, любезный Наумовъ, а между тѣмъ успокой ты, пожалуйста, моего-то сорванца.

НАУМОВЪ. Ахъ, Филипушка, Филипушка, ужъ какже ты давеча напугалъ меня. Ну, Богъ тебя простить.

ФИЛИППЪ. Батюшка, а сестра?..

НАУМОВЪ. А вотъ она, смотри и любуйся.

III.

ТЪ ЖЕ и **НАТАША** съ **ВЛАДИМИРОМЪ**, сзади ихъ **СТЕПАНИДА ПЕТРОВНА**.

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Поживѣе, поживѣе, моя умница; братецъ-то твой ужасно нетерпѣливъ.

ФИЛИППЪ. Она жива!.. Благодарю тебя Боже!.. Сестра!..

НАТАША. Успокойся и помирись, Филиппъ; это мой женихъ... у насъ у всѣхъ общій миръ, и потому...

ВЛАДИМИРЪ. Я первый подаю руку...

ФИЛИППЪ. Я принимаю.

ВЛАДИМИРЪ. Вы хотѣли убить меня и убили бы, и, сознаюсь, по

дѣломъ; но вотъ моя спасительница!.. Я говорю не о жизни, нѣтъ, она возвратила меня къ моему долгу, къ моей обязанности; она пробудила во мнѣ стыдъ, совѣсть, словомъ все, что составляетъ достоинство человѣка.

НАТАША (*улыбаясь сквозь слезы*). Полно, полно Алеша!.. (*Спохватясь*). Ахъ!.. Володя!.. это былъ простой театральнѣй эффектъ... (*Утираетъ глаза*).

ВЛАДИМИРЪ. О, я хорошо знаю театральные эффекты!.. Ты не смогла бы тогда платка своею кровью и слезами... Да, ея поступокъ очистилъ мою душу: она жертвовала собою для меня; она умирала за меня... а почему?..

НАТАША. Потому что любила тебя...

ВЛАДИМИРЪ. Не зная даже, кто я, или, лучше, зная и вѣря, что я бѣдный, безрядный музыкантъ... Еще разъ прости меня, Наташа!..

НАТАША (*зажимая ему ротъ*). Тсъ...

ВЛАДИМИРЪ. А вы, прекрасный защитникъ, вѣрите ли вы словамъ моимъ, вѣрите ли моей любви?..

ФИЛИППЪ. Вѣрю, потому что ложь не можетъ говорить такъ правдиво и сознательно.

ЗОЛОТНИЦКІЙ. Ну, кажется, все кончено?..

НАУМОВЪ. Нѣтъ, генераль, не все... (*Подойдя къ сыну*). А просилъ ли ты, Филиппъ, у его превосходительства прошенія?

ФИЛИППЪ. Я вѣчный должникъ генерала, а также и вашъ, батюшка!..

НАУМОВЪ. Вотъ то-то же, художникъ ты этакой!.. Ну, а вы что скажете, добрѣйшая моя сватьяшка, Степанида Петровна?..

ВЛАДИМИРЪ. Я за нее скажу, почтенный Кузьма Наумычъ, и вотъ что: не пройдетъ пяти минутъ, и ваша сватьяшка, а моя тетюшка, снова примется... (*Съ полусмѣхомъ*) за свой нескончаемый пасьянсъ...

ОГЛАВЛЕНІЕ XVIII ТОМА.

I.

ДВѢ РУКОПИСИ. Повѣсть *А. И. Бибиковой*. Часть вторая и послѣдняя. (Кн. 11).

СЕСИЛИЯ И АГАТА. Романъ *Альфонса Кара*. Часть третья и послѣдняя. (Кн. 11).

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ. Повѣсть *С. С.* (Кн. 12).

II.

ИСТОРИЧЕСКІЯ И КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ НА ГЛАВНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ШЕКСПИРА. Соч. *Гизо*. Статья третья. (Кн. 11).

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННИКОВЪ. ФЕЛИСІЕНЪ ДАВИДЪ. (Кн. 12).

III.

ОБА ОКЕАНА. Путешествіе Жака Араго. Автора «*Воспоминаній Сльпаго*». Часть третья и четвертая. (Кн. 11 и 12).

АЛХИМІЯ И ИСКАТЕЛИ ФИЛОСОФСКАГО КАМНЯ. (Кн. 11).

НАСЛѢДСТВО МОЕЙ ТЕТУШКИ. *В. И. Савинова*. (Кн. 11).

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА. *Апполитарія Бонавентуры*. (Кн. 11 и 12).

ВЕЧЕРА ВЪ КАЮТЬ-КОМПАНИИ. *В. Мельницкаго*. (Кн. 12).

ЛОНДОНСКІЯ ПИСЬМА. *В. С.* (Кн. 11).

IV.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Апологи и басни XIV столѣтія, сочиненіе графа Луканора. (Кн. 11). Уго Фосколо, его жизнь и сочиненія. (Кн. 12).

ИСКУССТВА, ТЕАТРЫ, МУЗЫКА: Мысли Делакруа объ изящномъ. (Кн. 11).

Шиллеръ на французской сценѣ. (Кн. 12). **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И**

ПРОМЫШЛЕННОСТИ: Литовскій языкъ и его отношенія къ славянскому (*исслѣдованія нѣмецкаго филолога Бергмана*).—Усиленіе звука во время ночи.—Землетрясеніе въ Санъ-Сальвадорѣ. (Кн. 11). Метеорогія въ 1854 году и ея будущіе успѣхи.—Лунныя фотографіи. (Кн. 12).

МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ: Древнѣйшій китайскій фарфоръ.—Баши-бузуки.—Драгоценная королевская мантия.—Библиографическій кладъ у Брокенскихъ горъ.—Новый городъ Олеона.

—Евреи въ Калифорніи.—Каменоломня въ Берлинѣ.—Новѣйшія изысканія о дѣвѣ Орлеанской.—Странный закладъ.—Послѣднія извѣстія изъ Калифорніи.—Англичане покровители торго неграми.—Что значить ѣздить въ каретѣ въ Перу.—Синій сюртукъ Россіи.—Письма изъ Японіи.—Первый астрономическій календарь.—Трольгетекій водопадъ.—Мусульмане въ Западной Азіи.—Театръ прошедшихъ временъ.—Одинъ изъ англійскихъ законовъ.—Кроннингенскіе земледѣльцы.—Волоса, приносимые въ жертву.—Египетъ и Нубія (*изъ записокъ французскаго путешественника*) статья первая, вторая и послѣдняя. (Кн. 11 и 12). Рѣшеніе вопроса объ участи сера Джона Франклина. (Кн. 12).

V.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

ЖУРНАЛИСТИКА: Пять книгъ Москвитянина.—Критика его и г. Григорьевъ.—Антикритика г. Каткова.—Повѣсти.—Панъ Москаленко.—Мелочи изъ запаса памяти г. Дмитріева.—Наѣзники.—Записки студента.—Стихотворенія.—Переводныя и ученныя статьи.—Ноябрская книга Библиотеки для Чтенія.—Хорошія статьи.—Статья о выставкѣ Академіи Художествъ.—Искусство и критика.—Журналистика.—Критическая статья г. Сенковского.—Замѣчательныя статьи въ Отечественныхъ Запискахъ.—Критика опыта бібліографіи Гоголя.—Статуя весны и ребенокъ à la Дикенсъ.—Перелетныя птицы.—Вліяніе Холоднаго дома на русскую литературу.—Истина и идеализація.—Послѣднія книги Современника.—Стихотворенія Некрасова и Полонскаго.—Каламбуры г. Фета.—Хлыщя.—Переводныя и критическія статьи.—Новый поэтъ и литературный Ералашъ.—Еще письмо господина Логинова.—Обстоятельства, по которымъ можно выдать напечатанное стихотвореніе живаго писателя за ненапечатанное умершаго. (Кн. 11).

БИБЛИОГРАФІЯ: «Первая любовь». Повѣсть, сочиненіе А. К...ва». «Историко-статистическое обзорніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа съ 1829 по 1853 годъ составленное по порученію попечителя С. П. Б. учебнаго округа, тайнаго совѣтника М. П. Мусина-Пушкина, А. Вороновымъ». — «Путевыя записки русскаго художника» И. Захарова. «Любовь поэта». Драматическая фантазія, въ трехъ актахъ, съ прологомъ. А. Оводова. (Кн. 12).

II. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Неожиданный зимній флавёръ на петербургскихъ улицахъ и печальныя послѣдствія его ночныхъ походовъ.—Примѣры укрощенія дикихъ звѣрей и приученіе ихъ къ домашнему быту у древнихъ народовъ.—Отправленіе изъ Петербурга въ Крымъ сестеръ попеченія о раненыхъ и ихъ обязанности.—Второе отправленіе въ Крымъ сердобольныхъ вдовъ петербургскаго и москочекаго вдовьихъ домовъ.—**МУЗЫКА:** Русская опера за границей.—Г. Рубинштейнъ въ Веймарѣ —Новыя изобрѣтенія въ музыкальномъ мірѣ.—Новозобрѣтенный механизмъ фортепьянъ.—**ЛИТЕРАТУРА:** Новое изданіе сочиненій А. С. Пушкина и А. С. Норова.—Открытіе мѣста родины Чингисъ-Хана.—Пятидесятилѣтній юбилей литературнаго поприща Н. И. Греча.—Зимнія петербургскія развлечения въ ноябрѣ мѣсяцѣ. — **ТЕАТРЫ:** Дебютъ г. Шемаева въ комедіи «Горе отъ ума» и въ комедіи «Въ людяхъ ангелъ не жена».—Г. Степановъ въ роли Нино, въ драмѣ «Уголино».—Бенефисы на Александринской сценѣ; г-жи Линской: новая оригинальная драма «Взятіе Казани» г. Л-а; бенефисъ г. Каратыгина—драма «Долгъ, честь и совѣсть» г. Дементьева; г-жи Орловой—комедія «Окопировался» И. П. Лажечникова.—Дебюты на французской сценѣ Фелиціи Тетаръ и г. Леменля-сына.—Новая соперница цвѣтка *victoria regia*, въ Гентѣ.—Бобровая промышленность въ русскихъ губерніяхъ.—Художественныя новости: литографическое изданіе произведеній покойнаго академика Федотова.—Замѣчательныя гипсовые слѣпки.—Нѣчто о путешествіи русскихъ художниковъ за границей.—Англійскіе плѣнные въ Россіи.—Краткая исторія головной прически и париковъ.—Моды въ Петербургѣ. (Кн. 11).

Рождественскія елки.—Дѣтскія книги.—Бенефисъ г. Самойлова.—Вторая часть «Житейской школы» г. Григорьева. — Испанскія танцовщицы на нашей сценѣ. — Начало маскераловъ въ Большомъ театрѣ и Дворянскомъ собраніи. — Духовный концертъ въ цѣвческой придворной капеллѣ. — Концерты въ Пассажѣ. — Балы и маскарады нѣмецкаго клуба. — Благородные концерты съ лотереей-алегри. — Лотерея Общества Поощренія художниковъ. — Сестра милосердія въ Севастополѣ.—Новые виды Севастополя и Крымскіе виды.—Литографическій рисунокъ нашего народнаго гимна.—Англійское знамя въ Петербургѣ.—Новый выпускъ русскихъ классиковъ Смирдина.—Особенныя труды нашихъ профессоровъ и академиковъ въ нынѣшнемъ году.—Дары Академіи отъ Императорской фамиліи.—Открытіе желѣзной руды въ Бѣлороссіи.—Усовершенствованіе русскихъ телѣгъ.—Новое развлечение, потишоманія.—Пикники и ледяныя горы.—Диковинная дѣвушка, по-

явившаяся въ Петербургѣ.—Прощальный обѣдъ адмирала П. И. Рикорда съ флотомъ.—Ростовскій кунецъ В. Рахмановъ.—Замѣчательное письмо адмирала.—Встрѣча Рикорда съ Нептуномъ.—Обозрѣніе движенія модъ въ 1854 г. (Кн. 12).

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Москва въ день перваго сентября нынѣшняго года.—Совершенное прекращеніе холеры въ Москвѣ.—Празднество въ первой Московской гимназій и краткая ея исторія.—Близкій юбилей московскаго университета.—Новое красивое зданіе въ Москвѣ.—Наши зимнія развлеченія.—Балы и маскарады нѣмецкаго клуба и купеческаго собранія.—Спектакли въ нѣмецкомъ клубѣ и нѣчто объ оригинальности московскихъ объявленій.—Зимній хрустальный дворецъ въ бывшемъ Корсаковомъ саду.—Театральныя новости.—Посѣщеніе Москвы г-жею Орловой и пріемъ ея московскою публикой.—Бенефисъ г-жи Львово-Синецкой.—Бенефисъ г. Садовскаго.—Г. Васильева.—Г. Соловьева.—Г. Живокини.—Г-жи Санковской.—Бенефисъ г. Самарина.—Г-жа Берсенева въ роли Офелии.—Театральныя слухи.—Нѣчто о домашнихъ московскихъ театрахъ, прежнихъ и настоящихъ.—Открытіе вновь Цирка.—Новости Кузнецкаго моста и Петровки.—Литературныя и художественныя новости.—Новые матеріялы для древнѣйшей исторіи Славянъ.—Продолженіе изданія г. Мартынова.—Національныя пѣсни различныхъ народовъ г. Берга.—Новые патріотическіе стихи г. Шевырева.—Духовныя пѣснопѣнія.—Изображеніе Бородинскаго сраженія и переправа черезъ Березину.—Портретъ Щеголева.—Патріотическія стихотворенія въ лицахъ.—Новое лечебное заведеніе въ Москвѣ.—Машинное печеніе хлѣба по петербургскому образцу.—Большая панорама Каспара.

VI.

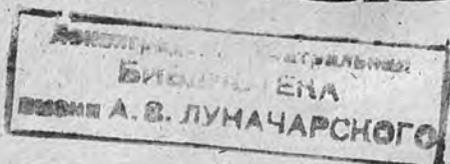
РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ВЕСНОЮ. Фантазія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. Передѣланная съ французскаго *Н. Куликовымъ*. (Кн. 11).

СМѢСЬ ЯЗЫКОВЪ ФРАНЦУЗСКАГО СЪ ЧУХОНСКИМЪ. Шутка, въ одномъ дѣйствіи. Подражаніе французскому. (Кн. 11).

ЛЮБОВЬ, ДОЛГЪ И СОВѢСТЬ. Драма, въ трехъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ и эпилогомъ Соч. *Я. И. Деметьева*. (Кн. 12).

9913

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ

И. ПЕЦА, нынѣ Ф. СТЕЛЛОВСКАГО.

въ Большой-Монской, въ домъ Лауферта.

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО.

- HENSELT.** Я все еще его люблю! romance favorite A. Dargomijsky, chantée par Madame Viardot-Garcia, transcrite. (1 p.)
- KALKBRENNER.** Adagio et rondo. Op. 61. (1 p. 50 к.)
- LISZT.** Reminiscence de Lucia. (1 p.)
- MENDELSSOHN.** Six romances sans paroles. (1 p. 15 к.)
- THALBERG.** Mi manca la voce de l'opéra: Zora, de Rossini, transcrite. (60 к.)
- SCHULHOFF.** Nocturne. Op. 40. (75 к.) La Prière. (60 к.)

РОМАНСЫ ДЛЯ ПѢНІЯ СЪ ФОРТЕПЬЯНО.

- БОЖАНОВСКІЙ.** Люди добрые, скажите. (60 к.)
- ВЕБЕРЪ.** Застольная пѣсня изъ оперы: Волшебный стрѣлокъ. Что и жизнь намъ безъ вина. (4) к.) Каватина изъ оперы: Волшебный стрѣлокъ. (40 к.)
- ГЕЙТЕНЪ.** Я любилъ васъ сердцемъ. (40 к.)
- ГЛЕНКА М. И.** Венеціанская ночь. (1 p.) Что красотка молодая. (75 к.) Я люблю, ты мнѣ твердила. (75 к.) Не пой, красавица, при мнѣ. (50 к.) Горько, горько мнѣ. (85 к.) Одишь лишь мигъ. (85 к.) О, красный міръ. (85 к.)
- ДАРГОМИЖСКІЙ.** Поцѣлуй. (50 к.) Богъ помочь вамъ. (50 к.) Лихорадка. (40 к.) Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость. (75 к.) Мельникъ. (4 к.)
- ДЕРФЕЛЬДЪ.** Не говори что я любимъ. (60 к.) Желаніе непробуднаго сна. (60 к.)
- ДМИТРИЕВЪ.** Прекрасный день. (50 к.)
- ДЮРЪ.** Пѣсня Вероники изъ трагедіи: Уголино: О милый другъ, изъ-за могилы. (50 к.)
- КАСТРИОТО.** Я не могу ее забыть. (40 к.)
- ЛЬВОВЪ.** Давно ли слѣдомъ за тобой. (50 к.)
- СТРУЙСКІЙ.** Красная дѣвица, что ты призадумалась. (60 к.) Всѣ дни счастья твоего. (60 к.) Вишенька спѣлая мавить прохожихъ красой (70 к.) Пѣсня надъ могилой. (40 к.)
- ТОЛСТОЙ.** Въ минуту жизни трудную. (60 к.)
- ШИЛОВСКАЯ.** Зачѣмъ твержу я стихъ унылый. (60 к.)
- ШУБЕРТЪ.** Лѣсной царь, слова Жуковского. (85 к.)

ЭТЮДЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО.

- BERTINI.** Douze petits morceaux précédés chacune d'un prélude, composés pour les Elèves. liv. 1. 2. Chaque. (60 к.) 25 Etudes faciles, composées principalement pour les jeunes élèves dont les mains ne

- peuvent encore embrasser l'étendue de l'octave. Op. 100 liv. 1. 2 Chaque (85 к.) 48. Etudes, composées exclusivement pour ceux qui veulent se préparer pour les célèbres Etudes de I. B. Cramer. Op. 29 et 32 livre 1. 2. Chaque. (1 p. 50 к.)
- CHOPIN.** Etudes favorites. Op. 25. № 2. (50 к.)
- CRAMER.** 84 Etudes ou Exercices, doigtés dans les differants tous calculés pour faciliter les progrès de ceux qui se proposent d'Etudier cet instrument à fond. Nouvelle édition livre 1. 2. 3. 4. Chaque (1 p. 50 к.)
- CZERNY.** L'Etude de la vélocité (Schule der Geläufigkeit) ou 30 Exercices calculés à développer l'agilité des doigt. Op. 229. (3 p.)
- GAMMES.** Dans tous les tons majeur et mineurs, avec le doigtés et les accords. (50 к.)
- GORIA.** Etudes de Concert. Op. 7. (60 к.)
- HENSELT.** Exercices préparatoires. Nouvelle édition, revue et corrigée. (1 p. 50 к.)
- HERZ.** Collection de Gammes, Exercices, Passages, Préludes et petits morceaux d'une difficulté progressive pour le piano. liv. 1. 2. 3. Chaque. (85 к.)
- HUENTEN.** 18 Etudes progressives. Op. 80. (1 p. 40 к.) Douze Etudes mélodiques. Op. 81. (2 p.)
- MAYER.** Ch. Six exercices célèbres. Op. 31. (1 p. 70 к.)
- MOSCHELES.** 24 Etudes célèbres pour le piano. Studien zur höhern Vollendung bereits gebildeter Klavierspieler, bestehend aus: 24 Characteristischen Tonstücken in den verschiedenen Dur und Molltonarten mit beigefügten Fingersätze und erklärenden Bemerkungen über den Zweck und Vortrag derselben. (Знаменитые двадцать четыре характеристическіе этюды во всѣхъ тонахъ, составленные для изучающихъ основательно фортепьяно и служащіе для развитія вкуса; съ объясненіемъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, какъ именно должны исполняться этюды). Опера 70. (Nouvelle édition. (4 p.)

Въ ономъ же магазинѣ получены новости изъ за границы въ огромномъ выборѣ, какъ для нѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и свѣжія итальянскія струны отличнаго качества для всѣхъ инструментовъ, которыя и продаются по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.

Въ томъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и гдѣ бы они ни были изданы или объявлены, на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе нотъ не менѣе какъ на три рубля серебромъ, получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе не менѣе какъ на десять руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку. Выписывающіе же болѣе чѣмъ на двадцать руб. сер., получаютъ гораздо больше уступки. Магазинъ И. Пеца точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій приобрѣлъ дестное расположеніе и довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью и всегда съ первою отходящею почтою. Каталоги, какъ для нѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и прейсъ-куранты рассылаются при посылахъ безденежно.

Печатать дозволяется С. Петербургъ 29 Декабря 1854 г.

Цензоръ Ю. Шидловскій.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

ПАНТЕОНЪ

ВЪ 1855 ГОДУ

будеть выходить ежемѣсячно, 1-го числа. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, въ 25 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 нумерами «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гра-виоры, ноты, *фотолитографическіе портреты* русскихъ знамени-тыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшая музыка* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, ро-мансовъ, народныхъ пѣсень, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

15 р., съ пересылкою или доставкою на домъ: 16 р. 50 к. с.

ПОДПИСКА НА 1855 ГОДЪ ПРИНИМАЕТСЯ

исключительно

Въ С. Петербургѣ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ П. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ до-ставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливо-*му его требованію. *За подписку же, принятую гдѣ бы то ни было въ другихъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Всѣ лица, которые бы пожелали подписаться на Пантеонъ 1855 года, непременно получаютъ **ВСѢ КНИЖКИ**, начиная съ первой, со **ВСѢМИ СЛѢДУЮЩИМИ КЪ НИМЪ ПРИЛОЖЕНИЯМИ.**

Цѣна за полное изданіе Пантеона за 1852, 1853 и 1854 годы— съ пересылкою 20 р. сер. за каждый годъ. Для новыхъ под-писчиковъ, желающихъ укомплектовать все изданіе, цѣна за каждый годъ остается также, т. е. 16 р. 50 коп.

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю **ВЕДОРУ АЛЕКСѢ-ВИЧУ КОНИ**, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургъ, у Черны-шевой, дома, въ домѣ Лыткина.»

БИБЛИОТЕКА

ДУМАНАРСКАГО

9858

8020.